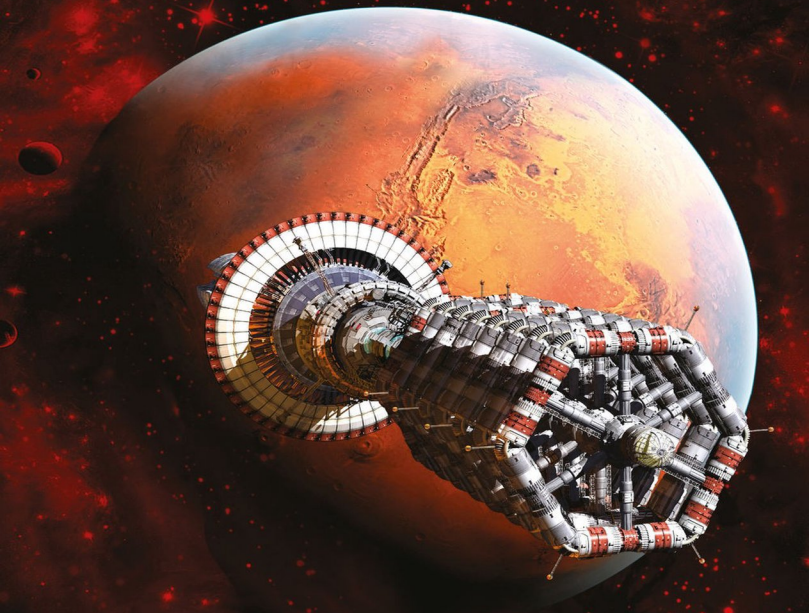
КРАСНЫЙ МАРС

Ким Стэнли Робинсон



Потрясающая книга!
Лучший роман о колонизации Марса
из когда-либо написанных.
Артур Кларк

fanzon

www.oz.by

Красный Марс
Ким Стэнли Робинсон

Аннотация
Ким Стэнли Робинсон. Красный Марс
Часть первая. Праздничная ночь
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
Часть вторая. Путешествие
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
Часть третья. Испытание
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
Часть четвертая. Тоска по дому
≃ ⁼ ≃
≃ ⁼ ≃
Часть пятая. Попасть в историю

≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
Часть шестая. Пушки под столом
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
Часть седьмая. Сензени-На
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
Часть восьмая. Шиката Га Най
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
≃ ≃ * ≃
Благодарности

Отзывы о книге

Аннотация

Марс был пуст, пока на нем не появились мы.

В 2026 году первые колонисты с Земли отправляются на Красную планету. Их миссия — создание благоприятных условий для жизни на Марсе, на поверхности которого первопроходцев уже дожидаются разнообразные устройства и механизмы, заброшенные сюда грузовыми кораблями. Будущие марсиане планируют растопить полярные шапки, поднять температуру атмосферы и заселить поверхность планеты бактериями… Но среди колонистов есть те, кто не согласен изменять первозданный облик Красной планеты, те, кто желает объявить Марс независимым от Земли государством, и они готовы сражаться за свои убеждения до последнего!

Ким Стэнли Робинсон
Красный Марс

Лизе

Часть первая
Праздничная ночь

≈ * ≈

Марс был пуст, пока на нем не появились мы. Но не то чтобы там никогда ничего не происходило. Планета нарастала, плавилась, бурлила и остывала, отчего ее поверхность испещрили огромные геологические образования — кратеры, каньоны, вулканы. Только все это происходило в ископаемой бессознательности и никем не наблюдалось. Тому не было свидетелей — не считая нас, наблюдающих с соседней планеты, и то лишь в последнее мгновение ее долгой истории Мы — единственный сознательный взгляд, который когда-либо обращался к Марсу.

Теперь история Марса в человеческом понимании известна каждому: как во все доисторические поколения он был одним из главенствующих светил благодаря своей красноте и переменчивой яркости, как иногда останавливался в своем странствии среди звезд и менял направление движения на противоположное.

Казалось, он пытался что-то этим сказать. Вероятно, поэтому все древнейшие названия Марса звучат так причудливо — Ниргал, Мангала, Окакух, Хармахис, — так, будто они еще старше тех архаичных языков, в которых мы их находим, будто это ископаемые слова из ледникового периода или предыдущих эпох. Да, Марс тысячи лет был священной силой для деяний людских, его цвет сделал эту силу опасной, олицетворяющей кровь, ярость, войну и мужественность.

Затем первые телескопы позволили нам взглянуть поближе, и мы увидели маленький оранжевый диск с белыми полюсами и темными пятнами, которые расширялись и уменьшались с течением долгих периодов. Ни одно из последующих усовершенствований этих телескопов не дало нам большего, но на лучших изображениях, сделанных с Земли, оказалось достаточно клякс, чтобы вдохновить Лоуэлла на известную всем нам историю об увядающем мире и героическом народе, в отчаянии сооружающем каналы, пытаясь сдержать последнее наступле-

ние пустыни.

Это была замечательная история. Но затем «Маринер» и «Викинг» прислали свои фотографии, и все изменилось Наши знания о Марсе на порядок возросли, мы узнали об этой планете буквально в миллионы раз больше, чем знали до этого. И тогда перед нами развернулся новый мир, — мир, о котором мы не подозревали.

И все же этот мир был безжизненным. Люди искали признаки того, что на Марсе была или есть жизнь, — хоть что-то от микробов до обреченных каналостроителей и даже инопланетных пришельцев. Как вы знаете, таких свидетельств до сих пор не обнаружено. Тогда, чтобы заполнить пробел, стали прямо-таки расцветать истории — равно как во времена Лоуэлла или Гомера, как в пещерах или в саваннах — истории о микроокаменелостях, разрушенных нашими биоорганизмами, или о руинах, найденных в пыльных бурях и затем безвозвратно потерянных, о Большом человеке и его приключениях, об ускользающих крас-

ных человечках, которых можно уловить лишь краем глаза. Все это было придумано в попытках наделить Марс жизнью, как-то оживить его. Ведь мы — все те же животные, которые, пережив ледниковый период и зачарованно глядя на ночное небо, рассказывали свои истории. И Марс никогда не переставал быть для нас тем, чем был с самого начала, — великим знаком, великим символом, великой силой.

И вот мы здесь. Он был силой, но теперь стал местом.

≈ * ≈

— И вот мы здесь. Только они себе не представляли, что к тому времени, как мы окажемся на Марсе, путешествие изменит нас и ничего из того, что они нам рассказывали, не будет иметь никакого значения. Это не было похоже ни на погружение на подводной лодке, ни на освоение Дикого Запада — это был *совершенно новый опыт*, и, когда «Арес» стартовал, Земля наконец стала такой далекой, что превратилась в обыкновенную голубую звезду, одну из многих, а ее голоса доходили с таким опозданием, что казалось, будто они доносятся из прошлого века. Теперь мы были сами по себе, а значит, мы стали *принципиально иными существами*.

«Вранье», — с раздражением подумал Фрэнк Чалмерс. Он сидел среди высокопоставленных лиц и смотрел, как его старый друг Джон Бун произносит свою привычную Вдохновляющую Речь. Она наводила на Чалмерса скуку. На самом деле полет на Марс по ощущениям был равносилен длительному путешествию на поезде. И они не только не стали принципиально иными существами, а наоборот, стали собой еще больше, чем

когда-либо, освободившись от прежних порядков и оставшись лишь с исходным материалом самих себя. Но Джон стоял, размахивая указательным пальцем перед толпой, и изрекал:

— Мы прибыли сюда, чтобы сотворить нечто новое, и теперь все наши земные разногласия отпали как неприменимые к новому миру!

Да, все это он имел в виду буквально. Марс для него был линзой, искажавшей все, что он видел, — чем-то вроде религии. Этот же вздор он изливал и в частных разговорах — как бы выразительно его собеседник ни закатывал глаза.

Фрэнк перестал его слушать и перевел взгляд на новый город. Его собирались назвать Никосией. Это первый город, построенный на марсианской поверхности; все его строения находились под тем, что было, по сути, громадным прозрачным шатром, который держался на почти невидимом каркасе. Он располагался на куполе Фарсида, к западу от Лабиринта Ночи, и благодаря этому отсюда открывался потрясающий вид: далекий горизонт на западе прерывался плоской вершиной горы Павлина. Ветеранам Марса в этой толпе такое зрелище кружило головы: они наконец оказались на поверхности, выбравшись из впадин и кратеров, и теперь могли бесконечно смотреть

вперед! Ура!

Смех публики вернул внимание Фрэнка к давнему другу. Джон Бун говорил хрипловатым голосом с приятным среднезападным акцентом и поочередно (а иногда и одновременно) становился расслабленным, напряженным, искренним, самоироничным, скромным, уверенным, серьезным и смешным. Короче говоря, он был идеальным оратором. Публика внимала с восхищением: для них он был Первым Человеком на Марсе, и они смотрели на него, будто на Иисуса, готовящего им ужин из хлеба и рыбы. На самом деле Джон почти заслуживал их обожание за то, что сотворил схожее чудо в несколько другой области, превратив их дни, проводимые в консервной банке, в удивительное духовное странствие.

— Марс — величественное, экзотическое и опасное место, — возвестил Джон, говоря о замороженном шаре из окисленного камня, который подвергался излучению примерно пятнадцать бэр в год. — И мы приложим усилия и построим новый общественный строй, совершив следующий шаг в истории человека! — То есть последнего вида доминирующих приматов.

Этой напыщенной фразой Джон завершил свою

речь, и, разумеется, за ней последовал гром аплодисментов. Затем на подиум поднялась Майя Тойтовна, чтобы объявить Фрэнка Чалмерса. Он посмотрел на нее, давая понять, что не хотел бы выслушивать ее шутки. Она это заметила и все же произнесла:

— Следующий выступающий был топливом в нашем ракетном корабле. — Кто-то издал смешок. — Именно его замыслу и энергии мы, в первую очередь, благодарны за то, что оказались на Марсе, так что забудьте о всяких претензиях, которые имеете к нашему следующему выступающему, моему давнему другу Фрэнку Чалмерсу.

Поднявшись на подиум, он поразился тому, насколько крупным оказался город, протянувшийся вдаль вытянутым треугольником. Первые марсиане собрались в наивысшей его точке — в парке на западной вершине. Семь дорожек расходились, чтобы превратиться в широкие травянистые бульвары, обсаженные деревьями. Между ними стояли невысокие трапецеидальные строения — фасад каждого отделан полированным камнем определенного цвета. Размерами зданий и архитектурой это место слегка напоминало Париж, каким его видели пьяные фовисты по весне, с тротуарными кафе и всем остальным. Че-

рез четыре или пять километров вниз по склону граница города была отмечена тремя стройными небоскребами, за которыми простиралась низкорослая зелень фермы. Небоскребы служили частью каркаса шатра, представлявшего собой куполовидную сеть из небесного цвета линий. Сама его ткань была почти незаметной — она, казалось, *висела в воздухе*. Это настоящее чудо! Никосии предстояло стать популярным городом.

Так Чалмерс и заявил толпе, и люди с воодушевлением согласились. Публика, при всей своей переменчивости, слушала его с той же чуткостью, что и Джона. Тучный и темноволосый Чалмерс понимал: у него мало общего с Джоном, миловидным блондином. Но он понимал и то, что имеет свою грубоватую харизму, и, разогреваясь, извлекал ее наружу и начинал метать в слушателей отборные фразы собственного сочинения.

Меж облаков прорвался луч солнечного света, попал на лица в толпе, и Чалмерс ощутил, что у него странно сжался живот. Столько *незнакомцев*! Скопление людей пугало его, пугали и незнакомые лица — все эти влажные неживые чужие глаза, окруженные розовыми пятнами, обращенные к нему… Обычно, выступая перед публикой, он выбирал несколько лиц, и осталь-

ные становились видимым фоном, но сейчас свет, падавший из-за его спины, озарил толпу — все разом попали в его поле зрения, и их оказалось слишком много. Пять тысяч человек в одном-единственном марсианском городке! После пяти лет в Андерхилле это было тяжело осознать.

Он попытался сказать публике что-то в этом роде:

— Оглядываясь… — произнес он, — оглядываясь вокруг… замечаешь необычность нашего присутствия здесь… эта необычность становится акцентированной, вызывающей.

Он терял их внимание. Как это сказать? Как сказать, что они со своими горящими, словно небесные фонарики, лицами одни в этом скалистом мире? Как сказать, что, даже если бы живые существа были лишь носителями генов беспощадности, это все равно лучше пустого неорганического небытия?

Конечно, он никогда не смог бы этого сказать. Ни сейчас, ни когда-либо еще и уж точно не перед публикой. Он взял себя в руки.

— В этом марсианском запустении, — продолжил он, — присутствие человека является воистину значительным. — «Они будут относиться друг к другу заботливее, чем когда-либо», — яз-

вительно повторял голос у него в голове. — Эта планета сама по себе — лишь мертвый холодный кошмар… — «И потому экзотична и величественна». — И поскольку она предоставлена нам, мы должны провести процесс… некоторого ее преобразования… — «Или создания нового общественного строя».

И тут — да, да, да! — он понял, что произносит ту же ложь, которую только что слышал от Джона!

То есть нес тот же вздор. Но люди хотели именно этого, такова уж была политика. В конце речи его так же наградили громом аплодисментов. Раздраженный, он объявил, что пора приступать к еде, лишив Майю возможности произнести заключительное слово. Хотя она наверняка знала, что он это сделает, и не готовилась говорить что-либо еще. Фрэнк Чамберс любил, когда последнее слово оставалось за ним.

Люди сгрудились на временной платформе, смешавшись с важными особами. Стольких человек из первой сотни редко удавалось собрать вместе, и теперь Джон с Майей, Саманта Хойл, Сакс Расселл и Чамберс оказались окружены толпой.

Фрэнк посмотрел поверх голов на Джона и Майю; он не узнавал никого из обступивших его

землян, что удивило его. Он пошел по платформе и заметил, как Майя и Джон переглянулись.

— Нет причин, по которым обычные законы нельзя было бы применять здесь, — говорил им один из землян.

— Разве гора Олимп, по-вашему, похожа на Мауна-Лоа?[1] — возразила ему Майя.

— Конечно, — сказал мужчина. — Все щитовые вулканы похожи друг на друга.

Фрэнк пристально смотрел на Майю поверх головы этого болвана. Она не подавала виду, что замечает его взгляд. Джон притворялся, что не видит Фрэнка. Саманта Хойл вполголоса объясняла что-то другому мужчине, тот кивнул и случайно взглянул на Фрэнка. Саманта продолжала стоять к нему спиной. Но для него был важен только Джон. Важны Джон и Майя. И они оба притворялись, будто все хорошо; но тема беседы с подошедшими людьми уже была ими забыта.

Чалмерс сошел с платформы. Толпа все еще спускалась по парку, к столам, расставленным в верхних оконечностях семи бульваров. Чалмерс следовал за ними под сенью пересаженных молодых платанов, чьи листья цвета хаки окрашивали

---

[1] Примечания: 1

Вулкан на острове Гавайи. — *Здесь и далее прим. пер.*

послеполуденный свет, делая парк похожим на дно аквариума.

Строители пили водку за банкетными столами, голося все громче и смутно осознавая, что строительство закончилось, а с ним и героическая эпоха Никосии. Как, пожалуй, и всего Марса в целом.

Звучащие повсюду разговоры перекрывали друг друга. Фрэнк утонул в турбулентности, пока пробирался к северной границе города. Он остановился перед бетонным парапетом по пояс высотой — здесь была городская стена. Из металла, выступавшего в верхней ее части, возвышалась прозрачная пластмасса в четыре слоя. Швейцарец, указывая на нее с довольным видом, объяснял группе посетителей:

— Внешняя мембрана из пьезоэлектрического пластика генерирует электроэнергию из энергии ветра. Следующие два листа содержат изоляционный слой из аэрогеля. А внутренний слой — это поглощающая радиацию мембрана, и когда он становится фиолетовым, это означает, что он подлежит замене. И все это прозрачнее обычного окна, да?

Посетители согласились. Фрэнк протянул руку и надавил на внутреннюю мембрану. Та натяну-

лась до такой степени, что пальцы вошли в нее до костяшек Внутри оказалось слегка прохладно. На пластике был еле заметен мелкий печатный текст. «Полимеры равнины Исиды». Оглянувшись через плечо, он все еще мог разглядеть сквозь платаны платформу на вершине. Джон и Майя вместе с группой своих земных почитателей по-прежнему находились там и оживленно разговаривали. Дирижировали делами планет. Решали судьбу Марса.

Он перестал дышать. Почувствовал, как у него стиснулись зубы. Ткнул пальцем в стену шатра так сильно, что выдавил наружную мембрану, — теперь часть его гнева сохранилась, превратившись в электричество в городской сети. Поливинилидендифторид в этом отношении был особым полимером: атомы углерода соединялись с водородом и фтором, создавая вещество даже более пьезоэлектрическое, чем кварц. Но стоило изменить хоть один элемент из трех, и все становилось по-другому — если, например, заменить фтор на хлор, получалась пищевая пленка.

Фрэнк посмотрел на свою скрытую в мембране руку, затем вновь на два остальных элемента, все еще соединенных друг с другом.

Ведь без него они были никем!

Чувствуя гнев, он двинулся по узким улочкам города.

Люди, столпившиеся на площади, будто мидии на скале, оказались группой арабов, которые пили кофе. Арабы прибыли на Марс всего десять лет назад, но уже стали силой, с которой приходилось считаться. У них было много денег, и они начали сотрудничать со швейцарцами, чтобы построить несколько городов, включая этот. На Марсе им нравилось. Саудовцы говорили, что он напоминает прохладные дни в Пустой четверти[2]. Сходство было таким, что арабские слова быстро приживались в английском, поскольку в арабском было больше слов для такой местности: «акаба» — крутые склоны вокруг вулканов, «бадя» — огромные песчаные холмы, «нефудс» — глубоко залегающие пески, «сейл» — русла рек, высохшие миллиарды лет назад… Некоторые говорили, что было бы проще полностью перейти на арабский, и дело с концом.

Фрэнк не так давно провел немало приятного времени с арабами, и люди на площади ему обрадовались.

---

[2] Примечания: 2

Прозвище пустыни Руб-эль-Хали в южной части Аравийского полуострова. Одна из самых крупных, жарких и сухих пустынь на Земле.

— Салам алейкум! — поздоровались они.

— Мархабба! — ответил он.

Из-под черных усов сверкнули белые зубы. Как обычно, присутствовали только мужчины. Несколько молодых арабов провели его к центральному столу, где сидели старики, среди которых был его друг Зейк.

— Мы хотим назвать эту площадь Хаджр-аль-кра-Мешаб, — сообщил Зейк. — «Открытое место из красного гранита».

Он указал на плиты ржавого цвета.

Фрэнк кивнул и спросил, что это за камень. Он выговорил это по-арабски, но, несмотря на свое старание, получил в ответ лишь дружественные усмешки. Затем сел за центральный стол и расслабился, ощутив, будто сидит на улице в Дамаске или Каире, мирно обвеваемый запахами дорогих арабских одеколонов.

Он изучал лица говорящих. Несомненно, это была чужая культура. Они не могли измениться лишь потому, что оказались на Марсе, опровергая замысел Джона. Их мышление в корне расходилось с западным. Например, считая разделение церкви и государства неверным, они не могли согласиться с западным пониманием самой сути государства. Их уклад настолько патриархален,

что некоторые их женщины были неграмотными — на Марсе! А это знак. И в самом деле, у этих мужчин был тот опасный взгляд, который Фрэнк связывал с мужским шовинизмом, — взгляд мужчин, угнетающих своих женщин настолько безжалостно, что те, естественно, отыгрываются где только могут — терроризируют своих сыновей, которые затем терроризируют жен, те — опять сыновей и так далее, в бесконечной смертельной спирали извращенной любви и половой вражды. В этом смысле они все были безумцами.

Что было одной из причин, по которой они ему нравились. И они определенно могли быть ему полезны как новое средоточие силы. Защити слабого нового соседа и ослабь сильных старых, как сказал Макиавелли. И он пил кофе, а они постепенно, вежливо перешли на английский, и, перейдя вместе с ними, Фрэнк признал их языковое преимущество, но зато теперь ему стало легче управлять беседой.

— Как вам выступление? — спросил он, глядя в черное дно своей чашки.

— Джон Бун такой же, как всегда, — ответил старик Зейк Другие зло рассмеялись. — Когда он говорит, что мы создадим самобытную марсианскую культуру, он имеет в виду лишь то, что

одни земные культуры будут развивать, а другие изживут. Те, которые сочтут регрессивными, уничтожат. Это же форма ататюркизма.

— Он думает, что все на Марсе должны *стать* американцами, — заметил мужчина по имени Неджм.

— А почему бы и нет? — с улыбкой сказал Зейк. — На Земле это уже случилось.

— Нет, — возразил Фрэнк. — Вы неправильно понимаете Буна. Говорят, он сосредоточен на себе, но…

— Он и в самом деле сосредоточен на себе! — воскликнул Неджм. — Он живет в зеркальной галерее! Думает, мы прибыли на Марс, чтобы создать старую добрую американскую суперкультуру, и что все согласятся с этим только потому, что таков План Джона Буна.

— Он не понимает, что у других людей тоже есть мнения, — добавил Зейк.

— Это не так, — сказал Фрэнк. — Просто он считает, что их мнения менее важны, чем его собственное.

В ответ они рассмеялись, но в улюлюканьях молодых людей чувствовалась горечь. Все они полагали, что перед их прибытием Бун втайне препятствовал тому, чтобы ООН одобрила со-

здание арабских колоний. Фрэнк подкреплял их веру, и это было почти правдой — Джон не выносил любые идеологии, что могли встать у него на пути. Он хотел, чтобы каждый новоприбывший был чист, насколько это возможно.

Арабы, однако, считали, что Джон не выносил именно их. Молодой Селим аль-Хаиль раскрыл было рот, готовясь заговорить, но Фрэнк метнул в него быстрый предупреждающий взгляд. Селим замер, а затем сердито сомкнул губы.

— Ладно, он не настолько плох, — сказал Фрэнк. — Хотя, сказать по правде, мне доводилось слышать его слова о том, что было бы лучше, если бы американцы и русские могли заявить свои права на планету, когда только прибыли сюда, как исследователи в старые времена.

Они коротко и мрачно усмехнулись. Селим недовольно сгорбился. Фрэнк пожал плечами и, улыбнувшись, развел руками.

— Но в этом нет смысла! Ну что он сможет сделать?

Старик Зейк поднял брови:

— На этот счет мнения расходятся.

Чалмерс поднялся, чтобы двинуться дальше, на мгновение встретившись с настойчивым взглядом Селима. Затем вышел на поперечную

улицу, одну из узких дорожек, соединявших семь главных бульваров города. Большинство из них вымощены булыжником или поросли травой, но эта была залита неровным светлым бетоном. Фрэнк замедлил шаг перед расположенной в глубине улицы дверью, заглянул в окно закрытой обувной фабрики. В паре больших прогулочных ботинок возникло его слабое отражение.

На этот счет мнения расходятся. Да, многие недооценивали Джона Буна — Чалмерс сам так ошибался множество раз. Ему в голову пришел образ: Джон в Белом доме, порозовевший от увещеваний, с непослушными, отчаянно колышущимися светлыми волосами, солнечный свет струится в окна Овального кабинета и освещает Джона, машущего руками, расхаживающего по комнате и безудержно тараторящего, тогда как президент кивает, а советники внимательно наблюдают за Буном, думая, как бы выгоднее использовать эту искрящуюся харизму. О, они были так пылки в те дни, Чалмерс и Бун: Фрэнк полон идей, а Джон солировал, и их было не остановить. Для этого пришлось бы сбросить их мчащийся экспресс задора и напора с уже накатанных рельсов, не меньше.

Между ботинками возникло отражение Селима

аль-Хаиля.

— Это правда? — требовательно спросил он.

— Что правда? — раздраженно произнес Фрэнк.

— Что Бун против арабов.

— А ты как думаешь?

— Это он приложил руку к тому, чтобы на Фобосе запретили строить мечеть?

— Он влиятельный человек.

Молодой саудовец скривился.

— Самый влиятельный человек на Марте — и ему все мало! Он хочет быть королем!

Селим сжал кулак и ударил им о вторую руку. Он был стройнее других арабов. С маленьким подбородком, усы скрывали небольшой рот, он немного походил на кролика с заметно острыми зубами.

— Договор скоро продлят, — сказал Фрэнк. — И коалиция Буна меня в упор не видит. — Он заскрежетал зубами. — Не знаю, что они собираются делать, но сегодня я это выясню. Хотя ты и так можешь себе представить, что у них на уме. Конечно, это все западные предрассудки. Он может препятствовать продлению договора, если в нем не окажется гарантии, что все поселения будут основывать только те, кто подписал

его изначально. — Селим содрогнулся, а Фрэнк продолжил давить: — Именно этого он хочет, и, вероятно, ему по силам этого добиться, потому что благодаря своей новой коалиции он стал влиятельнее, чем когда-либо. Это может означать, что поселениям неподписантов будет положен конец. Вы станете приглашенными учеными. Или же вас отправят обратно.

Лицо Селима, отраженное в окне, походило на маску, изображающую ярость.

— Баттал, баттал, — бормотал он.

Его руки извивались, будто вышли из-под контроля, и он бубнил то о Коране или Камю, то о Персеполисе или Павлиньем троне — знакомые слова были лихорадочно разбросаны среди бессмыслицы. Пустой лепет.

— Разговоры ничего не значат, — строго сказал Чалмерс. — Когда доходит до дела, играют роль только сами действия.

В ответ на это молодой араб умолк.

— Я не могу быть уверен, — наконец произнес он.

Фрэнк ткнул его в предплечье, заметив, что Селима охватила нервная дрожь.

— Мы говорим о твоем народе. Мы говорим об этой планете.

Рот Селима исчез под усами. Чуть погодя, он сказал:

— Действительно так.

Фрэнк ничего не ответил. Они вместе смотрели в окна, будто оценивая ботинки.

Наконец Фрэнк поднял руку.

— Я еще раз поговорю с Буном, — тихо сказал он. — Сегодня. Завтра он отбывает. Я постараюсь поговорить с ним, вразумить его. Хотя и сомневаюсь, что это поможет. Еще ни разу не помогало. Но я попробую. После этого… нам надо будет встретиться.

— Хорошо.

— Значит, в парке, на самой южной тропе. Около одиннадцати.

Селим кивнул.

Чалмерс пронзил его взглядом.

— Разговоры ничего не значат, — отрывисто бросил он и зашагал прочь.

На следующем бульваре Чалмерс набрел на людей, толпившихся снаружи баров и палаток, где продавались кускус[3] и братвурст[4]. Арабы и швейцарцы. Казалось, это было странное сочета-

---

[3] Примечания: 3
Пшеничная каша, национальное блюдо в странах Северной Африки.

[4] Примечания: 4
Сосиски из свинины или телятины.

ние, но они хорошо ладили между собой.

Этим вечером некоторые швейцарцы раздавали маски у дверей своих заведений. Судя по всему, они отмечали *stadtfest*, что-то вроде Марди Гра[5], или, как они его называли, *Fassnacht*, с масками, музыкой и всевозможными перевоплощениями — прямо как в дикие февральские ночи в Базеле, Цюрихе или Люцерне… Фрэнк невольно присоединился к очереди.

— Всякий глубокий ум нуждается в маске[6], — заметил он двум девушкам, которые стояли перед ним.

Те вежливо кивнули и продолжили свою беседу на гортанном швейцарском диалекте, который никогда не был как следует описан, но играл роль шифра, непонятного даже для немцев. Швейцарцы представляли собой еще одну непостижимую культуру — которая кое в чем была даже похлеще арабской. «Так вот в чем дело, — подумал Фрэнк, — они так хорошо уживались, потому что и те и другие были настолько замкнуты, что

---

[5] Примечания: 5

Вторник перед началом католического Великого поста. Также последний день карнавала, отмечаемого в основном во франкоговорящих странах и регионах.

[6] Примечания: 6

Цитата из произведения «По ту сторону добра и зла» Фридриха Ницше. Перевод Николая Полилова.

никогда не имели настоящих контактов». Он рассмеялся в голос, когда ему выдали маску — черное лицо, усеянное красными самоцветами. Он надел ее.

Вниз по бульвару вилась цепочка ряженых гуляк — пьяных, развязных, едва владевших собой. На перекрестке располагалась небольшая площадь, где фонтан струился солнечного цвета водами. Рядом музыканты выстукивали на стальных барабанах мелодию в стиле калипсо[7]. Люди собирались вокруг, танцевали или прыгали в такт низкого бонга или бас-барабана. В ста метрах над ними сквозь отверстие в шатре на площадь вливался студеный воздух — в нем попадались даже мелкие снежные хлопья, сверкавшие на свету, будто стружка или слюда. Под самым шатром взрывались фейерверки, и хлопья перемешивались с яркими искрами.

Закат всегда казался ему тем временем дня, когда становится наиболее заметно, что они на чужой планете. Что-то в этом косом красном свете было решительно неверным, переворачивало ожидания, заложенные в разум миллионы лет назад. Сегодняшний вечер явил собой осо-

---

[7] Примечания: 7
Стиль народной карибской музыки.

бенно броский и тревожный пример данного феномена. Фрэнк бродил в этом закатном свете, возвращаясь к городской стене. Ровный юг города загромождало истинно марсианское обилие камней, за каждым из которых тянулась длинная черная тень. Дойдя до бетонной арки южных ворот, он остановился. Никого. На время подобных праздников ворота запирали, чтобы пьяные не выходили и не калечились. Но Фрэнк получил утром в пожарной охране экстренный код и теперь, убедившись, что никто за ним не следит, набрал его и поспешил открыть замок. Надев прогулочный костюм, ботинки и скафандр, вышел через среднюю, а затем и внешнюю дверь.

Снаружи, как всегда, стоял жуткий холод, и ромбовидный узор подогревателя его костюма чуть ли не обжигал сквозь одежду. Он с хрустом ступал сначала по бетону, потом по твердой корке. Рыхлый песок уносило ветром на восток.

Он хмуро огляделся вокруг. Повсюду одни скалы. Будто планете довелось вынести миллиарды ударов кувалдой. А метеориты все падали. Однажды какой-нибудь город примет удар на себя. Оглянувшись, он посмотрел назад. Казалось, там в сумерках сиял аквариум. Не будет никакого предупреждения, но все вдруг рассыплется на

части — стены, машины, деревья, тела. Ацтеки верили, что конец света настанет по одной из четырех причин: землетрясение, пожар, наводнение или ягуары, падающие с неба. Пожара здесь не могло случиться. «Как и землетрясения или наводнения», — подумал он. Оставались только «ягуары».

Сумеречное небо над горой Павлина приняло темно-розовый цвет. К востоку простиралась никосийская ферма — протяженная невысокая теплица, тянувшаяся вниз по склону от города. Отсюда было видно, что ферма размерами превосходила сам город и вся была засажена кормовыми культурами. Фрэнк прошагал к одному из наружных замков и ступил вовнутрь.

Внутри фермы было жарко — на целых шестьдесят градусов теплее, чем снаружи, и на пятнадцать — по сравнению с городом. Снимать скафандр нельзя: здешний воздух, приспособленный для растений, содержал слишком много углекислого газа и мало кислорода. Он остановился у рабочей станции, заглянул в ящички, где хранились мелкие инструменты, образцы пестицидов, перчатки и сумки. Выбрал три крошечных образца, положил их в полиэтиленовый пакет и осторожно сунул в карман своего костюма.

Это были образцы «умных» пестицидов — биодобавок, разработанных, чтобы обеспечивать растения систематической защитой; он читал о них и знал, в каком сочетании они становятся смертельными для организма.

В другой карман он положил пару ножниц. Меж длинных гряд ячменя и пшеницы назад в город поднималась узкая гравийная дорожка. Вернувшись к замку, он снял скафандр, затем ботинки и костюм, переложил содержимое карманов в пальто. Затем вновь пересек нижнюю границу города.

Здесь находилась медина[8]. Ее построили арабы, настоявшие на том, что подобный район важен для благосостояния города. Бульвары сужались, а между ними сплетались тропы, взятые с карт Туниса или Алжира или проложенные как придется. Отсюда не было видно ни один из бульваров, а небо открывалось лишь в виде фиолетовых полос между склонившимися друг к другу зданиями.

Большинство троп сейчас пусты — гулянья проходили в верхней части города. Между строениями тайком пробирались две кошки, изу-

---

[8] Примечания: 8
Старая часть города в арабских странах Северной Африки.

чавшие свой новый дом. Фрэнк достал из кармана ножницы и нацарапал на паре пластиковых окон арабскими буквами: *Еврей, еврей, еврей, еврей, еврей.* И ушел, насвистывая сквозь зубы. Кафе на углу казались маленькими светящимися пещерками. Бутылки звенели, будто молотки старателей. На невысокой черной колонке сидел араб и играл на электрогитаре.

Он отыскал центральный бульвар и двинулся по нему вверх. Парни под ветвями лип и платанов голосили песни на швейцарском диалекте. Но одна была на английском:

«Джон Бун
На Луну махнул.
И без быстрых машин
Он на Марс упорхнул!»

Среди неуклонно растущей толпы бродили мелкие не слаженные музыкальные группы. Несколько усатых мужчин, одетых, как американские заводилы из группы поддержки, со знающим видом выполняли сложные движения канкана. Ребятишки стучали в пластиковые барабанчики. Было очень шумно, даже несмотря на то, что шатер поглощал звук, не позволяя эху разноситься под куполом.

В том месте бульвара, где начинался платановый парк, стоял Джон собственной персоной. Его окружала небольшая толпа. Увидев, что Чалмерс подходит к нему, он помахал рукой. Он узнал его, несмотря на маску, — настолько в первой сотне все были близки друг другу.

— Эй, Фрэнк, — сказал он. — Похоже, ты неплохо проводишь время.

— Да уж, — ответил Фрэнк сквозь маску. — Люблю такие города, а ты? Смешанная паства. Здесь заметно, насколько разнообразные культуры собрались на Марсе.

На лице Джона сияла непринужденная улыбка. Он бегающим взглядом окидывал лежащий внизу бульвар.

— Такое разнообразие мешает твоему плану, да? — резко спросил Фрэнк.

Взгляд Буна вернулся к нему. Окружающие его люди быстро ушли, почувствовав враждебность их перепалки.

— У меня нет плана, — ответил ему Бун.

— Да брось! А как же твоя речь?

Бун пожал плечами.

— Ее Майя писала.

Двойная ложь: что ее написала Майя и что Джон в это не верил. Наверное, ложь. Даже спустя

все эти годы он будто разговаривал с незнакомцем. С действующим политиком.

— Ладно тебе, Джон, — выпалил Фрэнк, — ты во все это веришь и сам знаешь об этом. Но что ты собираешься делать со всеми этими народами? С их этнической враждой, с религиозными бзиками? Твоя коалиция не может подобрать их под ноготь. Ты не можешь оставить Марс себе, Джон, это больше не научная станция, и ты не получишь договор, который позволит тебе это сделать.

— Мы и не пытаемся.

— Тогда почему ты хочешь вытеснить меня из сборищ, ведущих обсуждения?

— Да не хочу я! — Джон выглядел оскорбленным. — Успокойся, Фрэнк. Мы выкуем все вместе, как делали это всегда. Успокойся.

Фрэнк оторопело уставился на своего старого друга. Чему он должен верить? Он никогда не знал, что думать о Джоне, — вроде бы тот использовал Фрэнка как трамплин, но каким дружелюбным был раньше… Разве они не начинали союзниками, друзьями?

Он вдруг понял, что Джон искал Майю.

— Так где она?

— Где-то неподалеку, — коротко ответил Джон.

Они уже несколько лет не могли разговаривать о Майе. Сейчас Джон бросил на него колючий взгляд, будто говоря, что это не его дело. Как и все, что стало важным для Буна за эти годы, теперь не было делом Чалмерса.

Фрэнк ушел, не сказав ни слова.

Небо стало темно-фиолетовым, его испещрили перистые облака. Фрэнк прошел мимо двух фигур в белых керамических полумасках, воплощавших старинные образы Комедии и Трагедии и прикованных друг к другу наручниками. Городские улицы потемнели, и осветились окна, в которых виднелись празднующие силуэты. Большие глаза «нового лица» Фрэнка впивались в каждую расплывчатую маску, ища источник напряжения, висевшего в воздухе. От текущей рядом толпы исходил низкий тяжелый гул.

Не стоило ему удивляться, ох не стоило. Он знал Джона так хорошо, как только можно знать другого человека; но это было не его дело. Фрэнк пробрался к деревьям, росшим в парке, под сень платанов, чьи листья были размером с руку. Когда что-то было иначе? Все время, что они провели вместе, все годы их дружбы — и ничто теперь не имело значения. Дипломатия иными

средствами[9].

Он взглянул на часы. Около одиннадцати. У него была назначена встреча с Селимом, потом еще одна встреча. Его дни делились на пятнадцатиминутки, когда он бежал от одной встречи к другой, менял маски, улаживал один кризис за другим, управлял, регулировал, решал задачи в нескончаемой лихорадочной спешке — а теперь шел праздник, Марди Гра, *Fassnacht*, и он по-прежнему этим занимался. Он не помнил, когда было иначе.

Он вышел на стройку, где стоял скелетообразный магниевый каркас, окруженный грудами кирпичей, песка и брусчатки, — рабочие оставили все это без присмотра, что непредусмотрительно. Он набил карманы пальто обломками кирпичей, достаточно крупными, чтобы их было удобно держать в руке. А выпрямившись, заметил, что кто-то следил за ним с другого края стройки, — невысокий человек с худым лицом и черными остроконечными дредами пристально на него смотрел. Что-то в этом взгляде будило тревогу, словно незнакомец видел сквозь все

[9] Примечания: 9

Отсылка к известному выражению военного теоретика Карла фон Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами».

его маски и наблюдал так внимательно потому, что был осведомлен обо всех его мыслях и намерениях.

Испуганный, Чалмерс поспешил отступить к нижней оконечности парка. Убедившись, что он оторвался и за ним больше никто не следит, он принялся бросать камни и кирпичи в нижнюю часть города, стараясь запускать их как можно дальше. А заодно и в того незнакомца, прямо в лицо! Каркас шатра казался снизу лишь тусклым узором скрытых звезд, как будто висевших в прохладном ночном воздухе. Циркуляция воздуха в этот вечер, несомненно, была высока. Разбитые стекла, возгласы. Крик Поднялся настоящий шум, люди сходили с ума. Последний булыжник полетел в большое освещенное панорамное окно за лужайкой, но не попал в цель. Фрэнк проскользнул в гущу деревьев.

У южной стены он увидел, как кто-то перемещается под платаном — это был Селим, который беспокойно ходил взад-вперед.

— Селим, — тихо позвал Фрэнк, заливаясь потом.

Он осторожно нащупал в кармане куртки пакет и вытащил три образца. Эффект от их взаимодействия мог оказаться очень мощным — будь то к

добру или к худу. Он прошел вперед и небрежно обнял молодого араба. Образцы достигли цели, пропитав легкую хлопчатобумажную рубашку Селима. Фрэнк отступил.

Теперь Селиму оставалось около шести часов.

— Вы поговорили с Буном? — спросил он.

— Пытался, — ответил Чалмерс. — Он не послушал. Он солгал мне, — притворяться страдающим было легко. — После двадцать пяти лет дружбы он мне солгал! — Он ударил ладонью по стволу дерева, и образцы выпали во тьму. Он держал себя в руках. — Его коалиция собирается рекомендовать, чтобы все марсианские поселения основывались странами, подписавшими первый договор. — Это было невозможно, но определенно походило на правду.

— Он нас ненавидит! — вскричал Селим.

— Он ненавидит все, что встает у него на пути. А еще понимает, что ислам по-прежнему представляет собой реальную силу. Он определяет мышление людей, а Бун не может этого допустить.

Селим содрогнулся. Белки его глаз сверкали в темноте.

— Его нужно остановить.

Фрэнк отвернулся и прислонился к дереву.

— Я… не знаю.

— Вы сами сказали. Разговоры ничего не значат.

Фрэнк обошел дерево кругом, у него плыло перед глазами. Дурак ты, думал он, разговоры значат все. Мы — ничто, кроме обмен информацией, разговоры — это все, что у нас есть!

Он снова подошел к Селиму и спросил:

— Как?

— На планете. Так и сделаем.

— Городские ворота сегодня заперты.

Это остановило его. Селим развел руками.

— Но ворота на ферму еще открыты, — добавил Фрэнк.

— Только наружные ворота будут заперты.

Фрэнк пожал плечами, позволяя ему додуматься самому.

И достаточно быстро Селим, сощурившись, воскликнул:

— Ах!

И ушел.

Фрэнк сидел на земле между деревьями. Эта песчаная сырая коричневая почва была крупным достижением инженеров. Ничто в городе не было натуральным — ничто.

Через некоторое время он поднялся на ноги.

Прошел по парку, глядя на людей. «Если я найду один хороший город, то я пощажу человека»[10]. Но на открытом участке люди в масках собирались вступить в схватку и драться; их окружали наблюдатели, чуявшие кровь. Фрэнк вернулся на стройку, чтобы набрать еще кирпичей. Когда метнул их, несколько человек заметили его, и ему пришлось убежать Снова скрыться в деревьях, в этих маленьких крытых дебрях, убежать от хищников, обезумевших от адреналина, величайшего наркотика из всех существующих. Он дико рассмеялся.

Вдруг его взгляд уловил Майю, стоявшую у временной платформы на вершине. На ней была белая полумаска, но это определенно была она: в пропорциях фигуры, волосах, самой позе безошибочно угадывалась Майя Тойтовна. Первая сотня, небольшая группа — лишь они были для него по-настоящему живыми, остальные — призраки. Фрэнк поспешил в ее сторону, спотыкаясь на неровной земле. Он сжал камень, лежавший в глубине кармана пальто, думая: «Давай, сука! Скажи что-нибудь, чтобы его спасти. Скажи что-

[10] Примечания: 10

Переиначена строка из Ветхого Завета: «Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие» (Бытие, 18:26).

нибудь, что заставит меня пробежать через весь город, чтобы спасти его!»

Она услышала, как он приближался, и повернулась. Ее прозрачную белую полумаску украшали голубые металлические блестки. Разглядеть за ней глаза было невозможно.

— Привет, Фрэнк, — сказала она, будто никакой маски на нем не было. Ему захотелось развернуться и убежать. Она его узнала — этого достаточно для бегства.

Но он остался на месте.

— Привет, Майя, — сказал он. — Прекрасный сегодня был закат, да?

— Впечатляющий. У природы нет вкуса. Это всего-навсего открытие города, но походило оно, пожалуй, на Судный день.

— Да.

Они стояли в свете уличного фонаря, наступив на тени друг друга.

— Тебе понравился вечер? — спросила она.

— Очень. А тебе?

— Он становится немного бурным.

— Но на это есть причины, не находишь? Мы выбрались из нор, Майя, и наконец вышли на поверхность! И что это за поверхность! Чего стоят только эти виды на Фарсиду!

— Здесь хорошее месторасположение, — согласилась она.

— И будет отличный город, — предсказал Фрэнк. — Но где ты сейчас живешь, Майя?

— В Андерхилле, Фрэнк, как всегда. Ты и так это знаешь.

— Но тебя там никогда не бывает, разве нет? Я не видел тебя год, а то и больше.

— Неужели уже столько прошло? Ну, я была в Элладе. Ты же наверняка слышал?

— А кто бы мне сказал?

Она потрясла головой, сверкнув голубыми блестками.

— Фрэнк…

Она отвернулась, будто хотела уйти от расспросов.

Фрэнк сердито обошел ее и встал у нее на пути.

— Тогда, на «Аресе»… — сказал он. Его голос звучал сдавленно, и он подвигал шеей, чтобы освободить горло и стало легче говорить. — Что случилось, Майя? Что случилось?

Она пожала плечами и не ответила на его взгляд. Она долго молчала. А затем посмотрела на него.

— Спонтанность, — ответила она.

А затем пробило полночь, и они попали в

марсианский временной сброс — промежуток в тридцать девять с половиной минут между 12:00:00 и 12:00:01, когда все часы отключались или останавливались. Так первая сотня решила сладить с тем, что сутки на Марсе длились чуть дольше двадцати четырех часов, и это решение, как ни странно, всех удовлетворило. Каждую ночь нужно было ненадолго забывать о сменяющихся цифрах, о беспрестанном движении секундной стрелки…

И в эту ночь с наступлением полуночи весь город сошел с ума. Почти сорок минут вне времени должны были стать пиком праздника — все подсознательно это понимали. Разрывались фейерверки, люди ликовали. А когда воздух пронзили сирены, ликование удвоилось. Фрэнк и Майя любовались салютом и прислушивались к шуму.

Затем этот шум изменился: теперь в криках появились страх и отчаяние.

— Что это? — спросила Майя.

— Драка, — ответил Фрэнк, вслушиваясь. — Кажется, что-то было сделано спонтанно. — Она пристально на него посмотрела, и он добавил: — Пожалуй, нам стоит сходить посмотреть.

Крики усилились. Где-то случилась беда. Они

начали спускаться через парк, и шаги их удлинялись, пока они не перешли на марсианский бег вприпрыжку. Фрэнку стало казаться, будто парк вырос в размерах, и он на мгновение испугался.

Центральный бульвар был усыпан мусором. Люди, словно сбившись в хищные стаи, проносились сквозь тьму. Раздался режущий нервы вой сирен и сигнал тревоги, сообщавший о пробое в шатре. По всему бульвару разбивались окна. На траве навзничь лежал человек, на траве вокруг него виднелись черные полосы. Чалмерс схватил за руку женщину, склонившуюся над ним.

— Что случилось? — крикнул он.

Она рыдала.

— Они подрались! И до сих пор дерутся!

— Кто? Швейцарцы, арабы?

— Незнакомцы, — сказала она. — *Ausländer*,[11] — она слепым взглядом смотрела на Фрэнка. — Приведите помощь!

Фрэнк вернулся к Майе, которая разговаривала с другими людьми, собравшимися вокруг еще одного павшего.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил он у нее, когда они двинулись к городской боль-

---

[11] Примечания: 11
Иностранец *(нем.)*.

нице.

— Это восстание, — сказала она. — Не понимаю, против чего.

Ее рот превратился в ровную черточку на коже, побелевшей настолько, что теперь лицо было не отличить от полумаски, все еще скрывавшей глаза.

Фрэнк снял свою маску и отбросил прочь. По всей улице валялись битые стекла. К ним подлетел мужчина:

— Фрэнк! Майя!

Это был Сакс Расселл — Фрэнк никогда не видел этого коротышку таким взволнованным.

— Джон… на него напали!

— Что?! — воскликнули оба.

— Он пытался разнять драку, но трое или четверо набросились на него. Они сбили его с ног и утащили с собой!

— И ты их не остановил? — вскричала Майя.

— Мы пытались… несколько наших погнались за ними. Но они оторвались в медине.

Майя взглянула на Фрэнка.

— Что же это происходит?! — воскликнул он. — Зачем вообще кому-то его куда-то уводить?

— Ворота, — сказала она.

— Но они же этой ночью закрыты?

— Может быть, не для всех.

Они проследовали за ней в медину. Уличные фонари были разбиты, под ногами хрустели стекла. Они отыскали начальника пожарной охраны и пошли к Турецким воротам. Он отпер их, и несколько человек поспешили пройти, с аварийной скоростью натягивая прогулочные костюмы. Затем вышли в ночь и начали поиски, освещенные огнями города. От ночного холода у Фрэнка болели лодыжки, и он буквально ощущал точные очертания своих легких, будто ему в грудь вставили два ледяных шара, чтобы остудить бешено бьющееся сердце.

Снаружи — ничего. Вернулись внутрь. Прошли к северной стене, до Сирийских ворот — и снова под свет звезд. Ничего.

Прежде чем вспомнили о ферме, прошло немало времени.

К тому моменту в прогулочниках было уже около тридцати человек, и они ринулись вниз, открыли замок и заполнили весь проход, после чего рассредоточились и забегали между растениями.

Они нашли его в редьке. Его куртка с аварийным запасом воздуха была натянута на лицо, должно быть, он сделал это бессознательно, потому что, когда они осторожно перевернули его

набок, то увидели, что у него за ухом выросла шишка.

— Занесите его внутрь, — сказала Майя голосом, больше походившим на резкий хрип. — Поскорее, возьмите его.

Четверо подняли Джона. Чалмерс поддерживал голову, и его пальцы переплелись с пальцами Майи. Они поспешили вверх по ступенькам. Немного задержавшись у ворот фермы, они вернулись в город. Один из швейцарцев показал им короткий путь к врачебному пункту. Тот и без того был переполнен несчастными людьми. Джона положили на свободную лавку. Он был без сознания, его лицо выглядело измученным, но хранило решительное выражение. Фрэнк сорвал с него скафандр и, воспользовавшись своим положением, прорвался в приемное отделение и накричал на врачей и медсестер. Те сначала не обращали на него внимания, но вскоре одна из докторов отозвалась:

— Замолчите. Я иду.

Она вышла в коридор и с помощью медсестры подключила Джона к монитору, после чего осмотрела его тем отвлеченным, отсутствующим взглядом, что присущ врачам за работой, — ощупала шею, лицо, голову, грудь, взяла стетоскоп…

Майя рассказала ей все, что им было известно. Врач сняла со стены кислородный прибор, посмотрела на монитор. Ее рот сжался в маленький недовольный узелок. Майя села на край скамьи, ее лицо внезапно приняло безутешное выражение. Полумаски на ней уже давно не было.

Фрэнк склонился над ней.

— Мы можем пытаться еще, — сказала врач, — но боюсь, его уже не вернуть. Он слишком долго пробыл без кислорода, сами понимаете.

— Пытайтесь еще, — ответила Майя.

Разумеется, они попытались. Позже прибыли другие медики и увезли его в реанимацию. Фрэнк, Майя, Сакс, Саманта и горстка местных сидели в коридоре снаружи. Врачи входили и выходили. Их лица были пусты, будто они ощущали присутствие смерти, — защитные маски. Один вышел и скорбно покачал головой:

— Он мертв. Слишком долго находился там.

Фрэнк прислонил голову к стене.

Когда Райнхольд Месснер вернулся после первого одиночного восхождения на Эверест, он был значительно обезвожен и предельно истощен. Он падал в конце спуска и, изнемогши на леднике Ронгбук, полз на четвереньках, когда женщина, составлявшая всю его группу поддержки, добра-

лась до него. Тогда он посмотрел на нее в бреду и спросил: «Где все мои друзья?».

Стояла тишина. Не раздавалось ни звука — лишь низкое гудение и свист, которые никогда не стихали на Марсе.

Майя положила руку Фрэнку на плечо, и он едва не одернул ее; в горле у него встал ком, ему было по-настоящему больно.

— Мне жаль, — попытался вымолвить он.

Она отмахнулась от его слов и нахмурила брови. В ее облике было нечто общее с медиками.

— Ладно, — произнесла она, — тебе он все равно никогда особенно не нравился.

— Это правда, — ответил он, думая, что с его стороны было бы политически правильно быть честным с ней в эту минуту. Но затем содрогнулся и горько добавил: — Да что ты знаешь о том, что мне нравится, а что нет?

Он смахнул ее руку, с трудом поднялся на ноги. Она не знала, и никто не знал. Он двинулся было в реанимацию, но передумал. Для этого будет достаточно времени на похоронах. Он почувствовал себя опустошенным, и вдруг ему показалось, будто все хорошее теперь осталось в прошлом.

Он вышел из врачебного пункта. В такие минуты невозможно было не замечать нахлынувших

чувств. Он прошелся по удивительно тихому темному городу, в Землю Нод. Улицы сверкали так, словно на брусчатку попадали звезды. Люди стояли горстками, безмолвные, пораженные новостью. Фрэнк Чалмерс прошел к ним, ощущая на себе их взгляды, и бездумно проследовал к платформе в высшей точке города, говоря себе: «А теперь посмотрим, что я смогу сделать с этой планетой».

Часть вторая
Путешествие

≈ * ≈

— Раз уж они все равно сойдут с ума, почему бы просто не отправить первыми сумасшедших, чтобы избавить их от мучений? — предложил Мишель Дюваль.

В этом была лишь доля шутки. Он всегда считал критерии отбора умопомрачительным скоплением противоречий.

Его коллеги-психиатры пристально на него посмотрели.

— Вы можете назвать какие-либо конкретные изменения? — спросил председатель, Чарльз Йорк.

— Пожалуй, нам всем стоит отправиться с ними в Антарктику и понаблюдать за ними первое время. Это многому нас научит.

— Но тогда наше присутствие будет их стеснять. Полагаю, там хватит и одного из нас.

И они отправили Мишеля Дюваля. Он присоединился к ста пятидесяти с лишним финалистам на станции Мак-Мердо. Первая их встреча походила на

любую другую международную научную конференцию, которую каждому из них приходилось посещать по своим дисциплинам. Но имелось и отличие: встреча была продолжением процесса отбора, который уже длился годами и должен был длиться дальше. А потом избранным предстояло полететь на Марс.

И они жили в Антарктике больше года, познавая самих себя в таких жилищах, с таким оборудованием, какие уже переправлялись на Марс подвижными роботами; познавая себя на местности, которая была почти такой же холодной и суровой, как и сам Марс; познавая себя среди других. Они жили среди поселений в долине Райта, крупнейшей из сухих долин Антарктиды. Они запустили биосферную ферму, а затем заняли жилища темной южной зимой, стали обучаться вторым, третьим профессиям и прогоняли симуляции различных испытаний, которые им предстояло выполнять на корабле «Арес» и, позднее, уже на само́й красной планете; при этом они всегда, всегда осознавали, что за ними наблюда-

ют, что их оценивают, судят.

Далеко не все они астронавты и космонавты, хотя среди них было по дюжине и тех и других — и еще много больше к северу оттуда, горланивших, требовавших, чтобы их тоже включили в экспедицию. Но основное для большинства колонистов — быть сведущими в сферах, которые имели важное значение после высадки на Марсе: в медицине, компьютерах, робототехнике, системном проектировании, архитектуре, геологии, создании биосферы, генной инженерии, биологии, а также во всех других инженерных областях, в частности в различных областях строительства В Антарктику же отправилась внушительная группа специалистов в важных науках и профессиях, и они хорошо провели время за взаимным обучением, чтобы стать столь же внушительными специалистами в новых для себя областях.

И все их занятия проходили под постоянным давлением наблюдения, анализа оценивания. Это неизбежная процедура которая создавала напряжение, но

и была частью теста. Мишель Дюваль чувствовал, что процедура ошибочна поскольку может посеять в душах колонистов зерна недоверия и скрытности, воспрепятствовав их сплочению, которого, предположительно, желал добиться отборочный комитет. На самом деле это было одним из многочисленных противоречий. Сами кандидаты молчали насчет положения вещей, и он их не винил; лучшей стратегии попросту не существовало, и в этом тоже было противоречие, ведь она порождала молчание. Они не могли позволить себе кого-либо оскорблять или слишком много жаловаться; они не могли рисковать, уходя слишком далеко, не могли наживать врагов.

Поэтому они решили стать достаточно квалифицированными и великолепными, чтобы выдержать, но и достаточно нормальными, чтобы поладить друг с другом. Они были достаточно зрелыми, чтобы многому научиться, но и достаточно юными, чтобы выносить физические нагрузки от работы. Достаточно целеустремленными, чтобы добиваться

успехов, но достаточно уравновешенными, чтобы жить в обществе. Достаточно безумными, чтобы хотеть навсегда покинуть Землю, но и достаточно вменяемыми, чтобы скрыть это безумие, по сути, выдав его за чистый рационализм, научную любознательность или что-то в этом роде — что казалось единственной приемлемой причиной желания улететь. И естественно, они претендовали на прямо называться самыми любознательными людьми в истории! Но этого, конечно, было мало. Они должны стать достаточно отчужденными, одинокими, чтобы не беспокоиться из-за возможности навсегда бросить всех, кого они знали, — но при этом остаться достаточно социальными и общительными, чтобы поладить с новыми знакомыми в долине Райта, с каждым жителем маленькой деревушки, в которую предстояло превратиться их колонии.

О, этим противоречиям не было конца! Нужно было стать выдающимися и заурядными одновременно. Невыполнимая задача, но все же она лежала на пути

к их величайшей мечте, делая ее делом тревоги, страха, неприязни, ярости. Преодоления всех этих стрессов…

Но и это было частью теста. Мишель наблюдал с величайшим интересом — иначе он не мог. Некоторые не выдерживали, так или иначе ломались. Американский инженер по теплотехнике стал все дальше отходить, уничтожил несколько их вездеходов и в итоге был насильно задержан и удален Двое русских вступили в любовные отношения, а потом поссорились так сильно, что не могли выносить вида друг друга, и обоих пришлось убрать. Их мелодрама показала опасность ситуации, когда романтика терпит крах, и остальные стали вести себя осторожнее на этот счет. Отношения продолжали развиваться, и ко времени, когда они покинули Антарктику, у них свершилось три брака, и эти шестеро счастливчиков в некотором смысле могли считать себя «в безопасности». Однако большая часть людей так сосредоточилась на том, чтобы попасть на Марк, что решила отложить эту сторону жизни, и, если что-либо пред-

полагало ненавязчивую дружбу, в одних случаях это скрывалось почти от всех, а в других — просто не попадалось в поле зрения отборочному комитету.

И Мишель понимал, что видел лишь верхушку айсберга. Понимал, что критические вещи, происходившие в Антарктике, оставались недоступны его взору. Отношения всегда с чего-то начинались, и иногда их начало определяло, какими они будут в дальнейшем. В короткие светлые часы один из них мог покинуть лагере и уйти в пункт наблюдения, а другой последовать за ним, и то, что случалось там, могло оставить свой след навсегда. Но Мишель никогда бы об этом не узнал.

А затем они покинули Антарктику, и команда сформировалась. Их было пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин; тридцать пять американцев, тридцать пять русских, тридцать представителей других стран — по пятнадцать приглашенных каждым из двух основных партнеров. Соблюсти такую идеальную симметрию было непросто, но отборочный комитет

ее добился.

Счастливчики отправились на мыс Канаверал или на Байконур, чтобы оттуда выйти на орбиту. На тот момент они знали друг друга очень хорошо и не знали совсем. Они были командой, считал Мишель, с устоявшимися дружескими отношениями и множеством коллективных церемоний, ритуалов, обычаев и склонностей — и среди этих склонностей был инстинкт скрываться, играть роли и не показывать свое истинное лицо. Может быть, этим определялась жизнь в деревне, в обществе. Но Мишелю казалось, такая жизнь была еще хуже. Никому прежде еще не доводилось так тяжело бороться за право оказаться в деревне, и получившееся в итоге резкое разделение между общественной и частной жизнью представлялось новым и странным. Теперь в них укоренилась четкая соревновательная тенденция, едва уловимое, но постоянное ощущение того, что они одни, что в случае беды они будут брошены и изгнаны из группы.

Тем самым отборочный комитет сам

создал проблемы, которых надеялся избежать. Некоторые из членов комитета поняли это и, естественно, позаботились о том, чтобы включить в число колонистов наиболее квалифицированных психиатров, которых только смогли найти.

И отправили Мишеля Дюваля.

≈ * ≈

Сначала это походило на сильный толчок в грудь. Затем их отбросило на спинки кресел, и на протяжении секунды давление показалось очень знакомым — один «жэ», гравитация, при которой им уже не придется жить. «Арес» двигался по земной орбите со скоростью 28 000 километров в час. В следующие несколько минут они ускорились, тяга ракетных двигателей набрала такую силу, что у них помутилось в глазах, когда роговицы приняли плоскую форму и стало тяжело вдыхать воздух. При 40 000 километров в час горение закончилось, и они, освободившись от земного притяжения, вышли на орбиту Солнца.

Колонисты сидели в креслах «дельта-v» и щурились. Кровь приливала к их лицам, сердца стучали. Майя Катарина Тойтовна, руководитель российского контингента, смотрела по сторонам. Все выглядели ошеломленными. Когда одержимые получают свой объект желания, что они чувствуют? Выразить это в самом деле тяжело. В некотором смысле их жизни обрывались, и наконец начиналось нечто иное, некая другая жизнь… Переполненные эмоциями, они не могли не

растеряться; это был интерференционный узор: одни чувства пропали, другие — укрепились. Отстегнувшись от своего сиденья, Майя почувствовала, как ее лицо скривилось в ухмылке, а затем увидела лица окружающих — на каждом из них сияла такая же беспомощная ухмылка. Один только Сакс Расселл, невозмутимый, как филин, щурился, просматривая данные на мониторах.

Они парили в невесомости. Было 21 декабря 2026 года, и они двигались так быстро, как никто прежде. Они шли к своей цели. Это было началом девятимесячного путешествия — или путешествия, которому было суждено продлиться весь остаток их жизни. Они были сами по себе.

Те, кто отвечал за управление «Аресом», подплыли к пультам и отдали команды запуска ракетных двигателей поперечного регулирования. «Арес» начал вращаться, пока не стабилизировался на скорости четырех оборотов в минуту. Колонисты припали к полу, и псевдогравитация опустилась до 0,38 *g*, очень близкой к той, что им предстояло ощутить на Марсе. Многие человекогоды испытаний показали, что такое *g* будет достаточно благоприятным для жизни — гораздо более благоприятным, чем невесомость, благодаря чему даже вращение корабля

сочли оправданным. А еще, думала Майя, такая гравитация давала отличные ощущения. Притяжения хватало на то, чтобы относительно легко сохранять баланс, но при этом не создавалось ни ощущения давления, ни сопротивления. Оно полностью соответствовало их настроению, когда они неуверенным шагом, шатающиеся и оживленные, ликующие от счастья, одолевали коридоры в направлении большой столовой торуса D.

Там они отмечали свое отбытие чем-то вроде коктейльной вечеринки. Майя бродила по столовой, потихоньку потягивая из чашки шампанское, чувствуя легкую нереальность происходящего и безмерное счастье — сочетание, вызвавшее в памяти вечеринку по случаю ее свадьбы много лет назад. Теперь ей хотелось надеяться, что этот союз окажется лучше предыдущего, потому что ему предстояло длиться вечно. В зале было шумно от разговоров.

— Эта симметрия не столько социологическая, сколько математическая. Вроде эстетического баланса.

— Мы надеемся сохранить ее и при миллиардном масштабе, хоть это будет нелегко.

Майя отказалась, когда ей предложили снова

наполнить чашку, — у нее и так кружилась голова. К тому же ей надо было работать. Она была, если можно так выразиться, одним из мэров этой деревни и отвечала за динамику групп, которая, несомненно, должна быть сложной. Антарктические привычки проявлялись даже теперь, в минуту триумфа, и она слушала и смотрела, как антрополог — или как шпион.

— Мозгоправы дело говорят. Мы придем к тому, что превратимся в пятьдесят счастливых парочек.

— А они уже знают, кто кому достанется.

Она наблюдала, как они смеются. Умные, здоровые, исключительно образованные — неужели они наконец создали то самое рациональное общество, заточенную под науку общину, мечту Просвещения? Но среди них оказались Аркадий, Надя, Влад, Ивана. Она знала российскую группу слишком хорошо, чтобы давать волю иллюзиям на этот счет. Было больше похоже, что они попали в студенческое общежитие технического университета с его странными розыгрышами и страстными интрижками. Разве что они выглядели старовато для подобных занятий: некоторые мужчины начали лысеть, кое у кого в волосах уже показывалась седина. Им предстояло тяжелое

испытание, а средний возраст экипажа составлял сорок шесть лет и варьировался от тридцати трех (Хироко Ай, японское чудо создания биосферы) до пятидесяти восьми (Влад Танеев, обладатель Нобелевской премии по медицине).

Сейчас, однако, на лицах каждого из них проступал юношеский румянец. Аркадий Богданов походил на портрет в красных тонах — волосы, борода, кожа. И среди этой красноты — его глаза, безумные, взволнованные, голубые, радостно вытаращенные, а сам он восклицал: «Наконец свободны! Наконец свободны! Все наши дети наконец свободны!». Видеокамеры были выключены — после того как Джанет Блайлевен записала серию интервью для телевизионных станций. У них не было связи с Землей, и они сидели в своей столовой — Аркадий пел, а окружающие пили под его песню. Майя остановилась, чтобы через пару минут присоединиться к ним. Наконец свободна! В это было трудно поверить, но они действительно летели на Марс! Люди, собравшись в кучки, болтали между собой. Многие из них имели мировые имена в своих областях: Ивана получила Нобелевскую премию по химии, Влад был одним из известнейших специалистов по биологической медицине, Сакс входил в

пантеон величайших вкладчиков в субатомную теорию, Хироко не имела равных в разработке жизнеспособных замкнутых биосистем и так далее — блестящая компания!

И Майя — один из их руководителей. Это слегка обескураживало. Ее навыки в инженерном деле и космонавтике были весьма скромны — на борт она попала, вероятно, благодаря своим дипломатическим способностям. Ее выбрали руководить разрозненной, своенравной командой из русских и представителей других стран — ладно, это еще ничего. Это интересная работа, и она к ней привыкла, ее навыки вполне могли оказаться в числе важнейших на борту. Но летевшим на Марс полагалось ладить между собой, поэтому от их руководителей требовались коварство, хитрость и воля. Нужно было заставлять людей выполнять приказы! Взглянув на скопление горящих лиц, она рассмеялась. Все, кто находились на борту, были хороши в своем деле, но некоторые были куда более одаренными. Ей предстояло вычислить таких людей и развить их способности. От этого зависело ее лидерство, хотя ей казалось, что рано или поздно они непременно установят что-то

вроде свободной научной меритократии[12]. А в таком обществе исключительно одаренные люди представляли реальную силу. В крайнем случае они могли стать истинными лидерами колонии — либо они, либо те, кто имел на них влияние.

Она огляделась, высматривая Фрэнка Чалмерса. В Антарктике ей не удалось узнать его как следует. Высокий, крупный брюнет. Весьма болтливый, невероятно энергичный, но и довольно непроницаемый. Она находила его привлекательным. Видел ли он все так же, как она? Она никогда не могла этого сказать. Сейчас он болтал в компании в другом конце помещения, слушал в своей острой, непостижимой манере, склонив голову набок, готовый вставить едкое замечание. Она решила побольше о нем разузнать. Более того, она собиралась с ним поладить.

Майя пересекла столовую и остановилась возле него так чтобы их плечи почти соприкасались друг с другом. Склонила голову в его сторону и кивнула на его товарищей:

— Будет весело, как думаешь?

Чалмерс взглянул на нее:

---

[12] Примечания: 12

Общественная система, в основе которой лежит принцип управления государством людьми, обладающими выдающимися способностями, независимо от их происхождения или социального положения.

— Если все пойдет хорошо, — ответил он.

После праздничного ужина Майя не могла уснуть и бродила по «Аресу». Все они раньше бывали в космосе, но никогда не попадали на столь внушительные корабли, каким был «Арес». Спереди на нем находилось нечто вроде пентхауса — однокамерный отсек похожий на бушприт, который вращался в сторону, противоположную той, в какую вращался сам корабль, тем самым сохраняя внутри равновесие. В этом отсеке располагались солнечные часы, радиоантенны и остальное оборудование, которое работало лишь в состоянии покоя, а на самой его верхушке располагался купол-пузырь из прозрачного пластика, где царила невесомость. Пузырь открывал не вращающийся вид на звезды и на некоторые части огромного корабля.

Майя подплыла к прозрачной стене этого купола и с любопытством оглянулась назад, на корабль. Конструкторы снабдили его внешними топливными резервуарами: примерно на рубеже столетий НАСА и Главкосмос начали крепить небольшие ракеты-носители к резервуарам и запускали их по орбите. Всего таким образом были запущены десятки резервуаров. Затем их переместили на место строительства и использо-

вали по назначению — соорудили две крупные космические станции, станцию L5, станцию на окололунной орбите, первый пилотируемый аппарат для полета на Марс и десятки грузовых транспортных кораблей, отправленных на Марс без людей на борту. Таким образом, ко времени, когда два агентства договорились строить «Арес», использование резервуаров вошло в порядок вещей — уже существовали стандартные парные единицы, внутренние элементы, винтомоторные системы и прочее. На создание огромного корабля не ушло и двух лет.

Его внешний вид наводил на мысль, будто его собрали из детского конструктора: цилиндры крепились друг к другу основаниями, создавая более сложные формы — в данном случае это были восемь шестигранников из соединенных между собой цилиндров, которые назывались торусами. Шестигранники выстроили в один ряд и пронизали посередине центральным валом, состоящим из пучка пяти других цилиндров. Торусы крепились к валу тонкими спицами. В целом весь объект походил на какой-нибудь элемент сельскохозяйственной машины вроде жатки комбайна или на передвижную дождевальную машину. «Или на восемь бугристых

пончиков, насаженных на палочку, — подумала Майя. — Такое оценил бы любой ребенок».

Восемь торусов были изготовлены из американских отсеков, а пять цилиндров центрального вала сделали русские. И те, и другие имели примерно по пятьдесят метров в длину и десять в диаметре. Майя бесцельно плыла по отсекам центрального вала — на это требовалось немало времени, но спешить было некуда. Она спустилась в торус G. Там располагались комнаты всех форм и размеров, вплоть до самых больших, занимающих целые отсеки. В одной из комнат пол находился под самой половинной отметкой, и изнутри она представляла собой длинный куонсетский ангар. Но большинство отсеков делились на меньшие помещения. Она слышала, что всего их было более пятисот — то есть все внутреннее пространство, грубо говоря, примерно соответствовало размерам крупной гостиницы.

Но было ли этого достаточно?

Пожалуй, было. После Антарктики жизнь на «Аресе» казалась роскошной, многообразной, просторной. Каждое утро около шести часов темнота в жилых торусах постепенно переходила в серый рассвет, а примерно в полседьмого резкая вспышка света обозначала восход. Майя в этот

момент просыпалась, будто это привычка всей ее жизни. Приведя себя в порядок, шла на кухню торуса D, грела себе завтрак и несла его в столовую. Там она усаживалась за стол в окружении лаймовых деревьев. Колибри, вьюрки, танагры, воробьи и лори что-то клевали под ногами и метались над головой, уворачиваясь от ползучих стеблей, свисавших с потолка, выкрашенного в серо-голубой цвет, который напоминал ей о зимнем небе Санкт-Петербурга. Она ела не спеша, наблюдая за птицами, расслабившись в кресле, слушая разговоры вокруг. Неторопливый завтрак! Ей, проведшей всю жизнь за тяжелой работой, сначала было так неуютно от этого, даже тревожно, будто она украла какой-то предмет роскоши. Будто каждый день у нее воскресное утро, как говорила Надя. Но у Майи воскресные утра никогда не проходили так беззаботно. В детстве это было время уборки однокомнатной квартиры, где она жила с матерью. Та работала врачом и, как большинству женщин ее поколения, ей приходилось работать не покладая рук, чтобы сводить концы с концами, покупать еду, воспитывать ребенка, заниматься карьерой. Это было слишком тяжело для одного человека, и она присоединилась к числу женщин, яростно

требовавших лучшей участи, чем та, которую получали женщины в советские времена, работая за несправедливо маленькую зарплату да еще и выполняя домашние дела. Больше нельзя было ни ждать, ни молча терпеть — нужно было пользоваться сложившейся нестабильной обстановкой. «Все на столе, — кричала мать Майи, готовя скудный ужин, — все, кроме еды!»

И, пожалуй, они воспользовались своим случаем. В советское время женщины научились помогать друг другу, создав почти самодостаточный мир матерей, сестер, дочерей, бабушек, подруг, коллег по работе. Потом этот мир укрепил свои преимущества и еще глубже проник во власть, в тесную мужскую олигархию российского правительства.

В значительной степени это коснулось и космической программы. Мать Майи, в некоторой степени вовлеченная в медицинские исследования, связанные с космосом, всегда клялась, что космонавтике понадобится много женщин — хотя бы для того, чтобы получить от них данные медицинских экспериментов. «Они не смогут вечно ссылаться на одну лишь Валентину Терешкову!» — восклицала мать. И оказалась права: став авиационным инженером по окончании

московского университета, Майя начала работать в одной из проектных организаций Байконура, где хорошо себя проявила и была направлена на «Новый мир». Там она перерабатывала интерьеры, улучшая их эргономику, а позднее целый год руководила станцией — и за этот год выполнила пару аварийных починок, тем самым отлично зарекомендовав себя. Далее последовали административные назначения на Байконуре и в Москве, а спустя некоторое время ей удалось попасть в политбюро Главкосмоса, где она изящнейшим образом натравила мужчин друг на друга, вышла за одного из них замуж, развелась, став независимым лицом в Главкосмосе, и, наконец, вошла в самый узкий круг — двойной триумвират.

И вот она сидела здесь и неторопливо завтракала. «Вот так цивилизация!» — усмехнулась бы Надя. Она была лучшей подругой Майи на «Аресе» — низенькая женщина, круглая, как валун, с квадратным лицом, обрамленным короткими волосами с заметной проседью. В общении прямая, насколько это было возможно. Миловидная Майя, которая знала об этом своем качестве и не раз им пользовалась, любила в Наде ее прямоту, которая неким образом подчеркивала профессионализм женщины. Надя работала инженером и

обладала обширной практикой в строительстве при холодном климате. Они познакомились на Байконуре двадцатью годами ранее и когда-то прожили вместе несколько месяцев на «Новом мире». За эти годы они стали друг другу как сестры, хоть и не были похожи. Пусть они не всегда ладили, но все равно были близки.

Сейчас Надя, осмотревшись, заметила:

— Поселить русских и американцев в разных торусах было глупостью. Мы работаем с ними днями напролет, но бóльшую часть времени видим одни и те же лица. Это только отдаляет нас друг от друга.

— Может, предложить им поменяться половиной комнат?

Аркадий, уплетая маленькие булочки с изюмом, наклонился к ним из-за соседнего столика:

— Этого недостаточно, — произнес он, будто с самого начала участвовал в их разговоре. В его рыжей бороде, которая с каждым днем казалась все более растрепанной, виднелись крошки. — Нужно объявить воскресенье днем переездов, чтобы все в произвольном порядке менялись квартирами. Тогда все получше узнают друг друга, и узких компаний станет меньше. А понятие владения комнатами вообще исчезнет.

— Но мне нравится владеть комнатой, — возразила Надя.

Аркадий, засунув в рот очередную булочку, начал ее пережевывать и лишь усмехнулся, взглянув на собеседниц. То, что комитет пропустил его, казалось настоящим чудом.

Но Майя все же подняла этот вопрос перед американцами, и, хотя план Аркадия никому не понравился, одноразовый обмен половиной комнат они восприняли положительно. Посовещавшись и все обсудив, они договорились переехать. Они проделали все в воскресенье утром, после чего завтрак стал несколько более космополитичным. По утрам в столовой торуса D теперь бывали Фрэнк Чалмерс и Джон Бун, а также Сакс Расселл, Мэри Данкел, Джанет Блайлевен, Риа Хименес, Мишель Дюваль и Урсула Кол.

Джон Бун оказался ранней пташкой и приходил в столовую даже раньше Майи.

— Эта комната такая просторная и свободная, что здесь кажется, будто мы сидим на открытом воздухе, — заметил он из-за своего стола, когда Майя вошла. — Гораздо лучше, чем в торусе B.

— Штука в том, что мы убрали весь хром и белый пластик, — ответила Майя. Ее английский был достаточно хорош и быстро становился все

лучше. — А потом покрасили потолок, чтобы он был похож на настоящее небо.

— Значит, это не просто голубой?

— Да.

Ей он казался типичным американцем: простым, открытым, прямолинейным, раскованным. И все же он один из известнейших людей. Осознание этого факта могло подавлять людей, но Бун словно выскальзывал из собственного ореола, бросая его на пол и оставляя лежать у ног. Сосредотачиваясь на вкусе булочки или новостей на настольном экране, он никогда не упоминал о своей предыдущей экспедиции, а если кто-нибудь поднимал эту тему, он говорил так, будто та экспедиция ничем не отличалась от других полетов, в которых он бывал. Все знали истину, но напрочь забывали ее, околдованные его непринужденностью, когда он каждое утро за одним и тем же столом смеялся над избитыми шутками Нади, внося свою лепту в разговор. Спустя некоторое время вокруг него уже сложно было разглядеть какую-то особую ауру.

А вот Фрэнк Чалмерс казался более интересным. Он всегда приходил поздно, садился один и уделял внимание лишь кофе и настольному экрану. После пары чашек начинал общаться с те-

ми, кто сидел поблизости, на исковерканном, но понятном русском. Большинство же беседующих за завтраком в торусе D теперь переключилось на английский, чтобы вовлечь в разговор американцев. Языковая ситуация на корабле походила на набор матрешек английским владели все сто человек, среди них были те, кто владел русским, среди тех — кто владел другими языками народов содружества, а еще были между народники. Восемь человек на борту — идиосители языков — по мнению Майи, печальным образом осиротели, и ей казалось, что они больше остальных привязаны к Земле, поэтому часто общались с домом. Несколько странно было иметь среди них своего психиатра: хотя он владел двумя языками, но был сильно привязан к Франции.

И все же английский для них был лингва франка[13], и Майя поначалу считала, будто это давало американцам преимущество. Но потом заметила, что те, когда общались, не могли ничего скрыть, тогда как остальные, если хотели, могли переходить на свои языки.

Фрэнк Чалмерс, однако, был исключением. Он говорил на пяти языках — столько не знал никто

---

[13] Примечания: 13
Язык, используемый для межнационального общения.

из присутствующих на борту. И он не боялся переходить на русский, несмотря на то, что говорил на нем весьма плохо. Он будто вытесывал вопросы из камня и слушал ответы с поистине пронзительным вниманием и быстрым странным смешком. Майя полагала, что он во многом отличался от обычных американцев. Поначалу казалось, Чалмерс обладал всеми признаками своих соотечественников: был крупным, громким, поразительно энергичным, самоуверенным, непоседливым, а после чашки кофе — общительным и довольно дружелюбным. Не сразу можно было заметить, как он включал и выключал свою дружелюбность и как мало раскрывался во время разговоров. Например, Майя так ничего и не разузнала о его прошлом, хотя не раз осторожно пыталась его разговорить. Такие качества пробуждали в ней любопытство. У Фрэнка были темные волосы, смуглое лицо, светло-карие глаза — красивые, как у «крутого» парня. Улыбки его непродолжительны, а смех хотелось назвать острым — такой же у матери Майи. Взгляд тоже был острым, особенно когда он смотрел на Майю, — так он оценивал коллегу-руководителя, полагала она. С ней он вел себя так, будто они давно были знакомы и хорошо понимали друг друга, что

смущало ее, учитывая, как мало они общались в Антарктике. Она привыкла считать женщин своими союзницами, а мужчин — несущими притягательные, но опасные проблемы. Поэтому мужчину, возомнившего себя ее союзником, она считала еще более проблемным. И опасным. И… кое-каким еще.

Она припоминала лишь один случай, когда ей удалось заглянуть в него глубже, чем обычно, — это было еще в Антарктике. После того как инженер по теплотехнике не выдержал и был сослан на север, до них дошли новости о его замене. Все были удивлены и возбуждены, узнав, что это будет сам Джон Бун, пусть даже он получил недопустимую дозу радиации во время своей предыдущей экспедиции. Когда в вечерней комнате обсуждали эту новость, туда вошел Чалмерс. Майя видела, как ему сообщили об этом и он резко мотнул головой в сторону собеседника, а в следующую долю секунды она заметила вспышку гнева — быструю и почти неуловимую.

С тех пор она стала к нему присматриваться. У них с Джоном Буном, несомненно, были странные отношения. Чалмерсу, конечно, приходилось туго: он являлся официальным руководителем американцев и его даже называли Капитаном, но

Бун, симпатичный блондин с необычайным обаянием и манерами, имел определенно больший авторитет. Бун казался настоящим американским лидером, а Фрэнк Чалмерс — кем-то вроде гиперактивного ответственного руководителя, выполняющего немые приказы Буна. Мириться с таким было трудно.

Когда Майя спросила Фрэнка о Джоне, тот ответил, что они были старыми друзьями. Но сама она видела мало подтверждений этому — при том, что наблюдала достаточно внимательно. Они редко общались на людях и едва ли виделись с глазу на глаз. А когда оказывались рядом, Майя наблюдала за ними особенно внимательно, даже не осознавая, для чего, — это казалось логичным исходя из самой ситуации. Находись они в Главкосмосе, был бы стратегический смысл вбить между ними клин, но на «Аресе» она об этом не думала. Майя о многом не задумывалась — осознанно.

Но все же наблюдала. А однажды утром Джанет Блайлевен явилась в своих видеоочках на завтрак в столовую торуса D. Она была главным репортером американского телевидения и часто бродила по кораблю в очках, глядя по сторонам и комментируя, собирая истории и передавая их

домой, где они могли быть, как говорил Аркадий, «переварены и изрыгнуты для этих птенчиков-зрителей».

Конечно, в этом не было ничего необычного. Внимание медиа знакомо каждому астронавту, а во время отбора их разглядывали так пристально, как никогда прежде. Теперь же они стали материалом для программ, превосходивших по популярности все предыдущие космические программы. Миллионы следили за ними, как за величайшей мыльной оперой, и некоторых на борту это беспокоило. Поэтому, когда Джанет устроилась в конце стола в своих стильных очках с оптическими волокнами в оправе, раздалось несколько недовольных стонов. А на другом конце того же стола, не обращая внимания на окружающих, спорили Энн Клейборн и Сакс Расселл.

— Понадобятся годы, чтобы узнать, что там есть, Сакс. Даже десятилетия. На Марсе столько же суши, сколько на Земле, у него уникальная геология и химия. Поверхность планеты нужно тщательно изучить, прежде чем начинать изменять ее.

— Мы изменим ее уже тем, что окажемся на ней, — Расселл отмахнулся от возражений Энн,

будто от паутины, упавшей ему на лицо. — Решение отправиться на Марс было лишь первой фразой в предложении, а все предложение звучит, как…

— Veni, vidi, vici[14].

Расселл пожал плечами.

— Можно и так сказать.

— Ты сволочь, Сакс, — заявила Энн, раздраженно приподняв губу. Широкоплечая женщина с непослушными каштановыми волосами, она была геологом и имела твердое мнение, из-за чего с ней было трудно спорить. — Видишь ли, Марс принадлежит *сам себе*. Ты можешь играть в свое изменение климата — на Земле, если хочешь, там такая помощь понадобится. Или попробуй на Венере. Но ты не можешь вымести прочь поверхность планеты, которая формировалась три миллиарда лет.

— Ни одно из подобных решений не будет принято без нашего участия, — резко вставил Аркадий.

Джанет перевела взгляд с одного собеседника на другого, чтобы в кадр попали все. Энн начинала заводиться, она подняла голос.

---

[14] Примечания: 14
Пришел, увидел, победил *(лат.)*.

Осмотревшись, Майя заметила, что Фрэнку такая ситуация не нравилась. Но если бы он попытался все уладить, миллионы зрителей поняли бы, что он был против того, чтобы колонисты спорили у всех на виду. Вместо этого он посмотрел через весь стол и поймал взгляд Буна. Они обменялись взглядами так быстро, что Майя не успела моргнуть.

Бун произнес:

— Когда я был там раньше, у меня сложилось впечатление, что он похож на Землю.

— Только там было двести по Кельвину, — заметил Расселл.

— Конечно, но он выглядел, как Мохаве[15] или сухие долины Антарктиды. Когда я впервые там осмотрелся, я поймал себя на том, что пытаюсь различить тюленей, которых мы видели в сухих долинах…

И так далее. Джанет повернулась к нему, а Энн с явным презрением взяла свой кофе и вышла.

Позднее Майя пыталась вспомнить взгляды, которыми обменялись Бун и Чалмерс. Они напоминали то ли некий код, то ли особый язык, который могли придумать для себя двое близ-

---

[15] Примечания: 15
Пустыня на юго-западе США.

нецов.

Проходили недели, а дни все так же начинались с неторопливого завтрака. Зато после завтрака стало куда больше суеты. Каждый жил по своему расписанию, и у некоторых оно оказалось плотнее, чем у остальных. У Фрэнка дел — полным-полно, и ему нравилась их безумная гуща. Но обязательная каждодневная работа была не настолько прекрасной: им приходилось поддерживать свою форму, управлять кораблем и готовиться к высадке на Марс. Обслуживание судна включало как сложность программирования или ремонта, так и простоту перемещения запасов из хранилища или выброса мусора. Команда специалистов по биосфере проводила много времени на ферме, занимавшей значительную часть торусов C, E и F; у всех остальных также были обязанности на ферме. Большинству эта работа нравилась, а некоторые даже возвращались к ней в свое свободное время. По велению докторов все должны были проводить по три часа в день на беговых дорожках, эскалаторах, беличьих колесах или силовых тренажерах. В зависимости от нравов эти часы воспринимались с удовольствием, терпением или отвращением, но даже те, кто открыто презирал подобные занятия, завершали

их в заметно лучшем настроении.

— Бета-эндорфины — лучшее лекарство, — говорил Мишель Дюваль.

— Какое счастье, ведь других у нас нет, — отвечал Джон Бун.

— Ну, есть еще кофеин…

— От него клонит в сон.

— Алкоголь…

— Болит голова…

— Прокаин, давон, морфин…

— Морфин?

— В медицинских препаратах. Не для общего применения.

Аркадий улыбнулся:

— Может, мне лучше заболеть?

Инженеры — и Майя в том числе — по утрам занимались на учебных симуляторах. Проходили эти занятия на резервном мостике в торусе В, где установлены новейшие синтезаторы изображения. Симуляции оказались так сложно устроенными, что заметить визуальную разницу между ними и реальным действием было непросто. Но это не означало, что занятия проходили с интересом: стандартное выведение на орбиту, которое они прогоняли раз в неделю, прозвали «мантрой», и оно набило оскомину всем возмож-

ным составам экипажа.

Но даже скука иногда оказывалась меньшим злом. Аркадий, который был у них специалистом по обучению, обладал извращенным талантом придумывать настолько сложные нештатные ситуации, что они часто всех «убивали». Эти ситуации приносили удивительно неприятные ощущения, отчего сам Аркадий не пользовался большой популярностью среди «своих жертв». Он в случайном порядке совмещал «мантру» с нештатными ситуациями, причем последним уделял внимание все чаще. Они «сближались с Марсом», но загорались красные огоньки, иногда включались сирены, и они снова оказывались в беде. Однажды они столкнулись с пятнадцатиграммовой планетарной массой, отчего в тепловом щите образовалась крупная трещина. Сакс Расселл рассчитал, что их вероятность врезаться во что-либо более тяжелое, чем один грамм, составляла примерно один раз за семь тысяч лет путешествия, но это с ними случилось. Авария! Адреналин зашкаливал! Не успели они осознать саму возможность этого, как бросились за скафандрами, вышли в открытый космос, чтобы заделать пробой, прежде чем войдут в атмосферу Марса и сгорят, как чипсы. Когда они

были на полпути наружу, по внутренней связи раздался голос Аркадия: «Недостаточно быстро! Мы все уже мертвы».

Но это еще простое задание! Другие же… Так, корабль управлялся электродистанционной системой — то есть пилоты вбивали инструкции в бортовые компьютеры, а те их обрабатывали и передавали приборам наиболее оптимальные команды для достижения желаемого результата. Потому что при сближении с такой скоростью с гравитационной массой размеров Марса человек мог просто не почувствовать, как должны работать двигатели. Поэтому никто из них не был таким же пилотом, как, например, те, что управляли самолетами. Тем не менее Аркадий частенько отключал резервную систему, когда они подходили к критическому моменту (по расчету Расселла вероятность такого сбоя составляла один случай из десяти миллиардов), и им приходилось принимать управление и следить за мониторами, где их тяготило изображение Марса, оранжевое на черном, и они могли либо, двигаясь медленно, улететь в открытый космос и долго там умирать, либо быстро врезаться в планету и погибнуть мгновенно. И в последнем случае им приходилось наблюдать за этим

вплоть до финального столкновения на скорости сто двадцать километров в секунду.

Или у них могла случиться механическая поломка: главных или стабилизационных ракетных двигателей, компьютерного оборудования, программных средств, системы развертывания теплового щита — во время сближения все это должно работать идеально.

И сбой этих систем был наиболее вероятным среди прочих — как указал Сакс (хотя некоторые оспаривали его методику расчета рисков), в пределах одного из десяти тысяч сближений. И они проделывали это снова, и опять загорались красные огни, и они вздыхали и молили об очередной «мантре», хотя им даже немного нравилось принимать новые вызовы. Когда им удавалось выжить при механических поломках, это безумно им льстило и иногда вообще становилось событием недели. Однажды Джон Бун вручную произвел аэродинамическое торможение с единственным функционирующим главным ракетным двигателем, попав в нужную миллисекунду на единственной допустимой скорости. «Слепая удача», — объяснил он, широко улыбаясь, когда это обсуждалось за ужином.

Большинство же нештатных ситуаций Аркадия

оканчивалось неудачами — то есть все в них погибали. Неважно, симуляция или нет, трудно было приходить в себя после таких неудач, кроме того, раздражал Аркадий, который все это выдумывал. Однажды они, едва починив мониторы на мостике, увидели, что экраны зафиксировали столкновение с небольшим астероидом, который врезался в центральный вал корабля и убил их всех. И другой раз Аркадий как член группы, осуществлявшей навигацию, сделал «ошибку» и дал компьютерам команду увеличивать вращение корабля вместо того, чтобы сокращать его.

— Нас прижало к полу шестью *g*! — завопил он в поддельном ужасе, и им пришлось полчаса ползать по полу, пытаясь исправить ошибку, — при этом каждый из них весил по полтонны. Когда ошибку удалось исправить, Аркадий вскочил на ноги и принялся отталкивать их от контрольного монитора.

— Что ты, черт возьми, вытворяешь?! — вскричала Майя.

— Да он с ума сошел, — сказала Джанет.

— Он *симулирует* то, что сошел с ума, — поправила ее Надя. — Нам нужно придумать… — она обходила Аркадия вокруг, — как справиться, если кто-то на мостике свихнется!

Несомненно, задумка состояла именно в этом. Но они видели белки глаз Аркадия, и в его взгляде не было ни малейшего признака того, что он узнавал товарищей, когда, ничего не говоря, на них набрасывался. Им пришлось вязать его впятером, при этом Джанет и Филлис Бойл досталось от его острых локтей.

— Ну что? — спросил он потом за ужином, осторожно ухмыляясь с распухшей губой. — Что, если это произойдет? Мы здесь и так под давлением, а при сближении будет еще хуже. Что, если кто-то не выдержит? — Он повернулся к Расселлу, и его ухмылка стала еще шире; — Каковы здесь шансы, а? — И он начал петь ямайскую песню со славянско-карибским акцентом: — «Давление падает, о, давление падает, о-о, давление падает на тебя-я-я!»[16]

И они продолжали попытки, стараясь справляться с нештатными ситуациями со всей серьезностью, на какую были способны, — даже с атакой коренных марсиан, расстыковкой торуса Н, вызванной «взрывными болтами, ошибочно установленными при строительстве корабля», и отклонением Фобоса от своей орбиты в по-

[16] Примечания: 16

Песня «Pressure Drop» впервые была исполнена ямайской группой «The Maytals» в 1969 году.

следнюю минуту. Такие невероятные сценарии отдавали черным юмором, и, когда Аркадий в свободное время после ужина показывал свои видеозаписи, некоторые от смеха отрывались от пола.

Но вероятные нештатные ситуации… Они появлялись снова и снова, каждое утро. И вопреки их решениям, вопреки протоколам поиска этих решений, они все равно видели это, раз за разом: красная планета приближается к ним с невообразимой скоростью в 40 000 километров в час, пока не заполняет экран, а потом тот становится белым и на нем всплывают черные буквы: ***Столкновение***.

Они летели на Марс по Гомановскому эллипсу второго типа, по медленной, но четкой траектории, выбранной среди альтернативных вариантов главным образом потому, что обе планеты находились в подходящей для этого позиции в тот момент, когда корабль наконец приготовили к старту, — Марс был примерно в сорока пяти градусах впереди Земли в плоскости эклиптики. Им предстояло чуть более половины пути двигаться вокруг Солнца и примерно через триста дней выйти на рандеву с Марсом. Таков их зародышевый период, как выразилась Хироко.

На Земле психологи решили, что время от времени на «Аресе» необходимо менять обстановку, и предложили устроить чередование времен года. Для этого стали переключать продолжительность дней и ночей, погоду и окружающие астронавтов цвета. Одни придерживались мнения, что примарсение должно прийтись на раннюю осень, время сбора урожая, другие — что оно должно стать новой весной. После непродолжительных споров голосованием самих путешественников было решено начать перелет ранней весной. Таким образом, путь пришелся на лето, а не на зиму, а при приближении к цели корабль должен был окраситься в осенние тона самого Марса, а не в синие и зеленые оттенки, которые к тому времени останутся у них далеко позади.

И в первые месяцы, когда они завершали свои утренние дела и покидали кто ферму, кто мостик, а кто и едва выползал после садистских симуляций Аркадия, они попадали в весну. Стены были увешаны бледно-зелеными панелями или фотоплакатами азалий, палисандров или декоративных вишен. В больших помещениях фермы желтым с новыми оттенками сияли ячмень и горчица, а лесной биом вместе с семью парковыми помещениями корабля зарос деревьями и ку-

старником. Майя любила эту весеннюю зелень, и после утренних занятий посвящала какое-то время прогулкам по лесному биому, с его холмистым полом и такому густо заросшему, что с одного конца комнаты нельзя было увидеть другой. Здесь она часто встречала Фрэнка Чалмерса, который проводил в этом месте свои короткие перерывы. Он говорил, что любит весеннюю листву, хотя, казалось, он никогда даже не смотрел на ветви деревьев. Они прогуливались вместе, то беседуя, то молча, в зависимости от случая. Если говорили, то никогда не касались каких-либо важных тем: Фрэнк не стремился обсуждать с ней работу, как обычно обсуждали между собой разные рабочие вопросы руководители экспедиций. Майя находила эту его черту странной, но никогда не заявляла о таком своем мнении вслух. К тому же в пользу его нерасположенности к беседам на тему работы говорило то, что они выполняли разные обязанности. Майя относилась к этому без формальностей — все российские космонавты во все времена были более-менее равноправны по традиции, тянущейся еще со времен Королёва. Участники американской программы больше придерживались военных традиций, что прослеживалось даже в их званиях: если Майя — просто

координатор Российского контингента, то Фрэнк — капитан Чалмерс, причем в этом предположительно заключался еще и намек на старые военно-морские силы.

Становилась ли его работа легче или сложнее от этой власти, он не говорил. Иногда он обсуждал биом, незначительные технические проблемы или новости из дома — но чаще всего казалось, будто ему просто нравилось гулять с ней. Поэтому — безмолвные прогулки, вверх и вниз по узким тропам, сквозь густые чащи сосен, осин и берез. И непременное ощущение близости, будто они были старыми друзьями или как если бы он очень застенчиво (или тонко) ухаживал за ней.

Как-то раз поразмыслив над этим, Майя поняла, что запуск «Ареса» весной мог доставить хлопот. Теперь они оказались в своем мезокосме, бродили посреди весны, все вокруг излучало зелень и плодородие, воздух благоухал цветами и обвевался ветром, дни становились длиннее и теплее, все ходили в футболках и шортах, сотня здоровых животных в тесноте, они ели, занимались упражнениями, принимали душ, спали. Конечно, здесь не могло обойтись без секса.

Ну, ничего нового в этом не было. У Майи и самой когда-то случался фантастический секс

в космосе, особенно во время ее второго пребывания на «Новом мире», когда они с Георгием, Ильей и Ириной испытали все возможные позы в невесомости — а их оказалось в самом деле много. Но сейчас всё иначе. Они были старше и застряли друг с другом надолго: «В замкнутой системе все по-другому», — как сказала однажды Хироко, пусть и в ином контексте. В НАСА придерживались идеи, что у них у всех должны быть братские отношения: из 1 348 страниц тома, который НАСА озаглавило «Человеческие отношения при перелете на Марс», теме секса была отведена лишь одна страница, и на этой странице рекомендовалось от него воздерживаться. Исходя из рекомендаций, можно было представить: они — что-то вроде племени с явным табу на внутриплеменные скрещивания. Русские потешались над этим; американцы в самом деле были такими щепетильными. «Мы не племя, — говорил Аркадий. — Мы — целый мир».

Но стояла весна. На борту находилось несколько супружеских пар, некоторые из пар не особо скрывали свою любовь от окружающих. В торусе Е имелся бассейн, сауна и вихревая ванна. При смешанных компаниях их посещали в купальных костюмах — опять же из-за американцев. Но уже

не помогали и купальные костюмы. Естественно, это начало происходить. Она слышала от Нади и Иваны, что купол-пузырь стали использовать для ночных свиданий: оказалось, многим космонавтам и астронавтам невесомость пришлась по душе. А для тех, у кого было мало опыта с невесомостью, убежищем служили укромные местечки в парках и лесном биоме — ведь они создавались как раз для того, чтобы люди чувствовали себя там сбежавшими ото всех. И у каждого из них имелась собственная звукоизолированная комната. Учитывая все это, парочка, желавшая начать отношения и не желавшая давать тему для сплетен, имела достаточно возможностей остаться незамеченной. Майя не сомневалась, что впереди их ждало больше, чем один человек сумел бы постичь.

Она чувствовала это. И другие, конечно, тоже. Негромкие беседы парочек, обмены местами в столовой, быстрые взгляды, слабые улыбки, руки, на ходу касающиеся плеч или локтей… О да, это происходило. В воздухе возникало некое напряжение, и оно было приятным лишь отчасти. Снова взыграли антарктические страхи — к тому же теперь число потенциальных партнеров было невелико, и отношения походили на игру в

музыкальные стулья.

Но для Майи проблемы на этом не заканчивались. Она была даже более осмотрительной, чем большинство русских мужчин, которые опасались спать с начальницей. Она была насторожена на этот счет, потому что знала, каково это, потому что раньше занималась этим сама. К тому же никто из них… ну, ее привлекал Аркадий, но ему она не нравилась, и казалось, он вообще не питал интереса на сей счет. Илью она знала давно, и он был просто другом; Дмитрий ее не интересовал; Влад был старше, Юрий — не ее типа, Алекс — сторонником Аркадия… и далее в том же духе.

А что касалось американцев и международников — ну здесь была проблема иного толка. Скрещивание культур — кто знал, к чему оно приведет? И она оставалась одна. Но думала об этом. И изредка, когда она просыпалась утром или после физических упражнений, ее уносило волнами желания и выбрасывало на берег кровати или душевой кабинки, оставляя с чувством одиночества.

И однажды, поздним утром, после особенно нервной нештатной ситуации, с которой они почти было справились, но в конце все равно провалили, она столкнулась в лесном биоме с

Фрэнком Чалмерсом. Она ответила на его приветствие, а потом они углубились в лес метров на десять и там остановились. Она была в шортах и майке с бретельками, потная и раскрасневшаяся после безумной симуляции. Он — в шортах и футболке, босой, потный и запыленный от прогулки по ферме. Вдруг он издал свой резкий смешок и кончиками пальцев коснулся ее предплечья.

— Что-то у тебя сегодня очень довольный вид, — он улыбнулся.

Лидеры двух половинок экспедиции. Ровня друг другу. Она подняла руку, чтобы коснуться его руки, и больше ничего не потребовалось.

Они ушли с тропы и залезли в густые сосновые заросли. Остановились, чтобы поцеловаться — она уже давно не испытывала при этом столь странных ощущений, как теперь. Споткнувшись о корень, Фрэнк усмехнулся, не прекращая поцелуя, тем быстрым скрытным смешком, от которого Майя ощутила дрожь — едва ли не страх. Они уселись на сосновые иголки и перекатились, будто студенты, обжимающиеся по лесам. Она рассмеялась, ей всегда нравится быстрый подход к делу — в этом случае она могла бы вовремя сбить мужчину с ног, то есть защититься, если бы захотела того.

И они занялись любовью — и на какое-то время страсть унесла ее прочь. Когда все закончилось, она расслабилась, наслаждаясь остатками тлеющего пламени. Но затем ей отчего-то стало немного неловко, она не знала, что и сказать. Что-то в нем все же осталось скрытым, будто он затаился, даже занимаясь любовью. Но что было еще хуже, она ощущала, будто он испытывает нечто вроде триумфа — будто он выиграл, а она проиграла. Эта пуританская жилка в американцах, это чувство, что секс — это плохо, это что-то такое, во что мужчинам приходилось заманивать женщин. Она слегка прикрылась, раздраженная скрытой ухмылкой, промелькнувшей на его лице. Победил-проиграл, что за ребячество.

И все же они были, так сказать, соруководителями. Так что если они были так уж равны…

Они немного поболтали, довольно оживленно, а перед уходом даже занялись любовью еще раз. Но это было уже не так, как в первый раз — теперь она чувствовала смятение. В сексе слишком многое находилось за пределами рационального анализа. Майя всегда чувствовала в своих партнерах нечто такое, чего не могла ни понять, ни даже выразить словами. И, увидев лицо Фрэнка Чалмерса после их первого раза, она уверилась:

что-то не так От этого ей сделалось неуютно.

Но она была любезна, нежна. Не могла она отстраниться в такую минуту, это было бы непростительно. Они встали, оделись и двинулись обратно в торус D, где отужинали за одним столом вместе с остальными — вот где имело смысл держаться друг от друга на расстоянии. Но через несколько дней после их встречи она сама недовольно удивилась, осознав, что слегка его избегает, всякий раз находя отговорки, чтобы не оставаться с ним наедине. От этого ей было неловко. Раз-другой после этого они уединялись снова и по его инициативе занимались этим снова, а она чувствовала, что сделала ошибку. Или отчего-то была в плохом настроении? Но всегда выходило одинаково: всегда появлялась эта незаметная триумфальная ухмылка, говорящая: «Я тебя добился», которую она так ненавидела, потому что ощущала ее как моралистическую, пуританскую двуличную низость.

И она стала избегать его еще сильнее, не попадая в положение, когда это могло снова начаться, и он довольно быстро это понял. Как-то раз в обед он попросил ее прогуляться с ним в биом, и, когда она отказала, сославшись на усталость, в его взгляде коротко отразилось удивление, но затем

он скрыл его, будто надев маску. Ей стало нехорошо, хотя она даже не могла объяснить почему.

Пытаясь уладить отношения, нарушенные ее безрассудным поведением, она вела себя с ним дружелюбно и откровенно, если обстановка была безопасной. А раз или два намекнула, что для нее их свидания были не более чем способом укрепить дружбу, будто она поступала так же и с другими. Все это следовало «прочитать между строк», но, возможно, он ее неправильно понял. После первого такого пояснения он казался просто озадаченным. Однажды, покидая группу еще перед тем, как все начали расходиться, она заметила его острый взгляд. После этого — только скрытность и общение на расстоянии. Но он никогда не выглядел по-настоящему опечаленным и никогда не давил на нее, не приходил к ней и не заговаривал об этом. И все же это было лишь частью проблемы, не так ли? Он словно *не хотел* говорить с ней об этом.

Ну, пожалуй, у него были интрижки с другими женщинами, с какими-нибудь американками, трудно сказать наверняка. Он действительно не оставался один. Но все же было… неловко.

Майя решила положить конец этим вороватым соблазнениям — неважно, каких переживаний

это будет ей стоить. Хироко права: в замкнутой системе все по-другому. Для Фрэнка это было очень плохо (если это действительно его заботило), поскольку в этом отношении она училась у него. В итоге она решила помириться с ним, став хорошим другом. Она очень старалась, пытаясь однажды это сделать, почти месяц спустя, но просчиталась и зашла слишком далеко — до того, что он подумал, будто она вновь его соблазняет. Они сидели в компании, и она сидела рядом с ним, все заговорились допоздна, и затем он, явно неверно истолковав ее поведение, ушел с ней в ванные торуса D, обворожительно и обходительно беседуя по пути. Майя сердилась на саму себя; она не хотела показаться такой непостоянной, хотя в тот момент, если бы она ушла, то выглядела именно таковой. И она поддалась, потому что так было проще и часть ее все же хотела заняться любовью. И она занялась, разозлившись на себя и решив, что это последний раз, нечто вроде последнего подарка, который, хотела она надеяться, оставит у него хорошие воспоминания от всей этой истории. Она осознала, что была даже более пылкой, чем когда-либо прежде, что в самом деле желала доставить ему удовольствие. И затем, перед самым оргазмом, она взглянула в его лицо

— и это был словно взгляд в окна пустого дома. Это был последний раз.

Δv — скорость, дельта — изменение. В космосе это мера изменения скорости, необходимой, чтобы переместиться из одного места в другое, — то есть мера энергии, необходимой, чтобы это сделать.

Все уже движется. Но чтобы перенести что-то с (движущейся) поверхности Земли на ее орбиту, Δv должно составлять не менее десяти километров в секунду; чтобы покинуть земную орбиту и устремиться к Марсу — требуется Δv в 3,6 километра в секунду, а чтобы зайти на орбиту Марса и сесть на его поверхность — Δv должно равняться примерно одному километру в секунду. Сложнее всего — оставить Землю позади, и виной тому — глубочайший гравитационный колодец. Взбирание по кривой пространства-времени требует невероятных усилий, поскольку направление огромной инерции то и дело меняется.

У истории тоже есть инерция Частицы

(или события) имеют направленность в четырех измерениях пространства-времени. Математики, пытаясь выразить ее, рисуют на графиках так называемые мировые линии. В истории человечества мировые линии образовывают густой клубок вьющийся из тьмы доистории и уходящий сквозь время — кабель диаметром с саму Землю, двигающуюся по спирали вокруг Солнца по длинной кривой. Кабель из спутанных мировых линий — это и есть история Если увидеть, где он был, станет ясно, куда он тянется, — это простая экстраполяция Какое Δv потребуется чтобы сбежать из истории, сбежать от той мощной инерции и прочертить новую траекторию?

Сложнее всего — оставить Землю позади.

≈ * ≈

Форма «Ареса» отображала собой структуру реальности: вакуум между Землей и Марсом начал казаться Майе длинным рядом цилиндров, расходящихся от стыков под углом в сорок пять градусов. У них был беговой маршрут — что-то вроде бега с препятствиями — вокруг торуса С, где она замедлялась возле каждого стыка и напрягала мышцы ног при повышенном давлении из-за двух 22,5-градусных изгибов — оттуда ей внезапно открывалась вся длина следующего цилиндра. И мир начинал казаться совсем узким.

По-видимому, чтобы возместить это, люди, находившиеся внутри, становились более открытыми. Они продолжали сбрасывать свои антарктические маски, и каждый раз проявлялась новая, прежде неизвестная черта, которая позволяла всем, кто замечал ее, чувствовать себя гораздо свободнее, и это чувство открывало еще больше скрытых особенностей.

Однажды воскресным утром группа христиан, человек десять, отмечала Пасху в куполе-пузыре. На Земле был апрель, на «Аресе» — середина лета. После службы они отправились в столовую,

в торус D, на второй завтрак. Среди них были Юрий, Риа, Эдвард и Мэри. За столом уже сидели, попивая кофе и чай, Майя, Фрэнк, Джон, Аркадий и Сакс. Их разговоры тесно переплетались с разговорами, доносящимися от других столов, и то, что рассказывала Филлис Бойл, геолог, проводившая пасхальную службу, поначалу слышали только Майя и Фрэнк.

— Я могу понять предположение, что вселенная — это сверхсущество, а вся ее энергия — мысли этого существа. Это красивая идея. Но история Христа… — Джон затряс головой.

— Ты в самом деле знаешь эту историю? — спросила Филлис.

— Я вырос в лютеранской семье в Миннесоте, — ответил Джон. — Ходил в школу конфирмантов, все это мне вдолбили в голову.

«Потому-то он и решил вступить в дискуссию», — подумала Майя.

Его лицо приняло недовольное выражение, какого ей еще не приходилось у него видеть, и она слегка наклонилась вперед, вдруг сосредоточившись. Она бегло посмотрела на Фрэнка: тот вглядывался в свой кофе, словно в забытьи, но, несомненно, он внимательно слушал.

— Вы должны знать, — произнес Джон, — что

Евангелие было написано спустя десятилетия после его событий. Написано людьми, которые Христа в глаза не видели. И что были и другие описания, раскрывавшие другого Христа, но их исключили из Библии после политического процесса в третьем веке. То есть он, по сути, как бы литературный персонаж, поэтический образ. О нем как о человеке мы ничего не знаем.

Филлис покачала головой.

— Это неправда.

— Но это так, — возразил Джон. Сакс и Аркадий внимательно смотрели на него из-за соседнего стола. — Ну, у всего этого есть история. Монотеизм — это система верований, как вы знаете, возникшая в ранних пастушьих обществах. Чем сильнее они зависели от разведения овец, тем сильнее укреплялась их вера в бога-пастыря. Это простая связь — сами можете за ней проследить. А бог — всегда мужчина, потому что эти общества были патриархальными. В этом есть что-то от археологии и антропологии — то есть религиозной социологии, благодаря которой все становится совершенно понятным: откуда она взялась, какие роли выполняла.

Филлис удостоила его слабой улыбкой.

— Не знаю, чем и ответить на это, Джон. Это же

не вопрос истории. Это вопрос веры.

— Ты веришь в чудеса Христовы?

— Чудеса тут тоже ни при чем. Как и церковь, как и ее учение Дело в Христе.

— Но он просто литературный образ, — упрямо повторил Джон. — Вроде Шерлока Холмса или Одинокого рейнджера.

Филлис передернуло.

— Я считаю, что само существование вселенной — это чудо. Вселенной и всего, что в ней содержится. Разве ты можешь это отрицать?

— Разумеется, — ответил Джон. — Вселенная просто существует. Я называю чудом лишь действие, которое явно нарушает известные законы физики.

— Как путешествия на другие планеты?

— Нет, как восстание из мертвых.

— Доктора проделывают это каждый день.

— Докторам этого еще ни разу не удавалось.

Филлис растерялась.

— Не знаю, что ответить тебе, Джон. Я несколько удивлена. Мы не знаем всего, а когда делаем вид, будто это не так, просто ведем себя высокомерно. Сотворение мира — это загадка. Назвать что-то «большим взрывом» и думать, что у нас есть объяснение, — это плохая логика, плохое

мышление. За пределами твоего рационального научного мышления существует огромная область сознания, которая более важна, чем наука. Вера в Бога тоже входит в эту область.

И полагаю, у тебя она либо есть, либо нет. — Она поднялась. — Надеюсь, она к тебе придет. — И она вышла из зала.

После некоторого молчания Джон вздохнул:

— Простите, ребята, иногда это меня до сих пор задевает.

— Когда ученый заявляет, что он христианин, — заметил Сакс, — я воспринимаю это как эстетство.

— Церковь типа «разве не мило думать, что это так», — произнес Фрэнк, по-прежнему не отрывая взгляда от своей чашки.

— Они считают, — сказал Сакс, — что нам не хватает духовного измерения, которое было в более ранних поколениях, и пытаются вернуть его теми же средствами. — Он моргнул по-совиному, будто проблема должна была решиться лишь оттого, что ее выяснили.

— Но это же порождает столько нелепостей! — вспыхнул Джон.

— Просто у тебя нет веры, — насмешливо заметил Фрэнк, провоцируя его на отстаивание

позиции атеиста.

Джон не обратил на него внимания.

— Люди, которые работают в лабораториях, практичны, как никто другой, — вы же видите, как Филлис хватается за умозаключения, от которых ее коллеги давно отказались! А потом они внезапно начинают использовать всевозможные хитрости для победы в споре — виляния, отговорки, всякие туманные намеки. Будто они изменились до неузнаваемости.

— Просто у тебя нет веры, — повторил Фрэнк.

— Ну, надеюсь, у меня ее никогда и не будет! Для этого меня придется стукнуть молотком по голове!

Джон встал и вышел со своим подносом на кухню. Остальные молча смотрели друг на друга. «Должно быть, у него была действительно плохая школа конфирмантов», — подумала Майя. Никто из присутствовавших явно ничего не знал об этой стороне их беспечного героя. Кто мог предвидеть, что они узнают о нем или о каком-нибудь другом члене экипажа в следующий раз?

Новость о споре между Джоном и Филлис разошлась по кораблю. Майя не знала, кто все рассказал — ни Джон, ни Филлис, очевидно, не желали об этом упоминать. Затем она увидела Фрэнка

с Хироко — та рассмеялась, когда он что-то ей сообщил. Подойдя поближе, она услышала ответ Хироко: «Стоит признать, в этом Филлис права: мы не понимаем, почему все происходит».

Значит, Фрэнк. Сеет раздор между Филлис и Джоном (нетривиальной точкой зрения). Христианство по-прежнему оставалось основной силой в Америке — да и везде. Если бы на Земле прознали, что Джон Бун — противник христианства, это доставило бы ему хлопот. И не стало бы огорчением для Фрэнка. На Земле они все были актерами популярного шоу, но те, кто формировал и смотрел новости, понимали, что некоторые роли важнее других, и позволяли их исполнителям оказывать большее влияние на общество. В эту группу входили Влад и Урсула (которые теперь были не просто друзьями, как подозревала Майя), Фрэнк, Сакс… Все астронавты, хорошо известные публике до отбора, — но никто из них и близко не стоял рядом с Джоном по степени известности. Любая тень, павшая на кого-нибудь из них в глазах землян, могла отразиться соответствующим образом на их статусе на борту «Ареса». Как бы то ни было, именно этими соображениями, судя по всему, руководствовался Фрэнк.

По ощущениям, они словно заперты в гостини-

це, в которой нет ни выходов, ни даже балконов. Уныние от такой гостиничной жизни становилось все сильнее. Они пробыли там уже четыре долгих месяца, но до сих пор не проделали и половины пути. И ни тщательно продуманное физическое окружение, ни повседневные рутинные дела не могли ускорить их путешествие.

Однажды утром, когда второй экипаж трудился над очередной нештатной ситуацией Аркадия, на нескольких экранах одновременно загорелись красные огни.

— Система слежения за Солнцем зафиксировала вспышку, — сообщила Риа.

Аркадий вскочил.

— Это не я! — воскликнул он и склонился к ближайшему к нему экрану. Поднял взгляд, встретился со скептическими взглядами коллег и усмехнулся: — Прошу прощения, друзья, но этот волк настоящий.

Экстренное сообщение из Хьюстона подтвердило его слова. Ему было по силам подделать и такое сообщение, но он отвечал за связь с Землей, поэтому проверить подлинность подтверждения путешественники не могли. Подделка или нет, они вынуждены подчиниться.

Вообще они прогоняли возникновение крупной

вспышки на Солнце множество раз. Каждый должен был выполнить свою часть работы, причем некоторые — в очень сжатый срок. И они забегали по торусам, проклиная свою удачу и стараясь не попадаться друг другу на пути. Работы предстояло много: задраивание люков было сложным и не совсем автоматизированным процессом. Когда они переносили лотки для растений в убежище, Джанет закричала:

— Это что, опять Аркадий придумал?

— Говорит, что нет.

— Черт!

Они покинули Землю в низшей точке одиннадцатилетнего цикла солнечной активности — специально для того, чтобы снизить вероятность подобных вспышек. Но это все равно случилось. У них было около получаса до того, как до них дойдет первая доза радиации, а не более чем через час после этого им пришлось бы совсем туго.

Чрезвычайные происшествия в космосе могут быть очевидными, как взрывы, или неосязаемыми, как соблюдение баланса, но в их случае очевидность ничего не говорила о том, в насколько опасном положении они оказались. Органы чувств членов экипажа совершенно не воспри-

нимали тот субатомный ветер, что приближался к ним, но именно встреча с этим ветром была одним из худших событий, которые могли с ними произойти. И все это понимали. Они носились по торусам, внося свою лепту в процесс задраивания люков. Растения следовало накрыть или перенести в защищенные сектора. Кур, свиней, карликовых коров и остальных животных — загнать в их специальные убежища. Семена и замороженные эмбрионы — собрать и перенести. Чувствительные электродетали — сложить в ящики или тоже перенести. Покончив с наиболее срочными задачами, они со всей скоростью, на какую только были способны, ринулись к центральному валу и спустились по туннелю в штормовое убежище, которое находилось прямо у конца туннеля.

Последними прибыли Хироко и ее биосферная команда. Закрыв за собой люк через двадцать семь минут после первоначального сигнала, они влетели в невесомое пространство, раскрасневшиеся и запыхавшиеся.

— Не началось еще?

— Пока нет.

Они сорвали индивидуальные дозиметры со стеллажа с липучками и прикололи их к одежде.

Остальные уже плавали по полуцилиндрическому помещению, тяжело дыша и обрабатывая ушибы и растяжения. Майя приказала рассчитаться и, когда выяснилось, что все сто человек на месте, испытала облегчение.

Комната, казалось, была заполнена до предела. Они не собирались в полном составе в одном месте много недель — для этого даже самые просторные комнаты будто были малы. А это помещение занимало отсек в среднем звене центрального вала. Четыре соседних резервуара заполнены водой, а их отсек был разделен вдоль — на первый полуцилиндр, где находились они, и второй, в котором хранились тяжелые металлы. Плоская сторона их полуцилиндра служила им «полом» — установленная внутри цилиндра на кольцевых путях, она оборачивалась, нивелируя вращение корабля и сохраняя бак с водой между экипажем и Солнцем.

Они парили в неподвижном пространстве, тогда как изогнутая крыша отсека вращалась над ними со своей привычной частотой в четыре оборота в минуту. От этого странного зрелища, а также от невесомости некоторые начинали ощущать тошноту. Эти бедняги собирались в конце убежища, где располагались туалеты, а осталь-

ные, чтобы помочь им зрительно, подплывали ближе к полу. Из-за этого радиация поднималась по их ногам, но бóльшая часть гамма-лучей рассеивалась благодаря тяжелым металлам. Майя почувствовала желание свести колени вместе. Люди парили в пространстве либо обували туфли на липучках, чтобы ходить по полу. Они негромко переговаривались, инстинктивно находя своих соседей по комнатам, коллег по работе, друзей. Беседы вели сдержанно, будто на коктейльной вечеринке пустили слух, что закуска испортилась.

Джон Бун прорвался к компьютерным терминалам в передней части комнаты, где Аркадий с Алексом следили за состоянием корабля, которое отображалось на мониторах. Он ввел команду, и на самом большом экране помещения внезапно высветились данные об уровне радиации снаружи.

— Посмотрим, сколько там бьет по кораблю, — оживленно произнес он.

Раздались стоны.

— А это надо? — воскликнула Урсула.

— Мы должны знать, — ответил Джон. — И я хочу увидеть, насколько хорошо устроено это убежище. То, которое было на «Ржавом орле», было примерно таким же надежным, как слюнявчик,

который вы надеваете в кабинете стоматолога.

Майя улыбнулась. Джон редко напоминал о том, что получил гораздо больше радиации, чем кто-либо из них. Около 160 бэр за все время, как он однажды признался, когда его спросили. На Земле люди получали по 1/5 биологического эквивалента рентгена в год, а на ее орбите, под защитой земной магнитосферы, — около тридцати пяти в год. То есть Джон был сильно облучен, и теперь это каким-то образом давало ему право вывести на экран данные, если ему этого хотелось.

Те, кому было интересно, — человек шестьдесят — сгрудились перед ним, чтобы наблюдать за экраном. Остальные переместились в дальний конец отсека к страдающим от укачивания — те также явно не желали знать, какую дозу радиации сейчас принимали. Одной мысли об этом для них было достаточно, чтобы броситься в уборную.

Затем вспышка ударила в полную силу. Наружная радиация значительно превысила обычный уровень солнечного ветра и внезапно взлетела еще выше. Несколько наблюдавших одновременно тихонько присвистнули, раздались изумленные возгласы.

— Вы смотрите, сколько поглощает убежи-

ще, — произнес Джон, сверяясь с дозиметром, приколотым к рубашке. — У меня по-прежнему три десятых бэр!

Стоматологическому рентгену, чтобы достичь такого уровня, понадобилось бы несколько жизней, но сейчас радиация за пределами их убежища уже достигла семидесяти бэр и приближалась к смертельной, так что им удалось легко отделаться. И такое облучение пронизывало остальную часть корабля! Миллиарды частиц проникали на борт и сталкивались с атомами воды и металлов, сваленных рядом с убежищем; сотни миллионов пролетали мимо этих атомов, а затем сквозь атомы их тел, не соприкасаясь с ними, будто были не более чем призраками. И все же тысячи поражали атомы плоти и костей. Большинство таких столкновений были безвредными — но среди этих тысяч по всей вероятности присутствовали один-два (три?), которые попадали в хромосомную нить и скручивали ее не в ту сторону — а это уже было плохо. Образовывалась опухоль — сначала несущественная, будто опечатка в книге. А годами позже, если ДНК жертвы не излечится сама, ее неизбежное увеличение даст результат и внутри расцветет Нечто Чужеродное. Рак. Весьма вероятно, лейкемия и, весьма

вероятно, смерть.

Поэтому трудно было не обращать внимания на цифры. 1,4658 бэр. 1, 7861. 1,9004.

— Как будто одометр[17], — спокойно проговорил Бун, глядя на свой дозиметр.

Он держался за перекладину и подтягивался вверх-вниз, будто выполняя изометрические упражнения. Фрэнк, заметив это, спросил:

— Джон, какого черта ты делаешь?

— Уклоняюсь, — ответил Джон и улыбнулся нахмурившемуся Фрэнку. — Ну, знаешь… движущаяся цель.

Окружающие рассмеялись. Когда степень опасности высветилась на экранах, они уже не чувствовали себя такими беспомощными. В этом не было логики, но возможность называть вещи своими именами — сила, благодаря которой любой человек считал себя в некотором смысле ученым. А здесь и без того были настоящие ученые, плюс немало астронавтов, каждый из которых обучен принимать возможность подобных бурь. Все эти привычки разума начали проявляться в их мыслях, и потрясение немного спало. Они постепенно мирились с происходящим.

---

[17] Примечания: 17

Прибор, измеряющий и отображающий путь, пройденный транспортным средством.

Аркадий подошел к терминалу и включил «Пасторальную симфонию» Бетховена, начав с третьей части, когда танец в деревне прерывался из-за бури. Он прибавил громкость, и теперь они парили в длинном полуцилиндре, слушая глубину яростной бури Бетховена, которая, как внезапно показалось, идеально отвечала шквалу немого ветра, струившегося сквозь их тела. Он мог бы звучать именно так! Струнные и духовые визжали в диких порывах, необузданных, но при этом изумительно мелодичных, заставляя Майю ощущать, как мурашки бегают у нее по спине. Ей никогда еще не приходилось слушать такое старье столь внимательно. С восхищением (и чуточкой страха) посмотрев на Аркадия, увидела, как тот лучился от воздействия, произведенного подобранным им произведением, и танцевал, будто красный песочник на ветру. Когда буря в симфонии достигла апогея, было трудно поверить, что показатели радиации не возрастали, а когда музыкальная буря ослабла, казалось, что и настоящая должна утихать вместе с ней. Грохотал гром, свистели последние порывы. Безмятежная валторна объявила о завершении непогоды.

Люди начали разговаривать — они обсуждали различные дела этого дня, прерванные столь гру-

бым образом, или использовали возможность для бесед на другие темы. Спустя примерно полчаса одна из таких бесед перешла на повышенные тона. Майя не слышала, с чего все началось, но вдруг Аркадий громко заявил на английском:

— Но думаю, что нам стоит сильно заботиться о планах, которые придумали для нас на Земле!

Остальные разговоры затихли, и все повернулись к Аркадию. Он парил под вращающейся крышей убежища, откуда мог всех видеть и вещать, словно какой-то безумный летающий дух.

— Думаю, мы должны разработать новые планы, — произнес он. — Думаю, нам следует заниматься этим уже сейчас. Все необходимо переделать с самого начала, выразив наше новое мышление. Оно должно касаться всего — даже первых убежищ, которые мы там построим.

— Зачем? — спросила Майя, раздраженная его стремлением играть на публику. — Наши проекты и так неплохи.

Это в самом деле раздражало: Аркадий часто выходил в центр сцены, а люди всегда смотрели на нее так, словно она была каким-то образом ответственна за него, словно в ее обязанности входило его сдерживать, не позволяя докучать остальным.

— Здания — это основа для создания общества, — сказал Аркадий.

— Нет, для создания помещений, — поправил Сакс Расселл.

— Но помещения подразумевают организацию общества внутри них, — Аркадий огляделся, взглядом пытаясь вовлечь людей в обсуждение. — План здания показывает, что его проектировщик предполагает по поводу того, что должно находиться внутри. Мы видели это в начале перелета, когда русские и американцы были разделены в торусах D и B. Видите, мы должны были оставаться двумя отдельными структурами. То же самое произойдет на Марсе. Здания выражают ценности, они обладают чем-то вроде грамматики, тогда как помещения — это предложения. Я не хочу, чтобы мне указывали, как жить, из Вашингтона или из Москвы, мне этого уже хватило.

— А что тебе не нравится в проекте первых убежищ? — с заинтересованным видом спросил Джон.

— Они прямоугольные, — ответил Аркадий. Это вызвало смех, но он не сдавался: — Прямоугольник — это стандартная форма! А рабочая зона удалена от жилых блоков, будто работа — не часть жизни. И жилые блоки состоят в основ-

ном из отдельных помещений, с соблюдением иерархии: начальникам отведено больше пространства.

— Разве это сделано не для того, чтобы облегчить им работу? — спросил Сакс.

— Нет. В этом нет реальной необходимости. Это вопрос престижа. Если позволите так выразиться, это очень показательный пример американского делового мышления.

Послышался стон несогласия, и Филлис спросила:

— Разве нам нужно связываться с политикой, Аркадий?

При самом упоминании этого слова облако слушателей пошатнулось. Мэри Данкел и еще пара человек оттолкнулись и направились в другой конец помещения.

— Во всем есть политика, — сказал Аркадий им в спины. — И наш перелет — не исключение. Мы строим новое общество, как это можно сделать без политики?

— У нас же научная станция, — возразил Сакс. — Необязательно приплетать сюда политику.

— Когда я был там в последний раз, никакой политики там точно не было, — произнес Джон, задумчиво глядя на Аркадия.

— Была, — ответил Аркадий, — только она была проще. У вас тогда был полностью американский экипаж, вы выполняли временную миссию, подчиняясь приказам командования. Но сейчас наш экипаж международный и мы основываем постоянную колонию. Это совсем другое.

Люди медленно подплывали по воздуху в сторону говоривших, чтобы лучше слышать, о чем идет речь.

— Мне неинтересна политика, — сообщила Риа Хименес, и Мэри Данкел согласилась с ней из другого конца помещения:

— Это одна из тех вещей, от которых я хотела уйти, попав сюда!

Несколько русских ответили одновременно:

— Это тоже политическая позиция!

— Вы, американцы, — воскликнул Алекс, — хотите покончить и с политикой, и с историей, чтобы создать мир, которым будете править!

Пара американцев попыталась ему возразить, но он их перебил:

— Это правда! Весь мир изменился в последние тридцать лет. Каждая страна оценивает себя, существенно меняется, чтобы справиться с проблемами, — все, кроме США. Вы стали самой реакционной страной в мире.

— Страны, которые изменились, — начал Сакс, — были вынуждены это сделать, потому что до этого оставались закоснелыми и чуть не пришли к разорению. В США уже существовала гибкая система, и им не нужно было меняться так же решительно. Я хочу сказать, что американский вариант лучше, потому что он более плавный. Он лучше продуман.

Алекс задумался над этой аналогией, и тем временем Джон Бун, с явным интересом наблюдавший за Аркадием, произнес.

— Возвращаясь к убежищам. Какими бы ты их сделал?

Точно не знаю, — сказал Аркадий, — нужно сначала увидеть места, где мы будем строить, осмотреться вокруг, хорошенько обсудить. Понимаешь ли, это сложное дело. Но вообще я считаю, что рабочая и жилая зоны должны быть совмещены настолько, насколько потребует практичность. Наша работа станет чем-то бóльшим, чем зарабатывание денег, — она станет нашим искусством, всей нашей жизнью. Мы будем передавать ее друг другу, но не покупать или продавать. Также нельзя допускать никакого проявления иерархии. Я не доверяю даже той системе управления, которая существует у нас

сейчас, — он вежливо кивнул Майе. — Все мы несем равную ответственность, и наши здания должны с этим соотноситься. По форме лучше всего круг — его сложно построить, зато он надежно сохраняет тепло. Хороший компромисс — геодезический купол: такой легко соорудить, и он указывает на наше равенство. Внутреннее пространство, наверное, должно быть по большей части открытым. Разумеется, у каждого должна быть своя комната, но они должны быть невелики. Если, допустим, расположить их по кругу, то у нас появится больше общего пространства… — он повел мышью по одному из терминалов, начав делать на экране наброски. — Здесь. Такая архитектурная основа как будто говорит: все равны. Правильно?

— Там уже установлено много сборных элементов, — напомнил Джон. — Не уверен, что их удастся заменить.

— Удастся, если мы этого захотим.

— Но разве это так уж необходимо? В смысле, это же очевидно, что мы и так команда равных.

— Очевидно? — резко спросил Аркадий, осматриваясь. — Если Фрэнк и Майя говорят нам что-то делать, вольны ли мы пропустить это мимо ушей? Если Хьюстон или Байконур говорят нам

что-то делать, вольны ли мы пропустить это мимо ушей?

— Полагаю, что да, — мягко ответил Джон.

После этого заявления Фрэнк бросил на него острый взгляд. Дискуссия раскалывалась на несколько мелких споров — многим было что сказать, — но Аркадий оказался громче всех:

— Нас отправили сюда наши правительства, а они *все* порочны, причем большинство — до катастрофической степени. Именно поэтому история представляет собой кровавое месиво. Теперь мы одни, и лично мне не хотелось бы повторять все ошибки, сделанные на Земле. Несмотря на то, что так велит общественное мнение. Мы первые колонисты Марса! Мы *ученые*! Это же наша работа придумывать и претворять в жизнь все новое!

Снова вспыхнули споры — еще громче, чем прежде. Майя, отвернувшись, обругала Аркадия себе под нос, встревоженная тем, какой силы гнев разгорался в людях. Взглянув на Джона Буна, она увидела ухмылку. Он оттолкнулся от пола навстречу Аркадию, остановился, столкнувшись с ним, и пожал ему руку, отчего они закружились в воздухе, будто исполняя какой-то странный танец. Этот знак поддержки мгновенно заставил людей призадуматься — Майя видела это по удив-

лению на лицах. Если Джон, будучи сдержанным и рассудительным, одобрял идеи Аркадия, это совершенно меняло дело.

— Черт тебя дери, Арк, — сказал Джон. — Сначала эти безумные нештатные ситуации, теперь это — да ты настоящий бунтарь! Как ты, черт возьми, заставил их взять тебя на корабль?

«Мне вот тоже интересно», — подумала Майя.

— Я им соврал, — заявил Аркадий.

Все рассмеялись. Даже Фрэнк, удивленный.

— Ну разумеется, соврал! — воскликнул Аркадий, и крупная перевернутая ухмылка рассекла его рыжую бороду. — Как еще мне было сюда попасть? Я хочу оказаться на Марсе, чтобы делать то, чего сам пожелаю, а отборочный комитет хотел, чтобы люди отправились туда и делали то, что им скажут. Вы и сами это знаете! — Он указал на слушателей и закричал: — Вы все соврали, вы знаете, что это так!

Фрэнк смеялся сильнее прежнего. Сакс, как обычно, изображая Бастера Китона[18], поднял палец и объявил:

— Миннесотский многопрофильный тест личности, версия исправленная и дополненная.

---

[18] Примечания: 18

Бастер Китон (1895–1966) — американский актер, комик немого кино.

И все заулюлюкали.

Им всем пришлось пройти этот тест. Это был самый распространенный психологический тест в мире, и его высоко оценивали эксперты. От респондентов требовалось согласиться или не согласиться с 556 утверждениями, на основании ответов формировался профиль испытуемых. При этом их предположительные ответы опирались на ответы пробной группы 2 600 белых, женатых миннесотских фермеров среднего класса, живших в 1930-х годах Несмотря на все более поздние изменения, влияние этой первой тестовой группы все же оставалось существенным — или по крайней мере некоторым так казалось.

— Миннесота! — воскликнул Аркадий, закатив глаза. — Фермеры! Миннесотские фермеры! Знаете, что я вам скажу: я соврал в каждом ответе! Я отвечал *противоположно* тому, что чувствовал, и именно это позволило мне получить нормальный результат!

Это заявление было встречено дикими возгласами.

— Вот черт, — сказал Джон. — Я сам из Миннесоты, и мне тоже пришлось лгать.

Возгласы лишь усилились. Майя заметила, что Фрэнк побагровел от смеха, лишившись дара

речи, обхватив руками живот. Он хохотал, не в силах остановиться. Она никогда еще не видела, чтобы он так смеялся.

— Это тест заставил тебя лгать, — произнес Сакс.

— Да ну, а тебя нет, что ли? — спросил Аркадий. — Разве ты не врал?

— Нет вообще-то, — сказал Сакс, моргая так, будто само понятие лжи было для него внове. — Я отвечал как есть на каждый вопрос.

— Они засмеялись пуще прежнего. Сакс смотрел с изумлением, но выглядел от этого лишь смешнее.

Кто-то крикнул:

— А ты что скажешь, Мишель? Сам-то ты как отвечал?

Мишель Дюваль развел руками.

— Возможно, вы недооцениваете всех тонкостей ММТЛ. В нем есть вопросы, которые позволяют проверить вашу честность.

Такое утверждение вызвало целый поток вопросов в его адрес — это была методологическая инквизиция. Как он это проверял? Как тестеры опровергали их ответы? Как они их повторяли? Как исключали альтернативные объяснения данных? Как они могли претендовать на научность?

Многие явно считали психологию псевдонаукой и ненавидели те обручи, через которые их заставили прыгать, чтобы попасть на борт. Годы соревнований отразились на них не лучшим образом. И от открытия этого общего чувства загорелись десятки непринужденных разговоров. Напряжение, возникшее от политической речи Аркадия, исчезло.

«Похоже, Аркадий просто смешал одно с другим», — подумала Майя. Если так, это было очень умно́, да и Аркадий был весьма неглуп. Она постаралась вспомнить. Вообще-то это Джон Бун сменил тему. Он эффектно вознесся к потолку Аркадию на помощь, и тот не упустил своего шанса. Они оба были неглупы. И возможно, они были своего рода пособниками. И хотели создать альтернативное руководство — и американское, и российское. С этим нужно что-то делать.

— Ты думаешь, это плохой знак, что мы все признаем себя такими лжецами? — спросила она Мишеля.

Тот пожал плечами.

— Обсудить это было очень полезно. Теперь мы осознаём, что у нас больше общего, чем мы считали. Никому больше не придется думать, что он попал на борт нечестным путем.

— А ты? — спросил Аркадий. — Ты представил себя самым рациональным и уравновешенным психологом с таким странным умом, который нам еще предстоит узнать и полюбить?

Мишель слегка улыбнулся.

— Это ты у нас эксперт по странным умам, Аркадий.

Тут те, кто следил за экранами, позвали их. Уровень радиации начал опускаться. Вскоре он был лишь слегка выше нормы.

Кто-то снова включил «Пасторальную симфонию», последнюю ее часть — момент с валторнами.

Из динамиков полились «Радостные и благодарные чувства после бури», и, когда они покинули убежище и рассредоточились по кораблю, словно семена одуванчика на ветру, по всему «Аресу» зазвучала красивая старая народная мелодия, предстающая во всем своем брукнеровеком богатстве. Пока она играла, они заключили, что все укрепленные системы корабля остались в исправном состоянии. Толстые стены фермы и лесного биома защитили растения, и, хотя некоторые все же погибли, хранилище семян не пострадало. Животных теперь нельзя было употреблять в пищу, но они все же должны были

дать здоровое потомство. Единственной потерей стали несколько не пойманных певчих птиц из столовой торуса D: их нашли там на полу мертвыми.

Что касается экипажа, убежище защитило его, пропустив около шести бэр. Учитывая трехчасовую длительность излучения, это было плохо, но могло быть и хуже. Снаружи корабль принял на себя свыше 140 бэр — то есть смертельную дозу.

Шесть месяцев в гостинице, без единой прогулки снаружи. А внутри — позднее лето, медленно тянущиеся дни. На стенах и потолках преобладал зеленый цвет, а люди ходили босиком. Тихие разговоры были едва слышны среди гула машин и свиста вентиляторов. Корабль почему-то казался пустым — целые секции были брошены, когда экипаж замер в ожидании. Небольшие горстки людей сидели и разговаривали в коридорах торусов B и D. Когда вошла Майя, некоторые умолкли — и это не могло ее не встревожить. Она с трудом засыпала, с трудом просыпалась. Работа сделала ее беспокойной; все инженеры теперь просто ждали, и симуляции стали почти невыносимыми. Она с трудом укладывалась в нужное время, стала чаще, чем раньше, допускать ошибки. Ходила к Владу, и он посоветовал пить больше

воды, больше бегать, больше плавать.

Хироко советовала проводить больше времени на ферме. Она попыталась — часами выдергивала сорняки, собирала урожай, подрезала ветки, вносила удобрения, поливала, общалась, сидела на лавке, наблюдала за листьями. Отключалась от рутины. Помещения фермы занимали самую большую площадь, их сводчатые потолки были разлинованы яркими солнечными полосами. Многоуровневые полы были засажены различными культурами — после бури среди них появилось много новых. Здесь оказалось недостаточно места, чтобы прокормить весь экипаж выращенной на ферме едой, что не нравилось Хироко. Но она боролась с обстоятельствами, занимая хранилища, когда те пустели. Карликовые разновидности пшеницы, риса, сои и ячменя росли в нагроможденных поддонах; над ними свисали ряды гидропонных овощей и огромные прозрачные банки зеленых и желтых морских водорослей, которые использовались для регулирования газообмена.

Случались дни, когда Майя не занималась ничем, лишь наблюдала за работой команды фермеров — Хироко и ее помощника Ивао, который бесконечно пытался сделать биологическую

систему жизнеобеспечения максимально замкнутой, а также их работников, в число которых входили Рауль, Риа, Джин, Евгения, Андреа, Роджер, Эллен, Боб и Таша. Эффективность попыток увеличения замкнутости обозначалась К, то есть степенью этой замкнутости. Таким образом, для каждого вещества была справедлива формула:

$$\mathbf{K = I — e/E,}$$

где E — показатель потребления в системе, e — показатель (неполной) замкнутости, I — постоянная, для которой Хироко установила определенное значение ранее. Цель, $K = I — 1$, была недосягаема, но асимптотическое приближение к ней стало на ферме любимой биологической игрой и более того — имело критическое значение для их будущего существования на Марсе. Поэтому обсуждение этой темы могло растянуться на несколько дней, уходя по спирали в такие сложные области, которые никто должным образом не понимал. По сути, команда фермеров уже занималась своей основной работой, и Майя в душе им завидовала. Саму-то ее уже тошнило от симуляций!

Хироко была для Майи загадкой. Отчужденная и серьезная, она всегда казалась поглощенной

работой, и ее команда всегда стремилась находиться рядом с ней, словно она была королевой в стране, независимой от остальной части корабля. Майе это не нравилось, но она не могла ничего с этим поделать. И что-то в поведении Хироко делало это не столь угрожающим, а лишь давало понять, что ферма — обособленное место, а ее команда — обособленное общество. И возможно, Майя могла бы каким-либо образом использовать их в противовес влиянию Аркадия и Джона, поэтому она не беспокоилась из-за их отдельной страны. Наоборот, сблизилась с ними еще больше чем прежде. Иногда в конце рабочей сессии она ходила с ними в центральную часть корабля играть в придуманную ими игру, которую они называли «туннелескоком». Нужно было прыгать в трубу, ведущую к центральному валу, где все стыки между цилиндрами расширялись до одинакового размера и образовывали одну гладкую трубу. Чтобы облегчить быстрое перемещение вперед-назад вдоль этой трубы, в ней имелись рельсы, но прыгуны становились на люк штормового убежища и пытались вспрыгнуть по ней к люку купола-пузыря, на целые пятьсот метров, не натыкаясь на стены или рельсы. Из-за кориолисовых сил это было практически невозможно,

и пролетевший хотя бы половину пути обычно выходил победителем. Но однажды Хироко по пути в купол, где она собиралась проверить пробный урожай, поздоровалась с играющими, присела на люке убежища и, подпрыгнув, медленно пролетела всю длину туннеля, вращаясь в полете, а затем остановилась у люка купола, вытянув лишь одну руку.

Игроки уставились на туннель, онемев от изумления.

— Эй, — окликнула ее Риа. — Как ты это сделала?

— Что сделала?

Они рассказали ей об игре. Она улыбнулась, но Майя была уверена, что ей и так были известны правила.

— Так как ты это сделала? — повторила Риа.

— Просто прямо прыгнула! — объяснила Хироко и исчезла внутри купола.

Вечером, за ужином, эта история распространилась по кораблю.

— Может, тебе просто повезло, — сказал Фрэнк.

Хироко улыбнулась:

— Может, нам с тобой стоит сделать прыжков по десять и посмотреть, кто победит.

— Звучит неплохо.

— На что играем?

— На деньги, конечно.

Хироко покачала головой.

— Ты всерьез считаешь, что деньги еще имеют какое-то значение?

Несколько дней спустя Майя парила под куполом вместе с Фрэнком и Джоном, и они смотрели на Марс — теперь это был раздувшийся шар размером с десятицентовую монету.

— Многовато у нас споров в последнее время, — мимоходом заметил Джон. — Я слышал, Алекс и Мэри дошли до настоящей драки. Мишель говорит, это вполне ожидаемо, но все же…

— Наверное, у нас появилось слишком много начальников, — сказала Майя.

— Может, стоит оставить одну тебя за главную, — подтрунил над ней Фрэнк.

— Слишком много? — переспросил Джон.

— Дело не в этом, — покачал головой Фрэнк.

— Разве? Но у нас на борту много звезд.

— Потребность превосходить остальных и потребность руководить — не одно и то же. Иногда мне даже кажется, что это и вовсе противоположные понятия.

— Оставляю решение за вами. Капитан. — Джон ухмыльнулся насупившемуся Фрэнку.

Майя подумала, что Джон был единственным среди них, кто не чувствовал напряжения.

— Мозгоправы предвидели такую проблему, — продолжал Фрэнк. — Для них она достаточно очевидна. Они применили гарвардский метод.

— Гарвардский метод? — повторил Джон, будто пробуя выражение на вкус.

— Давным-давно гарвардские администраторы с тревогой заметили, что, если они принимали из школ только круглых отличников, а потом ставили первокурсникам все возможные оценки, большое число студентов первого курса впадало в депрессию из-за двоек и колов и вышибало себе мозги.

— Не могли вынести, — сказал Джон.

Майя состроила недовольную гримасу.

— Должно быть, вы оба ходили в торговое училище, а?

— Как они выяснили, избежать таких неприятностей можно было, приняв определенный процент студентов, которые привыкли получать заурядные оценки, но выделялись по какому-либо другому признаку…

— Например, имели наглость подать документы в Гарвард с заурядными оценками…

— …Привыкли находиться в конце списков и

были счастливы уже оттого, что попали в Гарвард.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Майя.

— Я был одним из них, — улыбнулся Фрэнк.

— У нас на корабле нет заурядных личностей, — сказал Джон.

Фрэнк с подозрением посмотрел на него.

— Зато у нас есть куча прекрасных ученых, которых не интересует власть. Многие из них считают это дело скучным. Администрирование и все такое. Они рады предоставить это таким, как мы.

— Бета-самцы, — Джон подтрунивал над Фрэнком и его интересом к социобиологии. — Идеальное стадо.

Как же часто они подтрунивали друг над другом…

— Ты не прав, — заметила Майя Фрэнку.

— Может, и так. В любом случае, они — политическое образование. У них есть по меньшей мере возможность выбрать, за кем следовать, — он произнес это с таким видом, будто высказанное приводило его в уныние.

Тут наступило время смены на мостике, и Джон, попрощавшись, их покинул.

Фрэнк поплыл на сторону Майи, и она за-

нервничала. Они никогда не обсуждали свою непродолжительную связь, и эта тема уже долго не поднималась даже косвенно. Она думала, что, если когда-нибудь придется объясняться, скажет, что изредка позволяет себе развлечься с мужчинами, которые ей нравятся. Что это было чем-то спонтанным.

Но он лишь указал ей на красную точку в небе.

— Я все думаю, зачем мы туда летим.

Майя пожала плечами. Вероятно, он хотел сказать не «мы», а «я».

— У каждого свои причины, — ответила она.

Он пристально на нее посмотрел.

— Что правда, то правда.

Она оставила тон, с которым он это сказал, без внимания.

— Может, дело в наших генах, — предположила она. — Может, они почувствовали, что на Земле что-то пошло не так. Мутации ускорились, или что-то в этом роде.

— И решили начать все сначала.

— Именно.

— Теория об эгоистичном гене. Разум — лишь инструмент, помогающий обеспечить успешную репродукцию.

— Полагаю, что так.

— Но это путешествие ставит под угрозу успешную репродукцию, — заметил Фрэнк. — Там небезопасно.

— То же можно сказать и о Земле. Загрязнение, радиация, другие люди…

Фрэнк отрицательно покачал головой.

— Нет, не думаю, что эгоизм кроется в генах. Мне кажется, он в другом.

Он поднял указательный палец и твердо ткнул Майю меж грудей, тем самым оттолкнувшись от нее вниз, к полу. Не сводя с нее глаз, он дотронулся до себя в том же месте.

— Спокойной ночи, Майя.

Неделю или две спустя Майя собирала капусту на ферме, передвигаясь по проходу между длинными поддонами, где ее выращивали. Она была там одна. Капуста напоминала ряды мозгов, пульсирующих от мыслей в ярком послеполуденном свете.

Она уловила какое-то движение и оторвала взгляд. В другом конце комнаты сквозь бутылку водорослей виднелось лицо. Стекло исказило его, но это явно было лицо темнокожего мужчины. Он смотрел в ее сторону, но не видел ее. Похоже, он говорил с кем-то, кого Майе не было видно. Он переместился, и лицо стало различимее, уве-

личившись в середине бутылки. Она поняла, почему следила за ним так внимательно, почему у нее сжалось все внутри: она никогда не видела его прежде Повернувшись, он встретился с ней взглядом. Они глядели друг на друга сквозь два искривленных стекла. Он был незнакомцем, с узким лицом и крупными глазами.

И он исчез в коричневом затемнении. Еще мгновение Майя колебалась, боясь преследовать его, но все же заставила себя пересечь помещение и подняться по стыковому соединению в следующий цилиндр. Там оказалось пусто. Затем она пробежала еще три цилиндра и лишь тогда остановилась. Она так и стояла, глядя на помидорные плети и тяжело дыша. Майя покрылась по́том, несмотря на то что чувствовала прохладу. Незнакомец. Это невозможно. Но она видела его! Она напрягла память, стараясь вновь вспомнить его лицо. Возможно, это был… ну нет. Он не мог быть кем-то из сотни, она знала это наверняка. Способность распознавать лица — одна из ее сильнейших способностей. И он убежал, скрылся из виду.

Безбилетник! Но это же было невозможно! Где он прятался, как выживал? Как перенес радиационную бурю?

Или у нее начались галлюцинации? Неужели теперь и до этого дошло?

Майя вернулась в свою комнату, у нее разболелся живот. Коридоры торуса D почему-то были темны, несмотря на яркое освещение, у нее по коже бегали мурашки. Увидев перед собой дверь, она нырнула в свою комнату, в свое убежище. Но там были лишь кровать, маленький столик, стул, туалет и несколько полок с разными вещами. Она просидела там час, затем два. Но не могла ничего предпринять, у нее не имелось ответа, не на что было отвлечься. Некуда бежать.

≈ * ≈

Майя поняла, что не может никому рассказать, что кого-то видела, и это в некотором смысле пугало сильнее, чем само происшествие, потому что подчеркивало ее беспомощность. Ее приняли бы за сумасшедшую. Что им оставалось думать? Как он мог питаться, где прятался? Нет. Слишком многие о нем бы узнали — иначе и быть не могло. Но его лицо!

Однажды ночью она увидела его во сне и проснулась в холодном поту. Галлюцинации — один из признаков космического нервного срыва, она прекрасно об этом знала. Такое случалось довольно часто во время долгого пребывания на земной орбите — уже было зафиксировано более двадцати случаев. Обычно люди начинали слышать голоса в непрерывном шуме вентиляции и работающих механизмов, нередко видели напарников там, где их не было, или еще хуже — видели собственных двойников, будто пустое пространство начинало заполняться зеркалами. Считалось, что этот феномен возникал в результате дефицита сенсорных стимулов. И обстановка на «Аресе», с учетом длительного путешествия,

без возможности даже посмотреть на Землю, в составе великолепного звездного (некоторые могли бы сказать помешанного) экипажа, была потенциально опасной. Именно поэтому залы корабля оснастили таким разнообразием цветов, текстур, погодными условиями, изменяющимися изо дня в день и из сезона в сезон. И все равно она увидела нечто, чего не могло быть.

И сейчас, когда она шла по кораблю, ей казалось будто экипаж распадается на маленькие, закрытые группы, которые редко пересекаются между собой. Команда фермеров почти все время проводила на фермах, там же на месте ела и спала (вместе, если верить слухам) среди рядов растений. У команды медиков были свои комнаты, кабинеты и лаборатории в торусе B, где они и проводили все время, увлеченные экспериментами, наблюдениями и переговорами с Землей. Команда летчиков готовилась к выходу на орбиту Марса, прогоняя по несколько симуляций в день. А остальные… разбросаны. Найти их было сложно. Когда она обходила торусы, комнаты казались ей безлюднее, чем когда-либо. Столовая в торусе D больше никогда не заполнялась до предела. И опять же, в этих обособленных группках она довольно часто стала замечать споры во время еды,

которые затихали с удивительной скоростью. Частные раздоры — но по какому поводу?

Сама Майя за столом мало говорила и больше слушала. Об обществе можно сказать многое по тому, о чем в нем ведут беседы. Здесь почти всегда говорили о науке. На узкопрофессиональные темы: биология, инженерное дело, геология, медицина и все такое. Обо всем этом можно разговаривать вечно.

Но когда число участников разговора уменьшалось до двух или трех, она замечала, что темы менялись. К профессиональным темам добавлялись — или полностью вытесняли их — сплетни.

И сплетни эти всегда касались важнейших форм социальной динамики — секса и политики. Голоса понижались, головы склонялись, сплетни распространялись. Слухи о сексуальных связях становились более привычными, тихими, колючими и сложными. В паре случаев, например, с неудачливым треугольником из Джанет Блайлевен, Мэри Данкел и Алекса Жалина, они становились слишком гласными и расходились по всему кораблю. В других — оставались настолько скрытыми, что обсуждались шепотом и сопровождались острыми, любопытными взглядами. Так, Джанет Блайлевен входила в столовую

с Роджером Калкинсом, и Фрэнк вполголоса замечал Джону, чтобы это долетело и до ушей Майи: «Джанет считает, что у нас сложилась панмиксия». Майя не обращала на это внимания, как делала всегда, когда он говорил тем презрительным тоном, но позднее заглядывала в словарь по социобиологии и выясняла, что панмиксия — это группа, в которой каждый самец спаривался с каждой самкой.

На следующий день она с любопытством смотрела на Джанет, что-то сказав о панмиксии: та и понятия не имела, о чем речь. Джанет была приветлива, склоняла голову поближе к тому, кто к ней обращался, и действительно внимала. И улыбалась своей быстрой улыбкой. Но… корабль построен таким образом, чтобы обеспечить достаточно уединенности. Несомненно, на нем происходило больше, чем кто-либо мог знать.

И среди этих тайных жизней могло и не оказаться другой тайной жизни, которую некто вел либо в одиночестве, либо при поддержке немногих, какой-нибудь мелкой группы заговорщиков.

— Ты в последнее время ничего забавного не замечала? — спросила она как-то у Нади в конце их привычного разговора за завтраком.

Та пожала плечами.

— Людям скучно. Думаю, мы уже близко к цели.

Может, в этом и было все дело.

— А ты слышала про Хироко и Аркадия? — спросила Надя.

Хироко постоянно окружали слухи. Майя находила неприятным и тревожным то, что единственная среди них азиатка подвергалась частым обсуждениям — леди-дракон, загадочный Восток… Под научной рациональной корой разума все-таки скрывалось много глубоких и мощных суеверий. Все что угодно могло случиться, все что угодно было возможным.

Даже лицо, увиденное сквозь стекло.

Она слушала с ощущением стянутости в животе, когда Саша Ефремова нагнулась к ним от соседнего столика и ответила на вопрос Нади, что Хироко собирает себе мужской гарем. Это был вздор, хотя связь между Хироко и Аркадием казалась Майе каким-то странным проявлением логики, и она сама не знала почему. Аркадий — яростный сторонник независимости от Центра управления полетами, тогда как Хироко вообще не высказывала своего мнения на этот счет. Но разве она не увела свою команду фермеров в некий мысленный торус куда другим никогда

было не попасть?

Когда Саша тихонько сообщила, что Хироко намеревается оплодотворить несколько своих яйцеклеток сперматозоидами всех мужчин на борту «Ареса» и заморозить их в криогенной камере для дальнейшего развития на Марсе, Майя сумела лишь собрать свой поднос и удалиться к посудомойкам, чувствуя некоторое головокружение. Они становились странными.

Красный полукруг вырос до размеров двадцатипятицентовой монеты, и чувство напряжения выросло вместе с ним, будто через час ожидался грозовой ливень, а воздух пропитался пылью и креозотом и был заряжен статическим электричеством. Будто бог войны в самом деле сидел на этой красной точке, поджидая их. Зеленые панели стен внутри «Ареса» теперь покрылись желтыми и коричневыми пятнами, а послеполуденный свет загустел от бледно-бронзовых паров натрия.

Люди часами наблюдали в куполе-пузыре за тем, чего никто из них, кроме Джона, прежде не видел. Спортивные тренажеры теперь использовались постоянно, симуляции проводились с новым энтузиазмом. Джанет носилась по торусам, отправляя домой видео со всеми изме-

нениями, произошедшими в их маленьком мире. Затем бросила свои очки на стол и сложила с себя обязанности репортера.

— Знаете, я устала быть изгоем, — сказала она. — Каждый раз, когда я вхожу в комнату, все замолкают или начинают говорить подготовленные фразы. Как будто я шпионила в пользу врага!

— Ты и правда шпионила, — проговорил Аркадий и от души ее обнял.

Поначалу никто не желал брать на себя ее работу. Хьюстон присылал обеспокоенные сообщения, затем замечания и, наконец, скрытые угрозы. Теперь, когда они были на подходе к Марсу, экспедиция получила больше эфирного времени на телевидении, и ситуация, как заявляли в Центре управления полетами, теперь была сравнима со взрывом сверхновой. Они напомнили колонистам, что этот всплеск популярности в конечном итоге должен принести множество выгод космической программе, что колонистам необходимо снимать и транслировать то, что у них происходит, чтобы поддержать интерес общественности к будущим миссиям на Марс, от которых они сами будут зависеть. Передавать свои истории было их долгом!

Фрэнк вышел на видеосвязь и предложил Центру состряпать репортажи из записей, которые снимают видеороботы. Хастингс, глава Центра в Хьюстоне, пришел в ярость от такого ответа. Но, как сказал Аркадий с усмешкой, дававшей понять, что он был готов так ответить не только на эту конкретную ситуацию: «А что они нам сделают?».

Майя покачала головой. Они подавали плохой знак, показывая то, что до сих пор скрывали видеорепортажи, — что группа дробилась на соперничающие между собой компании. Это говорило о том, что Майя сама потеряла контроль над российской половиной экспедиции. Она уже хотела попросить Надю взять на себя обязанности репортера, как, к счастью для нее, Филлис и ее друзья из торуса В вызвались добровольцами. Майя, смеясь над выражением лица Аркадия, согласилась на их предложение. Аркадий притворился, что ему все равно. Майя в сердцах сказала ему по-русски:

— Как видишь, ты упустил свой шанс! Шанс создавать нашу реальность!

— Не нашу реальность, Майя. Их реальность. И мне все равно, что они там себе думают.

Майя и Фрэнк начали обсуждать обязанности

при посадке. До определенной степени они были предопределены областями специализации членов экипажа, но некоторые возможности для выбора все же были — в первую очередь, благодаря тому, что многие обладали целым набором навыков. И провокации Аркадия, наконец, возымели эффект, теперь планы Центра относительно будущих миссий считались в лучшем случае предварительными. На самом деле никто уже, похоже, не признавал власть Майи или Фрэнка, из-за чего возникло напряжение, когда стало известно, над чем работал Центр.

Предполетный план Центра предусматривал основание базовой колонии на равнинах к северу от каньона Офир, громадного северного ответвления долин Маринер. К базе приписали всю команду фермеров и большинство инженеров и медицинского персонала — всего около шестидесяти человек из ста Остальные должны были рассредоточиться по вспомогательным миссиям и лишь время от времени возвращаться в основной лагерь. Крупнейшая из этих миссий заключалась в том, чтобы установить часть разобранного «Ареса» на Фобосе и начать превращение этой луны в космическую станцию. Еще одна небольшая миссия должна была поки-

нуть лагерь и отправиться на север к полярной шапке, чтобы наладить там систему добычи льда и транспортировки его блоков на базу. Третьей миссии предстояло провести ряд геологических изысканий, путешествуя по всей планете, — несомненно, восхитительное задание. Все меньшие группы должны были стать полуавтономными на периоды до одного года, поэтому отбор в них был особенно серьезным — ведь все знали, насколько мог затянуться этот год.

Аркадий вместе с группой своих друзей, среди которых были Алекс, Роджер, Саманта, Эдвард Джанет, Татьяна и Елена, вызвался работать на Фобосе. Филлис и Мэри, прослышав об этом, пришли к Майе и Фрэнку с протестом: «Они явно хотят завладеть Фобосом, и кто знает, что они там натворят!»

Майя кивнула и заметила, что Фрэнку это тоже не по душе. Но трудность состояла в том, что никто больше не хотел оставаться на Фобосе. Даже Филлис и Мэри не претендовали на то, чтобы занять места команды Аркадия, поэтому не было ясно, как им противостоять.

Еще больше споров вспыхнуло, когда Энн Клейборн показала свой список участников миссии, которой предстояло вести геологические изыска-

ния. Многие желали этим заняться, и некоторые из тех, кто оказался вне списка, заявили, что отправятся туда независимо от того, хочет того Энн или нет.

Споры стали разгораться все чаще и все жарче. Почти каждый из присутствующих на борту объявлял о своем участии то в одной, то в другой миссии, каждый раз называя это своим окончательным решением. Майя почувствовала, что теряет контроль над всем российским контингентом, и злилась на Аркадия. На общем собрании она саркастически предложила, чтобы компьютер распределил всех по миссиям. Идея была отвергнута без всякого признания ее власти. Она развела руками:

— Что тогда будем делать?

Никто не знал.

Она посовещалась с Фрэнком наедине.

— Давай сделаем для них вид, будто они сами принимают решение, — предложил он, улыбнувшись своей быстро исчезающей улыбкой. Она заметила, что он не сильно расстроился из-за ее неудачи на собрании. Мысли об их интрижке снова начинали преследовать ее, и она побранила себя за это. Совещания их маленького политбюро были так опасны…

Фрэнк опросил каждого насчет пожеланий и вывел результаты на мостике, показав их первый, второй и третий выбор. Психологические изыскания были наиболее популярны, миссия на Фобосе — наименее. Это и так все знали, но вывешенные списки показали, что конфликтов меньше, чем предполагалось.

— Есть жалобы по поводу того, что Аркадий забирает себе Фобос, — произнес Фрэнк на следующем большом собрании. — Но никто, кроме него и его друзей, больше не хочет брать на себя эту работу. Все хотят спуститься на поверхность.

— Вообще-то нам полагается компенсация за тяжелые условия, — заметил Аркадий.

— Тебе ли говорить о компенсации, Аркадий? — мягко ответил Фрэнк.

Аркадий ухмыльнулся и сел обратно.

Филлис не выглядела удовлетворенной.

— Фобос станет звеном между Землей и Марсом, как и космические станции на земной орбите. Без них нельзя добраться с одной планеты на другую, это же геостратегическая точка.

— Обещаю не рушить вашу геостратегию, — заверил ее Аркадий.

— Мы все будем частью одной деревни, — рявкнул Фрэнк. — От того, что мы делаем, зависим мы

все! И судя по тому, как ты себя ведешь, разлучаться время от времени будет для нас полезно. Я, например, буду только рад не видеть Аркадия несколько месяцев подряд.

Аркадий отвесил поклон:

— Фобос, мы уже в пути!

Но Филлис, Мэри и их сторонники по-прежнему были недовольны. Они провели немало времени, совещаясь с Хьюстоном, но, когда Майя входила в торус B, переговоры заканчивались и она удостаивалась подозрительных взглядов — будто только из-за того, что была русской, она автоматически примыкала к лагерю Аркадия! Майя порицала их глупость, но еще сильнее ругала Аркадия. Ведь это он все начал.

Но в конечном счете сложно сказать, что именно происходило, когда сто человек разбрелись по кораблю, который вдруг показался удивительно большим. Кружки по интересам, микрополитика — коллектив действительно дробился на части. Всего-навсего сто человек, но и этого оказалось слишком много, чтобы держаться вместе! И ни она, ни Фрэнк ничего не могли с этим поделать.

Однажды ночью ей снова приснилось лицо на ферме. Она проснулась с дрожью и уже не могла уснуть: казалось, будто все вышло из-под

контроля. Они летели сквозь пустое космическое пространство в узелке из связанных между собой жестянок, и она якобы стояла в главе этого безумного судна! Что за нелепица!

Она вышла из комнаты, забралась по туннелю торуса D в центральный вал и, не вспоминая об игре в «туннелескоп», залезла в купол-пузырь.

Было четыре часа утра. Купол походил на планетарий в неурочное время — тихий, пустой, и тысячи звезд, сбившихся в кучу в его черном полушарии. Марс завис прямо над головой, раздувшийся и круглый, словно каменный апельсин, подброшенный к звездам. Четыре крупнейших вулкана виднелись, будто оспины, можно было даже различить протяженные ущелья долин Маринер. Она воспарила к нему поближе, раскинув в стороны руки и ноги и плавно вращаясь, пытаясь постичь его, почувствовать что-то особенное в плотном интерференционном узоре своих эмоций. Когда она сморгнула, маленькие круглые слезы отделились и разлетелись среди звезд.

Дверь в купол открылась. Внутрь влетел Джон Бун, но, увидев ее, ухватился за ручку, чтобы остановиться.

— Ой, прости. Не против, если составлю компанию?

— Нет. — Майя шмыгнула носом и вытерла глаза. — Что подняло тебя в такой час?

— Я часто рано встаю. А тебя?

— Дурной сон.

— О чем?

— Не могу вспомнить, — сказала она, мысленно увидев то лицо.

Он оттолкнулся и проплыл мимо нее, к вершине купола.

— А я никогда не запоминаю снов.

— Совсем никогда?

— Ну, изредка. Если я просыпаюсь от чего-то как раз посреди сна и у меня есть время о нем подумать, то могу запомнить, хотя все равно ненадолго.

— Это нормально. Но если совсем не помнишь снов, это не к добру.

— Правда? И о чем это в таком случае говорит?

— Насколько я помню, о сильнейшем подавлении чувств, — она прислонилась к боковой стороне купола, оттолкнулась и остановилась в воздухе рядом с ним. — Но это может быть и фрейдизм.

— Другими словами, это что-то вроде теории

флогистона[19].

— Именно, — рассмеялась она.

Они рассматривали Марс, указывали друг другу на его черты. Говорили. Майя смотрела на него, когда он говорил. Кротким, довольным взглядом. Он явно не относился к ее типу мужчин. Поначалу она даже считала его веселость проявлением своего рода слабоумия. Но в ходе путешествия поняла, что дурачком он не был.

— Что думаешь обо всех этих спорах насчет того, чем мы займемся там? — спросила она, указывая на красную глыбу перед ними.

— Не знаю.

— Мне кажется, Филлис во многом права.

Он пожал плечами.

— Не думаю, что это имеет значение.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все, что имеет значение в споре, это то, что мы думаем о тех, кто спорит. X утверждает *a*, Y утверждает *b*. Они спорят, пытаясь доказать свою правоту с помощью ряда доводов. Но когда слушатели вспоминают их дискуссию, значение имеет лишь то, что X считает *a*, а Y считает *b*. Затем люди строят свои суждения, исходя из того,

---

[19] Примечания: 19

Опровергнутая теория о существовании флогистона — гипотетической материи, выделяемой веществами при горении.

что думают о самих X и Y.

— Но мы же ученые! Мы обучены взвешивать факты.

Джон кивнул.

— Это правда. Вообще, поскольку ты мне нравишься, я признаю твою правоту.

Она рассмеялась и толкнула его. Они съехали вдоль купола, отдалившись друг от друга.

Удивленная сама себе, Майя остановилась у пола. Повернувшись, она увидела, как и Джон остановился по другую сторону купола, так же опустившись на пол. Он посмотрел на нее с улыбкой, ухватился за поручень и оттолкнулся и полетел сквозь ограниченное куполом пространство ей навстречу.

Майя вмиг все поняла и, совершенно забыв о собственном решении избегать подобных вещей, устремилась к нему. Они налетели друг на друга, и, чтобы избежать неприятного столкновения, им пришлось сцепиться и закружиться в воздухе, будто в танце. Они вращались, взявшись за руки, медленно, по спирали, приближаясь к куполу. Это был танец, явный и понятный, — танец, в котором они могли достичь всего, чего желали! Пульс Майи подскочил, дыхание стало неровным. Вращаясь, они напрягали мышцы рук,

двигаясь синхронно, медленно, как заходящее в док космическое судно. Они поцеловались.

Джон с улыбкой оттолкнулся от нее, отправив ее к самому куполу, а сам, опустившись к полу, добрался до крышки люка. И запер ее.

Майя распустила волосы и встряхнула их так, что они зависли вокруг ее головы, скрыв лицо. Она мотала головой, чтоб волосы разлетались в разные стороны, и смеялась. Но не чувствовала приближения всепоглощающей любви — она осознавала лишь предвкушение веселья и ощущение простоты… Неожиданно охваченная приливом похоти, она оттолкнулась от купола в сторону Джона Медленно кувыркнулась, расстегивая тем временем комбинезон. Ее сердце стучало, как литавра, вся кровь прильнула к коже, тело стало покалывать, будто она, раздеваясь, таяла. Врезалась в Джона и, опрометчиво дернув за рукав, отлетела от него. Их стало носить по залу, когда они избавлялись от одежды, не рассчитывая то углы, то инерцию. Наконец они сумели мягко оттолкнуться пальцами ног и подлететь друг к другу, чтобы закружиться в объятиях, и воспарили, целуя друг друга, окруженные своей парящей одеждой.

Вскоре они встретились снова. Они не пыта-

лись сохранить свои отношения в тайне, и об их связи очень скоро стало известно общественности. Для многих из находившихся на борту такой поворот стал неожиданностью, и Майя, одним утром входя в столовую, уловила быстрый взгляд Фрэнка, сидевшего за угловым столиком. Она похолодела — это напомнило ей о каком-то другом времени, другом случае, другом взгляде на его лицо, который она не могла вспомнить.

Но большинство, казалось, было довольно этой новостью. Ведь Майя и Джон казались королевской парой, их связь олицетворяла союз между двумя группами колонии, она стала символом гармонии. И в самом деле, их связь, похоже, стала катализатором множества других, которые либо выходили из тени, либо образовывались в учащенном темпе. Влад и Урсула, Дмитрий и Елена, Рауль и Марина — новые пары появлялись повсюду, пока не дошло до того, что даже одиночки, бывшие среди них, уже начали нервно шутить по этому поводу. Но Майе казалось, что в голосах стало слышаться меньше напряжения, реже возникали споры, чаще звучал смех.

Однажды ночью, лежа в кровати и размышляя об этом (кроме того, размышляя о том, чтобы пробраться в комнату Джона), она задумалась,

не поэтому ли они были вместе — не из-за любви же, ведь она по-прежнему его не любила, чувствуя, что их отношения не более чем дружеские, хоть и была заряжена страстью, сильной, но не относящейся к конкретному человеку, — что их отношения были *полезными*. Они были полезны для нее — но она ушла от этой мысли, сосредоточившись на том, какую пользу они приносили всей экспедиции. Да, это политика. Как феодальная политика или античные комедии о весне и возрождении. И она вынуждена признать: она чувствовала, что действует согласно приказаниям, превосходящим по силе ее собственные желания, выражающим желания неких более крупных сил. Возможно, желание самого Марса. Но это ощущение не было неприятным.

А идея о том, что она могла завладеть рычагом, управлявшим Аркадием, Фрэнком или Хироко… Ну, она успешно избежала таких мыслей. Это был один из талантов Майи.

Стены окрасились в желтые, красные и оранжевые цвета. Марс теперь вырос до размеров Луны, какой она видна с Земли. Пришло время собраться с силами: еще неделя — и они окажутся там.

Их распределение после высадки до сих пор вызывало некоторое напряжение. Зато Майе сейчас

работалось с Фрэнком гораздо легче, чем когда-либо. Это не выглядело явным, но его не печалила их неспособность контролировать ситуацию, потому что к расколу их группу привел, в первую очередь, Аркадий — а это значило, что здесь было больше ее вины, чем его. Не раз она уходила со встречи с Фрэнком и шла к Джону, надеясь получить хоть какую-нибудь помощь. Но Джон держался в стороне от их прений и поддерживал все, что предлагал Фрэнк. Совет, который он дал Майе, оказался весьма разумным, но трудность состояла в том, что ему нравился Аркадий и не нравилась Филлис; поэтому он часто предлагал ей поддержать Аркадия, вероятно, не понимая, что тем самым она окончательно подорвала бы свой авторитет среди русских. Впрочем, ему она никогда об этом не говорила. Неважно, были они любовниками или нет, существовали темы, которые она не хотела обсуждать ни с ним, ни с кем-либо еще.

Но однажды ночью, когда они лежали у него в комнате, Майя не могла расслабиться и уснуть, беспокоясь то об одном, то о другом. Она спросила:

— Как думаешь, возможно ли, чтобы кто-нибудь втайне пробрался на корабль? Ну, не

знаю, — удивленно отозвался он. — А почему ты спрашиваешь?

Сглотнув комок в горле, она рассказала ему о лице, которое увидела в бутылке с водорослями.

Он сел в кровати и пристально на нее посмотрел.

— Ты уверена, что это была не…

— Нет, ничего подобного.

Он потер подбородок.

— Ну… думаю, если бы ему помогал кто-нибудь из экипажа…

— Хироко, — предположила Майя. — То есть не просто потому, что это Хироко, а потому что это случилось на ферме и все такое. Это решило бы проблему с питанием, к тому же там есть много мест, где можно спрятаться. А во время радиации он мог укрыться вместе с животными.

— Они получили сильное облучение!

— Зато он мог использовать их резервуар для воды. Одного человека не так уж сложно где-нибудь пристроить.

У Джона эта идея до сих пор не укладывалась в голове.

— Прятаться девять месяцев!

— Корабль-то большой. Это осуществимо, да?

— Ну, полагаю, что так. Да, пожалуй, осуще-

ствимо. Только зачем?

Майя пожала плечами.

— Понятия не имею. Кто-то хотел попасть на борт, но не выдержал отбора. Кто-то, у кого был друг или друзья…

— И все же! Ведь у многих из нас были друзья, которые хотели сюда попасть. Это же не значит, что…

— Знаю, знаю.

Они говорили об этом еще час, обсуждая возможные причины, способы протащить пассажира на борт, прятать его и так далее. И Майя внезапно почувствовала, что ей стало гораздо легче и даже что она оказалась в потрясающем настроении. Джон поверил ей! Не принял ее за сумасшедшую! Она ощутила волну облегчения и счастья, протянула к нему руки:

— Как здорово поговорить с тобой об этом!

Он улыбнулся:

— Мы же друзья, Майя. Тебе стоило рассказать об этом раньше.

— Да.

Купол-пузырь стал бы прекрасным местом, чтобы наблюдать за завершением их сближения с Марсом, но они собирались начать аэродинамическое торможение, чтобы сбавить скорость,

и купол пришлось закрыть тепловым щитом, который теперь был развернут. Никакого вида оттуда уже не открывалось.

Это торможение избавляло их от необходимости нести огромный объем топлива, которое потребовалось для замедления, но сама операция требовала предельной точности, а потому представляла опасность. Их сносило по дуге менее чем на миллисекунду, и за несколько дней до выхода на орбиту Марса навигационная команда начала почти ежечасно подправлять курс с помощью кратких включений двигателя, корректируя процесс сближения. Позже, подобравшись ближе, отключили вращение корабля. Возврат к невесомости, даже в торусах, привел экипаж в смятение. Внезапно Майя осознала, что это не было очередной симуляцией. Она взмыла в ветреный воздух коридора, видя все под новым странным углом, и вдруг почувствовала, что все реально.

Она спала урывками — час здесь, три там. Каждый раз, ворочаясь в своем спальном мешке, она на мгновение терялась в пространстве, снова вызывая в памяти «Новый мир». Затем вспоминала, где находится, и адреналин возвращал ее к действительности. Она преодолевала коридоры торуса, отталкиваясь от стен, коричневых,

золотых и бронзовых. На мостике она сверялась с Мэри, Раулем, Мариной или еще кем-то из навигаторов. Они по-прежнему двигались по курсу. Они сближались с Марсом так быстро, что казалось, будто он увеличивался на экранах прямо у них на глазах.

Им нужно было остановиться в тридцати километрах от планеты — или примерно в одной десятимилионной пройденного пути. Без проблем, сообщила Мэри, бегло взглянув на Аркадия. Теперь они вновь проходили мантру, и ни одна из тех безумных нештатных ситуаций, судя по всему, даже не думала возникать.

Члены экипажа, не вовлеченные в процесс навигации, задраивали все и вся, готовясь к тряскам и ударам, которых было не избежать при двух с половиной *g*. Некоторым пришлось выйти в открытый космос, чтобы развернуть вспомогательные тепловые щиты и совершить подобные дела. Таких дел было много, но дни все равно, казалось, тянулись слишком долго.

Это должно было случиться посреди ночи, и в тот вечер свет нигде не погас, никто не ушел спать. Все остались на местах — кое-кто выполнял свои обязанности, но большинство просто выжидало. Майя сидела в своем кресле на мо-

стике, наблюдая за экранами и думая о том, что изображения на них выглядели точь-в-точь как во время симуляций на Байконуре. Неужели они выходили на орбиту Марса по-настоящему?

Да, по-настоящему. «Арес» пронзил тонкую атмосферу Марса на скорости 40 000 километров в час, и на какое-то время корабль сильно завибрировал, кресло Майи быстро затряслось. Раздался негромкий низкий рев, будто они летели сквозь доменную печь — и выглядело это так же экраны горели оранжево-розовым жаром. Сжатый воздух отскакивал от тепловых щитов и сгорал рядом с внешними камерами, так что весь мостик был затоплен цветами Марса. Затем гравитация вернулась, чтобы отомстить: Майя почувствовала, как у нее сжались ребра, и она еле могла дышать, а в глазах рябило. Было больно!

Они неслись по разреженному воздуху со скоростью и относительной высотой, рассчитанными, чтобы перевести их в то, что в аэродинамике называется переходным течением, — то есть среднее состояние между свободномолекулярным и безразрывным течением. Свободномолекулярное течение было предпочтительным при самом перелете, когда воздух, ударяясь о тепловой щит, отталкивался в стороны, и образующийся таким

образом вакуум заполнялся прежде всего путем молекулярной диффузии; но они двигались слишком быстро для этого и едва избегали сильнейшего жара безразрывного течения, в котором воздух проходил через щит и корабль как часть волнового воздействия. Лучшее, что они могли сделать, — взять наивысший курс из всех возможных, который достаточно бы их замедлил, это привело бы к переходному течению, которое колебалось между свободномолекулярным и безразрывным, тем самым ставя их на тернистый путь. И здесь таилась опасность. Попади они в зону высокого давления в атмосфере Марса, где какая-нибудь чувствительная система отказала бы из-за нагрева, вибрации или перегрузки, наступил бы один из кошмаров Аркадия: их раздавило бы прямо в креслах, «отяготив» каждого весом в четыреста фунтов, — этого Аркадий не мог как следует симулировать в действительности, как мрачно подумала Майя, когда они стали особенно уязвимы — и особенно беспомощны — перед этой опасностью.

Но судьба распорядилась так, что стратосферная погода Марса была стабильной, и они попрежнему проходили «мантру», которая на деле оказалась восемью минутами грохота, тряски и

спертого дыхания. И тем не менее Майя не могла припомнить часа, который тянулся бы так долго. Датчики показывали, что главный тепловой щит нагрелся до 600 градусов Кельвина…

А затем вибрация прекратилась. Грохот умолк. Они выскочили из атмосферы, проскользнув около четверти планеты. Затем сбросили порядка 20 000 километров в час, а температура теплового щита выросла до 710 градусов Кельвина, вплотную приблизившись к предельной. Однако метод сработал. Все успокоилось. Они снова оказались в невесомости, сдерживаемые ремнями своих кресел.

Было ощущение, будто они полностью остановились и парили в совершенной тишине.

Они неуверенно отстегнулись и, словно призраки, взмыли в прохладный воздух. Слабый шум продолжал отдаваться у них в ушах, подчеркивая наступившую тишину. Они разговаривали слишком громко, пожимали друг другу руки. Майя, оторопев, не понимала, что ей говорили, — не потому что не слышала, а потому что не обращала внимания на смысл слов.

Двенадцать невесомых часов спустя новый курс

привел их к периапсиде[20] в 35 000 километров от Марса. Там они быстро включили основной двигатель, повысив скорость примерно на сто километров в час, после чего их снова потянуло к Марсу, по эллипсу, который должен был вернуть их в предел пятисот километров от поверхности. Они вышли на орбиту Марса.

Продолжительность полета по эллиптической орбите планеты составляла один день. В следующие два месяца компьютеры должны были так управлять двигателями, чтобы постепенно придать их курсу форму окружности и перейти на орбиту Фобоса. Но группа высадки должна была спуститься задолго до этого, пока перигей[21] находился близко.

Они свернули тепловые щиты и вышли в купол-пузырь посмотреть на открывшийся вид.

Когда они находились в перигее, Марс заполнял бóльшую часть неба, словно они пролетели над ним на высотном воздушном судне. Теперь можно было ощутить глубину долин Маринер, как и высоту четырех крупнейших вулканов — их плоские вершины появлялись над горизонтом задолго

---

[20] Примечания: 20
Точка орбиты, ближайшая к центру обращения небесного тела.

[21] Примечания: 21
Точка орбиты луны, ближайшая к планете.

до того, как в поле зрения попадали окрестности. Вся поверхность была усеяна кратерами. Круглые углубления имели ярко-оранжевый цвет, чуть более светлый, чем окружающая местность. Вероятно, из-за пыли. Невысокие и неровные горные хребты были темнее, их ржавый цвет перемежался с черными тенями. Но и светлые, и темные цвета лишь немного отличались от всепроникающего ржаво-оранжево-красного, в который были окрашены каждая вершина, кратер, каньон, дюна и даже неровный кусок пыльной атмосферы, видимый высоко над яркой кривизной планеты. Красный Марс! Он ошеломлял, завораживал. Этого нельзя было не ощутить.

Они проводили за работой долгие часы — и эта работа, наконец, была настоящей. Корабль предполагалось частично разобрать. Основной корпус в конечном итоге планировалось поставить на орбиту близ Фобоса как средство для аварийного возвращения.

Но двадцать резервуаров с внешней стороны центрального вала нужно было отсоединить от «Ареса» и превратить в транспортные средства для высадки на поверхность планеты, которые смогли бы вместить колонистов группами по пять человек. Первый модуль предполагалось

выпустить, как только он будет откреплен и подготовлен, поэтому они работали в открытом космосе посменно круглые сутки. Колонисты приходили на ужин утомленными и голодными, вели громкие разговоры; тоска от долгого пути, казалось, была забыта.

Однажды ночью Майя вплыла в ванную перед сном, ощутив напряжение в мышцах, которые не давали о себе знать несколько месяцев. Рядом с ней переговаривались Надя, Саша и Илья Зудов, и среди теплых русских разговоров она внезапно осознала, что все счастливы, — они были в конечной стадии предвкушения, которое длилось в их сердцах по полжизни, а то и с самого детства.

А теперь Марс вдруг расцвел перед ними, будто нарисованный ребенком цветными карандашами, — то большой, то маленький, то снова большой, то опять маленький. Будто игрушка йо-йо, он неясно вырисовывался перед ними во всем своем громадном потенциале — tabula rasa, чистый лист. Чистый красный лист. Все что угодно могло случиться, все что угодно было возможным — в этом отношении в последние несколько дней они обладали совершенной свободой. Свободой от прошлого, свободой от будущего, невесомые в своем теплом воздухе,

парящие, будто духи, готовые воплотиться в материальном мире… Майя увидела в зеркале кривую ухмылку в зубной пасте на своем лице и ухватилась за поручень, чтобы удержаться на месте. Она подумала, что они могут больше никогда не почувствовать такого счастья. Красота давала надежду на счастье, но не была счастьем сама по себе, и предвкушаемый мир зачастую оказывался богаче настоящего. Но кто знал, как сложится в этот раз? Возможно, в этот раз им повезет.

Она отпустила поручень, выплюнула пасту в пакет для жидких отходов и вплыла в коридор. Будь что будет, своей цели они уже достигли. И заработали хотя бы право на то, чтобы попытаться.

Демонтаж «Ареса» вызывал у них странные чувства. Как заметил Джон, это было сопоставимо с тем, чтобы разобрать город и увезти дома в разные стороны. А ведь это был единственный город, что у них остался. Под взором гигантского глаза Марса все их разногласия вновь набрали силу: сейчас стало очевидно, что у них оставалось совсем немного времени. Люди спорили и открыто, и втайне. Так много группировок, и в каждой проходили свои совещания… Что случилось с этим кратким мигом счастья? Майя винила прежде всего Аркадия, ведь это он открыл

ящик Пандоры. Если бы не он и его речи, разве команда фермеров сплотилась бы так вокруг Хироко? Стала бы команда медиков проводить свои закрытые советы? Она в этом сомневалась.

Они с Фрэнком изо всех сил старались примирить спорщиков и прийти к согласию, дать им почувствовать, что они все еще были единой командой. Для этого они вели долгие беседы с Филлис и Аркадием, Энн и Саксом, Хьюстоном и Байконуром. В ходе этого отношения, развившиеся между двумя лидерами, стали еще более запутанными, чем во время их встреч в парке, хотя все было взаимосвязано: Майя теперь замечала редкие вспышки сарказма Фрэнка, раздражение из-за того, что его те события заботили больше, чем ее тогда. Но с этим уже ничего нельзя было поделать.

В итоге миссию на Фобосе отдали Аркадию и его товарищам — в первую очередь по причине того, что никто больше не хотел ее принимать. Участие в геологических изысканиях пообещали всем желающим, а Филлис, Мэри и оставшейся части «хьюстонской компании» обещали, что строительство основного лагеря проведут по планам, утвержденным Хьюстоном. Они намеревались работать на базе, чтобы самим за этим

проследить.

— Ладно, ладно, — проворчал Фрэнк в заключение одного из собраний. — Мы все окажемся на *Марсе*, неужели нам действительно нужно препираться из-за того, чем мы там займемся?

— Такова жизнь, — с довольным видом ответил Аркадий. — На Марсе, не на Марсе — она-то продолжается.

Фрэнк стиснул зубы.

— Я прибыл сюда, чтобы уйти от подобных вещей!

Аркадий покачал головой:

— Да быть того не может! Это твоя жизнь, Фрэнк. Чем бы ты иначе занимался?

Однажды ночью, незадолго до посадки, они всей сотней собрались за торжественным обедом. Еда была в основном выращенная на ферме. Красное вино, припасенное для особых случаев, принесли из хранилища.

За клубничным десертом Аркадий поднял тост:

За новый мир, который мы создадим! Многоголосие недовольных стонов и радостных возгласов — к этому времени все понимали, что он имел в виду. Филлис, вскочив, опрокинула клубнику на стол и сказала:

— Слушай, Аркадий, это поселение — научная станция. Твои идеи здесь неуместны. Может, лет через пятьдесят — сто. Но пока здесь будут такие же станции, как в Антарктике.

— Это правда, — ответил Аркадий. — Только там станции тоже весьма политичны. Большинство из них было построено таким образом, чтобы построившим их странам было что добавить при пересмотре Договора об Антарктике. И сейчас станции подчиняются законам, установленным тем же договором, который был заключен в ходе абсолютно политического процесса! Так что ты не можешь просто прятать голову в песок и кричать: «Я ученый, я ученый!». — Он приложил ладонь ко лбу, изобразив примадонну. — Нет. Когда ты так говоришь, это значит, что ты хочешь сказать: «Я не хочу думать о сложных системах!» Но разве это достойно настоящего ученого?

— Антарктика регулируется договором, потому что там никто не живет за пределами этих научных станций, — раздраженно заметила Майя. Надо же, последний ужин, последний миг свободы — и сорван так глупо!

— Тоже правда, — ответил Аркадий. — Но подумайте о результате. В Антарктике никто не имеет права владеть землей. Никакая страна или

организация не может использовать природные ресурсы материка без согласия остальных стран. Никто не может заявлять о правах на эти ресурсы, принимать или продавать права кому-либо, получая прибыль. Разве вы не видите, насколько радикально это отличается от того, как устроен остальной мир? И это последнее место на Земле, которое было урегулировано и которое имеет свой свод законов. Это говорит о том, что все правительства, сотрудничая вместе, чувствуют, что поступают честно, освобождая землю от претензий на суверенность, от какой-либо истории. Откровенно говоря, это лучшая попытка Земли создать справедливые имущественные законы! Видите? Так же следовало бы устроить остальной мир, если бы только мы сумели высвободить его из смирительной рубашки истории.

Но, Аркадий, — беззлобно подмигнув, обратился к нему Сакс Расселл, — на Марсе и так будет действовать договор на основе антарктического. На что же ты жалуешься? По договору о космическом пространстве ни одна страна не имеет права претендовать на земли на Марсе, проводить военные мероприятия, а все базы открыты для осмотра любой страной. Кроме того, ресурсы Марса не могут быть собственностью одной

страны. ООН должна утвердить международный режим разработки месторождений. Если так пойдет и дальше, то все будет разделено между всеми нациями мира, — он поднял ладонь. — Разве то, к чему ты взываешь, уже не достигнуто?

— Это только начало, — ответил Аркадий. — Но есть некоторые вопросы, которые не прописаны в договоре. Например, то, что базы, построенные на Марсе, будут принадлежать странам, которые их построили. Согласно этому закону мы будем строить американские и российские базы. А это возвращает нас в кошмары земных законов и земной истории. Американские и российские частные компании получат право эксплуатировать Март, покуда прибыли будут каким-то образом делиться между всеми странами, подписавшими договор. Это может означать, что они просто будут отчислять какой-то процент в ООН — по сути, обычная взятка.

Я считаю, что нам не стоит ни на минуту признавать эти положения!

После этого заявления повисло молчание.

— В договоре также указано, — начала Энн Клейборн, — что мы обязаны принимать меры, чтобы не допустить нанесения ущерба окружающей среде планеты. Если я не ошибаюсь, это

седьмая статья. Мне кажется, это прямо запрещает терраформирование, о котором многие из вас столько говорят.

— Я бы сказал, это положение нам также стоит игнорировать, — быстро ответил Аркадий. — От этого зависит наше собственное здоровье.

Это его высказывание оказалось более популярным, чем предыдущие, и несколько человек вслух выразили одобрение.

— Но если вы хотите пренебречь одной статьей, — указал Аркадий, — нужно пренебрегать и остальными, верно?

Повисла неловкая пауза.

— Все эти изменения неизбежны, — пожав плечами, заметил Сакс Расселл. — Пребывание на Марте изменит нас в эволюционном плане.

Аркадий с негодованием затряс головой, отчего его немного закрутило в воздухе над столом.

Нет, нет, нет, нет! История — это не эволюция! Это ложная аналогия! Эволюция основана на окружении и возможностях, действующих на протяжении миллионов лет. А история — на окружении и выборе, действующем в течение одной жизни, а иногда и лет, месяцев или дней! История — она как ламаркизм! То есть, если мы сделаем выбор и установим определенные зако-

ны на Марте, значит, так и будет! А если выберем другое, то и будет *другое*! — Он обвел рукой всех присутствующих — и тех, кто сидел за столами, и тех, кто парил среди вьющихся растений. — Я хочу сказать, что мы должны сами принимать выбор, а не позволять делать его за нас людям с Земли. Они для нас давно мертвы.

— Ты хочешь устроить что-то вроде общинной утопии, — язвительно проговорила Филлис, — а это невозможно. Я думала, история России вас хоть чему-то научила на этот счет.

— Научила, — ответил Аркадий. — И теперь я пытаюсь применить то, чему она научила меня.

— Защищая какую-то беспредметную революцию? Раздувая критическую ситуацию? Всем докучая и настраивая людей друг против друга?

Многие согласно кивнули, но Аркадий отмахнулся от них:

— Я отказываюсь принимать на себя вину за все беды, случившиеся к этой минуте нашего путешествия. Я лишь сказал то, что думаю и что считаю правильным. Если это кому-то причинило неудобства, это ваши проблемы. Это все оттого, что вам не по душе мои выводы, но вы не можете их опровергнуть.

— Некоторые из нас даже не понимают, о чем

ты говоришь, — воскликнула Мэри.

— Я говорю лишь одно! — сказал Аркадий, вытаращив на нее глаза. — Мы прибыли на Марс насовсем. Мы не только построим на нем дома, не только будем добывать себе еду, но даже воду и воздух — на планете, где ничего этого нет. Мы можем это сделать потому, что у нас есть технологии, позволяющие управлять материей вплоть до молекулярного уровня. Это удивительная способность, только задумайтесь! И все же некоторые из нас готовы принять полное изменение физической действительности этой планеты, не сделав ничего, чтобы изменить самих себя, свой образ жизни. Быть учеными двадцать первого века, оказаться на Марсе, но при этом жить в общественной системе девятнадцатого века, основанной на идеологиях семнадцатого. Это вздор, это безумие, это… это… — Он обхватил голову руками, подергал себя за волосы и проревел: — Это *ненаучно*! И я говорю, что среди всех тех вещей, что мы собираемся изменить на Марсе, должны быть мы сами и наша социальная действительность. Мы должны терраформировать не только Марс, но и самих себя.

Никто не отважился на это ответить. Противостоять Аркадию, который был явно в ударе,

едва ли было возможно, и многих из них в самом деле задели его слова, многим требовалось время, чтобы подумать над ними. Другие были попросту раздражены, но не желали поднимать особой суматохи за этим обедом, который изначально планировался как праздничный. Куда проще, закатив глаза, пить до дна.

— За Марс! За Марс!

Но когда они начали разбредаться, покончив с десертом, Филлис была полна презрения:

— Прежде всего, мы должны выжить, — сказала она. — Если мы в таком разладе, каковы наши шансы на выживание?

Мишель Дюваль попытался успокоить ее:

— Многие из этих разногласий вызваны самим перелетом. Оказавшись на Марсе, мы сразу станем дружнее. И в нашем распоряжении гораздо больше, чем мы привезли с собой на «Аресе», — там уже есть беспилотные аппараты, грузы с оборудованием, еда, разбросанная по всей поверхности Марса и его лун. Все это припасено там для нас. Единственное, что у нас ограничено, — наша жизненная энергия. А это путешествие — часть нашей подготовки, испытание. И если мы его провалим, то на Марсе не стоит и пытаться что-то затевать.

— О чем я и говорю! — заметила Филлис. — Мы как раз его проваливаем.

Сакс встал со скучающим видом и оттолкнулся в сторону кухни. Коридор был заполнен множеством мелких обсуждений, напоминавших треск морских ракушек, причем некоторые велись в язвительных тонах. Многие явно сердились на Аркадия, тогда как другие сердились на первых за их возмущение.

Майя последовала за Саксом на кухню. Очистив свой поднос, он вздохнул.

— Люди так эмоциональны. Иногда мне кажется, что я застрял в бесконечной постановке «За закрытыми дверями»[22].

— Это где люди не могли выбраться из маленькой комнаты?

Он кивнул.

— Где ад заключается в самих людях. Надеюсь, нам не придется доказывать это предположение.

Еще через несколько дней спускаемые аппараты были готовы. Их предстояло запустить в течение пяти дней, чтобы на «Аресе» осталась только команда Фобоса, которая поведет корабль чуть ли не к полной стыковке с этой луной. Ар-

---

[22] Примечания: 22
Пьеса Жан-Поля Сартра, написанная в 1943 году.

кадий, Алекс, Дмитрий, Роджер, Саманта, Эдвард, Джанет, Рауль, Марина, Татьяна и Елена попрощались со всеми, уже поглощенные своими заданиями, и пообещали спуститься, как только станция на Фобосе будет построена.

Ночью перед высадкой Майя не могла уснуть. В итоге она оставила бесплодные попытки погрузиться в сон и поплыла по воздуху мимо комнат и коридоров в центральный вал. От бессонницы и адреналина казалось, будто каждый предмет резко выделялся и каждое знакомое нагромождение предметов на корабле так или иначе претерпело какое-нибудь изменение. Создавалось впечатление, будто они уже покинули «Арес». Она осмотрелась в последний раз, не испытывая никаких эмоций. Затем пробралась сквозь узкие затворы в посадочный модуль, к которому была приписана. Залезла в свой костюм, почувствовав, как это часто случалось, когда доходило до настоящего дела, будто она просто собиралась пройти очередную симуляцию. Она подумала: покинет ли ее когда-нибудь это чувство, заставит ли его уйти пребывание на Марсе? Если да, то ее полет этим себя оправдает: она хоть раз почувствует, что все происходит *по-настоящему*! Она устроилась в своем кресле.

Несколько бессонных часов спустя к ней присоединились Сакс, Влад, Надя и Энн. Ее напарники закрепили ремни и вместе провели контрольную проверку. Щелкнули переключатели, начался обратный отсчет. Загорелись ракетные двигатели. Аппарат отсоединился от «Ареса». Двигатели загорелись снова. Астронавты начали приближаться к планете. Пробили верхний слой атмосферы, и их единственное трапецеидальное окно превратилось в яркое пятно цвета Марса. Майя, вибрируя вместе с кораблем, завороженно смотрела на приближающуюся планету. Она была напряжена и грустна, сосредоточена больше на прошлом, чем на будущей, думая обо всех, кто все еще оставался на «Аресе». Ей казалось, будто все они, прибывшие на «Аресе», потерпели неудачу и что они впятером бросили всех, ощутив смятение. Ей казалось, что они, космические путешественники, потеряли свой шанс прийти к согласию, они все провалили; миг счастья, который она ощущала, когда чистила зубы, так и остался мигом. Теперь они отправлялись в разных направлениях, разделенные своими убеждениями, и даже после двух отдельных лет, которые они были вынуждены провести вместе, они были, равно как и любая другая группа людей, не более чем сборищем

незнакомцев. Жребий был брошен.

Часть третья
Испытание

≈ * ≈

Он образовался вместе с остальной частью Солнечной системы около пяти миллиардов лет назад. А это пятнадцать миллионов поколений людей. Каменные глыбы в космосе ударялись друг о друга, а потом возвращались и сцеплялись вместе — и все по воле загадочной силы, которую мы зовем гравитацией. То же загадочное отклонение от порядка вещей привело к тому, что эти груды, становясь достаточно большими, сжимались изнутри до тех пор, пока не начали плавиться, нагреваясь из-за высокого давления Марс невелик, но тяжел благодаря своему ядру из никеля и железа Он мал потому, что охладился изнутри быстрее, чем Земля; его ядро больше не вращается с другой скоростью под корой, и у Марса практически нет магнитного поля. Силы больше нет. Но одно из последних внутренних излияний расплавленного ядра и мантии имело форму аномально большого кома выросшего с одной стороны; в ре-

зультате образовался выступ размером с континент высотой в одиннадцать километров — в три раза выше Тибетского нагорья над его окружением. Этот выступ привел к появлению множества других объектов: системы радиальных трещин, покрывающих все полушарие, включая самую большую — долины Маринер, узор из каньонов, которые могли бы покрыть всю территорию США от побережья до побережья. Благодаря этому выступу также появился ряд вулканов, в том числе те три, которые составляют его основу, — гора Аскрийская гора Павлина и гора Арам, а на северо-западной его окраине — гора Олимп, самая высокая в Солнечной системе, в три раза выше Эвереста и в сто раз объемнее Мауна-Лоа, крупнейшего на Земле вулкана.

Таким образом, купол Фарсида стал важнейшим фактором в формировании поверхности Марса. Еще один значительный фактор — падение метеоритов. В нойскую эру, три-четыре миллиарда лет назад, на Марс с огромной скоростью падали миллионы метеоритов. И тысячи

среди них имели планетарные размеры — это были глыбы размером с Вегу[23] или Фобос. Одно из столкновений привело к образованию бассейна Эллада, в 2 000 километров в диаметре, крупнейшего видимого кратера в Солнечной системе — хотя равнина Дедалия, возможно, является остатком ударного: кратера диаметром 4 500 километров. Они велики, но некоторые ареологи[24] полагают, что все южное полушарие Марса — это древний ударный кратер.

Эти крупные столкновения привели к взрывам столь разрушительным, что их трудно даже вообразить. Изверженные при этом породы достигали Земли, Луны и превращались в троянские астероиды. Одни ареологи полагают, что купол Фарсида образовался вместе с Элладой, другие считают Фобос и Деймос изверженными породами. Камни меньших

[23] Примечания: 23

Автор имеет в виду не звезду в созвездии Лиры, патую по яркости на ночном небе, а одноименный астероид, вероятнее всего — вымышленный.

[24] Примечания: 24

Ученые, занимающиеся ареологией — наукой, изучающей поверхность Марса.

размеров падают каждый день, поэтому старейшие поверхности на Марсе испещрены кратерами и представляют собой палимпсест новых колец покрывших более старые, где ни клочка земли не осталось нетронутым. Каждое из этих столкновений приводило к взрывам, при температуре которых плавились камни; элементы выпадали из материнских пород и собирались в форме горячих газов, жидкостей, новых минералов. В результате этого и выхода газов из ядра образовалась атмосфера и большое количество воды — появились облака, бури, дожди и снег, ледники, ручьи, реки, озера, омывшие всю землю и оставившие после себя явные следы — паводковые каналы, речные русла, береговые линии, все возможные виды гидрологических иероглифов.

Но затем все это исчезло. Планета была слишком мала, слишком далека от Солнца Атмосфера застыла и обрушилась на поверхность. Углекислый газ поднялся, чтобы создать новую тонкую атмосферу, тогда как кислород пристал к скалам,

сделав их красными. Вода замерзла и на протяжении эпох просочилась в изломанные метеоритами скалы на многие километры. В итоге этот слой реголита оказался пропитан льдам, а самые глубокие его участки были достаточно горячими чтобы растопить лед, — и на Марсе появились подземные моря. Вода всегда течет вниз, и этот водоносный пласт сместился вниз, постепенно просочившись, пока не отложился перед тем или иным препятствием — высоким выступам горной породы или застывшей почвы. Иногда напорные давления пробивали эти дамбы иногда падал метеорит, иногда образовывались вулканы, отчего дамбы не выдерживала и все подземное море выплескивалось на поверхность создавая гигантские наводнения, в десять тысяч раз сильнее наводнения на Миссисипи[25]. Однако вода в конце концов застывала, разлеталась под воздействием непрерывных суховеев и каждую зиму оседала на полюсах. Таким образом, по-

[25] Примечания: 25

Великое наводнение на Миссисипи 1927 года, считающееся одним из самых разрушительных в истории США.

лярные шапки утолщались, и лед под их весом проваливался ниже поверхности до тех пор, пока видимый лед не стал лишь верхушкой двух линзовидных залежей подземной вечномерзлой породы в оконечностях планеты, превысивших видимый объем сначала в десятки, затем в сотни раз. Тогда в направлении экватора стали заполняться новые водоносные слои, снизу, путем выхода газа из ядра. А некоторые из старых слоев заполнялись заново.

Так эти медленные циклы приблизились ко второму кругу. Но поскольку планета остывала, все это происходило все медленнее и медленнее, напоминая замедляющийся маятник Планета приняла ту форму, которую мы видим сейчас. Но она никогда не прекращает меняться: нестихающие ветры иссекали поверхность, все сильнее измельчая пыль. Эксцентриситет орбиты Марса предполагал, что южное и северное полушария обменивались холодными и теплыми зимами через каждую 51 000 лет, с тем, чтобы шапки из сухого и водного льда менялись

полюсами. При каждом качании этого маятника откладывался новый слой песка, и ось падения новых дюн прорезала более старые слои под углом, пока песок вокруг полюсов не образовал точечную штриховку, геометрически напоминающую песочные картины индейцев навахо, связывающую всю верхушку планеты.

Цветные пески в их узорах, рифленые и зубчатые стены каньонов, вулканы, пронизывающие небо, рваные скалы в беспорядочном рельефе, бесконечные кратеры как кольцевидные символы зарождения планеты… Красивый, но и суровый — свободный, строгий, разбитый, безмолвный, стойкий, неподвижный Возвышенный Олицетворение языка сущности минеральных пород.

Породы — ни животных, ни растений, ни вирусов. Они могли появиться, но не появились. Никогда здесь не возникали из глины или серных гейзеров стихийные поколения организмов, сюда не падали споры из космоса, этих мест не касалась десница божья — что бы ни было зародителем жизни (мы-то не знаем что), на

Марсе оно не действовало. Марс вращался, будто доказывая свою отчужденность от мира, свою каменную витальность.

Но в один прекрасный день…

≈ * ≈

Она твердо встала на обе ноги, без всяких сюрпризов; гравитация была знакомой после девяти месяцев, проведенных на «Аресе», а учитывая вес костюма это мало отличалось от прогулок по Земле, какими она их запомнила Небо — розовое с песчаными оттенками, более насыщенного и вместе с тем более нежного цвета чем на фотографиях.

— Посмотрите на небо, — сказала Энн. — Посмотрите на небо. Майя болтала ни о чем. Сакс с Владом крутились на месте, будто вращающиеся статуи. Надежда Франсин Чернышевская сделала еще несколько шагов, ощутив, как ее ботинки скрипят по поверхности. Это был твердый соленый песок в пару сантиметров толщиной, и он трескался, когда на него ступали. Геологи называли его твердой коркой или калише. От следов ее ботинок расходились маленькие системы радиальных трещин.

Она немного отошла из посадочного модуля, фунт был ржавого, темно-оранжевого цвета, покрытый ровным слоем камней такого же цвета, хотя на некоторых из них проявлялись красные,

черные или желтые оттенки. На востоке стояло множество летательных аппаратов разных форм и размеров, чьи верхушки высились над горизонтом. Все они покрылись пылью такого же оранжево-красного цвета, что и грунт. Это создавало странный, волнующий вид, будто они наткнулись на какие-то давно заброшенные космические корабли. Строения Байконура тоже могли бы выглядеть так спустя миллионы лет.

Она подошла к одному из ближайших аппаратов — это был грузовой контейнер, размером с небольшой домик, на скелетообразной четвероногой ракетной установке. Судя по виду, он пробыл там не одно десятилетие. Солнце висело высоко над головой, слишком яркое, чтобы смотреть на него даже сквозь забрало скафандра. Через поляризаторы и другие фильтры оценить было сложно, но ей казалось, что дневной свет очень походил на земной, каким она его запомнила. Солнечный зимний денек.

Она снова осмотрелась, пытаясь осознать случившееся. Они стояли на мягкой, неровной равнине, покрытой мелкими острыми камнями, погрязшие в пыли. На западном горизонте выделялся невысокий холм с плоской вершиной. Это мог быть край кратера — трудно сказать навер-

няка. Энн уже была на полпути к нему, хотя он казался огромным. Горизонт здесь был ближе, чем можно было подумать, и Надя остановилась, чтобы посмотреть на него, надеясь, что скоро к этому приспособится и перестанет обращать внимание на подобные вещи. Но этот невероятно близкий горизонт не был похож на то, что было на Земле, — теперь она ясно это видела. Они стояли на маленькой планете.

Она попыталась припомнить земную гравитацию, удивляясь, как трудно это сделать. Как она ходила по тундре, по замерзшей зимой реке… и сейчас — шажок, еще шажок. Земля была плоской, но нужно было прокладывать себе путь между вездесущими камнями. На Земле она не знала такого места, где они были бы разбросаны так обильно и равномерно. А если прыгнуть? Она прыгнула и рассмеялась — даже вместе с костюмом она казалась легче. Она была такой же, как всегда, но весила всего тридцать килограммов! И еще костюм — сорок… хотя, конечно, он выводил ее из равновесия. Из-за него ей чудилось, будто она стала полой. Будто центр тяжести пропал, а вес сместился к коже и мышцам. Конечно, такой эффект создавал ее костюм. В естественной среде она должна была ощущать себя так же, как

на «Аресе». Но здесь в костюме она была полой женщиной. С помощью этого образа она вдруг смогла легко передвигаться, перескакивать через валуны, кружиться, танцевать! Просто прыгать в воздухе, опускаться на плоские камни… Осторожно!

Она упала, припав на колено и уткнувшись обеими руками в грунт. Перчатки порвались, встретившись с твердой коркой. Та была похожа на слой спекшегося песка на пляже, только более твердой и хрупкой. Как застывшая грязь. А еще она была холодной! Перчатки не имели ни такого подогрева, как подошвы, ни достаточной изоляции при соприкосновении с землей. Это было как дотронуться до льда голыми пальцами, надо же! Примерно 215 градусов по Кельвину. Пальцы окоченели. Для работы им понадобятся перчатки получше — оснащенные такими же нагревательными элементами, как их подошвы. Тогда они стали бы более плотными и менее гибкими. Теперь ей нужно было вернуть пальцы в форму.

Она смеялась. Просто переходила от одного груза к другому, напевая про себя «Ройял-Пфден-Блюз». Поставила ногу на очередной груз и стерла корку красной грязи с грузового манифеста на одной из сторон крупного металлического ящика.

Марсианский бульдозер «Джон Дир/Вольво», 1 шт., гидразиновое питание, термическая защита, полуавтоматика, полное программное управление. Съемные и запасные части в наличии.

Она почувствовала, как ее лицо растянулось в широкой ухмылке. Экскаваторы, погрузчики, бульдозеры, тракторы, грейдеры, самосвалы; всевозможные строительные материалы; воздухосборники для фильтрации и сбора веществ из атмосферы; другие аппараты для смешения этих веществ; целый пищеблок со всем необходимым. Это находилось в десятках ящиков, разбросанных по всей равнине. Она начала перепрыгивать от одного модуля к другому, осматривая их. Некоторые имели явные повреждения, полученные при ударе, у других отвалились их паучьи лапы, у третьих треснул корпус, а один вообще, сплющившись, превратился в груду раздавленных ящиков, наполовину погребенных в пыли. Но это лишь открывало еще одну возможность — собирать и ремонтировать — как раз то, что она любила. Она рассмеялась в голос, испытывая легкое головокружение. На ее наручной консоли замигал огонек. Переключившись на общую полосу частот, она вздрогнула, когда Майя, Влад и Сакс заговорили разом:

— Эй вы, Энн, Надя, девчонки, возвращайтесь сюда! Помогите нам подключиться к этому треклятому жилому отсеку, а то мы даже дверь не можем открыть!

Она рассмеялась.

Жилые отсеки были разбросаны повсюду, как и все остальное, но они высадились возле того, который, как они знали наверняка, был способен функционировать. Его спустили с орбиты всего несколько дней назад и полностью проверили. Наружный замок, к сожалению, проверить было невозможно, и теперь его заело. Надя, ухмыльнувшись, принялась с ним разбираться. Странно было видеть нечто напоминающее брошенный трейлер, запертое на такой же замок, какие стояли на космических станциях. На то, чтобы открыть его, ей понадобилась всего минута: она набрала аварийный код, одновременно рванув дверь на себя. Вероятно, замок заело из-за того, что он сжался от холода. Их ждало еще множество подобных маленьких трудностей.

Затем они с Владом вошли вовнутрь. Жилище походило на трейлер, только с новейшими кухонными приспособлениями. Повсюду был включен свет. Воздух был теплым и хорошо циркулировал. Все управлялось почти такой же панелью, как на

атомной электростанции.

Пока остальные забирались за ними, Надя уже обходила ряд маленьких комнат, дверь за дверью, и ее внезапно посетило престранное чувство: будто все находилось не на своем месте. Свет был зажжен, некоторые лампы мигали, а дверь в дальнем конце коридора качалась на петлях взад-вперед.

Дело было явно в вентиляции. К тому же некоторый беспорядок мог случиться при толчке в момент примарсения отсека. Она отбросила эти мысли и вышла поприветствовать остальных.

Ко времени, когда все совершили посадку и побродили по каменистой равнине (останавливаясь, спотыкаясь, бегая, вглядываясь в горизонт, медленно вращаясь, снова прогуливаясь), когда все вошли в три функционирующих жилых отсека, сняли космические костюмы, осмотрели свои жилища, слегка перекусили и вдоволь наговорились, наступила ночь. Продолжив обустраиваться, они проболтали бóльшую ее часть, слишком возбужденные, чтобы уснуть; многие спали урывками до самого рассвета. А потом они проснулись, оделись и снова вышли наружу, где принялись осматриваться, проверять грузовые манифесты и работоспособность машин. Когда,

наконец, поняли, что проголодались, они вернулись, чтобы наскоро перекусить, — но уже снова наступила ночь!

И так прошло несколько дней — они жили в безумном водовороте времени. Надя просыпалась от сигнала наручной консоли и быстро завтракала, глядя в восточное окно своего отсека. Рассвет на несколько минут окрашивал небо в насыщенные ягодные цвета, прежде чем, быстро сменив несколько розовых оттенков, принять густой оранжево-розовый дневной окрас. Стены, обычно бежевые, на рассвете тоже слегка подсвечивались оранжевым. Кухня и столовая крохотные, а четыре туалета — не более чем шкафы. Энн начинала копошиться, как только в комнате становилось светло, и шла в один из туалетов. Джон уже тихонько сидел на кухне. Здесь они жили гораздо менее уединенно, чем на «Аресе», и некоторым было трудно приспособиться к таким условиям. Майя жаловалась, что не могла уснуть, когда так людно, но вот — она спала, по-детски разинув рот. Она вставала последней, продолжая дремать под утренний шум и возню остальных жильцов.

Затем горизонт раскалывался восходящим солнцем, и Надя расправлялась со своими хло-

пьями и молоком — сделанным из порошка, смешанного с водой, добытой из атмосферы (вкусовой разницы не было), — после чего надевала прогулочный костюм и выходила на работу.

Эти костюмы были созданы специально для прогулок по марсианской поверхности. Не заполненные сжатым воздухом, они были изготовлены из эластичной сетки, благодаря которой тело ощущало такое же давление, как при атмосфере Земли. Это предотвращало возникновение синяков, неизбежных при минимальном воздействии на тело марсианской атмосферы, и в то же время давало больше свободы, чем герметизированный космический костюм. Прогулочники также имели весьма существенное преимущество: они были отказоустойчивыми — герметичным в них был лишь жесткий шлем, поэтому при прорыве колена или локтя можно было получить лишь сильный ушиб и обморожение кожи, а не задохнуться и умереть в считанные минуты.

Процедура надевания такого костюма была сама по себе целым физическим упражнением. Надя, извиваясь, натягивала штаны поверх длинного белья, затем надевала куртку и застегивала верх и низ на молнию. Затем втискивалась в большие термальные ботинки и соединяла их

верхние кольца с концами костюма у лодыжек; натягивала перчатки, закупоривала кольца на запястьях; надевала вполне стандартный твердый скафандр и крепила его к кольцу на шее; затем натягивала на плечи дыхательный рюкзак и подсоединяла его трубки к скафандру. Несколько раз с трудом вдыхала, пробуя на вкус прохладную смесь кислорода с азотом, попадающую ей в лицо. Индикатор на запястье показывал, что все замки застегнуты, и она выходила вслед за Джоном и Самантой в шлюз. Те закрывали внутреннюю дверь, и воздух всасывался в контейнеры, после чего Джон отпирал наружную дверь. И все трое ступали на поверхность.

Выходить на эту скалистую равнину каждое утро было волнующим действом, когда солнце рисовало длинные черные тени, тянущиеся на запад, и отчетливо проявлялись многочисленные бугорки и впадинки. Ветер обычно дул с юга, и мелкие частицы перемещались над землей извилистыми потоками, так что казалось, будто скалы медленно ползали с места на место. Даже сильнейшие из этих ветров нельзя было ощутить, протянув вперед руку, но им пока не приходилось переносить ураганов — при пятистах километрах в час они наверняка что-то почувствуют. При

двадцати же не чувствовали почти ничего.

Надя и Саманта подошли к одному из небольших марсоходов, который уже был распакован, и залезли внутрь. Надя повела его поперек равнины к трактору, обнаруженному накануне примерно в километре на запад. Утренняя прохлада прорывалась сквозь ромбовидный узор ее костюма, благодаря х-образному расположению нити накала в материале. Странное ощущение, но в Сибири ей не раз бывало и холоднее, поэтому она не жаловалась.

Они подъехали к большому спускаемому аппарату и выбрались наружу. Надя подняла дрель с крестообразной отверткой и начала раскручивать ящик, лежавший поверх транспортного средства. Внутри оказался трактор «Мерседес-Бенц». Она вставила сверло в головку винта и, нажав на курок, увидела, что винт начал вращаться. Она достала его и, ухмыляясь, перешла к следующему. В юности она неисчислимое множество раз мерзла, пытаясь открутить оледеневшие винты закоченевшими пальцами… а здесь просто *вжик* — и готово. И в самом деле в этом костюме было теплее, чем тогда в Сибири, да и просторнее — прогулочник ограничивал движения не более, чем тоненький неэластичный гидрокостюм.

Повсюду со своей странной закономерностью были разбросаны красные глыбы, по радиосвязи раздавались голоса: «Эй, я тут нашел солнечные батареи!» — «Это еще что! Вот я нашел целый *ядерный реактор*!» Да, утро на Марсе выдалось что надо.

Раскладывающиеся стенки ящика образовали наклонную поверхность, чтобы трактор смог съехать со спускаемого аппарата. Они не выглядели достаточно прочными — но здесь снова приходила на помощь гравитация. Надя включила теплосистему трактора, как только сумела до нее дотянуться, и, забравшись в кабину, забивала команды в автопилоте. Она чувствовала, что лучше позволить ему спуститься по пандусу самостоятельно, а им с Самантой наблюдать за этим со стороны — на случай, если пандус из-за холода окажется более хрупким или ненадежным, чем предполагается. Она так и не привыкла к марсианскому *g* и не могла доверять конструкциям, которые были рассчитаны на такие условия. Пандус казался ей чересчур тонким.

Но трактор скатился без происшествий и остановился на земле — восьми метров в длину, ярко-синий, со спицевыми колесами, превышавшими человеческий рост. Чтобы сесть в кабину,

им пришлось взобраться по короткой лестнице. Съемный кран уже был прикреплен к передней его части, благодаря чему им было легче загрузить в него лебедку, ковш, несколько ящиков с запасными частями и, наконец, стенки упаковки. Когда они закончили, трактор выглядел перегруженным и тяжелым, как каллиопа[26], но благодаря *g* он легко сохранял равновесие. Сам трактор был настоящей громадиной, имел 600 лошадиных сил, широкую колесную базу и широкие колеса. Подхват гидразинового двигателя был даже хуже, чем у дизельного, но его первая передача оказалась идеальной, совершенно неумолимой. Они тронулись и медленно покатились к трейлерному парку — вот и все. Надежда Чернышевская вела «Мерседес-Бенц» по Марсу!

Затем проследовала за Самантой на сортировочный пункт, чувствуя себя королевой. И это было только утро. Потом обратно в жилище, сняв скафандр и рюкзак, там быстрый перекус в костюме и ботинках. От всей этой беготни они проголодались.

После обеда они вернулись в «Мерседес-Бенц» и с его помощью перетащили воздухосборник

---

[26] Примечания: 26

Паровой орган, издающий звуки с помощью локомотивных или пароходных гудков.

«Боинг» к востоку от жилых отсеков, где планировалось разместить все фабрики. Воздухосборники представляли собой крупные металлические цилиндры, несколько напоминающие корпуса «Боинга 737» — только у них было восемь шасси, а ракетные двигатели крепились к ним вертикально по бокам, и два реактивных двигателя возвышались над корпусом во всю его длину. Пять таких воздухосборников были сброшены в море около двух лет назад. С тех пор их реактивные двигатели всасывали разреженный воздух и прогоняли его сквозь ряд отдельных механизмов, чтобы расщепить его на составляющие газы. Газы сжимались и откладывались в крупных резервуарах и сейчас были пригодны к использованию. Теперь в каждом «Боинге» было по 5 000 литров водного льда, 3 000 литров жидкого кислорода, 3 000 литров жидкого азота, 500 литров аргона и 400 литров углекислого газа.

Тащить такие громадины к крупным сборным резервуарам, расположенным возле жилищ, по завалам бута непросто, но это необходимо сделать, потому что, опустошив их в резервуары, воздухосборники можно использовать снова. В этот день одна группа уже это проделала, и теперь повсюду, даже в скафандре или внутри жилого

отсека, был слышен низкий гул двигателей.

Воздухосборник Нади и Саманты оказался менее послушным. Они полдня пытались протащить его на сто метров, после чего им пришлось насадить бульдозерный отвал, чтобы расчистить для него путь. Аккурат перед закатом они вернулись в жилой отсек, с замерзшими руками и усталые до изнеможения. Они разделись, оставив на себе лишь запыленное белье, и, голодные, вышли на кухню. Влад подсчитал, что каждый из них сжигал по 6 000 калорий в день. Приготовив макароны, они стали жадно их уплетать, едва не обжигая свои еще не оттаявшие пальцы о подносы. Лишь покончив с едой, ушли в женскую раздевалку, где мылись, обтираясь губками, смоченными водой, а затем надели чистые куртки.

— Трудно тут не запачкаться: пыль попадает даже сквозь замки на запястьях, а молния на поясе вообще будто и не закрывалась.

— Ну да, это же пылинки размером с микрон! И запачканная одежда — еще не самое страшное, скажу я тебе. Они будут *везде* — в легких, в крови, в мозгах…

— Вот каково жить на Марсе.

Это уже стало у них устоявшимся выражением, которое применялось всякий раз, когда они

сталкивались с трудностями, особенно такими, которые нельзя было преодолеть.

Случалось, что после ужина оставалась еще пара часов дневного света, и неутомимая Надя выходила погулять. Часто она проводила это время, слоняясь меж ящиков, которые они доставили на базу в тот день, и через какое-то время она, увлеченно выбирая желаемое, будто ребенок в кондитерском магазине, собрала себе целый набор инструментов. За годы работы в сибирской энергетике она научилась с уважением относиться к хорошим инструментам — тогда она жутко страдала от их нехватки. В северной Якутии все постройки стояли в вечномерзлом грунте, неравномерно оседая летом, тогда как зимой их заносило снегом. Строительные материалы завозились со всего мира: тяжелое машинное оборудование из Швеции и Швейцарии, буровые установки из Америки, реакторы из Украины, а также много старого отработанного советского хлама, иногда годного, иногда неописуемо дрянного, но всегда неподходящего — иногда даже с измерением в *дюймах*. Поэтому постоянно приходилось как-то выкручиваться, строя маслосборники изо льда и веревки, сколачивая такие ядерные реакторы, что Чернобыль на их фоне

казался швейцарскими часами. И каждый день они делали свою безнадежную работу инструментами, которые запросто довели бы плохого работника до слез.

Теперь она могла бродить в тусклом рубиновом свете заката, пока ее сборник старого джаза струился из стереопроигрывателя в жилом отсеке во внутришлемные наушники, и рыться в ящиках, доставая любые инструменты, какие хотела. Она относила их в комнатку, которую захватила себе на одном из складов, насвистывая в такт «Креольскому джазовому оркестру Кинга Оливера»[27], пополняя свою коллекцию, которая, помимо прочего, уже включала: набор универсальных гаечных ключей, несколько клещей, перфоратор, тиски, ножовки, набор гайковертов, связку морозоустойчивых канатов для крепления грузов, напильники, рубанки, набор разводных ключей, щипцы, пять молотков, несколько кровоостанавливающих зажимов, три гидродомкрата, воздуходувные мехи, наборы отверток и дрелей, переносной баллон со сжатым газом, ящик с пластиковыми бомбами и кумулятивными зарядами, мерительную ленту,

[27] Примечания: 27

Джазовый оркестр, имевший большую популярность в США в 1920-х гг.

огромный швейцарский армейский нож, ножницы по металлу, пинцеты, скальпели, кирку, множество киянок, хомуты шланга, наборы концевых сверл, часовых отверток, увеличительных стекол, всевозможные ленты, отвесы, швейный набор, ножницы, ситечки, уровни всех размеров, острогубцы, прижимные клещи, набор метчиков и плашек, три лопаты, компрессор, генератор, инструменты для сварки и резки, ручную тележку… и так далее. И это было только механическое оборудование, ее плотничьи инструменты. В других частях склада они собирали средства для исследований и лабораторий, геологические инструменты и множество компьютеров, радио, телескопов и видеокамер. В складах биосферной команды хранились инструменты для работы на ферме, устройства для переработки отходов, газообменный аппарат — по сути, вся техническая база. У медицинской команды было еще больше складов, отведенных под материалы для клиники, исследовательских лабораторий и под средства генной инженерии.

— Сам знаешь, что это, — сказала Надя Саксу Расселлу как-то вечером, обводя взглядом свой склад. — Это *целый город*, раздробленный на кусочки.

— И притом хорошо развивающийся.

— Да, как университетский городок. С первоклассными кафедрами в нескольких направлениях.

— Но все же раздробленный.

— Да. Но мне это в некотором роде даже нравится.

Возвращаться в жилой отсек нужно было до заката, и она, провозившись в сумерках с замком, попала внутрь, где съела еще немного холодной еды, сидя у себя на кровати и слушая разговоры, в основном касающиеся работы, проделанной за день, и распределения заданий на следующее утро. Вообще этим должны были заниматься Фрэнк и Майя, но на деле все выходило непринужденно, от случая к случаю. Как выяснилось, это здорово удавалось Хироко, что стало неожиданностью, учитывая, какой отстраненной она была по пути сюда; но теперь, поскольку ее команде требовалась помощь со стороны, она каждый вечер проводила, переключаясь с одного человека на другого, такая целеустремленная и убедительная, что к утру у нее обычно уже была готова довольно многочисленная команда. Наде это было непонятно: им предстояло пять лет жить на обезвоженных консервах, что, в общем-то, ее

устраивало: ей приходилось есть и худшую еду бóльшую часть своей жизни, и она уделяла пище мало внимания, способная питаться, казалось, хоть сеном… или горючим, как какой-нибудь трактор. Но ферма была им необходима в том числе для выращивания бамбука — его Надя собиралась использовать как строительный материал для постоянных жилищ, к работам над которыми она надеялась вскоре приступить. Все было взаимосвязано: их задания пересекались, и выполнить одно было невозможно без другого. Поэтому, когда Хироко плюхнулась на кровать рядом с ней, она сказала:

— Да, да, в восемь буду. Только нельзя же строить постоянную ферму, пока не будет самих капитальных жилищ. Так что, по сути, это ты завтра будешь мне помогать, верно?

— Нет, нет, — смеясь, ответила Хироко. — В другой раз, ладно?

Главным конкурентом Хироко был Сакс Расселл со своей командой, работавший над налаживанием всего производства на фабриках. Влад, Урсула и группа биомедиков также жаждали начать работу в своих лабораториях. Казалось, эти три команды готовы жить в трейлерном парке неопределенное время, пока не запустятся все их

проекты, но, к счастью, было достаточно и тех, кто не столь одержим работой, — такие, как Майя, Джон и остальные космонавты, заинтересованные в том, чтобы как можно скорее переселиться в более крупные и защищенные дома. И помощи в своем проекте Надя ждала именно от них.

Покончив с едой, она отнесла поднос на кухню и вымыла его ежичком, после чего подсела к Энн Клейборн, Саймону Фрейзеру и остальным геологам. Энн клонило в сон — по утрам она много разъезжала на марсоходах и ходила пешком, а потом полдня работала на базе, пытаясь наверстать упущенное за время своих прогулок. Наде она казалась странно напряженной, не настолько довольной своим пребыванием на Марсе, как можно было ожидать. Она отказалась работать и на фабриках, и с Хироко, и обычно помогала Наде, которая, преследуя цель лишь построить жилища, можно сказать, меньше, чем другие команды, собиралась воздействовать на планету. Может, дело было в этом, может, нет — Энн не говорила. Она была непроницаемой, переменчивой — не в причудливой русской манере, как Майя, но в более утонченной и, как считала Надя,

более мрачной. Вроде Бесси Смит[28].

Остальные мылись после ужина и болтали, просматривали манифесты и болтали, окружали компьютерные терминалы и болтали, стирали одежду и болтали до тех пор, пока большинство не растягивалось в кроватях, и тихонько продолжали болтать, пока не засыпали.

— Это как первая секунда существования вселенной, — сказал Сакс Расселл, устало потерев лицо. — Все забито битком и нет никакого разделения. Просто кучка мечущихся горячих частиц.

[28] Примечания: 28

Бесси Смит (1894–1937) — американская певица, популярная в 1920–30-х гг. и получившая прозвище Императрица блюза.

≈ * ≈

И это был только один день, и таким был каждый из их череды — день, за ним еще день и еще. Погода нельзя сказать чтобы менялась, если не считать появляющихся временами облаков или особенно ветреных вечеров. В целом дни были довольно однообразны. Выполнение каждой задачи отнимало больше времени, чем предполагалось изначально. Даже надеть прогулочник и выбраться из жилища — изнурительный труд. А затем следовало прогревать оборудование — и даже несмотря на то, что оно собрано по международным стандартам, нельзя было избежать кое-каких несоответствий размеров и функций. Доставляла проблем и пыль — она оказалась вездесущей, всепроникающей. («Не называй это пылью! — жаловалась Энн. — Ты же не называешь пылью, например, гравий! Это частицы, называй их частицами!») Любой физический труд на пронизывающем холоде был изнуряющ, из-за чего они продвигались медленнее, чем ожидали, и часто получали мелкие повреждения. И, наконец, перед ними возникало удивительное количество безотлагательных дел, о которых

они не подозревали. Так, им понадобился месяц (они рассчитывали на десять дней) на то, чтобы распаковать все грузы, проверить содержимое и перенести их на склады — только после этого можно было перейти к непосредственной работе.

Теперь они могли начать строиться. Здесь Надя попала в свою стихию. Ей нечем было заняться на «Аресе» — полет прошел для нее, как зимняя спячка. Но строительство было ее первейшим талантом, природой ее гения, доведенным до совершенства в тяжелых сибирских условиях. Очень скоро она стала в колонии главным мастером по ремонту, или универсальным растворителем, как прозвал ее Джон. Чуть ли не каждое дело требовало ее участия, и она, непрестанно бегая и раздавая советы, превратилась в своего рода непреходящее провидение. Столько дел! Столько дел! Хироко на каждом ночном обсуждении планов прибегала к ухищрениям, и вот уже вырастала ферма: три параллельных ряда теплиц, напоминавших промышленные теплицы на Земле — только не такие крупные и с очень тонкими стенками, которые должны были не дать сооружениям взорваться, как связке воздушных шаров. Даже малое внутреннее давление

в 300 миллибар, которого еле-еле хватало для фермы, было огромным в сравнении с наружным — поэтому, пропусти строители уязвимый участок, случился бы взрыв. Но Надя была мастером по герметизации на холоде, и Хироко, впадая в панику, звала ее чуть ли не каждый день.

Затем материаловедам понадобилась помощь в запуске их фабрик, а бригаде, собирающей ядерный реактор, требовался контроль за каждым движением: они столбенели от страха, боясь сделать что-нибудь не так. Не придавал им бодрости и Аркадий, который отправлял с Фобоса радиосообщения, настаивая на том, что им не нужна столь опасная технология, что всю необходимую энергию можно добывать с помощью ветрогенераторов. Когда он схлестнулся с Филлис в споре на эту тему, Хироко отключила его, произнеся японскую поговорку: «Шиката га най», что значит: «Нет иного выбора». Ветряные мельницы, может, и генерировали бы достаточно энергии, но ветряных мельниц не имелось в наличии, зато им прислали ядерный реактор Риковера, построенный Военно-морскими силами США и бывший прекрасным творением. К тому же никому не хотелось углубляться в систему ветряной энергетики, когда они и без того работали в

большой спешке. *Шиката га най*. Эту фразу они произносили очень часто.

И каждое утро участники строительной бригады Чернобыля (название, разумеется, придумал Аркадий) умоляли Надю присмотреть за ними. Они были изгнаны далеко на восток от поселения, и если уж к ним ехать, то лучше бы на целый день. Но и команда медиков просила ее помочь в строительстве клиники и нескольких лабораторий внутри нее — из ненужных ящиков, которые они превратили в убежища. И вместо того чтобы оставаться на Чернобыле, она возвращалась в середине дня, чтобы поесть, а затем отправлялась к медикам. Каждую ночь отключалась в полном изнеможении.

Иногда по вечерам, прежде чем отправиться спать, она подолгу разговаривала с Аркадием, звонившим с Фобоса. Его команда испытывала проблемы с микрогравитацией луны, и ему тоже был нужен ее совет.

— Вот получить бы нам такое *g*, при котором можно было бы и жить, и спать! — говорил Аркадий.

— Постройте рельсы кольцом вокруг поверхности, — предложила Надя, засыпая. — Из одного отсека «Ареса» сделайте поезд и возите его по

рельсам. Забирайтесь внутрь и возите его с такой скоростью, чтобы получить нормальное *g* относительно обшивки поезда.

Аркадий замер, а затем разразился диким гоготом:

— Надежда Франсин, я люблю тебя, я люблю тебя!

— Ты любишь гравитацию.

Из-за всех этих консультаций строительство постоянных жилищ шло довольно медленно. Наде удавалось всего раз в неделю забираться в открытую кабину «мерседеса» и громыхать по разрыхленной земле траншеи, которую она уже начала рыть. Теперь та достигала десяти метров в ширину, пятидесяти в длину и четырех в глубину — именно такая глубина была необходима. Дно траншеи ничем не отличалось от поверхности планеты — глина, мелкие частицы, камни всех размеров. Реголит. Пока она работала на бульдозере, геологи запрыгивали и выпрыгивали из траншеи, собирая образцы и все разглядывая, — даже Энн, которая была против того, что они бороздили планету. Ни один геолог из когда-либо появившихся на свет не мог удержаться в стороне от вскрытого грунта. Работая, Надя слушала их переговоры по радиосвязи. Они пришли к выводу,

что реголит, судя по всему, был одинаков на любой глубине — и хорошего в этом мало, поскольку Надя не назвала бы реголит прочным грунтом. Зато содержание воды оказалось низким — менее десятой процента, — это означало, что они не провалятся вниз, как в одном из незабываемых кошмаров Нади, случившихся во время стройки в Сибири.

Покончив с выемкой реголита, она собиралась устроить фундамент из портландцемента — лучшего материала из тех, чем они располагали. Он разошелся бы трещинами, залей они его менее чем двухметровым слоем — но «шиката га най». Толщина обеспечивала некоторую изоляцию. Однако бетон еще нужно было прогреть до полной выдержки — а при 13 по Цельсию для этого требовались нагревательные элементы… Все тянулось очень, очень медленно.

Она повела бульдозер вперед, чтобы удлинить траншею, и тот резко рванулся, укусив землю. Затем, навалившись своим весом, уперся в реголит, прорезая себе путь.

— Ну и боров, — нежно заметила Надя.

— Надя влюбилась в бульдозер, — отозвалась Майя по радиосвязи.

«Я по крайней мере знаю, кого люблю», — по-

думала Надя. На прошлой неделе она провела слишком много вечеров на складе инструментов с Майей, слушая ее болтовню о проблемах с Джоном, о том, как во многом ей было лучше с Фрэнком, как она не могла разобраться в своих чувствах, как ей казалось, что Фрэнк ее ненавидит, и так далее и тому подобное. Надя, чистя инструменты, лишь поддакивала, стараясь скрыть отсутствие интереса к разговору. На самом же деле она устала от проблем Майи и, скорее, предпочла бы поговорить о стройматериалах, чем о чем-либо другом.

Ее работу на бульдозере прервал звонок команды из Чернобыля.

— Надя, а что нам сделать, чтобы цемент застыл на таком холоде?

— Нагрейте его.

— Мы уже.

— Нагрейте еще.

— Ох!

Они там почти закончили, посчитала Надя. Компоненты реактора Риковера уже практически собраны, оставалось лишь соединить их, вставив в стальной колпак реактора, наполнить трубы водой (после чего их запасы сократились бы почти до нуля), подключить все это, обложить

мешками с грунтом и потянуть ручку управления. Тогда у них сразу появлялось 300 киловатт, что положило бы конец их ночным спорам о том, кому на следующий день достанется бóльшая часть мощности генератора.

Затем позвонил Сакс. У них засорился один из процессоров Сабатье, и им не удавалось его извлечь. Надя оставила работу в траншее Джону и Майе, а сама взяла марсоход и направилась в производственный комплекс.

— Поеду проведать алхимиков, — известила она.

Когда она приехала и подошла к процессорам, Сакс встретил ее словами:

— Ты когда-нибудь замечала, как здешняя техника отражает особенности отраслей, в которых она собрана? Если ее построили автопроизводители, она маломощная, но надежная. Если это аэрокосмическая промышленность, то она чересчур мощная, но ломается по два раза в день.

— А у того, что сделали в международном сотрудничестве, отвратительный дизайн.

— Точно.

— А химическое оборудование слишком привередливое, — добавил Спенсер Джексон.

— Не то слово! Особенно в этой пыли.

Для производственного комплекса воздухосборники были только началом. Их газы поступали в большие кубические трейлеры, и там сжимались, расширялись, распадались и собирались вновь посредством таких химических технологий, как: обезвоживание, сжижение, фракционная перегонка, электролиз, электросинтез, процесс Сабатье, процесс Рашига, процесс Освальда… Постепенно они получали все более и более сложные вещества, которые кочевали с одной фабрики на другую, минуя целый лабиринт подразделений, похожих на передвижные дома, попавшие в паутину разноцветных резервуаров, труб и проводов.

Сейчас любимым продуктом Спенсера был магний, в котором недостатка не ощущалось: по его словам, они добывали его по двадцать пять килограмм в каждом кубометре реголита и он был таким легким, что крупная магниевая болванка при марсианской «жэ» по ощущениям казалась кусочком пластика.

— В чистом виде он слишком хрупок, — объяснил Спенсер, — но, если сделать сплав, мы получим *чрезвычайно* легкий и крепкий металл.

— Марсианская сталь, — сказала Надя.

— Лучше!

Настоящая алхимия — только с привередливым оборудованием. Надя разобралась с Сабатье, а затем принялась чинить вакуумный насос. Роль насосов в работе производственного комплекса была достойна изумления — иногда фабрики казались просто безумным скоплением насосов, которые по своей природе постоянно засорялись частицами и выходили из строя.

Через два часа процессор Сабатье уже работал. На обратном пути в парк трейлеров Надя заглянула в первую теплицу. Старые растения расцвели, а недавно засеянные уже начали проглядывать из новой черной почвы. Приятно было видеть сверкающую зелень в этом красном мире. Бамбук, как ей сказали, прибавлял по несколько сантиметров в день и уже вымахал метров на пять вверх. Но нетрудно заметить, что ему не хватает почвы. Алхимики с помощью азота из «Боингов» синтезировали аммиачные удобрения, и это было крайне необходимо для Хироко, поскольку реголит был настоящим кошмаром для земледельцев — слишком соленый, взрывающийся от перекисей, чрезвычайно аридный и совершенно лишенный биомассы. Им приходилось создавать почву так же, как они создавали магниевые болванки.

Надя зашла в жилой отсек в парке трейлеров, чтобы стоя перекусить. Затем отправилась на место строительства постоянного жилища. За время ее отсутствия дно траншеи было почти выровнено. Встав на край ямы, она заглянула вниз. Они собирались строить по проекту, который очень ей нравился и который она уже воплощала в Антарктике и на «Аресе». Это был простой ряд квартир, в форме цилиндрических сводов и соединенных смежными стенами. Их предстояло разместить в траншее наполовину скрытыми под землей, после чего обнести мешками с реголитом высотой в десять метров для защиты от радиации, а также для создания давления в 450 миллибар — чтобы не случился взрыв. Портландцемент и кирпичи в отдельных местах покрывал пластик, обеспечивающий непроницаемость шва.

К сожалению, у производителей кирпича не все складывалось как надо, и они позвонили Наде. Чувствуя, что терпение подходит к концу, она тяжело вздохнула:

— Мы проделали весь путь до Марса, а вы не можете сделать кирпичи?

— Дело не в том, что мы не можем, — ответил Джин. — А в том, что они просто мне не нравятся.

На кирпичной фабрике смешивали глину с серой, добываемой из реголита, и эта смесь заливалась в кирпичные формы, после чего обжигалась до тех пор, пока сера не начинала полимеризироваться. Затем кирпичи охлаждались и слегка сдавливались с помощью другого оборудования. Получавшиеся в итоге темно-красные кирпичи по прочности на растяжение были пригодны для использования в строительстве цилиндрических сводов, но Джин не был доволен.

— Я просто не хочу рассчитывать тяжелую крышу над нашими головами при минимальных значениях, — сказал он. — Что, если мы положим сверху слишком много мешков или случится небольшое марсотрясение? Не нравится мне это все.

Немного подумав, Надя ответила:

— Добавьте нейлон.

— Что?

— Найдите парашюты от сброшенных грузов, мелко-мелко порежьте и добавьте в смесь. Это увеличит предел прочности.

— В самом деле, — помолчав, согласился Джин. — Хорошая мысль! Как думаешь, парашюты еще можно найти?

— Они должны быть где-то на востоке.

Так они, наконец, нашли для геологов работу, которая оказалась действительно полезной для строительства. Энн, Саймон, Филлис, Саша и Игорь ездили на дальнопробежных марсоходах за горизонт к востоку от базы, далеко за Чернобыль, где искали и проводили наблюдения. Через неделю они нашли почти сорок парашютов, в каждом из которых было по несколько сотен килограммов полезного нейлона.

Однажды, достигнув цепочки Ганга, ряда карстовых воронок в ста километрах на северо-восток, они вернулись возбужденными.

Так странно, — поделился Игорь. — Их не видно до последнего момента, а потом они появляются, как огромные воронки, по десять километров в диаметре и два в глубину, всего восемь-девять в ряд, и каждая меньше предыдущей по размеру и по глубине. Фантастика! Вероятно, это термокарстовые образования, но они такие крупные, что в это трудно поверить.

— После этого близкого горизонта даже приятно видеть на такое расстояние, — заметила Саша.

— Да, это термокарст, — заключила Энн.

Но, попытавшись его пробурить, воды они не нашли. Это уже явилось поводом для беспокойства: как глубоко они ни бурили, никакой воды

в земле не обнаруживалось. Это вынуждало их полагаться лишь на те запасы, которые они получали из воздухосборников.

Надя пожала плечами. Воздухосборники достаточно надежны. Ей больше хотелось думать о своих сводах. Они уже наладили выпуск новых, улучшенных кирпичей, и роботы начали возводить стены и крыши. Кирпичную фабрику заполонили маленькие роботы-автомобили, которые, словно игрушечные марсоходы, катились по равнинам на стройку, к кранам. Те поднимали кирпичи один за другим и выкладывали их на холодном растворе, размазанном другими роботами. Система работала так слаженно, что весь процесс упирался лишь в производство кирпичей. Надя была бы довольна, если бы действительно верила в роботов. Казалось, все шло нормально, но ее опыт их использования на «Новом мире» не позволял ей быть спокойной. Они работали великолепно, когда все складывалось идеально, но ничто никогда не складывалось идеально, и было трудно прописывать им алгоритмы выбора решений: роботы либо становились такими осторожными, что замерзали каждую минуту, либо такими неуправляемыми, что могли совершать невероятно бестолковые действия,

повторяя ошибку тысячу раз и усугубляя мелкий промах до огромного отклонения, как Майя в своей личной жизни. Роботы выдают лишь то, что запрограммировано, даже лучшие из них — безмозглые идиоты.

Однажды вечером Майя влетела к ней на склад с инструментами и попросила переключиться на их личную частоту.

— От Мишеля никакого толку, — пожаловалась она. — Мне сейчас по-настоящему тяжело, а он просто смотрит на меня, как будто хочет облизать мою кожу. Ты единственная, кому я доверяю, Надя. Вчера я сказала Фрэнку: думаю, что Джон пытается подорвать его авторитет перед Хьюстоном. Но предупредила: он никому не должен говорить, что я так думаю. А на следующий день Джон спросил меня, почему я подумала, что его так волнует Фрэнк Нет никого, кто мог бы просто меня выслушать и никому потом не рассказывать!

Надя кивнула, закатив глаза. А затем наконец сказала: — Прости, Майя, но мне нужно переговорить с Хироко насчет протечки, которую они не могут найти.

Она стукнулась забралом о скафандр Майи — символ поцелуя в щеку — и, переключившись

на общую частоту, отсоединилась. Хватит значит хватит. Общаться с Хироко было бесконечно интереснее — реальный разговор о реальных проблемах в реальном мире. Хироко обращалась к Наде с вопросами почти каждый день, и Наде это нравилось, потому что Хироко была гениальна и после высадки явно повысила свое мнение о ее способностях. Взаимное профессиональное уважение — прекрасный повод для дружбы. И как приятно говорить исключительно о делах! Герметичная заделка, замыкающие механизмы, теплотехника, поляризация стекла, интерфейс между человеком и фермой (Хироко всегда забегала на несколько шагов вперед). Эти разговоры становились огромным облегчением после эмоциональных перешептываний с Майей, нескончаемых бесед о том, кому Майя нравилась, а кому нет, о том, что она по этому поводу чувствовала, о том, кто тронул ее чувства в тот день… Бах! Хироко никогда не вела себя так странно, не считая случаев, когда говорила о чем-то непонятном. Например, Надя не знала, как относиться к высказываниям типа: «Марс сам скажет нам, чего хочет, и мы будем вынуждены это делать». Что можно было на такое ответить? Но Хироко просто улыбалась своей широкой улыбкой и смеялась,

когда Надя пожимала плечами.

Ночью разговоры продолжались тут и там — страстные, увлеченные, раскованные. Дмитрий и Саманта были уверены, что им скоро удастся ввести в реголит генетически модифицированные микроорганизмы, которые будут способны там выжить, но для этого нужно было еще получить согласие ООН. Саму Надю эта мысль встревожила: она-то считала химическую инженерию сравнительно простой, как производство кирпичей, но не такой опасной, как создание жизни, о котором говорила Саманта. Хотя алхимики тоже создавали удивительные вещи. Почти каждый день они приносили в трейлерный парк образцы новых материалов — серную кислоту, цемент Сореля для строительства квартир, аммиачно-нитратные взрывчатые вещества, топливо для марсоходов на основе цианимида кальция, полисульфидную резину, кремниевые сверхкислоты, эмульгированные агенты, набор пробирок с микропримесями, извлеченными из солей и, самое свежее, прозрачное стекло. Последнее было большим успехом, так как при прежних попытках стекло все время получалось черным. Но извлечение силикатного сырья из их железного носителя принесло плоды, и вот в одну

из ночей они сидели в трейлере, передавая из рук в руки маленькие волнистые листы стекла, полного пузырей и неровностей, будто оно было изготовлено в семнадцатом веке.

Когда они зарыли и загерметизировали первый отсек, Надя вошла внутрь без скафандра и принюхалась. Давление здесь повысили до 450 миллибар — как в скафандрах и в трейлерах, — наполнили помещение смесью кислорода, азота и аргона и нагрели до 15 градусов по Цельсию. Ощущения были прекрасными.

Отсек был разделен на два этажа полом из бамбуковых стволов, вставленных в пазы в кирпичной стене на высоте двух с половиной метров. Разбитые на сегменты цилиндры создавали милый зеленый потолок, освещенный неоновыми лампами, свисавшими под ним. Возле одной из стен находилась магниево-бамбуковая лестница, ведущая на верхний этаж. Надя забралась по ней и осмотрелась. Ряд разрезанных пополам стволов бамбука служил достаточно ровным зеленым полом. Потолок был кирпичный, сводчатый и низкий. Наверху они собирались расположить спальни и ванную, а внизу — гостиную и кухню. Майя и Саймон уже завесили стены нейлоном из парашютов, которые им удалось спасти. Окон

не было: единственный свет давали неоновые лампы. Наде это не нравилось, и в более крупных жилищах, которые она уже задумала, окна планировалось разместить почти в каждом помещении. Но всему свое время. Пока эти безоконные отсеки были лучшим, что они могли построить. И значительным шагом вперед по сравнению с парком трейлеров.

Спустившись по лестнице, она провела пальцами по кирпичам и швам между ними. Они были шероховатыми, но теплыми на ощупь — их грели термоэлементы, располагавшиеся позади них. Такие же элементы находились и под полом. Сняв туфли и носки, она насладилась теплом грубых кирпичей под ногами. Это была чудесная комната, и было приятно думать, что они, проделав весь путь на Марс, построили эти дома из кирпича и бамбука. Она вспомнила своды руин, которые давным-давно видела на Крите, в местечке под названием Аптера — подземные римские цистерны, захороненные на склоне горы, имеющие форму цилиндрических сводов и сложенные из кирпича. Они почти такого же размера, как эти жилища. Точное их назначение неизвестно — некоторые говорили, в них хранилось оливковое масло, но они невероятно велики для этой цели.

Эти хранилища оставались невредимыми на протяжении двух тысяч лет после строительства, причем в сейсмическом районе. Снова надев туфли, Надя ухмыльнулась: через две тысячи лет и их потомки могли войти в эту комнату — несомненно, она к тому времени уже станет музеем, если еще будет существовать, — ведь это первое человеческое жилище, построенное на Марсе! И именно она построила его. Вдруг она ощутила на себе этот взгляд из будущего и содрогнулась. Они были как кроманьонцы, живущие в пещере, — кроманьонцы, чью жизнь вдоль и поперек изучали археологи следующих поколений. Такие люди, как она, вызывали бы любопытство и недоумение — их никогда не смогли бы до конца понять.

Прошло еще время, еще больше работы осталось позади. Для Нади дни проплывали словно в тумане — она постоянно была чем-то занята. Внутренняя отделка сводчатых отсеков представляла определенную сложность, и роботы не могли особо помочь с прокладкой водопроводных труб, отопления, устройством газообмена, установкой замков и кухонной техники. Сотрудники Нади располагали всеми необходимыми инструментами и принадлежностями, и они

могли работать лишь в штанах и рубашках, но все равно это отнимало массу времени. И работа так и шла день за днем.

Однажды вечером, перед самым закатом, Надя тащилась по рыхлому грунту в сторону парка трейлеров, голодная, измотанная, совершенно расслабленная и спокойная — но даже на исходе дня терять бдительность было нельзя. Она легкомысленно прорвала сантиметровую дырку на перчатке — пусть вечер и не был особенно холодным, всего минус 50 градусов по Цельсию, что было ничем в сравнении с иными зимними днями в Сибири, но из-за низкого давления воздуха мгновенно появился кровоподтек, который тут же начал замерзать — и из-за этого он уменьшался в размерах, но теперь, несомненно, ему дольше придется заживать. Как бы то ни было, следовало вести себя осмотрительно, но в мышцах, утомленных за день, проведенный на стройке, ощущалось что-то приятно легкое. Ржавые лучи низкого солнца косо спускались на каменистую равнину, и она неожиданно для себя осознала, что счастлива. В этот момент позвонил Аркадий с Фобоса, и она весело с ним поздоровалась:

— Я чувствую себя прямо как Луи Армстронг в 1947-м.

— Почему в 47-м? — спросил тот.

— Ну, в том году у него был самый счастливый голос. Бóльшую часть жизни он был резковат по сравнению с 47-м годом, хоть и все равно прекрасен. Но в 47-м он был особенно прекрасен, потому что излучал радость, которую не услышишь ни до, ни после.

— То есть для него это был хороший год, как я понимаю?

О да! Восхитительный год! После двадцати лет в ужасных больших оркестрах он вернулся в маленькую группу, такую же, как «Горячая пятерка», группа, которую он возглавлял в молодости. И вот все здесь — старые песни и даже несколько старых лиц, — к тому же все стало лучше, чем в первый раз, ну там, технологии записи, гонорары, публика, группа, он сам… Наверное, он чувствовал, будто окунулся в источник молодости.

— Тебе придется прислать мне пару записей, — сказал Аркадий, а затем попытался пропеть: — Я могу предложить тебе лишь любовь, милая![29] — Фобос уже почти поднялся над горизонтом, и он звонил, чтобы поздороваться. — Так вот

---

[29] Примечания: 29

«I Can't Give You Anything but Love, Baby» — популярная джазовая песня Джимми Макхью и Дороти Филдс, записанная Луи Армстронгом в 1929 году.

какой он, твой 1947-й, — сказал он, прежде чем отключиться.

Надя отложила инструменты, чтобы запеть свободнее. И она поняла, что Аркадий был прав: с ней произошло нечто похожее на то, что произошло с Армстронгом в 1947 году. Молодые годы в Сибири, несмотря на тяжелые условия, были самым счастливым временем в ее жизни, это так. Но затем она вынесла двадцать лет больших оркестров — космонавтики, бюрократии, симуляций, затворнической жизни. И все ради того, чтобы попасть сюда. А теперь она вдруг вновь оказалась на воле — строила здания своими руками, управляла тяжелыми машинами, решала сотни проблем в день. Точно как в Сибири, только лучше. Точно как возвращение Сачмо![30]

Затем к ней подошла Хироко.

— Надя, у меня разводной ключ наглухо замерз и не двигается. Вместо ответа она пропела:

— Вот о чем я все время думаю… малышка!

И, взяв у нее ключ, стукнула им о стол, будто это был молоток, и прокрутила винт, чтобы показать Хироко, что он теперь мог двигаться, и усмехнулась выражению ее лица.

---

[30] Примечания: 30

Прозвище Луи Армстронга, образованное от слов satchel mouth (англ, «рот-меха»).

— Инженерное решение, — пояснила она и, напевая, удалилась, думая о том, какая же Хироко смешная — держала в голове целую экосистему, но не могла ровно прибить гвоздь.

А той ночью она переговорила сначала о текущей работе с Саксом, потом со Спенсером о стекле. И в середине разговора рухнула на свою койку, уткнувшись головой в подушку, ощущая вокруг себя настоящую роскошь. Во сне ее преследовал восхитительный последний куплет «Не хулиганю»[31].

[31] Примечания: 31

«Ain't Misbehaving» — песня Фэтса Миллера, Гарри Брукса и Энди Разафа, записанная Луи Армстронгом в 1929 году.

≈ * ≈

Но с течением времени все меняется; ничто не живет вечно — ни камни, ни счастье.

— Ты в курсе, что уже эл-эс сто семьдесят? — спросила однажды ночью Филлис. — Мы же примарсились в эл-эс семь, да?

Это означало, что они пробыли на Марсе уже половину марсианского года. Филлис пользовалась календарем, разработанным астрономами, тогда как среди колонистов более популярной была земная система. Марсианский год длился 668,6 местных дней, и для того чтобы сказать, в какой части этого длинного года они находились, нужен был календарь солнечных долгот (L_S. Согласно этой системе линия между Солнцем и Марсом в ее северно-весеннем равноденствии устанавливалась на 0°, а год делился на 360 градусов. Тогда L_S = 0°–90° была северной весной, 90°–180° — северным летом, 180°–270° — осенью, а 270°–360° (или снова 0°) — зимой.

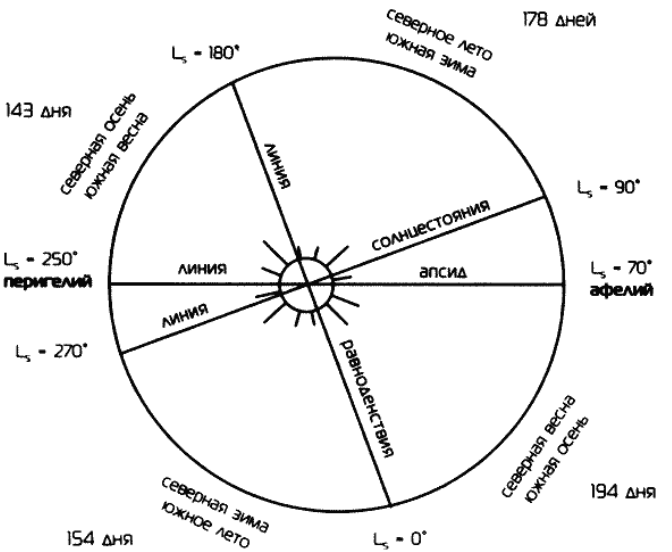
Эту простую систему усложнял эксцентриситет марсианской орбиты — экстремальный по земным меркам: в перигелии Марс находится примерно на сорок три миллиона километров

ближе к Солнцу, чем в афелии, в результате чего ему достается на сорок пять процентов больше солнечного света. Из-за этого отклонения северные и южные времена года получаются очень неравноценными. Перигелий каждый год выпадает на $L_S = 250°$, в позднюю южную весну — поэтому южные весны и лета намного жарче северных: разница максимальных температур достигает примерно тридцати градусов. Южные осени и зимы, вместе с тем, холоднее, так как близки к афелию, — настолько холоднее, что южная полярная шапка состоит в основном из углекислого газа, тогда как северная — из водного льда.

Так что выходит, что юг — полушарие крайностей, а север — умеренностей. Но эксцентриситет орбиты приводит к еще одной занимательной особенности. Поскольку планеты движутся быстрее, когда находятся близко к Солнцу, времена года у перигелия короче, чем у афелия. Так, северная осень на Марсе длится 143 дня, тогда как северная весна — 194 дня. Весна на пятьдесят один день длиннее осени! Некоторые утверждали, что одной этой причины уже достаточно, чтобы поселиться на севере.

Марсианский календарь

Год первый (2027 год н. э.)



669 полных марсианских дней в 1 марсианском году

24 месяца —

21 месяц по 28 дней и

3 месяца (каждый восьмой) по 27 дней

Так или иначе, они находились на севере и было лето. Каждый новый день становился чуть-чуть короче предыдущего, а они продолжали свою работу. Территория вокруг базы теперь была более захламленной, сильнее иссечена дорогами. Они проложили асфальтированную дорогу до Чернобыля, а сама база теперь разрослась до того, что тянулась от трейлерного парка за линию горизонта во все стороны: квартал алхимиков и дорога на Чернобыль — к востоку, постоянные жилища — к северу, склады и ферма — к западу, медико-биологический центр — к югу.

Наконец все переселились в готовые отсеки постоянного жилого комплекса. Там ночные совещания стали более короткими и обыденными, чем в трейлерах, и иногда даже выпадали дни, когда к Наде не обращались за помощью. Кое-кого она вообще видела лишь изредка — команду биомедиков в их лабораториях, исследовательскую группу Филлис и даже Энн. Однажды ночью

Энн запрыгнула на соседнюю с Надей кровать и пригласила ее отправиться с ними исследовать каньон Гебы, примерно в 130 километрах к юго-западу. Несомненно, Энн хотела показать ей хоть что-нибудь за пределами базы, но Надя отказалась:

— У меня же много работы, сама знаешь. — И, увидев разочарование Энн, добавила: — Может, в следующей поездке присоединюсь.

А затем она вернулась к работе над внутренней отделкой отсеков и внешней — нового крыла. Аркадий предложил сделать этот ряд первым из четырех, расположенных в форме квадрата, и Надя так и собиралась поступить. Также Аркадий подсказал, что в таком случае над территорией внутри квадрата можно будет устроить крышу.

— Вот где нам пригодятся магниевые балки, — заметила на это Надя. — Еще бы придумать более прочные стеклянные панели…

Когда Энн со своей командой вернулась из Геб, уже было готово две стороны квадрата — то есть двенадцать полностью завершенных отсеков. Тот вечер все посвятили видеозаписям. Они смотрели, как экспедиционные марсоходы катились по каменистым равнинам, как затем перед ними возник огромный обрыв, тянущийся во всю

ширину экрана, будто они достигли края света. Доехав до небольших, в метр высотой, странных утесов, марсоходы остановились, и картинка задрожала, когда один из исследователей выбрался наружу и двинулся вперед с включенной на скафандре камерой.

Затем съемка вдруг стала вестись с самого обрыва — камера развернулась на сто восемьдесят градусов, показав каньон, который оказался настолько больше воронок цепочки Ганга, что его размеры было трудно осознать. Стены дальней стороны каньона были едва различимы на горизонте. Вообще же стены можно было видеть со всех сторон вокруг утопленного эллипса, достигавшего примерно двухсот километров в длину и ста поперек — каньон Гебы был почти замкнутым. Группа Энн подобралась к обрыву с севера много после полудня и отчетливо видела восточный изгиб стены, налитый солнечным светом, тогда как на западе же стена чудилась просто низким темным пятном. Дно каньона было более-менее ровным, с углублением по центру.

— Если бы можно было подвесить над каньоном купол, — сказала Энн, — получилось бы забавное и огромное замкнутое пространство.

— Таких куполов не бывает, Энн, — заметил

ей Сакс. — Здесь тысяч десять квадратных километров.

— Ну, это было бы действительно классное пространство. Тогда остальную часть планеты можно было бы вообще не трогать.

— Стены каньона обрушились бы под весом такого купола.

— Поэтому-то его надо было бы подвесить.

Сакс лишь покачал головой.

— Это не более странно, чем тот космический лифт, о котором ты все время твердишь.

— Я хочу жить в доме, который будет стоять прямо в том месте, откуда ты это снимал, — перебила их Надя. — Какой вид!

— Подожди еще, пока не проснешься на одном из вулканов на Фарсиде, — раздраженно ответила Энн. — Вот там уж будет тебе вид.

Мелкие перебранки вроде этой случались у них постоянно. Это напоминало Наде неприятные последние месяцы на «Аресе». Другой пример: Аркадий со своей командой прислал видео, снятое на Фобосе, со своим комментарием. «Стикнийский[32] удар почти расколол эту скалу на куски, а она, значит, хондритовая, по-

[32] Примечания: 32
Стикни — крупнейший кратер на Фобосе.

чти на двадцать процентов состоит из воды, и большая часть ее была дегазирована при ударе, заполнила систему трещин, замерзла и превратилась в целую систему ледяных жил». Это был завораживающий процесс, но для них он стал лишь причиной спора между Энн и Филлис, их ведущими геологами, о том, объясняло ли это образование льда или нет. Филлис предполагала, что с Фобоса можно будет поставлять воду, что было глупостью даже при том, что их запасы невелики и требовали пополнения. Много воды расходовал Чернобыль, и фермеры готовы были создать небольшое болото в своей биосфере, а Надя — устроить плавательный комплекс в одном из сводчатых отсеков, который включал бы в себя бассейн, три вихревых ванны и сауну. Каждый вечер Надю спрашивали, как у нее продвигаются дела, потому что всем уже надоело мыться с помощью губок, которые не позволяли полностью очиститься от пыли, все соскучились по настоящему теплу. Люди мечтали о ванне: в своих древних дельфиньих мозгах, глубоко в подсознании, там, где желания первородны и неудержимы, они хотели вернуться в воду.

Поэтому им нужно было больше воды, но сейсмическое сканирование не показывало никаких

признаков подземных скоплений льдов. Энн считала, что их вообще нет на планете. Они были вынуждены и дальше полагаться на воздухосборники либо выскребывать реголит и загружать его в установку для перегона почвенной воды. Но Наде не нравилось лишний раз прибегать к этим установкам, потому что они, произведенные совместно Францией, Венгрией и Китаем, непременно пришли бы в негодность, если их слишком сильно нагружать.

Но такова уж была жизнь на Марсе — он был сухим. *Шиката га най*!

— Выбор есть всегда, — ответила на это Филлис. Поэтому она и предложила загрузить грузовые летающие аппараты льдом с Фобоса и отправить их на Марс. Но Энн считала это глупой тратой энергии, и они снова вернулись к тому, с чего начали.

Надю это особенно раздражало потому, что сама она была в хорошем настроении. Она не видела причин ссориться, и ее тревожило, что другие не чувствовали того же. Почему динамика группы так сильно колебалась? Они же были на Марсе, где времена года длились вдвое дольше, чем на Земле, а каждый день был длиннее на сорок минут — почему люди не могли просто рас-

слабиться? У Нади было чувство, будто у нее еще оставалось время на разные дела, хотя она всегда была занята, и эти тридцать девять с половиной минут в сутки были, пожалуй, главной причиной этого ощущения. Циркадные биоритмы формировались у людей на протяжении миллионов лет эволюции, а теперь у них внезапно появились дополнительные минуты дня и ночи, день за днем, ночь за ночью — несомненно, это оказывало свое действие. Надя была в этом уверена, потому что, несмотря на лихорадочный темп работы и полное истощение к концу каждого дня, когда она заваливалась на кровать, она всегда просыпалась отдохнувшей. Эта странная пауза на электронных часах, когда в полночь они доходили до 12:00:00 и внезапно останавливались, после чего начиналось неопределенное время и тянулось, тянулось, иногда слишком медленно, а затем сменялось на 12:00:01 и продолжало свой привычный ход… Да, марсианский временной сброс был чем-то особенным. Часто Надя засыпала в этом промежутке, как и большинство остальных. Но у Хироко была песня, которую та пела в это время, если не спала. Пели и ее фермеры, и многие из остальных — каждую субботнюю ночь они веселились и пели эту песню во время

сброса. Песня была на японском — Надя не знала ее наизусть, ко иногда тоже бубнила ее себе под нос, радуясь своему своду и своим друзьями.

Но однажды субботней ночью, когда она сидела вместе с друзьями, уже сонная, к ней подошла Майя и села рядом, чтобы поговорить. Майя со своим милым личиком, всегда опрятная, всегда шикарная даже в ежедневном комбинезоне. Казалось, она была в смятении.

— Надя, ты должна сделать мне одолжение! Пожалуйста, пожалуйста!

— Что?

— Мне нужно, чтобы ты сказала кое-что Фрэнку ради меня.

— Почему ты не можешь сказать этого сама?

— Мне нельзя, чтобы Джон увидел, что мы разговариваем. Но нужно передать ему сообщение. Пожалуйста, Надежда Франсин, только ты можешь мне помочь.

Надя фыркнула.

— Пожа-а-алуйста.

Удивительно, как сильно Наде сейчас захотелось скорее поговорить с Энн, Самантой или Аркадием. Вот бы Аркадий сейчас позвонил с Фобоса!

Но Майя была ее подругой. И этот отчаянный

взгляд — Надя не могла его вынести.

— Что за сообщение?

— Скажи ему, что я встречусь с ним сегодня вечером на складах, — властно произнесла Майя. — В полночь. Чтоб поговорить.

Надя вздохнула. Но позже подошла к Фрэнку и передала ему сообщение. Он кивнул, не встречаясь с ней взглядом, смущенный, угрюмый и грустный.

Несколько дней спустя они с Майей чистили кирпичный пол новейшего отсека, где предстояло повысить давление, и Надю одолело любопытство. Она нарушила привычное молчание и спросила у Майи, в чем у них было дело.

Ну, это из-за Джона и Фрэнка, — жалобно ответила Майя. — Они во всем соперничают друг с другом. Они как братья, но очень завистливы. Джон первым оказался на Марсе и получил разрешение вернуться, а Фрэнк считает, что это нечестно. Фрэнк проделал большую работу в Вашингтоне, чтобы добиться основания колонии, и теперь думает, что Джон присвоил его заслуги. И вот теперь. Нам с Джоном хорошо вместе, он мне нравится. С ним легко. Легко, но, может быть, слегка… Не знаю. Не скучно. Но и не волнующе. Ему нравится гулять, развлекаться с фермерами.

Но он так не любит разговаривать! А с Фрэнком мы могли говорить целую вечность. Может, мы и спорили до посинения, но это хотя бы было общение! И, как знаешь, у нас были очень непродолжительные отношения на «Аресе», еще в самом начале, но не срослось, хотя он до сих пор считает, что все могло бы получиться.

«С чего бы ему так считать?» — подумала Надя.

— И он все уговаривает меня бросить Джона ради него, а Джон его как раз в этом подозревает, и потому между ними такое сильное соперничество. Я лишь пытаюсь сдержать их, чтобы они друг друга не передушили, вот и все.

Надя решила больше об этом не расспрашивать, но теперь была вовлечена в их дела против своей воли. Майя продолжала приходить к ней, чтобы выговориться, и каждый раз просила передавать сообщения для Фрэнка. «Я вам не посредница!» — по-прежнему возражала Надя, но все равно делала это, а раз или два у нее даже завязывались продолжительные беседы с Фрэнком — конечно, о Майе, о том, кто она такая, почему она такая, почему вела себя так, как вела.

— Слушай, — сказала ему Надя, — за Майю я говорить не могу. Я не знаю, почему она так поступает, это тебе нужно спросить у нее самой.

Но могу сказать, что она выросла в советской Москве, прошла через университет и программы сразу за своих маму и бабушку. А для ее бабушки мужчины были врагами, и для матери тоже — по принципу матрешки. Мама говорила Майе: «Женщины — корни, а мужчины — просто листья». Целое общество выросло на недоверии, манипуляциях и страхе. Вот откуда происходит Майя. Еще у нас есть традиция *амикошонства*. Это такая крепкая дружба, когда ты узнаешь все до мельчайших подробностей о своем друге, и вы в некотором смысле овладеваете жизнями друг друга. Что, конечно, само по себе невозможно, рано или поздно заканчивается и, как правило, плохо.

Фрэнк кивал, слушая ее пояснение и находя в нем что-то знакомое. Надя, вздохнув, продолжила:

— Такая дружба ведет к любви, а у любви потом возникают те же проблемы, только более сложные, особенно когда в основе ее лежит страх.

И Фрэнк — высокий, в некотором смысле красивый, полный энергии, вращающейся в его внутреннем генераторе, американский политик, попавший под каблук русской красавицы, — Фрэнк смиренно кивнул и со смущенным видом

поблагодарил ее. Ему было нечего ответить.

Надя изо всех сил старалась не обращать на все это внимания. Но проблемы, казалось, теперь возникали на каждом шагу. Влад не одобрял того, сколько времени они проводили на поверхности в дневное время, и говорил:

— Бóльшую часть времени нам следует проводить под холмом, необходимо закопать все лаборатории. Работы на открытой местности необходимо сократить до часа ранним утром и часа вечером, когда опустится солнце.

— Черта с два я просижу целый день взаперти, — возразила Энн, и многие с ней согласились.

— У нас еще много работы, — указал Фрэнк.

— Но бóльшую ее часть можно выполнять в режиме дистанционного управления, — отметил Влад. — И так и нужно ее выполнять. А сейчас мы все равно что гуляем в десятке километров от ядерного взрыва…

— И что? — сказала Энн. — Солдаты так и делали…

— …Раз в полгода, — закончил Влад и посмотрел на нее. — А ты бы стала это делать?

Даже Энн выглядела побежденной. Ни озонового слоя, ни нормального магнитного поля — они

поджаривались радиацией почти так же сильно, как если бы находились в межпланетном пространстве при десяти бэр в год.

Итак, Фрэнк и Майя приказали им нормировать время, которое они проводили снаружи. Внутри, под холмом хватало внутренних работ — они заканчивали последний ряд отсеков. К тому же можно было вырыть еще несколько подвалов, чтобы у них появилось больше места, где можно было бы защититься от радиации. Многими тракторами можно было управлять дистанционно из закрытых станций. Оператор-человек наблюдал за экранами из-под земли, а машины работали согласно своим алгоритмам выбора решений. Технически это было возможно, но никому не нравился образ жизни, который им пришлось бы при этом вести. Даже Сакс Расселл, который бóльшую часть времени довольствовался работой в помещении, казалось, был растерян. По вечерам некоторые заводили споры о необходимости скорейшего терраформирования, и теперь они разгорались с новой силой.

— Это не нам решать, — резко оборвал их Фрэнк. — Это должна сделать ООН. Тем более такое решение ведет к крупным последствиям, которые растянутся по меньшей мере на столетия. Не

тратьте время на пустые разговоры!

— Это все так, — сказала Энн, — но я не хочу тратить время на то, чтобы сидеть в этих пещерах. Мы должны прожить свои жизни, как сами того хотим. Мы слишком стары, чтобы беспокоиться о радиации.

Снова споры. Из-за них Надя чувствовала, будто улетела с твердой почвы своей планеты обратно в напряженную невесомую действительность «Ареса». Брюзжания, пререкания, жалобы — и так до тех пор, пока им не наскучит или они не устанут и не уйдут спать. Теперь Надя выходила из комнаты, когда это начиналось, и искала Хироко, чтобы обсудить с ней что-нибудь конкретное. Но избежать этого совсем, перестать об этом думать было невозможно.

Однажды ночью Майя явилась к ней в слезах. В постоянном жилище оставили комнату для частных бесед, и Надя вышла с подругой в северо-восточный угол сводов, где внутренняя отделка еще не была закончена, и они сели рядом. Надя взволнованно слушала Майю, изредка накрывая ее плечо рукой и обнимая ее.

— Так почему бы тебе просто не решить раз и навсегда? — наконец спросила она. — Почему вы не перестанете играть в кошки-мышки?

— Я уже решила! Я люблю Джона, я всегда любила только Джона. Но теперь он видит меня с Фрэнком и думает, будто я его предала. Это так низко с его стороны! Они как братья и во всем соперничают, но сейчас это просто ошибка!

Надя не слушала подробностей — ей не хотелось этого знать. Но она продолжала с ней сидеть.

А затем перед ними возник Джон. Надя поднялась, чтобы уйти, но он не подал виду, что заметил ее.

— Слушай, — сказал он Майе, — прости, но я ничего не могу с этим поделать. Все кончено.

— Нет, не кончено, — ответила Майя, мгновенно успокоившись. — Я люблю тебя.

Джон горестно улыбнулся.

— Да. Я тоже тебя люблю. Но я хочу, чтобы все было просто.

— Все и так просто!

— Нет, не просто. То есть ты можешь любить нескольких человек одновременно. Кто угодно может, мы просто так устроены. Но ты можешь быть верной лишь одному. А я хочу… Я хочу быть верным. Той, кто будет верна мне. Это просто, но…

Он покачал головой, не в силах подобрать нужного слова. Он прошел обратно в восточный ряд

отсеков и исчез за дверью.

— Американцы, — зло проговорила Майя. — Чертовы дети!

Затем она встала и вышла вслед за ним.

Но вскоре вернулась. Он присоединился к группе в одной из гостиных и не хотел уходить оттуда.

— Я устала, — попыталась сказать Надя, но Майя не желала слушать — лишь расстраивалась все сильнее и сильнее. Они обсуждали это больше часа, снова и снова. Наконец, Надя согласилась сходить к Джону, чтобы попросить его прийти к Майе и поговорить. Угрюмая, она пошла по отсеку, не обращая внимания ни на кирпичи, ни на нейлоновые обои. Посредница, которая ничего не замечала. Неужели для этого нельзя было использовать роботов? Она нашла Джона, и тот извинился, что проигнорировал ее ранее.

— Прости, я был расстроен. Я подумал, что ты и любом случае все узнала бы.

Надя пожала плечами.

— Ничего страшного. Но слушай, тебе нужно с ней поговорить. С Майей нельзя иначе. Мы говорим, говорим, говорим. Если ты вступил в отношения, тебе нужно все время говорить, все время. Если не будешь этого делать, то в будущем

тебе самому будет от этого хуже, уж поверь.

Это подействовало на него. Придя в себя, он ушел искать Майю. А Надя отправилась спать.

Вечером следующего дня она работала снаружи на траншеекопателе. Это у нее уже был третий вид работ за день и второй, доставивший неприятности. До этого Саманта попыталась провезти груз на повернутом плоской стороной вверх лезвии землеройной машины, и та накренилась вперед, отчего подъемники отвала вылезли из своих креплений. При этом на землю выплеснулась гидросмесь и застыла, не успев как следует пролиться. Им пришлось установить домкраты под заднюю часть трактора, отсоединить все крепление лезвия и с помощью домкрата опустить машину. Каждое из действий проходило в муках.

Затем Надю позвали помочь с бурильной машиной «Сэндвик Тубекс». Так они проделывали скважины в крупных валунах, по которым вода должна была поступать от квартала алхимиков к постоянным жилищам. Погружной пневмоударник предположительно замерз в состоянии полного выдвижения, будто стрела, попавшая в дерево. Теперь Надя стояла, глядя на его вал.

— Есть какие-нибудь предложения, как мож-

но освободить молот, не сломав его? — спросил Спенсер.

— Разломать камень, — устало ответила Надя и, отойдя, забралась в трактор, к которому уже была прикреплена обратная лопата. Подъехав на нем, она подняла лопату к верхней части валуна, после чего вылезла, чтобы прикрепить к ней небольшой ударный гидравлический молот «Эллейд». Как только она установила его, погружной пневмоударник внезапно дернулся назад, потянув валун за собой, и прижал ее левую руку нижней частью «Эллейд Хай-Рэм».

Она инстинктивно отпрянула назад, и боль, пробежав по предплечью, поднялась до самой груди. Левую половину тела заполнило пламя, зрение помутнело. Она слышала крики:

— Что такое? Что случилось?

Должно быть, она закричала.

— Помогите, — с трудом протянула она.

Она смогла сесть, но сдавленная рука все еще была зажата между камнем и молотом. Она со всей силы толкнула ногой переднее колесо трактора и почувствовала, как молот растирает ее кости по камню. Затем шлепнулась на землю — рука была свободна. От боли ей отказывало зрение, живот крутило, она думала, что вот-

вот лишится сознания. Поднявшись на колени, помогая себе здоровой рукой, она увидела, что раздавленная рука обильно истекала кровью, перчатку разорвало на куски, от мизинца почти ничего не осталось. Она застонала и наклонилась вперед, прижав руку к себе, а затем уткнувшись в землю, не обращая внимания на резкую боль. Даже при таком кровотечении рука должна была примерзнуть… но сколько нужно ждать?

— Мерзни, чтоб тебя, мерзни! — кричала она.

Смахнув слезы с лица, она заставила себя взглянуть на руку. Отовсюду сочилась кровь. Она вдавила ее в землю так сильно, как только могла. Болело уже меньше. Вскоре она должна онеметь — теперь ей нужно было быть осторожной, чтобы не отморозить руку целиком! Испуганная, она уже приготовилась оторвать ее от земли, встав на колени, тут подбежали люди, подняли ее, и она лишилась чувств.

После этого случая она стала калекой. Надей Девятипалой, как назвал ее Аркадий в телефонном разговоре. Он отправил ей слова Евтушенко, посвященные памяти Луи Армстронга: «Тряхни стариной и сыграй».

— Где ты это нашел? — спросила его Надя. — Не могу себе представить, чтобы ты читал Евту-

шенко!

— Конечно, читал. Он получше Макгонаголла![33] А это было в книге об Армстронге. Я внял твоему совету и слушал его во время работы, а в последнее время стал читать книги о нем по вечерам.

— Хотела бы я, чтобы ты спустился к нам, — сказала Надя.

Операцию проводил Влад. Он заверил ее, что все будет хорошо.

— Все прошло чисто. Безымянный палец немного поврежден, но он, вероятно, будет теперь работать так, как раньше работал мизинец. Но от безымянных пальцев все равно никогда не было большой пользы. Большой и указательный останутся такими же сильными, как были всегда.

Все приходили ее навещать. Однако больше она общалась с Аркадием, в ночные часы, когда была одна, в те четыре с половиной часа между тем, как Фобос поднимался на западе и опускался на востоке. Сначала он звонил ей почти каждую ночь, а потом немного реже.

Довольно скоро она уже опять была на ногах, а на кисть наложили гипс, который казался по-

---

[33] Примечания: 33

Уильям Макгонаголл (1825–1902) — шотландский ткач, вошедший в историю как один из худших поэтов в истории британской литературы.

дозрительно тонким. Она снова вышла наружу, чтобы давать советы или помогать решать проблемы, надеясь чем-то занять голову.

Мишель Дюваль к ней ни разу не зашел, и она находила это странным. Разве не для таких случаев нужны психологи? Она не могла не впасть в уныние: для работы ей нужны были руки — ведь она занималась ручным трудом. Гипс ей мешал, и она срезала его часть вокруг запястья, воспользовавшись ножницами из своего набора инструментов. Теперь, когда она выходила наружу, ей приходилось держать и руку, и гипс в футляре, и от нее было немного пользы в работе. Это сильно удручало ее.

Наступила ночь субботы, и она сидела в свеженаполненной вихревой ванне, потягивая плохое вино и оглядывая своих спутников, плещущихся в купальных костюмах. Она вовсе не единственная получила травму — сейчас они все были слегка побиты, спустя столько месяцев физического труда. Почти у каждого — следы обморожений, участки почерневшей кожи, которая в итоге отшелушивалась, оставляя новую, розовую, яркую и безобразную в жаре бассейна. Еще несколько человек носили гипс — на руках, запястьях, предплечьях, даже на ногах, у одних были

переломы, у других вывихи. Вообще говоря, им просто повезло, что до сих пор никого не убило.

Столько тел — и ни одного для нее. Они знали друг друга, будто были одной семьей, думала она. Они были друг другу врачами, спали в одних комнатах, хранили вещи в общих шкафах, вместе принимали ванны. Обыкновенная группа животных, тем не менее примечательная в безжизненном мире, который заняла, но ее вид скорее успокаивал, чем волновал, — по крайней мере, бóльшую часть времени. Немолодые тела. Надя сама была налитая, как тыква, пухлая, с крепкими мышцами женщина, квадратная и в то же время круглая. И одинокая. В эти дни ее ближайший друг — голос в ухе, лицо на экране. Когда он прибудет с Фобоса… ну, трудно сказать. На «Аресе» у него было полно женщин, а на Фобосе работала Джанет Блайлевен — только ради того, чтобы быть с ним…

Люди снова спорили, прямо в этом неглубоком бассейне. Энн, высокая и нескладная, наклонилась, чтобы язвительно ответить Саксу Расселлу, коротко и негромко. Он, как обычно, делал вид, будто не слышит. Когда-нибудь она стукнет его, если он будет неосторожно себя вести. Странно, как группа снова менялась, как менялась в ней об-

становка. Ей никогда не удавалось этого уловить: истинная природа группы существовала отдельно от жизни их коллектива, каким-то образом обособленная от качеств индивидов, из которых состояла. Работа Мишеля как их психолога от этого, наверное, была почти невозможной. Не потому, что никто не мог раскрываться в его присутствии — он был самым тихим и ненавязчивым психологом из всех, какие ей когда-либо встречались. Несомненным сокровищем в этом обществе не верящих в мозгоправов. Но она по-прежнему считала странным, что он ни разу не зашел к ней после несчастного случая.

Однажды вечером она вышла из отсека, где располагалась столовая, и направилась к тоннелю, который они прокладывали от сводчатых жилищ к комплексу ферм. Там она встретила Майю и Фрэнка. Те яростно спорили, и по разносившимся крикам можно было понять не значение, но эмоции, которые они в них вкладывали. Лицо Фрэнка исказилось от гнева, Майя, отвернувшись от него, выглядела смятенной, она плакала. Обернувшись к нему, она крикнула:

— Это *никогда* не было так, как ты говоришь! — и вслепую, скривив рот узелком, бросилась в сторону Нади.

Лицо Фрэнка превратилось в маску боли.

Майя увидела застывшую на месте Надю, но пробежала мимо.

Надя, пораженная, повернулась и ушла обратно в жилые отсеки. Поднялась по магниевой лестнице в гостиную во втором отсеке и включила телевизор, чтобы посмотреть круглосуточный канал новостей с Земли — она делала это крайне редко. Чуть позже приглушила звук и стала рассматривать кирпичи, из которых был выложен сводчатый потолок у нее над головой. Тут вошла Майя и принялась объясняться: между ней и Фрэнком ничего не было, все было только у Фрэнка в голове, а он не хотел сдаваться, даже не имея никаких на то оснований, а ей-то нужен только Джон, и не ее вина в том, что Джон с Фрэнком находятся в плохих отношениях, все случилось из-за бессмысленного желания Фрэнка, но она, хоть это и не ее вина, все же чувствовала себя виноватой оттого, что эти двое когда-то были близкими друзьями, почти братьями.

Надя вежливо слушала, приговаривая: «да-да», «понятно» и все в таком духе, пока Майя не легла на пол и не заплакала. А Надя просто сидела на краю своего кресла, смотрела на нее и размышляла о том, сколько из сказанного было правдой. И о

каком споре на самом деле шла речь. И нужно ли считать ее, Надю, плохой подругой из-за того, что она не верила в рассказанную Майей историю полностью. Но почему-то ей казалось, что Майя лишь путала следы, занимаясь очередной манипуляцией. Вот как все было: те два смятенных лица, которые она увидела в туннеле, — самое что ни на есть веское свидетельство ссоры между близкими. Значит, объяснение Майи — совершенная ложь. Надя сказала ей что-то утешающее и ушла спать, думая: Ты уже и так отняла у меня слишком много времени, сил и внимания своими играми, ты мне за это пальцем ответишь, сучка этакая!!!

Наступил новый год, долгая северная весна подходила к концу, а они все еще не запаслись водой. Поэтому Энн предложила отправить экспедицию к полярной шапке и запустить автоматическую перегонную установку, попутно проложив путь, по которому марсоходы могли бы ездить на автопилоте.

— Поехали с нами, — позвала она Надю. — Ты же до сих пор ничего толком не видела на этой планете. Только кусочек между базой и Чернобылем — а это, считай, ничего. Ты пропустила Гебы и Ганг, а сейчас ничем новым ты здесь не зани-

маешься. В самом деле, Надя, даже не верится, какой труженицей ты тут стала. Ну вот зачем ты вообще полетела на Марс, а?

— Зачем?

Да, зачем? Ну, здесь существует два рода деятельности — исследование Марса и жизнеобеспечение, необходимое для этих исследований. А ты сразу с головой ушла в жизнеобеспечение и не проявила ни малейшего внимания к тому, ради чего мы вообще здесь оказались!

— Ну, мне нравится этим заниматься, — смущенно ответила Надя.

— Ладно, но попробуй взглянуть на это по-другому! Какого черта ты не осталась на Земле, чтобы работать где-нибудь на стройке? Тебе не обязательно было проделывать весь этот путь, чтобы просто водить чертов бульдозер! Сколько еще ты собираешься здесь пахать, устанавливая туалеты и программируя тракторы?

— Ладно, ладно, — сказала Надя, подумав о Майе и всех остальных. Все равно квадрат сводов был почти завершен. — Я возьму отпуск.

≈ * ≈

Они поехали на трех дальнопробежных марсоходах, Надя и пятеро геологов — Энн, Саймон Фрейзер, Джордж Беркович, Филлис Бойл и Эдвард Перрин. Джордж и Эдвард были друзьями Филлис со времен работы в НАСА и поддерживали ее, выступая в защиту «прикладных геологических изысканий», то есть поиска редких металлов. С другой стороны, Саймон был тихим союзником Энн, приверженцем чистых исследований и позиции невмешательства. Надя знала обо всем этом, даже несмотря на то что провела совсем немного времени наедине с любым из этих людей — не считая Энн. Но разговоры есть разговоры: она могла бы сказать, кто за кого у них на базе, если бы это было ей нужно.

Каждый из экспедиционных марсоходов представлял собой четырехколесный модуль с гибкой рамой, из-за которой они напоминали гигантских муравьев. Их собрала компания «Роллс-Ройс» совместно с мультинациональным аэрокосмическим объединением, и у них было красивое, цвета морской волны наружное покрытие. В передних модулях располагались жилые помещения, их

окна были тонированы со всех четырех сторон. В хвостовой части находились топливные резервуары и несколько черных вращающихся солнечных панелей. Восемь широких колес со спицевыми дисками достигали двух с половиной метров в высоту.

Двигаясь на север через плато Луна, они отмечали свой путь с помощью маленьких зеленых ретрансляторов, расставляя их через каждые несколько километров. Им также приходилось расчищать дорогу от камней, которые могли привести в негодность автоматические марсоходы — те использовали снегоуборочные устройства или небольшие подъемные механизмы, прикрепленные к переднему концу идущего впереди марсохода. Таким образом, они, по сути, строили дорогу. Хотя на плато им редко приходилось использовать оборудование для расчистки камней, и они двигались на северо-восток почти с максимальной своей скоростью — тридцать километров в час, несколько дней подряд. На северо-восток — потому что требовалось обогнуть систему каньонов Темпе и Мареотис. Этот путь вел их по плато Луна к длинному склону равнины Хриса. Оба эти региона во многом походили на местность, окружающую их основной лагерь, —

ухабистые и усеянные мелкими камнями. Но поскольку они двигались вниз по склону, им открывалось непривычно много разных видов. Для Нади это было новым удовольствием — ехать вперед и вперед, видя перед собой новые земли, постепенно открывающиеся из-за горизонта: холмы, провалы, огромные изолированные валуны, редкие круглые останцы, высившиеся за пределами кратеров.

Спустившись в низменности северного полушария, они двинулись прямо на север по просторной Ацидалийской равнине и снова несколько дней ехали по ровной поверхности. Следы колес тянулись позади, будто после первого прохода газонокосилки по траве, а ретрансляторы ярко мерцали и казались неуместными среди скал. Филлис, Эдвард и Джордж хотели совершить несколько второстепенных поездок, чтобы исследовать некоторые объекты, замеченные на фотографиях со спутников, — например, необычные обнажения минеральных пород возле кратера Перепёлкина. Энн раздраженно напоминала им о цели миссии. Надя с грустью замечала, что здесь Энн выглядела почти такой же отстраненной и напряженной, как тогда, на базе. Где бы марсоходы ни останавливались, она

выходила наружу одна, а когда они ели в первом марсоходе, замыкалась в себе. Изредка Надя пыталась разговорить ее:

— Энн, почему все эти камни повсюду разбросаны?

— Метеориты.

— А где же кратеры?

— Большинство на юге.

— А как тогда сюда попали камни?

— Прилетели. Поэтому они такие маленькие. Только маленькие камни залетели так далеко.

— Но ты же вроде говорила мне, что эти северные равнины относительно новые, а большие кратеры — относительно старые.

— Так и есть. Камни, которые ты тут видишь, появились при падениях метеоритов, произошедших не очень давно. Всего камней, отколовшихся от метеоритов, скопилось гораздо больше, чем можно увидеть. Из них также образовался реголит. А он залегает до километровой глубины.

— Даже поверить трудно, — сказала Надя. — Ну в том смысле, что так много метеоритов.

Энн кивнула.

Прошли миллиарды лет. Этим Марс отличается от Земли: возраст пород колеблется от миллионов до миллиардов лет. Это такая значительная

разница, что ее даже трудно вообразить. Но если все это увидеть, понять становится легче.

На середине Ацидалийской равнины им встретились длинные прямые ущелья с крутыми стенами и плоским дном. Как неоднократно заметил Джордж, ущелья походили на сухие русла легендарных каналов. Геологи называли такие образования *бороздами*, и они встречались целыми скоплениями. Даже самые небольшие из этих ущелий непроходимы для марсоходов, и, когда они поехали было по одному из них, им пришлось развернуться назад и выбрать путь по его краю — потому что у самого ущелья то возвышалось дно, то смыкались стены, а по краю можно было продолжить путь на север по ровной поверхности.

До горизонта впереди иногда было двадцать километров, иногда — всего три. Кратеры стали попадаться редко, а те, что попадались, были окружены невысокими холмами, которые расходились лучами от его краев, — это были всплесковые кратеры, образовавшиеся при падении метеоритов в вечномерзлый грунт, который от удара превратился в горячую грязь Спутники Нади провели целый день, жадно изучая скошенные холмы вокруг одного из таких кратеров.

Округлые склоны, как объяснила Филлис, свидетельствовали о том, что здесь когда-то давно была вода — так же несомненно, как окаменевшая древесина указала бы на то, что здесь росло дерево. По тому, как она это говорила, Надя поняла, что это было предметом очередного ее разногласия с Энн. Филлис придерживалась модели долгого водного периода, Энн — короткого. Или что-то в этом роде. Ученые могут спорить друг с другом из-за чего угодно, подумала Надя.

Севернее, в районе широты 54°, они въехали на причудливого вида территорию термокастов — бугристую местность, усеянную множеством обрывистых овальных ям, называемых *аласами*. Марсианские аласы в сотни раз больше своих земных аналогов: многие из них достигали двух-трех километров в ширину и порядка шестидесяти метров в глубину. Это явный признак вечной мерзлоты — здесь геологи были единодушны. Сезонные промерзания и оттаивания почвы приводили к тому, что грунт проваливался в такой форме, какую они видели сейчас. Ямы такого объема, по мнению Филлис, говорили о том, что содержание воды в почве высокое. Но Энн добавила: если только это не было просто очередным показателем временных масштабов

Марса. Слегка ледяная почва, чрезвычайно мелко обваливающаяся на протяжении эонов.

Филлис с раздражением предложила собрать воду из грунта, и Энн с раздражением согласилась. Они нашли гладкий склон между лощинами, чтобы установить там водосборник для работы с вечномерзлыми породами. Надя возглавила процесс с чувством облегчения: отсутствие работы во время поездки начинало плохо на нее действовать. Это была приятная работа, на которую ушел целый день: Надя вырыла десятиметровую траншею с помощью небольшой обратной лопатки, которой был оснащен марсоход, устроила поперечную галерею в виде перфорированной трубы из нержавеющей стали, проверила электронагреватели, расположенные вдоль трубы и фильтров, и, наконец, засыпала траншею вырытыми ранее землей и камнями.

Над нижним концом галереи находились дренажный насос и отдельная линия транспортировки, ведущая к небольшому резервуару. Электронагреватели работали на батареях, которые заряжались с помощью солнечных панелей. Когда резервуар наполнялся — если воды оказывалось достаточно, чтобы его заполнить, — насос должен был отключаться, и открывался солено-

идный клапан, по которому вода попадала на линию транспортировки, а оттуда просачивалась в галерею, после чего отключались и электронагреватели.

— Почти готово, — объявила Надя в конце дня, когда начала прикручивать транспортную трубу к последнему креплению. Ее пальцы сильно замерзли, а изувеченную руку уже трясло.

— Думаю, можно приступать к ужину, — сказала она. — Я почти всё.

Транспортную трубу нужно было покрыть белой пенополиуретановой пеной, а затем поместить ее в более крупную защитную трубу. Удивительно, как сильно изоляция усложняла простую водопроводную систему.

Шестигранная гайка, шайба, шпонка, сильный рывок ключа. Надя прошла вдоль трубы, проверяя стяжные хомуты на стыках. Все держалось. Она затащила инструменты в первый марсоход, оглянулась на результат своей работы: резервуар, короткая труба на опорах, ящик на земле, длинная невысокая насыпь потревоженного грунта, поднимающаяся в гору и кажущаяся сырой, но все же достаточно неприметная в этой холмистой местности.

— На обратном пути напьемся тут свежей во-

ды, — сказала она.

Проехав на север более двух тысяч километров, они, наконец, достигли Великой северной равнины, древней вулканической низменности, опоясывающей северное полушарие между широтами 60° и 70°. Энн вместе с другими геологами каждое утро проводила здесь по паре часов меж темных голых камней, собирая образцы. Остальную часть дня они ехали дальше на север, обсуждая находки. Энн теперь казалась более погруженной в работу, более счастливой.

Однажды вечером Саймон объявил, что Фобос шел очень низко, прямо над холмами на юг, и, проехав следующий день, они должны были оставить его за горизонтом. Это наглядно показывало, насколько мала орбита этой луны — при том, что они находились лишь на широте 69°. Но Фобос плыл всего в пяти тысячах километров над экватором планеты. Надя, улыбнувшись, помахала луне рукой, зная, что все равно сможет разговаривать с Аркадием с помощью недавно прибывших аэросинхронных радиоспутников.

Три дня спустя голые скалы закончились, скрывшись под волнами темного песка. Они словно вышли на морской берег. Достигли просторных дюн, опоясывавших планету между

Великой северной равниной и полярной шапкой. Чтобы их пересечь, нужно было преодолеть около восьмисот километров. Песок здесь был угольного цвета с примесями фиолетового и розового и после красных валунов на юге казался отрадой для глаз. Дюны тянулись на север и на юг параллельными гребнями, которые лишь изредка прерывались или исчезали. Ехать по ним легко: песок плотно утрамбован, в от исследователей требовалось лишь выбрать крупную дюну и двигаться по ее горбатой западной стороне.

Так прошло несколько дней, дюны стали больше — такими, какие Энн называла бархатными. Они походили на огромные ледяные волны по сто метров в высоту, по километру в ширину и простирались вдаль на несколько километров. Как и многие другие особенности марсианского ландшафта, они были в сотни раз крупнее своих земных аналогов в Сахаре и Гоби. Экспедиция горизонтально двигалась по хребтам этих огромных волн, переходя от одной к другой. Марсоходы напоминали маленькие лодочки, которые гребли по черному морю, замерзшему на пике титанического шторма.

В один из дней, когда они одолевали это окаменевшее море, второй марсоход встал. Красный

огонек на панели управления указывал на проблему, возникшую в гибкой раме между модулями. Оказалось, что задний модуль накренился влево, вдавив колеса с левой стороны в песок. Надя влезла в костюм и вышла посмотреть. Она смела пыль с того места, где рама соединялась с шасси модуля, и увидела, что все болты разломаны.

— Это займет какое-то время, — сказала Надя. — Вы, ребята, можете пока что тут как следует осмотреться.

Вскоре из модулей появились Филлис и Джордж в костюмах, а за ними — Саймон, Энн и Эдвард Филлис и Джордж взяли из третьего марсохода ретранслятор и установили его в трех метрах справа от «дороги». Надя вернулась к сломанной раме, стараясь как можно меньше касаться деталей руками: день был холодный — около семидесяти ниже нуля, — и она уже продрогла до самых костей.

Куски болтов не желали выходить, и она взяла дрель, чтобы просверлить новые дыры. Она начала напевать себе под нос «Шейха Аравии»[34]. Энн, Эдвард и Саймон изучали песок. «Как приятно

[34] Примечания: 34

Известная джазовая песня, написанная композитором Тедом Снайдером в 1921 году.

видеть, — думала Надя, — что земля не красная. Что Энн увлечена работой. И как приятно заниматься своей работой!»

Они почти добрались до арктического круга. L_S = 84°, и до севернолетнего солнцестояния оставалось всего две недели, поэтому дни становились длиннее. Как-то вечером Надя и Джордж работали, а Филлис грела ужин, и после еды Надя снова вышла наружу, чтобы закончить дела. Солнце проглядывало красным из коричневой дымки, маленькое и круглое, даже когда садилось; атмосфера была слишком мала, чтобы оно казалось крупным и плоским. Надя закончила, отложила инструменты и открыла наружную дверь в первый марсоход, когда голос Энн зазвучал у нее в ухе:

— Ой, Надя, ты уже заходишь?

Надя подняла взгляд. Энн стояла на краю западной дюны и махала ей. Она представляла собой черный силуэт на фоне кроваво-красного неба.

— Ну, как бы да, — ответила Надя.

— Подойди сюда на минутку. Я хочу, чтобы ты увидела этот закат, он должен выйти красивым. Давай, всего минутку, не пожалеешь. На западе собрались облака.

Надя вздохнула и закрыла дверь.

С восточной стороны дюна круто обрывалась. Надя осторожно подошла по следам, оставленным Энн. Песок был плотный и в основном твердый. Ближе к гребню уклон был сильнее, и она нагнулась вперед, чтобы зарыться пальцами в землю. Затем вскарабкалась на широкий закругленный выступ и только тогда смогла выпрямиться и осмотреться.

Солнечный свет обливал лишь гребни самых высоких дюн — остальное оставалось черной поверхностью, изувеченной короткими серо-голубыми извилинами. До горизонта было километров пять. Энн сидела скорчившись, в руке у нее был совок с песком.

— Из чего он состоит? — спросила Надя.

— Из темных твердых частиц.

Надя фыркнула.

— Это я и сама могла сказать.

— До тех пор, как мы попали сюда, не могла. Это могли быть и соединения этих частиц с солью. Но оказалось, что это осколки камней.

— А почему такие темные?

— Потому что они вулканического происхождения. На Земле песок состоит в основном из кварца, потому что в нем много гранита. Но на Марсе гранита меньше. Эти песчинки, вероят-

но, не что иное, как вулканические силикаты. Обсидиан, кремень, немного граната. Красиво, правда?

Она протянула Наде горсть песка. Конечно, она была совершенно серьезна. Надя сквозь гермошлем всмотрелась в черные крупинки.

— Красиво, — согласилась она.

Они стояли и смотрели закат. Их тени накладывались прямо на восточный горизонт. Небо на западе, над солнцем, было темно красным, пасмурным и непрозрачным. Облака, о которых говорила Энн, — яркими с желтыми прожилками, высоко-высоко в небе. Что-то в песке блестело на свету, и дюны приняли ясный фиолетовый оттенок. Солнце казалось маленькой золотой пуговицей, а над ним сияли две вечерние звезды — Венера и Земля.

— В последнее время, с каждой ночью, они все сильнее сближаются, — тихо проговорила Энн. — Совпадение должно стать по-настоящему великолепным.

Солнце коснулось горизонта, и гребни дюн погрузились в тень. Золотая пуговка опустилась за черную линию на западе. Небесный свод стал темно-бордовым, облака в вышине — розовыми, как цветы смолевки. Повсюду вспыхивали звез-

ды, и темно-бордовое небо окрасилось в яркий темно-лиловый электрический цвет, который тут же переняли и гребни дюн — и теперь казалось, будто по черной равнине разливались жидкие сумерки. Вдруг Надя почуяла, как ее нервную систему вскружил легкий ветерок, поднявшись по позвоночнику и разойдясь по всей коже, щеки защипало, и она словно ощутила дрожь в своем спинном мозгу. Красота способна приводить в дрожь! Для нее это чувство физической реакции на красоту перетекло в потрясение, волнение, которое можно было сравнить с сексом. И красота эта была такой странной, такой *чужой*. Надя никогда не замечала ее по-настоящему или никогда не ощущала — сейчас она это поняла. Она наслаждалась жизнью в Сибири, когда у нее все было хорошо, и потом жила в огромной аналогии, оценивая все в сравнении со своим прошлым. Но теперь она стояла под высоким лиловым небом на поверхности окаменевшего черного океана, и все было новым, странным, совершенно не сравнимым с чем-либо из виденного ею прежде. И вдруг прошлое убралось из ее головы, и она стала бездумно кружиться на месте, точно маленькая девочка, пытавшаяся вызвать у себя головокружение. Вес перемещался из кожи вовнутрь, и

она больше не чувствовала себя полой. Наоборот — твердой, собранной, уравновешенной. Как маленький разумный валун, кружащийся волчком.

Они соскользнули с крутого склона дюны. Оказавшись на дне, Надя возбужденно обняла Энн:

— О, Энн, не знаю, как тебя и благодарить за это.

Даже сквозь затемненный гермошлем было видно, как Энн улыбнулась. Это редко можно было увидеть.

С тех пор все казалось Наде другим. Да, она знала, что дело было в ней самой, что теперь она по-новому все замечала, по-новому смотрела. И пейзаж этому лишь способствовал: уже на следующий день они покинули черные дюны и очутились на такой местности, которую ее товарищи называли слоистой или напластованной землей. Это был район, где ровный песок зимой скрывала полярная шапка из двуокиси углерода. Сейчас, в середине лета он был виден, и вся местность складывалась лишь из криволинейных узоров. Они въехали на широкий ровный песок, ограниченный длинными извилистыми плато с плоскими вершинами. Края плато были крутыми и ступенчатыми, с крупными и мелкими слоями,

напоминая дерево, которое спилили и отшлифовали, чтобы показать красивое зерно. Никто из них никогда не видел земли, такой удаленной, как эта, и по утрам они собирали образцы, скитались по ней, будто танцуя в марсианском балете, и наперебой перебрасывались словами. Причем Надя была возбуждена не меньше остальных. Энн объяснила ей, что каждую зиму мороз оставлял на поверхности новый слой. Затем ветровая эрозия разрушала стены арройо[35], оголяя их по бокам, и каждый слой оказывался оголен дальше того, что лежал ниже, и, таким образом, стены арройо составляли многие сотни узких террас.

— Это место похоже на собственную карту горизонталей, — заметил Саймон.

Так они ехали несколько дней и каждый вечер выходили к лиловым закатам, которые тянулись почти до полуночи. Они сверлили песчаные и ледяные породы, и те слоились вглубь настолько, насколько они могли сверлить. Однажды вечером Надя поднималась с Энн по ряду параллельных террас, вполуха слушая ее объяснение прецессии афелия и перигелия, когда посмотрела назад на арройо и увидела, как тот сиял, будто

[35] Примечания: 35
Сухое русло в пустынной долине.

лимоны и абрикосы в вечернем свете, а над ним висели бледно-зеленые чечевицевидные облака, идеально имитирующие чертежные лекала.

— Смотри! — воскликнула она.

Энн обернулась, увидела и тоже замерла. Они стояли и смотрели, как низкая полоса облаков парит над их головами.

Когда звонок к ужину, наконец, вернул их к реальности и они спускались по извилистым террасам, Надя *знала*, что теперь все для нее стало другим — или просто планета становилась еще причудливее и красивее по мере их приближения к северу. А может, дело было и в том, и в другом.

Они катились по плоским насыпям желтого песка, такого мелкого, твердого и чистого, что могли двигаться на полной скорости, замедляясь лишь для того, чтобы перейти вверх или вниз на другую террасу. Лишь изредка закругленные склоны между террасами доставляли им некоторые хлопоты, а один-два раза в день им даже приходилось отступать назад, чтобы найти путь. Но чаще всего дорогу на север удавалось отыскать без труда.

На четвертый день пути по напластованной земле стены плато, примыкающие с обеих сторон к их плоскому пути, стали сужаться, и

путешественники поднялись на более высокую плоскость. И перед ними, на новом горизонте, открылся белый холм, огромный и круглый, как скала Эрс-Рок[36]. Белый — потому что он был ледяным! Ледяной холм, в сотни метров в высоту и километр в ширину. А начав его объезжать, увидели, что он простирался и дальше к горизонту на север. Это был кончик ледника — возможно, даже язык само́й полярной шапки. Все закричали, и Надя во всеобщем шуме и суматохе сумела расслышать лишь Филлис, которая вопила:

— Вода! Вода!

Они в самом деле нашли воду. И пусть они знали, что она здесь есть, все же было крайне неожиданно — вдруг наткнуться на белый ледяной холм, который к тому же оказался самым высоким из всех, что они видели за пять тысяч километров своего путешествия. Они привыкали к нему весь день: останавливали марсоходы, показывали пальцами, переговаривались, выходили посмотреть, брали образцы с поверхности, трогали его руками и пытались на него взобраться. Как и окружающий его песок, ледяной холм имел горизонтальные слои, разделенные всего на

[36] Примечания: 36

Природная достопримечательность Австралии, имеющая вид оранжево-коричневой овальной скалы.

несколько сантиметров полосками пыли. А между полосками был лед — щербатый и зернистый. Под таким давлением атмосферы он переходил в разные состояния почти при любой температуре, отчего пористые, слабые боковые стенки проседали на несколько сантиметров, открывая твердые, непробиваемые слои.

— Тут в самом деле *куча* воды, — повторяли они друг другу. Вода — на поверхности Марса…

На следующий день ледяной холм занял весь их горизонт по правую руку и теперь тянулся рядом стеной. Затем он действительно начал казаться горой воды, особенно когда в течение дня стена становилась все выше, вырастая примерно до трехсот метров. Это был белый горный хребет, огораживающий, по сути, их плоскодонную долину, лежащую на восточной стороне. А затем на северо-западе возник еще один белый холм — вершина другого хребта, высившегося над горизонтом, основания которого не было видно. Еще один ледник, стоявший стеной на западе, находился километрах в тридцати от них.

Таким образом, они оказались в Северном каньоне. Это была высеченная ветрами долина, врезавшаяся в полярную шапку примерно на пятьсот километров — более чем половину пути

к северному полюсу. Плоские ледяные стены каньона были твердыми, как бетон, но часто оказывались ломкими из-за слоя застывшей двуокиси углерода. Стены каньона были высокими, но не вертикальными. Они имели уклон менее чем 45°, и, как у склонов в напластованной земле, здесь были террасы, потрепанные эрозией и сублимацией — двумя силами, которые за десятки тысяч лет высекли весь этот каньон.

Вместо того чтобы подняться вверх по долине, исследователи направились к западной стене, к ретранслятору, который находился в упавшем грузе с ледорубным устройством. Песчаные дюны посреди каньона казались невысокими и привычными, и марсоходы перекатывались по бугристой земле вверх-вниз, вверх-вниз. Затем, поднявшись по песчаной волне, они заметили груз — он находился не более чем в двух километрах от подножия северо-западной ледяной стены. Громоздкие лимонно-зеленые контейнеры на скелетоподобных спускаемых модулях казались странным зрелищем в этом бело-коричнево-розовом мире.

— Какое уродство! — заявила Энн, тогда как Филлис и Джордж ликовали, радуясь находке.

На протяжении долгого дня ледяная стена на

западе принимала разные бледные оттенки: чистейший водный лед слегка отдавал голубым, но бóльшая часть склона оказалась ослепительно яркой — кремовой, обильно испещренной розовой и желтой пылью. Беспорядочные вставки сухого льда имели яркий чисто-белый цвет; контраст между сухим и водным льдами бросался в глаза, благодаря чему можно было увидеть истинные границы склона. Но, глядя с их позиции, трудно было оценить, насколько высок холм на самом деле; казалось, он тянется вверх до бесконечности, но предположительно его высота составляла что-то между тремя и пятью сотнями метров над дном Северного каньона.

— Это *куча* воды, — воскликнула Надя.

— А под ней еще больше, — добавила Филлис. — Судя по тому, что мы получили при бурении, шапка, скрытая под напластованной землей, тянется на многие градусы широты к югу, дальше, чем мы видим.

— Значит, воды у нас больше, чем нам когда-либо понадобится!

И грустно сморщила губы.

Они разбили лагерь в том месте, где был сброшен груз бурильного оборудования. Это была западная стена Северного каньона, 41° долготы,

83° северной широты. Деймос совсем недавно опустился за горизонт вслед за Фобосом — теперь они не должны были его видеть до тех пор, пока не вернутся за 82° северной широты. Летние ночи состояли лишь из часа лиловых сумерек, все остальное время солнце ходило по кругу не более чем в двадцати градусах над горизонтом. Они вшестером провели много времени снаружи, передвигая оборудование к стене и затем устанавливая его. Главной его составляющей был автоматический проходческий комбайн размером с один из их марсоходов. Он врезался в лед и пускал в ход цилиндрические барабаны в полтора метра диаметром. Когда его включили, он издал громкий, низкий гул, который становился еще громче, если они прикладывались скафандрами ко льду или касались его руками. Некоторое время спустя белые ледяные барабаны пробили целую воронку, и маленький автопогрузчик перенес лед в перегонный аппарат, где тот должен был растаять и очиститься от большого количества пыли. Затем получившаяся вода застывала в виде метровых кубов — так их было удобнее складывать в грузовых отсеках марсоходов. Теперь роботы-марсоходы смогут приезжать на место, загружаться и самостоятельно воз-

вращаться на базу. Так наладятся регулярные поставки воды, которой у них будет больше, чем им понадобится. Порядка четырех-пяти миллионов кубометров видимой полярной шапки, как подсчитал Эдвард, хотя такой расчет был весьма приблизительным.

Несколько дней они провели, тестируя бурильную установку и разворачивая ряды солнечных панелей, чтобы обеспечить ее питание. Долгими вечерами после ужина Энн взбиралась по ледяной стене, якобы чтобы собирать буровую стружку, но Надя знала, что она просто не хотела видеть Филлис, Эдварда и Джорджа. И, естественно, хотела подняться на самую вершину, на саму полярную шапку, осмотреться оттуда и собрать стружку с новейшего слоя льда. И однажды, когда их установка выдержала все тесты, вместе с Надей и Саймоном она встала на рассвете — в начале третьего часа утра — и, выйдя на сверххолодный утренний воздух, начала взбираться вверх. Их тени, будто огромные пауки, взбирались вслед за ними. Уклон льда составлял примерно тридцать градусов, время от времени становясь то более крутым, то более пологим, пока они поднимались по выступам на слоистой стороне холма.

Когда склон оказался позади и они попали на

поверхность полярной шапки, было уже семь утра. На севере, насколько они могли видеть, до высокого горизонта в тридцати километрах от них, простиралась ледяная равнина. Оглядываясь назад, на юг, они увидели, как далеко до геометрического водоворота напластованной земли, — это самое далекое расстояние, какое Наде удалось окинуть взглядом на Марсе.

Лед на плато был разделен на слои подобно напластованной земле, его чистые участки рассекали широкие полосы грязно-розовых контуров. Другая стена Северного каньона уходила на восток, длинная, высокая, массивная, с их позиции она казалась почти вертикальной.

— Столько *воды*! — снова восхитилась Надя. — Больше, чем нам *когда-либо* будет нужно!

— Ну это как сказать, — рассеянно ответила Энн, вкручивая в лед небольшой бур. Ее затемненное забрало обратилось к Наде. — Если терраформирователи добьются своего, все это пропадет, как роса жарким утром. Испарится и превратится в милое облачко.

— Неужели все будет настолько плохо? — спросила Надя.

Энн пристально на нее посмотрела. За тонированным стеклом гермошлема ее глаза походили

на пару шарикоподшипников.

Ночью за ужином она объявила:

— Нам необходимо дойти до полюса.

Филлис покачала головой:

— Нам не хватит ни еды, ни воздуха.

— Попросим сбросить нам запасы.

Теперь покачал головой Эдвард:

— Полярная шапка изрезана долинами почти такой же глубины, что и в Северном каньоне.

Не такой же, — возразила Энн. — Туда можно доехать по прямой. Вихревые долины выглядят устрашающе из космоса, но это всего лишь из-за разницы альбедо[37] воды и двуокиси углерода. На самом деле склоны имеют не более шести градусов. По сути, это все та же напластованная земля.

— А если сначала подняться на шапку и ехать по ней? — спросил Джордж.

— Поедем по одному из пластов льда. Он взойдет к центральному горному массиву, и, как только мы окажемся там, доберемся прямо до полюса!

— У нас нет причин это делать, — сказала Филлис. — Там мы увидим все то же, что видим

---

[37] Примечания: 37
Характеристика отражательной способности поверхности.

здесь. А значит — подвергнем себя еще большей радиации.

— Или, — добавил Джордж, — мы могли бы использовать те еду и воздух, что у нас есть, на то, чтобы исследовать места, мимо которых прошли по пути сюда.

Их не переубедить, Энн нахмурилась.

— Я руководитель геологической экспедиции, — резко сказала она.

Может, это и было правдой, но она была ужасным политиком, особенно в сравнении с Филлис, которая имела множество друзей в Хьюстоне и Вашингтоне.

— Но у нас нет геологических причин отправляться на полюс, — возразила Филлис с улыбкой. — Там будет такой же лед, как и здесь. Тебе просто хочется туда пойти.

— Ну и? — сказала Энн. — Что теперь? Все же есть научные вопросы, на которые там можно получить ответ. Например, имеет ли лед ту же структуру, что и пыль, — везде, куда бы мы ни пошли, мы собираем ценные данные.

— Но наша задача — добыть воду. А не болтаться почем зря.

— Не зря! — прикрикнула Энн. — Мы достали воду, чтобы получить возможность продолжить

исследования. Но мы не исследуем лишь ради того, чтобы добыть воду! Ты все перепутала! Не могу поверить, сколько людей в колонии тоже этого не понимают!

— Давай посмотрим, что на это ответит база, — сказала Надя. — Может, им нужна наша помощь там или они просто не смогут доставить нам припасы, мало ли что.

Энн простонала.

— Бьюсь об заклад, это закончится тем, что нам придется просить разрешения в ООН.

Она оказалась права. Фрэнку и Майе идея не понравилась. Джону было интересно, но он особо не вмешивался. Аркадий поддержал ее, когда услышал об этом, и заявил, что вышлет помощь с Фобоса, если возникнет такая необходимость, — правда, с его орбиты сделать это было в лучшем случае затруднительно. Но Майя связалась с центром управления полетами в Хьюстоне и Байконуре, и спор зашел еще дальше. Хастингс выступил против этого плана, но Байконур, как и значительная часть научного сообщества, его одобрил.

Наконец Энн добралась до телефона. Она говорила отрывисто и нахально, хоть и выглядела напуганной.

— Я здесь главная по части геологии, и я говорю, что это нужно сделать. Нам уже не представится лучшей возможности получить данные с места об исходном состоянии полярной шапки. Это тонкая система, и любое изменение атмосферы окажет на нее существенное воздействие. А у вас есть такие планы, верно? Сакс, ты все еще работаешь над своими ветряными нагревателями?

Сакс не участвовал в обсуждении, и его пришлось найти.

— Конечно, — подтвердил он, когда ему повторили вопрос.

Вместе с Хироко они развивали идею производства небольших ветряных мельниц, которые они намеревались посбрасывать с дирижаблей по всей планете. Непрерывные западные ветры должны были заставить их вращаться, и это вращение в катушках, расположенных в основании мельниц, должно было преобразовываться в тепло, которое потом просто выпускалось бы в атмосферу. Сакс уже разработал проект автоматизированной фабрики по производству этих мельниц. Он надеялся собрать несколько тысяч штук Влад указал, что добытое таким образом тепло обойдется слишком дорого, если ветры сойдут на нет — даром ничего не бывает. Сакс

тут же возразил, что в таком случае это станет побочным преимуществом, учитывая опасность, которую иногда несут пылевые бури и ветры.

— Немного тепла при слабом ветре — это даже хорошо.

— Итак, миллион ветряных мельниц, — сказала Энн. — И это только начало. Вы еще думали выпустить черную пыль над полярными шапками, верно, Сакс?

— Это утолщит атмосферу быстрее, чем любое другое наше практическое действие.

— Значит, если вы сделаете, что хотите, — продолжила Энн, — эти шапки будут обречены. Они испарятся, и тогда мы скажем: «Интересно, какими они были?» Но мы уже этого не узнаем.

— У вас достаточно запасов и времени? — спросил Джон.

— Запасы мы вам сбросим, — снова сообщил Аркадий.

— Лето продлится еще четыре месяца, — сказала Энн.

— Тебе просто хочется попасть на полюс! — Фрэнк эхом вторил Филлис.

— И что? — ответила Энн. — Вы, может быть, прилетели сюда играть в свои политические игры, но я хочу получше узнать эту планету.

Надя состроила гримасу. На этом разговор окончился, оставив Фрэнка в гневе. А это не предвещало ничего хорошего. Энн, Энн…

На следующий день на Земле пришли к мнению, что образцы с полярной шапки необходимо собрать в их исходном состоянии.

С базы не последовало никаких возражений, Фрэнк на линию больше не выходил. Саймон и Надя ликовали:

— Вперед на полюс!

Филлис лишь покачала головой.

— Не вижу в этом смысла. Мы с Джорджем и Эдвардом останемся здесь для поддержки и проследим, что буровая установка работает исправно.

Взяв третий марсоход, Энн, Надя и Саймон спустились по Северному каньону вниз и повернули на запад, где один из ледников, изгибаясь, служил идеальной наклонной поверхностью для подъема на шапку. Огромные колеса марсохода не хуже гусеницы снегохода справлялись со всем многообразием поверхностей шапки — участками, открытыми для зернистой пыли, низкими холмами из твердого льда, полями ослепительно белого замерзшего CO_2 и привычными узорами безупречного водного льда. Неглубокие долины

извивались от полюса по часовой стрелке, и некоторые из них были довольно широкими. Чтобы их пересечь, им нужно было спуститься по ухабистому склону, который изгибался то влево, то вправо и был полностью укрыт ярким сухим льдом, — и спуск мог тянуться километров двадцать, пока они не оказывались со всех сторон окружены ослепительной белизной. Затем перед ними вставал склон из более знакомого грязно-красного водного льда, исчерченный горизонтальными линиями. Когда они достигали дна желоба, мир делился надвое позади оставался белым, а впереди — грязно-розовым. Поднимаясь таким образом по обращенным к югу склонам, они обнаружили, что водный лед был более хрупким, чем в других местах, но, как указала Энн, каждую зиму на постоянную шапку ложился еще метр сухого льда, разрушая хрупкие узоры прошлого лета. Благодаря этому углубления заполнялись ежегодно, и большие колеса марсоходов могли спокойно себе хрустеть, двигаясь вперед.

Преодолев вихревые долины, они очутились на гладкой белой равнине, тянувшейся к горизонту во всех направлениях. За поляризованным и дымчатым стеклом окон марсохода белизна

казалась чистой и безупречной. Взобравшись на невысокий круглый холм, они увидели, что наиболее свежие ледовые отложения отразили след относительно недавнего падения метеорита. Разумеется, они остановились, чтобы собрать стружку. Наде пришлось ограничить Энн и Саймона четырьмя такими остановками в день, чтобы сэкономить время и не допустить перегруза в багажном отделении марсохода. Но им попадалась не только стружка: часто они натыкались и на черные изолированные скалы, вырастающие изо льда, будто скульптуры Магритта[38]. Это были метеориты. Они собирали самые мелкие из них и образцы более крупных, а однажды им попался метеорит размером с их марсоход. Метеориты эти состояли в основном из никеля и железа или же были хондритами[39]. Откалывая один из них, Энн заметила Наде:

— А знаешь, что на Земле находили метеориты, прилетевшие с Марса? Хотя случается и наоборот, но далеко не так часто. Нужно поистине большое сотрясение, чтобы камни вырвались из гравита-

---

[38] Примечания: 38

Рене Магритт (1898–1967) — бельгийский художник-сюрреалист.

[39] Примечания: 39

Каменные метеориты, имеющие хондры — сферические или эллиптические образования диаметром около миллиметра.

ционного поля Земли с достаточной скоростью, чтобы попасть сюда — дельта V должна достигать пятнадцати километров в секунду, не меньше. Я слышала, что около двух процентов материалов, покидающих поле Земли, оказываются на Марсе. Но это только после крупнейших столкновений, таких как мел-палеогеновое[40]. Странно было бы найти здесь кусок с Юкатана, верно?

— Но это же случилось шестьдесят миллионов лет назад, — сказала Надя. — Его бы давно уже похоронило подо льдом.

— Это правда.

Позже, когда они возвращались в свой марсоход, она сказала:

— Хотя если они растопят эти шапки, мы его все-таки найдем. У нас появится целый музей из метеоритов, выложенных на песке.

Они пересекли еще несколько вихревых долин, будто пройдя по волнам на лодке, вверх-вниз, и волны теперь стали больше, чем когда-либо, — по сорок километров от гребня до гребня. Они

---

[40] Примечания: 40

Мел-палеогеновое вымирание — одно из крупнейших массовых вымираний в истории Земли, произошедшее на границе мелового и палеогенового периодов. По одной из гипотез, его причиной стало падение астероида размером около 10 километров на полуострове Юкатан в Мексике.

придерживались своего расписания с помощью часов, останавливаясь с десяти вечера до пяти утра на холмиках или утопленных краях кратеров, чтобы во время остановок можно было смотреть на красивые пейзажи. А для того чтобы высыпаться по ночам, они затемнили окна.

А однажды утром, когда они с хрустом преодолевали льды, Энн включила радио и стала сверяться по GPS с аэросинхронными спутниками.

— Найти полюс не так-то легко, — сказала она. — Хотя на Земле ранние исследователи здорово намучились на севере, при том что всегда ходили туда летом и не могли видеть звезды и к тому же не сверялись со спутниками.

— Тогда как им это удалось? — спросила Надя с вдруг пробудившимся любопытством.

Энн, немного подумав, улыбнулась.

— Не знаю. По крайней мере наверняка. Но, скорее всего, с помощью счисления пути.

Надю эта проблема заинтересовала, и она начала обрисовывать ее в своем графическом планшете. Геометрия никогда не была ее коньком, но она знала, что на северном полюсе в середине лета солнце, по идее, должно было описать идеальный круг по горизонту, не уходя ни

выше, ни ниже. Находясь возле полюса в районе летнего солнцестояния, можно было с помощью секстанта замерить высоту солнца над горизонтом… Но так ли это?

— Вот, нашла, — сказала Энн.

— Что?

Они остановили марсоход и осмотрелись. И увидели белую равнину, которая вздымалась над близким горизонтом, совершенно невыразительным, если не считать пары широких красных горизонтальных линий. Эти линии не замыкались кольцами над ними, и не было никакого ощущения, будто они стояли на вершине мира.

— А поточнее, где? — спросила Надя.

— Ну, где-то совсем рядом, к северу отсюда, — снова улыбнулась Энн. — Еще километр или около того. Может быть, там, — она указала направо. — Нужно проехать еще немного и еще раз свериться со спутником. Немного сориентируемся по GPS и окажемся прямо на нем. Плюс-минус метр, конечно.

— А если потратим чуть больше времени, то и плюс-минус сантиметр, — с воодушевлением добавил Саймон. — Уж мы его не пропустим!

Они ехали еще минуту, проверили свое положение, повернули направо и проехали еще, после

чего снова сверились. Наконец Энн объявила, что они на полюсе — или очень близко к нему. Саймон ввел в компьютер команду расчета, и они оделись, вышли и побродили вокруг, чтобы убедиться наверняка, что они на нужном месте. Энн и Саймон собрали стружку. Надя ходила по спирали, расширяя ее в направлении от марсохода. Красновато-белая равнина, горизонт в четырех километрах, слишком близкий, — вдруг она постигла, так же, как во время заката на черных дюнах, каким все это было чужим. Она вдруг осознала близость этого горизонта, неестественную гравитацию, мир, который был так мал… и то, что она стояла прямо на его северном полюсе. Теперь было $L_S = 92°$, почти так близко к солнцестоянию, как только можно было желать, и, если бы она сейчас встала к солнцу лицом и не шевелилась, оно оставалось бы прямо перед ней весь остаток дня, а может, и всю неделю! Это было удивительно. Она вращалась на самой вершине. Если бы она простояла тут достаточно долго, то смогла бы это ощутить?

Поляризованное стекло ее забрала превращало солнечные блики на льду в яркую полосу из кристаллических точек всех цветов радуги. Здесь не было очень холодно. Подняв руку, она ощутила,

как ее обдувает лишь легкий ветерок. Изящная красная полоса осадочного слоя накрывала горизонт, будто линия меридиана. Подумав об этом, она улыбнулась. Вокруг солнца просматривалось слабое ледяное кольцо, достаточно крупное, чтобы его нижняя дуга касалась горизонта. Лед на шапке испарялся и сверкал в воздухе, заполняя кольцо своими кристаллами. Широко улыбнувшись, она втоптала следы своих ботинок в северный полюс Марса.

В тот вечер они повернули поляризаторы так, чтобы в окнах модуля им предстало совсем уж затемненное изображение белой пустыни. Надя сидела с пустым подносом для еды на коленях и потягивала кофе из чашки. Цифровые часы перещелкнули с 11:59:59 на 0:00:00 и остановились. С их замиранием стала более ощутимой и тишина, царившая в марсоходе. Саймон спал, Энн сидела на месте водителя, глядя в окно, после того как съела половину ужина. И ни звука, кроме шума вентилятора.

— Я рада, что ты привела нас сюда, — сказала Надя. — Здесь восхитительно.

— Кто-то же должен получить наслаждение, — ответила Энн. Когда она злилась или печалилась, ее голос становился ровным и отстраненным,

будто она просто констатировала факты. — Это место останется таким недолго.

— Ты уверена, Энн? Ведь здесь глубина пять километров, разве ты этого не говорила? Неужели ты действительно думаешь, что оно тут же исчезнет из-за этой черной пыли?

Энн пожала плечами.

Все зависит от того, насколько теплым мы его сделаем. И от того, сколько всего воды есть на планете и сколько воды из реголита выльется на поверхность, когда мы нагреем атмосферу. Ничего из этого мы не узнаем, пока все не случится. Но я подозреваю, что, поскольку шапка представляет собой наиболее открытую массу воды, на ней это отразится сильнее всего. Она может почти полностью испариться, прежде чем какая-либо существенная область вечной мерзлоты растает хотя бы наполовину.

— Полностью?

— Ну, что-то, конечно, будет откладываться каждую зиму. Но это не так уж много, если смотреть глобально. Это сухой мир, его атмосфера сверхбезводна. Антарктида — джунгли по сравнению с ним, а ты же помнишь, как она нас истощала? Так что, если температуры поднимутся как следует, лед растает невероятно быстра Вся

эта шапка переместится в атмосферу и ее сдует на юг, где она будет подмерзать по ночам. Так, по сути, она распространится по всей планете в виде ледяной корки в сантиметр толщиной, — она состроила гримасу. — Хотя на самом деле, конечно, ее будет меньше, потому что бóльшая часть так и останется в атмосфере.

— Но, когда станет еще теплее, она растает и пойдет дождь. Тогда у нас появятся реки и озера, да?

— Если атмосферное давление будет достаточно высоким. Жидкая водная поверхность зависит от давления воздуха так же сильно, как и от температуры. Если и то, и другое возрастет, мы сможем гулять здесь по песку уже через несколько десятилетий.

— Зато здесь появится приличная коллекция метеоритов, — заметила Надя, стараясь подбодрить Энн.

Не получилось. Энн поджала губы, посмотрела в окно и осуждающе покачала головой. Ее лицо иногда становилось таким мрачным, что это нельзя было объяснить одним лишь Марсом: должно быть что-то еще, чем можно объяснить ее глубокое уныние, ее внутреннюю боль. Ее Бесси Смит. На это было тяжело смотреть. Когда

Майя грустила, как Элла Фицджеральд, поющая блюз, было видно, что ее грусть напускная, что на самом деле под маской печали струился восторг. Но когда грустила Энн, на нее было больно смотреть.

Сейчас она взяла свою тарелку с лазаньей и откинулась назад, чтобы поставить ее в микроволновку. За ней под черным небом сверкала белая пустошь, будто мир снаружи превратился в фотонегатив. На циферблате вдруг загорелось 0:00:01.

Четыре дня спустя они покинули льды. Возвращаясь к Филлис, Джорджу и Эдварду, трое путешественников одолели холм и замерли на месте. На горизонте возвышалось сооружение Из плоской осадочной породы на дне каньона вырос классический греческий храм с шестью дорическими колоннами из белого мрамора, увенчанных кругом плоской крыши.

— Какого черта?

Подойдя ближе, они увидели, что колонны были сделаны из ледяных барабанов от бурильной установки, поставленных друг на друга. Диск, служивший крышей, был грубо обтесан.

— Это Джордж придумал, — сообщила Филлис по радио.

— Я заметил, что ледяные цилиндры были такого же размера, что мраморные барабаны, которые греки использовали для своих колонн, — объяснил Джордж, довольный собой. — Остальное уже было очевидным. А бурение шло идеально, поэтому у нас появилось немного времени, которое надо было убить.

— Выглядит здорово, — сказал Саймон. И это было правдой: чужеродный монумент, пришелец из иного мира, сиявший, будто плоть в долгих сумерках, будто подо льдами текла его кровь. — Храм Ареса.

— Нептуна, — поправил Джордж. — Полагаю, не стоит поминать Ареса слишком часто.

— Особенно если принять во внимание обстановку в нашем лагере, — добавила Энн.

Двигаясь на юг, они определяли маршрут по собственным следам и ретрансляторам, благодаря чему он казался таким же определенным, как шоссе с асфальтовым покрытием. Энн даже не пришлось указывать на то, насколько иными теперь были их ощущения от дороги: они больше не исследовали нетронутую землю, изменилась сама природа окружающей местности, размеченной теперь двумя штрихованными параллельными полосами колесных следов.

Она стала для них просто «дорогой» и больше не была дикой территорией — в этом, собственно, заключалась суть прокладки пути. Теперь можно было оставлять управление автопилоту, и они зачастую так и поступали.

Они продвигались со скоростью около тридцати километров в час, болтая или глядя на разделенный пополам вид из окна. Правда, говорили мало, за исключением утра, когда завели спор о Фрэнке Чалмерсе: Энн утверждала, что он законченный макиавеллист, тогда как Филлис настаивала на том, что он не хуже любого другого, кто обладает властью. Надя, припоминая свои беседы с ним о Майе, знала, что все было сложнее, чем обе думали. Но неосмотрительность Энн приводила Надю в ужас, и, когда Филлис напомнила, как Фрэнк вел себя в последние месяцы перелета, Надя не сводила глаз с Энн, пытаясь взглядом предупредить, что та откровенничает не с теми, с кем можно, что так говорить опасно. Надя не сомневалась, что Филлис позже воспользуется опрометчивостью Энн. Но та не замечала взгляда Нади.

Неожиданно марсоход затормозил и остановился. За дорогой никто не следил, и все подскочили с переднему окну.

Перед ними лежала гладкая белая равнина, покрывавшая около сотни метров дороги.

— Что такое? — вскричал Джордж.

— Наш морозостойкий насос, — указала Надя. — Должно быть, сломался.

— Или поработал слишком хорошо! — предположил Саймон. — Это водный лед!

Они переключили марсоход на ручное управление и двинулись вперед. Вылившаяся масса покрывала дорогу, будто белая лава. Они натянули прогулочники и, выбравшись из модуля, подошли к ее краю.

— Мы сделали каток, — сказала Надя и подошла к насосу. Отцепила изоляционный щит и заглянула внутрь.

— Ага, изоляция прорвалась, и замерзла вода, а заслонка застряла в открытом положении. Неслабое давление, надо сказать. Вода вытекала и замерзала, пока слой льда не стал достаточно толстым, чтобы ее заблокировать. Если стукнуть молотком, может получиться маленький гейзер.

Она отошла к своему ящику с инструментами в днище модуля и достала оттуда ледоруб.

— Осторожно!

Она ударила раз по белой массе льда где насос соединялся с входной трубой резервуара. В воздух

ударила метровая струя воды.

— Ого!

Вода расплескалась по белой поверхности льда, испаряясь, но уже через несколько секунд застыла в форме белого дольчатого листа.

— Только посмотрите на это!

Отверстие также замерзло, и поток воды остановился, пар сдуло прочь.

— Смотрите, как она застыла!

— Прямо как во всплесковом кратере, — с ухмылкой заметила Надя. Это было красивое зрелище: вода проливалась и, испаряясь, замерзала.

Надя отколола лед с перекрывающего клапана, а Энн и Филлис принялись спорить о миграции вечной мерзлоты, запасах воды на этой широте и многом другом. Можно было подумать, что им это когда-нибудь надоест, но на самом деле они просто ненавидели друг друга и были не в силах остановиться. После этого путешествия они никуда больше не отправятся вместе — в этом не приходится сомневаться. Сама же Надя теперь не решилась бы куда либо ездить с Филлис, Джорджем и Эдвардом — они были слишком самодовольны и самодостаточны, будто группа внутри группы. Но Энн отдалилась и от некоторых других: если она не будет вести себя

осмотрительнее, то останется сама по себе и никто не будет сопровождать ее в путешествиях. Например, невероятной глупостью было так отзываться о Фрэнке, да еще и выбрать из всех Филлис, чтобы рассказать, как тот ужасен.

А если она отдалится от всех, кроме Саймона, ей будет не хватать общения, потому что Саймон Фрейзер был самым тихим человеком во всей сотне. Едва ли он сказал хоть двадцать фраз за все время, проведенное в дороге. Это было жутковато, будто они путешествовали с глухонемым. Если только он не говорил с Энн наедине — но кто мог об этом знать?

Надя перевела клапан в закрытое положение и выключила насос.

— В этих широтах придется ставить более плотную изоляцию, — не обращаясь ни к кому конкретно, произнесла она, занося свои инструменты обратно. Она устала от всех этих пререканий, ей не терпелось вернуться в лагерь и приступить к работе. Она хотела поговорить с Аркадием — он наверняка рассмешил бы ее.

А она, сама того не желая и даже не зная, как это делается, рассмешила бы его.

Они положили несколько фрагментов застывшего льда к остальным образцам и установили

четыре ретранслятора, чтобы управлять роботами.

— Хотя все это может испариться, да? — спросила Надя.

Энн, погруженная в размышления, не услышала вопроса.

— Здесь много воды, — пробормотала Энн себе под нос, она казалась встревоженной.

— Ты чертовски права, — воскликнула Филлис. — А теперь почему бы нам не взглянуть на те отложения, что мы обнаружили в северном конце каньона Мареотис?

Когда они приблизились к базе, Энн стала вести себя еще более замкнуто и отстраненно, а ее лицо теперь казалось непроницаемым, будто маска.

— В чем дело? — спросила ее Надя однажды вечером, когда они гуляли перед закатом, настраивая сломавшийся ретранслятор.

Я не хочу возвращаться, — ответила Энн. Она, опираясь на колени, сидела на корточках на изолированном камне и раскалывала его. — Не хочу, чтобы эта поездка заканчивалась. Я хочу путешествовать все время, вниз в каньоны, вверх на края вулканов, в хаосы и горы вокруг Эллады. Никогда не хочу останавливаться, — она вздохнула. — Но… я часть команды. Значит, должна

забиться в норку вместе с остальными.

— Неужели все так плохо? — спросила Надя, думая о своих прекрасных сводчатых отсеках, бурлящих вихревых ваннах и стакане ледяной водки.

— Сама знаешь, что да! Двадцать четыре с половиной часа в сутки под землей в маленьких комнатках, с Майей и Фрэнком с их политическими схемами, Аркадием и Филлис с их препираниями по всякому поводу, которые я теперь стала понимать, уж поверь мне… вечно жалующимся Джорджем и Джоном, витающим в облаках, Хироко, одержимой своей маленькой империей… Владом, Саксом… Ну что за компания!

— Они не хуже остальных. Не хуже и не лучше. Тебе нужно с ними поладить. Ты не сможешь жить здесь одна.

— Нет. Но когда я на базе, мне и так кажется, будто я где-то в другом месте. Я с таким же успехом могла оставаться на корабле!

— Нет, нет, — сказала Надя. — Ты кое о чем забываешь.

Она пнула камень, с которым работала Энн, и та удивленно подняла взгляд.

— Ты можешь стучать по своим камням, верно? Мы здесь, Энн. Здесь, на Марсе, мы на нем стоим.

И каждый день ты можешь выходить и бродить по округе. И в своей должности можешь затевать столько поездок, сколько не может никто другой.

Энн отвела глаза.

— Иногда кажется, что этого недостаточно.

Надя пристально на нее посмотрела.

— Ладно, Энн. Под землей мы скрываемся, в первую очередь, из-за радиации! Когда ты так говоришь, это, по сути, значит, ты хочешь, чтобы она пропала. А это значит наращивание атмосферы, а вместе с этим — терраформирование.

— Знаю, — ответила она таким сдавленным голосом, что ее привычный тон, сухо констатирующий факты, был потерян и забыт. — Ты думаешь, я *не знаю*? — она встала и взмахнула молоточком. — Но это неправильно! Понимаешь, когда я смотрю на эту землю, я *люблю* ее. Я хочу все время путешествовать по ней, жить на ней, изучать ее и исследовать. Но когда я делаю это, я меняю ее — уничтожаю то, что в ней люблю. Мне больно смотреть на дорогу, которую мы проложили! А лагерь — это как открытый карьер посреди пустыни, к которой никто не прикасался с начала времен. Такое уродство, такое… Я не хочу делать этого с Марсом, Надя, не хочу. Лучше уж умереть

Оставить планету как есть оставить нетронутой, и пусть радиация делает все, что ей заблагорассудится. Ведь это вопрос статистики, ну, если мои шансы заболеть раком один из десяти, значит, есть шанс девять из десяти, что я буду здорова!

— Это хорошо для тебя, — сказала Надя. — Как и для любого другого. Но для группы, для всех живущих здесь, знаешь ли, это генетический ущерб. Через какое-то время мы станем калеками. Здесь нельзя думать о себе одной.

— Часть команды, — отрешенно произнесла Энн.

— Ну да.

— Я знаю, — вздохнула она. — Мы все ее часть. Мы продолжим свое дело и сделаем это место безопасным. Дороги, города. Новое небо, новая почва. Пока оно не превратится во что-то вроде Сибири или Северо-Западных территорий. Марса не станет, а мы будем здесь, будем удивляться, почему чувствуем себя такими опустошенными. Почему, когда мы смотрим на землю, не видим в ней ничего, кроме своих лиц…

≈ * ≈

На шестьдесят восьмой день экспедиции они увидели клубы дыма над южным горизонтом. Коричневые, серые, белые и черные пряди тянулись вверх и смешивались между собой, создавая плоское грибообразное облачко, которое уплывало на восток.

— Дома, мы снова дома! — радостно воскликнула Филлис. Следы, оставленные ими здесь в начале путешествия и уже наполовину заметенные пылью, вели навстречу дыму — мимо зоны примарсения грузов, через лабиринт других путей, по протоптанному светло-красному песку, между канавами и буграми, ямками и возвышениями. И уводили, наконец, к большому ухабистому холму постоянного жилища. Их квадратное земляное укрепление теперь было увенчано серебристой сетью магниевых балок.

Открывшийся вид пробудил в Наде любопытство, но, когда они продолжили путь, она не могла не заметить разбросанных где попало рам, ящиков, тракторов, кранов, запасных частей отвалов, ветряных мельниц, солнечных панелей, водонапорных столбов, асфальтированных дорог на

восток, запад и юг, воздухосборников, невысоких строений квартала алхимиков (из чьих дымовых труб и поднимались клубы, которые они видели), штабелей стекла, круглых конусов из серого гравия, больших куч реголита возле цементного завода, куч поменьше, сваленных тут и там. Все имело беспорядочный, сугубо практичный и уродливый вид Челябинска-65[41] или любого другого промышленного города сталинской эпохи на Урале, а может, центра нефтедобычи в Якутии. Они проехали добрых пять километров по этой разрухе, а прибыв, Надя не решалась взглянуть на Энн, молча сидевшую перед ней, излучавшую гадливость и презрение. Надя и сама была потрясена и удивлялась своей внутренней перемене: ведь до поездки все это казалось ей совершенно нормальным и даже весьма нравилось.

Сейчас она чувствовала легкую тошноту от увиденного и боялась, что Энн могла каким-либо образом проявить агрессию, особенно если Филлис скажет что-то еще. Но та больше не говорила, и они заехали на парковку для тракторов перед северным гаражом, где и остановились. Экспедиция была окончена.

---

[41] Примечания: 41

Закрытый промышленный город в Челябинской области. В 1994 году переименован в Озёрск.

Один за другим они подключили марсоходы к стене гаража и забрались в здание. Их окружили знакомые лица — Майя, Фрэнк, Мишель, Сакс, Джон, Урсула, Спенсер, Хироко и остальные. Все они были как братья и сестры, но их оказалось так много, что Надю переполнили чувства, она дрожала, будто испытав прикосновение анемона, и говорила с трудом. Она хотела ухватиться за что-нибудь, хотела сбежать, а оглянувшись, увидела Энн и Саймона — те также были окружены людьми и выглядели ошеломленными, Энн стоически держалась, будто нацепив маску самой себя.

Филлис рассказывала их историю одна:

— Было красиво, очень зрелищно, солнце светило постоянно, и там в самом деле есть лед, теперь у нас есть доступ к массам воды, там, на той полярной шапке, все как в Арктике…

— Вы нашли фосфор? — спросила Хироко.

Удивительно было видеть ее лицо, обеспокоенное нехваткой фосфора для растений. Энн ответила ей, что нашла отложения сульфатов в легком материале, распространенном вокруг кратеров в Ацидалийской равнине, и они вместе удалились, чтобы взглянуть на образцы. Надя последовала за остальными по подземному пере-

ходу с бетонными стенами в постоянное жилище, думая о настоящем душе и свежих овощах и вполуха слушая Майю, сообщавшую ей последние новости. Она была дома.

И снова в работу, по-прежнему неумолимую и разностороннюю. Список дел был таким же бесконечным, и времени никогда не хватало, потому что даже при том, что некоторые работы требовали меньше человеческого времени, чем Надя предполагала, и позволяли положиться на роботов, все остальное отнимало времени гораздо больше. И ничего из этого уже не приносило ей такого удовольствия, как раньше, когда она строила сводчатые отсеки, даже если это представляло интерес в техническом смысле.

Если они хотели, чтобы центральная площадь под куполом принесла им хоть какую-нибудь пользу, под нее следовало строить фундамент, который сверху донизу состоял бы из гравия, цемента, фибростекла, реголита и, наконец, переработанной почвы. Сам купол следовало изготовить из двойных панелей толстого обработанного стекла, которое бы выдерживало давление и сводило к минимуму ультрафиолетовые лучи и определенную долю космической радиации. Устроив все это, они получили бы

центральный атриум в десять тысяч квадратных метров. Это был поистине элегантный и удовлетворяющий всех план. Но работая над различными сторонами строительства этого сооружения, Надя обнаружила, что ее мысли блуждали где-то в другом месте, а внутри все сжалось. Майя и Фрэнк больше не разговаривали друг с другом, как предусматривалось их должностными обязанностями, и это означало, что личные отношения между ними стали вконец плохи. Фрэнк судя по всему, не желал общаться и с Джоном, что было уже совсем печально. Разбитая дружба Саши и Ильи переросла в нечто вроде гражданской войны между их товарищами. Группа Хироко — Ивао, Рауль, Эллен, Риа, Джин, Евгения и остальные, вероятно, в ответ на все это, проводили целые дни в атриуме или в теплицах, еще сильнее, чем когда-либо, отстранившись от остальных. Влад с Урсулой и остальные медики углубились в свои исследования, почти перестав лечить колонистов, чем приводили Фрэнка в ярость, а инженеры-генетики непрерывно занимались в переделанном трейлерном парке и в лабораториях.

Мишель же продолжал вести себя так будто все шло нормально, будто он не был главным

психологом колонии. Много времени он посвящал просмотру французского телевидения. Когда Надя спросила его о Фрэнке и Джоне, он ответил ей лишь безучастным взглядом.

Они провели на Марсе четыреста двадцать дней, и первые секунды их нового мира уже остались в прошлом. Они больше не собирались, чтобы составлять задания на следующий день или обсуждать свою работу.

— Слишком много дел, — говорили Наде, когда она спрашивала. — Ну, это сложно объяснить. Если начну, то вгоню тебя в сои Меня же вгоняет. — И все в таком духе.

А иногда, в свободные минуты, она представляла себе черные дюны, белый лед, людские силуэты на фоне закатного неба. Она вздыхала, и ее пробирала дрожь. Энн уже договорилась о новой поездке и отбыла — на этот раз на юг, к северным ответвлениям долин Маринер, смотреть на еще более невообразимые чудеса. Но Надя была нужна в лагере, независимо от того, хотела она путешествовать по каньонам или нет. А Майя уже жаловалась на то, как много времени Энн проводит в поездках.

— Между ней и Саймоном явно что-то есть, и они просто устроили себе медовый месяц, оста-

вив нас вкалывать здесь.

Именно так Майя смотрела на вещи, именно это потребовалось бы ей самой, чтобы стать такой же счастливой, какой казалась Энн, судя по ее голосу. Но Энн просто была в каньонах, и это было все, что ей нужно для счастья. Если у них с Саймоном что-то и началось, это стало лишь естественным следствием. Надя надеялась, что так и было: она знала, что Саймон любил Энн, а в Энн она ощущала целую пропасть одиночества, нечто, что требовало человеческой близости. Если бы только она могла снова к ним присоединиться!

Но ей нужно было работать. И она работала, командовала людьми на стройках, осматривала будущие места строительства и ругала своих друзей за неряшливую работу. Поврежденная рука за время поездки набрала силу, и теперь она снова могла управлять тракторами и бульдозерами. Она проводила за этим занятием долгие дни, но теперь это было не так, как прежде.

При L_S= 208° Аркадий впервые спустился на Марс. Надя пришла на новый космопорт и, встав на краю широкой бетонированной площади, занесенной пылью, ожидала прибытия, переминаясь с ноги на ногу. Обожженный оранжевый

цемент был отмечен желтыми и черными пятнами предыдущих посадок. Капсула Аркадия уже появилась в розовом небе в виде белой точки с желтым пламенем. Затем она превратилась в полусферу с ракетными двигателями и подпорками в нижней части, сократила столб огня и с невероятной точностью опустилась на центральную точку. Аркадий сам разрабатывал систему посадки и, очевидно, здорово в этом преуспел.

Спустя двадцать минут он вылез из люка посадочного модуля и, выпрямившись на верхней ступеньке, осмотрелся. Уверенно спустился по лестнице. Едва оказавшись на земле, попробовал встать на кончики пальцев ног, сделал таким образом пару шагов и повернулся кругом, разведя руки в стороны. Надя вдруг вспомнила это чувство, когда ей показалось, будто она стала пустой внутри. Затем он упал. Она поспешила к нему, он заметил ее и встал, повернулся к ней и снова споткнулся о неровный портландцемент. Она помогла ему подняться на ноги, и они неуклюже обнялись он в большом герметичном костюме, она в прогулочнике. Его бородатое лицо выглядело в скафандре поистине устрашающе. После всех этих видео она забыла о третьем измерении и обо всем остальном, что делало действитель-

ность такой яркой, такой реальной. Они легонько стукнулись гермошлемами, на его лице была безумная ухмылка. Она ощутила, как и ее лицо расплывается в чем-то похожем.

Он указал на свою наручную консоль и переключился на их приватную частоту 4224. Она сделала то же самое.

— Добро пожаловать на Марс! Алекс, Джанет и Роджер спустились вместе с Аркадием, и когда все выбрались из модуля и сели в открытый экипаж «Моделей Ти», Надя повезла их на базу сначала по дороге с широким покрытием, а затем по короткому пути через Алхимический квартал. Она рассказывала им о каждом здании, которое они проезжали, хоть и видела, что они и так их узнавали. Вдруг она занервничала, вспомнив, каким ей все показалось после путешествия на полюс. Остановившись перед гаражом, она проводила их внутрь. Там состоялось очередное воссоединение семьи.

Позже в тот день Надя повела Аркадия по квадрату сводчатых жилищ, минуя дверь за дверью, комнату за комнатой, показав все двадцать четыре, а затем вышла с ним в атриум. Небо за стеклянными панелями было рубиновым, а магниевые подкосы тускло сверкали, словно

серебро.

— Ну как? — наконец спросила Надя, не в силах остановиться. — Что думаешь?

Аркадий улыбнулся и приобнял ее. Он все еще был в космическом костюме, его голова выглядела слишком маленькой в открытой горловине. Он казался распухшим и нескладным, и ей хотелось, чтобы он снял свой костюм.

— Ну, что-то хорошо, что-то плохо. Но почему все такое некрасивое? Почему такое унылое?

Надя раздраженно пожала плечами.

— Мы были заняты.

— Мы на Фобосе тоже были заняты, но ты бы его видела! Мы обложили все переходы панелями из никеля с платиновыми вставками, и роботы за ночь нанесли на их поверхности повторяющиеся узоры. Там же есть репродукции Эшера[42], бесконечные зеркальные коридоры, земные пейзажи. Тебе стоит на них взглянуть! Если зажечь свечи в некоторых комнатах, будет казаться, будто в небе горят звезды — или что в комнате пожар. Каждая комната — это произведение искусства, вот бы их тебе показать!

— Мне уже не терпится это увидеть. — Надя

---

[42] Примечания: 42

Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) — нидерландский художник-график.

покачала головой, глядя на него.

Тем вечером у них был всеобщий ужин в четырех соединенных отсеках, которые вместе составляли самое большое помещение В комплексе. Ели курицу, сойбургеры и салаты, все говорили одновременно — словно в напоминание о лучших месяцах на «Аресе» или даже в Антарктике. Аркадий поднялся, чтобы рассказать всем о своей работе на Фобосе.

— Я рад наконец оказаться в Андерхилле.

Он рассказал, что они уже почти завершили строить купол над Стикни и устроили под ним длинные галереи, просверленные в потрескавшихся и брекчиевых породах, протянув тем самым ледяные жилы вглубь луны.

— Будь там более высокая гравитация, там было бы великолепно, — заключил Аркадий. — Но исправить это мы не в силах. Бóльшую часть свободного времени мы проводили в гравитационном поезде, придуманном Надей, но это нас ограничивало, потому что вся работа ведется в Стикни или под ним. И мы проводили много времени в невесомости, делали упражнения, но все равно ослабли. Даже марсианская гравитация сейчас меня утомляет, голова немного кружится.

— Она у тебя всегда кружится!

— Поэтому нам следует менять экипажи, которые там работают, или запустить туда роботов. Мы подумываем спуститься сюда насовсем. Мы завершили свою часть работы, и теперь космическая станция готова функционировать с тем экипажем, что отправится следующим. А мы хотим получить свои награды здесь! — Он поднял стакан.

Фрэнк и Майя нахмурились. Никто не хотел отправляться на Фобос, но Хьюстон и Байконур настаивали, чтобы там постоянно кто-то находился. На лице Майи появилось знакомое с «Ареса» выражение, означавшее: это все Аркадий виноват. Увидев его, Аркадий рассмеялся.

На следующий день Надя и еще несколько человек взяли его на более подробную экскурсию по Андерхиллу и близлежащим строениям. Он все время кивал головой и смотрел своими выпученными глазами так, что в ответ тоже хотелось кивать, когда он говорил: «Да, но… Да, но…» — и сыпал замечания за замечаниями до тех пор, пока не надоел даже Наде. Хотя трудно было отрицать, что район Андерхилла выглядел беспорядочно, продираясь к горизонту во всех направлениях, можно было подумать, будто он растянулся по всей планете.

Кирпичи легко красятся, — сказал Аркадий. — Добавьте оксид марганца из плавленого магния и получится чисто белый кирпич. Добавьте угля, оставшегося с процесса Боша, и будет черный. Если менять содержание оксидов железа, можно получить любой оттенок красного, даже совсем багряный. Для желтого добавьте серы. Должно что-то быть и для зеленого и голубого. Я не знаю, но Спенсер может сказать наверняка. Может, какой-нибудь полимер на основе серы, не знаю. Но ярко-зеленый чудесно бы смотрелся на такой красной местности. Небо придаст ему темный оттенок, но он все равно останется зеленым и будет бросаться в глаза. А потом, когда у вас будут все эти цветные кирпичи, вы сможете выкладывать из них стены, как мозаику. Каждый может выбрать себе стену и сделать из нее что захочет. Все заводы в Алхимическом квартале похожи то ли на дворовые туалеты, то ли на выброшенные банки из-под сардин. Если обложить их кирпичом, это обеспечит им изоляцию, так что на это есть хорошая практичная причина, хотя, сказать по правде, не менее важно, чтобы они хорошо выглядели, чтобы было по-домашнему. Я уже достаточно пожил в стране, где все думали только о практической пользе. Мы должны показать, что

здесь мы ценим нечто большее, правда?

— Что бы мы ни сделали со строениями, — остро заметила Майя, — земля вокруг них все равно будет будто вспаханной.

— Но не обязательно! Смотри, когда закончим со строительством, будет очень возможно вот что. Вернуть землю в ее исходное состояние, а потом разбросать по поверхности камни, как будто это естественная равнина. Пылевые бури довольно быстро нанесут мелких частиц, и вскоре, если люди будут ходить по тропам, а транспорт ездить по дорожкам и трекам, это будет выглядеть, как обычная земля, тут и там занятая сооружениями с цветной мозаикой, стеклянными куполами с зеленью под ними, дорогами, выложенными желтым кирпичом, и всяким тому подобным. Конечно, мы должны это сделать! Это же нужно для души! Не скажу, что это следовало сделать раньше, ведь требовалось наладить инфраструктуру, а это всегда происходит в беспорядке. Но теперь мы готовы заняться искусством архитектуры, проникнуться его духом.

Он развел руки в стороны, внезапно остановился и выпучил глаза, увидев сомневающиеся взгляды в скафандрах, находившихся перед ним.

— Ну как, идея же, а?

Да, думала Надя, с интересом осматриваясь вокруг и пытаясь все это представить. Может быть, занявшись таким делом, ей удастся вновь получать удовольствие от работы, как раньше? Может быть, тогда и Энн начнет видеть все по-другому?

— Опять идеи Аркадия, — недовольно заметила Майя тем же вечером в бассейне. — Как раз то, что нам нужно.

— Но идеи же хорошие, — заметила Надя. Она вышла, ополоснулась в душе и надела рубашку.

Еще позже ночью она снова встретила Аркадия и повела его в северо-западную угловую комнату в Андерхилле, в которой оставила стены необлицованными, чтобы можно было показать ему элементы конструкции.

— Весьма изящно, — сказал он, проведя рукой по кирпичам. — Правда, Надя, весь Андерхилл великолепен. Здесь везде видна твоя рука.

Довольная собой, она подошла к экрану и вывела на него проект, который разрабатывала для более крупного жилого комплекса. Три ряда сводчатых отсеков, выложенных под землей, прямо в стене очень глубокой траншеи, а на противоположной стене — зеркала, чтобы направлять в комнаты солнечный свет… Аркадий кивал, улыбался, указывал на экран, задавал вопросы и

делал предложения:

— Аркада между комнатами и стеной траншеи добавит открытого пространства. И каждый этаж должен располагаться немного в глубине по отношению к нижнему, чтобы с каждого балкона просматривалась аркада…

— Да, это, пожалуй, возможно…

И они стали водить пальцами по экрану компьютера, на ходу меняя архитектурный облик комплекса.

Позже они прогуливались по крытому атриуму. Над ними были раскинуты высокие кроны черного бамбука; растения по-прежнему стояли в горшках — почва еще была не готова. Было тихо и темно.

— Пожалуй, всю эту площадь можно опустить на один этаж, — мягко заметил Аркадий. — Прорубить окна и двери в твои подземные своды и тем самым их осветить.

Надя кивнула.

— Мы думали об этом и собираемся сделать, но для того, чтобы вынести столько земли через шлюзы, нужно много времени. — Она посмотрела на него. — Но что же это с нами, Аркадий? Ты пока говоришь только об инфраструктуре. Я-то думала, что облагораживание этих зданий — да-

леко не самое важное в твоем списке заданий.

Аркадий усмехнулся.

— Ну, может, все, что более важно, уже сделано.

— Что? Я слышу это от самого Аркадия Николаевича?

— Ну, знаешь ли… Я не жалуюсь только ради того, чтобы жаловаться, мисс Девятипалая. И то, как здесь все развивается, очень близко к тому, к чему я призывал, когда мы сюда летели. Настолько близко, что жаловаться попросту глупо.

— Я вынуждена признать, ты меня удивил.

— Правда? А ты вспомни, как вы здесь все вместе работали этот год?

— Пол года.

Он рассмеялся.

— Полгода. И все это время у нас не было настоящих лидеров. Те ночные собрания, где каждому давалось слово, где вся группа решала, что нужно сделать в первую очередь, — вот как все должно быть устроено. И никто не тратит время попусту на покупки-продажи, потому что здесь нет рынка. Все в равной степени принадлежит каждому. Но при этом никто не может использовать то, что у нас есть, потому что это некому продать на стороне. Это в высшей степени коммунальное

общество, демократическая группа. Один за всех и все за одного.

Надя вздохнула.

— Кое-что изменилось, Аркадий. Теперь это не так. И постоянно меняется еще сильнее. Так что долго это не продлится.

— Почему ты так говоришь?! — воскликнул он. — Это продлится, если мы сами так решим.

Она скептически на него посмотрела.

— Сам знаешь, это не так просто.

— Ну ладно. Не просто. Но это в наших силах!

— Может, и так, — она снова вздохнула, думая о Майе и Фрэнке, о Филлис, Саксе и Энн. — У нас тут целая куча разногласий.

— Это ничего, если мы договоримся придерживаться определенных основ.

Она покачала головой и почесала свой шрам пальцами другой руки. Недостающий палец зудел, и внезапно на нее накатило уныние. Над головой, по скрытым за ними звездам, угадывались длинные бамбуковые листья, походившие на палочки гигантских бацилл. Они шли по дорожке между лотками с рассадой. Аркадий взял ее изувеченную руку и вглядывался в шрам до тех пор, пока ей не сделалось от этого неуютно, она попыталась убрать руку. Но он подтянул ее

поближе и поцеловал основание безымянного пальца.

— У вас сильные руки, мисс Девятипалая.

— Были, до этого, — ответила она, сжала кулак и выставила его перед собой.

— Когда-нибудь Влад вырастит тебе новый палец, — сказал он, взял ее кулак и разжал его. Затем взял ее руку в свою, и так они двинулись дальше. — Здесь мне вспоминается дендрарий в Севастополе, — добавил он.

Мм, — произнесла Надя, не особо его слушая, сосредоточившись на тепле его руки, на их тесно сплетенных пальцах. У него тоже сильные руки. Ей пятьдесят один год. Она полная невысокая русская женщина с седыми волосами, строитель с недостающим пальцем. Ощущать тепло чужого тела было так приятно. Ей чудилось, будто это длится целую вечность, и ее кисть впитывала это чувство, словно губка, пока ее не стало покалывать, и вся рука наполнилась его теплом. Должно быть, ему такое казалось странным, и она отвела руку.

— Я рада, что ты здесь, — сказала она.

Пребывание Аркадия в Андерхилле напоминало час перед бурей. Он заставил людей поразмыслить над тем, что они делали, какие

привычки завели необдуманно, и под этим новым давлением одни стали более замкнутыми, другие — более агрессивными. Все непримиримые разногласия приобрели несколько большую напряженность. Естественно, это касалось и вопроса терраформирования.

Теперь спор об этом разгорался не от случая к случаю, он перерос в непрерывный процесс, став темой, которая то и дело поднималась во время работы, за едой и перед сном. К ней могло привести что угодно: вид белого столбика дыма над Чернобылем, прибытие роботизированных марсоходов, нагруженных водным льдом с полярной станции, облака в предзакатном небе. Увидев одно из этих или многих других явлений, кто-нибудь мог воскликнуть: «Это добавит в систему несколько единиц температуры!» или «Как этот гексафторэтан хорошо подходит для атмосферы теплиц!», после чего как правило следовало обсуждение технических сторон проблемы. Иногда тема повторно всплывала вечером в Андерхилле, переходя из технического русла в философское и иногда приводя к продолжительным и горячим спорам.

Дебаты, разумеется, не ограничивались одним только Марсом. Свои позиции по этому

вопросу высказывали также в Хьюстоне, Байконуре, Москве, Вашингтоне и управлении ООН по делам Марса в Нью-Йорке, равно как и в правительствах, редакциях газет, залах заседаний правления корпораций, университетских кампусах, барах и домах по всему миру. В спорах на Земле многие стали использовать имена колонистов как условные обозначения различных позиций, и сами колонисты, следя за земными новостями, видели, как люди говорят, что поддерживают позицию Клейборн или одобряют программу Расселла. Это напоминание об их огромной популярности на Земле, о том, что они были персонажами бесконечного драматического телесериала, всегда казалось им странным и заставляло чувствовать себя неуютно. Став участниками массы телерепортажей и интервью, последовавших за посадкой, они постарались забыть о непрерывных видеопередачах, погрузившись в повседневную действительность своих жизней. Но камеры продолжали снимать и отправлять записи домой, а многие люди на Земле стали поклонниками шоу.

Итак, почти у каждого сформировалось свое мнение. Опросы показывали, что больше всего голосов имела программа Расселла — так неофи-

циально назывался план Сакса терраформировать планету всеми доступными способами. Но меньшинство, которое поддерживало позицию невмешательства Энн, более пылко отстаивало свои убеждения и требовало немедленного применения принципа Антарктиды, а заодно и всех земных принципов охраны окружающей среды. Тем временем опросы по другим темам показывали, что люди в основном восхищались Хироко и ее фермой, тогда как другие называли себя сторонниками Богданова: Аркадий отправлял домой много видео с Фобоса, и это было хорошее видео — настоящее зрелище, демонстрирующее архитектурное и инженерное искусство. Новые гостиницы и торговые комплексы на Земле уже подражали некоторым особенностям строений Фобоса, возникло даже новое архитектурное направление — богдановизм. Также Аркадий пробуждал интерес и в представителях движений, взывающих к социальным и экономическим реформам мирового порядка.

Но центром почти всех этих дебатов было терраформирование, и разногласия колонистов по этому поводу становились достоянием самой широкой общественности. Некоторые избегали камер и отказывались давать интервью.

— Я приехал сюда как раз ради того, чтобы избавиться от всего этого, — заявил однажды Ивао, помощник Хироко, и отдельные колонисты с ним согласились.

Многие к вниманию земной публики относились безразлично, а кому-то оно даже нравилось. Еженедельная передача Филлис, к примеру, транслировалась по всему миру на двух христианских кабельных каналах, а также в аналитических программах. Становилось очевидным, что большинство людей и на Земле, и на Марсе уже считало терраформирование неизбежным. Оно было делом времени и ресурсов. И среди самих колонистов эта точка зрения широко распространилась. Лишь немногие оставались солидарны с Энн — это, разумеется, Саймон, возможно, Урсула и Саша, возможно, Хироко, в некотором роде Джон и теперь уже в некотором роде Надя. На Земле этих «противников» было больше, но они всегда придерживались своего мнения умозрительно, в порядке эстетического суждения. Сильнейшим их аргументом — его же Энн особенно часто подчеркивала в своих сводках для землян — служила вероятность существования местной жизни.

— Если на Марсе есть жизнь, — говорила Энн, —

резкое изменение климата уничтожит ее. Мы не можем вмешиваться в ситуацию до тех пор, пока факт ее существования остается неизвестным. Это ненаучно и, что еще хуже, аморально.

Многие были с этим согласны, в том числе научное сообщество, которое имело влияние над УДМ ООН, уполномоченным контролировать деятельность колонии. Но Сакс, едва услышав этот аргумент, начинал часто моргать.

— На поверхности признаков жизни нет, — мягко возражал он. — Если она и существует, то, полагаю, разве что в вулканических кратерах. И даже если она там есть, мы можем искать ее десятки тысяч лет и никогда не найти. Причем не исключая возможности, что ее нет там, где мы еще не искали. Поэтому ждать, пока мы убедимся, что там нет жизни, — в этом заключалась наиболее общепринятая точка зрения среди сторонников программы, — по сути, означает ждать вечно. Ради малой возможности, которой терраформирование на самом деле вообще не грозит.

— Разумеется, грозит, — возражала Энн. — Может, не сразу, но рано или поздно вечномерзлых районов не станет, и в гидросфере произойдет движение, а потом ее погубят более теплая вода и земные формы жизни, бактерии, вирусы,

водоросли. Это может произойти не сразу, но случится непременно. А пойти на такой риск мы не можем.

Сакс пожимал плечами.

— Во-первых, эта жизнь лишь гипотетична, и вероятность ее существования крайне мала. Во-вторых, ей ничего не будет угрожать несколько столетий. За это время мы наверняка сумеем определить ее местонахождение и сохранить.

— Но не факт, что сумеем хотя бы ее найти.

— Так что, нам все бросить ради этой маловероятной жизни и наверняка уже ее не найти?

Теперь пожимала плечами Энн.

— Нам придется, если ты, конечно, не считаешь нормальным уничтожать жизнь на других планетах, прежде чем находить ее. И не забывай, существование жизни на Марсе может стать главной новостью всех времен. Это окажет такое влияние на показатель встречаемости жизни в галактике, которое нельзя будет переоценить. Поиск жизни — одна из главных причин, по которым мы тут находимся!

— Да, — отвечал Сакс, — только при этом жизнь, которая существует вполне несомненно, вынуждена подвергаться огромной радиации. Если мы ничего не сделаем, чтобы ее понизить,

то, может, и не сумеем здесь остаться. Нам нужна более плотная атмосфера, чтобы уменьшить радиацию.

Это не было ответом на доводы Энн, но подменой одного на другое. Тем не менее этот аргумент имел очень большое влияние. На Земле миллионы людей хотели отправиться на Марс, на «новый рубеж», где жизнь снова превращалась в приключение. Списки ожидания на эмиграцию, как настоящие, так и поддельные, уже значительно превысили намеченные лимиты. Но никто не хотел жить под душем из мутагенной радиации, и практическое стремление сделать планету безопасной для людей у многих возобладало над желанием сохранить безжизненные пейзажи, которые были там сейчас, или защитить гипотетическую жизнь, которой, по заверениям многих ученых, даже не существовало.

Поэтому при всех этих призывах к осторожности казалось, что терраформированию суждено сбыться. Для изучения проблемы создали подкомитет УДМ ООН — на Земле это теперь стало в порядке вещей, естественной данностью, неизбежной частью прогресса. Перстом судьбы.

На Марсе, однако, проблема была более открытой и более насущной, она стала вопросом не

столько философии, сколько повседневной жизни, студеного ядовитого воздуха и принимаемой на себя радиации. И среди сторонников терраформирования образовалась большая группа, которая сосредоточилась вокруг Сакса, — они не просто хотели его произвести, но сделать это так быстро, как только возможно. Что их позиция означала на практике, никто толком не знал: оценки количества времени, необходимого для создания «пригодной для жизни человека поверхности», колебались от ста до десяти тысяч лет, причем были и экстремальные значения с обеих сторон — от тридцати лет (Филлис) до ста тысяч лет (Ивао). Филлис заявляла: «Господь подарил нам эту планету, чтобы мы сделали ее для нас удобной, создали новый Эдем». Саймон указывал: «Если вечномерзлые грунты оттают, мы окажемся в разрушающейся среде, и многие из нас погибнут». Споры касались широкого спектра вопросов: содержания солей, пероксидов, уровня радиации, внешнего вида земли, возможности летальных мутаций генетически модифицированных организмов и прочего.

— Мы можем попытаться создать модель, — сказал Сакс, — но, сказать по правде, мы никогда не добьемся, чтобы она получилась достаточно

качественной. Это слишком серьезно и зависит от множества факторов, многие из которых нам неизвестны. Но то, что мы узнаем, пригодится нам в управлении земным климатом, поможет избежать глобального потепления или ледникового периода в будущем. Это эксперимент, и он крупный, бессрочный, без каких-либо гарантий или достоверных сведений. Но в этом и заключается суть науки.

В ответ толпа кивала.

Аркадий, как всегда, думал о политической стороне дела.

— Мы никогда не станем самодостаточными, пока не осуществим терраформирование, — указал он. — Нам необходимо это проделать, чтобы планета стала нашей, чтобы у нас появилась материальная основа для независимости.

Толпа выражала недовольство ухмылками и продолжительными вздохами, а отдельные ее представители закатывали глаза. Но высказывания Сакса и Аркадия означали, что они в некотором роде союзники, а такой союз представлял серьезную силу. И аргументы ходили по кругу снова и снова, не зная конца.

Андерхилл теперь стал почти завершенной, функционирующей и во многом самодостаточ-

ной деревней. Теперь можно было двигаться дальше, теперь они решали, что сделать следующим. И большинство хотело терраформирования. Было предложено множество проектов для начала процесса, и у каждого были свои заступники — обычно из числа тех, кто отвечал за их разработку. Важным элементом привлекательности терраформирования было то, что каждая область науки тем или иным путем могла внести свой вклад, и поэтому процесс имел широкую поддержку. Алхимики говорили о физических и механических способах нагрева системы, климатологи спорили о воздействии на погоду, команда по созданию биосферы обсуждала возможность проверки теории экосистем. Биоинженеры уже работали нам новыми микроорганизмами: меняли, исключали, заменяли гены водорослей, метанопродуцирующих бактерий, цианобактерий, лишайников, пытаясь получить организмы, способные выжить в нынешних условиях на поверхности Марса или под ней. Однажды они пригласили Аркадия взглянуть на то, чем занимались, и Надя составила ему компанию.

— Они держали несколько натуральных образцов ГМО в емкостях, крупнейшее из которых раньше служило жилищем в парке трейлеров.

Для этого они вскрыли их, засыпали дно реголитом и запечатали. Работы внутри емкостей проводили дистанционно, наблюдая за результатами из соседнего трейлера, где снимались показания приборов и все происходящее отображалось на видеоэкранах. Аркадий внимательно изучал каждый из экранов, но разглядеть можно было немногое: их старые квартиры, заставленные пластиковыми кабинками с красной грязью, роботизированные руки, тянущиеся из своих оснований в стенах. Кое-где было видно, что из земли что-то растет, какой-то голубоватый утесник Пока это наш чемпион, — сказал Влад. — Но показатель ареофилии[43] у него пока невелик.

Они проводили селекцию по множеству предельных характеристик, включающих выносливость при холоде, засухе, ультрафиолетовой радиации, устойчивость к солям, способность обходиться без кислорода среди камней и почвы. Ни один земной организм не обладал всеми этими свойствами, кроме того, те организмы, что имелись в лабораториях, как правило, росли очень медленно. Поэтому инженеры начали программу, окрещенную Владом «комбинационным

---

[43] Примечания: 43

От слов «арео» (связанный с Марсом) и «филия» (любовь, склонность).

подбором», и недавно получили разновидность цианофита, также известного как сине-зеленая водоросль.

— Нельзя сказать, что он прямо уж зацвел, но, во всяком случае, не гибнет слишком быстро.

Они назвали его *cyanophyte primares*, но в обиходе он стал андерхильской водорослью. Они собирались провести с ним опытное испытание и приготовили заявку, которую надлежало отправить в УДМ ООН.

Аркадий вышел из трейлерного парка довольным, Надя видела это, и в тот же вечер во время ужина он объявил перед группой:

— Мы должны сами принять решение, и если оно будет положительным — приступать к действиям.

Майя и Фрэнк тут же возмутились, да и остальные в подавляющем большинстве пришли в смятение. Майя настояла на том, чтобы сменить тему, и разговор за ужином кое-как перешел в другое русло. Следующим утром Майя с Фрэнком подошли к Наде, чтобы поговорить об Аркадии. Они уже пытались вразумить его, накануне поздней ночью.

— Он смеется нам в лицо! — воскликнула Майя. — С ним просто бесполезно разговари-

вать!

— То, что он предлагает, крайне опасно, — сказал Фрэнк — Если мы открыто проигнорируем распоряжение ООН, земляне вполне могут прибыть сюда, повязать нас и отправить домой, заменив теми, кто будет чтить закон. Я имею в виду, что биологическое загрязнение этой среды на данный момент попросту незаконно и у нас нет права этим пренебрегать. Это предусмотрено международным договором. Именно так, сообща, человечество и собирается регулировать будущее этой планеты.

— Ты можешь *поговорить* с ним? — спросила Майя.

— Могу, — сказала Надя. — Но не обещаю, что это окажется сколько-нибудь полезным.

— Прошу, Надя, просто попробуй. У нас и так сейчас достаточно проблем.

— Да, попробую, конечно.

Днем она пообщалась с Аркадием. Они шли по Чернобыльскому шоссе в сторону Андерхилла. Она заговорила об этом, предположив, что им стоит проявить терпение.

— ООН сама придет к твоему мнению, это же просто вопрос времени.

Он остановился и взял ее изувеченную руку.

— Как думаешь, сколько нам еще осталось? — спросил он и указал на садящееся солнце. — Сколько еще мы должны ждать? А нашим внукам? Или правнукам? Праправнукам, которые будут слепыми, как пещерные рыбы?

— Да ладно тебе, — сказала она, высвобождая руку. — Пещерные рыбы.

Аркадий усмехнулся.

— Нет, это же серьезный вопрос. У нас не будет этой вечности, поэтому хорошо бы нам увидеть, как все здесь начнет меняться.

— И все же, почему бы не подождать хотя бы год?

— Земной год или марсианский?

— Марсианский. Подготовиться ко всем временам года, дать ООН время изменить мнение.

— Да не нужно нам готовиться, мы уже много лет как готовы.

— Ты говорил об этом с Энн?

— Нет. Ну, так… Но она не согласна.

— Многие не согласны. Я имею в виду, рано или поздно они к этому придут, но тебе еще нужно их убедить. Ты не можешь просто набрасываться на тех, у кого иное мнение, если, конечно, ты не так же плох, как те на Земле, кого ты всегда так осуждаешь.

— Ну да, ну да. — Аркадий вздохнул.

— Так что, ты не такой?

— Чертова либералка.

— Не знаю, о чем это ты.

— То и значит, что вы слишком сердобольные, чтобы хоть раз взять и сделать что-нибудь.

Они уже видели невысокий холмик Андерхилла, похожий на свежий квадратный кратер с разлитой по окрестностям лавой. Надя указала на него.

— Я сделала это. Чертов радикал… — Она хорошенько ткнула его локтем по ребрам. — Ты ненавидишь либерализм, потому что он работает.

Он фыркнул.

— Работает! Постепенно, не сразу, с помощью тяжелого труда, без фейерверков, лишнего драматизма и страдающих людей. Без твоих сексуальных революций и боли с враждой, что они приносят. Он просто *работает*.

— Ах, Надя. — Он обнял ее за плечи, и они двинулись дальше к лагерю. — Земля — это идеальный либеральный мир. Но одна ее половина страдала от голода, страдает и будет страдать. Нет слов, как либерально.

И все же Надя, похоже, его переубедила. Он пре-

кратил призывать к одностороннему решению выпустить новые ГМО на поверхность и свел свою агитацию к программе по благоустройству, много времени проводя в Квартале, где пытался создать цветные кирпичи и стекло. Надя обычно ходила с ним плавать перед завтраком, где вместе с Джоном и Майей они занимали дорожки в неглубоком бассейне, заполнявшем целый отсек, и делали бодрые заплывы на одну-две тысячи метров. Джон был лучшим на коротких дистанциях, Майя — на длинных, Надя, ограниченная в движениях из-за руки, отставала и на тех, и на других. И они плескались в пенящейся воде, будто стайка дельфинов, вглядываясь сквозь очки в небесно-голубой цемент дна бассейна.

— Баттерфляй был придуман как раз для такого g, — заметил однажды Джон, ухмыляясь тому, как они, едва не вылетая, выбирались из воды.

Завтраки после этого были особенно приятны, хоть и коротки, а остальная часть дня проходила за привычной работой, и Надя редко виделась с Аркадием до вечера, встречалась с ним лишь за ужином и после.

Вскоре Сакс, Спенсер и Риа завершили наладку автоматизированного завода ветряных нагревателей и обратились в УДМ ООН за разрешением

на распространение тысячи этих мельниц вокруг экватора, чтобы оценить их согревающий эффект. Они ожидали таким образом добавить в атмосферу примерно вдвое больше тепла, чем давал Чернобыль. Поднимались даже вопросы, как они будут различать добавленное тепло от сопутствующих сезонных изменений, но Сакс заявил, что этого нельзя узнать, пока они не попробуют.

И споры о терраформировании вспыхнули вновь. И вдруг Энн пошла на решительный шаг, записав длинные сообщения и отправив их членам исполнительного комитета УДМ ООН, в комитеты по делам Марса всех государств и, наконец, в Генеральную Ассамблею ООН. Эти выступления получили широкое внимание среди законодателей всех уровней.

В прессе и на телевидении сообщения были поданы как свежая серия красной мыльной оперы. Энн записала и отправила их втайне от всех, поэтому колонисты узнали о них лишь по выдержкам, переданным земным телевидением. Последовавшей в первые же дни реакцией стали обсуждения в правительстве, митинг в Вашингтоне, собравший двадцать тысяч человек, бесконечное число публикаций, комментарии научных кругов. Сила этой реакции потрясала, и

некоторые колонисты расценили поступок Энн как удар в спину. Филлис пришла в ярость.

— Помимо всего прочего это нелепо, — сказал Сакс, быстро моргая. — Чернобыль уже выпускает в атмосферу почти столько же тепла, сколько мельницы, но на это она никогда не жаловалась.

— Жаловалась, — возразила Надя. — Только ее никто не поддержал.

В УДМ ООН проходили слушания, и в это время группа материаловедов схлестнулась с Энн за ужином. Многие стали тому свидетелями: главная столовая Андерхилла состояла из четырех отсеков, стены между которыми были удалены и заменены несущими колоннами. Получилось большое помещение, заставленное стульями, растениями в горшках и клетками с потомками птиц с «Ареса». С недавних пор оно освещалось окнами, расположенными высоко в северной стене, в которых были видны растения, выращиваемые в атриуме. В этом большом пространстве сейчас находилось не менее половины колонистов.

— Почему ты не обсудила это с нами? — спросил ее Спенсер.

Свирепый взгляд Энн заставил его отвернуться.

А почему я должна с вами это обсуждать? — от-

ветила она, переводя взгляд на Сакса. — И так ясно, что вы обо всем этом думаете, мы это проходили уже много раз, и ничего из того, что я вам говорила, для вас не имеет значения. Вы сидите в норках за своими экспериментами, как дети с химическим набором в подвале, тогда как за вашими дверьми все это время находится целый мир. Мир, где элементы ландшафта в сотни раз больше своих аналогов на Земле, где они в тысячи раз старше, где повсюду разбросаны свидетельства времен зарождения Солнечной системы, как и свидетельства истории планеты, которые почти не изменились за последний миллиард лет. А вы хотите все это погубить. Даже не признав по-честному того, что вы творите. Потому что мы могли бы жить на этой планете, не изменяя ее, — жить, причиняя лишь небольшой вред себе и даже испытывая лишь мелкие затруднения. Вся эта болтовня о радиации — это чушь собачья, и вы сами это знаете. Она попросту не достигает такого высокого уровня, чтобы оправдать это широкое изменение среды. Вы хотите это сделать лишь потому, что можете. Вы хотите попробовать и посмотреть — будто это какая-то огромная песочница, в которой можно строить замки. Как будто Марс — это большой сосуд! Вы находите

оправдания везде, где только можно, но это просто недобросовестно, а не научно…

За время этой тирады ее лицо раскраснелось — Надя еще никогда не видела ее такой рассерженной, как сейчас. Привычное сухое выражение лица, скрывавшее ее мучительную озлобленность, теперь исчезло, и она едва была способна говорить в своем гневе, ее трясло. Вся комната погрузилась в мертвенное молчание.

— Не научно, вот как! Просто детские игры. И ради этих игр вы готовы погубить историю, уничтожить полярные шапки, затопить каналы и каньоны, разрушить прекрасный, чистый ландшафт. И все это просто так, шутки ради!

В комнате стало тихо, собравшиеся представляли собой живую картину, они словно превратились в каменные статуи. Слышался лишь гул вентиляторов. Затем они начали осторожно переглядываться. Саймон сделал шаг к Энн, вытянув вперед руку, но она остановила его взглядом: с тем же эффектом он мог выйти из спальни в нижнем белье — так же застыл бы намертво. Покраснев, он все же сменил позу и сел на свое место.

Сакс Расселл поднялся на ноги. Он выглядел так, как всегда, или, может быть, слегка более

взволнованным, но казался безобидным. По-совиному моргая, он заговорил спокойным сухим голосом, будто читал лекцию из учебника по термодинамике или перечислял элементы периодической таблицы.

— Красота Марса существует лишь в людском разуме, — начал он своим сухим, констатирующим факты тоном, и все зачарованно уставились на него. — Без присутствия человека это просто скопление атомов, ничем не отличающихся от других частиц материи во вселенной. Только мы ее понимаем, только мы придаем ей значение. Всю свою историю мы смотрели на ночное небо и наблюдали, как Марс блуждает среди звезд. Все эти ночи, что мы наблюдали за ним в телескопы, вглядываясь в крошечный диск, пытаясь увидеть каналы в изменениях альбедо, вся эта дурацкая научная фантастика с ее чудовищами, девицами и вымирающими цивилизациями, все эти ученые, которые изучали его, которые забросили нас сюда, — вот что делает Марс красивым. Но не базальт и не оксиды.

Он сделал паузу и обвел всех взглядом. Надя сглотнула; чрезвычайно странно было слышать эти слова из уст Сакса Расселла, произносимые тем же сухим тоном, какой было привычнее слы-

шать, когда он анализировал графики. Слишком странно! — И вот мы здесь, — продолжил он. — И нам мало прятаться под десятиметровым слоем земли и изучать камни. Это наука, да, причем необходимая наука. Но наука — это и нечто большее. Наука — это часть более крупного человеческого предприятия, которое заключается в том, чтобы отправиться к звездам, приспособиться к другим планетам, приспособить их под себя. Наука — это созидание. Отсутствие жизни здесь, отсутствие каких-либо контактов при работе программы поиска внеземных цивилизаций за пятьдесят лет говорят о том, что жизнь — это редкость, а разумная жизнь — еще бóльшая редкость. И все же вся суть вселенной, вся ее красота содержится в сознании разумных существ. Мы — это сознание вселенной, и наша задача — распространять его, смотреть на мир и жить везде, где это возможно. Слишком опасно держать сознание вселенной лишь на одной планете — там оно может быть уничтожено. А теперь мы на двух планетах — или на трех, если считать Луну. И можем изменить Марс, чтобы сделать его более безопасным для жизни. Изменения его не уничтожат. Прочтение его прошлого может быть затруднено, но красота не уйдет.

Если здесь появятся озера, леса или ледники, разве это убавит его красоту? Я думаю, нет. Я думаю, он станет только прекраснее. Это добавит жизнь, самую красивую систему из всех возможных. Но жизнь никак не сумеет ни сровнять с землей Фарсиду, ни заполнить долины Маринер. Марс навсегда останется Марсом, отличным от Земли, более холодным и диким. Но он может быть Марсом и в то же время нашей планетой. И он ею станет. Рассуждаю вполне по-человечески: если это может быть сделано, это будет сделано. Мы можем изменить Марс, построив его так же, как мы построили бы кафедральный собор, — построив как памятник человечеству и вселенной. Мы можем это сделать, значит, мы это сделаем. Значит… — он поднял ладонь, будто удовлетворенный анализом данных на графике, будто проверивший периодическую таблицу и убедившийся, что она по-прежнему верна, — мы можем начинать.

Он посмотрел на Энн, и все взгляды, последовав его примеру, сошлись на ней. Ее губы были сомкнуты, плечи опущены. Она понимала, что потерпела поражение.

Она пожала плечами, будто стараясь сбросить на спину капюшон, будто все ее тело покрывал

тяжелый панцирь, тяготивший ее. И ровным неживым голосом — обычным для нее, когда она была расстроена, — произнесла:

— Мне кажется, ты слишком высоко ценишь сознание. А камни, наоборот, слишком низко. Мы не властелины вселенной. Мы лишь малая ее часть. Может, мы и есть ее сознание, но даже это не значит, что мы должны превращать все подряд в зеркальное отражение самих себя. Это, скорее, означает, что мы должны подстроиться под нее, такую, какая она есть, и чтить ее своей заботой.

Она встретила спокойный взгляд Сакса и выбросила в него последний остаток гнева:

— Ты никогда в жизни не видел Марса.

И она вышла из комнаты.

Джанет была там в своих видеоочках и записала этот обмен репликами. Филлис отправила копию на Землю. Неделю спустя комитет УДМ ООН по изменению окружающей среды одобрил распространение ветряных мельниц.

Их собирались сбросить с дирижаблей. Аркадий тут же потребовал, чтобы ему в качестве вознаграждения за работу на Фобосе предоставили право их пилотировать. Майя и Фрэнк не были

против того, чтобы он не появлялся в Андерхилле месяц-другой, и мгновенно включили его в экипаж одного из судов. Он должен был двигаться под действием преобладающих ветров на восток, опускаясь, чтобы устанавливать мельницы на дно каналов и внешние края кратеров, где ветра особенно сильны. Надя впервые услышала об экспедиции, когда Аркадий, пробежав к ней через несколько комнат, сообщил об этом.

— Звучит неплохо, — отозвалась она.

— Хочешь полететь? — спросил он.

Да, разумеется, — она согласилась. Ее фантомный палец зудел.

≈ * ≈

Дирижабль, на котором они полетели, был самым большим из всех когда-либо построенных. Его сконструировала в Германии компания «Фридрихсхафен Нох Айнмаль» в 2029 году, и прибыл он совсем недавно. Назывался он «Стрела», и размах его крыльев составлял сто двадцать метров, в длину он достигал ста метров, а в высоту — сорока. Внутренний шпангоут сделан из ультралита, а на конце каждого крыла и под гондолой — турбовинты, которые работали на небольших пластиковых двигателях, питающихся от солнечных батарей, расположенных на верхней стороне корпуса. Гондола, имевшая форму карандаша, тянулась вдоль почти всей нижней поверхности, но внутри нее места было меньше, чем ожидала Надя, так как бóльшая ее часть была заполнена их грузом — ветряными мельницами. Во время отбытия свободное пространство было не больше, чем в кабине пилота: две узкие кровати, крохотная кухня, еще меньший туалет и узкий проход между ними. Было весьма тесно, но, к счастью, в обеих стенах гондолы имелись окна и, несмотря на то что некоторые из них были

закрыты мельницами, они получали достаточно света и неплохой обзор.

Взлетали они медленно. Аркадий, переключив рычаг, отпустил канаты, тянувшиеся от трех причальных мачт. Турбовинты разогнались, насколько могли, но они работали при атмосферном давлении всего лишь в двенадцать миллибар. Кабина подскакивала вверх-вниз, словно в замедленной съемке, изгибаясь вместе с внутренним шпангоутом, и с каждым отскоком вверх отрывалась чуть выше от земли. Тем, кто привык к запускам ракет, это показалось бы комичным.

— Давай возьмем курс на три шестьдесят и увидим Андерхилл, прежде чем двинемся дальше, — проговорил Аркадий, когда они поднялись на пятидесятиметровую высоту. Он наклонил корабль, и они, судя по виду из надиного окна, медленно выполнили широкий поворот. Дорожки, ямы, кучи реголита — все выделялось темно-красным на фоне пыльной оранжевой поверхности. Казалось, будто дракон время от времени протягивал сюда свою огромную когтистую лапу и пускал кровь. Андерхилл был расположен в самом центре холмистого участка, что само по себе создавало прекрасный вид: квадратный темно-красный камень в блестящем

украшении из стекла и серебра, с зеленым вкраплением, едва видневшимся под куполом. От него тянулись дороги на восток к Чернобылю и на север к космодрому. А еще там были длинные крытые теплицы, парк трейлеров…

— Алхимический квартал до сих пор напоминает Урал, — заметил Аркадий. — С этим правда нужно что-то делать. — Он выбрал курс и с попутным ветром повел дирижабль на восток. — Пролетим над Чернобылем? Тогда поймаем восходящий поток.

— Почему бы нам не посмотреть, на что эта штуковина способна без посторонней помощи? — предложила Надя.

Она чувствовала себя легко, будто в ней, как и в баллонете[44], было полно водорода. Вид им предстал величественный: туманный горизонт в сотне километров впереди, ясно различимые очертания земли — изящные взгорья и долины плато Луна, более рельефные холмы и каньоны на испещренном каналами востоке.

— О, это будет чудесно!

— Да.

Удивительно, что до этого они не делали ниче-

---

[44] Примечания: 44

Герметизированный отсек дирижабля, расположенный между газовой и внешней оболочкой дирижабля.

го подобного. Но из-за тонкой атмосферы полеты над Марсом — непростое занятие. Впрочем, они находились в лучших условиях: дирижабль был большим и, насколько это возможно, легким, заполненным водородом, который в марсианской атмосфере был не только невоспламеняем, но и даже более легок относительно окружающих газов, чем на Земле. Водород вместе с новейшими суперлегкими материалами позволил им подняться в воздух с таким грузом, как их мельницы, хоть они и двигались со смехотворной медлительностью.

И они плыли по течению. За весь день они, подгоняемые юго-восточным ветром, пересекли волнистое плато Луна. Час или два наблюдали на южном горизонте каньон Ювента — глубокое ущелье, похожее на гигантский рудник. Дальше на востоке земля была желтоватой, на поверхности лежало меньше камней, а основные породы казались более беспорядочными. Также там было больше кратеров, больших и малых, свежих и почти засыпанных. Это была Земля Ксанфа, высокогорный регион, топографически схожий с южным нагорьем между низкими равнинами Исиды и Хриса. При неизменном западном ветре они должны были миновать ее за несколько

дней.

В час они едва ли проходили хотя бы десять километров. Бóльшую часть времени летели примерно на стометровой высоте, видя горизонт на расстоянии пятидесяти километров. У них было время внимательно изучать любой заинтересовавший их объект, хотя Земля Ксанфа представляла собой не более чем размеренную последовательность кратеров.

Позже в тот день Надя наклонила нос дирижабля и развернула судно против ветра, опустившись до высоты в десять метров, а затем выпустила якорь. Корабль приподнялся, дернулся на тросе и, наконец, встал по ветру от якоря, рванувшись, как огромный бумажный змей. Надя и Аркадий, пройдя по всей длине гондолы, перебрались в место, которое Аркадий называл бомбовым отсеком. Надя прикрепила мельницу к подъемному крюку бомбоотсека. Та представляла собой небольшой магниевый ящик с четырьмя вертикальными лопастями, выступающими из стержня в верхней его части. Весила она около пяти килограммов. Они закрыли створки отсека, высосали воздух и открыли днище. Аркадий управился с подъемником, наблюдая в нижнее окно за тем, что происходит. Мельница вертикально упала и

ударилась о твердый песок на южном склоне небольшого безымянного кратера. Он отцепил крюк, втянул его обратно и закрыл створку.

Они вернулись в кабину и посмотрели вниз на то, как работала мельница. Ее ящичек стоял на склоне слегка неровно, но четыре вертикальных лезвия вращались вполне задорно. Он походил на анемометр из детского метеонабора. На одной из сторон корпуса находился нагревательный элемент в виде металлической катушки, которая нагревалась, как кухонная плита. При хорошем ветре она могла нагреваться до двухсот градусов по Цельсию, что было вполне неплохо, особенно в такой среде. И все же…

— Понадобится много таких штук, чтобы хоть чего-нибудь добиться, — заметила Надя.

— Конечно, но тут и небольшая помощь — уже что-то. Ведь это своего рода свободное тепло. Ветер питает нагреватели, а солнце дает энергию фабрикам, которые производят эти мельницы. Как по мне, идея хороша.

В тот день они останавливались еще раз, чтобы опустить еще одну мельницу, после чего встали на якорь на ночь, укрывшись в новом твердом кратере. Они приготовили ужин в микроволновой печи в своей крошечной кухне, а потом

улеглись в своих узких койках. Было странно качаться на ветру, словно в лодке на причале — отплывая туда и обратно, снова и снова. Но если привыкнуть, это оказывало расслабляющее действие, и вскоре Надя уснула.

На следующее утро они проснулись до рассвета, отдали концы и, запустив двигатель, взмыли к солнцу. Со стометровой высоты был виден тенистый ландшафт, который становился бронзовым, когда граница света и тени перемещалась, разливая чистый дневной свет, озаряющий фантастическое смешение ярких камней и длинных теней. Утренний ветер дул справа налево относительно носа дирижабля и подталкивал их к равнине Хриса, а судно жужжало винтами, двигаясь на полной мощности. Затем земля под ними исчезла, и они очутились над первым из бывших каналов, которые им предстояло пройти, — над извилистой безымянной долиной к западу от долины Шалбатана. Небольшое S-образное арройо, несомненно, было высечено водой. Позже в тот день они пролетали над более глубокой и широкой Шалбатана, где выделялись еще более явные признаки: каплеобразные острова, извилистые каналы, аллювиальные равнины, размытые долины. Повсюду присутствовали следы силь-

нейшего наводнения, при котором образовался каньон такой величины, что «Стрела» вдруг стала казаться маленькой бабочкой.

Эти каньоны и высокие участки между ними напомнили Наде пейзажи из американских фильмов о ковбоях — размывы, плоскогорья, одинокие скалы, как в Долине монументов[45]. Только здесь все это тянулось четыре дня — столько они летели над рядом безымянных каналов, над Шалбатана, Симудом, Тиу и, наконец, над Аресом. Все они возникли в результате гигантского наводнения, которое затопило поверхность, длилось несколько месяцев и было в десятки тысяч раз крупнее наводнения на Миссисипи. Надя рассказала об этом Аркадию, когда они смотрели вниз на каньоны, но все равно было трудно постичь все их величие. Теперь по ним, огромным и пустым, блуждал лишь ветер. Дело спорилось, и Аркадий с Надей по несколько раз в день опускались, чтобы сбросить мельницу.

Затем, взяв на восток от долины Ареса, они снова полетели над густо усеянной кратерами Землей Ксанфа. Снова повсюду были кратеры — большие, мелкие, старые, новые; кратеры, чьи

[45] Примечания: 45

Знаменитый природный памятник на северо-востоке штата Аризона, США.

края были испещрены более новыми кратерами; такие свежие, будто появились буквально накануне; кратеры, которые едва были видны, особенно на рассвете или в сумерках, напоминая засыпанные изгибы старого плато. Они проплыли над Скиапарелли — старым гигантским кратером диаметром в сто километров. Когда они находились над его серединой, его стены со всех сторон составили им горизонт — как идеальное кольцо холмов вокруг края света.

Следующие несколько дней ветры дули с юга. Они мимолетом увидели Кассини, еще один старый большой кратер, и миновали сотни малых. Они выбрасывали по несколько мельниц в день, но более сильное чувство масштаба планеты им давал сам полет, и весь проект стал казаться им шуткой, будто они летели над Антарктидой и пытались растопить лед, устанавливая походные печи.

— Нужно сбросить миллионы этих мельниц, чтобы что-то изменилось, — сказала Надя, когда они поднялись после очередной остановки.

— И то правда, — согласился Аркадий. — Но Сакс и хочет сбросить миллионы. У него готова конвейерная линия, чтобы их собирать. Единственная проблема — их установка. К тому же

это только часть большой кампании, которую он задумал. — Он махнул рукой на крайнюю дугу Кассини, охватив тем самым весь северо-запад. — Сакс хочет наделать еще таких дыр, как эта. Поймать мелкие ледяные спутники Сатурна или астероиды, если удастся, затем притянуть их и разбить о поверхность Марса. Создать горячие кратеры, растопить вечномерзлый грунт — это будет похоже на оазисы.

— Но разве это будут не сухие оазисы? Так бóльшая часть льда испарится сразу, а остальное — уже после контакта.

— Конечно, но тогда в воздухе появится больше водяного пара.

— Только он не просто испарится, а распадется на атомы.

— Отчасти да. Но водород и кислород можно использовать и по отдельности.

— Так ты думаешь, нужно добывать водород и кислород с Сатурна? Да ладно тебе, здесь и так полно и того и другого! Достаточно взять лишь немного местного льда.

— Ну, это только одна из идей.

— Жду не дождусь услышать, что на это скажет Энн, — она вздохнула. — Что стоит сделать, так это, думаю, скользнуть ледяным астероидом по

атмосфере, как если бы мы пытались совершить его аэродинамическое торможение. Это подожгло бы его, не заставляя распадаться на молекулы. Тогда в атмосфере появится водяной пар — а это уже польза, — и при этом не придется бомбардировать поверхность, устраивая взрывы, которые по силе будут равны сотне водородных бомб, взорвавшихся одновременно.

Аркадий кивнул.

— Хорошая идея. Тебе стоит рассказать это Саксу.

— Сам расскажи.

К востоку от Кассини земля стала такой неровной, какой они еще нигде не видели. В этом месте поверхность планеты была одной из старейших, вдоль и поперек усеянная кратерами еще в ранние годы почти непрерывных бомбардировок. Она образовалась в нойскую эру, что было заметно по ее состоянию. Ничья земля в титанической позиционной войне, ее вид вызывал нечто вроде оцепенения — космологическую психическую травму.

Они летели дальше — на восток, северо-восток, юго-восток, юг, северо-восток, запад, восток, восток. Затем, наконец, достигли оконечности Земли Ксанфа и начали спускаться над длин-

ным склоном Большого Сирта. Это была лавовая равнина, и кратеры на ней встречались гораздо реже, чем на Земле Ксанфа. Она шла под уклон, опускаясь все ниже, пока, наконец, не доходила до чаши с гладким дном — равнины Исиды, одной из самых низких точек на Марсе. Это отличительная черта северного полушария: после южных гор данный регион казался особенно ровным, плоским и низким. И тоже очень большим. Простора на Марсе по-настоящему много.

Однажды утром, когда они поднялись на высоту, чтобы отправиться дальше, на восточном горизонте возникли три вершины. Они подобрались к Элизию, единственному, кроме Фарсиды, «выпуклому материку» на планете. Он был куда менее выпуклым, чем Фарсида, но все равно заметно выдавался — высокогорный континент в тысячу километров длиной и на десять километров выше окружающей его местности. Как и Фарсида, он был окружен клочками потрескавшейся земли, системами трещин, образовавшихся при его вздымании. Они пролетели над самой западной из этих систем, бороздой Гефеста, наблюдая неземной вид этого района — пять длинных глубоких каньонов, расположенных параллельно, словно следы от когтей, запечатленные в горной

породе. Элизий вырисовывался впереди, будто седловидная возвышенность, — гора Элизий и купол Гекаты по краям выступали на пять тысяч километров над окружающим районом. Зрелище было поразительное. Элизий во всех отношениях гораздо крупнее чего-либо, что Надя и Аркадий видели прежде, и, пока их дирижабль летел навстречу цели, они на несколько минут лишились дара речи. Они сидели в своих креслах, глядя, как все это медленно приближается к ним. Когда же они заговорили, это были просто мысли вслух:

— Похоже на Каракорум, — сказал Аркадий. — Пустынные Гималаи. Только эти такие… естественные. А вулканы похожи на Фудзияму. Может, когда-нибудь на них будут восходить паломники.

— Они такие огромные, — проговорила Надя, — что трудно и представить, какие же тогда вулканы на Фарсиде. Они же вроде бы должны быть вдвое выше этих?

— Как минимум. Похоже на Фудзияму, как думаешь?

— Нет, она гораздо более покатая. Ты вообще ее когда-нибудь видел? Нет.

Через какое-то время Аркадий предложил:

— Ладно, давай попробуем обойти эту грома-

дину. Я не уверен, что мы сумеем подняться на такую высоту.

И они повернули судно, двинувшись на юг на полной мощности. Ветер, естественно, помогал им, пока они огибали материк. Так «Стрела» полетела на юго-восток в изрезанную горную местность под названием Цербер, и весь следующий день они могли отмечать пройденное расстояние, глядя на Элизий, медленно смещавшийся налево от них. Проходили часы, и массив переместился в их боковые окна, а медлительность, с которой он смещался, лишь показывала, насколько огромной была планета. «Поверхность Марса столь же велика, что и поверхность Земли», — все это знали, но казалось, это были лишь пустые слова. Мурашки на коже, которые вызывал у них вид Элизия, подтверждали то, что они чувствовали теперь.

Проходили дни. Вверх по студеному утреннему воздуху, вперед над неровной красной землей, вниз на закате, чтобы потом болтаться на якоре. Однажды вечером, когда запасы мельниц истощились, они переставили оставшиеся, чтобы сдвинуть кровати вместе под окнами правого борта. Они сделали это без каких-либо обсуждений как само собой разумеющееся, как нечто

необходимое при увеличении свободного места, словно договорились об этом заранее. И, двигая вещи по тесной гондоле, они натыкались друг на друга так же, как на протяжении всего путешествия, но теперь намеренно, с чувственным трением, обостряя то, о чем они помышляли все это время, и эти случайные столкновения перерастали в предварительные ласки. Наконец Аркадий разразился смехом и заключил ее в свои медвежьи объятия, а Надя толкнула его на их новую сдвоенную кровать. Они целовались, как подростки, и занимались любовью всю ночь. С тех пор они спали вместе, часто предаваясь чувствам в алом рассветном зареве и черными звездными ночами, слегка покачивая корабль на причале. И лежали рядом, болтая, а когда они обнимались, ощущение полета было более осязаемым и романтичным, чем на любой тренировке, на любом корабле.

— Сначала мы стали друзьями, — сказал однажды Аркадий, — и это все меняет, правда? — Он ткнул в нее пальцем. — Я люблю тебя.

Он словно пробовал слова на вкус. Надя поняла, что он произносил их нечасто, что они многое для него значили, были чем-то вроде обязательства. Для него были так важны его идеи!

— Я тоже люблю тебя, — ответила она.

Теперь Аркадий по утрам ходил по узкой гондоле голым, его рыжие волосы отдавали бронзой, как и все остальное в горизонтальном утреннем свете, и Надя следила за ним с кровати, чувствуя такое умиротворение и счастье, что ей приходилось напоминать себе, что это ощущение легкости, скорее всего, возникает из-за марсианского *g*. Но она все равно была довольна.

Однажды ночью, когда они засыпали, Надя спросила:

— Почему я?

— А? — Он уже почти уснул.

— Почему я, спрашиваю. В смысле, Аркадий Николаевич, ты мог полюбить любую из женщин в лагере, а она полюбила бы тебя. Ты мог бы получить Майю, если бы захотел.

Он фыркнул.

— Я мог бы получить Майю! Вот это да! Мог бы добиться самой Майи Катарины! Прямо как Фрэнк и Джон! — Он снова фыркнул, и они оба рассмеялись. — Как я мог упустить такой шанс! Вот дурак! — Он хихикал до тех пор, пока она его не стукнула.

— Ладно, ладно. Есть и другие, тоже красивые, Джанет, Урсула или Саманта.

— Да ну тебя, — сказал он и приподнялся на локте, чтобы посмотреть на нее. — Нет правда не знаешь, в чем на самом деле заключается красота?

— Разумеется, знаю, — упрямо ответила Надя.

Аркадий, словно не слыша ее, объяснил:

— Красота — это власть и изящество, верное действие, облегающая тело функция, разум, обоснованность. И очень часто, — он усмехнулся и нажал ей на пупок, — она выражается в форме кривых.

— Кривые у меня есть, — сказала Надя, убирая его руку.

Он наклонился вперед и попытался укусить ее за грудь, но она увернулась.

— Красота — это ты, Надежда Франсин. По этим показателям ты — королева Марса.

— Принцесса Марса, — обдумав, поправила она.

— Да, верно. Надежда Франсин Чернышевская, девятипалая принцесса Марса.

— Ты не из обычных мужчин.

— Нет! — прикрикнул он. — Я никогда и не утверждал обратного! Только до отборочного комитета, конечно. Обычный мужчина! Ха-ха-ха-ха-ха! Обычные мужчины добиваются Майи. Это

их награда. — И он рассмеялся, как безумец.

Однажды утром они перемахнули через последние изрезанные холмы Цербера и оказались над плоской пыльной равниной Амазония. Аркадий опустил дирижабль, чтобы установить мельницу в промежутке между двумя последними холмиками старого Цербера. Когда она была на полпути к земле, что-то случилось с защелкой на крюке, и она внезапно раскрылась и упала прямо на основание. С корабля казалось, что она исправна, но, когда Надя оделась и спустилась на тросе, чтобы проверить, выяснилось, что пластина нагревателя полностью отвалилась.

И под пластиной что-то было. Тускло-зеленое *нечто* с синим оттенком, темное, находившееся внутри корпуса. Она ткнула туда отверткой.

— Черт! — сказала она.

— Что? — спросил Аркадий сверху.

Она, не обращая на него внимания, соскребла немного вещества в сумку, в которой держала отвертки и гайки, и вернулась к тросу.

— Подними меня, — приказала она.

— Что случилось? — спросил Аркадий.

— Просто подними, и все.

Он закрыл за ней днище бомбоотсека и встретил, когда она стала открепляться от троса.

— В чем дело?

Она сняла гермошлем.

— Сам знаешь в чем, мерзавец!

Она ударила его, заставив отлететь, влепившись в стену из мельниц.

— Ай! — крикнул он, уколовшись спиной о лопасть. — Эй, что случилось? Надя!

Она достала сумку из кармана своего прогулочника и потрясла ею перед ним.

— Вот что случилось! Как ты мог, а? Как ты мог мне лгать? Ты, мерзавец, ты хоть представляешь, в какую беду нас втянул? Они прилетят сюда и вернут всех обратно на Землю!

Округлив глаза, Аркадий потер челюсть.

— Я бы не стал тебе лгать, Надя, — искренне произнес он. — Я вообще не лгу своим друзьям. Дай мне посмотреть.

Она пристально на него посмотрела, и он ответил на ее взгляд, протянул руку к сумке, радужки его глаз полностью были окружены белками. Он пожал плечами, и она насупилась.

— Ты правда не знаешь? — спросила она.

— Не знаю *чего*?

Она не могла поверить, что он мог притворяться — это было попросту не в его стиле. Похоже, дело принимало странный оборот.

— По крайней мере в некоторых из наших мельниц спрятаны маленькие фермы, выращивающие водоросли.

— *Что*?

— В треклятых мельницах, которые мы всюду посбрасывали, — сказала она. — Они напичкали их новыми водорослями или лишайником, или черт знает чем еще, что создал Влад. Смотри.

Она положила сумку на кухонный стол, открыла ее и с помощью отвертки поддела кусочек. Маленькие бугристые комья синеватого лишайника. Будто марсианская форма жизни из бульварного фантастического романа.

Они внимательно рассмотрели находку.

— Да чтоб меня, — проговорил Аркадий. Он наклонился так близко, что его глаза оказались в сантиметре от того, что лежало на столе.

— Клянешься, что не знал? — настойчиво спросила Надя.

— Клянусь. Я бы не поступил так с тобой, Надя. Сама знаешь.

Она глубоко вздохнула.

— Ну… зато наши друзья поступили, судя по всему.

Он выпрямился и кивнул.

— Это точно. — Он был сбит с толку и напря-

женно думал. Подошел к одной из стопок, где лежали мельницы, взял одну. — Где оно было?

— За нагревательной пластиной.

Они взяли надины инструменты и вскрыли мельницу. За пластиной оказалась еще одна колония андерхильской водоросли. Осмотрев края пластины, Надя нашла пару маленьких петель в том месте, где ее верхняя часть соприкасалась со стенкой контейнера.

— Смотри, это сделано так, чтобы они открывались.

— Но кто должен их открывать? — спросил Аркадий;

— Радио?

— Да будь я проклят. — Аркадий встал, прошелся вперед-назад по узкому коридору. — То есть…

— Сколько дирижаблей уже запущено? Десять? И каждый из них сбрасывал эти штуки?

Аркадий начал смеяться. Он запрокинул голову назад, и его огромная безумная усмешка разделила рыжую бороду на две части. Он продолжал смеяться до тех пор, пока ему не пришлось схватиться за бока.

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Надя, которая ничуть не считала это смешным, тоже, глядя на Аркадия, почувствовала, как на ее

лице появляется улыбка.

— Это не смешно! — возразила она. — У нас большие неприятности.

— Может быть, — сказал он.

— Не может, а точно! И это все твоя вина! Кто-то из этих безмозглых биологов в трейлерном парке воспринял твои анархические проповеди слишком серьезно!

— Ну, — сказал он, — по крайней мере, это очко в пользу этих негодяев. То есть... — Он вернулся к кухонному столу, чтобы снова посмотреть на синеватое вещество. — О ком именно, как ты думаешь, мы сейчас говорим? Сколько наших друзей в этом замешано? И почему они ничего не сказали *мне*?

Это всерьез его задело, она видела по его реакции. Но чем больше он об этом думал, тем менее удивительным ему представлялось то, что в их колонии существовала группа, которая действовала за спиной УДМ ООН, *но не подпускала к своим делам Аркадия*, несмотря на то, что он был первым и самым голосистым сторонником подобных подрывных действий. Что это означало? Что они были на его стороне, но не доверяли ему? Или у этих раскольников имелась альтернативная программа?

Они никак не могли сказать этого наверняка. И в конце концов, подняв якорь, двинулись над Амазонией. Миновали среднего размера кратер под названием Петтит, и Аркадий отметил, что это было бы хорошее место, чтобы установить мельницу, но Надя лишь ощерилась. Они пролетели мимо, обсуждая свое положение. Несколько человек в биоинженерных лабораториях определенно должны быть в курсе, вероятно, даже большинство; а может, и все. И конечно, Сакс, разработчик мельниц, не мог в этом не поучаствовать. А Хироко поддерживала идею размещения мельниц, но никто не знал ее мотивов — невозможно было судить, одобрила бы она нечто подобное или нет, потому что она всегда тщательно скрывала свое мнение. Но, возможно, Хироко обо всем знала.

За этими рассуждениями они полностью разобрали сломанную мельницу на части. Нагревательная пластина также служила заслонкой отделения, где находились водоросли; когда заслонка открывалась, они выходили наружу, где было немного теплее благодаря нагретой пластине. Каждая мельница функционировала как микрооазис, и если бы водорослям удалось выжить с их помощью и разрастись за пределы

небольшой зоны, обогретой пластиной, то и хорошо. Если же нет — им все равно было трудно прижиться на Марсе. Нагревательная пластина должна быть послужить для них хорошей отправной точкой, ничем более. По крайней мере, так задумали авторы идеи.

— Мы с тобой как Джонни Эпплсид, — сказал Аркадий.

— Джонни кто?

— Американский фольклорный герой. — Он рассказал ей его историю[46].

— Ну да, верно. Только теперь Пол Баньян[47] придет и надерет нам задницы.

— Ха, да никогда! Большой человек намного больше Пола Баньяна, уж поверь.

— Большой человек?

— Ну, помнишь, эти названия особенностей ландшафта. Следы Большого человека, Ванна Большого человека, Поле для гольфа Большого человека, да что угодно.

— А, ну да.

---

[46] Примечания: 46

Джонни Эпплсид (Джонни Яблочное Семечко, 1774–1845) — миссионер, посвятивший жизнь распространению христианства и высаживанию первых в США яблонь.

[47] Примечания: 47

Пол Баньян — гигантский дровосек, американский фольклорный персонаж.

— В общем, не думаю, что у нас будут неприятности. Мы же об этом не знали.

— А кто теперь нам поверит?

— …Хороший вопрос. Те *ублюдки*, которые меня этим серьезно обидели.

Аркадия в первую очередь беспокоило именно это. Не то, что они заразили Марс чужеродной биотой, а то, что его не посвятили в тайну. Мужчины в подобных случаях такие самовлюбленные! Аркадия же окружала группа друзей — и, пожалуй, не просто друзей, — это были люди, которые сходились с ним во мнениях, которые в некотором смысле были его последователями. Вся команда с Фобоса, многие из инженеров-программистов в Андерхилле. И если кто-то из его людей что-то от него скрывал, это уже было плохо; если же другая группа имела какие-то планы втайне от его группы — еще хуже, потому что группа Аркадия, очевидно, была по меньшей мере помехой, а то и нежелательным конкурентом.

Или ему так казалось. Он мало чем поделился с ней на сей счет, но это было очевидно по его бормотаниям, а также по неожиданно бросаемым проклятиям, которые были неподдельными даже несмотря на то, что перемежались со вспышками веселья. Похоже, он не мог решить, радоваться

ему или злиться, и Надя, наконец, посчитала, что он находился в обоих состояниях одновременно. Таков Аркадий: он воспринимал все широко и в полной мере, а логичность мало его заботила. Но она не думала, что в этот раз ей по нраву его соображения, как и его гнев и веселье, о чем она и сообщила ему несколько раздраженным тоном.

— Да ладно тебе! — воскликнул он. — Зачем было держать это втайне от меня, если это изначально моя идея?

— Потому что они знали, что я могла полететь с тобой. Если бы они сказали тебе, ты сказал бы мне. А если бы ты сказал мне, я бы этого не допустила!

Аркадий нервно рассмеялся в ответ.

— Значит, это все-таки было довольно рассудительно с их стороны.

— Да чтоб тебя!

Биоинженеры, Сакс и работники Квартала, которые были заняты в сборе этих штук. Возможно, кто-то из связистов… Многие не могли об этом знать.

— А что насчет Хироко? — спросил Аркадий.

Они не могли прийти к единому мнению. Им было слишком мало известно о ее взглядах, чтобы угадать, что она думала. Надя была вполне

уверена, что Хироко принимала в этом участие, но не могла объяснить, почему так считала.

— Полагаю, — сказала она, размышляя, — что здесь замешано окружение Хироко, вся команда фермеров и многие из тех, кто уважает ее и… следует за ней. Даже Энн, в некотором смысле. Хотя Энн разозлится, когда узнает об этом! Уф! Как бы то ни было, мне просто кажется, что Хироко должна была знать, что происходит. Тем более что это касается экологических систем. Все-таки группа биоинженеров находится с ней в контакте бóльшую часть времени, и для кого-то из них она все равно что гуру, они чуть ли не поклоняются ей. Они наверняка спрашивали ее совета, когда скрещивали эти водоросли!

— Хм…

— Значит, скорее всего, получили от нее одобрение этой затеи. Может, даже правильнее сказать: разрешение.

Аркадий кивнул.

— Я понял твою мысль.

Они обсуждали это еще и еще, взвешивая каждую вероятность. Земля, над которой они летели, плоская и неподвижная, теперь казалась Наде другой. Теперь она была засеяна, оплодотворена и неизбежно должна была измениться. Они

обсуждали и другие планы Сакса по терраформированию: гигантские орбитальные зеркала, отражающие солнечный свет, распространение углерода на полярных шапках, ареотермическое тепло, ледяные астероиды. Они обошли дебаты окольным путем, теперь лицу Марса не избежать перемен.

На второй вечер после их переломного открытия, когда они готовили ужин, укрывшись в кратере, раздался звонок из Андерхилла, ретранслированный одним из спутников.

— Эй вы, двое! — поздоровался Джон Бун. — У нас проблема!

— Да, у вас точно проблема! — ответила Надя.

— А что, у вас там что-то не так?

— Нет-нет.

— Вот и хорошо, потому что у вас, ребята, проблема есть, и я не хотел бы, чтобы их было больше одной! В борозде Кларитас началась пылевая буря, она набирает силу и движется на север с приличной скоростью. Мы думаем, она настигнет вас через день-два.

— А не рано ли для пылевых бурь? — спросил Аркадий.

— Да нет, сейчас L_S = 240°, это вполне привычное для них время. Южная весна. Как бы то ни

было, она началась и идет к вам.

Он отправил фотографию бури, сделанную спутником, и они внимательно посмотрели на экран. Регион к югу от Фарсиды затянуло бесформенным желтым облаком.

— Нам лучше отчаливать прямо сейчас, — сказала Надя, изучив фото.

— Ночью?

— Пока мы можем запустить винты на батареях, а завтра с утра их зарядить. Потом у нас может и не быть достаточно света, если мы не поднимемся выше пыли.

Поговорив еще немного с Джоном, а затем с Энн, они поднялись в небо. Ветер подгонял их на восток-северо-восток, и они двигались к самому югу горы Олимп. Оттуда они надеялись зайти за северную оконечность Фарсиды, чтобы хоть на время получить защиту от бури.

Ночью складывалось ощущение, будто они летели громче. Ветер обдувал ткань оболочки дирижабля с изменчивым воем, а двигатели жалобно гудели. Они сидели в кабине, освещенные лишь тусклой зеленой подсветкой приборов, и тихонько говорили, преодолевая черную землю, лежавшую под ними. До Андерхилла было около трех тысяч километров — а это порядка трехсот

часов полета. Если лететь круглые сутки, на это нужно примерно двенадцать дней. Но буря, если она будет набирать силу такими же темпами, настигнет их гораздо быстрее. А потом… трудно сказать, что может случиться дальше. Без солнечного света винты посадили бы батареи…

— А мы можем просто плыть по ветру? — спросила Надя. — И включать винты, только когда нужно подправить направление?

— Может быть. Только ты же знаешь, что эти штуки разработаны так, что без винтов нельзя подняться в воздух.

— Ну да.

Она сделала кофе и вернулась в кабину с двумя чашками. Они сели и принялись пить, глядя то на черный пейзаж, то на зеленый экран радара.

— Наверное, нам придется сбросить все, что нам не нужно.

И эти чертовы мельницы — в первую очередь.

— Это же балласт, его стоит сберечь для подъема.

Ночные часы тянулись медленно. Они сменяли друг друга у руля, и Наде в тревоге удалось поспать всего час. Вернувшись в кабину, она увидела, что впереди над горизонтом уже возвышалась черная масса Фарсиды — два южных

из трех крупнейших вулканов — гора Аскрийская и гора Павлина. Они казались горбами на фоне звезд, словно выступающими из-за края света. Слева от них по-прежнему вздымалась гора Олимп, и вместе с остальными двумя вулканами она создавала впечатление, будто они низко летели над каким-то поистине огромным каньоном. Экран радара отображал этот вид в малом масштабе нанесенным на зеленую сетку.

Позднее, за час до рассвета, показалось, будто перед ними вырастал еще один огромный вулкан. Весь южный горизонт вздымался, низкие звезды исчезали у них на глазах, Орион тонул во тьме. Приближалась буря.

Она настигла их на рассвете, задушив всю красноту восходного неба, обступив их, ввергнув все окружающее в пыльную тьму. Мимо с приглушенным ревом проносился вдруг поднявшийся ветер. Из окна они теперь могли видеть лишь на несколько метров. Вихрящаяся желтая пыль напоминала приближенное изображение облаков Юпитера. Вихри обвивали раму дирижабля, качая и тряся гондолу.

Им повезло, что они решили отправиться на север. Аркадий в какой-то момент заметил:

— Будем надеяться, ветер обогнет северный

склон Фарсиды.

Надя молча кивнула. У них не было шансон зарядить батареи после ночного хода, а без солнечного света моторы не могли долго проработать.

— Хироко сказала мне, что на земле во время бури должно оставаться примерно пятнадцать процентов от обычного количества солнечного света, — произнесла она. — Выше должно быть больше. Значит, мы все-таки будем заряжаться, но медленно. Если за день наберется достаточно, то ночью сможем использовать винты. Она села за компьютер, чтобы выполнить расчеты.

Что-то в выражении лица Аркадия — не страх, даже не тревога, но любопытная слабая *улыбка* — заставило ее понять, в какой большой опасности они оказались. Не имея возможности воспользоваться винтами, они не могли не только выбирать курс, но и оставаться в воздухе. Да, они могли опуститься и попытаться встать на якорь, но еды у них было лишь на несколько недель, а такие бури, как эта, часто не стихали по два, а то и по три месяца.

— Вот гора Аскрийская, — Аркадий указал на экран радара. — Хорошая картинка, — он усмехнулся. — Боюсь, это лучший ее вид, который нам

доступен. А жаль, я так хотел на нее взглянуть! Помнишь Элизий?

— Да-да, — ответила Надя, занятая расчетом эффективности батарей. Дневной свет находился в районе перигелия, что было главной причиной возникновения бури. Судя по приборам, до их уровня доходило примерно двадцать процентов солнечного света (хотя на глаз она дала бы двадцать-тридцать). Следовательно, винты могли проработать половину от общего времени, что существенно облегчало положение. Без них же они теряли высоту, хотя к этому могло привести и то, что уровень земли под ними постепенно возрастал. А с помощью винтов они могли держать определенную высоту и на градус-два менять курс полета.

— Как думаешь, какая плотность у этой пыли?

— Плотность?

— Ну, в граммах на кубометр. Попробуй связаться по радио с Энн или Хироко и выяснить у них, хорошо?

Она ушла в конец гондолы, чтобы посмотреть, что из имеющегося на борту можно было использовать для питания винтов. Гидразин для вакуумных насосов бомбоотсека… Двигатели насосов, пожалуй, можно подключить к винтам.

Еще у них имелись запасные солнечные панели и солнечные панели аварийного набора. Если бы она смогла поместить их наружу, то получила бы дополнительную инсоляцию, которая передалась бы в батареи. К тому же в песчаной буре вроде этой свет поступал со всех направлений, поэтому хоть несколько из них следовало установить снизу. Когда она, роясь в шкафчике в поисках кабелей, преобразователя и инструментов, поведала Аркадию о своей идее, тот рассмеялся, словно безумец.

— Отличная мысль, Надя! Отличная мысль.

— Если сработает.

Она осмотрела ящик с инструментами, который, к ее сожалению, был не столь велик, как она привыкла. Свет в гондоле создавал зловещую обстановку, когда с каждым порывом ветра вздрагивало тусклое желтоватое свечение. Вид из боковых окон менялся — от совершенно различимых плотных желтых облаков, похожих на проплывающие мимо них грозовые тучи, до совершенно неясных сгустков пыли, извивающихся и кружащихся, будто раздражающая экранная заставка. Даже при давлении в двенадцать миллибар порывы ветра мотали дирижабль из стороны в сторону, и Аркадий, сидя в кабине,

проклинал надежность автопилота.

— Перепрограммируй его, — крикнула ему Надя, а затем, вспомнив его садистские симуляции на «Аресе», громко рассмеялась: — Нештатная ситуация! Нештатная ситуация!

Тот в ответ выругался, заставив ее рассмеяться снова, после чего она вернулась к работе.

Аркадий прокричал ей информацию, которую получил от Энн. Пыль была чрезвычайно мелкой, средний размер частицы составлял около 2,5 микрон. Общая масса столба — около 10^{-3} г/см$^{-2}$. Частицы были распределены более-менее равномерно. Это было не так уж плохо: если бы она осела, получился бы довольно тонкий слой, состоящий из такой же пыли, какую они видели на старейших сброшенных грузах в Андерхилле.

Подготовив все солнечные панели, она вернулась в кабину.

— Энн говорит, самый слабый ветер дует возле земли, — сообщил Аркадий.

— Хорошо. Нам нужно сесть, чтобы установить панели снаружи.

И во второй половине дня они опустились вслепую, позволив якорю волочиться до тех пор, пока он за что-то не зацепился. Здесь ветер был не таким сильным, но для Нади даже спуск на

тросе стал сущим кошмаром. Вниз, во мчащиеся облака желтой пыли, качающиеся вперед-назад, пока вдруг у нее под ногами не оказалась земля! Ударившись о нее ботинками, она остановилась. Когда она открепила трос, ей пришлось согнуться от ветра. Хоть он был и слабый, но дул порывами, и к ней с новой, еще большей силой вернулось чувство пустоты. Видимость волнообразно колебалась, а пыль проносилась так быстро, что нарушала восприятие окружающего мира, — на Земле ветер такой силы запросто мог поднять в воздух и унести, как соломенный веник при урагане.

И все же здесь можно было держаться на месте — но не более того. Аркадий медленно, с помощью лебедки, подтягивал дирижабль на дректове вниз, и теперь судно нависало над Надей, словно зеленая крыша, и она очутилась в причудливой темноте. Она размотала кабели к турбовинтам на концах крыльев, привязала их к дирижаблю и подключила к внутренним контактам, работая быстро, чтобы в них не набилось много пыли и чтобы скорее выбраться из-под подскакивающей на ветру «Стрелы». Не без труда просверлив дыры в днище корпуса гондолы, привинтила десять солнечных панелей. А когда она подвязывала

кабели к пластиковому фюзеляжу, дирижабль подскочил так резко, что она упала лицом вниз, распростершись на холодном грунте и наткнувшись животом на твердый камень.

— Черт! — воскликнула она.

— Что случилось? — кричал Аркадий по внутренней связи.

— Ничего, — ответила она, вскакивая на ноги и начиная привязывать еще быстрее. — Черт возьми, здесь как на батуте.

Затем, когда она уже заканчивала, ветер вновь набрал силу, и ей пришлось, хрипло дыша, буквально ползти к бомбоотсеку.

— Эта треклятая штуковина чуть меня не раздавила! — крикнула она Аркадию, сняв скафандр. Пока он снимал якорь с крюка, она, пошатываясь, бродила по гондоле, собирая ненужные вещи и сбрасывая их в бомбоотсек: лампу, один из матрасов, бóльшую часть кухонной утвари, несколько книг и образцов камней. Она с удовольствием от них избавлялась, думая, что, если какой-нибудь странник когда-либо наткнется на образовавшуюся кучу, его это весьма озадачит.

Для того чтобы отцепить якорь, пришлось включить винты на полную мощность, и, когда им это удалось, они поднялись в небо и полетели,

как ноябрьский листок. Винты они запустили на полную мощность, чтобы как можно скорее набрать высоту. Между Олимпом и Фарсидой находились несколько невысоких вулканов, и Аркадий хотел пройти в нескольких сотнях метров над ними. Экран радара показывал, как гора Аскрийская плавно отдалялась от них, оставаясь позади. Уйдя от нее на север, они сумели повернуть на восток, чтобы попытаться проложить курс вдоль северной оконечности Фарсиды, а затем и к Андерхиллу.

Но спустя несколько долгих часов они обнаружили, что ветер спускался по северному склону Фарсиды, отталкивая их так, что даже если бы они вздумали лететь на юго-восток на полной мощности, то в лучшем случае двигались бы на северо-восток. Пытаясь лететь на ветру, несчастная «Стрела» тряслась, будто дельтаплан, толкая их то вверх, то вниз, снова и снова, будто гондола в самом деле крепилась к нижней стороне поверхности батута. Но при всем при этом они по-прежнему двигались не туда, куда им было нужно.

Снова наступила тьма. Их несло дальше на северо-восток. При таком ходе они промахнулись бы мимо Андерхилла на несколько сотен

километров. А там уже ничего не было — ни поселений, ни укрытий. Их сдувало к Ацидалийской равнине, к Великой северной равнине, к окаменелому морю черных дюн. И им не хватило бы ни еды, ни воды, чтобы облететь планету кругом и попытаться снова попасть в Андерхилл.

Ощущая пыль во рту и в глазах, Надя вернулась на кухню и разогрела ужин. Она и так была изнурена, а учуяв запах еды, разнесшийся по воздуху, почувствовала сильный голод. А еще жажду; регенератор воды по-прежнему работал на гидразине.

При мысли о воде к ней вернулся образ из путешествия на северный полюс: пришедшая в негодность галерея в вечномерзлой породе и застывший водный лед. Какое сейчас это имело значение?

Она пробралась обратно в кабину, при каждом шаге придерживаясь за стену. В задумчивости съела свой пыльный ужин в компании Аркадия. Тот молча следил за радаром, но вид у него был беспокойный.

— О, смотри, — вдруг, сказала она, — если мы поймаем сигналы с ретрансляторов на нашей дороге в Северном каньоне, то сможем там сесть. Потом за нами смогут прислать какого-нибудь ро-

бота-марсохода. Ему-то буря не помешает — они все равно не видят дороги. Мы сможем оставить «Стрелу» на привязи и вернуться домой.

Аркадий взглянул на нее и, сглотнув, произнес:

— Отличная мысль.

Но для этого еще нужно было поймать сигналы с ретрансляторов на дороге. Аркадий включил связь и вызвал Андерхилл. Радио потрескивало в буре помех, почти таких же плотных, как столбы пыли, но они все равно понимали друг друга. Они проговорили с домом всю ночь, обсуждая частоты, ширину полос, способность пыли скрывать слабые сигналы и прочее. Поскольку ретрансляторы были предназначены лишь для передачи сигнала марсоходам, находящимся поблизости на земле, услышать их было не так просто. Андерхилл мог определить их местонахождение и сообщить им, когда пойти на снижение, а их собственный радар — показать им координаты на дороге. Но ни один из этих способов не был идеально точным и найти дорогу посреди бури было почти невозможно. Отклонение на десять километровка в любую сторону — и она окажется за горизонтом, а они потерпят неудачу. Гораздо надежнее привязаться к сигналу одного из ре-

трансляторов и следовать ему.

Как бы то ни было, Андерхилл выслал на север марсоход. Он направлялся на участок дороги, который они предположительно должны были перетечь примерно через пять дней. При текущей же скорости они пересекли бы дорогу через четверо суток.

Когда с переговорами было покончено, они установили посменное дежурство на остаток ночи. Надя в свои часы отдыха спала беспокойно, много времени просто лежала на койке, ощущая потряхивания. В окнах было темно, будто их задернули шторами. Гул ветра напоминал то звуки газовой плиты, то крик баньши. Только уснув, она увидела, будто они находились внутри огромной печи, полной огненных демонов, и, проснувшись в поту, встала, чтобы сменить Аркадия. Вся гондола пропахла потом, пылью и горелым гидразином. Несмотря на микрогерметизацию, на каждой поверхности виднелась белесая пленка. Она провела пальцем по бледно-голубому пластику шпангоута и посмотрела на оставшийся след. Удивительно.

И они летели сквозь серый сумрак дней, сквозь беззвездную тьму ночей. Радар показывал, что они были над кратером Фесенковым и их по-

прежнему сносило на северо-восток, но все равно не было ни малейшего шанса противостоять буре и повернуть судно на юг в Андерхилл. Полярная дорога была их единственной надеждой. Надя занимала свои свободные часы, отбирая вещи, которые можно было сбросить за борт, отрезая части рамы гондолы, которые считала несущественными, — инженеры «Фридрихсхафена», глядя на это, пришли бы в ужас. Но немцы вечно все излишне усложняли, и вообще никто на Земле все равно по-настоящему не верил в марсианское *g*. Поэтому она орудовала пилой и молотом до тех пор, пока внутри гондолы не осталось почти ничего, кроме каркаса. При каждом использовании бомбоотсека внутрь залетало небольшое облачко пыли, но она считала, что сделанное того стоило. Им нужна была высота, ведь солнечные панели не получали достаточно энергии для батарей, и она выбрасывала все, что не было как следует прикручено к фюзеляжу. Теперь, однако, даже если бы у нее остались еще батареи, она не стала бы залезать под дирижабль: воспоминание о недавнем происшествии все еще заставляли ее содрогаться. Вместо этого она продолжала избавляться от лишних вещей. Она отрезала бы и часть рамы дирижабля, если бы

могла забраться в баллонет.

Аркадий тем временем бродил по гондоле, подбадривая ее, голый и покрытый пылью, похожий на настоящего индейца. Он распевал песни и наблюдал за экраном радара, перекусывая едой быстрого приготовления и прокладывая курс, насколько это возможно. Нельзя было не заразиться его веселостью, не изумляться вместе с ним сильнейшим порывам ветра, даже ощущая пыль, расплывающуюся в ее крови.

Так, в цепкой хватке темно-оранжевого ветра, они провели три тяжелых дня. На четвертый, вскоре после обеда, включили радиоприемник на полную громкость и стали вслушиваться в треск помех на частоте ретрансляторов. Сосредоточившись на белом шуме, Надя впала в дремоту — в последнее время сильно недосыпали. Когда Аркадий что-то ей сказал, она была почти без сознания, но тут же выровнялась в кресле.

— Слышала? — повторил он. Прислушавшись, она покачала головой. — Вот это вроде какой-то сигнал.

Она услышала слабый «бип».

— Это он?

— Думаю, да. Я постараюсь опустить нас как можно скорее, придется выпустить газ из некото-

рых баллонетов.

Он постучал по клавиатуре, и дирижабль наклонился вперед. Они начали падать с аварийной скоростью. На высотометре забегали цифры. Экран радара показывал, что земля под ними была более-менее ровной. Сигнал звучал все громче и громче — без устройства направленного приема это был их единственный знак, по которому можно определить, приближались они или отдалялись. «Бип… бип… бип…» От усталости она затруднялась сказать, становился ли он громче или тише. Каждый сигнал, казалось, имел разную громкость, в зависимости от того, насколько ей удавалось сосредоточиться.

— Затихает, — вдруг заметил Аркадий. — Слышишь?

— Не знаю.

— Да, затихает. — Он включил винты, и с шумом двигателей сигнал отчетливо стал казаться тише. Он подставил дирижабль под ветер, и судно дико затрясло. Аркадий старался выровнять его нисходящее движение, но между каждым переключением закрылок и колебанием судна получался некоторый промежуток. По сути, они пребывали в управляемом падении. Сигнал теперь предположительно звучал тише и реже.

Когда высотометр показал, что они опустились достаточно низко, чтобы сбросить якорь, они так и сделали, и тот, немного проволочась, наконец закрепился. Они сбросили все якоря, которые у них были, и поставили «Стрелу». Затем Надя оделась, выбралась наружу на тросе и спустилась с помощью лебедки. Оказавшись на поверхности, она начала бродить при шоколадном рассвете, сгибаясь под непостоянными потоками ветра. Она ощутила, что была истощена так, как никогда прежде в своей жизни. Ей было ужасно тяжело идти против ветра, приходилось иногда менять курс. Ретранслятор посылал достаточно отчетливые сигналы по внутренней связи, но земля словно прыгала у нее под ногами — было трудно даже держать равновесие.

— Нужно было с самого начала слушать сигналы по внутренней связи в гермошлемах, — сказала она Аркадию. — Так гораздо лучше слышно.

При сильном порыве она упала на землю. Затем поднялась и побрела дальше, распуская нейлоновую веревку за собой и регулируя курс по звуку сигнала. Она ощущала, как земля рассыпалась под ногами. Когда ей удавалось что-то разглядеть, она видела всего на метр, а то и меньше, по крайней мере при самых плотных порывах.

Затем перед ней стали мелькать коричневые потоки пыли, пелена за пеленой; они двигались с поразительной скоростью. Ветер сотрясал ее так сильно, как ей никогда не приходилось ощущать на себе на Земле. Сохранять равновесие было изнурительным трудом: приходилось держаться в непрерывном физическом напряжении.

Находясь в плотном, непроницаемом облаке, она чуть не наткнулась на один из ретрансляторов, который стоял там, будто широкий заборный столб.

— Ой, — вскрикнула она.

— Что случилось?

— Ничего! Я испугалась, что въехала в дорожное ограждение.

— Ты нашла его!

— Ага… — Она почувствовала, как ее истощение опускается к рукам и ногам. С минуту она посидела на земле, затем поднялась: сидеть слишком холодно. Фантомный палец отдавал болью.

Смотав нейлоновую веревку, она вслепую вернулась к дирижаблю. Она представляла себе, будто попала в древний миф и шла за единственной нитью, ведущей прочь из лабиринта.

Пока они ехали марсоходом на юг, ничего не видя в мечущейся вокруг пыли, радио протреща-

ло, что УДМ ООН одобрило и выделило средства на строительство трех новых колоний. В каждой из них будет жить по пятьсот человек из стран, не имевших представителей в первой сотне.

Подкомитет по терраформированию в свою очередь порекомендовал — а Генеральная Ассамблея одобрила — применить все имеющиеся возможности, в частности, распространение по поверхности планеты генетически модифицированных организмов, созданных на основе водорослей, бактерий и лишайников.

Аркадий смеялся с добрые полминуты.

— Ну ублюдки, ну везучие ублюдки! Им все сойдет с рук!

Часть четвертая
Тоска по дому

≈ * ≈

Зимнее утро. Солнце озаряет долины Маринер, касаясь северных стен каждого каньона в этой великой их плеяде. И в этом ярком свете то тут, то там на каком-нибудь выступе на обнаженной породе виднеются бугорчатые наросты черного лишайника.

Ведь жизнь приспосабливается. Потребности у нее невелики — немного питания, немного энергии; и в их удовлетворении даже в самой разнообразной окружающей среде она невероятно изобретательна Одни организмы всю жизнь обитают ниже температуры замерзания воды, другие — выше точки кипения, третьи в зоне высокой радиации, четвертые — в крайне соленых районах, внутри твердых камней, в кромешной тьме, в чрезвычайной засухе или без кислорода. Они приспосабливаются к любой среде, а их адаптивные меры невообразимо странны и удивительны. В итоге жизнь от почвы до верхних слоев атмосфе-

ры пронизывает планету Земля одним огромным полотном биосферы.

Все эти адаптивные способности закодированы и передаются генетически. Если гены мутируют, организмы меняются. Если гены замещаются, организмы опять меняются Биоинженеры используют обе эти формы изменений — не только сплайсинг генов, но и куда более старое селекционное разведение. Микроорганизмы отсеиваются и те, что растут быстрее всех (или те, что лучше всех проявляют какую-либо другую особенность), могут быть отобраны и отсеяны снова. А для ускорения скорости мутации могут быть добавлены мутагены и при быстрой смене поколений микробов (скажем, десять поколений в день) можно повторять этот процесс до тех пор, пока не получится желаемый результат Селекционное разведение — одно из наиболее мощных биоинженерных средств из всех, что у нас есть.

Но достойны внимания и более новые средства Генетически модифицированные организмы или ГМО, к моменту,

когда первая сотня колонистов прибыла на Марс, создавались всего около полувека. Но полвека в современной науке — это долгий срок Плазмидные конъюгаты в те годы превратились в весьма сложный инструмент. Набор рестриктаз, для вырезания, и лигаз, для вставки, стал большим и вариативным; появилась возможность точно выстраивать длинные цепочки ДНК; багаж знаний о геномах достиг огромных масштабов и увеличивался в геометрической прогрессии. И благодаря всему этому новая биотехнология позволяла вызывать всевозможную активацию признаков, ауторепродукцию, стимулирование суицида (чтобы предотвратить чрезмерный успех) и прочее. Стало возможным обследовать цепочки ДНК организмов, обладающих теми или иными свойствами, а затем синтезировать эти сообщения, вырезать их и вставлять в плазмидные кольца, после чего клетки переносились в раствор глицерина вместе с новыми плазмидами, раствор помещался между двумя электродами и получал короткий мощный

разряд в 2 000 вольт, отчего плазмиды глицерина перескакивали в клетки — и готово! Вызванные к жизни, как чудовище Франкенштейна, они становились новым организмом. С новыми способностями.

И вот — быстрорастущие лишайники; радиационно-стойкие водоросли; морозостойкие грибы; галофитные археи, питающиеся солью и выделяющие кислород; арктические мхи. Целая таксономия новых видов жизни, каждый из которых частично приспособлен к жизни на Марсе, каждый из которых пытается выжить в его среде. Некоторые виды вымерли — таков уж естественный отбор. Другие преуспели — выживает сильнейший. Третьи преуспели особенно заметно, в ущерб другим организмам, и выделяемые ими вещества активировали гены самоубийства, отчего они погибли прежде, чем уровни содержания этих веществ упали на прежний уровень.

Таким образом жизнь приспосабливается к условиям. И условия в то же время меняются из-за самой жизни. Вот одно из

утверждений о жизни: организм и окружающая среда взаимоизаменяются как два проявления одной экосистемы, как две части целого.

И вот — больше кислорода и азота в воздухе. Черный пушок на полярном льду. Черный пушок на шершавых поверхностях вулканических пород. Бледно-зеленые пятна на земле. Более крупные частицы льда в воздухе. Простейшие организмы, протискивающиеся сквозь реголит, будто триллионы крошечных кротов, превращающих нитриты в азот, а оксиды — в кислород.

Поначалу почти незаметно, совсем медленно. При внезапном похолодании или солнечной буре наступила бы массовая погибель — целые виды вымерли бы за ночь. Но останки мертвых стали бы пищей для других созданий, сделав для них условия более легкими, и процесс набрал бы обороты. Бактерии стали бы быстро производить потомство, удваивая массу по несколько раз в день при благоприятных условиях. Математические возможности скорости их роста потряса-

ющи, и, хотя ограничения окружающей среды — особенно на Марсе — значительно сдерживают фактический рост в сравнении с математическими пределами, новые организмы, ареофиты, тем не менее репродуцировались весьма быстро, мутировали, умирали, и новая жизнь, возникавшая на останках предков, возобновлялась снова. Они жили и умирали, оставляя после себя почву и воздух иными, чем те были миллионы их быстротечных поколений назад.

И вот однажды утром восходящее солнце простреливает длинными лучами неровный слой облаков во всю длину долин Маринер. На северных стенах — крошечные следы, черные, желтые, зеленые, серые. Крапинки лишайника испещряют вертикальные поверхности камней, стоящих, как стояли всегда, твердых, потрескавшихся, красных — но теперь в пятнах, будто покрытых плесенью.

≈ * ≈

Во сне Мишель Дюваль грезил о доме. Он катался на доске неподалеку от Вильфранш-сюр-Мер, теплая августовская вода то поднимала, то опускала его. Было ветрено, близился закат, и вода словно превратилась в расплавленную светлую бронзу, по которой скакал солнечный свет. Волны были крупными для Средиземного моря, быстрые буруны, вздымаясь, распадались на неровные линии, позволяя ветру ненадолго себя оседлать. Он окунался в круговорот пузырьков и песка, после чего возвращался к золотому свету и вездесущему вкусу соли, и ему обжигало глаза. Большие черные пеликаны, опираясь на воздушные подушки над самыми волнами, резко и неуклюже взлетали, затем, виляя, обрушиваясь в воду неподалеку от него. Ныряя, они частично складывали крылья, подправляя с их помощью направление, вплоть до мига соприкосновения с водой. Затем нередко поднимались вверх, заглатывая мелкую рыбу. Один нырнул всего в нескольких метрах от него, отразившись силуэтом на фоне солнца, словно пикирующий бомбардировщик или птеродактиль. Чувствуя и прохладу, и тепло,

погруженный в соленую воду, Мишель качнулся на волне и сморгнул, ослепленный светом. Разрушающаяся волна казалась горстью бриллиантов, разлетающихся в пыль.

У него зазвонил телефон…

У него зазвонил телефон. Урсула и Филлис звонили, чтобы сообщить ему, что у Майи случился очередной приступ и ее не могли успокоить. Он поднялся, надел белье и пошел в ванную. Теперь волны набегали на откатывающую воду. Майя, она опять подавлена. В последний раз, когда он ее видел, она пребывала в приподнятом настроении, чуть ли не в эйфории, и это было… когда, неделю назад? Но это же Майя. Майя была сумасшедшей. По-русски сумасшедшей, а значит, обладала силой, которую стоило принимать во внимание. Матушка Россия! И церковь, и коммунисты пытались искоренить матриархат, что был там установлен испокон веков, но им удалось лишь создать море вялого презрения, целый народ, состоящий из безразличных русалок, бабок-ёжек и суперженщин, не покладающих рук двадцать четыре часа в сутки, живущих в чуть ли не в партеногенетической культуре матерей, дочерей, бабушек, прабабушек. Хоть и по-прежнему увлеченных отношениями с мужчинами,

отчаянно ищущих потерянных отцов, идеальных мужей. Или просто мужчин, готовых принять на себя часть общей ноши.

И эти женщины находят свою великую любовь, которая, как правило, разрушает их. Одним словом, сумасшедшие.

Однако такие обобщения опасны. Впрочем, Майя представляла собой классический случай. Непостоянная, раздражительная, кокетливая, умная, очаровательная, манипулирующая, пылкая — и теперь она наполняла его кабинет, словно огромный сгусток уныния, с красными кругами под глазами, налитыми кровью, с осунувшимся лицом. Урсула и Филлис кивнули, шепнули Мишелю слова благодарности за то, что встал в такую рань, и покинули комнату. Он подошел к жалюзи, открыл их, и свет из центрального купола залил помещение. Он вновь увидел, что Майя была красивой женщиной с растрепанными блестящими волосами и притягательным взглядом темных глаз, острым и прямым. Такая ее печаль удручала, Мишель не мог привыкнуть к ее новому облику: состояние Майи сейчас слишком резко отличалось от ее обычной оживленности — прежде она могла доверительно коснуться плеча и начать восхищенно о чем-то рассказывать…

Это отчаявшееся создание могло в удивительной манере притвориться кем угодно. Сейчас она склонилась над его столом и неровным хриплым голосом пересказывала ему недавнюю драму, развернувшуюся между ней и Джоном, а затем, уже в очередной раз, между ней и Фрэнком. Сейчас она, судя по всему, злилась на Джона за то, что тот отказался помочь ей убедить российские мультинациональные компании в том, чтобы те занялись развитием поселений в бассейне Эллада. Это место — низшая точка на Марсе — должно, по ее мнению, стать первым, где можно будет насладиться атмосферными изменениями, которые они уже начинали замечать. Давление воздуха здесь, в Лой-Пойнте, на уровне четырех километров ниже нуля, всегда было в десять раз больше, чем на вершинах крупнейших вулканов, и в три раза больше, чем на нулевой отметке. Оно должно стать первым местом, пригодным для жизни человека, идеальным для развития.

Но Джон, очевидно, предпочитал обсудить данный вопрос с УДМ ООН и правительствами. И это было лишь одним из многих ключевых разногласий, портящих их личную жизнь до такой степени, что они весьма часто сцеплялись и из-за других вещей — по мелочам, из-за которых они

никогда не спорили раньше.

Наблюдая за ней, Мишель готов был сказать, что Джон просто хочет, чтобы она на него злилась. Он не знал, что ответил бы на это Джон. Майя потерла глаза, приложилась лбом к его столу, так, что он видел заднюю часть шеи и широкие, стройные плечи. Она никогда не показалась бы такой смятенной перед большинством жителей Андерхилла — это была их близость, то, чего она не делала ни с кем, кроме него. Такая же близость, как если бы она сняла одежду. Люди не понимали, что истинная близость не включала в себя половой связи, к которой могли прибегать даже незнакомцы, совершенно чуждые друг другу люди, — близость включала в себя многочасовые беседы о самом важном в жизни того или другого человека. Впрочем, голой она действительно выглядела бы прекрасно, ее тело имело идеальные пропорции. Он вспомнил, как она выглядела в бассейне, плавая на спине в голубом купальнике с высоким вырезом по бедрам. Средиземноморская картина: он плывет в водах Вильфранша, все залито янтарным закатным светом, и он смотрит на пляж, где прогуливаются мужчины и женщины, полностью голые, за исключением ярких треугольников, прикрывающих гениталии, —

смуглые женщины с обнаженными грудями, прогуливающиеся парами, будто танцуя в лунном свете; затем дельфины, выпрыгивающие из воды между ним и пляжем, чьи гладкие темные тела так же приятно округлены, как женские…

Но Майя уже рассказывала о Фрэнке. Фрэнке, который шестым чувством ощущал, что у Джона и Майи проблемы (хотя шестое чувство для этого было необязательно), и каждый раз, видя их проявление, прибегал к Майе, чтобы прогуляться с ней и поговорить о своем видении Марса, прогрессивном, волнующем, претенциозном — во всем отличающемся от видения Джона.

— Фрэнк сейчас намного живее, чем Джон, сама не знаю, почему.

— Потому что он согласен с тобой, — объяснил Мишель.

Майя пожала плечами.

— Может, и так. Но ведь перед нами открыта возможность строить здесь целую цивилизацию. А Джон такой… — Глубокий вздох. — И все равно я люблю его, действительно люблю. Но…

Она еще немного рассказала об их прошлом, о том, как их отношения спасли перелет на «Аресе» от анархии (или, по крайней мере, от скуки), как хорошо на нее действовала невозмутимая безза-

ботность Джона. Как на него можно положиться. Как он впечатлял ее своей славой, как она чувствовала, что связь с ним навсегда вписывала ее в мировую историю. Но теперь она понимала, что в любом случае вписалась бы в нее, как и все они, вся сотня. Она говорила все громче, быстрее, горячее.

— Сейчас Джон нужен мне не ради этого, он нужен лишь ради того, как я чувствую себя рядом с ним, только сейчас мы не ладим во всем, мы с ним совсем не похожи, а с Фрэнком (который так осторожно сдерживает не имеет значения что) мы согласны почти во всем, и я так увлеклась этой мыслью, что подала ему неверный сигнал, и он продолжил свое, вчера в бассейне он… поддержал меня, ну, знаешь, взял меня за руки… — она перекрестила руки, коснувшись своих предплечий, — и попросил бросить Джона ради него, чего я никогда бы не сделала, и он дрожал, а я сказала, что не могу этого сделать, но тоже дрожала.

Поэтому позже она, уже на взводе, поругалась с Джоном, набросившись на него так решительно, что он по-настоящему разозлился и уехал на марсоходе в надину аркаду, где переночевал с командой строителей; Фрэнк снова пришел к ней, но она (с трудом) отвергла его, и Фрэнк заявил, что

будет жить в поселении европейцев на другом конце планеты — он, движущая сила колонии!

— И он правда так и сделает, он не из тех, кто бросает слова на ветер. Он учил немецкий, языки для него не помеха.

Мишель пытался сосредоточиться на том, что она говорила. Это было трудно, потому что он знал наверняка, что через неделю все уже будет по-другому, ведь динамика этой троицы постоянно менялась до неузнаваемости. Поэтому переживать об этом не стоило.

А что насчет его собственных проблем? Они уходили гораздо, гораздо глубже, но его никто не слушал. Он ходил взад-вперед вдоль окна, поддерживая ее своими обычными вопросами и комментариями. Зеленая растительность в атриуме бодрила, как если бы она росла во внутреннем дворике в Арле или Вильфранше. Внезапно ему вспомнилась узкая тенистая площадь у Папского дворца на Авиньоне, где стояли столики кафе, которые летом, в лучах заката, окрашивались в марсианские цвета. Вкус оливок и красного вина…

— Пойдем прогуляемся, — предложил он.

Это была стандартная часть терапевтического часа. Они пересекли атриум и вышли на кухни,

где Мишель смог бы, наконец, позавтракать, но он забыл об этом, как только закончил беседу с Майей. «Не еда, а забытье», — подумал он, когда они шли по коридору. Они надели костюмы — Майя вошла в раздевалку, чтобы надеть нижнее белье, — после чего проверили их, вышли в шлюз, сбросили давление и, наконец, открыли огромную наружную дверь и вышли на поверхность.

Снаружи стоял алмазный холод. Какое-то время они шли по тротуарам, окружавшим Андерхилл, мимо свалки с ее великими соляными пирамидами.

— Как думаешь, они когда-нибудь придумают, куда деть эту соль? — спросил он.

— Сакс все еще над этим работает.

Время от времени Майя заговаривала о Джоне и Фрэнке. Мишель задавал вопросы из своей стандартной программы психиатра, Майя отвечала так же стандартно, по своей программе. Их голоса звучали прямо в ушах друг друга, это была близость внутренней связи.

Они пришли на ферму лишайников, и Мишель остановился, чтобы взглянуть на них, насладиться насыщенным, живым цветом. Черные снежные водоросли; толстый коврик лишайника оту, сосуществовавшего в симбиозе с сине-зеле-

ным штаммом, который Влад совсем недавно вырастил отдельно от остальных; красный лишайник, похоже, чувствовавший себя не столь хорошо. Тем не менее здесь всего было в избытке. Желтый лишайник; оливковый лишайник; лишайник, который выглядел точь-в-точь как окрас боевого корабля. Хлопьевидный белый и зеленый, как лайм, — цветущий зеленью! Он пульсировал у них на глазах, роскошный, немыслимый пустынный цветок. Он слышал, как Хироко, глядя на «лайм», сказала: «Это *viriditas*», что на латыни означало «зеленящая сила». Это слово придумала христианская приверженка мистицизма, женщина по имени Хильдегарда. *Viriditas*, приспосабливающийся к местным условиям, медленно распространялся по низинам северного полушария, а в период южного лета — быстрее. Однажды температура поднялась до 285 градусов Кельвина, на двенадцать градусов побив прежний рекорд Мир менялся, заметила Майя, когда они гуляли по равнинам.

— Да, — подтвердил Мишель и не смог не добавить: — Уже через триста лет здесь будет температура, при которой можно будет жить.

Майя рассмеялась. Она уже чувствовала себя лучше. Вскоре она должна была прийти в норму

или даже проскочить этот уровень, войдя в эйфорию. Майя была очень лабильна. В последнее время Мишель как раз изучал лабильность-стабильность первой сотни, а Майя представляла собой ярчайший пример лабильности.

— Поехали посмотрим на аркаду, — предложила она.

Мишель согласился, думая, что случилось бы, наткнись они на Джона. Они вышли на парковку и нашли там маленький джип. Сев за руль, Мишель слушал ее болтовню. Изменилось ли общение, когда голоса отделились от тел и переместились в уши благодаря микрофонам, имевшимся в скафандрах? Создавалось ощущение, будто они, сидя рядом, беседовали по телефону. Или — было ли это лучше или хуже? — будто они общались телепатически.

Джип двигался по гладкой асфальтированной дороге со скоростью шестьдесят километров в час. При этом он чувствовал лишь порывы разреженного воздуха, встречающие забрало его гермошлема. Тот самый углекислый газ, от которого Сакс так хотел очистить атмосферу. Для этого нужны мощные очистители — даже более мощные, чем лишайники. Нужны леса, огромные влажные галофильные леса, где значительное

количество углерода будет откладываться в древесине, листьях, дерне, торфе. Нужны торфяные болота в сто метров глубиной, а леса — в сто метров высотой. Сакс так об этом и сказал. По лицу Энн можно было понять, что она не понимала или не слышала Сакса.

Пятнадцать минут езды — и они прибыли в надину аркаду. Здесь все еще продолжалась стройка, и все выглядело сырым и беспорядочным, каким вначале был Андерхилл, только в более крупном масштабе. На запад и восток тянулся длинный вал из бордового бута, вырытого из траншеи, напоминавшей могилу Большого человека.

Они стояли на ее краю. Тридцать метров в глубину, тридцать в ширину, километр в длину. Южная сторона траншеи являла собой стеклянную стену, тогда как северную занимал ряд фильтрованных зеркал, чередующихся с так называемыми марсианскими сосудами — террариумами, создающими вместе пеструю мешанину, будто гобелен, изображающий разом прошлое и будущее. Большинство террариумов были заполнены елями и другими растениями, благодаря которым казалось, что находишься возле огромного, на весь мир, леса, точь-в-точь

как на Земле, на ее шестидесятой широте. Или, другими словами, возле старого сибирского дома Нади Чернышевской. Было ли это признаком того, что и она страдала его болезнью? И мог ли он уговорить ее построить Средиземноморье?

Надя работала на бульдозере. Женщина со своей собственной *viriditas*. Она остановилась и подошла к ним. «Дело сдвинулось», — негромко сообщила она. Поразительно, что можно сделать с помощью самоуправляемых машин, которые до сих пор прибывали с Земли! Атриум был готов и засажен разнообразными деревьями, среди которых росли и карликовые секвойи, уже вымахавшие на тридцать метров, почти сравнявшись по высоте со всей аркадой. За атриумом друг над другом располагались три ряда сводов в андерхильском стиле, защищенных слоем изоляции. В поселении на днях закончили герметизацию, повысили температуру и давление, и теперь здесь можно было работать без костюмов. Эти три этажа маленьких арок напоминали Мишелю Пон-дю-Гар[48]; конечно, вся здешняя архитектура имела римские корни, и в этом не было ничего удивительного. Здесь арки, однако, были

[48] Примечания: 48
Древнеримский акведук через реку Гардон на юге Франции.

длиннее и тоньше. И воздушнее — благодаря марсианскому *g*.

Надя снова принялась за работу. Какая спокойная. Стабильная, без единого намека на лабильность. Сдержанная, скрытная, замкнутая. Человека, более отличающегося от Майи, трудно было представить; находиться рядом с Надей благо для Майи. Полная ее противоположность, Чернышевская не давала ей терять землю под ногами. Служила примером. Как сейчас, когда Майя перенимала спокойный тон Нади. И когда та вернулась к работе, Майе отчасти передалась ее безмятежность.

— Я буду скучать по Андерхиллу, когда мы переберемся сюда, — сказала она. — А ты?

— Сомневаюсь, — ответил Мишель. — Здесь будет гораздо солнечнее.

Со всех трех этажей нового жилища открывался выход к высокому атриуму, на каждом располагались широкие террасы на солнечной стороне комнат, так что даже при том, что все сооружение было обращено на север и залегало глубже, чем Андерхилл, гелиотропные фильтрованные зеркала на другой стороне траншеи поливали их светом от рассвета до заката.

— Я буду рад переехать. Нам с самого начала не

хватало пространства.

— Но это пространство не только для нас. Прибудут новые люди.

— Да, но нам это даст пространство несколько иного толка.

Она задумалась.

— Как если бы Джон с Фрэнком уехали подальше.

— Да. Но даже это, может, и не было бы так плохо.

Он объяснил ей, что в более крупном обществе замкнутая атмосфера Андерхилла начнет рассеиваться, что во многих отношениях это скажется положительно. Мишель сомневался, стоило ли ему продолжать, не зная, как об этом сказать. Тонкости представляли опасность, когда оба собеседника говорили на своих вторых языках, переводя в уме с родных, — вероятность недопонимания слишком высока.

— Ты должна смириться с мыслью, что ты, вероятно, не хочешь выбирать между Джоном и Фрэнком. Что на самом деле тебе нужны они оба. В кругу первой сотни это выглядит постыдным. Но в более крупном обществе, со временем…

— Да у Хироко десяток мужчин! — вспыхнула она.

— Да, и ты так можешь. Почему нет? А в более крупном обществе никому не будет до этого дела.

Он принялся убеждать ее, говоря, что у нее была власть, что (используя терминологию Фрэнка) она была альфа-самкой их группы. Она не соглашалась, заставляя его все больше восхвалять ее, пока не насытилась его словами. Затем он решил, что им пора возвращаться домой.

— Как думаешь, это будет для нас шоком — когда прибудут новые люди? Другие? — Она сидела за рулем, а когда повернулась, чтобы спросить его, они почти съехали с дороги.

— Полагаю, да.

Группы уже высадились в районе Великой Северной и Ацидалийской равнин, и видеозаписи прибывших успели потрясти уже опытных колонистов — это было видно по лицам. Будто они увидели пришельцев, явившихся из космоса. Но лично с ними встречались пока только Энн и Саймон, находившиеся в экспедиции в северной части Лабиринта Ночи.

— Энн сказала, что у нее было ощущение, будто они вышли к ним из телевизора.

— Меня такое ощущение не покидает всю жизнь, — печально отозвалась Майя.

Мишель приподнял брови. В стандартной программе Майи что-то новенькое!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, сам знаешь. Половина жизни кажется одной большой симуляцией, тебе так не кажется?

— Нет, — он задумался. — Не кажется.

На самом деле все было даже слишком реальным — взять хотя бы холод от сиденья марсохода, глубоко проникавший в его плоть, — неотвратимо реальным, неотвратимо холодным. Она, будучи русской, видимо, не видела в этом ничего необычного. Но здесь всегда, всегда было холодно. Даже в полдень в середине лета, когда солнце висело над головой, яркое, как открытый проем в дверце топки, в греющем песчаного цвета небе, температура не поднималась выше 260 градусов по Кельвину — холод был достаточно сильным, чтобы проникать под прогулочник, заставляя с каждым шагом ощущать жжение ромбовидного узора подогревателя. Когда они подъехали к Андерхиллу, Мишель ощутил, как холод пронизал ткань, добравшись до его кожи, и почувствовал, как холодный, обогащенный кислородом воздух проникает в его легкие. Посмотрев вверх на песочный горизонт и песочное небо, сказал себе «Я гремучая змея, скользящая по красной пустыне

по холодным камням и сухой пыли. Однажды я сброшу свою кожу, как феникс в огне, и стану новым созданием солнца, буду гулять по пляжам обнаженным и плескаться в теплой соленой воде…» Оказавшись в Андерхилле, он вновь включил у себя в голове программу психиатра и спросил Майю, стало ли ей лучше. Она прислонилась забралом своего гермошлема к нему, будто поцеловала его.

— Сам знаешь, что да, — раздался у него в ухе ее голос.

Он кивнул.

— Думаю, мне пора совершить еще одну прогулку, — сказал он вместо: «А как же я? От чего бы я стал чувствовать себя лучше?» — и, насилу заставив себя сдвинуться с места, ушел. Голая равнина, окружавшая лагерь, казалась картиной некого постапокалиптического отчаяния, миром кошмара. И все же ему не хотелось возвращаться в их маленький уголок искусственного света, подогретого воздуха и тщательно подобранного цвета — цвета он выбирал в основном сам, применяя новейшие знания из теории цветовой выразительности. Сейчас он понимал, что некоторые ключевые положения, на которых эта теория основывалась, были совершенно не при-

менимы здесь. Эти цвета были неправильными или, что еще хуже, неуместными. «Обои из ада».

Фраза родилась в его разуме и слетела с губ. «Обои из ада. Обои из ада». Раз уж они все равно сходили с ума… С их стороны было безусловной глупостью отправить лишь одного психиатра. На Земле каждый психиатр сам посещал психиатра — это было частью работы, принималось как данность. Но его психиатр находился в Ницце, в лучшем случае в пятнадцати минутах, необходимых для передачи сообщения. Мишель общался с ним, но помочь тот не мог, потому что не понимал его по-настоящему. Он жил в тепле, мог выходить на улицу, был (насколько полагал Мишель) в удовлетворительном психологическом состоянии. Тогда как Мишель работал доктором в общежитии, расположенном в адской тюрьме, — доктором, который сам был болен.

Он не мог приспособиться. Каждый справлялся с этим по-разному, это зависело от характера. Майя, направлявшаяся теперь к шлюзу, сильно отличалась от него по нраву и чувствовала себя здесь совсем как дома. Более того, как он считал, она даже не замечала того, что ее окружает. И все же кое в чем они были похожи — уровнем лабильности-стабильности: и он, и она были ла-

бильны. Однако по ключевым показателям они отличались; уровень лабильности-стабильности необходимо было оценивать вместе с весьма различными наборами характеристик, сгруппированных под названиями «экстраверсия» и «интроверсия». Это было великим открытием прошлого года, благодаря которому разложились по полочкам все его размышления о нем самом и его переменах.

Прогуливаясь в сторону Алхимического квартала, он сопоставлял утренние события со своей новой характерологической системой. «Экстраверсия — интроверсия» — одна из наиболее изученных систем во всей теории психологии, она имела множество свидетельств, взятых из различных культур, и это подтверждало объективную реальность понятия. Не как простую двойственность: нельзя повесить на человека ярлыки таких качеств, как социабельность, импульсивность, переменчивость, общительность, дружелюбие, активность, живость, возбуждаемость, оптимизм и другие. Эти свойства исследовались так обширно, что взаимозависимость некоторых из них стала статически достоверной. То есть понятие было реальным, весьма реальным! Физиологические исследова-

ния даже показали, что экстраверсия связана с низкой корковой активацией, а интроверсия — с высокой. Поначалу Мишель считал, что должно быть наоборот, но затем вспомнил, что кора сдерживает нижние центры мозга, поэтому при ее низкой активации становится возможным экстравертное поведение, тогда как высокая активация оказывает подавляющее действие и ведет к интроверсии. Это объясняет, почему распитие алкоголя — депрессанта, понижающего корковую активацию, — приводит к более возбужденному и несдержанному поведению.

Поэтому весь набор экстравертных и интровертных черт, вместе со всем, что они говорят о характере человека, можно вычислить по группе клеток в стволовой части мозга, называющихся восходящей активизирующей ретикулярной системой, — зоной, определяющей уровень корковой активизации. Следовательно, их поведение обусловлено чистой биологией. «Такой вещи, как судьба, не существует», — сказал Ральф Уолдо Эмерсон[49] спустя год после смерти своего шестилетнего сына. Зато их судьбой была биология.

Но было еще кое-что в системе Мишеля. Судь-

---

[49] Примечания: 49
Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) — американский поэт и философ.

ба все-таки была не простым выбором из двух альтернатив. Недавно он начал задумываться об индексе автономного баланса Венгера, в котором использовалось семь показателей, определяющих, какие ветви преобладают в автономной нервной системе — симпатические или парасимпатические. Симпатическая ветвь реагирует на внешние раздражители и приводит организм в действие, так что люди, у которых она преобладает, более возбуждаемы. Парасимпатическая ветвь, напротив, способствует привыканию организма к раздражителям и восстанавливает гомеостаз, благодаря чему организмы с преобладающей парасимпатической ветвью довольно спокойны.

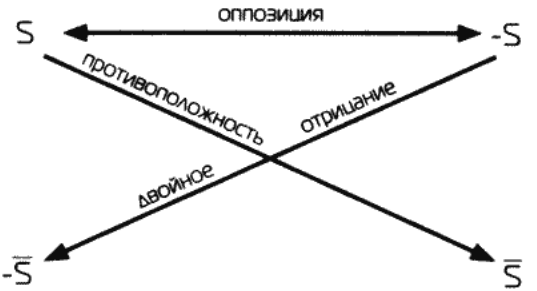
Даффи предложил называть эти два типа лабильными и стабильными, и эта классификация, пусть она и менее распространена, чем связанная с понятиями экстраверсии и интроверсии, столь же твердо основывается на эмпирических данных и столь же полезна для понимания разновидностей темперамента.

Однако ни одна из этих систем классификации не давала исследователю достаточно сведений о природе изучаемой личности. Понятия были слишком общими, представляя собой наборы

стольких склонностей, что они оказались весьма малополезны в каком-либо диагностическом смысле, особенно учитывая, что для фактического населения имели вид Гауссовых функций.

Но если совместить две системы, получались весьма интересные вещи.

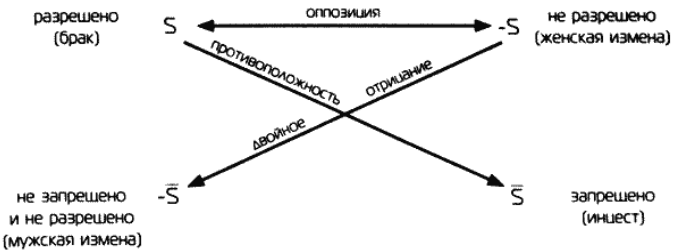
Это не так просто, и Мишелю приходилось проводить перед экраном своего компьютера немало времени, пробуя один способ совмещения за другим, представляя разные системы как оси x и y в разных системах координат, но это ничего ему не дало. Затем он начал переставлять эти четыре характеристики в семиотическом квадрате Греймаса, структуралистскую схему, уходящую корнями в алхимию и предполагавшую, что простой диалектики мало, чтобы заметить истинную сложность какого-либо набора связанных понятий. Поэтому необходимо было учесть реальную разницу между оппозицией чего-либо и ее противоположностью; как можно было сразу заметить, понятие «не-X» не было тем же самым, что «анти-X». Поэтому на первом этапе обычно использовались четыре обозначения: S, — S, Š, -Š в простом квадрате:



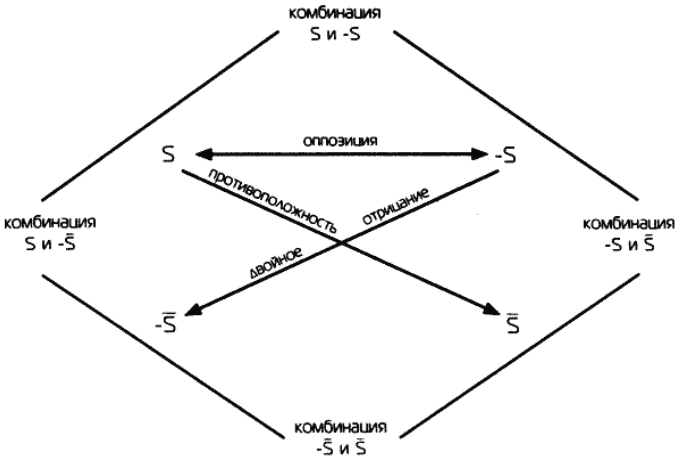
Таким образом, — S было простым не — S, а Š было сильнее, чем анти — S, тогда как — Š было головоломным для Мишеля отрицанием отрицания, то есть уравновешиванием начального противоположения, либо союзом двух отрицаний — на практике это зачастую оставалось загадкой-коаном[50], но иногда и становилось известным, как идея, которая достаточно точно дополняла концепцию, как в одном из примеров Греймаса:

[50] Примечания: 50

В дзен-буддизме коан — загадка, которую невозможно решить с помощью логического мышления.

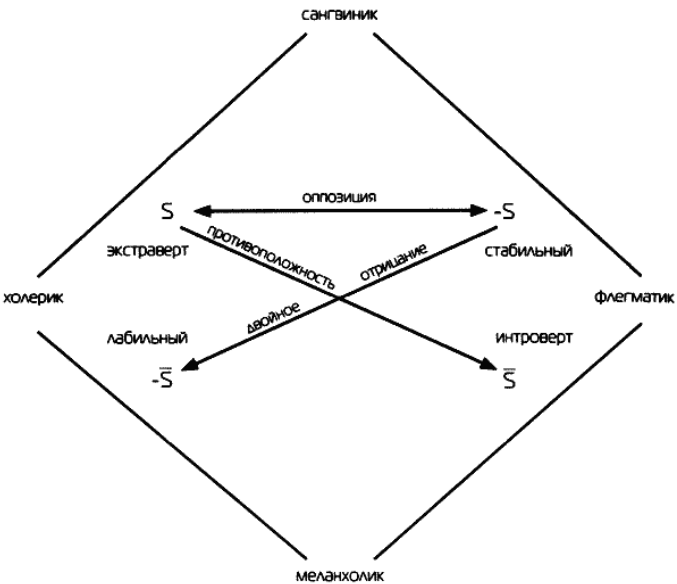


Следующим усложнением замысла, шагом, при котором новые комбинации часто показывали структурную зависимость не столь очевидную, было построение еще одного квадрата таким образом, чтобы захватить в него первый под правильными углами:



И Мишель, установив экстраверсию, интроверсию, лабильность и стабильность в первые четыре угла и прикидывая различные комбинации, вглядывался в схему. И вдруг все встало на свои места, будто в калейдоскопе, где случайным образом сложилось изображение цветка розы. Все обрело смысл: были возбуждаемые экстраверты, уравновешенные экстраверты, эмоциональные

интроверты и спокойные интроверты. Он тут же придумал примеры всех четырех типов, взятые из числа колонистов.



Придумывая для этих комбинированных категорий названия, он не смог сдержать смех. Невероятно! Мысль о том, что он пытался применить результаты психологических знаний, собраны за последнее столетие, и некоторых новейших лабораторных исследований в области психофизиологии, не говоря уже о сложном комплексе структуралистской алхимии, казалась, по меньшей мере, ироничной — ведь выяснилось, что нужно было всего-навсего переосмыслить старинную систему темпераментов. Но так уж вышло — именно к такому выводу он пришел. Северную комбинацию (стабильного экстраверта) Гиппократ, Гален, Аристотель, Трисмегист, Вундт и Юнг очевидно, назвали бы сангвиником, западную (лабильного экстраверта) — холериком, восточную (стабильного интроверта) — флегматиком, а южная (лабильный интроверт) была точным определением меланхолика! Да, все идеально сошлось! Физиологическое объяснение четырех типов темперамента, составленное Галеном, конечно, оказалось неверным, и черная желчь, желтая желчь, кровь и флегма в качестве причинных факторов теперь были заменены восходящей активизирующей ретикулярной системой и автономной нервной системой, но и

истинность человеческой природы играла свою роль! А психологическое понимание и логическое мышление первых греческих врачевателей были настолько выдающимися, что они ослабили все последующие поколения этим зачастую бесполезным собранием знаний, и старые категории сохранялись, слепо подтверждаясь век за веком.

Мишель понял, что оказался в Алхимическом квартале. Он буквально заставил себя обратить на это внимание. Здесь люди использовали тайные знания, чтобы превращать углерод в алмазы, причем делали это так легко и уверенно, что все их окна теперь были покрыты молекулярным алмазным слоем, защищавшим от губительного действия пыли. Их великие соляные пирамиды (еще одна из величайших форм древних знаний — пирамиды) также покрывали слои чистого алмаза. И нанесение такого покрытия было лишь одним из тысяч алхимических операций, которые проходили в этих приземистых строениях.

В последние годы здания стали слегка походить на мусульманские, на белых кирпичных стенах появлялись выложенные мозаикой плавные, каллиграфические записи уравнений. Мишель наткнулся на Сакса, который стоял возле уравнения равновесной скорости, написанного на

стене кирпичной фабрики, и переключился на общую частоту:

— Ты можешь превратить свинец в золото?

Гермошлем Сакса насмешливо склонился набок.

— Почему нет? — ответил он. — Это просто два элемента. Что тут сложного? Дай мне немного над этим подумать.

Саксифрейдж Расселл. Идеальный флегматик.

Настоящая польза распределения четырех типов темперамента по семиотическому квадрату состояла в том, что оно позволило определить количество основных структурных связей между ними — и это помогло Мишелю увидеть некоторые их привязанности и раздоры. Майя была лабильным экстравертом — ярко выраженным холериком, как и Фрэнк, и оба они были лидерами, оба весьма привлекали друг друга. Но то, что оба холерики, было крайне нестабильным и отталкивающим фактором в их отношениях, будто они узнавали друг в друге то, что не любили в самих себе.

Также Майя любила Джона, несомненного сангвиника, похожего на нее своей экстраверсией, но гораздо более психологически стабильного, вплоть до полной безмятежности. Поэтому чаще

всего он давал ей успокоение, словно являлся ее якорем к реальности, — но время от времени это раздражало. А чем она привлекала Джона? Видимо, непредсказуемостью — как острая приправа к его умиротворенной душе. Ну разумеется, почему бы и нет? Нельзя же заниматься любовью с собственной славой. Даже если некоторые пытаются это делать.

Да, в первую сотню попало много сангвиников. Возможно, этому типу отдавалось предпочтение при психологическом отборе. Аркадий, Урсула, Филлис, Спенсер, Илья… Уж наверняка. Также предпочтительным свойством характера была стабильность, из-за чего среди них оказалось немало и флегматиков: Надя, Сакс, Саймон Фрейзер, Хироко — вероятно, никто не знал, какая она на самом деле, — Влад, Джордж, Алекс.

Флегматикам и меланхоликам, естественно, приходилось пробиваться с трудом. И те, и другие были интровертами и быстро уходили в себя, а стабильные избегали непредсказуемости лабильных, поэтому они отдалялись друг от друга, как Сакс и Энн. Меланхоликов на Марс попало немного. Например, Энн — она была меланхоликом, вероятно, от рождения, хотя ее меланхолию усилило то, что с ней плохо обращались в детстве.

Она любила Марс по той же причине, по которой Мишель его ненавидел: потому что он был мертв. А Энн была влюблена в смерть.

Также меланхоликами были несколько алхимиков. И, к сожалению, сам Мишель. Всего, наверное, человек пять. Их взяли в противовес, хотя отборочный комитет считал нежелательными и интроверсию, и лабильность. Проскользнуть могли лишь те, кто был достаточно умен, чтобы утаить свою истинную природу от комитета, — люди, умело управлявшие собой, чьи выдуманные маски скрывали всю их несостоятельность. Может быть, в колонию отбирали лишь обладателей определенного типа личности, которому соответствовало множество разных людей. Было ли это так? Отборочные комитеты предъявляли нереальные требования — об этом тоже важно помнить. Им требовались стабильные люди, которые при этом хотели бы полететь на Марс так сильно и безумно, что готовы были посвятить достижению этой цели годы своей жизни Совместимо ли это? Им были нужны экстраверты и блестящие ученые, которые на целые годы уходили бы с головой в исследования в одиночестве. Совместимо ли это? Нет! Никогда. И таких примеров было много. Они создавали про-

тиворечия за противоречиями — неудивительно, что первая сотня обманывала и ненавидела их. Он с содроганием припомнил тот момент во время солнечной бури на «Аресе», когда все осознали, сколько лжи и уловок им пришлось выдумать, и когда они повернулись и уставились на него со всей накопленной злостью, будто в том была его вина, будто он был средоточием всей психологии, будто сам разработал критерии отбора, составлял тесты и лично их выбирал. Как же он сжался от страха в тот момент, каким одиноким себя почувствовал! Это потрясло его, испугало до такой степени, что он не смог достаточно быстро сообразить: нужно признаться — он тоже соврал, конечно, соврал, больше, чем любой из них!

Но почему он соврал, почему?

Это он слабо помнил. Его меланхолии сопутствовала слабая память, острое ощущение нереальности прошлого, будто его и не существовало… Он был меланхоликом: замкнутым, не контролирующим свои чувства, склонным к депрессии. Его не должны были выбрать. Теперь же он *не мог вспомнить*, почему так стремился сюда. Память пропала, вероятно, подавленная мучительными, тяжелыми, обрывочными образами той жизни, которой он жил в промежутках

между стремлением попасть на Марс. Такой мизерной и такой ценной — вечера на площадях, летние дни на пляжах, ночи в постелях с женщинами. Оливковые деревья Авиньона. Похожие на зеленое пламя кипарисы.

Он понял, что покинул Алхимический квартал и теперь стоял у подножия Великой соленой пирамиды. Он медленно взошел по четырем сотням ступеней, осторожно ставя ноги на голубые антискользящие подкладки. С каждым шагом ему открывался все лучший вид на Андерхильскую равнину, но все равно она оставалась той же голой кучей камней, какой бы большой ни была. С квадратной белой беседки на вершине пирамиды виднелись Чернобыль и космопорт. И больше ничего. Зачем он прилетел сюда? Зачем так стремился сюда попасть, принеся в жертву жизнь, семью, дом, досуг, развлечения?.. Он потряс головой. Насколько он припоминал, ему просто этого хотелось, он считал это определением своей жизни. Влечение, цель жизни — как тут было их различить? Лунные ночи в благоуханной оливковой роще, земля из маленьких черных крупинок, теплое прикосновение мистралей, шелестящих листьями, и он — лежит на спине, раскинув руки в стороны, а листья

мерцают серым и серебристым цветом на фоне черного звездного неба. А одна из этих звезд, проглядывавших между обдуваемыми ветром оливковыми листьями, — неподвижная, слабая, красноватая, и он находил ее и не сводил глаз, лежа там в свои восемь лет. Господи, кем они были? Ответа не существовало, они не поддавались объяснению! Как и то, почему люди рисовали на стенах пещеры Ласко, почему строили каменные соборы до небес. Почему коралловые полипы образовывали рифы.

Его юность была самой обычной: он часто переезжал, терял друзей, поступил в Парижский университет на психологию, защитил дипломную работу о депрессиях на космических станциях и стал работать на «Ариан», а затем на Главкосмос. В это время он женился и развелся: Франсуаза сказала, что он «как будто все время не здесь» Он проводил с ней ночи в Авиньоне, проживал дни в Вильфранш-сюр-Мер, в красивейшем месте на Земле — но витал в облаках, мечтая попасть на Марс! Какой бред! Да что уж там — глупость. Сбой воображения, памяти, самого разума, наконец: он не замечал того, что у него было, или не представлял того, что будет. А сейчас расплачивался за это, оказавшись на плавучей льдине в полярную

ночь вместе с девяноста девятью незнакомцами, ни один из которых не говорил по-французски. Лишь трое иногда пытались, и то Фрэнк говорил так, что лучше бы этого не делал, — казалось, будто он рубил язык топором.

Отсутствие собеседника, говорившего на языке, на котором он думал, вынуждало его смотреть телевидение, но оно лишь обостряло боль. Он также записывал видеомонологи и отправлял их матери и сестре, а те присылали ответы, которые он просматривал много раз, больше разглядывая фон, чем своих родных. Изредка общался с журналистами, нетерпеливо ожидая, пока дойдут сообщения. По этим беседам было видно, каким знаменитым он стал во Франции, что его знали в каждой семье, поэтому он стал отвечать осторожнее, подбирая подобающие ответы, играя Мишеля Дюваля, следующего своей программе. Случалось, что он отменял консультации с колонистами из-за того, что ему хотелось послушать французскую речь («Да чтоб они подавились своим английским!»). Но за это получил строгий выговор от Фрэнка и потом долго беседовал с Майей. Работал ли он слишком много? Конечно, нет — он лишь сохранял в здравом рассудке девяносто девять человек, мысленно прогуливаясь

по Провансу, по заросшим деревьями пологим склонам, виноградникам, сельским домикам, разрушенным башням и монастырям, по живой местности, бесконечно более красивой и человечной, чем каменные пустоши этой реальности…

Он сидел в телегостиной. Похоже, он, погруженный в размышления, зашел внутрь. Но он не помнил этого — он думал, что все еще стоял на вершине Великой пирамиды, а, сморгнув, оказался в телегостиной (такие есть в каждом убежище), где уже смотрел видео об одной из поросших лишайником стен долин Маринер.

Он содрогнулся. Это произошло снова. Он потерял связь с реальностью и перенесся вперед во времени. Такое случалось с ним уже десятки раз. И он не просто погружался в мысли — но зарывался в них, умирал для остального мира. Он осмотрел комнату, по телу пробежала судорога. Было L_S = 5°, начало северной весны, и северные стены великих каньонов грелись на солнце. Раз уж они все равно сходили с ума…

Затем стало L_S= 157°. 152 градуса пролетели в тумане телесуществования. Он грелся на солнце во внутреннем дворике прибрежной виллы Франсуазы в Вильфранш-сюр-Мер, разглядывая плоские крыши, глиняные колонны и небольшой бассейн,

бирюзу поверх синей глади Средиземноморья. Кипарисы горели над бассейном зеленым пламенем, качаясь от легкого ветерка и вея аромат своих духов ему в лицо. Вдали виднелся зеленый мыс полуострова…

Только на самом деле он находился в Андерхилл-Прайме, который чаще называли просто котлованом или надиной аркадой. Сидел на верхнем балконе, наблюдая за карликовой секвойей, за которой располагалась стеклянная стена и зеркала, отражавшие свет в атриум, придавая ему схожесть с французским золотым берегом. Татьяна Дурова погибла, когда робот уронил на нее кран, и Надя была безутешна. Но скорбь уходит, думал Мишель, сидя перед ней, — уходит как с гуся вода. Со временем Надя придет в норму. А до тех пор ничего нельзя поделать. Неужели они считали его волшебником? Или священником? Будь это так, он вылечил бы себя, вылечил бы весь этот мир, а еще лучше — улетел бы домой. Вот бы шум поднялся, если бы он появился на пляже в Антибе и сказал: «Bonjour! Я Мишель. Не подскажете, я точно дома?»

Затем было 190°, и он превратился в ящерицу на вершине Пон-дю-Гара. Сидел на узких квадратных каменных плитках, покрывавших сам

акведук, прямой линией перекинутый высоко над оврагом. Его старая кожа с ромбовидным рисунком начинала слезать, собираясь на хвосте, и горячее солнце уже обжигало новую. Только на самом деле он был в Андерхилле, в атриуме, Фрэнк уехал жить к японцам, высадившимся на равнине Аргир, а Майя с Джоном ругались по поводу своих комнат и по поводу места размещения местного штаба УДМ ООН. И теперь Майя, прекрасная, как всегда, кралась за ним, умоляя о помощи. Он разъехался с Мариной Токаревой примерно один марсианский год назад — она сказала, что он «будто все время не здесь», — и теперь, глядя на Майю, представлял, как занимается с ней любовью, но это, конечно, было безумием — она была русалкой, спала с руководством Главкосмоса и космонавтами, чтобы подняться по карьерной лестнице, это сделало ее недоступной, резкой и непредсказуемой, теперь она использовала секс, чтобы приносить боль, секс стал для нее лишь дипломатией, было бы безумием заниматься с ней чем-либо в этом роде, попасться в ее ловушку. И почему они не отправили сюда сумасшедших…

Но вот уже L_S= 241°. Он гулял вдоль парапета из белого камня в Ле-Бо, взирая на руины сред-

невекового монастыря. День подходил к закату, окрасившись в загадочно оранжевый, под стать Марсу, цвет. Белый камень светился, а внизу простиралась затемненная равнина, до самой светло-бронзовой линии Средиземноморья, такой невероятной, будто это происходило во сне… Только это и был сон, и он, проснувшись, снова обнаружил себя в Андерхилле. Филлис и Эдвард как раз вернулись из экспедиции, и Филлис, смеясь, показывала им маслянистую каменную глыбу.

— И такие разбросаны по всему каньону, — смеялась она. — Золотые самородки размером с кулак.

Затем он бродил по тоннелям в направлении гаража. Психиатр колонии, преследуемый видениями, с пробелами в сознании и памяти. Врач, исцели самого себя![51] Но он не мог. Он сошел с ума от тоски по дому. Тоска по дому… Должен быть более подходящий термин, установленное научное определение, которое сделало бы ее реальной для других. Сам он уже знал, что она была реальной. Он так сильно скучал по Провансу, что временами ему казалось, будто он не может дышать. Он был как надина рука — от

[51] Примечания: 51
Евангелие от Луки, 4:23.

него оторвали кусок, но фантомный нерв все еще пульсировал болью.

…Избавить их от мучений?

Шло время. Программа Мишеля сошла на нет, он стал полым, пустым изнутри, лишь крошечные гомункулы в мозжечке продолжали управлять телом.

Ночь второго дня L_S = 266°, он ложился в постель. Он чувствовал себя изнуренным, хотя ничего не делал. Истощенный и опустошенный, лежал в темноте своей комнаты и все равно не мог уснуть. Мысли, мелькавшие в голове, не находили покоя — он полностью осознавал, насколько болен. Ему хотелось перестать притворяться и признать, что он лишился рассудка, поместить себя в лечебницу. Уйти домой. Он не помнил почти ничего из случившегося за последние недели — или месяцы? Он не был уверен. Он заплакал.

Его дверь издала щелчок, распахнулась настежь, и комнату осветила узкая полоса света, но никого не было.

— Эй, — позвал он, стараясь голосом не выдать своих слез. — Кто здесь?

Ответ прозвучал прямо у него в ухе, будто по внутренней связи в скафандре.

— Идемте со мной, — позвал мужской голос.

Мишель дернулся и уперся в стену. Он уставился на черный силуэт.

— Нам нужна ваша помощь, — прошептала фигура. Когда он прижался к стене, его взяли под руку. — А вам нужна наша. — В голосе послышался намек на улыбку, но сам голос был ему *незнаком*.

Страх быстро привел его в сознание. Внезапно он стал видеть намного лучше, будто прикосновение посетителя заставило его зрачки распахнуться, как кадровое окно фотоаппарата. Худой темнокожий мужчина. Незнакомец. Охвативший его страх сменился изумлением, он поднялся и, словно во сне, двинулся вперед в тусклом свете, надел тапки и вышел в коридор вслед за незнакомцем, впервые за много лет ощущая легкость марсианского *g*. Коридор, казалось, наполнился сумрачным светом, хотя он видел лишь ряд темных полос на полу. Но при таком страхе большего и не требовалось. У его спутника были короткие черные дреды, из-за которых его голова казалась покрытой шипами. Он был невысоким, худощавым, с узким лицом. И незнакомым — это не вызывало сомнений. Незваный гость из какой-нибудь новой колонии в южном полушарии, как подумал Мишель. Но этот че-

ловек вел его по Андерхиллу уверенно, ступая совершенно бесшумно. И вообще, весь Андерхилл затих, будто они оказались в немом черно-белом фильме. Он взглянул на часы — циферблат был пуст. Временной сброс. Он хотел спросить: «Кто вы?», но тишина казалась такой подавляющей, что он не мог заставить себя произнести хоть слово. А когда все же сумел пошевелить губами, мужчина обернулся и взглянул на него из-за плеча, белки его широко раскрытых глаз сияли в темноте, окружая зрачки со всех сторон, а ноздри казались широкими черными дырами.

— Я прилетел вместе с вами, тайно, — проговорил он и усмехнулся. Его клыки были обесцвечены и — как внезапно заметил Мишель — сделаны из камня. Зубы из марсианского камня. Он взял Мишеля под руку. Они направлялись к шлюзу фермы.

— Там нам понадобятся шлемы, — прошептал Мишель, упираясь.

— Не сегодня.

Человек открыл шлюз, но воздух не устремился внутрь, даже несмотря на то, что с другой стороны было открыто. Они зашли на ферму и направились между темными рядами густых зарослей.

Дышать здесь было приятно. «Хироко рассер-

дится, когда узнает», — подумал Мишель.

Его проводник исчез. Впереди Мишель уловил движение, и до него донесся негромкий звенящий смешок. Как будто детский. Вдруг Мишелю пришло в голову, что отсутствие детей вызывало всепроникающее чувство стерильности их колонии, и хотя они строили здания и выращивали растения, без детей это чувство стерильности все равно касалось каждой стороны их жизни. До ужаса напуганный, он двинулся дальше, к середине фермы. Было тепло и влажно, в воздухе витал запах сырой земли, удобрений и листвы. Свет отражался в тысячах листьев, будто звезды пали сквозь прозрачную крышу и сложились в кучу вокруг Мишеля. Шелестели ряды кукурузы, запахи ударяли ему в голову, будто бренди. За узкой рисовой грядкой пробежали маленькие ножки. Среди рисовых стеблей — даже в темноте они были насыщенного черно-зеленого цвета — проглядывали маленькие лица, на уровне колена, но они исчезли, стоило ему к ним повернуться. Его лицо и руки налились горячей кровью, кровь превратилась в огонь, и он отступил на три шага, после чего остановился и обернулся. Две маленькие голые девочки шли по дорожке ему навстречу, черноволосые, тем-

нокожие, примерно лет трех. Их азиатские глаза ярко сияли во мраке, лица выражали печаль. Они взяли его за руки и повернули кругом, и он позволил им вести себя по дорожке, глядя то на одну, то на другую. Похоже, кто-то решил выступить против стерильности колонистов. Пока они шли, из кустов появлялись другие голые малыши и окружали их, мальчики и девочки, одни темнее, другие светлее, но большинство такого же цвета, как первые двое, и все были одного возраста. Девять или десять ребят, быстро кружа вокруг него, отвели Мишеля на середину фермы. А в самом центре оказалась небольшая поляна, которую занимала примерно дюжина взрослых, все были обнажены и сидели в неровном кругу. Дети подбежали к ним, обняли и уселись в ногах. Глаза Мишеля распахнулись еще сильнее, когда в свете звезд и проблеске листьев он узнал членов фермерской команды — Ивао, Рауля, Эллен, Риа, Джина, Евгению… Всю команду, кроме самой Хироко.

После недолгого колебания Мишель сбросил тапки и снял одежду, сложил ее поверх обуви и занял свободное место в кругу. Он не знал, к чему присоединяется, но это не имело значения. Некоторые приветственно ему кивнули, а Эллен

и Евгения, сидевшие по бокам от него, коснулись его рук Вдруг дети ни с того ни с сего вскочили и убежали по одному из проходов, крича и хихикая. Они вернулись, плотно окружив Хироко, которая вошла в середину круга. Ее темное нагое тело обволакивала тьма. Преследуемая детьми, она медленно обогнула круг, высыпая землю из кулаков на протянутые ладони каждого. Мишель тоже поднял руки, вместе с Эллен и Евгенией, когда она подошла, и пристально рассмотрел ее блестящую кожу. Однажды ночью на пляже в Вильфранше мимо него прошла группа африканок, они плескались водой, и та сияла на их черной сверкающей коже…

Земля в его руке была теплой и пахла ржавчиной.

— Это наше тело, — сказала Хироко.

Она перешла на противоположную сторону круга, раздала детям по горсти земли и указала им сесть между взрослыми. Сама же уселась напротив Мишеля и начала петь по-японски. Евгения, наклонившись к Мишелю, шептала ему на ухо перевод. Они совершали ареофанию, обряд, который придумали под началом и влиянием Хироко. Это было что-то вроде местной религии, осознание Марса как физического пространства,

наполненного *коми* духовной энергией или силой, заключенной в самой земле. *Коми* наиболее явно проявлялась в определенных выдающихся объектах ландшафта — каменных колоннах, изолированных изверженных породах, отвесных скалах, удивительно гладких кратерах, широких круглых вершинах великих вулканов. Эти кричащие выражения марсианской *коми* имели земной аналог, заключенный внутри самих колонистов, — силу, которую Хироко называла *виридитас*, — ту внутреннюю зеленящую силу, понимающую святость самого дикого мира. *Коми, виридитас* — это была комбинация священных сил, которые позволили бы людям полноценно существовать здесь.

Когда Мишель услышал от Евгении слово «комбинация», все термины мгновенно встали на места в семиотическом квадрате: *коми* и *виридитас*, Марс и Земля, ненависть и любовь, недостаток и тоска. Затем калейдоскоп переключился на дом, и все квадратики сложились у него в голове, все противоречия исчезли, превратившись в красивую одинокую розу, сердце ареофании, *коми* наполнилась *виридитас*, и обе одновременно стали и красными, и зелеными. Он приоткрыл рот, кожа будто горела, но он не

мог этого объяснить, да и не хотел. Кровь бурлила у него в венах.

Хироко прекратила петь, поднесла руку ко рту и начала есть землю с ладони. Остальные проделали то же самое. Поднял руку и Мишель: земли было многовато, чтобы ее съесть, и он, высунув язык, слизал половину горсти, ощутил быструю дрожь, когда принялся тереть ею о нёбо и возить во рту, пока она не превратилась во влажную грязь. На вкус она была соленой и ржавой, с неприятным запахом гнилых яиц и химикатов. Он все проглотил, слегка поперхнувшись. Затем проглотил то, что осталось во второй руке. Пока участники обряда ели, в кругу раздавался неравномерный гул, гласные переходили из одной в другую: а-ай, о-о-о, а-ах, и-и-и, е-е-е, у-у-у — каждая гласная, казалось, тянулась с минуту, звук раскалывался на две, а иногда и на три части, высокие звуки создавали странные гармонии. На фоне этого гула Хироко снова начала петь. Все встали, поднялся и Мишель. Вместе они двинулись в середину круга, Евгения и Эллен взяли его под руки и потянули вперед. Они сплотились вокруг Хироко, образовав груду тесно прижатых тел, обступив Мишеля так, что теплая кожа давила на него со всех сторон. Это наше тело. Все

целовались, прикрыв глаза. Они медленно вращались, стараясь все время касаться других тел, находясь в движении. Жесткие лобковые волосы щекотали нижнюю часть его тела, и он почувствовал, как его бедра коснулся эрегированный член. Земля тяготила живот, у него закружилась голова, кровь превратилась в огонь, а кожа — в воздушный шар, до предела накачанный пламенем. Поразительное множество звезд теснилось над головой, и у каждой был собственный цвет — зеленый, красный, голубой или желтый. Они казались искрами.

Он был фениксом. Сама Хироко прижалась к нему, и он возвысился среди огня, готовый переродиться. Она заключила его тело в плотные объятия, сдавила его; она была высокой и казалась сплошным мускулом. Она заглянула ему в глаза. Он ощутил, как ее груди прижались к его ребрам, а лобковая кость — к бедру. Она поцеловала его, коснувшись языком его зубов; он почувствовал вкус земли и внезапно, в один миг ощутил ее всю. Всю оставшуюся жизнь непроизвольного воспоминания об этом чувстве ему будет достаточно, чтобы прийти в возбуждение, но в ту минуту он был слишком ошеломлен, целиком объятый пламенем.

Хироко отвела голову и снова посмотрела на него. Воздух свистел у него в легких — на вдохе и на выдохе. Она сказала ему по-английски, торжественно, но добродушно:

— Это твое посвящение в нашу ареофанию, обряд тела Марса. Приветствуй его. Мы поклоняемся этому миру. Мы намерены сделать здесь место для себя — место, красивое по-марсиански, невиданное на Земле. Мы построили скрытое убежище на юге, и теперь мы уходим туда. Мы знаем тебя, мы любим тебя. Мы знаем, ты сможешь нам помочь. Мы хотим построить то, по чему ты тоскуешь, то, чего тебе не хватает здесь. Но все в новых формах. И мы никогда не вернемся. Мы должны идти вперед Мы должны найти свой путь. Мы выходим сегодня. И хотим, чтобы ты шел вместе с нами.

И Мишель произнес:

— Я пойду.

Часть пятая
Попасть в историю

≈ * ≈

Лаборатория тихонько гудела. Столы и полки были заставлены разными предметами, белые стены исписаны графиками, завешаны постерами и забавными вырезками, и все это слабо трепетало в ярком искусственном свете. Здесь было как в любой другой лаборатории: где-то чисто, где-то беспорядок В единственном окне в углу было темно и отражался интерьер: снаружи стояла ночь. Во всем здании почти никого не было.

Но у одной из полок, прильнув к монитору компьютера, стояли двое мужчин в лабораторных халатах. Тот, что был ниже ростом, нажал указательным пальцем на клавишу располагавшейся под экранам клавиатуры, и изображение сменилось. Появились зеленые спирали на черном фоне, заштрихованные таким образом, чтобы резко выделить их трехмерность, будто экран был объемным. Изображение поступало из электронного микроскопа: вся показанная область занимала всего

несколько микрон.

— Видишь, это что-то вроде плазмидного восстановления последовательности гена, — произнес невысокий ученый. — Мы идентифицируем разрывы в оригинальной нити. Синтезируем последовательности для замены, а когда вводим их в клетку, разрывы определяются как места привязки, и она привязывается к оригиналу.

— Вы вводите их с помощью трансформации или электропорацией?

— Трансформации. Обработанные клетки вводятся вместе с обычными, и замененные цепи совершают конъюгационный перенос.

— In vivo?[52]

— In vivo.

Тихий присвист.

— Значит, неважно, какие они мелкие — вы все равно сможете их восстановить? Даже при ошибках деления клеток?

— Верно.

Оба пристально смотрели на спирали,

---

[52] Примечания: 52
В живом *(лат.)*.

колышущиеся на экране, будто молодые лозы винограда на ветру.

— Образцы уже есть?

— Влад показывал тебе мышей в соседней комнате?

— Ага.

— Им пятнадцать лет.

Еще один присвист.

Они вошли в соседнюю комнату, где держали мышей, бормоча что-то друг другу под гул машин. Высокий с любопытством разглядывал клетку, где шерстяные комочки дышали из-под древесных щепок Затем, снова выйдя из комнаты, они потушили свет в обоих помещениях. Первую лабораторию своим зеленым мерцанием освещал экран электронного микроскопа Ученые, беседуя на пониженных тонах, подошли к окну. Они выглянули наружу. Небо в преддверии нового дня окрасилось пурпурными красками, звезды исчезали, будто их вовсе и не существовало. На горизонте с одной стороны возвышался огромный вулкан с плоской вершиной. Гора Олимп, высочайшая точка Солнечной системы.

Высокий ученый покачал головой.
— Знаешь ли, это изменит все.
— Знаю.

≈ * ≈

Со дна шахты небо напоминало ярко-розовую монету. Сама шахта была круглой, в один километр диаметром, в семь глубиной. Со дна, однако, казалась намного более узкой и глубокой. Иногда перспектива способна вытворять с человеческим зрением забавные штуки.

Как, например, та птица, что летит вниз над этой розовой точкой неба и кажется такой огромной. Только это не птица.

— Эй, — сказал Джон.

Директор шахты, круглолицый японец по имени Эцу Окакура, взглянул на него, и Джон увидел сквозь оба их забрала нервную улыбку. В глаза ему бросился бесцветный зуб японца.

Окакура посмотрел вверх.

— Что-то падает, — крикнул он. — Бежим!

Они повернулись и бросились к двери шахты. Джон быстро сообразил: несмотря на то, что почти все рыхлые породы здесь были удалены и остался лишь черный базальт, дно шахты никто не пытался выровнять. Мелкие кратеры и бугорки мешали ему развивать приличную скорость. Инстинкты, заложенные в детстве, в эту минуту

взяли верх, и он с силой отталкивался от земли при каждом шаге, неистово преодолевая неизведанную территорию, продолжая безумный бег до тех пор, пока наконец не споткнулся, потеряв равновесие. Он упал на неровную глыбу, выставив перед собой руки, чтобы не разбить забрало гермошлема. Испытал небольшое утешение, увидев, что и Окакура тоже упал. К счастью, та же гравитация, что вызвала их падение, давала им больше времени на то, чтобы убежать: падающий объект все еще не достиг земли. Они поднялись и побежали снова, но Окакура снова упал. Джон оглянулся и увидел, как по камням расплылось яркое металлическое пятно, и затем раздался звук удара — отчетливый глухой хлопок. Разлетелись серебристые ошметки, некоторые — в их сторону. Он остановился, внимательно проверил, не появилось ли признаков извержения. Никаких звуков не было слышно.

Сверху прилетел большой гидроцилиндр и врезался вертикально слева от них, отчего их подбросило в воздух. Такого он не ожидал.

А затем наступила тишина. Они простояли на месте с минуту, а затем Бун пошевелился. Он обливался потом: дно шахты со своими 49 градусами Цельсия было самым жарким местом на

Марсе, хотя на них были гермокостюмы, которые работали на охлаждение. Он шагнул, чтобы помочь Окакуре подняться на ноги; тот, судя по всему, мог подняться и сам, вместо того чтобы вынуждать *гири*[53] Джона ему помогать. Если Бун верно трактовал суть этого понятия.

— Давай посмотрим, — сказал он.

Окакура поднялся, и они снова пошли по густому черному базальту. Шахта была глубоко пробурена в твердой коренной породе — сейчас она тянулась примерно на двадцать процентов всей глубины литосферы. На дне было так душно, будто костюмы не имели никакой изоляции. Подаваемый воздух приятной прохладой овевал Буну лицо и наполнял легкие. Очерченное темными стенками шахты розовое небо казалось слишком ярким. Солнечный свет, доходя до стены, озарял небольшой участок в форме конуса. В середине лета солнце могло висеть круглые сутки — нет, они находились к югу от Тропика Козерога. И здесь, внизу, царила вечная тень.

Они приблизились к месту крушения. Как оказалось, это был автоматизированный самосвал, из тех, что поднимали камни вверх по спирали,

---

[53] Примечания: 53
Чувство долга *(яп.).*

вырезанной в стене шахты. Обломки машины валялись вперемешку с крупными булыжниками; некоторые отлетели на сотню метров от места, где это случилось. Дальше чем через сто метров мусор попадался редко; пролетевший мимо них цилиндр, судя по всему, был запущен под некоторого рода давлением.

Груда магния, алюминия и стали — все было ужасно покорежено. Магний и алюминий частично расплавились.

— Как думаешь, он свалился с самой вершины?

Окакура не ответил. Бун пристально на него смотрел, но тот старательно избегал его взгляда. Вероятно, был напуган. Джон заметил:

— По-моему, прошло добрых тридцать секунд между тем, как я его заметил, и тем, как он упал.

При трех метрах в квадратную секунду, или около того, этого более чем достаточно, чтобы достичь равновесной скорости. А значит, упасть он должен был где-то при двухстах километрах в час. Сказать по правде, не так уж и много. На Земле он долетел бы вдвое быстрее и вполне мог их задеть. Джон быстро проводил расчеты. Когда он увидел самосвал, тот, возможно, был примерно в середине шахты и мог лететь уже

некоторое время.

Бун медленно прошелся между стеной и грудой металла. Самосвал упал на правый бок, а левый, хоть и помялся, был еще узнаваем. Окакура, взобравшись по нему на несколько шагов, указал на черный участок за левой передней шиной. Джон подошел к нему, соскоблил металл ногтем пальца своей перчатки. Черное вещество сходило, словно это была сажа. Взрыв нитрата аммония. Корпус машины в том месте вогнулся так, будто по нему ударили молотом.

— Мощность была приличная, — заметил Джон.

— Да, — сказал Окакура и прочистил горло. Он явно напуган. Что ж, первый человек на Марсе чуть не погиб под его шефством, равно как и он сам, но кто знал, что испугало его сильнее? — Такая, что хватило, чтобы столкнуть самосвал с дороги.

— Ну, как я уже говорил, сообщения о саботаже поступали и раньше.

Из-за забрала было видно, что Окакура нахмурился.

— Но кто мог это сделать? И зачем?

— Не знаю. У кого-нибудь в твоей команде есть психологические проблемы?

— Нет.

Окакура старался не выдавать никаких эмоций. В каждой группе, состоящей более чем из пяти человек, у кого-нибудь всегда есть психологические проблемы, а в промышленном городке Окакуры проживало пятьсот человек.

— Это уже шестой случай, что я видел, — сказал Джон. — Но так близко смотреть еще не приходилось. — Он усмехнулся, вспомнив похожую на птицу точку в розовом небе. — Не думаю, что стоило большого труда прикрепить бомбу к самосвалу перед тем, как он сюда спустился. И включить счетчик времени или высоты.

— То есть ты говоришь о радикалах. — Теперь Окакура выглядел более спокойным. — Мы слышали о них. Но это… — он пожал плечами, — безумие.

— Да, — Джон осторожно слез с разбитого самосвала. Они прошли по дну шахты к машине, на которой спустились. Окакура, переключившись на другую частоту, переговаривался с теми, кто находился наверху.

Джон остановился возле ямы, чтобы в последний раз осмотреться. Гигантскую шахту было трудно охватить взглядом; приглушенный свет и вертикальные линии вызвали у него в памяти

образ кафедрального собора, но любой из когда-либо построенных соборов поместился бы на дне этой огромной дыры, как кукольный домик. Думая об этом сюрреалистичном масштабе, он сощурился и понял, что уже слишком долго стоит так, наклонив голову.

Они подъехали к первому лифту по дороге, вырезанной в боковой стене, вышли из авто и забрались в кабину. Двинулись вверх. Им пришлось семь раз выходить и пересекать дорогу, чтобы попасть в следующие лифты. Света все прибавлялось, и теперь освещение сильнее напоминало обычное дневное. Поперек шахты было видно, где в стене тянулась двойная спираль двух дорог — будто размеченная на огромном винтовом отверстии. Дно шахты исчезало во мраке, и Джону не удавалось разглядеть даже самосвал.

В последних двух лифтах они поднимались сквозь слой реголита — сначала мегареголита, похожего на потрескавшуюся коренную породу, а затем и обычного, чьи камни, гравий и лед скрывались за бетонной прослойкой — гладкой изогнутой стеной, напоминающей дамбу и наклоненной так сильно, что последний лифт, по сути, представлял собой поезд, двигавшийся с использованием реечной передачи. Ускорившись

в этой гигантской трубе — канализации Большого человека, как выразился Окакура по пути вниз, — они, наконец, оказались на поверхности и увидели солнце.

Бун выбрался из кабины и посмотрел вниз. Сдерживающая реголит прослойка походила на внутреннюю стену очень гладкого кратера с двухколейной дорогой, уходящей спиралью вниз, — только дна у этого кратера не было. Это был мохол. Джон, глядя в шахту, мог видеть довольно мало: стены окутывал мрак, и лишь одна спиральная дорога подсвечивалась, отчего чудилась отдельной лестницей, спускающейся сквозь пустое пространство к самому ядру планеты.

Три исполинских самосвала медленно поднимались на землю, уже находясь в последней части пути, полностью загруженные черными булыжниками. Как сказал Окакура, в последнее время путь со дна шахты занимал у них пять часов. Как и многое в этом проекте, они очень малую часть времени находились под присмотром — как при производстве, так и при эксплуатации. Жители городка занимались только их программированием, размещением, ремонтом и устранением неполадок. Плюс теперь уже безопасностью.

Городок Сензени-На раскинулся на дне самого

глубокого каньона борозды Таумасия. Ближе всех к мохолу находился промышленный парк, где производилась землеройная техника и обрабатывались извлеченные из дыры камни, из которых добывали мельчайшее количество ценных металлов. Бун и Окакура вошли на крайнюю станцию, сменили герметичные костюмы на медные куртки и ступили в один из прозрачных пешеходных туннелей, соединивших между собой все здания города. Внутри было холодно, светило солнце, и все носили одежду с наружным слоем медной фольги — это было новейшее японское средство от радиации. Медные существа передвигались по прозрачным туннелям, и все это напоминало Буну гигантскую муравьиную ферму. Тепловые облака над головой замерзали и вылетали через клапан в виде пара, а потом их подхватывал ветер и уносил прочь.

Жилой комплекс городка располагался в юго-восточной стене каньона. Большой прямоугольный участок отвесной скалы заменяло стекло, за которым находился вестибюль под открытым небом, а позади него — пять этажей квартир с террасами.

Они вошли в вестибюль, и Окакура повел Джона наверх в городское управление, занимав-

шее пятый этаж. За ними собралась небольшая группа обеспокоенного вида людей, которые тараторили что-то Окакуре и голосили, говоря между собой. Все они прошли в управление и высыпали на балкон. Джон внимательно следил за тем, как Окакура по-японски рассказывал им о случившемся. Многие слушатели выглядели взволнованными и старались не смотреть Джону в глаза. Достаточно ли этого происшествия, чтобы взыграло их *гири*? Важно убедиться, что они не ощущают опасности для своих жизней или чего-либо подобного. Позор для японца — серьезное понятие, и Окакура казался настолько несчастным, будто признавал в случившемся свою вину.

— Послушайте, это вполне мог быть как кто-то из местных, так и из посторонних, — бодро начал Джон, а затем дал несколько предложений, чтобы повысить безопасность в будущем: — Край каньона — это идеальная застава. Установите систему тревоги, и несколько человек на крайней станции смогут следить за обеими системами и за лифтами. На это придется потратить время, но это необходимо сделать.

Окакура робко спросил его, есть ли какие-нибудь догадки о том, кто мог устроить саботаж. Но Джон пожал плечами:

— Извини, но понятия не имею. Наверное, те, кто против мохолов.

— Но мохолы уже давно вырыты, — заметили в толпе.

— Знаю. Думаю, для них это просто символ, — он ухмыльнулся. — А если машина упадет и раздавит кого-нибудь, это уже будет дурной символ.

Они задумчиво закивали. Он пожалел, что не имеет такой способности к языкам, как Фрэнк, — тогда ему было бы проще общаться с этими людьми. Сейчас для него они непроницаемы и загадочны.

Они поинтересовались, не желает ли он прилечь отдохнуть.

— Все хорошо, — сказал он. — Нас не задело. Нам еще придется на это взглянуть, но сегодня давайте уже будем придерживаться нашего расписания.

И Окакура вместе с еще несколькими мужчинами и женщинами повел его осматривать город, где он с удовольствием посетил лаборатории, залы заседаний, комнаты отдыха и столовые. Он кивал, пожимал руки и здоровался до тех пор, пока не перезнакомился с более чем полусотней жителей Сензени-На. Большинство из них не слышало о происшествии в дыре, и все были рады

знакомству с ним, счастливы пожать руку, пообщаться, что-нибудь показать, просто увидеть его. Так было везде, куда бы он ни отправился, и это служило ему неприятным напоминанием о годах между его первым и вторым полетом, которые он провел будто в стеклянном аквариуме.

Но свою работу он делал. Час трудился, а потом четыре часа играл первого человека на Марсе — это его привычный график. А когда наступили сумерки и весь город собрался на банкет в честь его визита, он откинулся на спинку кресла и принялся терпеливо играть свою роль. Это означало, что он должен находиться в хорошем настроении, хоть в тот вечер это было непросто. Он даже взял перерыв и ушел в свою ванную, чтобы проглотить капсулу, изготовленную медицинской группой Влада в Ахероне. Лекарство получило название «омегендорф» и представляло собой искусственную смесь всех эндорфинов и опиатов, обнаруженных ими в естественном химическом составе мозга. После этого он, к своему удивлению, почувствовал себя бодрым и спокойным.

К банкету он вернулся гораздо более расслабленным. Теперь он ощущал приятное тепло. Все-таки он спасся от смерти, сбежав от нее, как сумасшедший! И теперь немного эндорфинов как

раз кстати. Он с легкостью перемещался от стола к столу, задавая разные вопросы. Это доставляло людям удовольствие, давало им ощущение праздника, какое и должна приносить встреча с самим Джоном Буном. Джону нравилось, что он мог радовать людей, это была та часть его работы, благодаря которой быть знаменитостью становилось приятнее. А все потому, что когда он задавал вопросы, люди бросались на них отвечать, словно лососи, выпрыгивающие из ручья. Это выглядело поистине необычно, будто они старались сгладить неравновесие, которое ощущали оттого, что они знали о нем много, а он о них — нет. И так, при правильном побуждении, часто благодаря лишь одной-единственной подсказке, они извергали добрые потоки личной информации — наблюдений, признаний, свидетельских показаний.

И так он провел вечер, узнавая о Сензени-На («Вы спрашиваете, что мы здесь сделали?» — слегка улыбаясь, говорили местные). Затем его отвели в просторный гостевой люкс — комнату, полную живого бамбука, где из него была вырублена даже кровать. Оставшись наедине, он подсоединил свой кодер к телефону и позвонил Саксу Расселлу.

Расселл находился в новом управлении Влада, исследовательском комплексе, построенном на живописном хребте борозды Ахерон к северу от горы Олимп. Теперь он проводил там все свое время, изучал генную инженерию, будто студент последнего курса. Он пришел к убеждению, что биотехнологии были ключом к терраформированию, и решил выучиться до уровня, на котором мог бы внести достойный вклад в эту часть кампании, несмотря на то что все его предыдущие умения имели отношение только к физике. Современная биология казалась чересчур слащавой, и многие физики ее ненавидели, но в Ахероне говорили, что Сакс был способным учеником, и Джон этому верил. Сам Сакс отзывался о своих успехах слегка насмешливо, но было очевидно, что он глубоко погружен в обучение. Он непрестанно об этом твердил. «Это самое важное, — уверял он. — Нам нужно получить воду и азот из земли и диоксид углерода из воздуха, а для этого необходима биомасса». И он приникал к экранам и упорно трудился в лабораториях.

Доклад Буна он слушал с обычной невозмутимостью. «Что за пародия на ученого?!» — подумал Джон. Сакс даже носил лабораторный халат. Когда он стал характерно подмигивать, Джону

вспомнилась история, которую он слышал от одного из помощников Сакса, рассказанную на вечеринке смеха ради. Это была история о том, как во время секретного эксперимента что-то пошло не так, и крысы, зараженные побудителем разума, стали настоящими гениями. Они взбунтовались, сбежали из клеток, поймали своего исследователя, привязали ремнями и внедрили в его тело все свои мозги с помощью метода, который тотчас изобрели сами, — и этим ученым был Саксифрейдж Расселл, в белом халате, подмигивающий, дерганый, пытливый, не покидающий своей лаборатории. Его мозг был совокупностью мозгов сотни разумных крыс, и «его даже назвали в честь цветка, как обычно называют лабораторных крыс, это они так пошутили, видите?»[54].

Это многое объясняло. Закончив свой рассказ, Джон улыбнулся, и Сакс с любопытством обратил на него свой взгляд.

— Думаешь, этим самосвалом хотели тебя убить?

— Не знаю.

— А как там местные?

— Напуганы.

---

[54] Примечания: 54

Саксифрейдж (Saxifrage) дословно переводится как камнеломка (название рода растений).

— Думаешь, они в этом замешаны?

Джон пожал плечами.

— Сомневаюсь. Наверное, они просто волнуются о будущем.

Сакс махнул рукой.

— Саботаж такого рода ни капельки не повлияет на проект, — мягко произнес он.

— Я знаю.

— Кто это делает, Джон?

— Я не знаю.

— А могла быть Энн, как думаешь? Может, тоже стала пророком, как Хироко или Аркадий, с последователями, программой и всем остальным?

— У тебя тоже есть последователи и программа, — напомнил ему Джон.

— Но я не приказываю им ломать вещи и пытаться кого-то убить.

— Некоторые говорят, что ты пытаешься сломать Марс. И что люди так или иначе погибнут из-за твоего терраформирования.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Просто напоминаю тебе. Пытаюсь помочь тебе понять, почему кто-то смог это сделать.

— Значит, ты думаешь, это Энн.

— Или Аркадий, или Хироко, или кто-то из новых колоний, о ком мы вообще не слышали. Те-

перь здесь много народу. И много группировок.

— Я знаю.

Сакс подошел к столу и осушил свою старую потрепанную кофейную чашку. А потом, наконец, продолжил:

— Мне бы хотелось, чтобы ты попробовал выяснить, кто это сделал. Иди туда, куда должен. Иди поговори с Энн. Вразуми ее. В его голосе прозвучали нотки грусти: — Я больше не могу с ней общаться.

Джон пристально на него посмотрел, удивленный этим проявлением чувств. Сакс принял его молчание за несогласие и продолжил:

Знаю, это тебе не совсем по духу, но с тобой готов разговаривать кто угодно. Ты чуть ли не последний, о ком можно так сказать. Знаю, ты работаешь на мохоле, но ведь можно передать свою часть работы остальной команде и появляться там только для этого расследования. Ведь больше некому этим заниматься. У нас нет настоящей полиции, куда можно было бы обратиться. Но раз такие случаи продолжают происходить, УДМ что-нибудь предпримет.

— Или вмешаются транснационалы, — предположил Бун. Вид самосвала, летящего с неба… — Ладно. В любом случае я поговорю с Энн. После

этого нам нужно собраться вместе и обсудить безопасность проектов по терраформированию. Если мы сумеем покончить с этим, то сдержим УДМ.

— Спасибо, Джон.

Бун вышел на балкон своего номера. Вестибюль был засажен соснами с Хоккайдо и сильно пропах смолой. Внизу среди деревьев двигались медные фигуры. Бун представил себе новую картину. Он уже десять лет участвовал в проекте Расселла по терраформированию, управлял мохолами, занимался связями с общественностью и подобными делами. Ему нравилась его работа, но он не стоял на рубеже какой-либо из вовлеченных в проект наук и не участвовал в принятии решений. Он знал, что многие считали его лишь символом, знаменитостью, о которой все говорили на Земле, помешанным на космосе человеком, которому однажды повезло и который теперь все время этим пользовался. Это не волновало Джона; ведь всегда были люди, достающие другим до колена и желающие, чтобы те тоже были их роста. Ничего страшного, тем более в его случае они явно неправы. Он обладал довольно значительной властью, пусть никто, кроме него, и не мог заметить полной ее силы, так как она состояла из бесконечного

множества личных знакомств и влияния, которое он мог оказывать на решения других людей. Как-никак, власть не обязательно подразумевала высокие звания. Власть подразумевала видение, силу убеждения, свободу действий, славу, влияние. Все-таки именно символ стоит впереди и указывает путь.

Но несмотря на все это, в его новом задании было нечто притягательное. Он уже это ощущал. Оно было трудным, возможно, рискованным… но самое главное, оно бросало вызов. Новый вызов, ему это было по душе. Когда он вернулся в номер и забрался в кровать (Джон Бун спал здесь!), то понял, что теперь ему предстояло стать не только первым человеком на Марсе, но и первым детективом. Он усмехнулся этой мысли, и его сознание в последний раз вспыхнуло под действием омегендорфа.

Энн Клейборн проводила исследования в горах, окружающих бассейн Аргир, из-за чего Джону пришлось взять планер, чтобы прилететь к ней из Сензени-На. На следующее утро он поднялся на лифте по причальной мачте к стационарному дирижаблю, паривщему над городом, и пришел в восторг от простирающегося во все стороны вида огромных каньонов Таумасия. С дирижаб-

ля он перебрался в кабину одного из планеров, что были пришвартованы в его нижней части. Пристегнувшись ремнями, отцепил планер, и тот камнем упал на термический воздушный поток из мохола, который резко подбросил его вверх. Не без труда завладев управлением, он вывел свой аппарат на крутую восходящую спираль, продолжая бороться с тряской, по ощущениям казалось, будто он летел в мыльном пузыре над костром!

На высоте пять тысяч метров пушистое облако стало плоским и растянулось на восток. Джон соскочил со своей спирали и направился к юго-востоку, приноровившись к планеру и теперь как бы играя с ним. Теперь он должен осторожнее лететь меж ветров, чтобы добраться до Аргира.

Он направил планер на вязкий солнечный свет. Ветер обтачивал его крылья. Земля внизу была грубого темно-оранжевого цвета, переходящего в более яркий оттенок ближе к горизонту. Южные горы выпячивались со всех сторон, неотесанные, древние, бледные, как и все испещренные кратерами поверхности. Джон любил летать и пилотировал неосознанно, сосредоточившись на земле, лежавшей под ним. Лететь, сидя и ощущая ветер, глядя на землю и не думая ни о чем, для него было бесценным удовольствием. Шел 2047-й

год (или 10-й М-год, как он обычно повторял про себя), ему было шестьдесят четыре, и он был самым известным человеком из ныне живущих на протяжении последних почти тридцати лет. Но счастливее всего он чувствовал себя, когда оставался наедине и летал.

Спустя час он начал рассуждать о своем новом задании. Важно было не предаться фантазиям о лупе, сигарном пепле или сыщиках с револьверами — кое-чем нужно было заняться уже в полете. Он позвонил Саксу и спросил, возможно ли загрузить в его ИИ данные УДМ ООН о миграциях и межпланетных путешествиях так, чтобы об этом не знали в самом управлении. Сакс, покопавшись, вернулся и сообщил, что может это устроить. Тогда Джон задал еще несколько сопутствующих вопросов, после чего продолжил полет молча. Один час и множество кратеров спустя красный огонек Полин быстро моргнул, оповестив о завершении загрузки данных Джон попросил ИИ провести ряд анализов полученной информации и, когда тот справился, изучил результаты, высветившиеся на экране. Закономерности перемещений сбивали с толку, но он надеялся, что что-нибудь могло проясниться, если сопоставить их со случаями саботажа. Ко-

нечно, были и те, кто переезжал туда-сюда, не отмечаясь в записях, были тайные колонии, и кто знал, что Хироко и остальные думали о проектах по терраформированию?

И все же изучить результаты стоило.

Впереди на горизонте возвышались горы Нереид. Тектонические движения на Марсе были редкостью, поэтому горных хребтов было немного. Те же, что существовали, в основном оказывались краями кратеров в увеличенных масштабах, кольцами вулканических пород, изверженных при столкновениях такой силы, что образовались завалы в форме двух-трех концентрических рядов, каждый шириной в несколько километров, каждый чрезвычайно бугристый. Эллада и Аргир, два крупнейших бассейна, были, соответственно, окружены крупнейшими хребтами. А единственный, кроме них, горный хребет — горы Флегра, расположенные на склоне Элизия, — был, вероятно, тем, что осталось от ударного кратера, впоследствии затопленного при извержении вулканов Элизия или древним Северным океаном. Споры вокруг этого вопроса так и не пришли к единому заключению, а Энн, главный авторитет Джона в таких случаях, никогда не выражала мнения на этот счет.

Горы Нереид составляли собой северный край кратера Аргир, но Энн со своей командой сейчас исследовала его южный край — горы Харит. Бун поправил курс на юг и уже в середине дня воспарил над ровным простором бассейна Аргир. После нагромождений гор дно бассейна казалось поистине гладким, плоская желтоватая равнина, окаймленная длинной кривой хребтов. С его позиции просматривалась дуга примерно в девяносто градусов — этого было достаточно, чтобы прочувствовать масштаб удара, от которого образовался Аргир. Зрелище было потрясающее. Пролетев над тысячами марсианских кратеров, Бун научился представлять себе их размеры, но Аргир не имел себе равных. Достаточно большой кратер Пите по сравнению с ним казался не более чем оспенным рубцом! На это место, должно быть, обрушилась целая планета! Или, по крайней мере, чертовски крупный астероид.

Под юго-восточным изгибом хребта, на дне бассейна у подножья Харита, он заметил тонкую белую линию взлетно-посадочной полосы. В такой изоляции не составляло труда замечать сооружения, построенные человеком и расположенные так размеренно, как маяки на морских побережьях. Из нагретых на солнце холмов били

струи горячего воздуха, и он направился к одному из них, ринувшись вниз с неровным гулом и заметно задрожавшими при стремительном снижении крыльями. С ухмылкой представляя свой планер камнем, падающим вниз, или астероидом, Джон выполнил эффектный поворот и соприкоснулся с полосой с такой поразительной точностью, на какую только был способен, ведь он имел репутацию прекрасного летчика и, конечно, обязан был подтверждать ее при каждой возможности. Это тоже часть его работы…

Но, как оказалось, в трейлерах у полосы находились два человека и никто из них не следил за его посадкой. Женщины сидели внутри и смотрели новости с Земли. Когда он вошел во внутреннюю дверь, они взглянули на него и вскочили, чтобы его поприветствовать. Они сообщили, что Энн — в одном из каньонов вместе с командой, не более чем в паре часов езды. Джон отобедал с ними, двумя британками, говорившими с северным акцентом, очень сильным и приятным. Затем взял марсоход и выехал по следам в ущелье среди гор Харит. Спустя час извилистого подъема на плоскодонное арройо он оказался у передвижного трейлера, возле которого было припарковано три марсохода. Все это напоминало кафе в пустыне

Мохаве, изнывающей от жажды.

В трейлере никого не оказалось, но во многих направлениях уводили следы ботинок. Поразмыслив, Бун взобрался на пригорок к западу от лагеря и уселся на его вершину. Затем лег на камни и поспал до тех пор, пока под его прогулочник не проник холод. Тогда он сел, достал языком капсулу омегендорфа и принялся следить за темными тенями холмов, которые подкрадывались на востоке. Он думал о случившемся в Сензени-На, вспоминал свои передвижения за несколько часов до происшествия, перебирал в памяти взгляды и слова. От образа падающего самосвала у него слегка участился пульс.

В ущелье меж западных холмов возникли медные фигуры. Встав на ноги і спустившись с пригорка, он встретил их у трейлера.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Энн, перейдя на частоту первой сотни.

— Я хочу поговорить.

Она хмыкнула и переключилась.

Трейлер был бы переполнен даже без Джона. Они сидели в главной комнате, упершись друг в друга коленями, пока Саймон Фрейзер разогревал соус к спагетти и кипятил воду в маленьком кухонном уголке. Единственное окно трейлера

выходило на восток, и за ужином они наблюдали, как тени гор растягивались по дну великого бассейна. Джон принес полулитровую бутылку коньяка с Утопии и открыл ее под радостные возгласы собравшихся. Когда ареологи выпили, он вымыл посуду («Я так *хочу*») и спросил их, как продвигаются исследования. Они искали свидетельства древних ледниковых периодов, которые, если их найти, могли бы поддержать теорию океанической модели ранней истории планеты.

Но Джон, слушая их, думал: в самом ли деле Энн хочет найти свидетельства океанического прошлого? Эта теория оказала бы моральную поддержку проекту по терраформированию — словно они просто пытались восстановить положение дел, которое существовало здесь раньше. Так что вряд ли она горела желанием найти эти свидетельства. Влияет ли это нежелание на ее работу? Да, несомненно. Может, сама она этого не осознает, но оно влияет. Ведь сознание — это лишь тонкая литосфера над большим горячим ядром. Детективы не должны об этом забывать.

Но, похоже, все присутствующие в трейлере были согласны с тем, что ничего такого найти им не удастся, а они были хорошими ареологами.

Здесь встречались высокие бассейны в форме амфитеатров, высокие долины и классические U-образные ледяные долины и несколько окруженных стенами сводов, которые могли стать результатом ледникового выпахивания. Все эти образования видны на снимках, сделанных спутниками. На них же можно было заметить одну-две ярких вспышки, которые, случалось, принимали за отражения ледниковой шлифовки. Но здесь ничего подобного не находили. Ни единой ледниковой шлифовки — даже в наиболее защищенных от ветра районах U-образных долин; ни морен[55], как боковых, так и конечных; ни признаков выпахивания, ни линий переноса, где нунатаки[56] выступали бы даже над высочайшими отметками древнего льда. Ничего. Это был очередной случай того, что они называли небесной ареологией и что уходило корнями в ранние фотографии спутников и даже телескопов. Каналы относились к небесной ареологии, и таким же образом было сформулировано большинство ложных гипотез, которые подвергались проверке

---

[55] Примечания: 55

Отложения обломочных материалов, образованных ледниками при движении.

[56] Примечания: 56

Скалистый пик, выступающий над ледниковой поверхностью.

только теперь — благодаря суровой земной ареологии. Большинство гипотез разрушалось под весом данных, получаемых на поверхности, — как говорили, их вышвыривали в каналы.

— Тем не менее ледниковая теория, частью которой являлась океаническая модель планеты, всегда выглядела более состоятельной, чем большинство других. Во-первых, потому что почти все модели образования планеты предполагали выход из воды большого количества газов, которые должны были куда-то деться. «А во-вторых, — думал Джон, — потому что многим стало бы спокойнее, окажись эта модель правдивой, они бы меньше переживали о моральном праве проводить терраформирование. Противники проекта, значит…» Нет, его не удивляло то, что Энн и ее команде не удавалось ничего найти. Слегка опьяневший от коньяка и раздраженный ее враждебным приемом, он сказал ей с кухни: А что если самые поздние ледники существовали, скажем, миллиарды лет назад? Полагаю, в таком случае время позаботилось бы обо всех признаках что ледниковой шлифовки, что морен, что нунатак. И не оставило бы ничего, кроме огромных форм рельефа, которые мы видим теперь. Верно?

Энн, немного помолчав, ответила:

— Нет ничего необычного в обледенении этих форм рельефа. Все они типичны для Марса, поскольку образовались от того, что с неба падали камни. Все виды образований, которые ты можешь себе там представить, отличаются лишь углом естественного откоса. — Она не пила коньяк, тем самым удивив Джона, и теперь смотрела в пол взглядом, исполненным отвращения.

— Но не U-образные долины, конечно, — сказал Джон.

— И U-образные долины тоже.

— Но проблема в том, что океаническую модель не так уж легко опровергнуть, — тихо произнес Саймон. — Мы можем и дальше не находить достойных свидетельств в ее пользу, как сейчас, но это не доказывает, что она не верна.

Когда на кухне стало чисто, Джон попросил Энн выйти прогуляться с ним. Она колебалась, не желая идти, но в этом заключался один из ее обрядов, и все прекрасно это знали. Наконец, скорчив гримасу и зло посмотрев на Джона, она согласилась.

Выйдя наружу, он повел ее к той же вершине, на которой недавно вздремнул. Небо сливовым сводом нависало над черными зубчатыми хребтами, что их окружали, а над головой ежесекундно

вспыхивали сотни звезд. Он стоял с ней рядом, но она смотрела в сторону от него. Неровная линия горизонта была такой же, какой могла быть и на Земле. Энн была выше его, она стояла вытянутым, худощавым силуэтом. Джону она нравилась, но, как бы противоположно она ни относилась к нему — а они довольно неплохо общались в прошлом, — все это рассеялось, когда он предпочел работать с Саксом. Он мог заняться всем, чем только пожелал бы, говорили ее суровые глаза, но он выбрал терраформирование.

Что ж, это было правдой. Он выставил руку перед ней, подняв указательный палец вверх. Она нажала на кнопку на своем запястье, и он вдруг услышал ее дыхание у себя в ухе.

— Что? — спросила она, не глядя на него.

— Это по поводу случаев саботажа, — сказал он.

— Я так и думала. Полагаю, Расселл считает, что за этим стою я.

— Не то чтобы…

— Он что, принимает меня за дуру? Он думает, будто я думаю, что капля вандализма не даст вам играть в ваши мальчишеские игры? Ну, это больше чем капля. Уже произошло шесть крупных случаев, и в каждом из них могли погибнуть

люди.

— Что, если сбить зеркала с орбиты, люди тоже могут погибнуть?

— Если они занимаются их обслуживанием.

Она хмыкнула.

— А что еще случилось?

— Вчера в один из мохолов столкнули самосвал, и он чуть не упал прямо на меня. — Он услышал, как у нее изменилось дыхание. — Это уже третья падающая машина. А то сбитое зеркало вращалось вместе с обслуживающей работницей, и ей пришлось в одиночку добираться до станции. Она проторчала там целый час и чуть не погибла. А затем в Элизийском мохоле куча взрывчатки рванула через минуту после того, как его покинул персонал. В Андерхиллле лишайник погиб от вируса, из-за которого всю лабораторию пришлось закрыть.

Энн пожала плечами.

— А чего еще ждать от ГМО? Это могло произойти и случайно — я вообще удивлена, что это бывает так редко.

— Это не было случайно.

— Это все разговоры ни о чем. Расселл что, принимает меня за ДУРУ?

— Ты знаешь, что это не так. Но дело тут каса-

ется нарушения равновесия. На Земле в проект вкладывается много денег, но достаточно немного подпортить ему репутацию — и вложения могут быть существенно сокращены.

— Может быть, — сказала Энн. — Но ты лучше послушай себя, когда говоришь подобное. Вы с Аркадием — главные поборники какого-то нового марсианского общества, вы двое плюс, может быть, Хироко. Но, судя по тому, каким образом Расселл, Фрэнк и Филлис используют земной капитал, все скоро выйдет из-под контроля. Это будет самый обычный бизнес, и все идеи растворятся в воздухе.

— Я склоняюсь к мнению, что мы все здесь стремимся почти к одному, — сказал Джон. — Мы хотим заниматься хорошей работой в хорошем месте. Просто делаем ударение на разные аспекты, вот и все. Если бы мы только объединили свои усилия, стали работать, как команда…

— Мы не хотим одного и того же! — возразила Энн. — Вы хотите изменить Марс, а я нет. Все просто.

— Ну…

Джон запнулся, услышав в ее голосе горечь. Они медленно шли вокруг холма, двигаясь словно в сложном танце, имитирующем беседу, то лицом

к лицу; то спиной к спине, и ее голос все время звучал в его ухе, а его голос — в ее. Ему нравилась эта особенность разговоров в прогулочниках, и он пользовался ею, заставляя свой голос звучать убедительно, ласково, завораживающе.

— Это не так просто, не настолько. Я хочу сказать, ты должна помогать тем, чьи взгляды близки к твоим, и выступать против тех, чьи далеки.

— Я так и делаю.

— Поэтому я и приехал, чтобы спросить тебя, что тебе известно об этом саботаже. Это же имеет смысл, верно?

— Мне об этом ничего не известно. Я лишь желаю им удачи.

— Лично?

— Что?

— Я отследил твои передвижения за последние пару лет, и оказалось, что ты была неподалеку от места каждого из происшествий в пределах месяца, когда они случались. Ты была в Сензени-На пару недель назад, по дороге сюда, верно?

Он прислушивался к ее дыханию. Она злилась.

— Они прикрывались мной, — пробормотала она, а затем добавила что-то, чего он не смог разобрать.

— Кто?

Она повернулась к нему спиной.

— Тебе стоит спросить об этом Койота, Джон.

— Койота?

Она коротко рассмеялась.

— Ты о нем не слышал? Он скитается по поверхности, как говорят, без прогулочника. Объявляется то тут, то там, иногда за одну ночь может показаться в двух разных полушариях. Знал самого Большого человека, в старые добрые времена. Хороший друг Хироко. И ярый противник терраформирования.

— А ты с ним встречалась?

Она не ответила.

— Слушай, — произнес он примерно через минуту, на протяжении которой они слушали дыхание друг друга, — погибнут люди. Невинные посторонние наблюдатели.

— Посторонние наблюдатели погибнут, когда оттают вечномерзлые грунты и земля уйдет у нас из-под ног. С этим я тоже никак не связана. Я просто делаю свою работу. Пытаюсь систематизировать знания о том, что находилось здесь до нашего прибытия.

— Да, но ты — самая главная противница проекта из всех, Энн. По этой-то причине эти кто-то

должны были выйти с тобой на связь, и я надеюсь, ты отговорила бы их. Это спасло бы жизни.

Она повернулась к нему лицом. Забрало ее гермошлема отражало западный горизонт — пурпурный вверху, черный внизу и неровная, извилистая граница между двумя цветами.

— Если бы ты сам покинул планету, это спасло бы жизни. Вот чего я хочу. Я бы убила тебя, если бы знала, что это поможет.

После такого высказывания разговаривать было бесполезно. На обратном пути к трейлеру он попытался сменить тему:

— Как думаешь, что случилось с Хироко и остальными?

— Они исчезли.

Джон страдальчески закатил глаза.

— Она с тобой об этом не говорила?

— Нет. А с тобой?

— Тоже нет. Не думаю, что она вообще говорила хоть с кем-то, кроме своей группы. Не знаешь, куда она отправилась?

— Нет.

— А есть предположения, почему она ушла?

— Наверное, хотела освободиться от нас. Создать что-то новое. Того, к чему ты и Аркадий стремитесь на словах, она хочет по-настоящему.

Джон покачал головой.

— Если они этого добьются, то это будет благом только для пары десятков человек. Я же стремлюсь сделать этого для всех и каждого.

— Может, они просто более реалистичны, чем ты.

— Может быть. Когда-нибудь мы это узнаем. Для достижения цели есть несколько путей, Энн. Тебе стоит это понять.

Она не ответила.

Остальные пристально смотрели на них, когда они вошли в трейлер, и Энн, сразу же метнувшись в кухонный уголок, ничего не прояснила. Джон сел на ручку одного из кресел и продолжил расспрашивать их о работе, об уровне подземных вод в Аргире и вообще в южном полушарии. Крупные бассейны были невысокими, но обезвоженными при ударах, образовавших их, и сложилось так, что бóльшая часть воды просочилась на север. Еще одна сторона загадки: никто никогда не мог объяснить, почему северное и южное полушария так сильно отличались друг от друга, это была главная проблема ареологии, решение которой могло дать ключ к объяснению всех остальных тайн марсианского рельефа — как однажды теория тектоники плит объяснила множество

проблем геологии. Некоторые даже хотели еще раз объяснить все тектоникой, предположив, что старая кора в южном полушарии сдвинулась, позволив новой образоваться на севере, после чего все застыло на месте, когда глобальное похолодание заморозило все тектоническое движение. Энн считала это вздором: по ее мнению, северное полушарие просто было крупнейшим ударным кратером, образованным во время мощнейшего столкновения в нойскую эру. Сопоставимый по силе удар позволил и Луне отколоться от Земли, вероятно, примерно в то же время. Ареологи несколько минут поспорили по поводу разных аспектов этой проблемы, а Джон слушал их, изредка задавая нейтральные вопросы.

Они включили телевизор, где шли земные новости, и посмотрели короткий репортаж о добыче нефти, которую как раз начинали качать в Антарктике.

— Видите, это все из-за нас, — сказала Энн с кухни. — Они не бурили в Антарктике почти сто лет, со времен Международного геофизического года[57] и первого договора. Но когда здесь на-

[57] Примечания: 57

Период с 1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г., когда 67 стран проводили согласованные геофизические наблюдения и исследования по всей Земле.

чалось терраформирование, все рухнуло. У них там заканчивается нефть, Южный клуб чахнет, а совсем рядом — целый материк нефти, газа и минералов, к которому богатые северные страны относятся, будто к национальному парку. И когда юг увидел, как те же богатые северные страны разрывают на куски Марс, то, конечно, сказал: «Какого черта? Значит, вы можете урвать себе целую планету, а мы должны защищать этот айсберг, который лежит у нас под носом со всеми этими ресурсами, в которых мы так остро нуждаемся? Еще чего!» И разорвали Договор об Антарктике, а теперь начали бурение, но никто и пальцем не пошевелил. И вот теперь последнее незагрязненное место на Земле исчезло.

Она подошла к ним и села перед экраном, прильнув к чашке с испускающим пар горячим шоколадом.

— Там есть еще, если хочешь, — грубо заметила она Джону.

Саймон сочувствующе на него посмотрел, а остальные, широко распахнув глаза, уставились на обоих, придя в ужас от возможности — шутка ли? — увидеть стычку между двумя членами первой сотни. Это чуть не заставило Джона рассмеяться, и когда он поднялся, чтобы налить себе

чашку, он импульсивно наклонился и поцеловал Энн в макушку, от чего она вся напряглась. Он вышел на кухню.

— Мы все хотим от Марса разного, — сказал он, позабыв о том, что только что, на холме, убеждал Энн в совершенно противоположном. — Но вот мы здесь, и нас тут не так много, так что это наше место. Мы делаем с ним то, что хотим, как говорит Аркадий.

Сейчас тебе не нравится, чего хотят Сакс или Филлис, а им не нравится то, чего хочешь ты, а Фрэнку вообще не нравится ничего из того, чего хотят другие. И с каждым годом прибывают люди, поддерживающие ту или иную позицию, пусть даже они сами того не знают. Поэтому все может принять скверный оборот. Более того, это уже происходит, все эти нападения на оборудование. Можешь себе представить, чтобы такое случилось в Андерхилле?

— Хироко и ее группа подтачивали Андерхилл все время, что там находились, — заметила Энн. — Они были вынуждены это делать, чтобы уйти так, как ушли.

— Да, возможно. Но они не ставили под угрозу жизни людей. — В его воображении снова промелькнул яркий образ самосвала, падающего

в шахту. Отпив горячего какао, он обжег себе горло. — Черт! И вообще, каждый раз, когда я унываю от этого, я всегда напоминаю себе, что это естественно. Нельзя избежать того, чтобы люди ссорились, но сейчас мы ссоримся из-за Марса. То есть люди спорят независимо от того, американцы они, японцы или русские, независимо от религии, расы, пола или чего-либо еще. Они спорят потому, что хотят видеть на Марсе ту или иную реальность. И это все, что сейчас имеет значение. Так что полдела мы уже сделали. — Он с неодобрением посмотрел на Энн, вперившую взгляд в пол. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она бегло на него взглянула.

— Сейчас главное — вторые полдела.

Хорошо, может, и так. Ты слишком многое принимаешь как должное, но такова уж человеческая природа. Но тебе нужно понять, что ты оказываешь влияние на нас, Энн. Ты изменила наше понимание того, что мы здесь творим. Черт возьми, да Сакс и многие другие раньше говорили о том, чтобы как можно скорее запустить терраформирование всеми доступными способами — подвести к планете связку астероидов, использовать водородные бомбы, чтобы образовать вулканы, — чего бы это ни стоило! Сейчас все эти

планы рухнули благодаря тебе и тем, кто тебя поддержал. Изменилось все видение самого терраформирования и того, насколько далеко можно зайти. И я полагаю, в итоге мы сумеем достичь компромиссного значения, когда получим защиту от радиации и биосферу, где, возможно, будет воздух, которым мы сможем дышать или от которого хотя бы не умрем в считанные секунды, — но при этом оставим его похожим на тот, каким он был до нашего прибытия. — Энн, выражая нетерпение, закатила глаза, но он продолжил: — Никто не говорит о том, чтобы превратить Марс в планету джунглей, знаешь ли, даже если бы это было возможно! Здесь всегда будет холодно, и купол Фарсида всегда будет смотреть в космос, и всегда останутся нетронутыми огромные районы. И ты приложила руку ко всему этому.

— А как быть с теми, кто говорит, что, сделав первый шаг, захочется больше?

— Может, кто-то так и скажет. Но я лично попытаюсь их остановить. Да! Может, я и не на твоей стороне, но я понимаю твою точку зрения. А когда ты пролетишь над горами, как я сегодня, ты не сможешь их не полюбить. Люди могут пытаться изменить планету, но она тем временем тоже будет их менять. Ощущение красоты этого места,

его эстетика, — все это заставляет меняться со временем. Знаешь, люди, впервые увидев Гранд-Каньон, сочли его уродливым лишь потому, что он не был похож на Альпы. И чтобы увидеть его красоту, понадобились долгие годы.

— Но они все равно осушили бóльшую его часть, — мрачно заметила Энн.

— Да-да. Но кто знает, что будут считать красивым наши дети? Конечно, это будет основано на том, что они знают, и это место — единственное, которое они будут хорошо знать. Поэтому мы терраформируем планету, а она ареоформирует нас.

— Ареоформирует, — повторила Энн, и слабая улыбка промелькнула на ее лице.

Увидев это, Джон ощутил, как покрывается румянцем: он не видел, как она улыбается, много лет, а он любил Энн и любил смотреть, как она улыбается.

— Мне нравится это слово, — ответила она. И указала на него пальцем: — Но я буду помнить, что оно твое, Джон Бун! Я запомню то, что ты сказал сегодня!

— Я тоже, — ответил он.

Остальная часть вечера выдалась более спокойной. На следующий день Саймон увидел, как Джон, собираясь выехать на север, спускался к

взлетной полосе, где стоял марсоход. И Саймон, который обычно провожал его улыбкой, рукопожатием и, в лучшем случае, чем-то вроде «рад был повидаться», теперь неожиданно заявил:

— Я по-настоящему ценю то, что ты вчера сказал. Думаю, это правда ее взбодрило. Особенно то, что ты сказал о детях. Видишь ли, она беременна.

— Что? — Джон потряс головой. — Она мне не сказала. А ты, ты отец?

— Ага, — ухмыльнулся Саймон.

— Сколько ей уже, шестьдесят? Ага? Это немного усложнило процесс, но так делали и раньше. Ваяли яйцеклетку, замороженную пятнадцать лет назад, оплодотворили и поместили в нее. Теперь посмотрим, как пойдет. Говорят, Хироко сейчас постоянно беременна, просто выстреливает детьми, как автомат, ей режут кесарево за кесаревым.

— О Хироко много чего говорят, но это не более чем истории.

— Да, но мы слышали это от того, кто, очевидно, знает, о чем говорит.

— От Койота? — вдруг спросил Джон.

Саймон поднял брови.

— Удивлен, что она тебе о нем рассказала.

Джон крякнул, явно недовольный. Из-за своей славы он, несомненно, пропустил множество слухов.

— И хорошо, что рассказала. Ну, как бы то ни было…

Он протянул правую руку, и они заключили рукопожатие, крепко сцепившись пальцами, как придумали еще в старые космические деньки.

— Поздравляю. Позаботься о ней.

Саймон пожал плечами.

— Ты же знаешь Энн. Она делает то, чего хочет.

≈ * ≈

Следующие три дня Бун ехал из Аргира, наслаждаясь видами и одиночеством и каждый день проводя по нескольку часов, роясь в данных о перемещениях людей, пытаясь найти их взаимосвязь со случаями саботажа. На четвертый день рано утром он достиг долин Маринер, начинавшихся примерно в 1 500 километрах севернее Аргира. Оказавшись на ретрансляторной дороге, соединявшей север и юг, он вскоре поднялся на южный край каньона Мелас и вышел, чтобы как следует осмотреться.

Он еще не бывал в этой части большой системы каньонов — до того, как построили Трансмаринерское шоссе, сюда было чрезвычайно трудно добраться. Это зрелище, несомненно, захватывало дух: между уровнем края и дна каньона Мелас было целых 3000 километров, и с его края открывался вид, как с борта планера. Противоположная стена каньона отсюда была еле видна: ее пик высился над горизонтом, а между двумя утесами лежал широкий простор Меласа, сердца всей системы Маринер. Он едва различал промежутки в далеких скалах, которые обозначали

входы в другие каньоны — Ио на западе, Кандор на севере, Копрат на востоке.

Джон бродил по неровному краю более часа, много раз подолгу смотря в бинокли своего гермошлема через забрало, стараясь захватить как можно больше величайшего каньона Марса, приходя в восторг от красных пейзажей. Он бросал камни в пропасть, глядя, как они исчезают, говорил сам с собой, пел, подпрыгивал на мысках, будто исполняя какой-то неуклюжий танец. Затем, ощущая прилив сил, вернулся в марсоход и проехал немного вдоль обрыва, до того места, где начиналась скальная дорога.

Здесь Трансмаринерское шоссе превращалось в одиночную асфальтированную линию и спускалось по гребню огромного склона, тянувшегося от южного края ко дну каньона. Это странное образование, известное как отрог Женева, указывало на север почти перпендикулярно утесу, прямо на каньон Кандор. Отрог так идеально подходил для прокладки дороги, что казалось, будто его специально построили для этой цели.

Тем не менее, он был довольно крутым, и дорога на всем своем протяжении тянулась серпантином, чтобы сохранять уклон в пределах допустимого. Сверху все это хорошо видно, тыся-

чи петель, уходящих змейками по гребню, словно желтая нить, прошившая пятнистый оранжевый ковер.

Бун ехал по этой чудо-дороге осторожно, поворачивая руль марсохода то вправо, то влево, снова и снова, раз за разом, пока ему не пришлось остановиться, чтобы дать рукам отдохнуть, а заодно посмотреть назад и вверх на южную стену, которую оставил за спиной. Она действительно выглядела крутой и была усеяна узором бороздок, оставленных ветрами. После этого он проехал еще полчаса, делая виражи то влево, то вправо, снова и снова, пока дорога, наконец, не потянулась вниз по вершине ровного гребня, доходящего до самого дна каньона. Внизу стояло несколько транспортных средств.

Как выяснилось, здесь находилась швейцарская команда, только что завершившая строительство дороги, и он заночевал с ними. В группе было человек восемьдесят — в основном молодых, женатых, говорящих на немецком и итальянском языках и, к счастью для него, на английском — причем с несколькими разными акцентами. С ними были дети, кошки и мобильная теплица, где росло полно трав и садовых овощей. Вскоре они уедут, как цыгане, караваном,

состоящим преимущественно из землеройных машин. Они собирались двигаться к западному концу каньона, чтобы проложить дорогу через Лабиринт Ночи к восточной окраине Фарсиды. Затем планировалось строительство новых дорог — вероятно, на купол Фарсида между горами Арсия и Павлина и еще одна к северу от Эхо-Оверлука. Они еще не знали этого наверняка, и Буна удивило то, что им все равно — они собирались провести остатки своих жизней, строя дороги, и им было неважно, которая станет следующей. Действительно бродячие цыгане.

Они убедились, что каждый ребенок пожал Джону руку, а после ужина Бун произнес короткую речь, как всегда, бессвязную, об их новой жизни на Марсе.

— Когда я вижу вас, ребята, здесь, я становлюсь по-настоящему счастливым, потому что это часть новой модели жизни, у нас есть шанс создать здесь новое общество, все меняется на техническом уровне, и на социальном должно также меняться. Я не очень хорошо себе представляю, каким будет новое общество, не так просто такое представить, но я знаю, что оно будет, и думаю, вы и все другие небольшие группы, живущие на поверхности, уже постигают это на практике. И

я, глядя на вас, могу уже догадываться, каким вы его создадите.

Это было правдой, хотя он просто ходил вокруг да около темы, играя на ассоциациях, выдергивая все, что застряло у него в мыслях. А они слушали, сияя глазами в свете ламп.

Позднее он уже сидел с некоторыми из них в кругу, освещенном единственной лампой, и они проговорили всю ночь. Юные швейцарцы расспрашивали его о первом полете, первых годах в Андерхилле — и то и другое казалось им чем-то мифическим, но он рассказывал, как все было на самом деле, и они смеялись. И сам спрашивал о Швейцарии, как она была устроена, что они о ней думали, почему очутились здесь. Молодая блондинка рассмеялась, когда он об этом спросил.

— Вы слышали о Бёйёгене? — спросила она, и он покачал головой. — Он — часть нашего Рождества. Санта-Клаус ходит по домам, в каждый дом по очереди, и у него есть помощник Бёйёген. Тот носит плащ с капюшоном и у него всегда с собой большой мешок. Санта-Клаус спрашивает родителей, как дети вели себя целый год, и родители показывают ему журнал, где у них все записано. И если дети вели себя хорошо, Санта-Клаус дарит им подарки. Но если родители говорят, что они

вели себя плохо, Бёйёген бросает их в мешок и уносит прочь, навсегда.

— Ничего себе! — воскликнул Джон.

— Так рассказывают. Это Швейцария. И поэтому я здесь, на Марсе.

— Бёйёген принес тебя сюда?

Все, включая саму девушку, рассмеялись.

— Да. Я всегда была плохой девочкой, — затем она стала серьезной; — Зато здесь нет Бёйёгена.

Они спросили его, что он думает о споре по поводу терраформирования, и он, пожав плечами, обобщил, что мог, с позиций Энн и Сакса.

— Не думаю, что кто-то из них прав, — заметил парень по имени Юрген, один из их лидеров. Это был инженер, казавшийся чем-то средним между бургомистром и королем цыган, темноволосый, с острыми чертами лица и серьезным взглядом. — И те, и другие, конечно, говорят, что действуют в интересах природы. Они вынуждены это заявлять. Противники терраформирования говорят, что Марс — это уже природа. Но это не природа, поскольку он мертв. Это просто камень. Сторонники с этим согласны, и они же говорят, что создадут на Марсе природу своим терраформированием. Но это тоже не будет природой — только культурой. Садом или вроде того. Произведением

искусства. То есть природы нет ни в том, ни в другом случае. На Марсе просто не может быть такого понятия, как природа.

— Любопытно! — ответил Джон. — Я расскажу это Энн, посмотрим, что она скажет. Но… — он задумался. — Как тогда ты все это называешь? Как называешь то, что пытаешься создать?

Юрген, пожав плечами, усмехнулся.

— Никак не называю. Просто Марс.

«Наверное, это оттого, что они швейцарцы», — подумал Джон. Он все чаще встречал их в своих путешествиях, и все они казались такими же. Делали свою работу и не особо задумывались о теории.

И неважно, что правильно, а что нет.

Позже, когда они распили еще несколько бутылок вина, он спросил их, не слышали ли они о Койоте. Они рассмеялись, и один сказал:

— Это тот, который приходил сюда до вас, да? — Они снова рассмеялись. — Это просто история, — объяснил тот же парень. — Как каналы или Большой человек. Или Санта-Клаус.

На следующий день, пересекая каньон Мелас, Джон желал, чтобы все на этой планете были швейцарцами — или хотя бы похожими на них. Или просто обладали некоторыми их качества-

ми. Их любовь к своей стране выражалась в образе жизни — они были рациональными, беспристрастными, преуспевающими, умелыми. И жили бы так где угодно, потому что для них только такая жизнь имела значение — ни флаг, ни символы веры, ни какие-то слова, ни даже тот маленький клочок земли, что принадлежал им на Земле. Эти дорожники из Швейцарии уже стали марсианами, они привезли с собой только свои жизни, оставив весь багаж позади.

Вздохнув, он отобедал, пока его марсоход, минуя ретрансляторы, двигался на север. «Конечно, это было непросто, — продолжал он размышлять о швейцарцах. — Дорожники — кочующие швейцарцы, вроде цыган, они провели бóльшую часть жизни за пределами Швейцарии. Все они прошли отбор и были не такими, как остальные. Швейцарцы, оставшиеся дома, слишком зациклены на своей швейцарскости, вооруженные до зубов и все еще жаждущие работать на кого угодно, кто будет приносить им деньги, они по-прежнему не желают входить в ООН»[58]. Хотя по этой причине, с учетом того, что УДМ ООН теперь регулировало здешнее положение, они становились еще более

[58] Примечания: 58

Швейцария не являлась членом ООН в то время, когда писался данный роман, но все-таки вступила в эту организацию в 2002 году.

интересными для Джона. Эта способность быть частью мира и в то же время держаться от него в стороне, использовать, но не подпускать к себе, быть незаметными, но иметь контроль; запасать оружие, но никогда не воевать — не это ли было одним из определений того, чего он хотел добиться на Марсе? Ему казалось, что здесь было что перенять, создавая какое-либо гипотетическое марсианское государство.

Он провел массу времени, размышляя над этим гипотетическим государством, словно был им одержим, и приходил в уныние из-за того, что не мог думать ни о чем, кроме этого смутного желания. Теперь же он ломал себе голову, размышляя о особенностях Швейцарии и о том, что она могла ему подсказать. Он попытался упорядочить свои мысли:

— Полин, покажи, пожалуйста, статью в энциклопедии о правительстве Швейцарии.

Марсоход миновал ретранслятор за ретранслятором, а он все читал статью, выведенную на экран. Он был разочарован, узнав, что в швейцарской политической системе не было ничего уникального. Исполнительной властью там наделен совет из семи человек, избираемых законодательным органом. И не было харизматич-

ного президента, что Буну не очень нравилось. Парламент, помимо избрания федерального совета, похоже, мало чем занимался — зажатый между исполнительной властью и властью народа, он работал лишь на основании прямых инициатив и результатов референдумов. Кто бы мог подумать, что они переняли эту идею еще в девятнадцатом веке у Калифорнии! Кроме того, у них было федеральное устройство: кантоны со всем своим своеобразием, очевидно, обладали значительной независимостью, которая также ослабляла парламент. Но кантональная власть ограничивалась на протяжении поколений: федеральное правительство отбирало все больше и больше полномочий. Что же выходило в итоге?

— Полин, открой, пожалуйста, мой файл с конституцией.

Он добавил несколько заметок в файл, который создал совсем недавно: «Федеральный совет, прямые инициативы, слабый парламент, местная независимость (особенно в вопросах культуры)». В любом случае есть над чем подумать. Просто еще немного данных в гущу его мыслей. Когда он записывал их, это каким-то образом помогало.

Он продолжал путь, помня о спокойствии дорожных строителей, о том, как странно они

совмещали в себе инженерное искусство и мистицизм. Теплота, с какой они приняли его, не была для Буна чем-то само собой разумеющимся — так случалось не всегда. Например, в арабских и израильских поселениях его принимали довольно сухо, вероятно, из-за его антирелигиозной позиции и того, что на это их настраивал Фрэнк. Встретив однажды арабский караван, Джо пришел в изумление, узнав, что здесь верили в то, что он запретил строить мечеть на Фобосе, а когда он заявил, что никогда даже не слышал о таких планах, арабы лишь таращились на него. Он был совершенно уверен, что это были происки Фрэнка, — через Джанет и других до него дошли сведения, что тот частенько таким образом чернил его имя. Значит, действительно существовали группы, относившиеся к нему с прохладцей, — арабы, израильтяне, команды ядерного реактора, кое-кто из международных руководителей… группы, имевшие собственные серьезные, но узкие программы, люди, которые противились его более широким перспективам. К сожалению, таких оказалось немало.

Сбросив задумчивость, он осмотрелся и с удивлением обнаружил, что из середины Меласа открывался такой вид, будто он, Джон, находился

где-нибудь на северных равнинах. Великий каньон в этом месте достигал двухсот километров в ширину, а кривизна планеты была настолько резкой, что и северные, и южные стены каньона, все их три вертикальные километра, оказались полностью скрыты за горизонтом. Лишь на следующее утро северный горизонт раздвоился, разделившись на дно каньона и огромную северную стену, которая также делилась надвое ущельем короткого каньона, соединявшего Мелас и Кандор. И только когда Джон заехал в широкую расселину, ему предстал вид, который, как думалось ранее, и должен открываться в долинах Маринер: по обе стороны от него выросли истинно исполинские стены, темно-коричневые скалы, иссеченные бесконечными грядами и оврагами. У подножия стен валялись осколки камней, упавших в далекой древности, разрушенные уступы ископаемых побережий.

В этой расселине швейцарская дорога представляла собой линию ретрансляторов, извивающуюся между холмами-останцами и арройо, так что казалось, будто Долину монументов перенесли на дно каньона, который был вдвое глубже и впятеро шире Гранд-Каньона. От этого вида так захватывало дух, что Джон не мог сосредото-

читься ни на чем другом и впервые за все свое путешествие проехал целый день, ни разу не включив Полин.

Выбравшись из поперечной расселины на севере, он оказался в огромной низине каньона Кондор. Теперь ему чудилось, будто он ехал по гигантской копии Цветной пустыни[59], где все делилось на слои, повсюду виднелись полосы пурпурных и желтых отложений, оранжевые дюны, красные эрратические валуны, розовые пески, темно-синие балки — это была поистине фантастическая, причудливая местность, и она попросту сбивала с толку. Из-за всех этих диких цветов трудно было понять, что есть что, насколько оно большое и как далеко находится. Гигантские плато, которые, казалось, преграждали ему путь, оказывались изогнутыми пластами далеких утесов, а небольшие валуны возле ретрансляторов на самом деле были великанскими останцами, которые приходилось объезжать по полдня. А в закатном свете все цвета сияли, охватывая весь марсианский спектр. Они словно с силой пробивались из скал, все — от бледно-желтого до темно-пурпурного. Каньон Пандор!

---

[59] Примечания: 59
Природный памятник в северной части штата Аризона, США.

Он решил обязательно вернуться сюда позже и хорошенько его изучить.

На следующий день он уже ехал по покатому склону северной дороги в Офире, которую швейцарская команда проложила в прошлом году. Вверх, вверх и вверх, а затем, так и не увидев вдалеке краев, он покинул каньоны, миновав сводчатые полости цепочки Ванга, а затем по старой знакомой равнине, взяв курс по широкой дороге вдоль близкого горизонта, рядом с Чернобылем и Андерхиллом. А на другой день он уже двигался на запад, на пути в Эхо-Оверлук, новый штаб программы терраформирования, построенный Саксом. Его путешествие длилось неделю, и всего он проехал 2 500 километров.

Сакс Расселл уже вернулся из Ахерона в свою обитель. Теперь у него была власть, не вызывающая никаких сомнений, данная ему УДМ ООН десять лет назад как ведущему ученому в области терраформирования. И, разумеется, эти десять лет во власти подействовали на него. Он упросил ООН и международные фонды помощи построить целый городок, который служил бы главным штабом программы терраформирования, и расположил его в пятистах километрах к западу от Андерхилла, на краю утеса, который образовывал

восточную стену каньона Эхо. Это был один из самых узких и глубоких каньонов на планете, а его восточная стена по высоте превосходила даже южный край Меласа. Для строительства был выбран вертикальный базальтовый утес высотой в четыре тысячи метров.

На его вершине не виднелось почти никаких признаков нового городка: на земле — лишь несколько бетонных коробок, разбросанных тут и там, а на севере поднималась струйка дыма, исходящего от реактора Риковера. Но когда Джон, выбравшись из марсохода, залез в одну из коробок возле края каньона и спустился одним из лифтов, расположенных внутри нее, масштаб города стал более явным — он проехал вниз пятьдесят этажей. А спустившись, обнаружил там и другие лифты, которые могли опустить его еще ниже, и они работали целыми сериями, доходя до самого дна каньона Эхо. Если предположить, что один этаж занимает десять метров в высоту, то здесь можно было разместить четыреста этажей. Пока, правда, не все места были заняты, и большинство комнат, построенных к этому времени, сосредоточено в верхних двадцати метрах. Помещения Сакса, к примеру, находились весьма близко к вершине.

Его комната для встреч представляла собой большой открытый отсек, западной стеной которого служило длинное окно во всю высоту от потолка до пола. Когда Джон вошел в комнату, надеясь отыскать там Сакса, стояла середина утра. Окно здесь было почти прозрачное, и далеко-далеко внизу можно было различить дно каньона, все еще наполовину скрытое в тени, и там в солнечном свете, намного ниже, располагалась западная стена Эхо, а за ней — величественный склон купола Фарсида, восходящий к югу. На втором плане был виден сам невысокий купол, а слева от него, проткнув горизонт, высился фиолетовый плоский конус горы Аскрийской, самого северного из крупнейших вулканов.

Но Сакса в этой комнате не было, и, насколько знал Джон, в это окно он никогда не смотрел. А сидел в соседнем помещении, где располагалась лаборатория. Теперь он походил на лабораторную крысу сильнее, чем когда-либо прежде, — сгорбил плечи, подергивал бакенбардами, глядел в пол, говорил компьютерным голосом. Проводя Джона по лабораториям, он то и дело наклонялся вперед, всматриваясь в экраны или в вычерченные линиями дюймовки, и говорил с Джоном через плечо, несколько отвлеченно. Помещения, которые

они миновали, были заставлены компьютерами, принтерами, мониторами, книгами, рулонами и пачками бумаги, дисками, масс-спектрометрами, инкубаторами, газоотводами, длинными лабораторными столами с различными аппаратами, целыми библиотеками. И везде, где только можно, стояли растения в горшках, большинство из которых имели вид не поддающихся распознаванию выпуклостей, колючих суккулентов и им подобных. Они казались опасными и ядовитыми грибками, захватившими все вокруг.

— Какой у тебя беспорядок в лабораториях, — заметил Джон.

— Да у нас вся планета — одна большая лаборатория, — ответил Сакс.

Джон рассмеялся и, убрав ярко-желтый кактус со стола, сел. Люди говорили, что Сакс больше не покидает этих комнат.

— Над чем сегодня работаешь?

— Над атмосферой.

Ну разумеется. На этой проблеме Сакс заработал себе нервный тик. Все тепло, которое они производили и подводили к планете, утолщало атмосферу, но все их попытки установить определенный уровень углекислого газа, наоборот, утончали ее. И в то время как химический состав

воздуха постепенно становился все менее ядовитым, он так же все меньше походил на тот, что был в теплицах, поэтому все остывало и процесс замедлялся. И так во всем — отрицательные последствия наступали наряду с положительными. Пока никому не удавалось сложить из всех этих факторов какую-либо стоящую программу, которая удовлетворила бы Сакса. Поэтому он решил прибегнуть к единственному своему способу — создать ее самому.

Он шагал по узкому проходу, оставшемуся между приборами, убирая стулья с дороги.

— Слишком много диоксида углерода. В прежние времена, когда строили модели, его просто сметали под коврик. Думаю, мне придется поставить роботов на переработку южной полярной шапки на фабрике Сабатье. То, что мы переработаем, не сможет испариться, и мы выпустим кислород, а из углерода, пожалуй, сделаем кирпичи. У нас появится даже больше углеродных блоков, чем нужно. Рядом с белыми пирамидами вырастут черные.

— Мило.

— Ага.

Компьютеры «Крей» и два «Шиллера» гудели за его спиной, дополняя басами его монотонную

речь. Эти машины непрерывно прогоняли один набор условий за другим, как объяснил Сакс, но результаты, хоть они и ни разу не повторялись, редко вселяли надежды. По всему выходило, что воздух будет холодным и ядовитым еще очень долгое время.

Сакс прошел по коридору, и Джон проследовал за ним в помещение, которое казалось очередной лабораторией, хотя здесь стояла кровать и возвышался в углу холодильник. Крайне беспорядочно развешанные полки были заставлены диковинными растениями в горшках, относящимися к плейстоценовой эпохе[60] и имевшими столь же мертвенный вид, что и воздух снаружи. Джон сел в одинокое пустое кресло. Сакс стоял и смотрел на морского цвета куст, пока Джон рассказывал о своей встрече с Энн.

— Как думаешь, она замешана? — спросил Сакс.

— Думаю, она может знать, кто это сделал. Она упомянула какого-то Койота.

— Ах да! — Сакс быстро взглянул на Джона, точнее, на его ноги. — Она пытается натравить нас на легендарного персонажа. Говорят, он был

---

[60] Примечания: 60

Эпоха четвертичного периода кайнозойской эры, начавшаяся 2588 миллионов лет назад и закончившаяся 11,7 тысячи лет назад.

с нами на «Аресе». Его укрывала Хироко.

Джон так поразился осведомленности Сакса о Койоте, что ему понадобилось время, чтобы понять; в этих словах его встревожило кое-что еще. Но затем до него дошло. Однажды ночью Майя рассказала ему, что видела лицо, лицо незнакомца. Путешествие далось Майе тяжело, и он не придал большого значения ее рассказу. Но теперь…

Сакс ходил по комнате, зажигая свет, вглядываясь в экраны, бормоча что-то о мерах безопасности. Он открыл холодильник, и Джон заметил в нем еще несколько шипастых растений. Либо Сакс проводил здесь эксперименты, либо его еда страдала от поистине страшной плесени. Джон сказал:

— Зато понятно, почему нападали чаще всего на мохолы. Там такое легче всего провернуть.

Сакс наклонил голову:

— Разве?

— Сам подумай. Твои маленькие мельницы расставлены повсюду, с ними ничего не поделаешь.

— Их выводят из строя. Мы получали об этом сообщения.

— И сколько вывели, штук десять? А сколько их осталось? Сотни тысяч? Это все мусор, Сакс. Про-

сто груды металлолома. Худшая из твоих идей.

К тому же эта идея чуть не погубила весь проект в целом — из-за водорослей, которые Сакс спрятал в некоторых из них. Все они тогда погибли, но, если бы выжили и если бы кто-нибудь смог доказать, что Сакс причастен к этому рассеиванию семян, он мог потерять работу. Это в очередной раз доказывало, что Сакс готов добиваться своего, невзирая ни на что.

Сейчас он сморщил нос.

— Они дают по тераватту в год.

— И если сломать несколько штук, это мало что изменит. А что до остальных физических операций, то черные снежные водоросли так и прижились на северной полярной шапке, и ее от них не вычистишь. А рассветные и закатные зеркала — на орбите, и их тоже не так-то просто сбить.

— Но кому-то же это удалось на Пифагоре.

— Это правда, но ведь мы знаем, кто это был, и у нас есть служба безопасности, которая за ней следит.

— Она может никогда и не привести их к кому-то еще. Может, они жертвуют всего одним человеком на каждый акт. Я бы не удивился.

— Да, но некоторые простые изменения в про-

верке персонала исключат возможность тайного пронесения каких-либо инструментов на борт.

— Они могут воспользоваться тем, что там уже есть, — Сакс с сомнением покачал головой. — Зеркала очень уязвимы.

— Ладно. Во всяком случае, уязвимее многих других проектов.

— Эти зеркала прибавляют по тридцать калорий на квадратный сантиметр в сол[61], — сказал Сакс. — И постепенно этот показатель возрастает.

Теперь грузы с Земли почти всегда доставляли солнечными парусниками, которые, когда они прибывали в систему Марса, стыковались с ранее прибывшими судами. У них имелась стоянка на аэросинхронной орбите, и они были запрограммированы на вращение таким образом, чтобы отражать свой свет на терминатор, каждый день добавляя немного энергии в каждый рассвет и закат. Их расстановка полностью координировалась из штаба Сакса, и это было предметом его гордости.

— Мы повысим безопасность во всех обслуживающих бригадах, — сказал Джон.

---

[61] Примечания: 61
Марсианские сутки.

— Так. Повысить безопасность на зеркалах и в мохолах.

— Да, но это еще не все.

Сакс фыркнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, проблема же не только в том, что проекты по терраформированию, по сути, служат потенциальными целями. Я имею в виду, что ядерные реакторы — это тоже своего рода части проекта. Они производят значительную часть энергии для тебя и дают тепло, будто печи. Если хоть с одним что-то случится, это приведет к множеству нежелательных последствий, скорее, даже политических, нежели физических.

Вертикальные складки между глазами Сакса вытянулись чуть ли не до линии роста волос. Джон выставил перед собой ладони:

— Не моя вина. Я говорю как есть.

Сакс проговорил:

— ИИ, взять на заметку. Проверить безопасность реакторов.

— Принято, — ответил один из «Шиллеров» таким же тоном, каким разговаривал Сакс.

— Но это еще не самое худшее, — сказал Джон. Сакс дернулся и гневно вперил взгляд в пол. — Еще есть биоинженерные лаборатории.

Губы Сакса сжались в тонкую линию.

— Там каждый день придумывают новые организмы, — продолжил Джон, — и там вполне возможно создать что-то, что убьет все живое на этой планете.

Сакс зажмурился.

— Будем надеяться, никто из этих людей не рассуждает так же, как ты.

— Я просто пытаюсь думать, как они.

— ИИ, взять на заметку. Безопасность биолабораторий.

— Конечно, Влад с Урсулой и их группа включают гены самоубийства во все, что создают, — сказал Джон. — Но эти гены служат лишь для того, чтобы остановить сверхуспех или развитие мутаций. Если же кто-то умышленно исключит эти гены и создаст что-то, что достигнет сверхуспеха, у нас будут неприятности.

— Я понял.

— Так Лаборатории, реакторы, мохолы, зеркала. Могло быть и хуже.

Сакс закатил глаза.

— Я рад, что ты так думаешь. Я поговорю об этом с Гельмутом. В любом случае я скоро с ним увижусь. Судя по всему, на следующей сессии УДМ собираются одобрить строительство лифта

Филлис. Это резко сократит стоимость терраформирования.

— В конечном счете да, но для этого нужны колоссальные начальные вложения.

Сакс пожал плечами.

— Подтолкнуть астероид Амор к орбите, запустить автоматизированную фабрику, и пусть себе работает. Это не так дорого, как тебе кажется.

Джон состроил недовольную гримасу.

— Сакс, кто за все это платит?

Сакс наклонил голову и сощурился.

— Солнце.

Джон встал и внезапно почувствовал, что проголодался.

— Так пусть солнце и выносит эти решения. Так и запомни.

≈ * ≈

«Мангалавид» каждый вечер показывал по шесть часов местного любительского видео, солянку, которую Джон любил смотреть при каждом удобном случае. И, приготовив на кухне большую порцию зеленого салата, он прошел в комнату с окном на жилом этаже и стал есть перед телевизором, время от времени поглядывая на багровый закат над горой Аскрийской. Первые десять минут передачи в тот вечер были сняты инженером-сантехником, работавшей на установке, перерабатывающей отходы в каньоне Северном. Ее голос за кадром звучал воодушевленно, но вместе с тем наводил скуку:

— Что особенно хорошо, мы можем загрязнить все, что хотим, определенными веществами, кислородом, озоном, азотом, аргоном, паром, какой-нибудь биотой. Это дает нам такую свободу действий, какой у нас не было дома, и мы просто продолжаем оттачивать все, что они нам дают, пока не сможем выпустить то, что получится, на волю.

«Дома», — повторил про себя Джон. Новенькая. После нее показывали карате, где приемы были

одновременно забавными и красивыми; затем какие-то русские двадцать минут играли «Гамлета» в гермокостюмах на дне мохола в Тирренской горе. Постановка поразила Джона, особенно когда Гамлет увидел, как Клавдий опустился на колени, чтобы помолиться, и камера наклонилась, чтобы мохол стал казаться стенами собора, что возвышались над Клавдием и тянулись к бесконечно далеким лучам солнца, будто к прощению, которое не суждено получить.

Джон выключил телевизор и спустился на лифте в спальню. Затем улегся в постель и расслабился. Карате как балет. Новички все еще оставались инженерами, строителями, учеными всех мастей. Но они не казались такими же упертыми, как члены первой сотни, и это, пожалуй, к лучшему. Они сохраняли научный склад ума и мировоззрение, были прагматичны, рациональны. Оставалось только надеяться, что отбор на Земле по-прежнему отсеивал фанатиков и пропускал людей с эмоциональностью странствующих швейцарцев, практичных, но открытых новым возможностям, способных создавать новые убеждения. По крайней мере, он на это надеялся, хотя уже понимал, что это слегка наивно. Стоило взглянуть на первую сотню,

чтобы понять, что ученые могли быть столь же фанатичными, как кто угодно другой, а то и больше. Образованность, пожалуй, сосредотачивала их на слишком узких интересах. Команда Хироко исчезла… Они где-то снаружи, среди диких скал, везучие мерзавцы… И он уснул.

Он проработал в Эхо-Оверлуке несколько дней, а затем ему позвонил Гельмут Бронски из Берроуза и сказал, что желает побеседовать с ним о новоприбывших с Земли. Джон решил приехать к нему на поезде и увидеться лично.

В ночь перед отъездом он заглянул к Саксу. И только вошел, как тот своим монотонным голосом произнес:

— Мы нашли астероид Амор, который на девяносто процентов состоит изо льда. Он движется по орбите, которая приведет его на Марс через три года. Это как раз то, что я искал.

Он собирался установить автоматизированный разгонный двигатель на ледяной астероид и вытолкнуть его на орбиту аэродинамического торможения вокруг Марса, тем самым заставив сгореть в атмосфере. Это не нарушило бы протокола УДМ ООН, воспрещающего массовое поражение, которое могло случиться при прямом столкновении, но добавило бы огромное количе-

ство воды и разделенного водорода и кислорода в атмосферу, тем самым уплотнив ее как раз теми газами, в которых колонисты нуждались сильнее всего.

— Это может повысить атмосферное давление на целых пятьдесят миллибар!

— Да ты шутишь!

До их высадки это значение составляло от семи до десяти миллибар (на Земле на уровне моря в среднем было 1 013), и все их попытки до этого момента подняли его всего лишь до пятидесяти.

— Один ледяной шар удвоит атмосферное давление?

— Так показывают симуляции. Хотя, конечно, при таком низком исходном уровне увеличение в два раза будет не очень-то впечатляющим.

— И все равно это здорово, Сакс. И это будет непросто саботировать.

Но Сакс не хотел сейчас об этом вспоминать. Он слегка сдвинул брови и выскользнул из комнаты.

Джон улыбнулся его своенравности и прошел к двери. Затем, выйдя, осмотрел коридор. Пусто. На мониторах в кабинете Сакса — никакого видео. Он вернулся внутрь, усмехаясь своей скрытной походке, и оглядел бумажный беспорядок на

рабочем столе Сакса. С чего начать? В ИИ Сакса, вероятно, содержалось много интересного, но тот, скорее всего, отзывался только на голос хозяина и сохранял данные обо всех попытках обратиться к нему. Он тихо выдвинул ящик стола. Пусто. Такими же оказались и остальные ящики; он чуть не смеялся в голос, еле сдерживаясь. На лабораторном столе лежала стопка писем, и он просмотрел их. В основном это были заметки биологов из Ахерона, но на дне лежал листок, пришедший по почте без подписи и обратного адреса. Принтер Сакса выплюнул его без каких-либо опознавательных знаков, которые были бы видны. Сообщение было коротким:

1. Мы используем гены самоубийства, чтобы сдерживать быстрое распространение.

2. Сейчас на поверхности так много источников тепла, что мы не думаем, что кто-либо сможет отличить излучаемое нами от всего остального.

3. Мы просто решили уйти и работать самостоятельно, без каких-либо вмешательств. Полагаю, теперь ты это понимаешь.

Джон смотрел на лист с минуту, а потом поднял голову и огляделся по сторонам. Никого по-прежнему не было. Он снова взглянул на записку,

положил обратно туда, где она лежала, тихонько вышел из кабинета Сакса и направился к гостевым комнатам.

— Сакс, — пробормотал он в восхищении, — да ты целая стая пронырливых крыс!

Поезд в Берроуз перевозил в первую очередь грузы и состоял из тридцати узких вагонов, первые два из которых были пассажирскими. Он двигался по сверхпроводящей магнитной трассе быстро и плавно — даже не верилось, что он едет. А после бесчисленных утомительных марсоходных вылазок Джона это и вовсе казалось чуть ли не пугающим. Ему оставалось лишь подпитать центры удовольствия своего старого мозга омегендорфом, откинуться в кресле и наслаждаться поездкой, которая казалась ему полетом со сверхзвуковой скоростью.

Трасса пролегала более-менее параллельно десятой северной широте. В итоге планировалось опоясать таким образом всю планету, но пока был завершен лишь участок между Эхо и Берроузом. Последний теперь стал крупнейшим городом в своем полушарии. Изначально построенный американским консорциумом по французскому проекту, утвержденному Европейским союзом, он располагался на краю равнины Исиды, ко-

торая была, по сути, огромной впадиной в том месте, где северные равнины глубоко врезались в южные высокогорья. Склоны и дно впадины уравновешивали кривизну планеты таким образом, что вокруг города открывались будто земные горизонты, и, пока поезд несся по впадине, Бун видел за темными равнинами, усеянными холмами-останцами, горизонты, до которых было добрых шестьдесят километров.

Почти все строения в Берроузе представляли собой скальные жилища, врезанные в склоны пяти невысоких останцев, скученных на возвышенности возле изгиба древнего канала. Целые участки этих вертикальных склонов заполняли прямоугольники из зеркального стекла, будто постмодернистские небоскребы, опрокинутые набок и воткнутые в холмы. Это было удивительное зрелище, гораздо более впечатляющее, чем Андерхилл и даже Эхо-Оверлук, из которого хоть и открывался прекрасный вид, но сам он был скрыт. Нет, застекленные останцы Берроуза, возвышающиеся над каналом, словно просившего наполнить его водой, с видом на далекие холмы, очень быстро заработали для города репутацию красивейшего на Марсе.

Западная станция размещалась внутри одного

из выдолбленных останцев и представляла собой застекленное помещение в шестьдесят метров высотой. Джон вышел в ее простор и двинулся навстречу толпе, откинув голову назад, точь-в-точь как какой-нибудь провинциал, оказавшийся в Манхэттене. Железнодорожники были одеты в голубые куртки, старатели — в зеленые прогулочники, чиновники УДМ ООН — в костюмы, строители — в рабочие комбинезоны всех цветов радуги, будто это была спортивная одежда. Штаб УДМ ООН открыли в Берроузе три года назад, вызвав тем самым настоящий строительный бум, и теперь трудно было сказать, кого на станции больше — чиновников или строителей.

На дальнем конце огромного помещения Джон увидел вход в подземку и, пойдя туда, сел в небольшой вагончик, чтобы добраться до штаба управления. Там он пожал руки нескольким людям, которые узнали его и подошли. Это напомнило ему о том странном ощущении, будто он находится в аквариуме. Он снова оказался среди незнакомцев. В городе.

Тем же вечером он ужинал с Гельмутом Бронски. Они встречались уже много раз, и этот человек производил впечатление на Джона. Это был немецкий миллионер, который полез

в политику. Высокий, тучный, светловолосый и краснолицый, безукоризненно ухоженный, одетый в дорогой серый костюм. Прежде чем получить должность в УДМ ООН, он был министром финансов ЕС. Сейчас он рассказал Джону последние новости на весьма светском британском английском, быстро пережевывая жареную говядину с картошкой в паузах между предложениями и искусно держа столовые приборы на немецкий манер.

— Мы собираемся отдать контракт на исследовательские работы в Элизии транснациональному консорциуму «Армскор». Они привезут сюда собственное оборудование.

— Но, Гельмут, — произнес Джон, — разве это не противоречит договору о Марсе?

Гельмут сделал широкий жест рукой, в которой держал вилку. Его взгляд говорил, мол, они разумные люди и понимают такие вещи.

— Договор уже устарел, это очевидно всем, кто занимается тут какими-либо делами. Но плановый пересмотр пройдет только через десять лет. Мы же тем временем должны попытаться предвосхитить кое-какие аспекты этого пересмотра. Именно поэтому мы сейчас дадим некоторые концессии. У нас нет разумных причин отклады-

вать, а в противном случае возникнут проблемы в самой Генеральной Ассамблее.

— Но Генеральная Ассамблея не будет в восторге от того, что вы дадите первую концессию старому производителю оружия из Южной Африки!

Гельмут пожал плечами.

— «Армскор» теперь имеет очень мало отношения к тому, с чего начиналась его история. Осталось одно название. Когда ЮАР стала Азанией, компания переехала в Австралию, а затем в Сингапур. И сейчас, конечно, она стала кое-чем гораздо большим, чем просто воздушно-космической фирмой. Она транснациональна в полном смысле слова, это один из новых тигров, с собственной банковской системой, и она владеет контрольными пакетами акций примерно пятидесяти компаний из «Форчун 500»[62].

— Пятидесяти? — переспросил Джон.

Да. И то «Армскор» — наименьший консорциум среди всех транснационалов, и именно поэтому мы его выбрали. Но все равно его экономика больше, чем у любой страны не из первой двадцатки. Когда старые мультинационалы

---

[62] Примечания: 62

Рейтинг 500 мировых компаний с наибольшей выручкой, ежегодно составляемый журналом «Форчун».

сливаются с транснационалами, то становятся по-настоящему мощной силой и могут влиять на Генеральную Ассамблею. Когда мы дадим эту концессию, выгоду от этого получат двадцать-тридцать стран, которые смогут отправить своих граждан на Марс. А для остальных это послужит прецедентом. И давление на нас ослабнет.

— Угу. — Джон размышлял над этим. — А скажи мне, кто договаривался об этом соглашении?

— Ну, нас было много.

Гельмут невозмутимо набил рот едой и принялся пережевывать, не обращая внимания на пристальный взгляд Джона.

Джон сжал губы и отвел глаза. Он вдруг осознал, что разговаривал сейчас с человеком, который, хоть и был функционером, но считал себя гораздо более важным на этой планете, чем Бун. Радушный, чисто выбритый (и кто же его брил и стриг?), Бронски откинулся на спинку стула и заказал послеобеденные напитки. Его помощница, служившая в этот вечер их официанткой, поспешила ему угодить.

— Кажется, меня на Марсе еще никогда не обслуживали, — проговорил Джон.

Гельмут спокойно встретил его взгляд, но лицо его покраснело. Джон едва не расплылся в улыб-

ке. Представитель УДМ ООН хотел выглядеть грозно и продемонстрировать: эта организация так изощренна, что Джон, чье мышление сопоставимо с уровнем сотрудника маленькой метеостанции, не способен даже ее постичь. Но Джон уже давно обнаружил, что пары минут его поведения в режиме Первого Человека на Марсе достаточно, чтобы свести такое отношение на нет. И он стал смеяться, пить, травить байки, намекать на разные секреты, известные лишь первой сотне, дал понять помощнице-официантке, что главным за этим столиком был именно он, и так далее. Он казался беззаботным, понимающим, высокомерным, и ко времени, когда они покончили с шербетом и бренди, Бронски уже вел себя громко и буйно, скрывая таким образом тревогу и осторожность.

Функционеры. Джону хотелось смеяться.

Но его донимало любопытство по поводу главной цели их беседы, которая по-прежнему оставалась загадкой. Вероятно, Бронски хотел своими глазами увидеть, как новость о концессии подействует на человека из первой сотни, — чтобы оценить по нему реакцию остальных. Но это было бы глупостью, потому что для общей оценки необходимо проверить реакцию хотя бы восьми-

десяти из них. Впрочем, пусть это и глупость, но вполне возможная. Раньше, бывало, Джона приглашали представлять всякие новинки — ведь он был символом. И теперь Бронски мог считать, что мнение Джона формирует мнение колонистов, но в этом случае он заблуждался, попросту теряя время.

Задумавшись по пути в свой гостевой номер о том, может ли этот вечер принести ему хоть какую-нибудь выгоду, Бун спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о Койоте?

— О животном?

Он усмехнулся и ничего не ответил. У себя в комнате он лежал на кровати, включив «Мангалавид», и размышлял. Почистив зубы перед сном, он посмотрел в зеркало и нахмурился. Затем широко взмахнул зубной щеткой.

— Хорошо, — произнес он, непохоже изображая легкий акцент Гельмута, — это бизьнэс, знаешь ли. Бизьнэс, как фсегда!

На следующее утро у него выпала пара свободных часов перед первой встречей, и он провел их с Полин, изучая все, что ему удалось найти о деяниях Гельмута Бронски за последние полгода. Могла ли Полин забраться в дипломатическую почту УДМ ООН? Бывал ли Гельмут в Сензени-На или в

других местах, где совершались саботажные действия? Пока Полин следовала своим поисковым алгоритмам, Джон проглотил омегендорф, чтобы не чувствовать похмелья, и задумался, почему ему вдруг захотелось поискать записи о Гельмуте. УДМ ООН сейчас обладало верховной властью на Марсе, по крайней мере, согласно букве закона. Но на деле, как показал прошлый вечер, ООН была, как всегда, беззубой перед национальными армиями и деньгами транснационалов. Выполняя их распоряжения, она была беспомощна, не в силах противостоять их желаниям — и даже вряд ли стала бы пытаться. Так чего они хотели, эти правительства стран и транснациональные советы директоров? Интересно, если бы прогремело достаточно случаев саботажа, это послужило бы для них поводом усилить свою безопасность? Привело бы к усилению их власти?

Он фыркнул. Пока его расследование принесло лишь список подозреваемых, который успел утроиться за это время, тут заговорила Полин:

— Прошу прощения, Джон.

На экране вспыхнула информация. Дипломатическая почта, как она выяснила, засекречена одной из новых невзламываемых кодировок, и для того, чтобы получить к ней доступ, необходи-

мо ее расшифровать. С другой стороны, отследить перемещения Гельмута оказалось легко. Десять недель назад он был на Пифагоре, зеркальной станции, сошедшей с орбиты. И на Сензени-На приезжал за две недели до Джона. Причем в Сензени-На никто не упомянул о его появлении там.

А совсем недавно вернулся из горнодобывающего комплекса, который сейчас разворачивался в местечке под названием Брэдбери-Пойнт. Через два дня Джон отправился туда.

Брэдбери-Пойнт находился примерно в восьмистах километрах к северу от Берроуза, на восточной границе гор Нилосирт. Это был регион со множеством холмов-останцев — казалось, будто островки южных гор выдавались среди лощин в северных равнинах. Островки останцев в Нилосирте, как недавно выяснилось, были богатым металлогенным регионом, где имелись запасы меди, серебра, цинка, золота, платины и других металлов. Скопления этих руд были открыты в нескольких местах так называемого Большого Уступа, где южные горы переходили к северным низменностям. Некоторые ареологи доходили до того, что называли весь район Уступа металлогенной областью, опоясывающей всю планету, как шов на бейсбольном мяче. Это был очередной

странный факт в дополнение к великой загадке севера-юга, и состоял он, конечно, в том, чтобы привлечь как можно больше внимания. Горные работы вкупе с интенсивными ареологическими изысканиями проводились учеными из УДМ ООН и, как выяснил Джон, изучив записи о новоприбывших, транснациональных консорциумов — все они стремились найти как можно большее количество месторождений. Но даже на Земле геология минеральных образований не была до конца понятна, из-за чего в изыскательских работах по-прежнему многое зависело от везения; на Марсе же геология оказалась еще загадочнее. Недавние находки на Большом Уступе удавались в основном случайно, и только сейчас региону начинали уделять наибольшее внимание.

Открытие комплекса в Брэдбери-Пойнте ускорило поиски, когда выяснилось, что регион не уступает крупнейшим земным месторождениям и, вероятно, сопоставим с Бушвелдским комплексом в Азании. И вот — золотая лихорадка в Нилосирте. Посещал это место и Гельмут Бронски.

Место, которое оказалось маленьким и утилитарным… но это было только начало. Реактор Риковера и несколько перерабатывающих за-

водов, плюс останец, в котором размещались жилища. Шахты были разбросаны по низинам между останцами. Бун подъехал к жилищу, подключил марсоход к гаражу и вошел через шлюз.

Внутри его встретил приветственный комитет, после чего его отвели в конференц-зал со стеклянными окнами.

Как ему сообщили, в Брэдбери находилось около трехсот человек, все работали на УДМ ООН и прошли обучение в консорциуме «Шеллалко». Для него провели краткую экскурсию, из которой он узнал, что здесь были смешаны южноафриканцы, австралийцы и американцы — и все они радостно пожимали ему руки, — примерно три четверти составляли мужчины, бледные и чистые, больше похожие на лабораторных техников, чем на чумазых троллей, которых Джон представлял себе при слове «шахтер». Они рассказали, что большинство здесь работали по одно- и двухлетним контрактам и считали оставшееся время по неделям, а то и по дням. Шахтами управляли, как правило, дистанционно, и их не на шутку взволновало, когда Джон попросил спуститься вниз, чтобы осмотреть одну из них.

— Это же просто дыра, — сказал один.

Бун лишь невинно смотрел в ответ, а затем,

после очередного неловкого мгновения, они начали собирать сопровождающую группу, чтобы провести его в шахту.

На то, чтобы надеть прогулочники и выйти через шлюзы, им понадобилось два часа. Добравшись до края шахты, они поехали по наклонной дороге, уходящей в ступенчатую овальную яму в пару километров длиной. Там они выбрались из транспорта и последовали за Джоном, когда тот двинулся вперед. Окруженные большими автоматизированными бульдозерами, самосвалами и землеройными машинами, его четверо спутников глядели сквозь забрала во все глаза — бдели, присматривая за диким зверем, вышедшим на свободу, как подумал Джон. Он смотрел на них, изумленный такой робостью, и вдруг осознал, что теперь Марс мог казаться кому-то просто неблагоприятным вариантом перевода по работе — адской смесью Сибири, диких районов Саудовской Аравии, Южного полюса в зимний период и «Нового мира».

Или, возможно, они считали его опасным человеком, с которым лучше было не выходить вот так. Это их пугало. Несомненно, все слышали об упавшем самосвале — может, дело именно в нем. Или было что-то еще? Может, эти люди знали о

чем-то, чего не знал он? Поразмыслив над этим какое-то время, Джон понял, что вот-вот протрет на них глазами дыру. Он думал о падающем самосвале как о происшествии, которое может случиться всего раз. Но ведь его передвижения легко отследить — все знали, где он сейчас находится. А каждый раз, выходя наружу, человек становился просто странником, как говорили некоторые. И в шахтах слонялось много диких зверей…

Но они вернулись без происшествий. Позже в тот вечер у них состоялся привычный ужин и вечеринка в его честь, где много пили, употребляли омегендорф, шумно разговаривали; группа молодых крепких инженеров с радостью узнала, что Джон Бун — забавный человек, с которым можно отлично провести время. Вполне распространенная реакция среди новичков, особенно молодых людей. Джон болтал с ними, приятно проводя время и незаметно, как ему казалось, расспрашивая их о своем деле. О Койоте они не слышали, но тема их заинтересовала, поскольку они знали о Большом человеке и тайной колонии. Койот явно был героем историй иного толка; о нем слышали лишь немногие — и все они, насколько знал Джон, из первой сотни.

И все же недавно к шахтерам заглядывали необычные гости — арабский караван, огибающий край Великой Северной равнины. И, как ему сказали, арабы клялись, будто видели неких «затерянных колонистов», как они их назвали.

— Любопытно, — ответил Джон.

Ему казалось маловероятным, что Хироко или кто-либо из ее команды стали бы кому-то показываться, но кто знал наверняка? Он мог, однако, все проверить сам; в любом случае, в Брэдбери-Пойнте ему больше нечего делать. Для раскрытия преступления, как он теперь понимал, детектив мог сделать мало полезного. Он все же провел еще пару дней, наблюдая за горными работами, но его лишь сильнее потрясли масштабы процесса и возможный ущерб, какой могли нанести автоматизированные землеройные машины.

— Что вы собираетесь делать со всем этим металлом? — спросил он после того, как заглянул в очередную открытую шахту, расположенную в двадцати пяти километрах от жилищ. — Ведь доставить его на Землю выйдет дороже его собственной стоимости, разве не так?

Руководитель горных работ, темноволосый мужчина с острыми чертами лица, усмехнулся.

— Мы придержим его до тех пор, пока он не

будет стоить дороже доставки. Или пока не построят космический лифт.

— Ты в это веришь?

— О да, материалы для этого уже есть! Графитовый стержень, усиленный алмазной спиралью, можно построить даже на Земле. А здесь это будет вообще легко.

Джон покачал головой. В конце дня они целый час возвращались в жилища, минуя сырые ямы и отвалы, держа курс на отдаленные столбы дыма, которые поднимались над перерабатывающими заводами, расположенными в тех же останцах, что и жилища, но с другой стороны. Вид земли, раскуроченной для строительства, для него привычен, но это… Поразительно, на что способны несколько сотен человек! Понятно, что они использовали ту же технологию, по которой Сакс построил вертикальный город во всю высоту Эхо-Оверлука и по которой быстро строились новые города. Технологию, которая наводила такую разруху, лишь чтобы урвать металлы, предназначенные для ненасытной Земли…

На следующий день он распорядился, чтобы руководитель горных работ установил строжайшие меры безопасности на ближайшие два месяца, и уехал по занесенным ветром следам арабского

каравана, уводящим на северо-восток.

≈ * ≈

Как выяснилось, вместе с караваном путешествовал Фрэнк Чалмерс. Но он не видел и не слышал ничего о встрече с людьми Хироко, и никто из арабов не дал нужных сведений. Выходит, зацепка ложная. Или же это Фрэнк не позволил арабам признаться — а если так, то как он сам об этом узнал? Хотя арабы прибыли на Марс совсем недавно, они уже встали на сторону Фрэнка, в этом можно не сомневаться. Он жил с ними, говорил на их языке, а сейчас буквально оказался посредником между ними и Джоном. Провести независимое расследование было совершенно невозможно. Теперь разве что Полин могла бы найти что-то в потоке данных, но для этого не нужно было ходить за караваном.

Тем не менее Джон примкнул к ним на некоторое время, пока они кочевали по огромному морю песка — занимались ареологией и проводили кое-какие исследования. Фрэнк сопровождал его недолго: ему необходимо было поговорить с одним другом-египтянином. Он не мог позволить себе задержаться. Его работа в должности министра заставляла его путешествовать по

миру не меньше, чем Джона, и их пути пересекались достаточно часто. Фрэнк руководил американским министерством Марса уже три срока, а учитывая, что это государственная должность, пусть он и находился на значительном удалении от Вашингтона, это было выдающимся достижением. Сейчас он вел надзор за инвестированием американскими транснационалами, такая ответственность заставляла его маниакально перерабатывать, и он раздувался от власти, из-за чего казался Джону деловой версией Сакса: постоянно находился в движении и размахивал руками, будто дирижируя музыке своих речей, а с годами стал читать свои речи очень быстро, как если бы выступал перед Торговой палатой.

— Нужно застолбить за собой этот Уступ, пока его не расхватали транснационалы с немцами, впереди еще куча работы! — Последнее было его любимой поговоркой, которой он обычно придавал убедительности, указывая на маленький глобус, что носил в кармане вместе с портативным компьютером. — Вот эти твои мохолы, я открыл их на прошлой неделе, один возле Северного полюса, три в районе шестидесятой широты на севере и три на юге, четыре вдоль экватора, четыре вокруг Южного полюса, и все они уютно

расположены к западу от вулканических возвышенностей, чтобы ловить свои воздушные потоки, причем они прекрасно смотрятся. — Он вертел глобус, и голубые точки, обозначающие мохолы, сливались в голубые линии. — Приятно видеть, что ты наконец-то занялся делом.

— Наконец-то.

— Слушай, в Элладе открылся новый обитаемый завод. Там производят пусковые блоки, которые позволят принять порядка трех тысяч эмигрантов за эл-эс девяносто, а с новыми шаттлами многократного использования этого вряд ли хватит. — Увидев выражение лица Джона, он быстро продолжил: — И в итоге, Джон, все это тепло поможет терраформированию не только деньгами и трудом. Подумай в этом ключе.

— А ты когда-нибудь задумывался, к чему это все приведет? — спросил Джон.

— Что ты имеешь в виду?

— Например, этот поток людей и оборудования при том, что на Земле сейчас все разваливается на части?

— На Земле все всегда будет разваливаться на части, к этому можно уже привыкнуть.

— Да, но кто будет владеть тем, что здесь? Кто будет всем заправлять?

Фрэнк лишь состроил гримасу, удивляясь простодушию Джона. По одному только взгляду на его лицо Джон все понял — всю смесь отвращения, нетерпимости и удовлетворения Фрэнка. Какая-то часть Джона была довольна, что удалось мгновенно все понять; он знал своего старого друга лучше, чем кого-либо из своей семьи, и это смуглое лицо, обратившее к нему неласковый тусклый взгляд, было чем-то вроде лица брата-близнеца, которого он не помнил и о котором никогда не знал. С другой стороны, его раздражал покровительственный тон Фрэнка.

— Люди спрашивают об этом, Фрэнк. Не только я и не только Аркадий. Ты не можешь просто пожимать плечами и отмахиваться, будто это слишком глупый вопрос, будто здесь нечего решать.

ООН решит, — грубо бросил Фрэнк. — Там их десять миллиардов, а здесь нас десять тысяч. Миллион к одному. Чтобы повлиять на это соотношение, тебе нужно было становиться представителем УДМ ООН, как я тебе советовал, когда эту должность еще учреждали. Но вместо того, чтобы меня послушать, ты отмахнулся. Ты мог действительно что-то сделать, а кто ты теперь? Просто помощник Сакса по связям с обществен-

ностью.

— И по развитию, по безопасности, по отношениям с Землей и по мохолам.

— Да ты просто страус! — выпалил Фрэнк. — Голову в песок, и все! Ладно, пошли поедим.

Джон согласился, и они зашли, чтобы отужинать, в самый большой марсоход, что был у арабов. Они ели ягненка, приготовленного на гриле, и приправленный укропом йогурт, восхитительный и экзотический. Но Джона все равно раздражало не сходящее с лица Фрэнка презрение. Чувствовалось, как всегда, острое старое соперничество, и никакая аура Первого Человека не могла повлиять на его глумливое высокомерие.

Когда на следующий день неожиданно появилась Майя Тойтовна, которая направлялась на запад, в Ахерон, Джон заключил ее в более продолжительные объятия, чем обычно, а когда ужин закончился, он удостоверился, что она проведет ночь в его марсоходе, — в знак особого внимания, с определенной улыбкой, определенным взглядом, почти случайно соприкоснувшись руками, когда пробовали шербет и общались с радостными мужчинами из каравана, которые, разумеется, пришли в восхищение, увидев ее…

И это при всех их старинных законах смирения и обольщения, устоях, которые закладывались многие годы. А Фрэнк мог лишь наблюдать со стороны холодным взглядом, беседуя по-арабски со своими египетскими друзьями.

И ночью, когда Джон и Майя занимались любовью в кровати его марсохода, Джон резко вырвался из ее объятий и, посмотрев на ее белое тело, подумал: «Вот тебе и политическая власть, старина Фрэнк!» Холодный взгляд старого приятеля говорил сам за себя: неумолимая страсть никуда не делась и по-прежнему горела в нем. Фрэнк, как и большинство мужчин в караван-сарае той ночью, был бы счастлив оказаться на месте Джона; раз или два он там уже, несомненно, оказывался, хоть и Джона тогда еще не было рядом. Но нет, сегодня Фрэнку жестко напомнили о том, в чем заключается настоящая власть.

Отвлеченный этими дурными мыслями, Джон не сразу сумел уделить должное внимание самой Майе. Они не спали вместе уже почти пять лет, и за это время у него было несколько других партнерш, а она, насколько он знал, какое-то время жила с каким-то инженером в Элладе. Странно было начинать снова, будто они близко знали друг друга и в то же время были незнакомы. Ее

лицо мелькало под ним в тусклом свете — то сестра, то незнакомка, то сестра, то незнакомка… Что-то случилось, что-то изменилось в нем, и все эти сторонние дела, все игры потеряли значение. Что-то в ее лице, в том, что она вся была с ним, отдавала ему всю себя, когда они занимались любовью, сильно взволновало его. Он не знал никого другого, кто вел бы себя так же.

И старое пламя заискрилось вновь — сначала, когда они занялись любовью в первый раз, неуверенно, будто его и не было вовсе. Но затем, спустя час тихой беседы, когда они начали целоваться и перекатываться по постели, оно внезапно воспылало, и они стали гореть в этом пламени. Майя возбуждала его, как и всегда, он не мог этого не признать. Она захватила все его внимание. Для нее секс не был (как обычно был для Джона) каким-то спортом, но был огромной страстью, необыкновенным состоянием. Она становилась настоящей тигрицей, когда приступала к делу, всегда удивляла его, будила, возносила к своему уровню, напоминала о том, каким секс может быть. И было чудесно об этом вспоминать, снова познавать — поистине чудесно. Омегендорф не шел с этим ни в какое сравнение; как он мог ее забыть, почему продолжал убегать от нее, почему

жил так, словно ее вовсе не существовало? Он крепко ее обнял, и они сплелись друг с другом, дыша и стеная, одновременно встретив оргазм, как нередко бывало в прежние времена. Майя увлекла его за собой куда-то за грань реальности, это был их ритуал.

А затем, когда они стали разговаривать, он почувствовал, что любит ее еще сильнее. Поначалу ему хотелось просто рассердить Фрэнка — что было, то было, — а к ней он отнесся с полным безразличием. Но теперь, лежа рядом с ней, он ощущал, как сильно ему не хватало ее эти пять лет, какой пресной была без нее его жизнь. Как же он по ней соскучился! Новые чувства — они всегда его удивляли, поскольку он давно уже считал себя слишком старым для них, считал, что пора остепениться. Но неизменно, время от времени, происходило нечто такое, что заставляло его испытывать чувственный подъем. И очень часто этим «нечто» оказывалась встреча с Майей…

А она была все той же Майей Тойтовной, пышущей жизнью, преисполненной мыслей и планов, самой собой. Она понятия не имела о том, что Джон делал здесь, в этих дюнах, и не собиралась спрашивать. И порвала бы его в клочья, если бы он случайно сделал что-то не то, — он видел это

по ее страстной осанке, по походке. Но все это он знал и так, это не было для него новостью еще с первых лет в Андерхилле, а уже много времени прошло с тех пор. И это знание доставляло удовольствие — даже ее раздражительность была ему приятна! Как и Фрэнк со своим презрением был ему мил. Да, он, Джон, уже постарел, и все они стали семьей. Он чуть не рассмеялся, чуть не сказал что-то, что могло ее разозлить, но вовремя спохватился. Боже, да было достаточно просто знать это, а показывать что-то лишний раз не стоило! При этой мысли он все же рассмеялся, и она улыбнулась, услышав его смех, вернулась в постель и снова ткнула в грудь.

— Смеешься надо мной, как я погляжу! Это из-за моей толстой попы, да?

— Ты же знаешь, твоя попа идеальна.

Она еще раз ткнула его в обиде на то, что считала великой ложью, и их борьба вновь затянула их в реальность кожи и соли, в мир секса. В какой-то момент этого продолжительного неторопливого действа он поймал себя на мысли: «Я люблю тебя, дикая Майя, честное слово, люблю!» Эта мысль сбивала его с толку, она была опасна. Произносить такое вслух было нельзя. Но это было правдой.

И через пару дней, когда она, уезжая в Ахерон, попросила его поехать с ней, он обрадовался.

— Может, через пару месяцев.

— Нет, нет. — Она стала серьезной. — Приезжай скорее, я хочу, чтобы ты снова оказался со мной.

И когда он, сам того не ожидая, согласился, она усмехнулась, как девочка, у которой имелся свой секрет:

— Ты не пожалеешь.

И, поцеловав его, уехала на юг, в Берроуз, где собиралась сесть в поезд, идущий на запад.

После этого шансов узнать хоть что-то у арабов стало еще меньше, чем прежде. Он задел чувства Фрэнка, и арабы ополчились на Джона, защищая своего друга, и это было логично. «Тайная колония? — переспрашивали они. — А что это такое?»

Он вздохнул и бросил попытки, решив уехать. Складывая запасы в свой марсоход перед отъездом (арабы с присущей им щепетильностью позволили ему заполнить хранилища), он размышлял над тем, чего ему удалось достичь в расследовании саботажа. До Шерлока Холмса ему еще далеко, в этом не стоило сомневаться. Но что еще хуже, на Марсе теперь жили целые сообщества, которые на дух его не переносили.

Мусульмане…

Закончив сборы в тот вечер, он почитал собранное Полин, после чего вновь присоединился к своим хозяевам и наблюдал за ними так внимательно, как только мог, задавая вопросы ночь напролет… Он знал, что этими вопросами можно достучаться до души человека — а это гораздо важнее, чем до разума. Но в данном случае, похоже, не было никакой разницы. «Койот? Это такая дикая собака?» Сбитый с толку, он покинул караван следующим утром и отправился на запад, к южной границе песчаного моря. Ему предстояло долгое путешествие в Ахерон, где он собирался присоединиться к Майе, преодолев пять тысяч километров, пройдя множество дюн. И все же он предпочел поехать на марсоходе, а не вернуться в Берроуз и сесть на поезд. Ему требовалось время, чтобы подумать. И вообще, теперь это вошло у него в привычку: ездить по дикой местности, летать на планере — сбегать ото всех и не спеша путешествовать. Он провел в дороге уже многие годы, рассекая северное полушарие и делая продолжительные вылазки на юг, осматривая мохолы или оказывая услуги Саксу, Гельмуту или Фрэнку, вникая в различные вопросы для нужд Аркадия, разрезая ленточки на

открытиях то города, то метеостанции, то шахты, то мохола. Он постоянно говорил — то произнося публичные речи, то ведя частные беседы, общаясь с незнакомцами, старыми друзьями, новыми знакомыми. — говорил почти так же быстро, как теперь разговаривает Фрэнк, который старается призвать людей к забвению прежней истории и строительству нового состоятельного общества. Джон же говорил, стремясь создать научную систему, рассчитанную специально для Марса, под его особенности, справедливую, рациональную и содержащую все необходимое. Стремясь указать путь к новому Марсу!

И каждый год, когда он заканчивался, казался Джону все менее похожим на то, каким он себе его представлял. Такое место, как Брэдбери-Пойнт, показывало, как быстро все менялось, а такие люди, как арабы, лишь подтверждали это. События выходили из-под его контроля и даже более того — вообще из-под чьего-либо контроля. Здесь не было никакого плана.

Он катился на запад, доверившись автопилоту и глубоко погрузившись в размышления. Пытался понять истинную суть истории, то, как она устроена. И пока он путешествовал день за днем, ему казалось, что история — словно какая-то

огромная штуковина, которая всегда находится за горизонтом и которую нельзя увидеть, только ее последствия неожиданно встают перед наблюдателем. Она вершится, когда на нее не смотрят — непостижимая бесконечность событий, которые, оставаясь вне контроля, контролировали все и вся. А он как-никак был здесь с самого начала! Он сам был началом, первым человеком, сделавшим шаг в этом мире, а затем он сюда вернулся и помогал обустраивать мир на голом месте! И все же, вопреки всему, история проходила мимо него. Обдумывая это, он впадал в неверие, а иногда на него внезапно накатывала неумолимая тоска. Все не только выходило из-под контроля, но и становилось вовсе непостижимым — однако это неправильно, с этим необходимо бороться!

Но как? Какое-то социальное планирование… его уже, безусловно, должны были придумать. А эта беготня без плана в нарушение даже зыбкой программы, придуманной вначале, когда заключали договор о Марсе… что ж, она и приводит к созданию такого же общества без плана. Таковой была история до сих пор, хоть она и была сущим кошмаром, огромным собранием примеров того, чего следует избегать. Нет. Им нужен план. Им нужен шанс начать заново, им нужна концепция.

Гельмут, угодливый чиновник, Фрэнк со своим циничным признанием статус-кво и принятием разрыва договора — да будто все они заболели золотой лихорадкой!

Фрэнк был неправ. Неправ, как всегда!

Но и его собственные стремления, вероятно, были также неверны. Он основывался на невнятной теории о том, что если бы он увидел как можно больше на этой планете, посетил бы еще одно поселение, поговорил бы с еще одним человеком, то он каким-то образом (не особо усиленно над этим думая) *все бы понял* — и это его всеохватывающее понимание растеклось бы от него ко всем остальным, распространяясь на новых поселенцев и меняя все вокруг. Теперь он ясно осознавал всю наивность этой теории; сейчас на планете столько народу, что нечего и надеяться связаться со всеми, стать артикулятором всех их желаний и стремлений. Но дело заключалось не только в этом, но и в том, что многие из новоприбывших были очень похожи на людей из первой сотни — сходны причины, по которым сюда прилетели и первые, и последующие. Однако он не знал новичков так же хорошо, как первую сотню, и никак не мог узнать. А небольшая группа, окружавшая его с самого начала, по сути, сформировала его

взгляды и мышление, научила его многому, она была его семьей, и он ей доверял. И хотел от нее помощи, и сейчас нуждался в ней сильнее, чем когда-либо прежде. Вероятно, именно этим объяснялась глубина его внезапно нахлынувших чувств к Майе. И, вероятно, именно поэтому он так сердился на Хироко — потому что хотел поговорить с ней, нуждался в ее помощи! А она бросила их.

≈ * ≈

Влад и Урсула перенесли свой биотехнологический комплекс на острый гребень в Ахероне, имевший вид узкого возвышения, похожего на боевую рубку огромной погруженной в воду субмарины. Они избороздили верхнюю ее часть землеройными работами, растянувшимися от обрыва до обрыва. Кое-где получившиеся пространства достигали километра в ширину и были застеклены с обеих сторон. На южной стороне из окон открывался вид на гору Олимп, находившуюся примерно в шестистах километрах, на северной — бледно-бежевые пески равнины Аркадии.

Джон подъехал к основанию гребня по широкому уступу и подключил марсоход к шлюзу гаража, заметив при этом, что земля в узком каньоне к югу от поселения была комковатой из-за обильного содержания в ней вещества, напоминавшего плавленый коричневый сахар.

— Это новый вид тайнобрачной коры, — объяснил Влад, когда Джон его об этом спросил. — Симбиоз цианобактерий и искусственных флоридских бактерий. Флоридские проникают очень

глубоко и превращает сульфаты, содержащиеся в породах, в сульфиды, и потом ими питаются *Microcoleus*. Из его верхних слоев распускаются нити, которые связываются с песком и глиной, образуя крупные древесные породы, то есть это как будто древообразные частицы с очень длинными бактериальными корневыми системами. И эти корневые системы, по-видимому, не остановятся ни перед реголитом, ни перед коренными породами и растопят вечномерзлые грунты.

— И ты их выпустил? — спросил Джон.

— Конечно. Нам же нужно что-то, что может справиться с вечномерзлой породой, верно?

— А вдруг они захотят заполонить всю планету?

— Ну, они, как обычно, содержат ген самоубийства на случай, если начнут подавлять иную биомассу. Зато если они останутся в своей нише…

— М-да.

— Мы считаем, что они не так уж отличаются от первых жизненных форм, которые покрыли материки на Земле. Мы просто увеличили скорость их роста и усилили корневую систему. Самое забавное, что, как я полагаю, они прежде всего должны охладить атмосферу и при этом

будут греть то, что находится глубоко под землей. Поскольку от этого существенно возрастет химическое выветривание пород, а все реакции будут поглощать CO_2, выходит, что атмосферное давление должно понизиться.

Майя, присоединившись к ним и крепко обняв Джона, отметила:

— А когда будет поглощаться CO_2, разве кислород не будет выделяться с такой же скоростью? Тогда и давление вырастет.

Влад пожал плечами.

— Возможно. Поживем — увидим.

Джон рассмеялся.

— Сакс заглядывает далеко вперед. Он будет доволен.

— О да. Он разрешил их выпустить. А весной приедет сюда их изучать.

Они отужинали в зале, который располагался высоко на гребне, почти под самой верхушкой. В крыше открывались люки, выходившие в теплицу, которая находилась уже на самой верхушке. По всей длине северной и южной стен тянулся ряд окон, а восточную и западную закрывали собой горшки с бамбуком. В ужине участвовали все жители Ахерона, соблюдавшие этот обычай Андерхилла наряду с многими другими. За столом

Джона и Майи шло обсуждение широкого спектра вопросов, но оно неизменно возвращалось к текущей работе, заключавшейся в попытках решить проблемы, возникавшие из-за необходимости внедрения предохранительных мер во все ГМО, что они создавали. Ахеронская группа ввела практику внедрения двойных генов самоубийства в каждый ГМО, и теперь это должно быть законодательно закреплено ООН.

— Для разрешенных ГМО это будет просто прекрасно, — сказал Влад. — Но если какие-нибудь дураки попытаются сделать что-то сами и просчитаются, то нам не избежать больших неприятностей.

После ужина Урсула заметила Джону и Майе:

— Раз уж вы здесь, вам надо пройти медосмотр. Вы оба уже давно не проверялись.

Джон, ненавидевший медосмотры и вообще какое-либо внимание со стороны врачей, попытался было возразить, но Урсула стала его донимать, пока не вынудила в конце концов сдаться и посетить клинику через пару дней. Там он прошел целый ряд диагностических тестов, которые показались ему даже более доскональными, чем обычно. Большинство из них проводилось томографическими машинами и компьютерами

с излишне мягкими голосами, приказывающими ему пошевелиться то так, то эдак, и Джон, совершенно не понимая, что происходит, делал, что ему говорили. Современная медицина! Но затем, наконец, его принялась тыкать, колоть и обстукивать проверенным временем способом сама Урсула. Когда же все закончилось, он лежал на спине, накрытый белой простыней, а она стояла рядом, рассматривая его показания и рассеянно напевая.

— У тебя все хорошо, — сказала она спустя несколько минут. — Есть кое-какие проблемы, типичные, связанные с гравитацией, но ничего серьезного.

— Отлично, — проговорил Джон с облегчением. У докторов всегда так если есть новости, то они плохие, поэтому хотелось отсутствия новостей. Это было своего рода победой, с каждым разом все более весомой. С ним ничего не случилось, отлично!

— Хочешь пройти лечение? — спросила Урсула своим привычным голосом, стоя к нему спиной.

— Лечение?

— Ну, вроде геронтологической терапии. Экспериментальная процедура. Как инокуляция, только она укрепляет ДНК. Восстанавливает

нарушенные цепочки, существенно повышает точность деления клеток.

Джон вздохнул:

— И что это значит?

— Ну, видишь ли, обычное старение вызывается, прежде всего, ошибками в делении клеток. После какого-то количества поколений — от сотен до десятков тысяч, в зависимости от типа клеток, начинают учащаться ошибки воспроизведения, и организм ослабевает. Одной из первых слабеет иммунная система, потом другие ткани, и тогда что-то выходит из строя или иммунную систему поражает болезнь, и все, наступает конец.

— И ты говоришь, можно сделать так, чтобы эти ошибки прекратились?

— По крайней мере, замедлить и исправить те, что уже произошли. Комплексно, так сказать. Ошибки при делении возникают из-за нарушений в цепочках ДНК, поэтому мы хотели укрепить эти цепочки. Для этого мы считываем геном и составляем самовосстанавливающуюся геномную библиотеку мелких участков, которые заменяют нарушенные цепочки…

— Самовосстанавливающуюся?

Она вздохнула.

Вот все американцы считают, что это смешно.

Тем не менее мы внедряем эту самовосстанавливающуюся библиотеку в клетки, где они связываются с исходной ДНК и помогают ей сдерживаться от нарушений.

Рассказывая, она начала рисовать двойные и четверные спирали. Она употребляла все больше слов из биотехнологического жаргона, отчего Джон улавливал лишь общую суть ее доводов, которые, похоже, брали истоки в проекте «Геном человека»[63] и исследовании коррекции генетических дефектов, а также применении методов лечения рака и создания ГМО. Элементы этих, как и многих других, технологий были скомбинированы ахеронской группой, рассказала Урсула. Так или иначе, ему предлагалось ввести инфекцию его собственного генома, которая захватила бы все клетки тела, кроме зубов, кожи, костей и волос. Тогда его цепочки ДНК стали бы почти безупречными, восстановленными и усиленными, благодаря чему последующее деление клеток происходило бы более точно.

— Насколько точно? — спросил он, пытаясь понять, что все это значило.

---

[63] Примечания: 63

Крупный международный научно-исследовательский проект, целью которого было представить структуру полной последовательности ДНК человека. Начался в 1990 году, большей частью завершен в 2003 году.

— Ну, как если бы тебе было лет десять.

— Да ты шутишь.

— Нет-нет. Сами мы уже прошли лечение в этом году, десять L_S назад, и пока могу заявить: это работает.

— А это навсегда?

— Ничего не бывает навсегда, Джон.

— Тогда на сколько?

— Мы не знаем. Мы проводим эксперимент на себе и таким образом надеемся это узнать. Вполне вероятно, что сумеем провести терапию еще раз, когда уровень ошибок при делении снова начнет расти. Если так и случится, это может означать, что терапия продлит тебе жизнь на какое-то время.

— На какое время? — не унимался он.

— Ну не знаю. Проживешь дольше, чем мы живем сейчас, это точно. Возможно, что и намного дольше.

Джон пристально на нее посмотрел. Она, глядя на него, улыбнулась, и он осознал, что его нижняя челюсть отвисла от удивления. Конечно, он не блистал умом в эту минуту, но чего ей было от него ожидать? Это невероятно… это восхитительно…

Он с трудом улавливал нить разговора; мысли

кружились у него в голове.

— И скольким ты уже об этом рассказала? — спросил он.

Ну, мы опросили всю первую сотню, когда они проходили осмотр вместе с нами. И здесь, в Ахероне, уже на всех опробовали лечение. Но дело в том, что мы просто скомбинировали те методы, которыми все пользуются, так что скоро до этого додумается кто-нибудь еще. Сейчас мы готовимся это опубликовать, но сначала отправим статью на рецензирование во Всемирную организацию здравоохранения. Ведь это вызовет политические последствия, сам понимаешь.

— Ага, — согласился Джон, размышляя. Когда новость о применении средства, продлевающего жизнь, узнают эти кишащие миллиардеры… «Боже!» — подумал он.

— А это дорого?

— Не так чтобы очень. Самое дорогое — это считывание генома, оно занимает много времени. Но выполняется по алгоритму, нужно только компьютерное время. Вполне может статься, что прививка для каждого жителя Земли станет реальностью. Но проблема перенаселения там и без этого критична. Тогда придется ввести очень строгие меры для контроля населения, иначе мы

очень быстро увидим то, о чем писал Мальтус[64]. Мы думали, что нам стоит оставить право принимать решение тамошним властям.

— Но слухи обязательно просочатся наружу.

— И кто им поверит? Они разве что могут ввести какие-нибудь ограничения… не знаю.

— Ох. Ну ребята… так вы просто взяли и *сделали это*?

— Ну да. — Она пожала плечами. — Так что скажешь? Хочешь попробовать?

— Дай мне время подумать.

Он решил прогуляться по верхушке гребня, где длинные теплицы переполнялись зарослями бамбука и пищевых культур. Прогуливаясь на запад, он был вынужден прикрыть глаза от света послеполуденного солнца, даже несмотря на светофильтры, установленные в окнах. А направляясь на восток, видел застывшие лавовые потоки, тянущиеся от горы Олимп. Думалось сейчас тяжело. Ему шестьдесят пять, он родился в 1982-м, значит, какой сейчас год на Земле, 2048-й? М-11, одиннадцать долгих, облученных радиацией марсианских лет. К тому же он провел

[64] Примечания: 64

Томас Мальтус (1766–1834) — английский ученый, автор теории, заключавшейся в том, что неконтролируемый рост народонаселения приведет к голоду на Земле.

тридцать пять месяцев в космосе, включавших три путешествия между Землей и Марсом, что по-прежнему оставалось рекордом. Он принял 195 бэр только за время перелетов, и у него было низкое кровяное давление, плохое соотношение ЛПВП/ЛПНП, и, когда он плавал или сильно уставал, у него болели плечи. Он старел. Ему оставалось не так уж много лет, каким бы странным это ни казалось. Он всецело доверял ахеронским ученым, которые теперь, когда он смотрел на них, бродили по своему высокогорному центру, ели, играли в футбол, плавали, все с легкими улыбками, поглощенные своим делом и будто что-то бормоча. Не как десятилетки, конечно, нет, но в них ощущалась какая-то всепоглощающая радость. Они были здоровы — или даже больше чем просто здоровы. Он рассмеялся в голос и спустился обратно в Ахерон, к Урсуле. Увидев его, она тоже стала смеяться.

— Не такой уж сложный выбор, да?

— Ага. — Они оба заливались смехом. — Ну, в смысле, разве мне есть что терять?

И он согласился. У них сохранились данные его генома, но понадобилось несколько дней, чтобы синтезировать набор восстановленных цепочек, привязать их к плазмидам и сделать

миллионы клонов. Урсула попросила вернуться через три дня.

Когда он вошел в свою гостевую комнату, Майя была уже там. Она выглядела потрясенной и такой и ощущала себя, слоняясь от буфета к раковине, затем к окну, касаясь разных предметов и осматриваясь так, будто никогда не бывала в подобных комнатах. Она тоже прошла медосмотр, и Влад рассказал ей о возможности восстановить здоровье.

— Эпидемия бессмертия! — воскликнула она и странно засмеялась. — Ты можешь в это поверить?

— Эпидемия долголетия, — поправил он. — И нет, не могу. Не совсем.

Он был слегка сбит с толку, а она, насколько он видел, не слышала его. Ее волнение начало его раздражать. Они подогрели суп и поужинали словно в оцепенении. Оказалось, Влад просил Майю приехать в Ахерон, намекнув, что все дело именно в возможности восстановиться, и поэтому-то она и настояла, чтобы Джон приехал к ней. Когда она рассказала ему об этом, по его телу пробежала приятная дрожь и он вновь почувствовал, как любит ее. Стоя рядом с ней и моя посуду, наблюдая, как дрожат ее руки, когда

она говорит, он почувствовал, насколько она ему близка. Казалось, будто они умели читать мысли друг друга, будто после всех этих лет им больше не требовались слова — лишь присутствие друг друга. Ночью в темноте, когда они лежали в теплой постели, она прошептала:

— Сегодня надо сделать это два раза. *Пока мы — все еще мы.*

Через три дня они оба прошли процедуру. Джон лежал на кушетке в маленьком помещении и смотрел на внутривенный катетер в тыльной стороне своей ладони. Капельница, такая же, как и все те, что ставили ему раньше. Только в этот раз он ощущал, как странное тепло поднималось по его руке, разливалось по груди, опускалось в ноги. Происходило ли это на самом деле? Или только в его воображении? На секунду все показалось таким причудливым, будто мимо пронеслось привидение. Затем стало очень жарко.

— Это нормально, что мне так жарко? — тревожно спросил он у Урсулы.

— В первый раз это всегда похоже на жар, — сказала она. — Потом мы проведем через тебя небольшой разряд, чтобы плазмиды попали в клетки. После этого будет скорее холодно, чем жарко, потому что новые цепочки связаны со

старыми. Вообще обычно ощущения такие же, как при простуде.

Час спустя большой пакет с раствором перелился в него полностью. Ему все еще было жарко, а мочевой пузырь был готов лопнуть. Ему разрешили встать и выйти в туалет, а когда он вернулся, его пристегнули к чему-то среднему между креслом и электрическим стулом. Это его не смущало: за время тренировок перед полетами он привык к подобным приспособлениям. Разряд длился секунд десять и казался неприятным покалыванием во всех частях тела одновременно. Затем Урсула и остальные отстегнули его, и она, с блеском в глазах, поцеловала его прямо в губы. Затем снова предупредила, что вскоре он почувствует озноб, который продлится пару дней, и что если ему захочется погреться в сауне или вихревой ванне, то ничего страшного. Более того, это даже рекомендовано.

И они с Майей ютились среди всепроникающего тепла в углу сауны, наблюдая за другими посетителями, приходившими белыми и уходившими розовыми. Джон представлял, как сейчас менялись они сами: пришли в шестьдесят пять, уйдут в десять. Он никак не мог в это поверить. Ему все еще было тяжело думать: мысли пута-

лись, его будто оглушило. Если мозговые клетки тоже усилились, почему у него все путалось в голове? Вообще он всегда медленно соображал. Сейчас он, вероятно, был столь же нерасторопным, как обычно, просто сильнее обращал на это внимание, потому что изо всех сил пытался все осмыслить, подумать о том, что это значило. Могло ли это быть правдой? Действительно ли они могли отсрочить смерть на годы, а то и на десятилетия?..

Они вышли из сауны, чтобы поесть, а после решили немного прогуляться по теплицам на верхушке, посмотреть на дюны на севере, на беспорядочные нагромождения лавы на юге. Вид со стороны севера напоминал Майе ранние дни в Андерхилле, только вместо разбросанных по плато Луна камней здесь был лоскутный узор обдуваемых ветрами дюн Аркадии, будто ее память подчистила воспоминания того времени, сделав их более структурированными, перекрасив их бледно-желтые и красные оттенки в насыщенные лимонно-желтые цвета. Придав налет старины. Он с любопытством наблюдал за ней. Прошло 11 марсианских лет после первых дней в трейлерном парке, и многие годы они были любовниками, пусть и с несколькими

(блаженными) перерывами и расставаниями, вызванными, конечно, обстоятельствами или, что случалось чаще, неспособностью оставаться вместе. Но они всегда начинали заново, как только выпадала такая возможность, и теперь знали друг друга не хуже любой старой супружеской четы с меньшим числом перерывов, а может, даже лучше, потому что все эти постоянные пары на определенном этапе прекращали обращать внимание друг на друга, тогда как им, со всеми их расставаниями и воссоединениями, ссорами и сближениями, приходилось заново познавать друг друга бесчисленное множество раз. Джон сказал ей что-то об этом, и они обсудили это — им приятно было это обсуждать.

— Мы не могли не обращать внимания, — заметила Майя, удовлетворенно кивая в уверенности, что их новые встречи по бóльшей части ее заслуга.

Да, они не могли не обращать внимания, никогда не скатывались в лишенную эмоций обыденность. Конечно, теперь они оба, и сидя в ванной, и гуляя по верхушке, согласились: их новые отношения — достойная плата за время, проведенное врозь, даже более чем. Да, они, несомненно, знали друг друга лучше всякой старой

пары.

И они говорили, пытаясь пришить свое прошлое к этому странному новому будущему, с тревогой надеясь, что их еще можно связать воедино. А следующим вечером, спустя два дня после инокуляции, когда они сидели голые в сауне и их плоть все еще была холодна, а кожа порозовела и покрылась потом, Джон взглянул на тело Майи, находящейся подле него, реальной, как скала, и ощутил, как по его телу разливается жар, такой же, как от капельницы. После терапии он мало ел, и бежевые и желтые плитки кафеля, на которых они сидели, начали пульсировать, будто освещенные изнутри; сияла и каждая капля воды, попадавшая на плитки, словно осколок молнии, и тело Майи колыхалось перед ним на этих искрящихся плитках, точно розовая свеча. Как воплощение «конкретности», как выразился однажды Сакс, когда Джон спросил о его отношении к религии. «Я верю в конкретность, — сказал он тогда, — в то, что здесь и нище больше, в особенность каждого момента. Поэтому я и хочу узнать, что это, что то и все остальное». Сейчас, вспомнив это странное слово и странные религиозные убеждения Сакса, Джон наконец понял его: потому что он ощущал «конкретность» этого мо-

мента, словно камень, который держал в руке, и у него возникло ощущение, будто он прожил всю свою жизнь специально для того, чтобы прийти к этому моменту. Плитка и густой горячий воздух пульсировали вокруг него, будто он умирал и перерождался, и именно это, конечно, сейчас и происходило, если Урсула и Влад сказали им правду.

А рядом точно так же перерождалось розовое тело Майи Тойтовны, — тело, которое он знал лучше собственного. И не только сейчас, но и вообще; он прекрасно помнил, как впервые увидел ее обнаженной, когда она подплывала к нему в купольном помещении «Ареса», окруженная сиянием звезд и черным бархатом космического пространства. И каждая перемена в ней с тех пор была ему прекрасно заметна, ему показалось, будто он увидел этот иллюзорный переход от образа в его памяти к телу, лежащему теперь рядом: плоть и кожа менялась, обвисала, покрывалась морщинами — она старела. Они оба стали старыми, скрипучими, тяжелыми. Это происходило со всеми. Но самое удивительное то, насколько они остались собой. Ему вспомнилась стихотворная строка, эпитафия экспедиции Скотта, которую они видели в Антарктиде, высеченная

на деревянном кресте, стоявшем на холме близ Мак-Мёрдо: многое ушло, но многое осталось… что-то в этом духе. Он не мог вспомнить точно. И все же они много работали, хорошо питались и, возможно, гравитация Марса сказывалась, влияя благотворно, поскольку Майя Тойтовна по-прежнему была красивой женщиной, сильной и мускулистой, ее властное лицо и седые влажные волосы по-прежнему пленяли его, грудь по-прежнему притягивала его взгляд, а когда она поднимала локти, совершенно меняла форму, но все равно оставалась прекрасно знакомой ему… *его* грудь, его руки, ребра, бока. Она, со всеми плюсами и минусами, была ему самым близким человеком, красивым розовым созданием, олицетворявшим для него секс, саму жизнь и пустой каменистый мир. А если лекарство хотя бы задержит их на этом этапе, а то и омолодит на несколько лет или (в это по-прежнему не верилось) даже десятилетий? Десятилетий! Что ж, это ошеломляло. Осмыслить такое невозможно, ему стоило бросить свои попытки, иначе в мозгу слетели бы все шестеренки. Но разве это возможно? Это реально? Нестерпимое желание влюбленных всех времен побыть друг с другом хоть чуточку дольше, продлить свою любовь…

Похожие чувства, по-видимому, переполняли и Майю. Она была в прекрасном настроении, наблюдала за ним, полуприкрыв глаза, с той манящей легкой улыбкой, хорошо ему знакомой, подтянув одно колено и уткнув его себе под мышку, не стараясь вызвать у него желание, а просто сидя так, как ей удобно, расслабившись так, будто она была одна… Да, в хорошем расположении духа Майя бесподобна, никто не мог так заражать своим настроением других, как она. При мысли об этой ее черте он ощутил прилив чувств, будто от капельницы, и, положив руку ей на плечо, сжал его. Эрос был лишь приправой к агапе, и, как всегда, внезапно у него вырвались слова, которые он никогда еще ей не говорил:

— Давай поженимся!

Она рассмеялась, и он вместе с ней, а затем добавил:

— Нет, я серьезно, давай поженимся!

Поженимся, состаримся до очень-очень глубокой старости, возьмем себе все, что нам подарят эти годы, заведем детей, посмотрим, как у детей появятся дети, как у внуков появятся дети, как у правнуков появятся дети, господи, кто знает, сколько еще это будет длиться? Они могли бы увидеть, как их потомки создадут целый народ,

а сами они станут патриархом и матриархом, кем-то вроде марсианских Адама и Евы! Майя смеялась над каждым его заявлением, ее глаза сияли от любви, словно порталы в ее самое хорошее настроение, она глядела на него и радостно смеялась при каждой новой потешной фразе, что вылетала из его рта, и говорила:

— Вроде того, да, вроде того.

Затем она крепко его обняла.

— О, Джон, — сказала она. — Ты знаешь, как сделать меня счастливой. Ты лучший мужчина, которого я когда-либо встречала.

Она поцеловала его, и он обнаружил, что, несмотря на жару, царившую в сауне, здесь не составляло никакого труда перейти от агапе к эросу. Затем двое начали превращаться в одно неразделимое средоточием любви.

— Так ты выйдешь за меня или как? — спросил он ее, заперев дверь в сауну и переходя к делу.

— Вроде того, — ответила она, сияя глазами и восхищенно улыбаясь.

≈ * ≈

Предполагая прожить еще двести лет, вы ведете себя иначе, нежели когда думаете, что вам осталось лет двадцать.

Это стало ясно почти сразу. Джон провел зиму в Ахероне, на границе туманной шапки из CO_2, которая все еще опускалась над северным полюсом каждую зиму. Он изучал ареоботанику с Мариной Токаревой и ее лабораторной группой. Он занимался этим не по заданию Сакса, а потому, что не было нужды спешить. Сакс, казалось, уже и забыл о поиске саботажников, и это вызывало у Джона некоторые подозрения. В свободное время он еще пытался что-то выяснить с помощью Полин, сосредотачиваясь на тех же регионах, над которыми работал и перед Ахероном. В основном это были записи о перемещениях, а также информация о приеме на работу людей, посещавших регионы, где происходили случаи саботажа. Но предположительно в дело было вовлечено много людей, и сведения о таких посещениях едва ли могли сильно ему помочь. Но каждый, кто находился на Марсе, был отправлен сюда одной из организаций, и, проверяя, которые из них

отправляли людей в соответствующие места, он надеялся получить какие-либо зацепки. Это было запутанное дело, и ему пришлось положиться на Полин не только по части статистических данных. Она также давала ему советы, и это уже беспокоило его.

Остальную часть времени он изучал раздел ареоботаники, который теперь был не столь актуален, как десятилетия назад. Но почему бы и не изучить его? У него было время и возможность должным образом проникнуться работой. И он наблюдал, как группа Марины выводит новый вид дерева, обучался вместе с ними и помогал в лаборатории — мыл лабораторную посуду и все такое. Предполагалось, что эти деревья составят своими кронами купол многоуровневого леса, который они надеялись вырастить в дюнах Великой Северной равнины. В основе вида лежал геном секвойи, но они хотели, чтобы деревья были еще больше, возможно, до двухсот метров в высоту, а ширина их ствола достигала пятидесяти метров в основании. Их кора бóльшую часть времени оставалась бы покрытой льдом, а широкие листья, которые, вероятно, выглядели бы точно пораженными болезнью, были бы способны поглощать среднюю дозу ультрафиолетовой радиации, не

получая при этом ущерба. Поначалу Джон считал такой размер излишним, но Марина объяснила, что так они смогут собирать значительное количества диоксида углерода, извлекать из него углерод и выпускать кислород обратно в воздух. И они должны были иметь внушительный вид, по крайней мере, так предполагалось. Прототипы, которые проходили испытания, достигали в высоту десятка метров, и на то, чтобы дорасти до размера взрослых деревьев, лучшим из них потребовалось бы двадцать лет. Пока же прототипы продолжали погибать в марсианской среде; однако атмосферные условия должны были существенно измениться ко времени, когда им придется выживать снаружи. Маринина лаборатория работала на опережение.

Так же поступали и остальные. Это, очевидно, было следствием терапии, по крайней мере, такой вывод казался сообразным. Более продолжительные эксперименты. Более продолжительные (и томительные для Джона) расследования. Более продолжительные рассуждения.

Во многих отношениях, однако, все оставалось по-старому. Джон чувствовал себя так же, как прежде, разве что ему больше не нужно было принимать омегендорф, чтобы тело начало гу-

деть, будто он проплыл пару километров или вдоволь накатался на лыжах. Это было все равно, что возить уголь в Ньюкасл[65]. Потому что теперь все светилось. Когда он гулял по верхушке, казалось, что светился весь зримый мир: затихшие бульдозеры, краны, напоминавшие виселицы, все, чем он мог любоваться целыми минутами. Майя уехала в Элладу, но это было неважно: их отношения вернулись на старую полосу взлетов и падений, с ее стороны было много пререканий и вспышек раздражения, но все это казалось незначительным, все это находилось внутри свечения и ничего не меняло в его отношении к ней или в том, как она иногда смотрела на него. Они должны были увидеться через пару месяцев и время от времени общались по видеосвязи, но пока разлука не так уж печалила его.

Зима выдалась удачной. Он многое почерпнул в ареоботанике и биоинженерии, а по вечерам, после ужина, часто расспрашивал людей в Ахероне, по одному или целыми компаниями, каким они видели будущее марсианское общество и как оно должно было быть устроено. В Ахероне такие беседы обычно переходили к рассуждени-

[65] Примечания: 65

Английская пословица. Русский аналог «Ездить в Тулу со своим самоваром».

ям об экологии и экономике. Здесь это считалось важнее политики или, как выразилась Марина, «предполагаемого аппарата, принимающего решения». Марина и Влад глубоко интересовались этой темой и даже разработали ряд положений, которые назвали «эко-экономикой», что для Джона каждый раз звучало, как «эхо-экономика». Ему нравилось слушать, как они объясняли свои идеи, он задавал много вопросов, узнавая о таких понятиях, как потенциальная емкость экосистемы, сосуществование, контрадаптация, механизмы узаконивания и экологическая эффективность.

— Это единственная реальная мера, позволяющая определить размер нашего вклада в систему, — объяснил Влад — Если сжечь наши тела в калориметре, можно обнаружить, что в нас содержится шесть-семь килокалорий на грамм массы, и кроме того, известно, что мы потребляем много калорий, чтобы поддерживать в себе жизнь. А сколько мы отдаем, измерить уже труднее. Ведь речь здесь идет не о хищниках, которые нами питаются, как в классических примерах формул эффективности. Тут нужно подсчитать, сколько калорий мы создаем своим трудом, сколько передаем следующим поколениям или прочее. И

бóльшая их часть, естественно, возникает весьма косвенным образом, что приводит ко множеству домыслов и субъективных суждений. Если не приписывать значение ряду нефизических факторов, то электрики, водопроводчики, строители реакторов и другие работники инфраструктуры всегда будут считаться наиболее продуктивными членами общества, тогда как деятелей искусства и им подобных станут расценивать как тех, кто вообще не приносит никакой пользы.

— Как по мне, вполне правильно, — пошутил Джон, но Влад и Марина не обратили на него внимания.

— Как бы то ни было, в самой сути экономики важно то, что люди стихийно, или просто по своему вкусу, приписывают численные показатели неисчисляемым вещам. А потом делают вид, будто цифры у них просто не сошлись, хотя на самом деле все верно. В этом отношении экономика похожа на астрологию, только она служит для оправдания текущей структуры власти, а потому имеет много ярых сторонников среди влиятельных господ.

Лучше просто сосредоточиться на том, чем мы занимаемся здесь, — продолжила Марина. — Основная формула довольно проста: эффективность

равняется количеству сожженных калорий, разделенному на число поглощенных и умноженному на сто, чтобы получить результат в процентном выражении. Традиционно считалось, что хищнику передавалось в среднем десять процентов, хотя и двадцать было вполне реально. Большинство хищников на вершине пищевой цепи получало что-то около пяти процентов.

— Вот почему тигры живут на территориях в сотни квадратных километров, — сказал Влад. — Снимать пенку на самом деле не очень-то эффективно.

— Значит, на тигров никто не охотится не потому, что они такие опасные, а потому, что это не стоит усилий, — догадался Джон.

— Именно!

— Настоящая трудность заключается в том, чтобы правильно подсчитать показатели, — объяснила Марина. — Нам пришлось просто приписать определенные численные показатели, эквивалентные калориям, всем видам деятельности, и потом их подсчитывать.

— Так мы же вроде говорим об экономике, разве нет? — спросил Джон.

— А это и есть экономика, разве ты не видишь? Это наша эко-экономика! Каждый должен зараба-

тывать свой хлеб, так сказать, исходя из расчета их реального вклада в экологию. Каждый может повысить свою экологическую эффективность, если постарается уменьшить количество потребляемых килокалорий, — это старинный южный аргумент против потребления энергии северными странами с развитой промышленностью. Они имели реальное экологическое обоснование для этого замечания, потому что, как бы много ни произвели эти промышленные страны, они никак не могли быть эффективнее южных.

— Они были хищниками по отношению к югу, — сообразил Джон.

— Да, и они станут хищниками по отношению к нам, если мы им это позволим. А эффективность у них, как и у всех хищников, низкая. Но здесь, видишь ли, в этом гипотетическом независимом государстве, о котором ты говоришь… — она ухмыльнулась испуганному взгляду Джона, — да, говоришь, признай, что это именно то, о чем ты постоянно твердишь, Джон… в общем, в нем должен действовать закон, устанавливающий, что людей следует вознаграждать пропорционально их вкладу в систему.

Дмитрий, войдя в лабораторию, добавил:

— От каждого по способности, каждому — по

потребностям!

— Нет, это не одно и то же, — возразил Влад. — Это значит: ты получаешь то, за что платишь!

— Но у нас так и есть, — сказал Джон. — Чем это отличается от уже существующей экономики?

Все в одночасье фыркнули, причем Марина — с особой выразительностью.

— Суть в том, что сейчас учитываются все мнимые работы! Большинству земных профессий приписываются показатели, которые не соответствуют действительности! Все, чем занимаются в администрациях транснационалов, может сделать компьютер, и вообще, существуют целые категории паразитических профессий, которые не вносят в систему ничего полезного для экологии. Реклама, биржевая торговля, все, кто зарабатывает на финансовых махинациях — это не только неэкономно, но и развращающе, да к тому же искажает те денежные показатели, которые имеют значение. — Она презрительно отмахнулась.

— Ладно, — произнес Влад, — их эффективность, можно сказать, очень низка, и они — хищники в отношении системы, в которой нет хищников, а значит, или находятся на вершине цепи, или же паразиты, в зависимости от того, какое ты

дашь им определение. Реклама, брокерское дело, некоторые юридические манипуляции, что-то из политики…

— Но это все субъективное суждение! — воскликнул Джон. — Как вы определили калорийность таких разных видов деятельности?

— Ну, мы хорошенько потрудились, чтобы подсчитать, что они приносят в систему с точки зрения благосостояния, измеренного как нечто материальное. Как можно выразить деятельность в пересчете на еду, воду, жилье, одежду, медицинскую помощь, образование, свободное время? Мы это обсудили, и, как обычно, каждый в Ахероне предложил свое число, а потом мы выбрали среднее значение. Вот, сейчас покажу…

И они весь вечер проговорили об этом за экраном компьютера. Джон задавал вопросы, подключал Полин, чтобы сохранить изображения с экрана и записать их обсуждение. Они просматривали формулы, тыкали пальцами в схемы и графики, затем сделали перерыв на кофе, выносили его на верхушку, бродили по теплицам, бурно споря о показателях человеческой ценности, выраженных в килокалориях, в таких областях, как водопроводное дело, опера, программирование симуляций и других. В один

из вечеров они как раз находились на верхушке, когда Джон оторвал взгляд от формулы на своей наручной консоли и посмотрел на длинный склон, уходящий к горе Олимп.

Небо стало темнее. Он подумал, что в очередной раз наступило двойное затмение: Фобос был так близко над головой, что закрывал треть солнца, когда то перемещалось в течение дня, а Деймос — примерно девятую часть, и пару раз в месяц они делали это одновременно, из-за чего по всей земле расстилалась тень, отчего казалось, что пелена возникала перед глазами.

Но это было не затмение: гора Олимп скрылась из виду, а высокий южный горизонт превратился в неясную бронзовую грань.

— Смотрите, — сказал он остальным, обращая их внимание. — Пылевая буря.

Они не переживали глобальной пылевой бури уже десять с лишним лет. Джон открыл у себя на консоли фото со спутников. Эпицентр находился у Таумасийского мохола, в Сензени-На. Он позвонил Саксу — тот философски сощурился и выразил сдержанное удивление.

На краю области бури ветер достигает шестисот шестидесяти километров в час, — сказал Сакс. — Новый рекорд планеты. Похоже, она бу-

дет сильной. Я-то думал, тайнобрачная почва в районах возникновения бури приглушит ее или даже остановит. Очевидно, с этими образцами не все благополучно.

— Ладно, Сакс, это весьма паршиво, но все будет хорошо. Сейчас мне надо идти, она двигается прямо на нас, и я хочу на это посмотреть.

— Наслаждайся там, — без всякого выражения проговорил Сакс, и Джон отключил его.

Влад и Урсула насмехались над образцами Сакса — перепад температур между биотически растопленной почвой и оставшимися замороженными участками должен быть самым большим, а ветра между этими регионами, соответственно, самыми сильными, и поэтому, когда они доберутся до этих свободных частиц, те взлетят в воздух. Это же было совершенно очевидно.

— И теперь это случилось, — сказал Джон.

Он рассмеялся и вышел в теплицы, чтобы своими глазами наблюдать приближение бури. Ученые иногда становились такими язвительными.

Стена пыли двигалась по протяженным лавовым склонам, подступающим к горе Олимп с севера. Она уже заняла вдвое больше земли с тех пор, как Джон впервые ее увидел, и теперь

приближалась, как гигантская прибойная волна, вздымающаяся молочно-шоколадная волна высотой в 10 000 метров, с бронзовым пенящимся кружевом вверху, оставляя крупные кривые полосы в розовом небе.

— Ого! — вскричал Джон. — Началось! Началось!

Узкие каньоны и борозды, что лежали у подножия гребня Ахерона, вдруг показались очень далекими, а нижние хребты теперь напомнили драконьи спины из потрескавшейся лавы. В этом диком месте, слишком высоком, слишком открытом, ему и предстояло встретить приход такой бури. Джон снова рассмеялся и прижался к южному окну теплицы, глядя вниз и восклицая:

Ого! Ого! Смотрите, какая! Ого! А затем вдруг их захлестнуло: налетела пыль, их обступила тьма, поднялся высокий свистящий скрежет. При первом ударе по хребту Ахерона поднялся безумный шквал, быстро появлялись и исчезали циклонические вихри, горизонтальные, вертикальные, под углами… Скрежет сливался с рокотом, с которым все это обрушивалось на хребет. Затем ветер с фантастической скоростью превратился в размеренную стоячую волну, и пыль понеслась мимо лица Джона. Желудок подскочил вверх, буд-

то теплица начала падать с безумной скоростью. Несомненно, это было именно так, как выглядело — по хребту двигался сокрушительной силы восходящий поток. Отступив, Джон, однако, увидел, как пыль проносилась над головой и улетала на север. На той стороне теплицы обзора хватало на несколько километров, но затем ветер вновь ударился о землю, закрыв вид непрерывными пылевыми взрывами.

— Ого!

Его глаза были сухими, но губы словно немного слиплись. Частицы менее микрона в диаметре — они ли теперь слабо сияли на бамбуковых листьях? Нет. Это лишь странное свечение бури. Но рано или поздно все здесь окажется в пыли. Ни одна герметичная система не могла от нее защититься.

Влад и Урсула не были вполне осведомлены о способности теплиц противостоять ветру и призвали всех спуститься вниз. Уходя с верхушки, Джон снова связался с Саксом. Тот сомкнул губы крепче обычного, а затем ровным голосом сообщил, что из-за бури они потеряют значительную часть солнечного света. Средняя температура поверхности в районе экватора была на восемнадцать градусов выше обычной, но близ Таумасии

она уже опустилась на шесть градусов и продолжала опускаться по мере развития бури. И, как он добавил с интонацией, которая показалась Джону мазохистским удовлетворением, тепловые потоки мохолов вознесут пыль выше, чем когда-либо прежде, поэтому, весьма вероятно, буря продлится довольно долго.

— Выше нос, Сакс! — подбодрил его Джон. — Вот я думаю, она будет самой короткой из всех. Не будь таким пессимистичным.

Позднее, когда буря вступит в свой второй М-год, Сакс напомнит ему об этом прогнозе с легкой усмешкой.

Во время бури было официально рекомендовано не перемещаться на поездах и по ретрансляторным дорогам, которые, однако, интенсивно использовались, но когда стало ясно, что тем летом буря не кончится, Джон вопреки предупреждениям продолжил свои странствия. Убедившись, что его марсоход хорошо укомплектован, он установил сверхмощный радиоретранслятор и распорядился, чтобы за ним следовал резервный марсоход. Всего этого вместе с Полин на водительском сиденье должно было хватить, чтобы обогнуть бóльшую часть северного полушария, считал он. Марсоходы ломались редко благодаря

тому, что их компьютеры оснащались надежной системой внутреннего мониторинга.

О поломках двух марсоходов кряду слышать еще не доводилось, зафиксирован лишь один несчастный случай с их участием. И попрощавшись с командой Ахерона, он снова выступил в путь.

Пробираться сквозь бурю — как ехать в ночи, только интереснее. Пыль взметалась порывами, оставляя островки видимости, в которых он мог в тусклой сепии мельком уловить, как кружится все вокруг, будто смещаясь к югу. Затем бушующая буря возвращалась снова и застилала окна. При сильнейших порывах марсоход качался на рессорах, и пыль действительно оказывалась всюду.

На четвертый день пути он повернул строго на юг и начал подъем по северо-западному склону купола Фарсида. Это был крупный уступ, но в этом месте он имел вид не отвесной скалы, но склона, неразличимого во тьме бури. Он поднимался дольше суток, пока не оказался на самом куполе, на пять километров выше, чем когда был на Ахероне.

Он остановился у одной из шахт, располагавшихся возле кратера Pt (вслух его называли

Питом) в верхней части борозды Тантал. Вероятно, купол вызвал крупный лавовый поток, скрывший патеру Альба, а позднее от вспучивания треснул лавовый щит, отчего образовались каньоны Тантал. Некоторые из них возникли над содержащими планоид мафическими изверженными интрузивами, которые шахтеры прозвали рифами Меренского. В этот раз шахтеры оказались настоящими азанийцами, но из тех, которые называли себя африканерами[66] и между собой говорили на африкаанс. Это были белые люди, которые радушно приветствовали Джона. Они дали названия каньонам, в которых работали — Новое Оранжевое Свободное Государство и Новая Претория. Как и шахтеры в Брэдбери-Пойнте, они работали на «Армскор».

— Да, — радостно сказал начальник участка с акцентом, напоминающим Новозеландский. У него были обвислые щеки, вздернутый нос и широкая кривая улыбка. Он производил впечатление весьма уверенного в себе человека. — Мы нашли железо, медь, серебро, марганец, алюминий, золото, платину, титан, хром… чего только нет. Сульфиды, оксиды, силикаты, самородки…

[66] Примечания: 66

Народ в Южной Африке, представители которого являются потомками колонистов из Голландии, Германии, Франции.

чего только нет. На Большом Уступе есть все.

Шахта работала уже около одного М-года и состояла из карьеров на дне каньонов, где велись открытые горные работы, и наполовину скрытого в земле жилого комплекса. Он располагался в холме-останце между двумя крупнейшими каньонами и как будто был сделан из прозрачной яичной скорлупы с начинкой из зеленых деревьев и с оранжевой черепичной крышей.

Джон провел с ними несколько дней, много общаясь и задавая вопросы. Не раз, думая об ахеронской эко-экономике, он спрашивал их, как они собирались отправить ценную, но тяжелую добычу на Землю. Разве энергетические затраты по транспортировке не превысят потенциальный доход?

— Конечно, — отвечали они, точно как в Брэдбери-Пойнте. — Для того чтобы оно того стоило, нужен космический лифт.

— Как будет лифт — мы выйдем на земной рынок, — сказал их начальник. — А без него мы никогда не уберемся с Марса.

— Может, это не так уж плохо, — заметил Джон.

Но они не поняли его, а когда он попытался объяснить, они лишь смотрели на него и вежли-

во кивали, явно не желая думать о политике. В которой африканеры были весьма сильны. Когда Джон понял, что происходит, он нашел возможность поднять тему политики, чтобы выиграть для себя некоторое время. Это было, сказал он однажды ночью Майе по видеосвязи, то же самое, что бросить в комнату кассету со слезоточивым газом. Он даже смог в одиночестве бродить по центру проведения горных работ, записывая с Полин все, что было возможно. Она, однако, не заметила ничего необычного. Но обратила внимание на переписку с главным офисом «Армскор», в которой местная группа хотела получить подразделение службы безопасности численностью сто человек, и Сингапур дал на это добро.

Джон присвистнул.

— А что сказали в УДМ ООН?

Обеспечение безопасности должно было находиться полностью в компетенции управления, и хотя они достаточно регулярно давали разрешения на частную охрану, но — сто человек? Джон дал Полин команду просмотреть сообщения УДМ ООН по этому вопросу и отправился на ужин к африканерам.

Те снова заявили о том, как им был необходим космический лифт.

— Мы будем просто оторваны, если его не построят. Разве можно иметь доступ к самым астероидам и не озаботиться тем, чтобы сделать себе гравитационный колодец?

Даже несмотря на пятьдесят микрограммов омегендорфа к своем организме, Джон не ощущал радости.

— Скажите-ка, — спросил он, — здесь женщины работают?

Они уставились на него, будто рыбы. В самом деле — они были хуже мусульман.

На следующий день он уехал в сторону горы Павлин, намереваясь разузнать побольше о теме космического лифта.

Вверх по протяженному склону Фарсиды. Джон ни разу не видел острого, кровавого цвета конуса горы Аскрийской — как и все остальное, он скрылся в пыли. Теперь путешествие представляло собой жизнь в тесном трясущемся пространстве. Он целый день огибал западный склон горы, затем поднимался на гребень Фарсиды, между горами Аскрийской и Павлина. Здесь ретрансляторная дорога превратилась в настоящую асфальтированную полосу под колесами, хоть и покрытую пылью. Она, наконец, устремилась вверх и повела его прямо по северному склону

горы Павлина. Далее она тянулась так долго, что он почувствовал, будто медленно и вслепую взлетает в космос.

Кратер Павлина, как напомнили ему африканеры, находился в удивительной близости к экватору: круглая «О» кальдеры проходила прямо по его линии. Пожалуй, это делало южный край кратера идеальной точкой для места размещения космического лифта, ведь он находился, во-первых, на самом экваторе, а во-вторых, его высота достигала двадцати семи километров над нулевой отметкой. Филлис уже договорилась о строительстве временных жилищ на южном краю; она всецело посвятила себя работе над лифтом и была одним из главных организаторов.

Ее жилые отсеки были зарыты в одну из стенок кальдеры, в стиле Эхо-Оверлука, так, что из окон нескольких этажей открывался вид на всю кальдеру — или открылся бы, если бы осела пыль. Увеличенные фотографии, висевшие на стенах, показывали, что сама кальдера должна была предстать как простая круглая котловина глубиной в 5 000 метров, с рядом уступов в районе дна: когда-то она часто осыпалась, причем всегда в одном и том же месте. Это был единственный из крупнейших вулканов, который казался таким

правильным: кальдеры трех остальных напоминали ряд выложенных внахлест кругов, каждый из которых имел разную глубину.

Новые жилища, пока не имевшие названия, были построены УДМ ООН, но оборудование и строителей предоставило транснациональное объединение «Праксис», одно из крупнейших на Земле. Сейчас помещения, которые были готовы, оказались заняты работниками администрации «Праксиса» и других транснационалов, заключивших субдоговоры, касающиеся проекта космического лифта, — среди них представители компаний «Амекс», «Орано», «Субараси» и «Мицубиси». И все их действия координировала Филлис, ставшая теперь помощником Гельмута Бронски по данному проекту.

Гельмут тоже оказался здесь и поприветствовал его и Филлис, Джон был представлен некоторым другим консультантам, приехавшим сюда, после чего его проводили в большое и высокое помещение с окном во всю стену. За окном вихрились клубы темно-оранжевой пыли, оседавшей на дно кальдеры, и казалось, будто комната медленно поднималась в тусклом неровном свете.

Единственным, что находилось в помещении, был глобус Марса в метр диаметром, стоявший

на голубой пластмассовой подставке на уровне пояса. От небольшой шишки на глобусе, представлявшей гору Павлина, тянулся серебряный провод метров пяти в длину. На конце нити была маленькая черная точка. Глобус вращался на подставке, делая примерно один оборот в минуту, и серебряный провод со своей конечной точкой вращался вместе с ним, всегда оставаясь над горой Павлина.

Группа из примерно восьми человек обступила экспонат.

— Здесь во всем соблюден масштаб, — рассказала Филлис. — От аэросинхронного спутника до центра массы — 20 435 километров, радиус в районе экватора — 3 386 километров, значит, от поверхности до аэросинхронной точки — 17 049 километров. Удвоим это число и прибавим радиус — получится 37 484 километра. На дальнем конце у нас будет камень, который послужит балластом, чтобы провод не был таким длинным, каким мог бы быть. Провод будет иметь десять метров в диаметре и весить около шести миллиардов тонн. Материал для него будет добываться в конечной точке камня-балласта. То есть астероида, который на начальном этапе будет весить примерно тринадцать с половиной миллиардов

тонн. Это не очень большой астероид — два километра в радиусе. Мы нашли шесть астероидов Амор, пересекающих орбиту Марса, которые определены кандидатами для этого дела. Провод изготовят роботы, добывающие и перерабатывающие углерод из хондритов астероида, — она драматическим жестом указала на пол. — На данном этапе провод будет сам двигаться по аэросинхронной орбите, едва касаясь поверхности. При этом на него будут действовать гравитация Марса, центробежная сила верхней части провода и балласта.

— А что насчет Фобоса? — спросил Джон.

Фобос, конечно, тоже необходимо учитывать. Провод будет раскачиваться, чтобы не столкнуться с ним, — это так называемое колебание Кларка. Проблем с ним не возникнет. Деймоса также придется избегать с помощью колебания, но поскольку его орбита проходит под бóльшим углом, это будет происходить не так уж часто.

— А что будет, когда провод станет на свое место? — Спросил Гельмут, светясь радостью.

— К проводу присоединят, по меньшей мере, несколько сотен лифтов, и грузы станут поднимать на орбиту с помощью системы с противовесом. С Земли пойдет поставка, как обычно,

множества материалов, благодаря чему затраты энергии минимизируются. Также будет возможно использовать вращение провода как рогатку: объекты, спущенные с астероида в направлении Земли, используют силу вращения Марса и смогут быстро набирать большую скорость, не нуждаясь в дополнительной энергии. Это чистый, эффективный, чрезвычайно дешевый способ, позволяющий не только выводить грузы в космос, но и быстро доставлять их на Землю. А учитывая недавние обнаружения на Марсе залежей стратегически важных металлов, которых все меньше остается на Земле, дешевый подъем и транспортировка окажут просто неоценимую пользу. Это создаст возможность обмена, который до этого был экономически нецелесообразным и который станет важнейшей составляющей марсианской экономики, краеугольным камнем его промышленности. И строительство обойдется не так уж дорого. Как только углесодержащий астероид выйдет на нужную орбиту и на нем будет установлена автоматизированная кабельная система, работающая на ядерной энергии, она выпустит провод, как паук, плетущий паутину. Больше не нужно будет делать практически ничего, только ждать. Кабельная система, которая

уже разработана, сумеет производить более трех тысяч километров провода в год — а значит, нам нужно приступать как можно скорее, и с момента, когда производство будет запущено, понадобится всего десять-одиннадцать лет. И ожидание себя полностью оправдает.

Джон пристально смотрел на Филлис, впечатленный, как всегда, ее пылом. Она напоминала проповедника, который обращал людей в свою религию, спокойно и уверенно вещая со своей кафедры. Чудесный подъем в небо. Джек и бобовое дерево, вознесение на небеса — в этом отчетливо присутствовало что-то чудесное.

— В действительности у нас не такой уж богатый выбор, — продолжала Филлис. — Это избавит нас от гравитационного колодца как от физической и экономической проблемы. Это критический момент, иначе мы останемся оторванными, как Австралия в девятнадцатом веке, слишком удаленными, чтобы быть сколько-нибудь значимой частью мировой экономики. Люди будут, минуя нас, добывать ресурсы на астероидах, потому что те богаты ими и не имеют ограничений, связанных с гравитацией. Без лифта мы станем каким-то захолустьем.

«Шиката га най», — язвительно подумал Джон.

Филлис бросила на него быстрый взгляд, будто он сказал это вслух.

— Мы этого не допустим, — заявила она. — И что еще лучше, наш лифт послужит опытным образцом для земного, Транснационалы, которые наберутся опыта при работе над этим лифтом, смогут занять руководящие места, когда дело дойдет до тендеров на строительство гораздо более крупного лифта на Земле, что обязательно вскоре последует.

Она говорила и говорила, обрисовывая план со всех сторон, а затем с присущей ей блистательностью ответила на вопросы работников администрации. Она много смешила — взволнованная, с блеском в глазах. Джону чуть ли не мерещились язычки пламени, танцующие в ее темно-рыжих волосах, которые при тусклом от бури освещении напоминали шляпку, украшенную драгоценными камнями. Сотрудники транснационалов и занятые на проекте ученые начинали светиться, когда она обращала на них взгляд; они были на пороге чего-то значительного и понимали это. Запасы многих металлов на Земле существенно истощены, а на Марсе почти не затронуты. На металлах можно делать состояния, причем огромные. И тот, кто владел кусочком

моста, по которому будет проходить каждая унция этих металлов, также сделал бы огромное состояние, может быть, даже самое большое из всех. Неудивительно, что Филлис казалась сейчас Джону церковным проповедником.

Тем же вечером незадолго до ужина Джон стоял у себя в ванной и, не глядя на себя в зеркало, достал две таблетки омегендорфа и проглотил их. Он не выносил Филлис. Но благодаря лекарству чувствовал себя лучше. Филлис все-таки была всего лишь частью другой игры, и он, сидя за ужином, находился в приподнятом настроении. Ладно, думал он, они нашли свою золотую жилу на бобовом стебле. Но это не значит, что они сумеют загрести все себе — более того, это даже маловероятно. А потому это их толстосумское самодовольство выглядело слегка глупо, и он вспомнил, как, рассмеявшись посреди одной из их воодушевленных тирад, произнес:

— А вы не допускаете возможности, что лифт вроде этого не останется в частной собственности?

— Мы и не думаем, что он должен находиться в частной собственности, — ответила Филлис со сверкающей улыбкой.

— Но вы ожидаете, что вам заплатят за стро-

ительство. И выдадут концессии. Вы думаете извлечь прибыль из этой затеи, разве не в этом суть капитализма? Да, конечно, — ответила Филлис, оскорбившись тем, что он так прямо говорил о подобных вещах. — Каждый, кто оказался на Марсе, получит от этого выгоду, такова природа этой планеты.

— И вы будете снимать проценты с каждого процента — хищники на вершине пищевой цепи. Или же паразиты, и на вершине, и внизу, и по всей длине. Сильно ли разбогатели строители моста Золотые Ворота, как вы думаете? Образовались ли транснациональные династии благодаря прибылям от его строительства? Нет. Это был общественно значимый проект, вот в чем дело. Его строили бюджетники, которые получали за свою работу стандартную ставку. Что вы готовы поставить на то, что договор о Марсе не предусматривает схожего подхода к строительству инфраструктуры? Я совершенно уверен, что он это предусматривает.

— Но договор будут пересматривать через девять лет, — указала Филлис, сияя взглядом.

Джон усмехнулся.

— Да, будут! Но вы не поверите, если узнаете, сколько я повидал сторонников изменений в

договоре, устанавливающих еще более жесткие условия для земных инвестиций и получения с них доходов. Вы просто упустили это из виду. Вам следует помнить, что эта экономическая система создается с чистого листа, на сугубо научных принципах. Здесь всего лишь ограниченная вместимость, и, для того чтобы построить самодостаточное общество, нужно не забывать об этом.

Он еще раз усмехнулся направленным на него мерцающим взглядам; казалось, будто в их роговицы встроен оружейный прицел.

Как он понял лишь потом, вспоминая эти взгляды у себя в комнате, ему не следовало так резко тыкать их носом во все эти обстоятельства. Один мужчина из «Амекса» даже поднял запястье к губам, чтобы оставить заметку, явно желая, чтобы этот жест не ускользнул от его внимания. «Этот Джон Бун такой неприятный человек!» — прошептал он, не сводя с Джона глаз, чтобы убедиться, что и Джон смотрит на него. Что ж, еще один подозреваемый. Той ночью Джон долго промаялся в постели, прежде чем уснуть.

На следующий день он покинул кратер Павлина и направился по Фарсиде на восток, чтобы через 7 000 километров оказаться в Элладе и встретиться с Майей. Великая буря сделала его

путешествие странно одиноким. Он видел южные взгорья лишь урывками сквозь песочную завесу, клубящуюся в сопровождении несмолкаемого свиста ветра. Майя была рада, что он едет к ней; он еще никогда не был в Элладе, и многие жители района с нетерпением ждали встречи с ним. Они обнаружили крупный водоносный слой к северу от Лоу-Пойнта и собирались выкачать воду на поверхность, создав озеро в низшей точке — озеро с застывшей поверхностью, непрерывно испаряющееся в атмосферу, которое пополнялось бы внизу. Если его поддерживать в таком состоянии, оно могло бы обогащать атмосферу и служить резервуаром и поглотителем тепла для растений, выращиваемых в купольных фермах, выстроенных кольцом вокруг берега. Майя пришла в восторг от этого плана.

Свое долгое путешествие ей навстречу Джон провел в завороженном состоянии, наблюдая как то один, то другой кратер вырисовывается из облаков пыли. Однажды вечером он остановился в китайском поселении, где почти никто не мог выговорить и слова по-английски и все жили в будках, как в трейлерном парке. Для общения с поселенцами ему приходилось пользоваться программой-переводчиком, которая их только

смешила бóльшую часть вечера. Через два дня он остановился на крупном японском воздухосборном объекте в высокогорном промежутке между двумя кратерами. Здесь все превосходно владели английским, но были расстроены оттого, что их воздухосборники не могли работать во время бури. Техники печально улыбались, сопровождая его по жуткому на вид комплексу систем фильтрации, который они установили, чтобы насосы смогли продолжить работу, — пусть и без толку.

Через три дня пути на восток после встречи с японцами он наткнулся на суфийский караван-сарай, стоявший на круглом холме-останце с крутыми склонами. Холм этот когда-то служил дном кратера, но так затвердел при ударе, что удержался во время эрозионных процессов, разрушивших окружающую мягкую землю в последующие зоны, и теперь возвышался над местностью, как плотный круглый пьедестал со покрытыми бороздами склонами километровой высоты. Джон поднялся на его вершину, где располагался караван-сарай, по серпантину, вьющемуся по его уступу.

Там он обнаружил, что холм был окружен не сходящей стоячей волной пыли, поэтому на вершину сквозь темные облака проникало

больше света, чем куда-либо еще, даже чем на край кратера Павлина. Видимость оставалась почти такой же слабой, как везде, но здесь все было окрашено в более яркие цвета, закаты были пурпурными и шоколадными, а дни проходили в суете коричневых и желтых, оранжевых и ржавых оттенков, протянутых редкими бронзовыми лучами солнца.

Это было прекрасное место, к тому же суфисты оказались более гостеприимными, чем все остальные арабские группы, которые попадались Джону до них. Они рассказали ему, что прибыли вместе с одной из последних арабских групп, сделав таким образом уступку для их религиозной ветви. А поскольку среди стремящихся на Марс суфистов выявилось много ученых-мусульман, почти никто не возражал, чтобы отправить их единой группой. Один из них, низенький негр по имени Ду аль-Нун, сказал ему:

— Чудесно, что в этот час семидесяти тысяч масок вы, великий *талиб*, следовали своему *тарикату*, чтобы встретиться с нами.

— *Талиб*! — спросил Джон. — *Тарикат*?

— *Талиб* — значит искатель. А *тарикат* искателя — это его путь, то есть его особый путь на пути к истине.

— Да, понял! — сказал Джон, все еще удивленный радушию приема.

Ду провел его из гаража в невысокое черное здание, стоявшее в кругу марсоходов, словно в нем была сосредоточена некая энергия. Круглое и приземистое, как модель самого останца, с кристально прозрачными окнами. Ду сказал, что черный камень, из которого оно было построено, это стишовит, силикат с повышенной плотностью, образовавшийся при падении метеорита, когда мгновенно возникло давление свыше миллиона килограммов на квадратный сантиметр. Окна были изготовлены из лешательерита, сжатого стекла, также образованного при ударе.

Внутри здания его приветствовала группа из примерно сорока человек, среди них были и мужчины, и женщины. Последние были с непокрытыми головами и вели себя совсем как мужчины. Суфисты снова удивили Джона, предупредив его о том, что их обычаи отличаются от принятых у большинства арабов. Он сел и выпил с ними кофе, а затем принялся их расспрашивать. Они рассказали, что относились к кадаритам, то есть пантеистам, мировоззрение которых формировалось под влиянием ранней греческой философии и современного экзистенциализма.

Они пытались с помощью науки и *ру-ят аль-калб*, видения сердцем, стать едиными с той высшей истиной, которая отождествлялась с Богом.

— Существует четыре тайных путешествия, — сказал ему Ду. — Первое начинается с познания и заканчивается с *фаной* или же минует все необычайное. Второе начинается, когда за *фаной* следует *бака*, или ожидание. На этом этапе вы путешествуете истинно, к истине, и вы сами — истина, или *хакк*. А после этого вы перейдете к центру духовной вселенной и станете единым со всеми остальными, кто сделает то же самое.

— Полагаю, я еще не начал свое первое путешествие, — сказал Джон. — Я пока ничего не узнал.

Как он понял, его ответ им понравился. Они сказали, что он может начать, и добавили ему кофе. Он всегда мог начать. Они были такими дружелюбными по сравнению с другими арабами, которых Джон встречал прежде, что он стал вести себя с ними открыто и рассказал о своем путешествии на кратер Павлина и планах протянуть гигантский провод.

— В этом мире любую выдумку можно воплотить в жизнь, — заметил на это Ду.

Когда же Джон упомянул о своей последней встрече с арабами на Великой Северной равнине

и том, как с ними путешествовал Фрэнк, Ду загадочно произнес:

— Это любовь подчас заставляет мужчин совершать неверные поступки.

Одна из женщин с улыбкой заметила:

— Чалмерс — ваш *нафс*.

— Что это значит? — спросил Джон.

Они все рассмеялись. Ду, покачав головой, объяснил:

— Он не ваш *нафс. Нафс* — это злое «я», которое, как раньше верили, жило у человека в груди.

— Вроде какого-то органа?

— Как живое существо. Мохаммед ибн Улян, например, говорил, что однажды из его горла выскочило что-то похожее на молодого лиса и, когда он его ударил, оно стало больше. Это был его *нафс*.

— У вас это называется Тенью, — добавила женщина, которая завела об этом речь.

— Понятно, — сказал Джон. — Может, он и есть мой *нафс*. Или просто Фрэнк слишком часто бил своего *нафса*.

Все рассмеялись над его словами.

Позже в тот день сквозь пыль проникло больше солнечных лучей, чем обычно, и теперь, в свете сияющих облаков, казалось, будто караван-сарай

находился в сердечном желудочке, а порывы ветра не смолкали: тук, тук, тук, тук. Суфисты, выглядывая в лешательеритовые стекла, стали подзывать друг друга и, быстро одевшись, чтобы выбраться туда, в этот багряный, обдуваемый ветрами мир, попросили Джона присоединиться к ним. Он, ухмыльнувшись, тоже оделся и незаметно проглотил очередную таблетку.

Оказавшись снаружи, они побрели по неровному краю холма, всматриваясь в облака и глядя на лежащую внизу тенистую равнину, указывая Джону на объекты, которые удавалось различить. Потом они собрались у караван-сарая и запели. Джон слушал их, и разные голоса переводили ему арабские и персидские слова на английский:

— Не владей ничем, и ничто не овладеет тобой. Спрячь то, что у тебя в голове, достань то, что у тебя в сердце. Есть мир здесь и есть мир там, а наше место — их черта.

— Затем вступил другой голос Любовь, задев во мне струну, заронила во мне приязнь ко всему.

Затем они начали танцевать. Наблюдая за ними, Джона вдруг осенило: перед ним кружились дервиши. Они взметались в воздух под звуки барабанов, негромко стучащих на общей радиочастоте, подскакивали и кружились, совершая

медленные и причудливые движения, вытянув руки, а когда приземлялись — отталкивались вновь и повторяли все снова и снова. Кружащиеся дервиши, Великая буря, высокий круглый останец, бывший дном кратера в нойскую эру. Это казалось таким удивительным в мерцающем свете, что Джон не устоял и закружился вместе с ними.

Он нарушал их симметрию, иногда сталкивался с другими танцующими, но похоже, никому не было дела. Он сообразил, что, если прыгать слегка навстречу ветру, при приземлении меньше сносит в сторону. Но при сильном порыве есть опасность упасть навзничь. Он рассмеялся. Некоторые из танцующих пели на общей частоте привычными надрывными голосами, с интервалом в четверть тона, перемежающимися криками и прерывистым дыханием, повторяя: «Ана аль-Хакк, ана аль-Хакк». Ему переводили: «Я Бог, я Бог». Суфистская бессмыслица.

Танцующие намеревались заворожить его. Джон знал, что в некоторых других мусульманских культах адепты завораживают себя самобичеванием. Кружиться было куда лучше: он танцевал, вклинивался в пение на общей частоте, ритмично дыша и что-то бормоча. Затем он

неосознанно начал добавлять в этот поток звуков разные названия Марса, невнятно вставляя их под такт песни.

— Аль-Кахира, Арес, Барам, Касэй, Маадим, Маджа, Мамерс, Мангала, Ниргал, Окакух, Хармахис, Храд, Хуо Синь, Шалбатану, Симуд и Тйу.

Он заучил их много лет назад, чтобы хвастаться на вечеринках; теперь же сам удивился, как ритмично они звучали, как слетали с его губ и помогали придать устойчивости его вращению. Остальные смеялись над ним, им его импровизация, должно быть, нравилась. Он чувствовал себя опьяненным, по всему телу разносились ноющие ощущения. Он много раз повторил свой список, а потом оставил только арабское название:

— Аль-Кахира, Аль-Кахира, Аль-Кахира… — затем, вспомнив перевод, что ему дал один из голосов, стал напевать: — Ана аль-Хакк, ана аль-Кахира. Ана аль-Хакк, ана аль-Кахира. — Я Бог, я Марс, я Бог…

Суфисты быстро присоединились к его напеву, превратив его в безумную песнь, и в блеске вращающихся шлемов он замечал их ухмылки. Они кружились со знанием дела, вырисовывая на ходу расставленными пальцами арабески из красной пыли. Теперь они касались и его кончи-

ками пальцев, провожая или даже настойчиво толкая его так, чтобы он вписался со своими неуклюжими поворотами в их узор. Он выкрикивал названия планеты, и люди повторяли за ним, словно они вели какой-то загадочный диалог. Они напевали на арабском, санскрите, языке инков все названия Марса, сливая их в единую гущу, создавая многоголосную музыку, красивую и странную. Эти названия пришли из времен, когда слова имели дивное звучание и обладали некой силой: напевая их, он явственно это ощущал. «Я буду жить тысячу лет», — подумал он.

Когда Джо наконец прекратил танцевать и присел, чтобы просто наблюдать за остальными, то почувствовал дурноту. У него плыло перед глазами, штуковина в среднем ухе кружилась, как шарик в рулетке. Все действо дрожало так, что нельзя было сказать, была ли тому виной клубящаяся пыль или что-то внутри него, но, как бы то ни было, он просто таращил глаза на то, что находилось перед ним. Кружащиеся дервиши… на Марсе? Что ж, в мусульманском мире их течение считалось отклонением от нормы, с редкими в исламе экуменическими чертами. А еще они были учеными.

Выходит, таков был его путь в ислам, его *та-*

рикат, и их дервишские обряды, похоже, могли превращаться в ареофанию, как сейчас, когда повторяли его напев. Он встал, пошатываясь, и внезапно осознал, что не нужно было ничего придумывать с чистого листа, достаточно было создать нечто новое сочетанием лучшего из того, что было прежде. «Любовь, задев во мне струну…» У него кружилась голова. Все смеялись над ним, но не давали упасть. Он говорил с ними, как обычно, надеясь, что они сумеют его понять.

— Мне нехорошо. Кажется, меня сейчас вырвет. Только скажите мне, почему мы не можем оставить все земное, забыть о нем? Почему не можем придумать новую религию? Поклоняться аль-Кахире, Мангале, Касэю?

Они со смехом занесли его обратно в здание.

— Я серьезно, — сказал он; перед глазами у него все плыло. — Я хочу, чтобы вы, ребята, это сделали, чтобы ваши танцы тоже тут были. Я уверен, именно вы должны придумать эту религию, вы уже этим занимаетесь.

Но рвота в скафандре была чревата, и они лишь улыбались ему и торопливо несли его в свой жилой отсек, сделанный из упавшего камня. Там, когда его рвало, женщина придерживала его голову, мелодично приговаривая на субконти-

нентальном английском:

— Король попросил своих мудрецов изготовить для него такую вещь, которая радовала бы его, когда он печалился, и печалила, когда он радовался. Те посовещались и вернулись с кольцом, на котором стояла гравировка: «И это пройдет».

— И уйдет в никуда, — проговорил Бун. Он лежал на спине, над ним все кружилось. Это было неприятно, учитывая, что он хотел, чтобы все замерло. — Но чего вы хотите добиться здесь? Зачем прилетели на Марс? Вы должны рассказать мне, что вам здесь надо.

Они отвели его в общий зал, принесли чашки и заварили ароматический чай. Головокружение еще не прошло, даже несмотря на то, что он видел клубящуюся за окнами пыль.

Одна из пожилых женщин, что сидела возле него, взяла чайник и наполнила его чашку до краев. Поставив чайник, она указала ему жестом, чтобы он налил и ей. Джон так и сделал, несколько неуверенно, после чего чайник пошел по рукам и каждый наполнял чашку своего соседа.

— Так мы начинаем каждую трапезу, — объяснила женщина. — Это малый знак того, насколько мы едины. До того, как ваш мировой рынок захватил все что можно, мы изучали старинные

культуры из тех времен, когда существовало множество разных форм обмена. Некоторые из них были основаны на дарении. Видишь ли, у каждого из нас есть подарок, бесплатно данный нам вселенной. И каждый из нас с каждым выдохом отдает что-то взамен.

— Похоже на уравнение экологической эффективности, — заметил Джон.

— Может, и так. Как бы то ни было, вокруг идеи дарения создавались целые культуры — в Малайзии, на северо-западе Америки, среди многих примитивных племен. В Аравии мы дарили воду или кофе. Пищу и кров. И что бы вам ни дарили, вы не должны были оставлять это себе, а дарить, когда наставал ваш черед, и желательно с надбавкой. То есть вы работали для того, чтобы иметь возможность отдавать больше, чем получали. Теперь мы считаем, что это могло бы лечь в основу достойной экономики.

— Как раз это говорили Влад и Урсула!

— Может, и так.

После чая ему стало лучше, и вскоре он вновь ощутил равновесие. Они говорили о многом другом — о великой буре, о базе, на которой они жили. Позднее в тот вечер он спросил их, не слышали ли они о Койоте, но те покачали

головами. Им была известна история о создании, которое называли «скрывающимся», последнем выжившем из древней марсианской расы. Это было сморщенное существо, которое скиталось по планете и помогало тем, кому грозила опасность, — странникам, марсоходам, поселениям. В прошлом году его видели на водной станции на Великой Северной равнине, когда после ледопада отключилось электричество.

— А это не Большой человек? — спросил Джон.

— Нет, нет. Большой человек — он большой. А скрывающийся — такой же, как мы. Его народ подчинялся Большому человеку.

— А, понятно.

Но на самом деле он не понимал. Если Большой человек олицетворял собой сам Марс, то историю о скрывающемся, возможно, распространила Хироко. Сказать наверняка было нельзя. Ему нужен был фольклорист или знаток мифов, кто-то, кто сумел бы рассказать ему, как рождались истории, — но у него были лишь эти суфисты, странно ухмыляющиеся, которые сами вполне годились в персонажи историй. Его сограждане на этой новой земле. Он рассмеялся. Они, смеясь вместе с ним, уложили его спать.

— Перед сном мы произносим одну молитву. Ее

написал персидский поэт Джалаладдин Руми, — сказала ему пожилая женщина и прочитала ее:

— Я камнем умер и растением восстал,

Растеньем умер, диким зверем стал,

И, зверем умерев, теперь я человек.

Зачем же мне скорбеть, что мой недолог век!

Когда как человек я снова смерть приму,

Я ангелом очнусь, невидимым уму,

И ангелом своим пожертвует Господь,

И я, как вдох, на миг войду в Господню плоть[67].

— Приятных снов, — пожелала она, когда он уже проваливался в сон. — Все это — наш путь.

На следующее утро он неуклюже забрался в свой марсоход, кривясь от боли и думая о том, что примет омег сразу, как только двинется в путь. Та же женщина вышла проводить его, и он ласково стукнулся с ней скафандрами. На прощание она сказала ему:

---

[67] Примечания: 67
Переводчик неизвестен.

— Будь в мире этом или том, любовь твоя ведет нас в нем.

≈ * ≈

Ретрансляторная дорога вела его несколько дней, насыщенных коричневыми оттенками и обдуваемых ветрами, по неровной местности к югу от Жемчужного залива. Джону стоило приехать сюда еще как-нибудь, чтобы хорошенько изучить это место, потому что в бурю здесь не было ничего, кроме летающих «шоколадных» хлопьев, то тут, то там протянутых золотыми прожилками. Он остановился у кратера Бакхёйзена, где располагалось новое поселение — Родники Турнера. Здесь удалось подключиться к водоносному пласту, на нижний край которого действовало такое гидростатическое давление, что местные решили пустить воду под напором через ряд турбин и таким образом производить энергию. А добытую воду разливали в формы, замораживали и отправляли с роботами в поселения, что находились в засушливых регионах южного полушария. Здесь работала Мэри Данкел, показавшая Джону эти родники, электростанцию и резервуары льда.

— Когда проводили разведочное бурение, мы испугались до жути. Дошли до жидкого участка

пласта, а он буквально взорвался, и нам еле-еле удалось справиться с фонтаном.

— Что бы было, если бы у вас не получилось?

— Даже не знаю. Там внизу много воды. Если бы она проломила скалу возле родника, могло бы образоваться что-то вроде одного из тех крупных каналов на равнине Хриса.

— Таких крупных?

— Кто знает? Это возможно.

— Ого!

— Вот и я говорю. Энн сейчас ищет способ, как определять давление водоносного слоя с помощью эха, которое исходит при сейсмических тестах. Но кое-кто хочет выпустить один-два таких пласта на поверхность, понимаешь? Они оставляют объявления в Сети. Не удивлюсь, если Сакс один из них. Крупные наводнения, после которых много воды и льда попадет в атмосферу, — он такое наверняка одобряет.

— Но такие наводнения так же разрушительны для ландшафта, как если бы мы запулили по поверхности метеоритом.

— О, гораздо разрушительнее! Те каналы, что образовались у склонов хаосов, получились при выходе пластов невероятных объемов. Самая близкая аналогия на Земле — комплекс долин и

каналов на востоке штата Вашингтон, слышал о таком? Около восемнадцати тысяч лет назад там находилось озеро, занимавшее бóльшую часть Монтаны, его называют озеро Миссула. Его наполняла талая вода, а это был ледниковый период, и сдерживала его ледяная дамба. В какой-то момент эта дамба прорвалась, и озеро катастрофическим образом опорожнилось. Порядка двух триллионов кубометров воды в считанные дни вытекло на Колумбийское плато, а оттуда — в Тихий океан.

— Ничего себе!

— Вода неслась в сотни раз быстрее течения Амазонки и вырезала каналы в коренных породах, в базальте, залегавшем на глубине в двести метров.

— Двести метров?!

— Именно. И это ничто в сравнении с тем, что образовало каналы Хриса! Сеть этих каналов покрывает территорию…

— Двести метров *коренной породы*?!

— Ну разумеется, это не обычная эрозия. Видишь ли, при столь мощных наводнениях давления так колеблются, что происходит выделение растворенных газов, и, когда эти пузыри лопаются, они создают невероятное давление. Удары

при этом способны разрушить что угодно.

— Выходит, это хуже, чем если ударить астероидом.

— Несомненно. Если только этот астероид не такой уж крупный. Но все равно находятся люди, которые желают этого, да?

— Разве?

— Сам знаешь, что есть. И все же наводнения в большей степени годятся для того, что они хотят сделать. Если направить его, например, в Элладу, получится море.

— *Направить* наводнение? — воскликнул Джон.

— Ну да, конечно, это было бы невозможно. Но если найти пласт в подходящем месте, то направлять не придется. Тебе стоит проверить, куда Сакс в последнее время посылал команду для исследования подземных вод. Вот и посмотри, что ты сможешь найти.

— Но УДМ ООН такого точно не разрешит.

— А с каких это пор Сакс обращает на них внимание?

Джон усмехнулся.

— Ну, теперь обращает. Они слишком многое для него сделали, чтобы их игнорировать. Они связали ему руки деньгами и властью.

— Может быть.

Той ночью в половине четвертого произошел небольшой взрыв в устье одной из скважин. Аварийный сигнал вырвал их из сна и отправил — полуголых, спотыкающихся — по туннелям, чтобы найти там фонтан, вздымающийся в клубящуюся в ночи пыль столбом белой воды, рассыпающейся в неровном свете торопливо включенных прожекторов. Взлетая к облакам пыли, вода возвращалась градом ледяных глыб размером с шары для боулинга. Будто снаряды, они бомбили скважину, и их уже насыпалось до колена.

После вечернего разговора Джона очень напугало это зрелище, и он побежал за Мэри. Поверх шума извержения и не стихающей бури у него в наушнике раздался ее голос:

— Очистите участок, я сейчас взорву заряд возле и постараюсь заглушить поток.

Она убежала куда-то в белой ночнушке, и Джон выгнал собравшихся обратно в туннели, ведущие в жилые отсеки. Мэри присоединилась к нему перед шлюзом, запыхавшаяся. Она повозилась со своей наручной панелью, и со стороны родника донесся негромкий звук взрыва.

— Пойдем посмотрим, — бросила она и побежа-

ла назад в туннель, из которого было видно место взрыва. Там среди разбросанных ледяных шаров валялся вышедший из строя бур.

— Да! Накрыли! — вскричала Мэри.

Раздались слабые возгласы. Некоторые спустились к роднику, чтобы посмотреть, можно ли было как-нибудь обезопасить его.

— Отличная работа! — Джон похвалил Мэри.

— После того случая я много читала о том, как закупоривать родники, — ответила Мэри, все еще тяжело дыша. — Мы все для этого приготовили, но испытывать пока не приходилось. Тут никогда нельзя знать заранее.

— А у вас шлюзы записывают, кто выходил? — спросил Джон.

— Да.

— Превосходно.

Джон вышел, чтобы их проверить. Подключил Полин к системе станции, стал задавать вопросы и просматривать ответы, появлявшиеся на экране его консоли. После временного сброса в ту ночь никто через шлюз не выходил. Он связался с метеоспутником, щелкнул по радару, зашел в поисковую систему (Сакс дал ему пароли для этого) и просканировал область вокруг Бакхёйзена. Признаков какой-либо техники поблизости

не обнаружилось — только старые ветряные нагреватели. Ретрансляторы показывали, что по дорогам после него никто не ездил.

Джон тяжело сел перед Полин, чувствуя себя вялым и бестолковым. Он не знал, что еще проверить, а данные, которые он уже проверил, указывали на то, что ночью никто не выходил, чтобы причинить такой вред. Взрыв, вероятно, можно было подстроить за несколько дней, хотя так было тяжело скрывать взрывное устройство — ведь на родниках работали каждый день. Он медленно поднялся и отправился искать Мэри, а потом они вместе опросили людей, которые работали на роднике накануне. И никаких признаков повреждений не было замечено — вплоть до восьми вечера. После этого вся станция гуляла на вечеринке по случаю приезда Джона Буна, и через шлюз никто не проходил. Никаких зацепок.

С мыслями об этом он вернулся в постель.

— А кстати, Полин, пожалуйста, проверь записи Сакса и покажи мне список всех экспедиций по исследованию подземных вод за последний год.

Продолжив свой путь к Элладе, по-прежнему вслепую, он встретил Надю, которая вела надзор за строительством купола нового типа над кратером Рабе. Этот купол был самым крупным

из когда-либо построенных, здесь использовали преимущества более толстой атмосферы и легких материалов, благодаря которым гравитация уравновешивалась давлением, делая герметичный купол, по сути, невесомым. Каркас сложили из усиленных ареогелевых балок, бывших новейшим достижением алхимиков; ареогель оказался таким легким и прочным, что у Нади захватывало дух от восхищения, когда она описывала его возможности. Строительство куполов над кратерами, по ее мнению, скоро уйдет в прошлое; теперь можно было с той же легкостью возводить ареогелевые колонны вокруг городов, обходя разве что прилегающие скалы так, чтобы все население оказывалось под огромным прозрачным шатром.

Она рассказала Джону все это, когда они гуляли по окрестностям, превратившимся теперь в большую стройку. По всему краю кратера предполагалось расположить отсеки, которые освещались бы естественным светом, а внутри — устроить ферму, способную прокормить 30 000 человек. Роботы-экскаваторы, размером с целые здания, жужжали в густой пыли, неразличимые даже на расстоянии пятидесяти метров. Эти громадины либо работали сами по себе, либо управлялись

дистанционно, причем операторы, вероятно, не имели хорошего обзора, из-за чего находиться возле машин было небезопасно. Джон шел за Надей с некоторой тревогой — он помнил, как пугливы были шахтеры в Брэдбери-Пойнте, ведь они знали, что могло случиться! Ему оставалось лишь посмеяться над надиной забывчивостью. Когда земля под ногами задрожала, они просто остановились и посмотрели по сторонам, готовые отпрыгнуть в сторону от гигантской машины, откуда бы та ни приближалась.

Надя пожаловалась на пыль, из-за которой техника очень часто выходила из строя. Великая буря длилась уже четыре месяца и, став самой продолжительной за последние годы, до сих пор не подавала признаков стихания. Температура резко падала, люди ели консервы и различную сухую пищу — лишь изредка разбавляя их салатами или овощами, выращенными при искусственном свете. И повсюду была пыль. Даже когда они говорили об этом, Джон чувствовал, что она налипла на его губы, а глаза были сухими. Головная боль теперь вошла в порядок вещей, как и гайморит, боль в горле, бронхит, астма и другие заболевания легких. Плюс часто встречающиеся случаи поверхностного обморожения. Техника

становилась опасно ненадежной: оборудование ломалось, компьютеры зависали или давали сбои. Как говорила Надя, дни в Рабе напоминали жизнь внутри кирпича, а закаты — пожары в угольной шахте. Ей осточертело здесь жить.

Джон сменил тему.

— А что ты думаешь о космическом лифте?

— Слишком крупно.

— Зато какой эффект, Надя. Суть в эффекте.

— Кто знает? Таких вещей никогда не знаешь заранее, разве нет?

— Он станет стратегически важным бутылочным горлышком вроде того, о каком говорила Филлис, когда мы обсуждали, кому строить станцию на Фобосе. Теперь она сделает свое бутылочное горлышко. Это дает большую власть.

— Аркадий тоже так говорит, но я не вижу причин, почему этот лифт не сможет стать совместно используемым ресурсом, как природные объекты.

— Ты оптимистка.

— Аркадий тоже так говорит, — она пожала плечами. — Я только пытаюсь рассуждать здраво.

— Как и я.

— Знаю. Иногда мне кажется, что только мы вдвоем и пытаемся.

— А Аркадий?

Она рассмеялась.

— Но вы же вместе!

— Да, да. Как ты и Майя.

— Туше.

Надя скупо улыбнулась.

— Я пытаюсь заставить Аркадия задуматься о чем-то. Это все, что в моих силах. Мы встречаемся с ним через месяц в Ахероне, там будем проходить лечение. Майя говорит, это хороший повод провести время вместе.

— Рекомендую, — усмехнулся Джон.

— А лечение?

— Лучший из вариантов, да?

Она хмыкнула.

Вдруг земля загрохотала под ними, они застыли и, повернув головы, вгляделись в тени, проявлявшиеся в пыли. Справа возникла черная масса; она была крупной, словно ходячий холм. Они отбежали в сторону, спотыкаясь и перепрыгивая через булыжники и строительный мусор. Джон уже думал, что это очередной удар, а Надя выкрикивала команды на общей частоте, кляня дистанционщиков за то, что не учли их передвижения:

— Следите за своими экранами, бездельники!

Затем земля перестала дрожать. Черная махина

больше не шевелилась. Они осторожно приблизились к ней. Бробдингнегский[68] самосвал на гусеничном ходу. Собран здесь, компанией «Машины Утопии»; робот, построенный роботами, большой, как офисное здание.

Джон таращился на него, чувствуя, как пот стекает у него по лбу. Им уже ничего не угрожало. Его пульс замедлялся.

— И такие чудовища работают по всей планете, — недоуменно сказал он Наде. — Режут, сносят, копают, наполняют, строят. Совсем скоро они смогут крепиться к тем двухкилометровым астероидам и строить там электростанции, которые будут использовать сам астероид как топливо, чтобы тащить их на орбиту Марса; там уже другие машины будут на него высаживаться и станут превращать камень в провод длиной в тридцать семь тысяч километров. Какие *размеры*, Надя! Какие размеры!

— Ну да, он большой.

— Да он невообразимо большой! Это что-то явно за пределами человеческих способностей, нам этого не понять. Дистанционное управление

---

[68] Примечания: 68

Бробдингнег — страна великанов в произведении Джонатана Свифта «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей».

в увеличенном масштабе. Божественный манипулятор. Все, что можно представить, можно исполнить!

Они медленно обходили гигантский черный объект. Это был всего лишь самосвал — ничто в сравнении с тем, чем должен был стать космический лифт, но он сильно поразил Джона.

— Человеческие мышцы и мозги нашли продолжение в мощи роботов, таких крупных и сильных, что нам трудно ее осмыслить.

А то и вовсе невозможно. Наверное, в этом состоит часть твоего таланта, и Сакса тоже — напрягать мышцы так, что уже никто не понимает, насколько мы сильны. Я говорю о тех скважинах, просверленных в литосфере, о терминаторах, освещенных отраженным солнечным светом, о тех городах, спрятанных в останцах или зажатых между отвесными скалами, — а теперь еще этот провод, вытянутый в обход Фобоса и Деймоса, такой длинный, что достает от орбиты до поверхности планеты! Это же невозможно представить!

— Вообще-то возможно, — не согласилась Надя.

— Нет. Конечно, сейчас мы видим свидетельства нашей силы, она нас окружает, мы даже

устали от этого окружения. А видеть — значит верить. Даже если у тебя нет воображения, ты видишь, какой силой мы обладаем. Может, именно поэтому в последнее время все становится таким странным, все говорят то о собственности, то о суверенитете, дерутся, предъявляют претензии. Люди грызутся, как боги на Олимпе, а все потому, что мы стали такими же могучими, как они.

— А то и более могучими, — добавила Надя.

Он ехал дальше, по горам Геллеспонт, изогнутой гряде, окружающей бассейн Эллада. Однажды ночью, пока он спал, марсоход каким-то образом сошел с ретрансляторной дороги. Он проснулся и различил в пыли, что оказался в узкой долине между двумя невысокими скалами, образовавшимися при типичном расширении оврагов. Он подумал, что, двигаясь дальше по долине, снова попадет на дорогу, поэтому решил не менять направления. Но дно долины нарушили тянущиеся поперек неглубокие канальцы, и Полин остановила, развернула марсоход и стала пробовать другие ответвления, следуя своему алгоритму поиска пути. Но она тормозила то перед ущельем, то перед скалой, возникающими из мрака. Когда Джон не выдержал и взял управление на себя, стало еще хуже. В стране слепых трон принадле-

жит только автопилоту.

Но постепенно он приблизился к устью долины, где, как показывала карта, проходила ретрансляторная дорога, которая затем спускалась к другой, более широкой долине. И он, успокоившись, остановился на ночь, уселся перед телевизором и принялся ужинать. «Мангалавид» впервые показывал представление эолии, построенной в Лабиринте Ночи. Эолия оказалась небольшим зданием с щелями, которые свистели, ухали или скрипели в зависимости от угла и силы ветра, проникающего в них. Для премьеры к обычному ветру, что дул вниз по склону, добавили еще несколько нисходящих порывов, и получилась музыка — скорбная, яростная, нестройная или неожиданно гармоничная. Может, это было лишь игрой воображения, но определенно не было простой случайностью. Почти алеаторная эолия, как сказал комментатор.

А затем начались земные новости. О существовании геронтологической терапии узнали чиновники из Женевы, и новость за один день разнеслась по всему миру. Теперь по этому вопросу шли горячие обсуждения в Генеральной Ассамблее. Многие делегаты требовали, чтобы терапия проходила с соблюдением основных прав

человека, гарантированных ООН, и финансировалась развитыми странами, а сбор средств начался незамедлительно, чтобы затем обеспечить всем равный доступ к терапии. Тем временем поступали и другие сообщения: некоторые религиозные лидеры, включая папу римского, выступали против терапии, возникали массовые беспорядки, некоторые медицинские центры были повреждены. Правительства пришли в смятение. Все лица в телевизоре выражали гнев и требовали перемен. Наконец, Джона передернуло от их различий, ненависти и отчаяния, и он выключил телевизор. Он уснул, но хорошо выспаться в ту ночь ему не удалось.

Ему снился Фрэнк, когда какой-то звук его разбудил. Это был стук в лобовое стекло. Посреди ночи. Не успев как следует проснуться, он запер шлюз и, сев, подумал, как быстро отреагировал. Когда он этому научился? Он потер челюсть и переключился на общую частоту.

— Эй, здесь кто-нибудь есть?

— Марсиане, — ответил мужской голос. У него был английский акцент, но Джон не узнавал этого человека. — Мы хотим поговорить.

Джон встал и выглянул через лобовое стекло. Ночью в вихрях бури почти ничего не было вид-

но. Но ему показалось, что он заметил какие-то фигуры во тьме внизу.

— Мы просто хотим поговорить, — повторил голос.

Если бы его хотели убить, они могли бы взорвать марсоход, пока он спал. Да и ему не верилось, что кто-либо желал ему навредить: для этого не было никаких причин!

И он впустил их.

Их было пятеро, все мужчины. В поношенных, грязных прогулочниках, залатанных лоскутами из материала, не предназначенного для такой одежды. На гермошлемах не было распознавательных знаков, вся краска содрана. Когда они стали их снимать, Джон увидел, что один из них азиат, молодой, лет восемнадцати на вид. Пройдя вперед, юнец уселся на водительское сиденье и склонился над штурвалом, чтобы получше рассмотреть приборную панель. Второй оказался невысоким чернокожим мужчиной с узким лицом и длинными дредами. Он сел на мягкую скамью напротив кровати Джона и стал дожидаться, пока остальные тоже поснимают шлемы. Затем они присели на корточки, внимательно уставившись на Джона. Он никогда не видел никого из них прежде.

Узколицый произнес:

— Мы хотим, чтобы ты замедлил скорость иммиграции. — Это его голос он слышал, когда они были снаружи. Теперь его акцент походил на карибский. Он говорил тихо, почти шепотом, и Джон понял, что отвечать надо тоже тихо.

— Или остановить ее, — добавил молодой человек, сидевший на водительском сиденье.

— Заткнись, Касэй, — узколицый не сводил глаз с лица Джона. — Слишком много людей прибывает сюда. И ты это знаешь. Они не марсиане, их не заботит то, что происходит здесь. Они хотят пересилить нас, и вас тоже. И ты это знаешь. Мы понимаем, что ты пытаешься обратить их в марсиан, но они прибывают слишком быстро. Чтобы справиться с ними, нужно только замедлить приток.

— Или остановить его.

Мужчина закатил глаза, гримасой взывая к пониманию Джона, словно желая сказать: «Молодежь — что с нее взять?»

— Я ничего не могу сказать о… — начал Джон, но мужчина его оборвал.

— Ты не можешь их защищать. Ты — это сила, и ты на нашей стороне.

— Вы от Хироко?

Молодой щелкнул языком по небу. Узколицый ничего не ответил. Четверо пристально смотрели на Джона, пятый упорно смотрел в окно.

Джон спросил:

— Это вы устроили саботаж в мохолах?

— Мы хотим, чтобы ты положил конец иммиграции.

— Я хочу, чтобы вы положили конец саботажным действиям. Из-за них здесь становится только больше людей. И полиции.

Мужчина внимательно его разглядывал:

— Почему ты думаешь, что мы держим связь с саботажниками?

— Найдите их. Ворвитесь к ним среди ночи.

Мужчина улыбнулся.

— С глаз долой — из сердца вон.

— Это необязательно.

Они определенно пришли от Хироко. По принципу бритвы Оккама не могло существовать больше одной скрытой группы. Или могло? Джон почувствовал головокружение и подумал, что они, возможно, добавили что-то в воздух. Выпустили какой-нибудь наркотический аэрозоль. Он чувствовал себя странно: все казалось нереальным и походило на сон. Ветер обдувал марсоход снаружи, посылая к нему потоки эольской му-

зыки, похожие на странное протяжное уханье. Голова у Джона работала медленно и тяжело, ему хотелось зевать. «Точно, — подумал он, — мне это снится, а я все еще пытаюсь встать».

— Почему вы скрываетесь? — услышал он свой голос.

— Мы созидаем, создаем Марс. Как и ты. Мы на твоей стороне.

— Значит, вы должны помочь, — он пытался думать. — Что скажете насчет космического лифта?

— Нас он не волнует, — усмехнулся парень. — Он не имеет значения. А вот люди имеют.

— Лифт привезет сюда гораздо больше людей.

Мужчина задумался.

— Замедли иммиграцию, и его не смогут даже построить.

Вновь наступило долгое молчание, прерывавшееся лишь жуткими завываниями ветра. Не смогут даже построить? Они думали, что его будут строить люди? Или, может быть, имели в виду финансирование?

— Я постараюсь разобраться, — пообещал Джон. Когда парень, повернувшись, уставился на него, Бун поднял руку, опережая его. — Я сделаю все, что смогу, — он продолжал держать руку

перед собой. — Это все, что я могу сейчас сказать. Если я пообещаю, что чего-то добьюсь, это будет ложь. Я вас понял. Я сделаю все, что смогу. — Он постарался поразмыслить еще немного, хоть это было и тяжело. — Вы тоже должны нам помогать. Нам нужна помощь.

— Каждый помогает по-своему, — тихо сказал мужчина. — Сейчас мы уйдем. Но будем следить за тем, что ты делаешь.

— Скажите Хироко, что я хочу с ней поговорить.

Все пятеро посмотрели на него, молодой напрягся и возмутился.

Узколицый кратко улыбнулся.

— Увижу — скажу.

Один из сидящих на корточках вытащил просвечивающуюся голубую массу — аэрозольную губку, едва различимую в ночном освещении. Затем рука, в которой он ее держал, сжалась в кулак. Да, это был наркотик. Джон сделал выпад, застав молодого врасплох, вцепился в обнаженную его шею — и упал, парализованный.

Когда он пришел в сознание, их уже не было. У него болела голова. Он переместился на кровать и впал в беспокойный сон. Невероятно, но ему снова снился Фрэнк, и Джон рассказывал ему об

этом посещении. «Ты дурак, — сказал Фрэнк. — Ты не понимаешь».

Когда он снова проснулся, уже наступило утро, и за лобовым стеклом кружилась темно-коричневая пыль. Ветер за последний месяц несколько смягчился, но пока об этом нельзя было говорить с уверенностью. Облака пыли быстро меняли формы и растворялись, словно галлюцинации при отключении органов чувств. Эта буря в самом деле отключала органы чувств, создавая весьма клаустрофобические ощущения. Он принял омег, оделся, вышел наружу и немного прогулялся, вдыхая тальк и пригибаясь, чтобы различать следы своих гостей. Они прошли по коренной породе и исчезли. Трудное они выбрали место для встречи, подумал он. Марсоход, заблудившийся посреди ночи… Как они вообще его нашли?

Хотя если они выслеживали его…

Вернувшись внутрь, он связался со спутниками. Радар и инфоробот не выдавали ничего. Даже если бы они шли пешком, он бы их увидел на экране, значит, у них имеется убежище. В таких горах, как эти, спрятаться проще простого. Он открыл «карту Хироко» и грубо обвел кругом место, где сейчас находился, захватив заодно горы на севере и на юге. На его карте уже несколько

таких кругов, но наземные бригады ни один не проверили как следует и вряд ли проверят, так как эти круги выпадали в основном на хаосы — неосвоенные территории размером с Вайоминг или Техас.

— Как здесь много места, — пробормотал он.

Он прошелся внутри марсохода, рассматривая пол. Затем вспомнил свое последнее движение. Посмотрел на ногти: да, там остался маленький кусочек кожи. Взял блюдце для образцов из небольшого автоклава и осторожно соскоблил то, что было под ногтем. Идентификация генов находилась далеко за пределами возможностей марсохода, но любая достаточно крупная лаборатория сумела бы определить личность парня, если данные о его геноме имелись в базе. Если же нет, это тоже стало бы полезной информацией. И, может быть, Урсула и Влад смогли бы определить его родителей.

Позже в тот день он вернулся на ретрансляторную дорогу, а в конце следующего дня достиг бассейна Эллада. Там он встретил Сакса — тот участвовал в конференции по поводу нового озера, которая затем, как оказалось, переросла в конференцию о сельском хозяйстве в условиях искусственного освещения. Следующим утром

Джон вытащил его в прозрачный туннель между зданиями, и они шли в меняющейся желтой мгле, а темно-оранжевое солнце светило сквозь облака на востоке.

— Кажется, я виделся с Койотом, — признался Джон.

— Да ладно! Он тебе не сказал, где Хироко?

— Нет.

Сакс пожал плечами. Похоже, его мысли сейчас заняты выступлением, которое ему предстояло провести вечером. Поэтому Джон решил подождать и вечером пришел на конференцию, где присутствовали все, кто находился сейчас на озерной станции. Сакс заверил публику, что микробактерии в атмосфере, на поверхности и в вечномерзлом грунте растут со скоростью, которая почти достигла предельной — около двух процентов, — и что уже в ближайшие десятилетия им придется рассматривать вопросы, связанные с выращиванием различных культур в природных условиях. Никаких аплодисментов после этого заявления не последовало: все были поглощены проблемами, вызванными Великой Бурей, которая, как они считали, была следствием просчетов Сакса. Как язвительно заметил один из выступающих, поверхности по-преж-

нему достигало всего 25 процентов солнечного света и буря не собиралась заканчиваться. Температура падала, гнев нарастал. Новоприбывшие не видели на несколько метров перед собой, и психологические проблемы, варьирующиеся от тоски до кататонии, принимали пандемический характер.

Сакс ответил на это, слегка пожав плечами:

— Это последняя глобальная буря, — пообещал он. — Это время войдет в историю как героическое. Наслаждайтесь им, пока оно длится.

Его слова приняли весьма прохладно, но Сакс не обратил на это внимания.

Через несколько дней в поселение прибыли Энн и Саймон вместе со своим сыном Питером — ему исполнилось три. Он был, насколько они знали, тридцать третьим ребенком, родившимся на Марсе: колонии, основанные после первой сотни, оказались весьма плодовитыми. Джон играл с мальчиком, узнавая новости у Энн и Саймона и обмениваясь историями о Великой Буре. Джону казалось, что Энн нравится буря и ее ужасающее влияние на процесс терраформирования — ведь это было что-то вроде аллергической реакции планетарных масштабов: температура опускалась ниже исходной, безрассудные

экспериментаторы боролись со своей жалкой застопорившейся техникой… Но довольной она не выглядела. Она даже была раздражена, как и всегда.

— Наша команда исследовала подземные воды в вулканическом кратере в Дедалии и нашла образец, в котором имелись одноклеточные микроорганизмы, явно отличающиеся от цианобактерий, которые вы распространили на севере. А кратер почти полностью окружен коренной породой и весьма удален от мест распространения биоты. Мы отправили образцы в Ахерон на анализ, и Влад заключил, что они похожи на мутировавшие бактерии тех видов, которые были выпущены. Он предположил, что они могли быть введены в породу загрязненным бурильным оборудованием, — Энн ткнула Джона в грудь. — «Скорее всего, земным», — сказал Влад. *Скорее всего*, земным!

— Сколее сево, жемным, — повторил мальчик, идеально передав интонацию Энн.

— Ну, скорее всего, так и есть, — сказал Джон.

— Но мы никогда этого не узнаем! Они будут обсуждать это целыми столетиями, напишут целые труды только на эту тему, но мы *никогда не узнаем наверняка*!

— И все-таки тут слишком сложно сказать, но, скорее всего, они действительно земного происхождения, — сказал Джон, улыбаясь мальчику. — Если бы что-либо неземное сумело эволюционировать, об этом стало бы сразу же известно.

— Скорее всего, — повторила Энн. — Но что, если они произошли от какого-нибудь общего источника — например, по теории панспермии или при извержении переместились с одной планеты на другую с микроорганизмами, сохранившимися в камне?

— Но это маловероятно, разве нет?

— Мы не знаем. И теперь уже не узнаем.

Джон едва разделял ее озабоченность.

— Может, их даже принесли «Викинги» — мы этого не знаем, — сказал он. — Мы никогда особо не старались обеззараживать наши исследования, просто так уж повелось. У нас все-таки есть и более важные проблемы.

Например, глобальная пылевая буря, самая длинная из всех, что были зафиксированы, или приток иммигрантов, чьи обязательства перед Марсом были столь же бедны, как их жилищные условия, или грядущий пересмотр договора, который вызывал множество разногласий, или

ненавистные многим попытки терраформирования. Или то, что состояние их родной планеты становилось критическим. Или попытка (а то и две) причинить вред Джону Буну.

— Ну да, ну да, — сказала Энн. — Знаю. Но то все политика, от нее мы никуда не денемся. А это была наука, вопрос, на который я хотела получить ответ. Но теперь не смогу. И никто не сможет.

Джон пожал плечами.

— Мы никогда на него не ответим, Энн. Да это и не важно. Это один из тех вопросов, которому суждено навсегда остаться без ответа. Разве ты этого не знала?

— Сколее сево, жемным.

Через несколько дней после этого на площадку космопорта небольшой озерной станции приземлилась ракета, и в пыли вырисовалась маленькая группа землян, все еще подпрыгивающих при ходьбе. Говорили, что это следователи, прибывшие по распоряжению УДМ ООН, чтобы разобраться в саботаже и связанных с ним происшествиях. Всего их было десять человек — восемь опрятных молодых парней, словно вышедших из телевизора, и две привлекательные девушки. Большинство работало в американском ФБР. Руководитель, шатен по имени Сэм Хьюстон, по-

просил Буна побеседовать с ним, и тот вежливо согласился.

Когда они встретились следующим утром за завтраком — там уже было шестеро агентов, включая обеих девушек, — Джон стал кротко, не колеблясь отвечать на все вопросы. Хотя подсознательно говорил лишь то, что, как он думал, те уже знали, плюс еще немного, чтобы казаться честным и любезным. Агенты, опрашивая его, держали себя вежливо и относились к нему с почтением, но были предельно скрытны, если он задавал вопросы в ответ. Похоже, они немного знали о жизни на Марсе, поэтому спрашивали о том, что происходило в первые годы в Андерхилле или в период, когда исчезла Хироко. Они явно было осведомлены об основных событиях того времени и об отношениях среди звезд первой сотни, и они долго расспрашивали о Майе, Филлис, Аркадии, Наде, Саксе, ахеронской группе… обо всех, кто был хорошо известен этим молодым землянам, — обо всех, кто постоянно мелькал в их телевизорах. Но, судя по всему, они знали гораздо меньше того, что было записано и отправлено на Землю. Джон вдруг подумал, что это же можно было сказать и об остальных землянах. Ведь больше никакими источниками информации

они не располагали.

В конце беседы один из агентов по фамилии Чанг спросил, не хотел ли он еще что-нибудь им рассказать. Джон, решив промолчать, помимо прочего, о ночном визите Койота, ответил:

— Что-то ничего не приходит в голову.

— Чанг кивнул, и Сэм Хьюстон произнес: Мы были бы вам весьма благодарны, если бы вы предоставили нам доступ к вашему компьютеру в части, касающейся дела.

— Мне жаль, — ответил Джон с извиняющимся видом, — но к своему компьютеру я никого не подпускаю.

— Он что, самоуничтожится, если его попытаются взломать? — удивленно спросил Хьюстон.

— Нет, просто я никого не подпускаю. Он содержит мои личные записи, — Джон смотрел ему в глаза, остальные агенты тоже смотрели на Хьюстона.

— Мы, э-э, можем получить ордер в УДМ ООН, если хотите.

— Честно говоря, я в этом сомневаюсь. И даже если получите, я не предоставлю вам доступ.

Джон улыбнулся ему, почти рассмеявшись. Еще одна ситуация, когда быть Первым Человеком на Марсе полезно. Сейчас они ничего не могли

сделать, не создав себе лишних проблем, которые того не стоили. Джон поднялся из-за стола и обвел группу таким надменным взглядом, на какой только был способен, — а он был хорош в этой роли.

— Если смогу быть полезен вам чем-либо еще, дайте мне знать.

И покинул помещение.

— Полин, подключись к коммуникационному центру и скопируй оттуда все, что сможешь, из того, что они отправляют на Землю.

Затем позвонил Гельмуту, помня, что о звонках также станет известно. Он задавал вопросы быстро, будто при проверке основных личных данных. Да, агентов действительно прислало УДМ ООН. Они входили в оперативную группу, созданную за последние полгода, чтобы разобраться с возникшими проблемами.

Выходит, на Марсе появилась полиция, равно как и детективы. Что ж, этого следовало ожидать. Хотя все равно это неприятно. Теперь он не мог добиться многого — не мог влиять на марсианские события так, как ему хотелось, потому что они наблюдали за ним, подозревая его в чем-то из-за отказа дать доступ к Полин. Впрочем, в Элладе все равно делать больше нечего. Здесь

не проявлялось никаких саботажных действий и едва ли что могло случиться сейчас. Майя не одобряла его занятия и не хотела вмешиваться в эти дела — ей хватало проблем и с технической стороной проекта выкачки водоносного слоя.

Должно быть, теперь ты у них главный подозреваемый, — желчно заметила она. — С тобой вечно что-то происходит: самосвал в Таумасии, родник в Бакхёйзене, а теперь ты не показываешь им свои записи. Почему бы тебе не дать им доступ? — Потому что эти люди мне не нравятся, — ответил Джон, вперив в нее взгляд. Сейчас его отношения с Майей вернулись на круги своя. Ну, или не совсем: они вполне бодро занимались повседневными делами, словно играя в театре, зная, что у них найдется время для всего, зная, что представляет собой их настоящее, что ждет их на последней базе их отношений. Так что в некотором смысле у них все стало даже лучше. С виду, однако, это казалось той же старой мелодрамой. Майя отказывалась его понимать, и Джон в итоге сдался.

Затем он провел пару дней, обдумывая свое положение. Он спустился в станционные лаборатории с образцом кожи, что достал у себя из-под ногтя. Здесь Джон обработал образец, клонировал

его и прочитал. В базе данных по Марсу ни у кого не было такого генома, и он отправил данные в Ахерон, чтобы там провели анализ и предоставили любую доступную информацию. Урсула отправила назад ответ в зашифрованном виде, добавив в конце всего одно слово: «Поздравляю».

Он снова прочитал сообщение и громко выругался. Затем вышел прогуляться, поочередно то смеясь, то ругаясь. «Черт тебя подери, Хироко! Гори же ты в аду! Вылезай из своей норы и помоги нам! Ха-ха-ха-ха! Вот сука! Как же я устал от твоих персефонских штучек!»[69]

В ту минуту даже пешеходные туннели казались ему гнетущими, поэтому он отправился в гараж, оделся и вышел через шлюз, чтобы прогуляться снаружи — впервые за несколько дней. Миновав выход в северном районе города, он оказался на ровной поверхности. Бродил в пределах колышущейся колонны обеспыленного воздуха, что создавал каждый город, размышляя и осматривая постройки.

Эллада не должна была стать такой впечатляющей, как Берроуз, Ахерон, Эхо или даже Сензени-На. Она располагалась в самой низкой

---

[69] Примечания: 69

Персефона — древнегреческая богиня плодородия и царства мертвых.

точке бассейна, и здесь не было никаких возвышений, откуда мог открываться какой-либо обзор. Впрочем, в клубящейся пыли это не имело особого значения.

Город был построен в форме полукруга, которому предстояло превратиться в побережье нового озера. Когда это случится, прибрежная часть должна превосходно смотреться, но пока она столь же невыразительна, как Андерхилл — со всеми своими новейшими обслуживающими машинами и электростанцией, элементами вентиляции, кабелями и туннелями, напоминающими сброшенную змеиную кожу… Город походил на старую научную станцию, где не было места для эстетики. Что ж… Не могли же они делать так, чтобы каждый новый город получался лучше предыдущего.

Мимо него прошли двое, забрала их шлемов были поляризованы. «Странно, — подумал он, — ведь в бурю достаточно темно». Затем они набросились на него и повалили. Он оттолкнулся от песка в безумном прыжке, будто Джон Картер[70], и выставил кулаки, но, к его удивлению, нападавшие стали убегать, растворяясь в

[70] Примечания: 70

Главный герой романа Эдгара Райса Берроуза «Принцесса Марса» и нескольких других произведений его марсианской серии.

клубящихся облаках. Он стоял, пошатываясь, и смотрел им вслед. Они исчезли в пелене пыли. Кровь пульсировала у него в венах, он ощутил, как горит плечо. Ощупав рукой спину, понял, что они порезали ему прогулочник. Он придавил рукой порез и быстро побежал. Теперь он совсем не чувствовал плеча. Бежать с рукой на шее было жутко неудобно. Сначала казалось, что его запасы воздуха не пострадали, но затем он обнаружил порез в трубке, возле шеи. Рукой, которой держался за плечо, он быстро выбрал на панели максимальную подачу воздуха. По спине спускался холод, будто ее обливала призрачная ледяная вода. Было минус сто градусов Цельсия. Он задерживал дыхание и чувствовал, как пыль прилипает к губам, набивается в рот. Невозможно было сказать, какое количество CO_2 проникает в его систему воздухоснабжения, но для того, чтобы убить его, многого и не требовалось.

Во мгле показался гараж, и он побежал к нему, весьма довольный собой, пока не добрался до шлюза, где нажал на кнопку, но ничего не произошло. Да, такое случалось — иногда запирали наружный вход, оставив открытой внутреннюю дверь. Но сейчас его легкие горели, ему нужно было вдохнуть. Он обежал гараж сбоку, где

пешеходный туннель соединял его с жилыми отсеками, добрался до них и посмотрел на них сквозь слой пластика. По ту сторону никого не было видно. Он убрал руку от пореза на плече, со всей возможной быстротой открыл ящичек, что был у него на левом предплечье, достал оттуда маленькую дрель, включил ее и врезался в пластик. Тот продавливался, не ломаясь и лишь собираясь вокруг сверла, пока дрель чуть не вывихнула Джону руку в локте. Он с силой ткнул сверлом, и пластик наконец прорвался. Он принялся распарывать его книзу, расширяя дыру до тех пор, пока не смог просунуть внутрь гермошлем. Оказавшись внутри по пояс, он остановился, заткнув дыру своим телом, как пробкой. Отстегнул шлем, сорвал его с головы и сделал глубокий вдох, будто после долгого нырка, затем выдох, и снова вдох-выдох, вдох-выдох. Нужно было вывести этот CO_2 из крови. Шея и плечи онемели. В гараже зазвенел сигнал тревоги.

После двадцати секунд интенсивных размышлений он рывками пролез ногами вперед в дыру и бросился по разгерметизированному туннелю в сторону жилищ, в противоположную от гаража. К счастью, дверь открылась по команде. Оказавшись внутри, он запрыгнул в лифт и

поехал на третий подземный этаж, где жил в одном из гостевых номеров. Когда двери лифта распахнулись, он сначала хорошенько осмотрелся. Никого не было видно. Он поспешил в свою комнату. Внутри он стянул с себя прогулочник и спрятал его вместе с гермошлемом в шкафу. Посмотрев в ванной на свое побелевшее плечо и верхнюю часть спины, содрогнулся — он получил ужасное обморожение. Выпил обезболивающее и тройную дозу омегендорфа, надел рубашку с воротником, брюки и туфли. Причесался, постарался успокоиться. В зеркало на него смотрело лицо с остекленевшим взглядом, отрешенное, чуть ли не ошарашенное. Он покривился, изображая страшные гримасы, похлопал себя по щекам, сменил выражение лица и задышал глубже. Лекарства начали действовать, и его отражение стало выглядеть несколько лучше.

Джон вышел в коридор и направился к большому залу, который тянулся еще на три этажа вниз. Проходя вдоль перил, глядя сверху на людей, он чувствовал странную смесь ликования и ярости. К нему приблизился Сэм Хьюстон в сопровождении своей сотрудницы.

— Прошу прощения, мистер Бун, но не могли бы вы пройти с нами?

— В чем дело?

— Случилось еще одно происшествие. Кто-то прорезал насквозь дыру в пешеходном туннеле.

— Прорезал насквозь? И вы называете это *происшествием*? У нас зеркальные спутники сходят с орбит, самосвалы падают в мохолы, а вы называете какую-то проделку *происшествием*.

Хьюстон уставился на него, и Бун чуть не рассмеялся ему в лицо.

— Вы думаете, что я смогу чем-то помочь? — спросил он.

— Мы знаем, что вы работали над этим по просьбе доктора Расселла. И мы подумали, что вам, возможно, будет интересно.

— О, понимаю. Что ж, пойдемте посмотрим.

Затем они около двух часов ходили по следам, и все это время его плечи горели огнем. Хьюстон, Чанг и остальные следователи говорили с ним как бы по секрету, но при этом смотрели на него настороженно и явно оценивающе. Джон отвечал им слабой улыбкой.

— Интересно, почему сейчас? — в какой-то момент сказал Хьюстон.

— Может быть, кому-то не нравится, что здесь появились вы, — предположил Джон.

Лишь когда весь этот фарс закончился, у него

появилось время подумать, почему он не захотел, чтобы они узнали о нападении. Во-первых, это неизбежно привело бы к тому, что появилось бы еще больше следователей, и в этом не было ничего хорошего. Во-вторых, это стало бы горячей новостью и на Марсе, и на Земле, и он оказался бы в центре внимания, будто снова попав в аквариум.

А он терпеть не мог аквариумов.

Но было еще кое-что, чего он не мог просто так оставить. В подсознании он все еще был детективом. Он презрительно фыркнул. Чтобы отвлечься от боли, он гордо расхаживал по залам, каждый раз надеясь уловить плохо скрытое удивление. Он вернулся из мертвых! Кто тут из вас меня убил? И раз или два замечал, как кто-то отводил глаза от его рыскающего взгляда. Но вообще он понял, что многие отводили глаза, когда он на них смотрел. Как от взгляда уродца или обреченного на смерть. Он никогда прежде не задумывался о своей славе в таком ключе, и это рассердило его.

Действие болеутоляющей таблетки подходило к концу, и он поспешил в свой номер. Дверь оказалась открыта настежь. Ворвавшись внутрь, он обнаружил двух следователей УДМ ООН.

— Что вы тут делаете?! — гневно воскликнул

он.

— Просто ищем вас, — ответил один из них мягко. Джон сурово смотрел на агента, встречая такой же пристальный взгляд. — Мы не хотели бы, чтобы кто-нибудь что-нибудь предпринял.

— Вы имеете в виду проникновение со взломом в мой номер? — спросил Бун, прислонившись к косяку дверного проема.

— Это часть нашей работы. Простите, если доставили неудобства. — Они беспокойно переминались с ноги на ногу, не имея возможности покинуть комнату.

— А кто дал вам на это право? — Бун сложил руки на груди.

— Ладно, — они переглянулись, — мистер Хьюстон — начальник…

— Позвони ему, пусть придет сюда.

Один из них прошептал что-то в наручную панель. Спустя подозрительно короткое время Сэм Хьюстон появился в коридоре, и, когда он приблизился, Джон, недружелюбно на него взглянув, усмехнулся:

Вы что, прятались за углом? Хьюстон подошел к нему почти вплотную и тихо проговорил прямо в лицо:

— Послушайте, мистер Бун, мы тут занимаемся

очень важным расследованием, а вы ему препятствуете. Даже если вам кажется, что вам закон не писан…

Бун дернулся вперед так, что Хьюстону пришлось отпрянуть, чтобы не стукнуться нос в нос.

— Вы — не закон, — сказал Джон и ткнул его пальцем в грудь, отстранив от своей комнаты. Теперь уже Хьюстон начал терять самообладание, и Бун рассмеялся:

— Что вы мне сделаете, офицер? Арестуете? Будете угрожать? Скажете что-то хорошее, что я смогу включить в свой отчет на «Евровиде»? Вы этого хотите? Вы хотите, чтобы я показал всему миру, что Джона Буна изводит какой-то мелкий выскочка, который прилетел на Марс и думает, что он шериф на Диком Западе? — Он вспомнил, что сам считал тех, кто говорит о себе в третьем лице, самопровозглашенными идиотами, и добавил: — Джону Буну такие вещи не по душе! Ох как не по душе!

Остальные двое воспользовались возможностью выскользнуть из комнаты и теперь внимательно наблюдали за происходящим. Лицо Хьюстона приняло цвет горы Аскрийской, и стали видны зубы.

— Никто не может ставить себя выше закона, —

процедил он. — Здесь происходят преступные деяния, причем весьма опасные, и некоторые из них происходили тогда, когда вы находились поблизости.

— Например, проникновение со взломом в мой номер.

— Если мы решили, что для продолжения расследования необходимо проверить ваш номер, ваши записи, то мы это сделаем. Мы имеем на это право.

— А я говорю, не имеете, — надменно ответил Джон и щелкнул пальцами перед лицом Хьюстона.

— Сейчас мы обыщем ваш номер, — сказал агент, тщательно проговаривая каждое слово.

— Убирайтесь, — с презрением произнес Джон, сделав шаг к остальным двоим, и махнул им, показывая, чтобы ступали прочь. Пренебрежительно скривив губы, он рассмеялся. — Да-да, уходите! Убирайтесь отсюда, бездари… Идите читайте «Порядок осмотра и захвата».

Он вошел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Замер. Судя по звукам, они уходили, но в любом случае он должен был вести себя так, будто его это не заботило. Он рассмеялся, отошел в ванную

и принял еще обезболивающего.

Они не осматривали шкаф — в этом ему повезло, иначе было бы нелегко объяснить, не говоря правды, откуда у него порванный прогулочник, а это совсем бы все запутало. Удивительно, как все усложнялось из-за собственной попытки скрыть, что его пытались убить. Это заставило его задуматься. Все-таки покушение вышло крайне неуклюжим. Ведь наверняка существует сотня более действенных способов убить человека в прогулочнике на Марсе. Если бы они просто пытались его напугать… Или надеялись, что он скроет нападение, его уличат во *лжи*, а затем станут подозревать в чем-то?..

Он потряс головой. Бритва Оккама, бритва Оккама. Основной инструмент детектива. Если кто-то на тебя нападает, значит, он хочет причинить тебе вред — это основа, неоспоримый факт. Теперь важно выяснить, кто это. И так далее. Болеутоляющее было сильным, но омегендорф уже почти выветрился. Соображать было трудно. Теперь новая проблема — надо уничтожить прогулочник и скафандр, а тот был слишком объемным. Но теперь Джон во все это вовлечен, и пути назад не было. Он рассмеялся. Он знал, что в конце концов что-нибудь придумает.

≈ * ≈

Он хотел поговорить с Аркадием. Позвонив, выяснил, что тот прошел геронтологическую терапию в Ахероне вместе с Надей, а теперь улетел на Фобос. Джон до сих пор так и не побывал на этой маленькой быстрой луне.

— Почему бы тебе не прилететь и все тут не посмотреть? — предложил Аркадий по телефону. — Ведь поговорить лучше лично, да? — Хорошо.

Он не оказывался в космосе после их высадки с «Ареса» двадцать три года назад, из-за чего знакомые ощущения ускорения и невесомости неожиданно вызвали у него приступ тошноты. Когда они входили в док на Фобосе, он рассказал об этом Аркадию, и тот заметил:

— Со мной такое постоянно случалось, пока я не начал пить водку перед стартом.

Он принялся объяснять это с точки зрения психологии, но от подробностей Джон почувствовал, что его снова начинает выворачивать наизнанку, и оборвал объяснение. Аркадий рассмеялся; он испытывал воодушевление после терапии и имел счастливый вид, свидетельствующий о том, что организм Богданова не собирался болеть еще

целую тысячу лет.

Стикни оказался суетливым маленьким городком. Бетонный купол над кратером был обнесен слоем новейшей усиленной защиты от радиации, а дно кратера делилось на уступы, спускающиеся концентрическими кругами к центральной площади. В кругах располагались парки либо двухэтажные здания с садами на крышах. Всюду были расставлены сети для тех, кто терял контроль, прыгая над городком, или случайно отрывался от земли. Скорость убегания здесь составляла всего пятьдесят километров в час: при ее превышении можно было и вовсе улететь с луны. Снаружи, у самого основания купола, Джон увидел уменьшенную копию кругосветного поезда, который двигался горизонтально по отношению к зданиям в городке со скоростью, создававшей для пассажиров ощущение марсианской гравитации. Он останавливался четыре раза в день, чтобы принять людей, но, если бы Джон попытался найти в нем убежище, это лишь замедлило бы его акклиматизацию. Поэтому он отправился в приготовленный для него гостевой номер, где страдальчески дожидался, пока его перестанет тошнить. Похоже, теперь он был настоящим жителем планеты, марсианином на-

веки, поэтому покидать Марс было мучительно. Забавно, но факт.

На следующий день ему стало лучше, и Аркадий провел для него экскурсию по Фобосу. Внутри тот был испещрен туннелями, галереями, отложениями пород, несколькими открытыми камерами огромных размеров, в некоторых все еще добывали воду и топливо. Большая часть туннелей, тянувшихся сквозь луну, представляла собой ровные функционирующие трубы, а внутренние помещения и некоторые из крупных галерей были построены согласно социоархитектурным теориям Аркадия. Их он и показывал Джону: закругленные коридоры, смешанные зоны для работы и отдыха, ряды уступов, гравированные металлические стены — все то, что вошло в практику во время застройки кратеров на Марсе и чем Аркадий до сих пор гордился.

Из небольших кратеров на противоположной Стикни стороне три были накрыты стеклянными куполами, и под ними располагались деревни, из которых открывался вид на проносящуюся рядом планету — чего никак нельзя было увидеть из Стикни, так как длинная ось Фобоса всегда была нацелена на Марс, и большой кратер постоянно находился с другой стороны. Аркадий и Джон сто-

яли в кратере Семёнов и сквозь купол смотрели на Марс, заполнявший половину неба и окутанный облаками пыли, скрывавшими его черты.

— Великая буря, — проговорил Аркадий. — Сакс, должно быть, сходит с ума.

— Да нет, — отозвался Джон. — Он говорит, это временное явление. Небольшая заминка.

Аркадий присвистнул. Они оба уже прониклись духом своего старого товарищества, ощущая себя равными, давно не видевшимися братьями. Аркадий вел себя так же, как всегда, — смеялся, шутил, валял дурака, сыпал идеями и мнениями, держался с той уверенностью, которая чрезвычайно нравилась Джону, даже сейчас, когда он не сомневался, что многие из его идей были неверны и даже опасны.

Вообще Сакс, пожалуй, прав, — согласился Аркадий. — Если это лекарство от старения сработает и мы протянем на десятилетия дольше, это непременно приведет к социальной революции. Быстротечность жизни была первичной силой неизменяемости различных институтов, как бы странно это ни звучало. Но ведь гораздо легче придерживаться краткосрочного плана выживания, нежели рисковать всем ради плана, который может и не сработать, — какой бы губи-

тельной ни была эта краткосрочная тактика для последующих поколений. Пусть они сами разбираются, если что. И в самом деле, ко времени, когда люди понимали систему, они были уже старыми и умирали, а следующее поколение только начинало вникать в нее, большую и крепкую, и всему приходилось учиться сначала. Но если ты ее изучишь, проживешь с этим еще лет пятьдесят, то в конце концов скажешь: «А почему бы не сделать это более разумным образом? Почему бы не учесть веления сердца? Что нам мешает?»

— Может, поэтому сейчас все и становится таким странным, — ответил Джон. — Но мне почему-то кажется, что эти люди не так дальновидны. — Он вкратце рассказал Аркадию о ситуации с саботажем, закончив прямым вопросом: — Ты знаешь, кто за этим стоит, Аркадий? Ты сам к этому причастен?

— Что, я? Нет, Джон, ты знаешь, я бы так не поступил. Эти разрушения — глупость. По всей видимости, это работа противников проекта, а я в их число не вхожу. Кто именно этим занимается, не знаю. Может, Энн в курсе, ее ты спрашивал?

— Она говорит, что не знает.

Аркадий фыркнул.

— Мой старый добрый Джон Бун! Как мне это

нравится! Послушай, дружище, я тебе расскажу, почему это происходит, и ты сможешь заниматься этим систематически. Так, вот туннель до Стикни — пойдем, я хочу показать тебе бесконечный свод, это у нас настоящее произведение искусства.

Он повел Джона к маленькой подземной машине, и они поехали на ней почти к самому центру Фобоса, рядом с которым остановились и вышли. Они проплыли по узкому помещению и оказались в зале. Джон обнаружил, что его тело приспособилось к невесомости, и он снова мог держаться в форме. Аркадий вывел его в просторную открытую галерею, которая на первый взгляд казалась слишком большой, чтобы помещаться внутри Фобоса: пол, стены и потолок отделаны фацетными зеркалами, и каждый круглый кусочек полированного магния располагался под таким углом, что все тысячекратно отражалось в их микрогравитационном пространстве.

Они коснулись пола и, зацепившись ногами за кольца, стали покачиваться, как растения на дне моря, в непостоянном множестве Аркадиев и Джонов.

— Видишь ли, Джон, экономическая основа жизни на Марсе сейчас меняется, — сказал Арка-

дий. — Нет, даже не думай усмехаться! До сих пор у нас не было денежной системы, как и принято на всех научных станциях. Это все равно что выиграть приз, освобождающий тебя от экономических заморочек. Как и многие другие, мы такой приз выиграли и прожили здесь эти годы таким образом. Но сейчас люди заполняют Марс целыми тысячами!

И многие из них собираются заработать здесь денег и вернуться на Землю. Они работают на транснационалов, которые получили концессии УДМ. Формально договор соблюдается, так как УДМ якобы стоит во главе всего этого, но истинный смысл искажается направо и налево, причем самой ООН.

Джон кивнул:

— Да, я это заметил. Гельмут сам сказал мне это.

— Да Гельмут просто слизняк! Но слушай, когда придет время пересматривать договор, они формально изменят его так, чтобы он отвечал новому смыслу. А то и развяжут себе руки в еще большей степени. Тут и месторождения важнейших металлов, и весь открытый космос. А это спасение для многих стран там, на Земле, и новая территория для транснационалов.

— Ты думаешь, они получат поддержку, чтобы пересмотреть договор?

Миллионы Аркадиев изумленно взглянули на миллионы Джонов.

— Не будь таким наивным! Конечно, они получат поддержку! Смотри, договор о Марсе основан на старом Договоре о космосе. Это была первая ошибка, потому что тот договор был, по сути, хрупким соглашением и таким же стал Договор о Марсе. Согласно его положениям, страны могут стать членами совета с правом голоса, просто заявив о заинтересованности в этом. Поэтому мы и видим здесь новые национальные космические станции Лиги арабских государств, Нигерии, Индонезии, Азании, Бразилии, Индии, Китая и остальных. И многие из этих новых стран становятся членами совета с намерением прежде всего разорвать договор о продлении сроков. Они хотят открыть Марс для своих правительств, не контролируемых ООН. А транснационалы под «удобными флагами» стран вроде Сингапура, Сейшел и Молдавии пытаются открыть на Марсе практику частных заселений, которыми будут управлять корпорации.

— До пересмотра еще осталось несколько лет, — напомнил Джон.

Миллион Аркадиев страдальчески закатили глаза.

— Это происходит уже сейчас. И не просто на словах, а на деле — здесь, изо дня в день. Когда мы впервые сюда прибыли, плюс следующие двадцать лет, Марс напоминал Антарктиду и даже был более свободным. Мы жили вне прежнего мира, не имели собственности — немного одежды, мебели, и больше ничего! А теперь сам знаешь, что я думаю, Джон. Это напоминает доисторический период и кажется нам правильным, потому что знакомо нашим мозгам после трех миллионов лет такой жизни. По сути, наши мозги развились до своего нынешнего состояния в ответ на реалии той жизни. В результате люди *сильно привязались* к ней, когда у них появилась возможность снова в ней оказаться. Такая жизнь позволяет сосредоточить внимание на настоящей работе, то есть делать все, что необходимо для выживания, или что-то создавать, удовлетворять свое любопытство, играть. Это утопия, Джон, особенно для первобытных людей и ученых — или, проще сказать, для всех. И получается, научно-исследовательская станция — это на самом деле крошечная модель доисторической утопии, созданная в условиях денежной эконо-

мики транснационалов разумными приматами, которые хотят жить хорошо.

— И ты думаешь, все готовы к этому присоединиться, — сказал Джон.

Да, они могли бы, но им такого никто не предложит. А значит, это не настоящая утопия. Мы, разумные приматы, ученые, хотели создать островки для самих себя, а не обеспечить такие условия для всех остальных. А в реальности эти островки стали частью порядка, установленного транснационалами, которые за это заплатили. То есть они не были по-настоящему бесплатными, как не было и по-настоящему свободных исследований. Все дело в том, что люди, заплатившие за эти научные островки, рано или поздно захотят, чтобы их инвестиции окупились. И теперь мы приближаемся к этому времени. Наш островок должен возместить расходы. Как видишь, мы занимались не свободными, а прикладными исследованиями. И с открытием месторождений стратегических металлов стало ясно, как наши исследования будут применяться. И вот все возвращается — право собственности, цены, зарплаты. Вся система предпринимательства. Маленькая научная станция превращается в рудник, где горняки будут относиться к земле,

скрывающей под собой ископаемые, с привычной бесцеремонностью. А ученых спрашивают: «Сколько стоит то, чем вы занимаетесь?» Их просят делать их работу за плату, но всю выгоду получат владельцы компаний, на которые они работают.

— А я ни на кого не работаю, — заметил Джон.

— Пусть так, но ты работаешь в проекте по терраформированию, а за него кто платит?

Джон попробовал ответить, как Сакс:

— Солнце.

Аркадий хохотнул.

— Нет! Тут не только солнце, роботы и рабочая сила, тут много чего еще. Всем этим людям нужно есть и все такое. Значит, кто-то их обеспечивает — ведь мы не удосужились построить жизнь, в которой были бы полностью самостоятельными.

Джон сдвинул брови.

— Ну хорошо, в первое время мы не могли обойтись без помощи. Нам спускали оборудование стоимостью в миллиарды долларов. Или, как ты говоришь, много рабочих часов.

— Да, это так. Как только мы сюда прибыли, мы могли сосредоточить все свои силы на том, чтобы стать самообеспеченными и самостоятельными, а потом откупиться от них и на этом порвать с

ними. Но мы этого не сделали, и вот — акулы бизнеса уже здесь. Тогда, вначале, если бы кого-нибудь спросили, кто из нас больше заработал, я или ты, ответить было бы невозможно, да?

— Да.

— Вопрос, лишенный смысла. Но спроси сейчас, и нам придется сравнивать. Ты консультируешь кого-нибудь?

— Нет.

— И я нет. Зато Филлис консультирует «Амекс», «Субараси» и «Армскор». А Фрэнк — «Хоневелл-Мессершмитт», «Дженерал Электрик», «Боинг» и «Субараси». И многие другие. Они богаче нас с тобой. А в этой системе кто богаче, тот могущественнее.

«Это мы еще посмотрим», — подумал Джон. Но, не желая давать Аркадию очередной повод для смеха, промолчал.

— И на Марсе это происходит *повсеместно*, — сказал Аркадий. Множество окружавших их Аркадиев замахало руками, это выглядело как тибетская мандала с изображением красноволосых демонов. — Естественно, есть люди, которые видят, что происходит. Или я им об этом говорю. И ты должен понять, Джон, — эти люди будут бороться за то, чтобы все осталось, как было. Это

люди, которым нравилось жить, как первобытные ученые. Нравилось настолько, что они без боя от своего не отступятся.

— Значит, саботаж…

Да! Возможно, некоторые происшествия — дело рук этих людей. Я считаю это контрпродуктивным, но они со мной не согласятся. В основном саботажем занимались желающие сохранить Марс таким, каким он был до нашего прибытия. Я к ним не отношусь. Зато я отношусь к тем, кто будет бороться за то, чтобы Марс не стал свободной зоной транснациональной добычи полезных ископаемых. Чтобы не дать нам стать рабами чиновников, сидящих в своих крепостях. — Он посмотрел Джону в глаза, и тот увидел, каким непоколебимым был его взгляд. — Ты тоже это чувствуешь?

— Вообще-то да, — усмехнулся он. — Чувствую! Мне кажется, если у нас и есть разногласия, то лишь в методах.

— И какие методы предлагаешь ты?

— Ну… Главным образом, я хочу, чтобы договор был продлен в нынешнем виде и затем соблюдался. Если это произойдет, мы получим то, чего хотим, или, по меньшей мере, будем иметь основания для того, чтобы получить независимость.

— Договор не будет продлен, — отрезал Аркадий. — Для того чтобы остановить этих людей, нужны более решительные меры, Джон. Прямые действия — да, и не смотри с таким недоверием! Захват собственности или системы коммуникаций… введения нашего свода законов, который поддержат все, кто живет здесь… да, Джон, да! До этого дойдет, потому что они держат пушки под столом. Массовые протесты и мятежи — единственное, что их возьмет, в истории есть куча примеров.

Окруженный миллионами Аркадиев, Джон выглядел таким мрачным, каким Аркадий его еще никогда не видел. На расходящихся рядах лица Джона разинули рот и выражали глубокую озабоченность. Наконец, он сомкнул губы.

— Сначала я хотел бы попробовать по-своему, — проговорил он.

Все Аркадии рассмеялись в ответ на это. Джон шутливо пихнул товарища в плечо, и тот улетел к полу, но затем оттолкнулся и сбил его. Они боролись, пока находились в досягаемости друг друга, а затем оказались у противоположных стен зала, среди зеркал, отражавших их бесконечное множество раз.

После этого они вернулись в туннель и от-

ужинали в Семёнове. За едой они смотрели на поверхность Марса, клубящуюся, как газовый гигант. Неожиданно Марс показался Джону исполинской оранжевой клеткой, эмбрионом, яйцом. Хромосомы мельтешили под пестрой оранжевой оболочкой. Новое живое создание ждало своего появления на свет — конечно, оно было генномодифицированным, и там все еще были инженеры, которые продолжали над ним работать. Инженеры пытались извлечь отдельные гены (их собственные гены) и вставить их в спирали ДНК планеты, чтобы получились экспрессии, которые требовались для нового химерного зверя. Да. И Джону очень нравилось то, что в него хотел «вставить» Аркадий. Но у него были и свои соображения. Им только предстояло увидеть, у кого в итоге получится создать лучший геном.

Он внимательно посмотрел на Аркадия, который тоже разглядывал заполняющую небо планету, с тем же мрачным выражением, что было у самого Джона в зеркальном зале. Этот взгляд производил на Джона впечатление внутренней силы и решимости, но при этом Буну пришло в голову странное сравнение — с множественным мушиным взглядом.

Джон спустился обратно в сумрак Великой

бури, и там, в унылой суете заметенных песками дней, он стал видеть то, чего не замечал прежде. В этом и заключалась ценность общения с Аркадием. Теперь он смотрел на вещи иначе. Так, отправившись из Берроуза на юг, в мохол Сабиси («Одинокий»), посетил живших там японцев. Они были старожилами, японским аналогом первой сотни, и прибыли лишь на семь лет позже. Но в отличие от них они стали по-настоящему тесной группой и, что называется, пустили корни. Сабиси так и остался маленьким поселением даже после того, как здесь выкопали мохол. Находился поселок в районе беспорядочного скопления валунов близ кратера Жарри-Деложа, и Джон, двигаясь по последнему участку ретрансляторной дороги, заметил, что валуны высечены в виде лиц или фигур, усеяны сложными пиктограммами или превращены в синтоистские и буддистские монастыри. После этих видений он вглядывался в облака пыли, и каждый раз эти образы исчезали, будто галлюцинации, которые слабо проявляются и сразу развеиваются. Оказавшись на неровном прозрачном участке, куда задувало воздух из мохола, он заметил, что сабисийцы доставляли сюда камни, извлеченные из шахты, и выкладывали их изогнутыми

холмиками так, что из космоса они выглядели, как… дракон?

Когда он добрался до гаража, его поприветствовала группа местных жителей, босых и длинноволосых, в потертых дубленых куртках или сумоистских бандажах. Иссохшие японско-марсианские мудрецы рассказали ему о центрах *коми* в регионе, о том, как давно их глубочайшее чувство *он* сместилось от императора к планете. Они показали ему свои лаборатории, где занимались ареоботаникой и готовили материалы для одежды с защитой от радиации. Также они проделали большую работу по обнаружению водоносных слоев и климатологии экваториального пояса. Слушая их, Джон подумал, что они, должны быть, поддерживают связь с Хироко. Но когда он спросил о ней, они лишь пожали плечами. Джон решил их разговорить, создав ощущение доверия, которое ему часто удавалось вызвать у старожилов, мысленно возвращаясь в былые времена, свою «нойскую эру». Пару дней позадавал вопросы, поизучал городок, показал себя как «человек, который знал *гири*», и они потихоньку начали раскрываться, тихо, но прямо говорить ему, что им не нравилось стремительное разрастание Берроуза, как и соседнего с ними

мохола, и общий рост населения, и давление со стороны японского правительства, желавшего исследовать Большой Уступ и «найти золото».

— Мы отказываемся, — заявил Нанак Накаяма, морщинистый старик с всклокоченной седой бородой, бирюзовыми серьгами и длинным конским хвостом. — Они не смогут нас заставить.

— А если попытаются? — спросил Джон.

— У них не получится. — Джон обратил внимание на его уверенность, и в его памяти всплыл разговор с Аркадием, который недавно состоялся у них в зеркальном зале.

Кое-что из того, что он теперь замечал, потому бросалось ему в глаза, что он по-новому смотрел на вещи, задавал новые вопросы. Но остальное стало следствием того, что Аркадий сообщил по сети своим друзьям и знакомым, чтобы они приняли Джона как своего и показали ему что могли. Поэтому, когда Джон остановился по пути из Сабиси в Сензени-На, к нему часто подходили то два, то три, то пять человек, которые представлялись и говорили, что Аркадий подумал, Джону было бы интересно кое-что увидеть… И они показывали ему подземную ферму с самостоятельной электростанцией, склад инструментов и оборудования, потайной гараж, заполненный

марсоходами, жилые отсеки в маленьком останце, пустующие, но готовые к заселению. Джон шел за ними, выпучив глаза и разинув рот, задавая вопросы и изумленно качая головой. Да, Аркадий многое ему показал — здесь существовало целое движение, в каждом городке имелось по небольшой группе!

Наконец, он прибыл в Сензени-На. Он возвратился сюда, потому что Полин обнаружила, что двое рабочих в день, когда на него упал самосвал, отсутствовали на своих привычных местах работы. На следующий день после прибытия он побеседовал с ними, но те объяснили свое исчезновение из сети тем, что находились в горах за пределами города. Когда же он извинился, что отнял у них время, и направился в свою комнату, три других техника представились ему как друзья Аркадия. Джон охотно их поприветствовал, довольный тем, что все-таки приехал не зря. Затем группа из восьми человек взяла его с собой в поездку на марсоходе по каньону, параллельно тому, в котором располагался мохол. Сквозь застилающую пыль они добрались до жилого отсека, вырытого в нависающей стене каньона. Он был невидим для спутников, а тепло выпускал из рассредоточенных маленьких дымоходов,

которые при взгляде из космоса были похожи на старые ветряные обогреватели Сакса.

— Мы думаем, группа Хироко живет в таких же, — сообщила Джону одна из его проводниц. Ее звали Мэриэн, у нее был длинный крючковатый нос, а глаза посажены так близко, что взгляд всегда казался очень пристальным.

— А вы знаете, где Хироко? — спросил Джон.

— Нет, но думаем, она в хаосе.

Стандартный ответ. Он спросил их о назначении жилища. Мэриэн ответила, что оно построено с помощью оборудования из Сензени-На и сейчас не использовалось, но было готово, если это потребуется.

— Потребуется для чего? — спросил Джон, когда они прохаживались по темным комнаткам этого жилища.

Мэриэн недоуменно уставилась на него.

— Революции, конечно же.

— Революции?

На обратном пути Джон говорил очень мало. Мэриэн и ее товарищи чувствовали, как он был потрясен, и им от этого тоже было не по себе. Вероятно, они заключили, что Аркадий сделал ошибку, попросив их показать ему жилище.

— Сейчас много таких готовится, — сказала Мэ-

риэн, оправдываясь. Идею им подкинула Хироко, и Аркадий счел это полезным. Вместе со своими друзьями она начала загибать пальцы: запасы оборудования для добычи воздуха и бурения льда, скрытые в туннеле в сухом льду на одной из действующих станций на южной полярной шапке; скважина, пронзающая крупный водоносный слой под долиной Касэй; лаборатории-теплицы, рассредоточенные вокруг Ахерона, где выращивались фармакологически полезные растения; центр коммуникаций под Надиным атриумом в Андерхилле.

— И это только то, о чем знаем мы. Еще в сети выходит одна самиздатовская брошюра, но мы к ней не имеем отношения. Аркадий уверен, что существуют и другие группы, которые занимаются тем же, что и мы. Потому что, когда дойдет до дела, нам всем понадобится место, где можно будет укрыться и откуда можно будет продолжать борьбу.

Да ладно вам, — сказал Джон. — Вам нужно уяснить, что вся эта революция — всего лишь фантазия на основе Американской революции, великого рубежа, когда стойкие колонисты, которых эксплуатировали имперские власти, взбунтовались и сделали свои колонии независи-

мым государством. Только это ложная аналогия!

— Почему вы так говорите? — не унималась Мэриэн. — В чем разница?

— Ну, во-первых, мы живем на непригодной земле. Во-вторых, у нас просто нет средств для успешной революции!

— Не соглашусь ни с тем, ни с другим. Вам стоит обсудить это с Аркадием подробнее.

— Я попробую. Как бы то ни было, мне кажется, есть лучший способ это осуществить, чем воровать оборудование, — что-то более прямое. Мы просто заявим УДМ, что должен содержать новый Договор о Марсе.

Его спутники пренебрежительно покачали головами.

— Мы можем говорить все, что хотим, — сказал марсианин, — но это не изменит того, что они делают.

— Почему нет? Думаете, они просто возьмут и проигнорируют людей, которые здесь живут? Может, у них и есть многоразовые шаттлы, но мы все равно находимся в восьмидесяти миллионах километров от них. Мы здесь, а они нет. Может, это и не Северная Америка в 17б0-х, но у нас есть ряд преимуществ: мы на большом расстоянии и можем тут распоряжаться. Здесь важно не ду-

мать, как они, не допускать тех же старых грубых ошибок!

И он приводил доводы против революций, национализма, религии, экономики — против всех земных образов мыслей, которые мог вспомнить, в своем привычном стиле смешивая все в кучу.

— Революции и на Земле никогда как следует не удавались. А здесь и вовсе выглядят устаревшими. Нам необходимо придумать новую программу, как и говорит Аркадий, чтобы она включала способы взять контроль над нашим будущим в свои руки. А если будете жить в фантазиях прошлого, то придете к тому, против чего сами боретесь! Нам нужен новый марсианский способ, новая марсианская философия, экономика, религия!

Они спросили его, какими могли быть эти марсианские понятия, и он обескураженно поднял руки.

Откуда я знаю? Раз этого еще никогда не было, об этом сложно говорить, сложно представить, потому что у нас нет каких-либо образов. Когда пытаетесь создать что-то новое, с этим всегда возникают проблемы, — поверьте, я знаю, о чем говорю. Но думаю, я могу сказать, на что это будет похоже — на первые годы здесь, когда мы были

одной группой и работали все вместе. Когда мы стремились лишь к тому, чтобы создать себе условия для жизни и исследовать планету, и сообща решали, что делать дальше. Вот каково это будет.

— Но то уже прошлое, — возразила Мэриэн, и остальные согласно кивнули. — Это уже ваша фантазия прошлого. Как будто вы ведете урок по философии в гигантском золотом руднике, когда с обеих сторон надвигаются армии.

— Нет-нет, — сказал Джон. — Я говорю о методах сопротивления — методах, которые будут уместны при нынешнем положении, а не о революционных фантазиях из учебников истории!

И они продолжали спорить еще и еще, пока не оказались снова в Сензени-На и не ушли, усталые, в комнаты для рабочих на нижнем жилом этаже. Они горячо проспорили весь временной сброс и продолжили глубокой ночью, и Джона при этом переполнял восторг, потому что он видел, что они начинали задумываться, — было видно, что они прислушивались к нему. То, что он им говорил, что он о них думал, имело для них значение. Это было лучшее возвращение в аквариум Первого Человека на Марсе. И вкупе с «грифом утверждения» Аркадия это оказывало на

них ощутимое влияние. Джон мог поколебать их самоуверенность, заставить мыслить, пересмотреть, изменить взгляды!

И вот в пурпурном сумраке Великой бури они шли по залам на кухню и продолжали говорить; выглядывали в окна и поглощали кофе, воодушевленно сияя, приходя в восторг от шедших дебатов. А когда, наконец, стали расходиться, чтобы хоть немного поспать, прежде чем начнется новый день, даже Мэриэн смягчилась, а остальные были погружены в глубокие размышления, наполовину убежденные в правоте Джона.

Он же возвращался в свой гостевой номер, чувствуя себя усталым, но счастливым. Хотел того Аркадий или нет, он сделал Джона одним из лидеров своего движения. Может, Богданову придется об этом и пожалеть, но пути назад уже не было. Сам же Джон уверился, что это к лучшему. Он мог стать мостом между подпольщиками и остальным народом Марса — действовать в обоих мирах, мирить их друг с другом, объединять в единую силу, более эффективную. Силу с ресурсами основной массы и энтузиазмом подпольщиков. Аркадий считал их объединение невозможным, но у Джона была власть, которой Аркадий не обладал. Поэтому он мог… нет, не забрать себе

ведущую роль Аркадия, но *изменить их всех*.

Дверь в его гостевой номер оказалась открытой. Он ворвался внутрь переполошенный и увидел, что на стульях сидят Сэм Хьюстон и Майкл Чанг.

— Итак, — произнес Хьюстон, — где вы были?

— Да ладно вам, — сказал Джон. Он рассердился, его приподнятое настроение как рукой сняло. — Я что, вошел не в ту дверь? — Он оглянулся. — Нет, все-таки в ту. Это мой номер. — Он поднял руку и включил диктофон на наручной панели. — Что вы здесь делаете?

— Мы хотим знать, где вы были, — спокойно сказал Хьюстон. — У нас есть право входить во все двери и задавать любые вопросы. Поэтому вам лучше всего начать нам отвечать.

— Да ну, — презрительно усмехнулся Джон. — Неужели тебе не надоело играть плохого полицейского? Вы что, никогда не меняетесь ролями?

— Мы только хотим получить ответы, — мягко произнес Чанг.

— О, прошу вас, мистер хороший полицейский, — сказал Джон. — Мы все хотим получить ответы, не так ли?

Хьюстон встал: он уже терял самообладание. Джон подошел к нему и остановился, когда между ними оставался десяток сантиметров.

— Убирайтесь из моего номера, — сказал он. — Убирайтесь сейчас же, не то я вышвырну вас, и потом мы посмотрим, у кого из нас есть право находиться здесь, а у кого нет.

Хьюстон лишь молча смотрел на него, а потом Джон без предупреждения с силой ткнул его в грудь. Хьюстон свалился обратно на стул и хотел было броситься на Джона, но Чанг встал между ними.

— Погоди, Сэм, погоди секунду, — он остановил Хьюстона.

Джон в это время кричал:

— Убирайтесь из моего номера! — Он повторял это снова и снова, со всей мощью своих легких, ударяясь о спину Чанга и свирепо глядя через его плечо на красное лицо Хьюстона. Джон едва не рассмеялся, увидев гнев Сэма; успех, который он произвел своим толчком, вернул ему хорошее настроение. Он прошагал к двери, крича, чтобы Хьюстон не заметил ухмылки на его лице: — Вон! Вон! Вон!

Чанг вывел своего разгневанного коллегу в коридор, и Джон пошел за ними. Они оказались там втроем — Чанг предусмотрительно встал между напарником и Джоном. Он был крупнее любого из них и теперь тревожно смотрел на Джона.

— Итак, что вам нужно? — невинно спросил Джон.

— Мы хотим знать, где вы были, — терпеливо спросил Чанг. — У нас есть основания подозревать, что ваше так называемое расследование случаев саботажа являлось для вас удобным прикрытием.

— Я подозреваю то же самое относительно вас, — сказал Джон.

Чанг проигнорировал его.

— Видите ли, эти случаи продолжают происходить после ваших посещений…

— Нет, они происходят *во время* ваших.

— …Машины падали в каждый мохол, что вы посетили во время Великой бури. Программные средства в кабинете Сакса Рассела в Эхо-Оверлуке были заражены компьютерным вирусом сразу после вашей консультации с ним в 2047 году. Биологические вирусы поразили лишайники в Ахероне сразу после вашего ухода. Список можно продолжать.

Джон пожал плечами.

— И что? Вы пробыли здесь два месяца, и это все, что вы смогли выяснить?

— Если мы правы, то этого достаточно. Где вы были прошлым вечером?

— Простите, — сказал Джон. — Я не отвечаю на вопросы людей, которые вламываются в мой номер.

— Вам придется ответить, — сказал Чанг. — Таков закон.

— Какой закон? Что вы мне сделаете? — Он повернулся к своей двери, но Чанг преградил ему путь. Джон снова вышел из себя и дернулся в сторону Чанга — тот вздрогнул, но уверенно остался в проеме. Джон повернулся и ушел, направившись обратно в общие комнаты.

В тот же день он покинул Сензени-На, уехав на марсоходе по ретрансляторной дороге на север вдоль восточного склона Фарсиды. Дорога была хорошей, и через три дня он был уже в 1300 километрах к северу, у северо-западной границы Лабиринта Ночи, и, когда он достиг большого ретрансляторного перекрестка, где стояла новая заправочная станция, повернул направо и поехал на восток в Андерхилл. Каждый день, пока марсоход вслепую катился сквозь пыль, он работал с Полин.

— Полин, ты не могла бы найти записи о кражах стоматологического оборудования?

Обрабатывать несовместимые запросы ей удавалось столь же медленно, что и человеку, но

в конце концов она выдала нужные сведения. Затем он попросил ее пройтись по записям о перемещениях всех подозреваемых. Узнав о местонахождении каждого, позвонил Гельмуту, чтобы выразить протест против действий Хьюстона и Чанга.

— Они говорят, что ты их уполномочил, Гельмут, поэтому я считаю, ты должен знать, чем они занимаются.

— Они делают все, что в их силах, — ответил Гельмут. — Мне бы хотелось, чтобы ты прекратил изводить их и начал сотрудничать, Джон. Это было бы очень полезно. Я знаю, тебе нечего скрывать, так почему бы не стать более любезным?

— Да брось, Гельмут, они не просят о помощи. Это больше похоже на запугивание. Скажи им, чтоб перестали.

— Они всего лишь пытаются делать свою работу, — обходительно сказал Гельмут. — Пока я не слышал ни о каких незаконных действиях.

Джон оборвал связь. Чуть позже позвонил Фрэнку в Берроуз.

— Что там с Гельмутом? Почему он сдает планету этим полицейским?

— Ты идиот, — ответил Фрэнк. Он в этот момент бешено стучал по клавишам перед монитором,

из-за чего казалось, что он едва осознает, что говорит. — Ты вообще не видишь, что тут происходит?

— Думал, что вижу, — ответил Джон.

— Мы стоим по колено в горючем! А это чертово лекарство от старения — спичка. Но ты никогда не понимал, почему они сначала прислали нас, так почему это должно быть тебе ясно сейчас? — Он продолжал печатать, вглядываясь в монитор.

Джон смотрел на маленькое изображение Фрэнка на своем запястье.

— Почему они сначала прислали нас, Фрэнк?

— Потому что Россия и США были в отчаянии, вот почему. Дряхлые, устаревшие динозавры промышленности, вот кем мы были, когда нас чуть не съели Япония, Европа и маленькие «тигры», появлявшиеся в Азии. И весь наш космический опыт пропадал впустую — две огромные, но необязательные аэрокосмические промышленности, и вот мы объединили их, прилетели сюда в надежде найти что-нибудь стоящее — и все окупилось! Мы, можно сказать, нашли золотую жилу. И это только добавило масла в огонь, потому что в золотой лихорадке становится видно, кто силен, а кто нет. А теперь, даже несмотря на наше начальное преимущество, на Земле подключи-

лось много новых «тигров», которые лучше нас в этих делах и которые тоже хотят поучаствовать. Есть много стран, где не осталось ни места, ни ресурсов, и десять миллиардов человек сейчас толкутся в собственном дерьме.

— Ты же вроде бы говорил мне, что Земля всегда будет разваливаться на куски.

— Это другое. Сам подумай: если это проклятое лекарство попадет только к богатым, то бедные взбунтуются и ситуация обострится. Если же оно достанется всем, численность населения взлетит вверх, и ситуация опять-таки обострится. В любом случае все будет плохо! Да там и уже все плохо. Естественно, транснационалам это не нравится: если мир так раздувается, это губительно для бизнеса. И они боятся, изо всех сил пытаются сдержать все как есть. Гельмут и те полицейские — только верхушка айсберга: многие политики думают ввести по всему миру полицейский режим на несколько десятилетий, чтобы хоть как-то урегулировать рост населения, не допустив катастрофы. Контроль сверху, глупые ублюдки.

Фрэнк с отвращением потряс головой, приник к экрану и погрузился в то, что тот отображал.

— Ты принял лекарство? — спросил Джон.

— Конечно, принял. Ладно, Джон, отвяжись, мне надо работать.

Южное лето выдалось теплее прошлого, покрытого пеленой Великой бури, но все равно было самым холодным из всех зафиксированных прежде. Буря длилась уже почти два М-года или более трех земных, но Сакс смотрел на это философски. Джон звонил ему в Эхо-Оверлук, и, когда он упомянул о холодных ночах, Сакс лишь ответил:

— Весьма вероятно, что мы будем испытывать низкие температуры бóльшую часть периода терраформирования. Но тепло само по себе — это не то, к чему мы стремимся. Вот на Венере тепло. Но мы хотим сделать так, чтобы здесь можно было выжить. Если мы сможем дышать воздухом, мне будет наплевать, что тут холодно.

Пока же было холодно, причем повсюду, по ночам температура неизменно падала ниже минус ста градусов, даже на экваторе. Добравшись до Андерхилла спустя неделю после того, как покинул Сензени-На, он заметил, что пешеходные дорожки здесь были покрыты розовым льдом; в тусклом свете бури они были почти невидимы, и ходить по ним было опасно. Жители Андерхилла проводили бóльшую часть времени в своих

жилищах.

Джон занял несколько недель тем, что помогал местной команде биоинженеров проводить полевые опыты с новой быстрой снежной водорослью. В Андерхилле теперь жило полно незнакомцев. Большинство из них японцы и европейцы, которые, к счастью, между собой общались на английском. Джон поселился в одном из старых сводчатых отсеков, возле северо-восточного угла квадранта. Старый квадрант был менее популярен, чем Надин атриум, он был меньше и хуже освещен, многие из его сводов теперь использовались как склады. Перемещаясь по этим коридорам, он испытывал странное чувство: вспоминал бассейн, комнату Майи, столовую — сейчас все помещения были погружены в темноту и заставлены ящиками. Теперь уже трудно вспомнить, каково это было, когда первая сотня была единственной сотней.

С помощью Полин он отследил передвижения нескольких человек, включая агентов УДМ ООН. Это было не самое точное наблюдение, потому что отслеживать агентов не всегда просто, особенно Хьюстона, Чанга и их команду, которые, как он подозревал, умышленно пропадали из сети. Сведения о прибывающих в космопорты с

каждым месяцем подтверждали слова Фрэнка о том, что уже прибывшие — лишь верхушка айсберга. Многие из тех, кто появлялся, в частности, в Берроузе, работали на УДМ ООН без соответствия квалификационным требованиям, а затем растекались по шахтам, мохолам и другим поселениям, где становились начальниками служб безопасности. Весьма интересными были и данные об их работе на Земле.

Часто в конце сессии с Полин Джон, обеспокоенный, покидал квадрант и выходил прогуляться снаружи, чтобы хорошенько подумать. Теперь видимость существенно улучшилась; была различима поверхность, хотя ходить из-за розового льда все равно требовалось осторожно. Казалось, Великая буря стихала. Скорость ветра над поверхностью — в два-три раза выше средней, что была до бури и составляла тридцать километров в час, а пыль в воздухе временами становилась чуть менее прозрачной, чем густая дымка, превращающая закаты в горящие пастельные вихри розового, желтого, оранжевого, красного и пурпурного цветов, с то появляющимися, то исчезающими полосками зеленого и бирюзового, с бликами и солнечными зайчиками, с редкими стрелами яркого желтого света. Природа на-

ходилась в своем быстротечном, меняющемся состоянии. И глядя на все эти неясные цвета и движения, Джон отвлекался от собственных мыслей, взбирался на великую соляную пирамиду, чтобы осмотреться, а затем возвращался обратно, готовый продолжать свою борьбу.

Однажды вечером после одного из таких закатных представлений он спустился с вершины пирамиды и направился пешком в сторону Андерхилла. Тогда же он заметил две фигуры, спускающиеся от боковых дверей гаража по прозрачному туннелю, ведущему к марсоходам. Они двигались так торопливо и воровато, что он остановился, чтобы получше присмотреться. Шлемов на них не было, и по затылкам и фигурам он узнал в них Хьюстона и Чанга. Они со свойственной для землян неуклюжестью залезли в марсоход и выехали ему навстречу. Джон затемнил забрало с помощью поляризационного фильтра и продолжил свой путь, опустив голову и стараясь сделать вид, будто возвращается с работы. Он взял немного в сторону, чтобы увеличить расстояние до них. Марсоход ворвался в густое облако пыли и тут же исчез.

Но ко времени, когда Джон добрался до шлюза, он был погружен в размышления и чуть ли не

напуган. Он недвижно стоял перед дверью, обдумывая увиденное, а когда пошевелился, это было движение не к двери, а к переговорной панели в стене рядом с ней. Под динамиками имелось несколько типов гнезд, и он вынул пробку из одного из них, смахнул наметенные туда частицы пыли — эти гнезда больше не использовались — и подключил свою наручную панель. Набрал код Полин, подождал, пока завершится шифрование и дешифрование.

— Да, Джон?

— Полин, включи, пожалуйста, свою камеру и покажи мою комнату.

Полин, подключенная к стене, стояла на прикроватном столике. Ее крошечная камера редко использовалась, и изображение на его наручной панели также было мелким. Комната на нем была темной, горела лишь одна ночная лампа. Забрало не давало как следует вглядеться: даже подняв панель прямо по центру, он мог рассмотреть лишь какие-то серые движущиеся формы. Он видел кровать, на ней что-то лежало, дальше была стена.

— Назад на десять градусов, — сказал он и сощурился, всмотревшись в мелкое изображение в пару квадратных сантиметров. Его кровать. На

ней лежал человек. Действительно ли это было то, что ему казалось? Подошва, торс, волосы. Сказать было трудно. Тело не двигалось.

— Полин, ты слышишь что-нибудь в комнате?

— Вентиляцию, электричество.

— Включи мне, что ты слышишь, на полной громкости.

Он склонил голову на левый бок скафандра, прижавшись ухом к динамику. Шипение, свист, помехи. При передаче звуков такого рода возникало очень много ошибок, особенно если использовались эти пострадавшие от коррозии старые гнезда. Но дыхания он точно не слышал.

— Полин, ты можешь войти в систему наблюдения Андерхилла, найти камеру, направленную на дверь нашего отсека, и передать изображение мне на руку?

Он руководил установкой системы безопасности в Андерхилле всего пару лет назад. Полин до сих пор хранила все планы и коды и благодаря этому достаточно быстро смогла заменить изображение на его панели тем, что поступало из камеры, расположенной под потолком в многокомнатном номере снаружи его комнаты. Свет в номере был включен, дверь закрыта. Больше ничего сказать было нельзя.

Он опустил руку и задумался. Прошло целых пять минут, прежде чем он снова взглянул на наручную панель и стал посредством Полин отдавать распоряжения системе безопасности Андерхилла. Знание кодов позволило ему стереть записи всех камер и запрограммировать их на часовое наблюдение вместо обычного восьмичасового. Затем он отдал команду двум роботам-уборщикам подъехать к его комнате и открыть дверь. Пока они это проделывали, он стоял и дрожал, ожидая, пока они медленно катились по сводчатым помещениям. Когда они открыли его дверь, он увидел их маленьким глазом Полин: комната наполнилась светом, и ему стало гораздо лучше видно. Да, на кровати лежал мужчина. Джон задышал чаще. Он управлял роботами с помощью кнопок на своей панели. Они двигались рывками, но, если бы попытка поднять мужчину разбудила того, стало бы намного лучше.

Но он не просыпался. Мужчина перекатывался на руках робота, поднимавших его с алгоритмической точностью. Тело свисало вниз. Он был мертв.

Джон медленно сделал глубокий вдох, собрался и продолжил управление, приказав первому

роботу положить тело в большое мусорное отделение второго робота. Отправить их по коридору обратно в их складской отсек было нетрудно. Пока они ехали туда, мимо прошло несколько человек, но с этим он ничего поделать не мог. Тело можно было увидеть, только если смотреть сверху, но, к счастью, никто не обратил на них внимания и вряд ли смог бы вспомнить их позже.

Приведя их на склад, он не знал, что делать дальше. Отвезти тело в мусоросжигательную печь в Алхимическом квартале? Нет: теперь оно находилось далеко за пределами его комнаты и в этом не было необходимости. Тут ему впервые стало интересно, кем был этот человек Он дал первому роботу команду рассмотреть правое запястье мужчины магнитным считывателем. Механический глаз не сразу нашел нужное место на руке. А затем получил нужную информацию. Крошечный чип, имплантированный в кость каждого, содержал сведения, зашифрованные с помощью стандартного точечного кода, и Полин понадобилась всего минута, чтобы установить личность. Яшина Муй, аудитор УДМ ООН, проживающий в Андерхилле, прибыл в 2050 году. Реальный человек. Мог бы жить еще тысячу лет.

Джона затрясло. Он прислонился к отшлифо-

ванной стене из голубого кирпича. Зайти внутрь он сможет только через час — или чуть меньше. Он раздраженно сдвинулся с места и начал обходить квадрант по кругу. Обычно такой круг занимал минут пятнадцать, но сейчас он заметил, что укладывался и в десять. После второго круга он решил пройти в трейлерный парк.

Лишь два из старых трейлеров по-прежнему оставались здесь, и те, судя по всему, были брошены или использовались как склады. Между ними из ночной пыли выплыли фигуры, и Джон на мгновение испугался, но они прошли мимо. Он вернулся к квадранту и снова обошел его вокруг, затем вышел на тропинку, что вела к Алхимическому кварталу. Там он встал, глядя на устаревший комплекс туннелей, трубопроводов и приземистых белых строений, исписанных черными, выведенными каллиграфическим почерком уравнениями. Ему вспомнились первые годы. Но теперь было настоящее — казалось, он и глазом не успел моргнуть. Стоял сумрак Великой бури. Цивилизация, продажность, кризис. Убийство на Марсе. Он заскрежетал зубами.

Прошел уже час, было девять вечера. Он вернулся к шлюзу и вошел внутрь. В раздевалке снял скафандр, прогулочник, ботинки и белье, принял

душ, обсушился, надел комбинезон и причесался. Сделал глубокий вдох, прошел вдоль южной стороны квадранта и поднялся мимо других отсеков, пока не достиг того, в котором располагалась его комната. Еще открывая дверь, он без удивления заметил, что к нему приближались четверо следователей УДМ ООН, но попытался все же изобразить удивление, когда ему приказали остановиться.

— В чем дело? — спросил он.

Среди них не было ни Хьюстона, ни Чанга, но были другие трое мужчин и одна женщина из той первой группы, что была в Лоу-Пойнте. Мужчины сгрудились по бокам от него, не отвечая ему, и, когда открыли дверь, двое сразу вошли внутрь. Джон сдержался, чтобы не ударить их, не повысить на них голос или не рассмеяться выражению их лиц, когда они увидели, что комната пуста. Он просто с любопытством смотрел на них, стараясь ограничиться гневом, который проявил бы, если бы совершенно не понимал происходящего. Гнев, разумеется, должен быть сильным, и, если бы он позволил ему выплеснуться наружу, было бы уже трудно сдерживаться, не превышая допустимого уровня. На них следовало накричать как на чересчур рьяных полицейских, но не набрасываться,

как на тех, кто убил человека.

Пока они недоумевали от непредвиденной ситуации, ему удалось выпроводить их несколькими колкими репликами, а потом он закрыл дверь и уселся посреди комнаты.

— Полин, скачай, пожалуйста, то, что сейчас происходит в системе безопасности и сохрани себе. И покажи мне камеры, которые снимают этих людей.

И Полин выследила их. Уже через две минуты они вошли в комнату с мониторами, где к ним присоединились Чанг и остальные. Там они принялись просматривать записи. Джон сидел перед экраном Полин и наблюдал, как они прокручивают часовую запись, а потом обнаруживают, что она длилась всего час и что дневные записи стерты. Теперь им было над чем подумать. Он зловеще улыбнулся и велел Полин выйти из системы.

На него волной накатила усталость. Было всего одиннадцать часов, но весь адреналин и утренняя доза омегендорфа улетучились, и теперь он чувствовал себя изможденным. Он сел на кровать, но, вдруг вспомнив, что здесь недавно лежало, вскочил. И в итоге решил спать на полу.

В минуты временного сброса его разбудил Спен-

сер Джексон, сообщивший новость о том, что в мусорном отделении робота обнаружен труп. Обессиленный, он пришел в медпункт, где встал рядом со Спенсером и пристально посмотрел на тело Яшики Муя, в то время как несколько следователей сверлили его глазами. Диагностическое оборудование было столь же эффективным в патологической анатомии, что и в любой другой области, — а то и лучше, — и сейчас, взяв образец крови, выявило содержание в ней коагулянта. Джон мрачным тоном приказал провести полную экспертизу: необходимо просканировать тело и одежду Муя, сопоставить все микроскопические частицы с его геномом, затем проверить инородные частицы на соответствие по списку всех, кто в тот момент находился в Андерхилле. Отдавая распоряжение, Джон пристально смотрел на следователей, но те и глазом не повели. Вероятно, они действовали в перчатках и прогулочниках, а то и сделали все дистанционно, как он. Ему пришлось отвернуться, чтобы скрыть свое отвращение, он не мог дать им понять, что обо всем знал!

Но раз они оставили тело в его комнате, то должны были подозревать, что именно он его оттуда убрал и стер записи с камер. Выходит,

они понимали, что он знал, — или подозревали это. Но не могли быть уверены и выдавать себя не хотели.

Час спустя он вернулся в свою комнату и снова лег на пол. Несмотря на то, что все еще был изнурен, он не смог уснуть. Он смотрел в потолок и думал. Думал обо всем, что узнал.

Ближе к рассвету он почувствовал, что во всем разобрался. Махнув рукой на сон, он поднялся и вышел на очередную прогулку: ему хотелось оказаться снаружи, вне мира людей и его болезненной испорченности, среди сильнейших порывов ветра, отчетливо видимых благодаря летающей пыли.

Но, когда он выбрался из шлюза, над головой светили звезды. Целая сеть их — тысячи звезд горели, как в старые времена, без малейших миганий и мерцаний, и даже самые слабые были так различимы, что черное небо казалось слегка белесым, будто все его заполнял собой Млечный Путь.

Когда он справился с изумлением и почти забыл об увиденном чуде, он позвонил по внутренней связи и сообщил новость.

Это вызвало настоящее столпотворение. Люди узнавали и будили друзей, выбегали в разде-

валки, чтобы захватить прогулочники, пока те еще были. Теперь шлюз постоянно открывался и выпускал целые толпы.

Небо приняло темно-розовый оттенок и уже начинало тлеть, а на востоке быстро светлело. Сотни звезд исчезали, пока с восточной стороны не остались только Венера и Земля, выделяющиеся при растущей силе света. Небо становилось все ярче и ярче, пока не показалось, что оно стало таким ярким, каким только мог быть день: даже под забралом глаза слезились, и некоторые при этом зрелище не могли сдерживать возгласов на общей частоте. Люди носились повсюду, бормоча что-то по внутренней связи, а небо становилось до невозможности ярким, а потом ярче и еще ярче, пока не стало казаться, будто оно вот-вот вспыхнет. Оно пульсировало сияющим розовым светом, затмившим собой последние две крапинки — Венеру и Землю. Затем солнце пробило горизонт и разлилось по равнине, точно как термоядерная бомба, и люди с шумом принялись скакать среди длинных черных теней, отбрасываемых камнями и зданиями. Восточные стены превратились в огромные блоки, окрашенные в излюбленные цвета фовистов, с ошеломляющим блеском мозаик, на которые невозможно было

свободно смотреть. Воздух был прозрачным как стеклышко и казался твердым телом, наполненным чем-то, излучавшим предельную ясность.

Джон покинул толпу и направился на восток в сторону Чернобыля. Выключил связь. Розовое небо было более насыщенным, чем он помнил, а прямо над головой и вовсе имело пурпурный оттенок. В Андерхилле все сходили с ума. Многие из здешних никогда не видели солнечного света на Марсе, и теперь им казалось, будто при Великой буре проходила вся их жизнь. Но теперь буря закончилась, и они бродили по округе, упиваясь этим светом, скользя по розовому льду, играя в снежки из желтого снега, взбираясь на обледеневшие ступени пирамид. Увидев это, Джон сам решил взобраться на пирамиду, чтобы осмотреть холмы и низины в окрестностях Андерхилла. Они были покрыты льдом и занесены наносами, но в остальном ничем не изменились. Он включил общую частоту, но тут же выключил: люди, оставшиеся внутри, вопили, желая получить прогулочники, но те, кто оставались снаружи, не обращали на их просьбы внимания. Он тряхнул головой: пронзительные крики вызвали в памяти тело, лежавшее на его кровати, и радоваться больше не хотелось.

Наконец он вернулся внутрь и отдал свой прогулочник паре женщин его габаритов, которые тут же принялись спорить, кто из них наденет его первой. Джон вернулся в центр коммуникаций и позвонил Саксу в Эхо-Оверлук. Когда тот ответил, он поздравил его с окончанием бури.

Сакс небрежно отмахнулся, будто это уже несколько лет как произошло.

— Они высадились на Амор 2051B, — сказал он.

Так назывался ледяной астероид, избранный для входа в орбиту Марса. Теперь на него устанавливали ракеты, которые должны были вынести его на курс, близкий к траектории «Ареса». Без теплового щита он должен был сгореть при аэродинамическом торможении. Все складывалось удачно, и проект предполагалось завершить через шесть месяцев. Вот *это* уже были важные новости, намекнул Сакс, как обычно сощурившись. Великая буря уже была в прошлом.

Джон не мог не рассмеяться. Но затем вспомнил о Яшине Муе и рассказал об этом Саксу — чтобы испортить праздник и ему. Сакс лишь поморгал.

— Это становится серьезным, — наконец заключил он. Джон, испытывая отвращение, попрощался и оборвал связь.

Переполняемый яростно борющимися меж-

ду собой хорошими и плохими чувствами, он побрел обратно через своды. Вернулся в свою комнату, принял омегендорф и один из новых пандорфов, которые дал ему Спенсер, затем вышел из центрального атриума и стал ходить среди растений — тощих порождений бури, тянущихся к лампам, висящим над головой. Небо все еще было прозрачным, темно-розовым, но очень ярким. Многие из тех, кто сначала выбрался наружу, теперь вернулись и вышли в атриум, где веселились посреди высаженных рядов. Он наткнулся на пару друзей, нескольких знакомых, но в основном здесь были незнакомцы. Затем вернулся под своды и стал проходить мимо комнат, полных незнакомых людей, которые иногда приветствовали его возгласами. Если они слишком настойчиво призывали его произнести речь, он взбирался на стул и что-то им тараторил, ощущая прилив эндорфинов, которые в этот день вели себя совершенно непредсказуемо, учитывая его мысли об убитом мужчине. Иногда в нем поднималась такая страсть, что он не знал, что скажет дальше, пока эти слова не срывались с его губ. «В день, когда закончилась буря, мы видели в доску пьяного Джона Буна», — скажут потом они. Он же думал: «Ладно, пусть говорят, что им вздумается».

Когда дело касалось легенд, то, что он делал на самом деле, все равно не имело значения.

В одной из комнат расположилась компания египтян, не похожих на суфистов традиционных мусульман. Они быстро щебетали и распивали кофе чашками, одурманенные кофеином и солнечным светом, сияя белоснежными улыбками из-под усов. В этот раз они были чрезвычайно радушны и искренне рады его видеть. Также почувствовав расположенность к ним, окрыленный событиями дня Джон произнес:

— Итак, мы часть нового мира. Если вы не действуете, опираясь на реальность Марса, значит, вы своего рода шизофреники, которые телом находятся на одной планете, а духом — на другой. Ни одно общество, разделенное таким образом, не способно долго продержаться.

— Ладно, ладно, — сказал один из египтян с улыбкой. — Вы должны понимать, что мы и раньше были кочевниками. Такой уж мы народ. Но, кем бы мы ни были, Мекка остается родным домом для нашего духа. Даже если мы улетим на край вселенной, это не изменится.

Ответить на это было нечего. Более того, такая честность казалась даже более прозрачной, чем небо, которое он видел этой ночью, и он смог,

кивнув, лишь сказать:

— Да, я понимаю.

Да, их позиция была честной, особенно если сравнить ее со всем этим западным лицемерием, когда люди говорят о выгоде, молятся за завтраком, не могут объяснить, во что они верят, считают свои ценности физическими постоянными и, как Фрэнк, говорят: «Так уж устроен наш мир».

И Джон остался, чтобы еще немного побеседовать с египтянами, а когда покинул их, чувствовал себя гораздо лучше. Он побрел обратно в свой отсек, слыша доносящиеся из каждой комнаты бойкие голоса, крики, радостные возгласы ученых («это такие галофиты, что не любят рассол только потому, что в нем слишком много воды»), разливы смеха.

У него мелькнула мысль… Спенсер Джексон жил в соседнем с Джоном отсеке и сейчас как раз был там. Джон ворвался к нему и поделился идеей.

— Мы должны собрать всех и устроить большое празднование окончания бури. Марсианские группы всех мастей, ну или все, кто сможет приехать. Все, кто этого захочет.

— Где?

— На горе Олимп, — не колеблясь, ответил он. — Может быть, получится затащить туда Сакса, когда прилетит его ледяной астероид, и посмотрим оттуда.

— Отличная мысль! — согласился Спенсер.

≈ * ≈

Гора Олимп — это щитовой вулкан, то есть его конус в основном пологий, а огромная высота достигается благодаря еще более огромной ширине. Он на двадцать пять километров превышает окружающую его равнину, но в ширину тянется на восемьсот километров, то есть средний уклон составляет всего шесть градусов. По периметру его основной части имеется круглый уступ примерно в семь километров высотой, и этот выдающийся склон, который вдвое выше, чем Эхо-Оверлук, на многих участках почти вертикален. Некоторые из этих мест уже привлекли нескольких альпинистов, но никому пока не удалось покорить Олимп. Для большинства же жителей планеты он оставался огромным препятствием на пути к кратеру вулкана. Те, кто путешествовал по земле, поднимались по широкому уклону со стороны севера, где один из последних потоков лавы перекинулся через обрыв. Ареологи рассказывали истории о том, как это предположительно должно выглядеть: река плавленого камня в сто километров шириной, слишком яркая, чтобы на нее смотреть,

падала с высоты семи тысяч километров на черную низину, уже покрытую застывшей лавой и поднимающуюся все выше и выше. Разливаясь, лава оставила на склоне не более чем мелкую неровность в том месте, где уступ был чуть выше. Подниматься здесь легко, а после, проехав километров двести в гору, окажешься у края кальдеры.

Верхняя часть кратера Олимпа была такой широкой и пологой, что, хоть с нее и открывался превосходный вид на многоступенчатую кальдеру, с противоположной стороны ничего нельзя было увидеть. Выглядывая наружу, видеть можно было лишь внешний край кратера и небо. Но на южной стороне края находился небольшой метеоритный кратер, не имевший названия, но обозначавшийся на карте как THA-Zp. Внутренняя его часть защищена от слабого струйного течения газов, присутствовавшего на Олимпе, и если встать на южной стороне его свежего, заостренного края, можно было, наконец, увидеть склон вулкана и огромную равнину западной Фарсиды. Смотреть на планету с той позиции все равно что с платформы в верхней части атмосферы.

Астероид летел на рандеву с Марсом почти девять месяцев, и у новости о праздновании,

затеянном Джоном, было время, чтобы хорошенько разойтись по планете. И люди приехали караванами по два, пять, десять марсоходов, поднявшись по северному скату, а затем, обогнув край, выбравшись на внешнюю сгорю ну южного склона Zp. Там установили множество больших дугообразных шатров с прозрачными стенами и полами в двух метрах над землей, жестко закрепленными на таких же прозрачных колоннах. Это были временные сооружения новейшего типа, и их дуги внутренней стороной оказались направлены в гору, поэтому, когда все было установлено, получился ряд полумесяцев, сложенных, будто лестницы, словно оранжереи на террасированном склоне, с которых открывался вид на обширный участок погруженной в бронзовые цвета планеты. На протяжении целой недели каждый день прибывали караваны, над длинными склонами поднимались дирижабли, которые затем вставали на якоря внутри Zp, отчего тот стал походить на связку воздушных шариков.

Количество людей удивило Джона: он ожидал, что до столь удаленного места сумеют добраться лишь несколько его друзей. Это в очередной раз доказывало несостоятельность его оценки

нынешней численности населения планеты. Поразительно, но всего приехало около тысячи человек. Впрочем, очень многие лица были ему знакомы, многих он знал по именам. Так что в некотором роде мероприятие стало собранием друзей. Будто родной городок, о существовании которого он прежде не знал, внезапно вырос из земли вокруг него. Прибыли и многие из первой сотни, всего человек сорок, среди них — Майя и Сакс, Энн и Саймон, Надя и Аркадий, Влад с Урсулой и остальными ахеронцами, Спенсер, Алекс, Джанет, Мэри, Дмитрий, Елена и другие с Фобоса, Арни, Саша, Илья и еще несколько человек Некоторых из них он не видел уже двадцать лет. Были все, с кем он был близок, — кроме Фрэнка, который сказал, что слишком занят, и Филлис, вообще не ответившей на приглашение.

Кроме самых близких из первой сотни Джон встретил здесь множество старых друзей, приехали и друзья его друзей — появились толпы швейцарцев, включая кочующих строителей дорог, японцы из разных уголков планеты, бóльшая часть всех русских, друзья-суфисты. Все они рассредоточились на уступчатых полумесяцах шатров такими же группами, как ехали в караванах и летели на дирижаблях, время от времени

выбегая через шлюзы, чтобы поприветствовать новоприбывших.

Многие из них целыми днями бродили по окрестностям, собирая осколки камней этого выдающегося плавного склона. При падении метеорита Zp здесь повсюду разлетелись куски брекчиевой лавы и образовались конусы растрескивания, похожие на глиняные черепки, одни беспросветно черные, другие яркие, кроваво-красные или покрытые крапинками импактных алмазов. Греческая команда ареологов начала выкладывать их в ряд на земле под высоким полом своего шатра, а с собой у них была небольшая печь для обжига, и с ее помощью они сделали себе пол из желтых, зеленых и голубых фрагментов. Эту идею подхватили другие, и через два дня каждый из прозрачных шатров стоял на красочных мозаичных паркетах с изображениями схематичных карт, птиц и рыб, фракталов, картин Эшера, каллиграфически выведенных тибетских надписей вроде «Ом мани падме хум»[71], карт планеты и ее регионов, уравнений, человеческих лиц, пейзажей и прочего.

Джон проводил время, слоняясь от одного

---

[71] Примечания: 71

Одна из самых известных мантр в буддизме Махаяны.

шатра к другому, общаясь с людьми и наслаждаясь праздничной атмосферой, которая, однако, не исключала разногласий, коих было достаточно, — но большинство проводило время за пирушками, попойками, прогулками с экскурсиями по извилистой поверхности старых лавовых потоков, выкладыванием мозаичных полов и танцами под музыку различных любительских групп. Лучшей из них была группа, игравшая на магниевых барабанах; инструменты — местные, музыканты — с Тринидада и Тобаго, страны пресловутого транснационального «удобного флага» с мощным движением сопротивления, которое они и представляли. Были здесь и западный коллектив, играющий кантри с классным слайд-гитаристом, и ирландская группа с самодельными инструментами и многочисленным, меняющимся от песни к песне составом. С таким количеством участников музыкальная программа могла продолжаться практически без перерывов. Эти три группы были окружены толпой танцующих, а шатры, что они занимали, поистине превратились в нечто пульсирующее, будто были целиком наполнены изяществом и богатством музыки, гравитации, окружающих пейзажей.

Это был великолепный фестиваль, и Джон был доволен, прекрасно проводя каждую минуту в этом месте. Ему не требовались ни омегендорф, ни пандорф, и, когда Мэриэн вместе с компанией из Сензени-На подозвали его в уголок и стали передавать таблетки по кругу, он лишь усмехнулся.

— Не думаю, что сейчас мне это нужно, — сказал он молодым затейникам и слабо махнул рукой. — Это все равно что возить уголь в Ньюкасл.

— Возить уголь в Ньюкасл?

— Он имеет в виду — возить вечномерзлые грунты на Великую Северную.

— Или выпускать еще CO_2 в атмосферу.

— Заливать лаву в Олимп.

— Сыпать еще больше соли в проклятую землю.

— Добавить оксида железа в любое место на этой чертовой планете!

— Именно! — рассмеялся Джон. — Кажется, я и так уже радикально раскраснелся.

— Но не так радикально, как эти ребята, — возразил один из них, указывая на запад. Над склоном вулкана вереницей поднималась тройка песочного цвета дирижаблей. Они, устаревшие, были небольшого размера и на вызовы по радио

не отвечали. Ко времени, когда они подлетели к краю Zp и встали на якоря среди более крупных и ярких дирижаблей, находившихся внутри кратера, все дожидались, пока наблюдатели возле шлюза скажут, кто это такие. Когда же гондолы раскрылись и наружу вышли человек двадцать, одетые в прогулочники, повисло молчание.

— Это Хироко, — вдруг сообщила Надя на общей частоте.

Представители первой сотни стали быстро протискиваться к верхнему шатру, выглядывая в пешеходный тоннель, проходивший над краем кратера. Затем новые гости спустились по трубе к шлюзу, прошли его и оказались внутри. Да, это была Хироко, а вместе с ней — Мишель, Евгения, Ивао, Джин, Эллен, Риа, Рауль и целая толпа молодых.

Воздух пронзило многоголосие криков и возгласов, люди бросились обниматься, некоторые разрыдались, но прозвучало и немало обвинений. Сам Джон не удержался от того, чтобы обнять Хироко, после тех переживаний, что он испытывал, когда ездил на марсоходе, желая с ней поговорить; теперь же он взял ее за плечи и чуть ли не затряс, готовый выплеснуть резкие слова в ее адрес, но ее ухмыляющееся лицо оказалось таким

же, что сохранилось в его воспоминаниях, но в то же время другим — оно стало более худощавым и покрылось морщинами. Но это, несомненно, была она. Ему казалось, будто ее лицо меняется и перетекает от того облика, какой он ожидал увидеть, до того, каким оно стало. Он пришел в такое недоумение от этой галлюцинации (и собственных чувств), что сумел лишь воскликнуть:

— О, как же я хотел тебя увидеть!

Я тоже, — ответила она, но ее было трудно расслышать в общем гомоне. Надя пыталась вклиниться между Мишелем и Майей, пока последняя снова и снова кричала: «Почему ты мне не сказал?!» — а потом ударилась в слезы. Это отвлекло Джона, но затем, выглянув через плечо Хироко, он увидел лицо Аркадия, словно говорившее. «На вопросы будем отвечать потом», — и потерял ход мыслей. Им еще предстояли трудные разговоры… Но пока — они были здесь! Здесь были они. Под шатрами, среди шума в двадцать децибел. Они отмечали свое воссоединение.

Позже в тот же день Джон созвал первую сотню — теперь она насчитывала почти шестьдесят человек. Они собрались под самым высоким шатром, откуда могли видеть и остальных гостей, и лежащие внизу земли.

Все здесь было гораздо масштабнее Андерхилла и каменистой равнины вокруг него. Все изменилось: казалось, весь мир вместе с цивилизацией значительно вырос в размерах и стал более сложным. Тем не менее первопроходцы оказались вместе, они вглядывались в знакомые, но изменившиеся лица друг друга, замечая признаки старения: время образовало на их лицах складки, будто они жили в масштабе геологического времени, и это придавало им понимающий взгляд, будто они могли видеть водоносные слои грунта невооруженным взглядом. Большинство из них уже разменяли восьмой десяток. И мир действительно стал во многих отношениях крупнее: ведь теперь появилась возможность того, что, если повезет, они смогут видеть друг друга стареющими очень долго. Осознание такой перспективы давало странное ощущение.

И они топтались на месте, поглядывая на людей, оставшихся внизу, и дальше — на пятнистый оранжевый ковер, покрывавший планету. Повсюду быстрыми хаотическими волнами разносились разговоры, создавая интерференционные узоры, а иногда все одновременно замирали и стояли молча, потрясенные, ошеломленные, расплываясь в улыбке, будто дельфины. Люди под

нижними шатрами изредка поднимали на них горящие любопытством взгляды, смотря сквозь пластиковые своды и стараясь стать свидетелями исторической встречи.

— Наконец они расселись на стульях, и по рукам пошли сыр, крекеры, бутылки красного вина. Джон облокотился на спинку и осмотрелся. Аркадий положил одну руку на плечо Майи, вторую на Надино плечо, и втроем они смеялись над какой-то фразой Майи. Сакс моргал с совиным удовольствием, а Хироко лучезарно улыбалась. Джон не видел ее такой в первые годы. Было непростительно портить такое настроение, но больше такого случая не представится, а настроение потом вернется. И, когда выдался момент тишины, он отчетливо и громко заметил Саксу: Я могу сказать тебе, кто стоит за саботажем.

— Можешь? — Сакс прищурился.

— Да, — он посмотрел Хироко в глаза. — Это твои люди, Хироко.

Это охладило ее чувства, но улыбка осталась — только стала сдержанной, ее старой улыбкой для своих.

— Нет-нет, — спокойно ответила она и отрицательно покачала головой. — Ты знаешь, я не стала бы этого делать.

— Я так и думал. Но твои люди занимаются этим без твоего ведома. Твои дети, если точнее. Они вместе с Койотом.

Сощурившись, она метнула быстрый взгляд на тех, кто находился внизу. Когда она снова посмотрела на Джона, тот продолжил:

— Ты вырастила их, да? Оплодотворила свои яйцеклетки и вырастила in vitro?[72]

Выдержав паузу, она кивнула.

— Хироко! — воскликнула Энн. — Ты же понятия не имеешь, насколько приемлемо работает этот эктогенный процесс!

— Мы испытали его, — ответила Хироко. — Дети выросли здоровыми.

Теперь вся группа сидела молча и следила за Хироко и Джоном.

— Может, и так, — сказал он, — но некоторые из них не разделяют твоих идей. Они делают все по-своему, как обычные дети. У них вставлены каменные клыки, верно?

Хироко поморщилась.

— Это коронки. Скорее, из композита, чем из настоящего камня. Дурацкая мода.

— А еще это что-то вроде знака отличия. На

---

[72] Примечания: 72
В стекле *(лат.)*.

поверхности живут люди, которые подхватили все это, которые поддерживают связь с твоими детьми и помогают им заниматься саботажем. Они чуть не убили меня в Сензени-На. У моего проводника там тоже был каменный клык. Полагаю, то, что мы оказались в шахте, когда туда упал самосвал, было случайностью. Я не подал им никакого знака, что собираюсь туда спускаться, поэтому думаю, что все было спланировано до того, как я там оказался. Окакура, вероятно, потом спускался в шахту, опасаясь, что его там раздавят, как жука.

После очередной паузы Хироко спросила:

— Ты уверен?

Вполне. Сначала это долго сбивало с толку, потому что это не только они — здесь происходит кое-что еще. Но когда я вспомнил, где впервые увидел каменный зуб, я проверил и узнал, что груз со стоматологическим оборудованием, прибывший с Земли в 2044 году, оказался совершенно пуст. Целый грузовой аппарат был разграблен. Тогда я подумал, что наткнулся на кое-что интересное. Потом случаи саботажа продолжали происходить в тех местах и в то время, когда никто, кто находился в сети, не мог этого совершить. Как в тот раз, когда я приехал к Мэри на родники

в районе Жемчужной земли и там произошел взрыв. Было ясно, что это не мог сделать никто из присутствовавших на станции — такое попросту невозможно. Однако станция весьма удаленная, и никто больше не мог оказаться поблизости. Следовательно, это кто-то, кого нет в сети. И я подумал на тебя.

Он с извиняющимся видом пожал плечами.

— Если проверять дальше, можно также заметить, что примерно в половине случаев саботаж просто не мог устроить кто-либо отмеченный в сети. А во второй половине в той области обычно обнаруживался кто-нибудь с каменными зубами. Сейчас такие зубы становятся очень распространенным явлением, но тем не менее.

Я выяснил, что это были вы, и провел на компьютере анализ, который показал, что примерно три четверти случаев произошло в низинах южной атмосферы либо в пределах круга хаотического района радиусом в три тысячи километров с центром на восточной окраине долин Маринер. В этом круге много поселений, но все равно хаос представляется мне самым логичным местом, где могли бы скрываться саботажники. А мы уже давно вычислили, что именно туда вы все ушли, когда покинули Андерхилл.

На лице Хироко не отразилось никаких чувств. Наконец она произнесла:

— Я с этим разберусь.

— Хорошо.

— Джон, — вмешался Сакс, — ты сказал, что здесь происходит кое-что еще?

Джон кивнул.

— Видишь ли, дело не только в саботаже. Кто-то пытается меня убить.

Сакс заморгал, а остальные потрясенно замерли.

— Сначала я думал, что саботажники, — сказал Джон, — таким образом пытаются остановить мое расследование. Это имело смысл, и первый случай действительно был саботажным действием, поэтому легко было все спутать. Но сейчас я вполне уверен, что тогда произошла ошибка. Саботажникам не нужна моя смерть — они уже могли меня убить, но не сделали этого. Однажды ночью их группа остановила меня — среди них был твой сын, Касэй, и Койот, которого, насколько я понимаю, ты прятала на «Аресе»…

Это вызвало волну беспокойства — многие давно подозревали, что у них был безбилетный пассажир, а Майя даже с криком вскочила на ноги и торжествующе указала пальцем на Хи-

роко. Джон заглушил всех, повысив голос, и продолжил:

— Их посещение!.. их посещение… стало лучшим доказательством моей теории о саботажах, так как мне удалось получить кусочек кожи одного из них и, прочитав его ДНК, я сравнил его с некоторыми другими образцами, найденными на некоторых местах, где зафиксированы случаи саботажа, и оказалось, что этот человек был и там. Выходит, это они устраивали саботаж, но было очевидно, что убить меня они не пытались. Но однажды ночью в Лоу-Пойнте на меня напали и порезали прогулочник.

Он кивнул в ответ на возгласы своих друзей.

— Это было первое намеренное нападение на меня, и случилось оно очень скоро после того, как я побывал на горе Павлина, где поговорил с Филлис и кучкой транснационалов об интернационализации лифта и прочем.

Аркадий усмехнулся, но Джон не обратил на него внимания и продолжил:

— После этого меня несколько раз дергали следователи из УДМ, которым Гельмут разрешил сюда прилететь под давлением тех же транснационалов. Что любопытно, я выяснил, что на Земле эти следователи работали на «Армскор»

или «Субараси», а не на ФБР, как сказали мне. А это именно те корпорации, которые больше всех заинтересованы в проекте лифта и разработке Великого Уступа. И сейчас у них повсюду здесь появились свои люди, отвечающие за безопасность, и слоняющаяся по планете команда так называемых следователей. Затем, перед самым окончанием большой бури, некоторые из этих следователей пытались подставить меня, чтобы обвинить в убийстве, которое произошло в Андерхилле. Да, именно так! У них ничего не вышло, но я не могу с точностью доказать, что это сделали они, хотя видел двоих из них на месте перед происшествием. И все-таки я считаю, что они сами убили того человека, чтобы доставить неприятности мне. Чтобы убрать меня с пути.

— Тебе нужно рассказать об этом Гельмуту, — сказала Надя. — Если мы создадим единый фронт и будем настаивать, чтобы этих людей отправили обратно на Землю, нас не смогут игнорировать.

— Я уже не знаю, насколько велика реальная власть Гельмута, — ответил Джон. — Но попытаться стоит. Я хочу, чтобы их вышвырнули с планеты. А тех двоих я записал на камеры в Сензени-На — как они вошли в медклинику и возились там с роботами-уборщиками, перед тем

как пришел я. Так что косвенные улики против них сильны, насколько это возможно.

Остальные не совсем понимали, что со всем этим делать, но оказалось, что представители разных групп УДМ ООН также донимали и других — Аркадия, Алекса, Спенсера, Влада и Урсулу, даже Сакса. Поэтому они быстро согласились с тем, что попытаться выдворить следователей — хорошая мысль.

— А выдворение для тех двоих — лучшее, на что они могут рассчитывать, — горячо добавила Майя.

Сакс же просто нажал на свою наручную панель и позвонил Гельмуту. Изложил ему ситуацию — при этом остальные, рассерженные, время от времени вносили свою лепту в рассказ.

— Если ты не посодействуешь, мы сообщим обо всем земной прессе, — заявил Влад.

Гельмут нахмурился и, сделав паузу, ответил:

— Я разберусь. Те агенты, на которых вы жалуетесь конкретно, непременно отправятся домой.

— Прежде чем их отпустить, сделай им тест ДНК, — посоветовал Джон. — Того человека в Андерхилле убил один из них — я в этом уверен.

— Сделаем, — значительно пообещал Гельмут.

Сакс выключил связь, и Джон снова оглядел

круг своих друзей.

— Хорошо, — сказал он. — Но для того, чтобы добиться всего, чего мы хотим, нам одного звонка Гельмуту недостаточно. Настала пора действовать вместе, вопреки всем разногласиям, — только так мы добьемся того, чтобы договор продолжил действие. Это задача-минимум. Отправная точка для всего остального. Нам необходимо сформировать единую политическую силу, несмотря на все возможные расхождения во мнениях.

— Наши усилия не имеют никакого значения, — спокойным тоном заметил Сакс, но его тут же заткнули, подняв недовольный шум, в котором ничего нельзя было разобрать.

— Имеют! — вскричал Джон. — У нас столько же шансов, сколько у любого из тех, кто решает, что здесь происходит.

Сакс с сомнением покачал головой, но остальные прислушались к Джону. Большинство, казалось, с ним согласились: Аркадий, Энн, Майя, Влад, и каждый смотрел на это со своей точки зрения… Он видел по их лицам, что изменения возможны. Лишь Хироко была непроницаема: ее лицо ничего не выражало и пробуждало целый ворох острых воспоминаний. Она всегда была

такой в отношении Джона, и вдруг это вызвало у него боль и разочарование, отчего он пришел в раздражение.

Он встал и взмахнул рукой. Близился закат, и огромную бугристую поверхность планеты покрыли темные пятна.

— Хироко, можно поговорить с тобой наедине? Недолго. Давай спустимся к нижнему шатру. Я задам всего пару вопросов, и вернемся обратно.

Остальные с любопытством уставились на них. Под тяжестью этих взглядов Хироко наконец кивнула и вышла, опережая Джона, в туннель, который вел к следующему шатру.

Они стояли на вершине полумесяца нижнего шатра под взглядами сидящих выше друзей и случайных наблюдателей снизу. Шатер был почти пуст, люди уважали право первой сотни побыть наедине и оставили некоторое свободное пространство.

— У тебя есть предположения, как мне вычислить саботажников? — спросила Хироко.

— Можешь начать с парня по имени Касэй, — сказал Джон. — Того, в котором скрещены мы с тобой.

Она не смотрела на него.

Джон склонился к ней, в нем вскипала ярость.

— Полагаю, там есть дети от каждого мужчины из первой сотни?

Хироко наклонила голову набок и едва заметно пожала плечами.

— Мы взяли образцы от всех, кто их дал. Матерями стали все женщины в группе, отцами — все мужчины.

— Как ты могла сделать все это без разрешения? — продолжил Джон. — Сделать наших детей, не спросив нас, а потом убежать и скрыться — зачем? Зачем?

Хироко спокойно ответила на его взгляд.

— У нас есть видение того, какой может быть жизнь на Марсе. Но мы увидели, что она развивается по неправильному пути. То, что случилось после, доказало, что мы оказались правы. Поэтому мы посчитали, что сможем устроить собственную новую жизнь…

— Но разве ты не видишь, как это *эгоистично*? У каждого из нас было свое видение, мы все хотели разного и стремились к этому изо всех сил, а ты все то время, что тебя не было, создавала себе мирок для своей маленькой группы! Я это к тому, что нам могла пригодиться твоя помощь! Мне так часто хотелось поговорить с тобой! А теперь оказывается, у нас есть общий ребенок,

смесь нас с тобой, а ты не говорила мне об этом двадцать лет!

— Мы не хотели быть эгоистичными, — медленно проговорила Хироко. — Мы хотели испытать это, экспериментально показать, какой может быть жизнь здесь. Кто-то должен был показать, что ты имеешь в виду, когда говоришь о другой жизни, Джон Бун. Кто-то должен этой жизнью жить.

— Но если делать это тайно, никто этого не увидит!

— Мы никогда не собирались оставаться в тайне вечно. Положение ухудшалось, и мы держались в стороне. Но ведь сейчас мы здесь. И когда мы будем нужны, когда сумеем помочь, мы объявимся снова.

— Вы нужны каждый день! — решительно произнес Джон. В этом и суть жизни в обществе. Ты совершила ошибку, Хироко. Пока ты пряталась, шансы на то, чтобы Марс остался нашим, лишь ухудшились, и многие люди постарались ускорить процесс — в их числе и кое-кто из первой сотни. А что ты сделала, чтобы их остановить?

Хироко ничего не ответила, и он продолжил:

— Полагаю, ты немного тайно помогала Саксу. Я видел одну из твоих записок для него. Но этого

я тоже не одобряю: ты помогала одним и ничего не делала для других.

— Мы все так делаем, — сказала Хироко, и теперь, похоже, ей стало неудобно.

— У вас в колонии проводится геронтологическая терапия?

— Да.

— Вы получили лечение от Сакса?

— Да.

— Те дети знают, кто их родители?

— Да.

Джон, уже вне себя, покачал головой.

— Просто не могу поверить, что вы так поступили!

— Мы не спрашивали, сможешь ли ты в это поверить.

— Уж несомненно. Но неужели вас ничуть не смущает, что вы украли наши гены и вырастили наших детей, без нашего ведома, не спросив нашего согласия? Что вы воспитали их без нашего участия, полностью устранили нас от них?

Она пожала плечами.

— Ты можешь завести себе детей, если хочешь. А что до этих… Были кому-нибудь из вас нужны дети двадцать лет назад? Нет. Эта тема никогда не поднималась.

— Мы были слишком старыми!

Нет, не были. Просто решили об этом не думать. Невежество по выбору, знаешь ли, и это невежество многое говорит о том, что люди считают по-настоящему важным. Вы не хотели детей, поэтому и не знали о поздних родах. Но мы хотели и знали, поэтому изучили их техническую сторону. А когда ты увидишь результаты, думаю, поймешь, что это была хорошая идея. Я даже думаю, вы все нас еще поблагодарите. Чего вам это стоило, в конце-то концов? Эти дети наши. Но они связаны с вами генетически и с этих пор будут жить и для вас, как, скажем, неожиданный подарок. Весьма необычный подарок. — На ее лице возникла улыбка Моны Лизы, но тут же исчезла.

И снова подарок. Джон поразмыслил над этим.

— Ладно, — наконец произнес он. — Полагаю, мы еще долго будем об этом разговаривать.

В сумерках небо над горизонтом превратилось в темно-пурпурную полосу, которая, словно бархатная кайма, тянулась вдоль черного, усеянного звездами диска над их головой. Из нижних шатров доносились песни, заведенные суфистами:

— Хармахис, Мангала, Ниргал, Окакух! Хармахис, Мангала, Ниргал, Окакух! — повторяя снова и снова, украшая интонацией названия Марса на

разных языках. Им помогали музыканты, игравшие на всевозможных инструментах, и вскоре уже запели все, кто находился под шатром, — и всё наполнилось их песней. Затем суфисты начали кружиться, и в толпе образовались небольшие группки танцующих.

— Хотя бы теперь ты останешься со мной на связи? — спросил Джон и пристально посмотрел на Хироко. — Это ты мне позволишь?

— Да.

Они вернулись в верхний шатер, и затем вся группа присоединилась к празднику, спустившись на общую вечеринку. Джон медленно пробрался к суфистам и начал вращаться, как они его учили, чем вызвал одобрительные возгласы в свой адрес. А когда он кружился так сильно, что падал на зрителей, те подхватывали его. После одного из падений ему помог подняться узколицый мужчина с дредами — тот самый, который приходил той ночью в его марсоход.

— Койот! — воскликнул Джон.

— Это я, — признался мужчина, и у Джона от его голоса по спине пробежал холодок. — Но не нужно поднимать тревогу.

Он предложил Джону флягу, и после некоторого колебания тот принял ее и отпил. «Удача

помогает смелым», — подумал он. Судя по всему, там оказалась текила.

— Койот! — он попытался перекричать музыку, которую теперь исполняла группа с магниевыми барабанами.

Мужчина широко улыбнулся и кратко кивнул, взял флягу обратно и выпил.

— Касэй с тобой?

— Нет. Он не любит этот метеор, — сообщил он, дружески похлопав Джона по плечу, и двинулся в круговорот толпы. Обернувшись, Койот крикнул: — Веселись! Джон следил, как он исчезает среди лиц, чувствуя, как текила обжигает желудок. Суфисты, Хироко, теперь еще и Койот — встреча получилась что надо. Он увидел Майю и поспешил к ней; положил руку ей на плечо, и они пошли по шатрам и соединяющим помещения туннелям, и люди пили за их здоровье, когда они проходили мимо. Полужесткие перекрытия между шатрами мягко покачивались вверх-вниз.

Обратный отсчет достиг двух минут, и многие поднялись под верхние шатры, чтобы прижаться там к прозрачным стенам южной дуги. Предполагалось, что ледяной астероид быстро сгорит, так как подлетит по довольно крутой траектории. Вчетверо меньше Фобоса, он будет превращаться

в пар, а затем, когда станет совсем горячим, разлетится на молекулы кислорода и водорода. И все это произойдет за несколько минут. И никто не знал наверняка, как это будет выглядеть.

Так они и стояли, кое-кто продолжал распевать имена планеты снова и снова. Все больше людей начинали отсчитывать последние секунды вслух, и, когда осталось отсчитать последние десять, они сделали это громко, с усилием, будто были астронавтами. Когда прогрохотало последнее — «ноль!», в следующие три мгновения они затаили дыхание, их сердца стучали, но ничего не происходило. А затем над юго-западным горизонтом в атмосферу ворвался белый шар с горящим хвостом из белого огня. Огромный, как гобелен из Байё[73], он был ярче всех лун, зеркал и звезд, вместе взятых. Пылающий лед, тянущийся по небу, белое на черном, проносящийся быстро и низко, — так низко, что теперь он находился не выше их, сидящих на Олимпе, и что они уже видели, как от него откалывались белые глыбы и опадали, будто гигантские искры. Затем, где-то в середине атмосферы он развалился на части, и раскаленные языки пламени обрушились на во-

[73] Примечания: 73

Знаменитый средневековый гобелен, вышитый на льняном полотне длиной около 68 метров и высотой около 50.

стоке, рассыпавшись крупной дробью. Все звезды вдруг содрогнулись — раздался звуковой хлопок, ударив по шатрам и содрогнув их. Затем последовал еще один хлопок, и в следующее мгновение дико затряслись куски фосфора, срываясь в небо и исчезая над юго-восточным горизонтом. Их огненные хвосты протянулись за ними до самой поверхности, где и исчезли, после чего вновь стало темно, а ночное небо приняло вид, будто ничего не случилось. Лишь звезды продолжали мерцать во тьме.

Они так этого задали, но реальное действие заняло всего три-четыре минуты. Участники празднества следили за ним в основном молча, но, когда астероид раскололся, многие не смогли сдержать возгласов, как во время салюта; то же повторилось и при обоих звуковых хлопках. Теперь, когда вернулась тьма, повисло молчание, и люди остались стоять на местах. Что оставалось делать после такого эффектного зрелища?

И тут Хироко пробралась по шатрам к тому, в котором стояли Джон, Майя, Надя и Аркадий. По пути она негромко пела, но ее голос разносился по каждому шатру, что она проходила:

— Аль-Кахира, Арес, Барам, Касэй, Маадим, Маджа, Мамерс, Мангала, Моурт, Ниргал, Окакух,

Хармахис, Храд, Хуо Синь, Шал батану, Симуд и Тйу.

Она протиснулась сквозь толпу и встала прямо перед Джоном, лицом к нему, схватила его правую руку, подняла вверх и вдруг воскликнула:

— Джон Бун! Джон Бун!

Затем все стали его приветствовать и закричали: «Бун! Бун! Бун! Бун!», другие же скандировали: «Марс! Марс! Марс!»

Лицо Джона вспыхнуло, как метеор, а сам он был ошеломлен так, будто какой-то кусок угодил ему в голову. Его старые друзья засмеялись над ним, а Аркадий, изображая то, что ему казалось американским акцентом, завел: «Речь! Речь! Речь! Ре-е-ечь!» Скандирование тут же подхватили остальные.

Через некоторое время шум умолк, и они выжидающе взглянули на Джона, давясь от смеха при виде изумления на его лице. Хироко отпустила его руку, и он обреченно поднял вторую — теперь он держал их обе над головой, разведя пальцы в стороны.

— Что я могу сказать, друзья?! — воскликнул он. — Вы сами все видели, это невозможно описать словами. Для этого нужно придумать новые слова.

Его кровь бурлила от адреналина, текилы, омегендорфа и радости, и слова против его воли полились из него, как уже случалось с ним множество раз.

— Смотрите, — возвестил он, — вот мы и здесь, на Марсе!

Раздался смех множества людей, и Джон продолжил:

Это наш дар — огромный дар, причина, по которой мы все должны посвятить свои жизни тому, чтобы цикл продолжался, как в эко-экономике, где то, что вы берете от системы, должно быть уравновешено тем, что вы ей отдаете, — уравновешено или превышено, чтобы создать антиэнтропический подъем, который отличает все созидательное и особенно этот шаг к новому миру, месту, где нет ни природы, ни культуры, к превращению планеты в новый мир, а затем и в наш дом. Сейчас мы все знаем, что разные люди имеют разные причины находиться здесь, и, что не менее важно, люди, отправившие нас сюда, также имели разные на то причины, а теперь мы начинаем понимать, что эти различия приводят к конфликтам, на горизонте надвигаются бури, летают метеоры тревог, некоторые из них скорее убьют нас, чем пролетят над головой, как эта

вспышка белого льда!

Послышались одобрительные возгласы.

— Это может быть неприятно — а иногда непременно будет неприятным, — поэтому нам следует помнить, что, как эти метеоры обогащают атмосферу, утолщают ее и приправляют чудодейственным кислородом ядовитый суп, разлитый снаружи этих шатров, так и конфликты между людьми могут растопить вечномерзлый грунт в нашей социальной основе, заставить улетучиться все те замороженные законы и оставить лишь *необходимость созидания*; потребность придумать новый общественный порядок, который будет чисто марсианским, — как это сделала Хироко Ай, наша Персефона, которая поднялась из реголита, чтобы провозгласить начало новой весны!

Одобрительные возгласы усилились.

Знаю, раньше я говорил, что нам нужно создать все с чистого листа, но за последние годы, что я посещал разные места и встречался со всеми вами, я понял, что был неправ, когда говорил это. Это не так, что у нас ничего нет и что нам следует созидать из вакуума, как будто мы боги, — вы можете сказать, что у нас есть гены, мемы — которые Влад называет нашими «культурными

генами». То есть совершенно естественно, что мы должны заниматься генной инженерией, и мы ею занимаемся, у нас есть образцы ДНК нашей культуры, которая создавалась, разрушалась и смешивалась посредством истории. И мы можем выбирать, вырезать, скреплять воедино то, что считаем лучшим во всем генофонде, связывать в единый узел, как швейцарцы сделали в своей конституции, или суфисты в своей религии, или группа из Ахерона создала свой последний быстрорастущий лишайник, — кусочек отсюда, кусочек оттуда, все, что уместно, держа в уме правило семи поколений, думая на семь поколений назад и семь поколений вперед, а то и семь раз по семь, потому что мы сейчас говорим о наших жизнях и от этого зависят многие будущие годы, а пока мы не знаем, какое влияние это окажет на нас, но уже очевидно, что альтруизм и личный интерес сейчас слились так неразрывно, как никогда прежде. Но, кроме того, речь, как всегда, идет о жизни наших детей, жизни детей их детей и далее до бесконечности, а потому мы должны действовать таким образом, чтобы предоставить им столько же возможностей, сколько было дано нам, а то и больше, направить солнечную энергию гораздо более искусно, чтобы

обратить течение энтропии в этом маленьком ответвлении вселенского потока. А я знаю до противного простой способ это уладить, когда договор, который определяет порядок нашей жизни здесь, скоро будет пересмотрен, но мы не должны упускать его, потому что то, что может последовать, касается не только договора, это скорее некий конституционный конгресс, так как мы имеем дело с геномом нашего общественного устройства — что мы можем это, не можем то, обязаны третье, что мы поглощаем, что отдаем. И мы жили по своду правил, установленному для пустынных земель, — Договору об Антарктике, хрупкому и идеалистическому, который все это время удерживал этот холодный материк от вмешательства, вплоть до прошлого десятилетия, когда его сократили — а это знак того, что то же самое начинает происходить и здесь. Посягательства на этот свод правил начались повсюду, будто паразит, который разъедает последние остатки своего хозяина, — потому что именно так выглядит замена этого свода правил, старая паразитическая жадность королей и их приспешников, эта система, которую мы называем транснациональным мировым порядком, — это возвращение феодального строя, свод

правил в котором антиэкологичен, он ничего не отдает в систему, а лишь обогащает мировую элиту, обедняя все остальное, и, разумеется, эта так называемая богатая элита на самом деле так же бедна, отрешенная от реальной людской работы, а вместе с ним и от реальных людских свершений, самая что ни на есть паразитическая, но и могущественная, какими могут становиться паразиты, которые овладевают телом, высасывая дары людской работы из тех, кому они принадлежат по праву. То есть отнимают у семи поколений, а потом кормятся ими, наращивая свои сдерживающие силы, чтобы не дать народу освободиться.

Одобрительные возгласы нарастали.

— Поэтому на данном этапе мы имеем противостояние демократии и капитализма, друзья мои, и теперь стоим на границе людского мира, пожалуй, в лучшем положении, чем все остальные, кто видит это и пытается выстоять в этой мировой битве. Здесь у нас пустоши, скудные и невосполнимые ресурсы, и мы вовлечены в борьбу, от которой просто не можем отказаться, мы — один из трофеев, и наша судьба будет зависеть от того, что произойдет с людским миром. Вот как обстоит дело, и нам лучше сплотиться ради

общего блага, ради Марса, ради нас, людей на Земле и семи поколений. Это будет нелегко, на это уйдут годы. Чем мы будем сильнее, тем выше наши шансы, вот почему я так счастлив видеть, как этот горящий метеор в небе вдохнул жизнь в наш мир, и вот почему я так счастлив видеть вас всех вместе на этом празднике, похожем на конгресс, представляющий все, что я люблю в этом мире. Но мне кажется, группа со стальными барабанами готова заиграть, да?

Послышались крики согласия.

— Так почему бы вам, ребята, не начать, а мы будем танцевать до рассвета, а завтра разлетимся под дуновением ветров и спустимся по склонам этой великой горы, чтобы нести свой дар повсюду.

Толпа выражала безудержное одобрение. Музыканты подхватили его быстрыми ритмичными ударами в магниевые барабаны, и толпа вновь пришла в движение.

Они гуляли всю ночь. Джон переходил от шатра к шатру, пожимая руки и обнимаясь.

— Спасибо, спасибо, спасибо. Не знаю, я не помню, что говорил. Но именно это я все время подразумевал, это точно.

Старые друзья по-доброму смеялись над ним.

Сакс, попивая кофе с чрезвычайно спокойным видом, сказал ему:

— Синкретизм, да? Очень интересно, а как удачно изложено… — Он изобразил самую маленькую в мире улыбку.

Майя поцеловала Джона, как и Влад, Урсула и Надя; Аркадий с мощным ревом поднял его и покружил в воздухе, поцеловал в обе щеки, уколов своей бородой, и прокричал:

— Слушай, Джон, а ты не мог бы повторить?! — Он заулюлюкал при самой этой мысли. — Ты поражаешь меня, Джон, ты всегда меня поражаешь!

Хироко незаметно ему улыбалась, за ней, ухмыляясь, стояли Мишель и Ивао…

Мишель заметил:

— Мне кажется, это как раз то, что Маслоу называл пиковым переживанием.

Ивао со стоном ткнул его локтем, а Хироко протянула к Джону руку и коснулась указательным пальцем его предплечья, будто передавая некую живую силу, способность, дар.

На следующий день они рассортировали и упаковали вещи, оставшиеся после гуляний, и разобрали шатры, открыв небу выложенные плитами террасы, будто ряды ожерелий, укра-

шающих склон старого черного вулкана. Они попрощались с прилетевшими на дирижаблях, и те поплыли над склоном вниз, напоминая воздушные шары, зажатые в детской руке. Песчаные судна, на которых летели жители тайной колонии, скрылись из виду очень быстро.

Джон, попрощавшись с остальными, забрался в свой марсоход вместе с Майей, и они направились по краю Олимпа в сопровождении марсоходов Аркадия и Нади, Энн и Саймона с их сыном Питером. Ранее в тот день Джон сказал:

— Нам нужно поговорить с Гельмутом и заставить ООН считать нас представителями местного населения. И еще нужно представить в ООН проект нового договора. Примерно в $L_S = 90°$ я должен буду участвовать в церемонии по случаю открытия нового палаточного города в восточной части Фарсиды. Там, наверное, будет и Гельмут, может, там мы и встретимся.

В разговоре участвовали лишь немногие, но они представляли интересы остальных, поэтому план был принят. Затем они обсудили, что должно содержаться в проекте договора, и передали его во все караваны и дирижабли. На следующий день спустились по склону северного уступа и, достигнув его основания, разъехались каждый в

своем направлении.

— Хорошая была гулянка! — сообщил Джон по радио каждому по очереди. — Увидимся на следующей!

Суфисты, проезжая мимо, остановились, помахали им из окон и попрощались по радио. Джон узнал голос пожилой женщины, которая ухаживала за ним после его танца во время бури. Он помахал им в ответ и сказал:

— Будь в мире этом или том, любовь твоя ведет нас в нем.

Часть шестая
Пушки под столом

≈ * ≈

В день, когда убили Джона Буна, мы находились на востоке Элизия, было утро, и на нас обрушился метеоритный дождь, в небе светились, наверное, около тридцати полос, и все они были черными, не знаю уж, из чего эти метеориты, но горели не белым, а черным. Как дым от падающего самолета, только они прямые и быстрые, как молнии. Вид был странный, и мы были изумлены, хотя еще не знали новостей, но когда узнали, то поняли, что все случилось ровно в одно и то же время.

Мы были в Лейкфронте, в Элладе, и небо потемнело, над озером вдруг поднялся ветер и сдул все пешеходные туннели в городке — и тогда мы обо всем узнали.

Мы были в Сензени-На, где у нас было много работы, и стояла ночь, в нас стали ударять молнии, гигантские стрелы попадали прямо в мохол — никто не мог в это поверить, и шум стоял такой, что мы не слышали друг друга. И в рабочем квар-

тале, на стене одного из зданий, был его портрет, и молния попала в окно атриума, ослепив всех на мгновение, а когда зрение к нам вернулось, рама этой картины оказалась сломана, стекло треснуло, и шел дым. А потом мы узнали новости.

Мы были в Карре и не могли в это поверить. Вся первая сотня оплакивала его — он был единственным во всей группе, кого любили все, ведь даже если бы убили добрую половину из них, другая половина только порадовалась бы. Аркадий был вне себя, рыдал часами, и это пугало, потому что было на него не похоже; Надя пыталась утешить его, приговаривала: «Все хорошо, все хорошо», а Аркадий в ответ твердил: «Не хорошо, не хорошо» — и хрипел, швырялся вещами, а затем снова падал в объятия Нади, и даже она боялась его. А когда он выбежал из комнаты и, вернувшись с какой-то коробкой зажигания, объяснил Наде, что это такое, ее это разозлило не на шутку, она воскликнула: «Почему у тебя вообще появились такие мысли?» Аркадий со слезами кричал: «Что значит „почему“?! Потому что! Из-за

того, что они сделали с Джоном, из-за того, что его убили, его убили! Кто знает, кто из нас будет следующим? Они убьют нас всех, если у них будет такая возможность!» Но Надя пыталась отобрать у него передатчик, и он так расстроился, что продолжал настаивать: — «Пожалуйста, Надя, пожалуйста, просто на всякий случай, на всякий случай, пожалуйста», — и ей, наконец, пришлось оставить передатчик только для того, чтобы Аркадий успокоился. Я никогда не видел ничего подобного.

Мы были в Андерхилле, и электричество отключилось, а когда включилось снова, все растения на ферме затвердели от мороза. Свет и тепло вернулись, но растения начали вянуть. Мы сели в круг и всю ночь рассказывали истории о нем. Я помню, как он впервые высадился на поверхность, тогда, в двадцатых, — многие это запомнили. Я был еще ребенком, но помнил, как все смеялись над его первыми словами, я и сам находил их смешными, но помню, как удивлялся, что взрослые тоже смеялись, всем было

так весело, что мне кажется, тогда все и влюбились в него. В смысле, как можно было не полюбить того, кто оказался первым человеком на другой планете, кто ходил по ней и кто сказал: — «Ну вот мы и здесь». Его нельзя было не любить.

О, даже не знаю. Однажды я видел, как он ударил человека, это случилось в поезде из Берроуза. Он ехал в нашем вагоне, явно под кайфом, и там была женщина с каким-то внешним уродством, большим носом и без подбородка, и, когда она вышла в туалет, какой-то парень сказал: «Господи, да она на всех зверей похожа!», и Бун дал ему так, что тот отлетел на соседнее сиденье, а потом Бун заявил: «Запомни, некрасивых женщин не бывает».

Он правда так считал.

Он правда так считал, но спал каждую ночь с разными женщинами, не заботясь о том, как они выглядят. Или сколько им лет — однажды ему оказалось нелегко выкрутиться, когда его застукали с пятнадцатилеткой. Не думаю, что Тойтовна когда-либо слышала об этом случае, иначе он получил бы по яйцам и сотням

других женщин пришлось бы умерить свой пыл. Ему нравилось заниматься этим в двухместном планере — чтобы он пилотировал, а женщина была сверху.

О боже, однажды я видел, как он выровнял планер при таком нисходящем потоке, когда любой другой бы погиб, воздух шел вразрез, и планер могло разорвать надвое, если бы он попробовал сопротивляться. Но он просто послушался его и стал падать на тысячу метров в секунду, в три-четыре раза превышая равновесную скорость, и когда казалось, что он вот-вот разобьется, он просто вывернул вбок, вверх и метров через двадцать парашютировал. Отделался кровотечением из носа и ушей. Он был лучшим пилотом на Марсе и летал, как ангел. Черт, да вся первая сотня погибла бы, если бы он не управлял их кораблем при выходе на орбиту, — вот что я слышал.

Но все же были те, кто его ненавидел. В том числе не без причин. Он не дал построить мечеть на Фобосе. И мог быть жестоким, я никогда не встречал человека более надменного.

Мы были на горе Олимп, и все небо почернело.

Вообще задолго до начала Пол Баньян прилетел на Марс вместе с Малышом, своим синим быком. Он бродил по планете, искал деревья, и при каждом его шаге трескалась лава и оставалось ущелье или каньон. Он был таким высоким, что мог дотянуться до пояса астероидов и жевал эти глыбы, будто вишневые леденцы, и выплевывал осколки, которые, ударяясь, образовывали новые кратеры.

А потом он наткнулся на Большого человека. Так Пол Баньян впервые встретил кого-то, кто был выше его, а Большой человек, уж поверьте, в самом деле был выше — аж в два раза, и это только насколько я могу вам сказать. Но Полу Баньяну было все равно. Когда Большой человек сказал: «Покажи-ка, что ты умеешь со своим топором», Пол ответил: «Легко» — и одним ударом так сотряс планету, что за один миг открылись все трещины в Лабиринте Ночи. Но когда Большой человек царапнул в том же месте зубочисткой, возникла вся система

долин Маринер. «Давай попробуем на кулаках», — сказал Пол и опустил правую руку на южное полушарие так, что получилась равнина Аргир. Но Большой человек стукнул рядом одним мизинцем, и образовалась Эллада. «А попробуем плеваться», — предложил Большой человек, и, когда плюнул Пол, долина Нирал наполнилась во всю длину, как река Миссисипи. Но с плевком Большого человека вмиг наводнились все опустевшие каналы. «Давай обсираться!» — сказал Большой человек, Пол присел и выдавил из себя Керавнский купол, но Большой человек навалил рядом целый горный массив Элизий, и от гор шел горячий пар. «Сделай худшее, что можешь, — предложил Большой человек — Попробуй меня ударить». И Пол Баньян поднял его за палец ноги, замахнулся всей его тушей и швырнул на Северный полюс, отчего все северное полушарие остается вогнутым по сей день. Но Большой человек, даже не вставая, ухватил Пола за лодыжку, тем же кулаком захватил Малыша, его синего быка, замахнулся и протолкнул

сквозь всю планету, так что он почти дошел до противоположной стороны. И так появился купол Фарсиды — Пол Баньян, почти торчащий из земли; гора Аскрийская — это его нос, гора Павлина — его член, Арсия — пальцы ног. А Малыш, выступив чуть в стороне, стал горой Олимп. И Малыша, и Пола Баньяна убило от удара, и так он был побежден.

Но его собственные микробы съели его, проползли сквозь коренные породы забрались под мегареголит, спустились еще ниже, поглотили тепло мантии, сожрали сульфиды и растопили вечномерзлые грунты. И везде, где бы они ни оказались потом, каждый из этих крошечных микробов говорил: «Я — Пол Баньян».

≈ * ≈

«Для этого нужно обладать волей», — сказал Фрэнк Чалмерс своему отражению в зеркале. Эта фраза была единственным, что он запомнил из сна. Он брился, делая быстрые, решительные взмахи, чувствуя напряжение, переполненный энергией, готовой вырваться наружу, жаждущий приняться за работу. Осталась еще одна фраза: «Побеждает тот, кто сильнее того хочет!»

Он принял душ, оделся, спустился в столовую. Солнечный свет заливал равнину Исиды горизонтальными бронзовыми лучами, а на востоке, высоко в небе, перистые облака напоминали медную стружку.

Рашид Ниязи, представлявший на конференции Сирию, проходя мимо, прохладно кивнул Чалмерсу. Фрэнк ответил тем же и продолжил свой путь. Из-за Селима аль-Хаиля аккадская ветвь Мусульманского братства обвинила его в убийстве Буна, но Чалмерс всегда отвечал на обвинения быстро и публично. Селим был одиночкой, фанатиком-самоубийцей, утверждал он. Этим он подчеркивал вину ахадов, но в то же время пользовался их признательностью.

Естественно, Ниязи, их лидер, был несколько обозлен.

В столовую вошла Майя, и Фрэнк сердечно ее поприветствовал, непроизвольно стараясь скрыть неудобство, которое всегда ощущал в ее присутствии.

— Можно к тебе присоединиться? — спросила она, глядя на него.

— Конечно.

Майя была по-своему проницательна, Фрэнк же сосредотачивался на текущем моменте. Они начали болтать. Когда беседа коснулась темы договора, Фрэнк сказал:

— Как бы я хотел, чтобы Джон был здесь. Он был бы нам полезен, — а потом добавил: — Я скучаю по нему.

Это тут же расстроило Майю, и она положила свою руку на его, Фрэнк едва мог это ощущать. Она улыбалась, но не сводила с него своего сковывающего взгляда. Он, сам того не желая, отвел глаза.

На телестену транслировали новости с Земли, и он постучал по панели на столе, увеличив громкость. Земля была в плохом состоянии. Видеорепортаж рассказывал о массовом марше протеста на Манхэттене — весь остров заполни-

ла толпа протестующих, которая насчитывала десять миллионов человек и около пятисот тысяч полицейских. Картинка, снятая с вертолета, повергала в шок, но в последнее время таких мест было много, пусть и менее наглядных, зато куда более опасных. В развитых странах люди протестовали после того, как были приняты суровые меры для сдерживания числа рождающихся, законы, из-за которых китайцы выглядели анархистами, а молодежь извергала гнев и со смятением ощущала, будто у них отняли жизнь, и кто — древняя чудовищная нежить, будто сама ожившая история. Конечно, ничего хорошего в этом не было. Но в развивающихся странах люди взбунтовались из-за «недостаточного доступа» к лекарству, а это было гораздо хуже. Правительства свергали, люди гибли целыми тысячами. Эти картинки с Манхэттена, скорее, должны были показать, что все более-менее спокойно. Люди держали себя в рамках приличия, даже если дело касалось гражданского неповиновения. Но в это время Мехико, Сан-Паулу, Нью-Дели и Манила пылали в огне.

Майя посмотрела на экран и прочитала вслух надпись с одного из манхэттенских плакатов: «ОТПРАВЬТЕ СТАРИКОВ НА МАРС».

— В этом вся суть законопроекта, который кто-то представил в Конгресс. Доживи до ста лет и до свидания — полетишь по орбите для престарелых, на Луну или сюда.

— Сюда в первую очередь.

— Может быть, — сказал он.

— Полагаю, это объясняет, почему они так неуступчивы, когда дело касается эмиграционных квот.

Фрэнк кивнул.

— Нам этого никогда не понять. На них там очень сильно давят, а нас рассматривают как один из выпускных клапанов. Ты видела новую передачу по «Евровиду» об открытом пространстве на Марсе? — Майя покачала головой. — Она похожа на рекламу недвижимости. Нет. Если делегаты ООН дадут нам слово по поводу эмиграции, их просто распнут.

— Так что же нам делать?

Он пожал плечами.

— Настаивать, чтобы оставили старый договор без изменений. Действовать так, будто любая поправка станет концом света.

— Так вот почему ты так взбесился из-за вводной части.

— Конечно. Этот кусок, может, и не настолько

важен, но мы сейчас в таком положении, как британцы при Ватерлоо. Если сдадим хоть один пункт, то падет вся линия.

Она рассмеялась. Она была им довольна и восхищалась такой стратегией. И стратегия в самом деле хороша, пусть ей и следовал только он один. Все-таки они не имели ничего общего с британцами при Ватерлоо; скорее уж были похожи на французов, шедших на отчаянный штурм, который должен был сложиться удачно, чтобы они смогли выжить. Поэтому Фрэнк много работал, уступая по одним пунктам договора в надежде подтолкнуть их к тому, что было ему действительно нужно в других областях. А это обязательно включало сохранение сколько-нибудь значимой роли для американского министерства Марса и его министра — ведь для того чтобы работать, нужна какая-то база.

И он пожал плечами, развеяв ее восхищение. На телестене толпа бесчинствовала на огромных авеню. Он несколько раз стискивал зубы.

— Давай лучше вернемся в комнату.

Наверху участники конференции слонялись по длинным комнатам с высокими потолками, которые делились на секции. Солнечный свет струился в большой центральный зал из восточ-

ных комнат для переговоров, покрывая румянцем белый ворсистый ковер, квадратные тиковые стулья и темно-розовый камень длинной столешницы. Тут и там вдоль стен переговаривались маленькие группы людей. Майя отошла, чтобы посовещаться с Самантой и Спенсером. Теперь они втроем были лидерами коалиции «Первых на Марсе» и в этом качестве были приглашены на конференцию — как представители марсианского населения без права голоса. Они представляли народную партию, были здесь единственными, кого голосованием избрали на их должности, но присутствовали здесь лишь по молчаливому согласию Гельмута.

Гельмут не ставил им никаких преград. Он разрешил быть здесь Энн как участнику без права голоса, представляющему «красных», хотя они были частью их коалиции; Сакс был наблюдателем от команды, занимающейся терраформированием; также за конференцией наблюдало множество управленцев горнодобывающих предприятий. Наблюдателей в самом деле было много, но право голоса имели лишь те, кто сидел за центральным столом, где Гельмут сейчас звенел в маленький колокольчик.

Пятьдесят три представителя разных госу-

дарств и восемнадцать чиновников ООН заняли свои места, а еще сотня человек продолжила слоняться по восточным комнатам, следя за обсуждением в открытые проемы или по маленьким телевизорам. В окнах снаружи Берроуз кишел людьми и машинами, перемещающимися внутри останцев с прозрачными стенами, в шатрах и между холмами, в сети пешеходных туннелей, лежащих на земле или извивающихся в воздухе, под огромным шатром, покрывающим долину с широкими травянистыми бульварами и его ответвлениями. Маленький метрополис.

Гельмут призвал всех к порядку. В восточных комнатах все сгрудились вокруг экранов. Фрэнк выглядывал в проем в ближайшую комнату. Такие комнаты были по всему Марсу и по всей Земле, целые тысячи, с миллионами наблюдателей. За происходящим следили оба мира.

Темой дня, как и на протяжении прошлых двух недель, были эмиграционные квоты. Китай и Индия собирались сделать совместное предложение, и глава Индийского представительства встал и прочитал его на музыкальном бомбейском английском. Если убрать то лишнее, что предназначалось для отвода глаз, все, разумеется, сводилось к пропорциональной системе.

Чалмерс покачал головой. В Индии и Китае проживало 40 процентов населения Земли, но они имели лишь два голоса из пятидесяти трех на этой конференции, поэтому у их предложения не было шансов стать принятым. Далее поднялись британцы из Европейского представительства и указали на это обстоятельство, конечно, не напрямую, но понятно намекнув. Затем начались прения. Они могли продолжаться все утро. Марс был крупным призом, и все страны, богатые и бедные, боролись за него, как ни за что другое. У богатых были деньги, у бедных — люди, оружие было распределено более-менее поровну, особенно новые вирусные векторы, способные убивать население целых материков. Да, ставки были высоки, а положение — очень хрупким: бедные напирали с юга и давили на рамки законов, бюджетов и применения военной силы северными странами. И к их лицам, по сути, приставляли стволы. Но лиц теперь было слишком много, и психическая атака, казалось, могла начаться в любое мгновение, просто от давления их огромной численности — атакующие наваливались на баррикады, несмотря на то, что в тылу были дети, и жаждали получить возможность стать бессмертными.

В перерыве, перед которым так ничего и не удалось достичь, Фрэнк поднялся со своего места. Бóльшую часть споров он не слышал, потому что размышлял, набрасывая в своем электронном блокноте грубые схемы. Деньги, люди, земля, оружие. Старые уравнения, старые взаимосвязи. Но то, к чему он стремился, не требовало оригинальности — главное, чтобы это сработало.

За самим длинным столом ничего не изменится, в этом он не сомневался. Кто-то должен был разрубить узел. Он встал и подошел к делегациям Индии и Китая, их было человек десять, и они совещались в боковой комнате, где не было камер. После обмена любезностями он пригласил обоих лидеров, Ханаваду и Сунга, прогуляться по смотровому мосту. Переглянувшись и быстро переговорив со своими помощниками на мандаринском и хинди, они согласились.

Трое делегатов вышли из комнат и прошли по коридорам к мосту, представлявшему собой неподвижно закрепленный пешеходный туннель, который начинался у стены их холма-останца, изгибался дугой над долиной и упирался в более высокий останец на юге. Высота моста придавала ему такое великолепие, будто он парил в воздухе, и порядочное количество людей прохаживались

по его четырехкилометровой длине или просто стояли на полпути и глядели сверху на Берроуз.

— Смотрите, — сказал Чалмерс своим коллегам, — затраты на эмиграцию так велики, что вы никогда не решите ваши проблемы с населением, перебросив сюда людей. Вы и сами это знаете. К тому же в ваших странах имеется немало пригодной для культивации земли. Значит, от Марса вам нужна не земля, а ресурсы — или же деньги. Марс — это рычаг, который позволит вам получить свою долю ресурсов, доставляемых на Землю. Вы отстаете от Севера из-за того, что в колониальный период у вас забрали ресурсы, ничего не заплатив, а сейчас вам нужно все это возместить.

— Боюсь, в истинном смысле колониальный период никогда не заканчивался, — вежливо ответил Ханавада.

Чалмерс кивнул.

— Да, транснациональный капитализм подразумевает, что мы все — колонии. И здесь на нас страшно давят, чтобы добиться того, чтобы бóльшая часть доходов от добычи полезных ископаемых становилась собственностью транснационалов. В развитых странах это очень сильно ощущается.

— Мы это знаем, — проговорил Ханавада, кивнув.

— Хорошо. А сейчас вы предложили ввести пропорциональные эмиграции, которые столь же логичны, как распределение доходов согласно инвестициям. Но ни одно из этих предложений не отвечает вашим интересам. Эмиграция была бы для вас каплей в море, но о деньгах такого сказать нельзя. Между тем в развитых странах возникают новые проблемы с населением, поэтому лишние квоты для них оказались бы кстати. И они могли бы сэкономить деньги, которые все равно достались бы транснационалам и превратились бы в свободный капитал, не управляемый ни одним из государств. Так почему бы развитым странам не дать вам их побольше? Ведь в их карманы они все равно не упадут.

Сунг кратко кивнул с серьезным видом. Вероятно, они предвидели его ответ, а предложение выдвинули, лишь чтобы подтолкнуть к нему, и выжидали, пока он сыграет свою роль. Но это лишь упрощало дело.

— Думаете, ваши правительства согласятся на такую сделку? — спросил Сунг.

— Да, — ответил Чалмерс. — Как им еще показать свою власть над транснационалами?

Распределение доходов чем-то напоминает старые движения за национализацию, только на этот раз выгоду извлекут все страны.

— Это сократит инвестиции от корпораций, — заметил Ханавада.

— Что только обрадует радикалов, — парировал Чалмерс. — Да и вообще почти всех «Первых на Марсе».

— А ваше правительство? — спросил Ханавада.

— Я вас уверяю.

На самом деле с администрацией должны были возникнуть трудности. Но Фрэнк собирался заняться ею, когда для этого придет время, сейчас там сидели детишки членов Торговой палаты, надменные, но безмозглые. Достаточно было поставить их перед выбором: либо это, либо появится Марс-третий-мир, Китайский Марс, Индийско-Китайский Марс, с маленькими смуглыми человечками и коровами, расхаживающими в пешеходных туннелях. Тогда они согласятся. Более того — припадут на колени и будут молить: дедушка Чалмерс, просим, спаси нас от желтой орды.

Он видел, как индус и китаец переглянулись, посовещавшись вполне доступно для него.

— Черт, — сказал он, — вы на это и надеялись,

да?

— Пожалуй, нам нужно обсудить некоторые детали, — сказал Ханавада.

На то, чтобы воплотить их договоренность в жизнь, понадобилось несколько недель, так как это повлекло за собой целый ряд сопутствующих соглашений, необходимых, чтобы его приняли все делегации. Каждому делегату нужно было извлечь какую-нибудь выгоду для своей страны, чтобы было что показать дома. Убедить нужно было и Вашингтон, и Фрэнку в итоге пришлось перепрыгнуть через головы детишек, дойти до самого президента, который был лишь немного старше их, зато мог увидеть выгоду от сделки, если преподнести ее ему на блюдечке.

И Фрэнк погрузился в работу, проводя за встречами по шестнадцать часов в день, по своей старой схеме, знакомой, как рассвет. Под конец самыми трудными оказались встречи с транснациональными лоббистами, такими как Энди Янс. Договориться с ними было почти невозможно, потому что сделка совершалась за их счет и они это понимали. Они как могли давили на правительства севера и стран с «удобными флагами», и это было ощутимо, о чем свидетельствовало боязливое и раздражительное поведение прези-

дента и отказ от сделки Сингапура и Софии. Но Фрэнк все же убедил президента, даже несмотря на все расстояние между ними, на весь глубокий психологический барьер, возникающий при разнице во времени. Те же доводы он применял и при переговорах с другими северными правительствами. «Если вы поддаетесь транснационалам, — говорил он, — то получится, что они — реальное мировое правительство. А это шанс отстоять интересы, ваши и вашего населения, перед этим свободным капиталом, который очень близок к тому, чтобы получить неограниченную власть на Земле! Вы должны как-то их приструнить!»

То же самое он повторял в ООН, каждому чиновнику. «Кто, по-вашему, должен выполнять роль реального правительства? Вы или они?»

И все же это давалось ему с трудом. Танснационалы способны оказывать сильнее впечатление, и даже наблюдение за ними поражало. Каждое из трех крупнейших объединений «Субараси», «Армскор» и «Шеллалко» было крупнее любой страны или содружества, кроме первых десяти, и они в самом деле тратили огромные средства. Деньги приравнялись к власти, власть устанавливает законы, а законы определяют

правительство. То есть национальные правительства, пытаясь сдержать транснационалов, были похожи на лилипутов, связывающих Гулливера. Им требовалась огромная сеть тоненьких нитей, расставленных через каждый миллиметр по всему периметру. А когда гигант заворочался, пытаясь освободиться, им приходилось бегать вокруг него, перебрасывая новые нити поверх чудовища и вбивая новые колышки. Бегать вокруг, забивая колышки в виде четвертьчасовых встреч на протяжении шестнадцати часов в день.

Энди Янс, один из самых старых корпоративных знакомых Фрэнка, однажды вечером пригласил его на ужин. Энди, естественно, был зол на Чалмерса, но старался этого не показывать, поскольку цель ужина — предложение сделки, тонко завуалированное и сопровождаемое угрозами. Он предложил Чалмерсу должность главы учреждения, создаваемого консорциумом, осуществляющим транспортные перевозки по направлению Земля — Марс. Это старая аэрокосмическая промышленность, в которой по-прежнему втихую набивает карманы Пентагон. Новое учреждение должно было помогать консорциуму вести политику и консультировать ООН по касающимся Марса вопросам. Занять

должность ему предлагалось после ухода с поста министра Марса, чтобы избежать возникновения конфликта интересов.

— Звучит чудесно, — сказал Чалмерс. — Мне это действительно крайне интересно.

И на протяжении всего ужина он убеждал Янса в своей искренности. Что хотел не только получить должность в том учреждении, но и вообще тотчас начать работать на консорциум. Это было непросто, но он прекрасно справлялся и видел, что с течением вечера подозрение постепенно исчезало с лица Янса. Слабость многих бизнесменов состояла в том, что они верили, будто смысл всей игры заключается в деньгах; сами они работали по четырнадцать часов в сутки, чтобы заработать на машины и кожаные интерьеры, и находили казино разумным видом отдыха, — одним словом, они были идиотами. Но полезными идиотами.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пылко пообещал Чалмерс и подумал, что сейчас перед ним открывается сразу несколько путей. Можно поговорить с китайцами об их потребности в земле, вернуть Конгресс к мыслям о справедливом доходе с инвестиций. Несомненно. Дать сейчас кое-какие обещания, и давление несколько

ослабнет — а он тем временем продолжит работу. Ничто не могло быть столь приятным, как надуть такого прохвоста.

И он вернулся за стол переговоров и продолжил вести дела, как раньше. Прогулка по мосту, как ее теперь называли (другие говорили: «перемена Чалмерса»), сдвинула ситуацию с мертвой точки. 6 февраля 2057 года, или L_S = 144°, M-15, — памятная дата в истории дипломатии. Теперь дело свелось к тому, чтобы раздать каждому по кусочку и подтвердить позицию действительных членов. Пока шел этот процесс, Чалмерс переговаривался с наблюдателями из первой сотни, ободряя их и удостоверяясь в их позициях. Сакс, как оказалось, был расстроен его действиями, так как считал, что, если транснационалы сократят инвестиции, развитие его проекта по терраформированию существенно замедлится. Во всем приходящем бизнесе он видел лишь тепло. Была им расстроена и Энн, потому что новый договор разрешал и эмиграцию, и инвестиции, а она вместе с «красными» надеялась, что договор обеспечит Марсу что-то типа статуса мирового парка. Они были так далеки от реальности, что это сводило его с ума.

Я только что спас тебя от пятидесяти милли-

онов китайских эмигрантов, — кричал он на нее, — а ты окрысилась на меня из-за того, что мне не удалось выслать их всех домой! Ты думала, я буду творить чудеса, превращу этот булыжник в святыню, прямо по соседству с планетой, которая скоро вся будет выглядеть, как Калькутта в час пик. Энн, Энн, Энн… А что бы ты сама сделала? Что ты вообще делаешь, кроме того, что расхаживаешь тут, испепеляя взглядом все, что построено людьми, и убеждаешь всех, что ты марсианка? Господи Иисусе! Иди играй со своими камешками и предоставь политику людям, которые умеют думать.

— Сам не забывай, что это значит — думать, Фрэнк, — ответила она. Каким-то образом он вызвал у нее секундную улыбку во время своей тирады. Но уходя, она бросила на него свой хорошо знакомый ему свирепый взгляд.

Но Майя теперь наконец им довольна. Он чувствовал, как она на него смотрит, когда выступал перед публикой. На него смотрели миллионы людей, но он чувствовал только ее взгляд, и это бесило его. Она с восхищением относилась к прогулке по мосту, и он говорил ей лишь то, что ей было приятно слышать о тайных договоренностях, которые он заключал ради того, чтобы

его план был принят. Она стала проводить с ним коктейльные часы, что устраивались каждый вечер, — присоединялась, когда иссякал первый поток критиков и просителей, затем ожидала в стороне, пока пройдут вторая и третья волны, наблюдая и облегчая обстановку своим смехом и время от времени высвобождая его напоминаниями, что им пора прогуляться или поесть. Затем они выходили на террасы, под самые звезды, где ели и потягивали кофе, глядя на оранжевую черепицу и сады на крышах из-под одного из крупных шатров под верхушкой останца, чувствуя вечерний легкий ветерок так же, как если бы находились на свежем воздухе.

«Первые на Марсе» поддерживали его план, и большинство местных было на стороне Фрэнка, равно как и Вашингтон. Он считал это двумя важнейшими составляющими общего успеха, не считая согласия руководства транснационалов, которого ему едва ли удалось бы добиться. Так что заключение сделки было лишь вопросом времени. Так он иногда говорил ей поздними вечерами, когда немного поддавался ее чарам. Когда она его умиротворяла. «Между нами говоря, у нас все получится», — говорил он, отводя глаза на яркие звезды в небе, не в силах встретиться с

ее проницательным взглядом.

А однажды вечером она, как обычно, была с ним во время коктейлей, и вместе с остальными они смотрели новостные репортажи с Земли об итогах прошедшего дня и снова заметили, какими искаженными и плоскими их изображали, будто они были актерами какой-то невообразимой мыльной оперы. Затем они вдвоем вышли, поели и прогулялись по широким травянистым бульварам, оказавшись в итоге в его комнате в нижней части города. И она сопроводила его внутрь. Ничего не объясняя и не комментируя, в своем обычном стиле. Как и всегда. Это произошло, это происходило здесь и сейчас. Она оказалась в его комнате, затем в его объятиях. Фрэнк был настолько этим потрясен, что чувствовал себя совершенно отстраненным от своего тела, и собственная кожа казалась ему резиновой. И это начало его тревожить, когда сквозь шок прорвалось чисто животное желание, и вдруг он ощутил ее снова — чувства захлестнули его, и он поддался им с животной страстью. Сколько же времени прошло…

Позже она вышла, прикрывшись белой простыней, будто накидкой, и принесла стакан воды.

— Мне нравится, как ты работаешь с ними, —

сказала она, вернувшись к нему. Она отпила из стакана, посмотрела через плечо со своей старой нежной ухмылкой, взглядом во все глаза — взглядом, который казался таким глубоким, как если бы луч слепящего света прошел прямо сквозь его тело, и он вдруг почувствовал себя не просто голым, а незащищенным, подверженным ее воздействию. Он натянул свободную часть простыни поверх бедер и ощутил, будто чем-то себя выдал. Она непременно увидит, почувствует, как воздух в его легких превращается в холодную воду, как его желудок завязывается в узел, как леденеют его ноги. Он моргнул и улыбнулся ей. Он сознавал, что его улыбка была усталой и кривой, но чувство, будто строгая маска скрыла его истинное лицо, успокоило. Никто не мог правильно прочесть эмоции, выраженные на его лице, все было ложью, такой же фальшью, как хиромантия или астрология. А значит, он был в безопасности.

После той ночи она стала проводить с ним еще больше времени, и на людях, и наедине. Она была с ним на приемах, которые каждый вечер давал то один, то другой национальный штаб; сидела рядом с ним на многочисленных групповых ужинах; плавала по теплому морю разговоров, когда они смотрели нерадостные новости с Земли или

сидели в тесном кругу первой сотни. И каждую ночь приходила в его комнату или, что было еще тревожнее, заманивала его в свою.

И все это время не подавала ни единого знака, указывающего, чего она хотела от него. Он мог лишь сделать вывод, что она знала, ей не обязательно об этом говорить. Ей достаточно просто быть с ним, а ему — делать все, что он мог, не задавая ей конкретных вопросов. Конечно, чтобы она вела себя так без причины, просто не могло быть. Такова уж природа власти: если ты ей обладаешь, у тебя не бывает обычных друзей, обычных любовниц. Так или иначе им нужно что-то, что ты можешь им дать, — или по крайней мере их влечет престижная дружба с власть имущим. Майе такой престиж не требовался, но она знала, чего хотела. А может, он и так делал это? Ведь он повергал в гнев большую часть своей политической поддержки, чтобы продвинуть договор, который не устраивал никого, кроме горстки местных жителей. Да, она уже получала, что хотела. Причем не говоря ни слова, ни единого слова. Лишь хвалила и ласкала его.

И пока он участвовал в бесконечных политических переговорах, осторожно отвоевывая формулировку каждой статьи нового договора,

изображая Джеймса Мэдисона[74] перед этим странным подобием конституционного собрания, Спенсер, Саманта и Майя крутились вокруг, помогая ему, и Майя дарила ему самые незаметные улыбки, по которым он и только он видел ее одобрение и гордость за него. А потом, заряженный энергией, он тащился на приемы, где она смеялась над ним, стоя рядом и болтая с остальными, создавая с ним что-то вроде гармонии. Гармонии, черт возьми!

А потом, ночью, они целовались в душе, и было невозможно представить, что он ей не нравился.

Это было невыносимо. Неужели можно так легко обманывать даже тех, кто знал тебя лучше всех… неужели она должна быть настолько глупа… Осознавать это было отвратительнее, чем когда-либо. Насколько же скрытым может быть истинное лицо под феноменологической маской, думал он. В жизни они *все время* играли роли, как настоящие актеры, и никто не мог встретить истинную натуру другого человека, по крайней мере, теперь. За все эти годы они так вжились в роли, что их истинные лица атрофировались, отпали или стерлись. И все стали полыми внутри.

---

[74] Примечания: 74

Джеймс Мэдисон (1751–1836) — четвертый президент США, сыгравший одну из ключевых ролей в становлении Конституции США.

А может, так было только с ним. Ведь она казалась такой настоящей! Ее смех, седые волосы, страсть, о Боже — покрытая потом кожа и ребра, — которые двигались вверх-вниз под его пальцами, будто колья забора, которые сжимались при оргазме. Истинная натура — разве не такой она должна была быть? Разве нет? Ему трудно было поверить, что это не так. Истинная натура.

Но все же он был убежден, что его, как это ни прискорбно, обманывали. Однажды утром он очнулся ото сна о Джоне. Тот время от времени снился ему с тех пор, как они в молодости работали на космической станции. Только в этот раз они были старыми, и оба были живы, Джон говорил будто призрак, он знал, что умер и что это Фрэнк убил его, как и обо всем, что случилось после, но не питал к нему ненависти и ни в чем не винил. Это был просто свершившийся факт — такой же, как когда Джона впервые отправили на Марс или когда он увел Майю на «Аресе». Между ними произошло много всего, но они по-прежнему оставались друзьями, братьями. Они могли разговаривать и понимать друг друга. Придя от этого в ужас, Фрэнк забормотал во сне, попытался отмахнуться от Джона и проснулся.

Он был разгорячен, на лбу выступил пот. Майя сидела с растрепанными волосами, ее груди свободно покачивались.

— Что случилось? — говорила она. — Что случилось?

— Ничего! — воскликнул он, вскочив и выйдя в ванную.

Но она бросилась за ним и обхватила его руками.

— Фрэнк, в чем дело?

— Ничего! — кричал он, вырываясь. — Ты можешь оставить меня в покое?

— Конечно, — сказала она обиженно. И гневно повторила: — Конечно, я могу тебя оставить, — и вышла из ванной.

— Конечно, можешь! — крикнул он ей вслед, вдруг разъярившись от ее глупости, от того, как безразлично она к нему относилась и какой беззащитной притворялась перед ним, — при том, что все это была лишь игра. — Теперь-то, когда получила от меня все, что хотела!

— О чем ты? — спросила она, мгновенно возникнув в дверном проеме ванной, прикрытая простыней.

— Сама знаешь, о чем я, — горько проговорил он. — Ты же получила все, что хотела видеть в до-

говоре, разве нет? Без меня ты никогда не смогла бы этого добиться.

Она стояла, уперев руки в бока и глядя на него. Простыня свободно обвивала бедра, и Майя, красивая и опасная, напоминала статую Свободы. Ее рот был сжат в узкую полосочку. С отвращением покачав головой, она вышла.

— Ты вообще ничего не понимаешь, да?

Он двинулся за ней.

— Что ты имеешь в виду?

Она сбросила простыню и, поспешно наступив на свои трусики, подтянула их к поясу. Одеваясь, она извергала в него поток коротких фраз:

— Ты ничего не знаешь о том, что думают другие. Ты даже не знаешь, о чем думаешь сам. Что ты сам хочешь увидеть в договоре? Ты, Фрэнк Чалмерс? Ты не знаешь. Есть только то, что я хочу, что хочет Сакс, что хочет Гельмут. Что хотят остальные. А у тебя нет своего мнения. Ты делаешь то, чего легче добиться. То, что сохранит тебе власть. А что касается чувств… — Уже одевшись, она стояла в дверях. Остановилась, чтобы метнуть в него сверкающий взгляд-молнию.

Он замер, ошеломленный, не в силах пошевелиться, обнаженный перед ней, открытый перед потоком ее презрения.

— У тебя нет никаких чувств, верно? Я пыталась, честное слово, но ты просто… — Она содрогнулась, очевидно, не сумев подобрать достаточно мерзкого слова.

«Полый, — хотел подсказать он. — Пустой. Притворный».

Но нет… Она вышла из комнаты.

Когда договор был подписан, Майи уже не было рядом с ним. Она вообще уехала из Берроуза. Но на самом деле это во многом стало облечением, хотя он не мог не ощущать пустоты и холодка в груди. И еще ему казалось, что первая сотня (а может, и не только) чувствовала, что между ним и Майей что-то произошло (снова!), и эта мысль приводила его ярость.

Договор подписали в том же зале для переговоров, где до этого его выстрадали. Гельмут с широкой улыбкой вел всю процедуру, и каждый делегат по очереди подходил в пингвиньем костюме или черном вечернем платье, чтобы сказать несколько слов перед камерами и приложить руку к «документу» — Фрэнку этот жест казался таким же причудливо архаичным, что и рисование на скалах. Глупостью.

Когда подошла его очередь, он поднялся и сказал что-то о соблюдении баланса, чем договор

и являлся, — он мирил противоборствующие стороны, как будто складывал инерции их движения таким образом, чтобы при столкновении все машины образовывали собой общую твердую массу. В результате он не так уж и отличался от предыдущей редакции, где эмиграция и инвестиции, две основные угрозы сохранения статус-кво (если такое понятие было применимо к Марсу), были по большей части заблокированы, но здесь (и это было разумно) они были *заблокированы друг другом*. Это была хорошая работа, и он размашисто подписал ее, торжественно провозгласив: «Да здравствуют Соединенные Штаты Америки!», пристально оглядев присутствующих. Такая сцена должна выигрышно смотреться на видео.

В последовавшем за этим параде он шагал с чувством холодного удовлетворения проделанной работой. Пешеходные туннели и шатры с травянистым покрытием были переполнены тысячами зрителей, и парад тянулся мимо них, опускаясь к большому приканальному шатру, отклоняясь при этом к холмам, затем возвращаясь и под радостные крики толпы проходя по каждому мосту, перекинутому через канал, чтобы потом выйти в Принцесс-парк, где устроили масштабные гуляния. Искусственный воздух был

прохладным и свежим, дул бодрящий ветерок. Под крышами шатров, словно хищники, сражались между собой воздушные змеи, яркими пятнами выделявшиеся на фоне темно-розового послеполуденного неба.

Фрэнк чувствовал себя на этой вечеринке в парке неуютно: слишком много людей наблюдали за ним, слишком многие пытались подойти к нему и заговорить. Это была слава — ему редко приходилось общаться с кем-либо наедине. Наконец он развернулся и вернулся в приканальный шатер.

Два параллельных ряда белых стоек тянулись вдоль берега; каждая стойка представляла собой колонну Барейса, верхняя и нижняя часть которой имела форму полукруга, но их полушария были развернуты на 180° по отношению друг к другу. Благодаря этому простому приему они смотрелись совершенно разными в зависимости от того, откуда на них смотреть, и ряды этих колонн имели странный ветхий вид, будто это были руины, хотя их гладкость и белизна покрывавшей их бриллиантовой соли говорили обратное. Они выступали из травы, белые, как сахарные кубики, и блестели, будто были влажными.

Фрэнк прошел между рядами, поочередно прикоснувшись к каждой колонне. Над ними

со всех сторон возвышались склоны долины, которые поднимались к застекленным останцам. За их стеклянными утесами сверкала густая растительность, и казалось, будто город окружали огромные террариумы. Все это походило на ухоженную муравьиную ферму. Кое-где склоны долины были усеяны деревьями и черепичными крышами и изрезаны широкими травянистыми бульварами. А неохваченная ими часть представляла собой все ту же красную каменистую равнину. Многие здания были достроены совсем недавно или еще строились; повсюду стояли краны, тянущиеся к крышам шатров, будто причудливые, насыщенные цветом скелетообразные статуи. Десятки зданий были обставлены лесами — Гельмут даже заметил, что эти шатры напоминают ему Швейцарию, что было неудивительно, раз бóльшую часть строительных работ проводили швейцарцы. «Они ставят леса, даже если надо всего лишь заменить оконную раму».

У основания одного из таких домов прохаживался Сакс Расселл и оценивающе оглядывал здание. Фрэнк повернулся, подошел к нему по туннелю и поздоровался.

— Здесь в два раза больше опор, чем требуется, — заметил Сакс — А то и еще больше.

— Швейцарцы такое любят.

Сакс кивнул. Теперь они смотрели на здание вдвоем.

— Ну что? — сказал Фрэнк. — Что думаешь? О договоре? Из-за него поддержка терраформирования сократится, — ответил Сакс. — Люди больше склонны инвестировать, чем дарить.

Фрэнк нахмурился.

— Не все инвестиции способствуют терраформированию, Сакс, тебе следует это помнить. Много денег тратится на совершенно другие вещи.

— Но видишь ли, если сократить терраформирование, сократятся накладные расходы. Определенный процент всех инвестиций всегда будет приходиться на проект. Поэтому я хочу, чтобы общая сумма была как можно выше.

— Реальную выгоду можно подсчитать, только зная чистую стоимость, — сказал Фрэнк. — Всю чистую стоимость. На Земле экономисты никогда не пытались этого сделать, но ты ученый и ты должен этим заняться. Ты должен оценивать ущерб окружающей среде из-за растущего населения и деятельности людей, как и связанную с ней пользу от терраформирования. Лучше увеличить объем инвестиций, направленных ис-

ключительно на проект, а не искать компромисс. Если снимать процент от общего объема, это в некотором смысле будет работать против тебя.

Сакса передернуло.

— После последних четырех месяцев смешно слышать, что ты выступаешь против компромиссов, Фрэнк. Вообще я бы сказал, что лучше увеличить и общий объем, и процент. Затраты на охрану окружающей среды незначительны. При их правильном распределении можно сделать так, чтобы они приносили прибыль. Как говорил Джон, экономику можно измерить в тераваттах или в килокалориях. А это уже энергия. И мы можем использовать энергию в любой форме, пусть даже в форме тел. Тела — это просто дополнительная работа, только очень универсальная и энергичная.

— Чистая стоимость, Сакс. Вся-вся. Ты так и пытаешься играть в экономику, но она не похожа на физику, она похожа на политику. Подумай, что случится, когда сюда прилетят миллионы переселенцев с Земли, со всеми своими вирусами, биологическими и психическими. Вдруг они все примкнут к Аркадию или к Энн — ты об этом не думал? Если эпидемии будут охватывать тело и разум людей в толпе, это может разрушить всю

систему! Вот группа из Ахерона — разве она не пыталась научить тебя биологии? Тебе стоит над этим задуматься! Это не механика, Сакс. Это экология. И она хрупкая, управляемая, а управлять ею нужно.

— Может, и так, — сказал Сакс.

Такую фразу любил говорить Джон. В следующую минуту Фрэнк пропустил мимо ушей все, что рассказывал Сакс, но затем — вновь сосредоточился на беседе.

— …Все равно этот договор особо ничего не изменит. Если транснационалы захотят сюда инвестировать, они найдут способ. Выберут новый «удобный флаг», и это будет выглядеть, будто новая страна хочет заявить о своих интересах на Марсе, в точности следуя положениям договора. Но на самом деле это будут деньги транснационалов. И ведь так и будет, Фрэнк. Ты сам это понимаешь. Политика, говоришь? Экономика?

— Может, и так, — резко ответил Фрэнк. Поникший, он ушел прочь.

Позже он очутился в районе верхней долины, где сейчас активно шло строительство. Количество лесов здесь было запредельным, как сказал бы Сакс, особенно для марсианского *g*. Некоторые из них, казалось, было трудно даже потом

разобрать. Повернувшись к долине, он обвел ее взглядом. Город, бесспорно, был расположен крайне удачно. Благодаря обоим краям долины с любой точки в городе открывался прекрасный вид.

Вдруг его наручная панель запищала, и он ответил на входящий звонок. Это была Энн, она пристально смотрела на него.

— Что тебе надо? — гневно проговорил он. — Полагаю, думаешь, я и тебя продал. Напустил диких орд в твою песочницу.

Она скривилась.

— Нет. Ты сделал лучшее, что можно было сделать в такой ситуации. Вот что я хотела сказать.

Она отключилась, и его панель снова почернела.

— Замечательно, — проговорил он вслух. — Теперь на меня держат зло все два мира, кроме Энн Клейборн. — Он горько рассмеялся и пошел дальше.

Он вернулся к каналу и рядам колонн Барейса. Жёны Лота…[75]

На газоне у канала сидели кучки празднующих, и их тени удлинялись в предвечернем свете.

---

[75] Примечания: 75

Жена Лота — столб из каменной соли на горе Содом, по форме напоминающий женщину.

Зрелище казалось несколько зловещим, и Фрэнк повернулся, не зная, куда идти. Ему не нравился весь этот итог. Казалось, все закончилось, работа выполнена, но, как выяснилось, все было лишено смысла. И так получалось всегда.

Под одним из великолепнейших офисных зданий в Нидердорфе стояла группа землян. Среди них был Энди Янс.

Раз Энн довольна, значит, Янс должен пылать гневом. Фрэнк подошел к нему, чтобы в этом убедиться.

Энди увидел его, и на мгновение его лицо замерло.

— Фрэнк Чалмерс, — проговорил он. — А тебя что сюда принесло?

Он говорил обходительным тоном, но во взгляде не было доброжелательности и даже ощущалась прохлада. Да, он рассержен. Фрэнк, с каждой секундой чувствуя себя лучше, сказал:

— Просто гуляю, Энди, разгоняю кровь. А ты чего здесь?

После едва заметного колебания Янс ответил:

— Мы ищем место под офис. — Он проследил, как Фрэнк переваривал такое заявление. На его лице появилась улыбка, и теперь было видно, что она неподдельна. Он продолжил: — Это мои дру-

зья из Эфиопии, из Аддис-Абебы. Мы подумываем перевести туда главную контору в следующем году. И тогда… — Его улыбка стала шире, несомненно, в ответ на наблюдаемые им изменения в лице Фрэнка, которое, по ощущениям самого Чалмерса, каменело, начиная ото лба. — …Нам придется многое обсудить.

≈ * ≈

Аль-Кахира. Так называется Марс на арабском, малайском и индонезийском языках. Последние два переняли это название из первого, и, если взглянуть на карту мира, можно увидеть, как сильно распространилась и религия, исповедуемая арабами. Да, в свое время у арабов была целая империя, и, подобно другим империям, после падения она переживала долгий период полураспада.

Арабы, живущие за пределами Аравии, называются маджари, а те, которые прилетели на Марс, — кахирскими маджари. Прибыв сюда, многие из них начали скитаться по Великой Северной равнине (они прозвали ее «Северная бадя») и Большому Уступу. Большинство этих кочевников были бедуинами и путешествовали караванами, упрямо воссоздавая жизнь, исчезнувшую на Земле. Они, люди, прожившие всю жизнь в городе, попадая на Марс, начинали ездить на марсоходах и устраиваться под шатрами. Свои непрекращающиеся путешествия они оправдывали поиском металлов, занятиями ареологией и торговлей, но было очевидно, что

важнее всего для них — путешествия, которые, по сути, они считали самой жизнью.

Спустя месяц после того, как был подписан договор, Фрэнк Чалмерс присоединился к каравану Зейка Тукана. Случилось это северной осенью М-года 15-го (в июле 2057-го). Они долго странствовали по рваным склонам Большого Уступа. Он улучшал свои навыки в арабском и помогал им вести горные работы и метеорологические наблюдения. Караван состоял из настоящих бедуинов из Авлад Али, побережья Египта к западу от дельты Нила. Они жили к северу от области, которую египетское правительство назвало проектом «Новая долина», — после того как в водоносном слое грунта нашли нефть в количестве, равноценном количеству воды, которая протекает в Ниле за тысячу лет. Даже до того, как открыли геронтологическую терапию, в Египте остро стояла проблема перенаселения; 96 процентов территории составляла пустыня, а 99 процентов населения проживало в долине Нила. Так что толпы, переселенные в Новую долину, задавили числом бедуинов и их особенную культуру. Бедуины даже не называли себя египтянами и считали нильских египтян мягкотелыми и безнравственными, но это не мешало последним

заполонить север страны от Новой долины до Авлад Али. Бедуины из других арабских стран поддерживали эти подавленные поселения своих соплеменников, и, когда Лига арабских государств присоединилась к марсианской программе и купила места на многоразовом шаттле сообщением Земля — Марс, они попросили правительство Египта отдать предпочтение западным бедуинам. Оно отозвалось на эту просьбу и очистило регион от хлопотного национального меньшинства. Так бедуины оказались на Марсе и пустились в странствие по обернувшей полпланеты северной пустыне.

Наблюдения за погодой пробудили во Фрэнке такой интерес к климатологии, какого прежде не удавалось вызвать никакой научной болтовне. Погода на Уступе часто бывала суровой, катабатические ветры неслись вниз по склонам и сталкивались с пассатами, приводя к мощным и быстрым красным торнадо или атакам песчаного града. Этим летом атмосферное давление достигало порядка 130 миллибар, и атмосфера состояла на 80 процентов из диоксида углерода, на 10 — из кислорода, а остальное — в основном из азота, выделяемого новым видом растений. Пока было неясно, смогут ли они добиться того, чтобы содер-

жание кислорода и других газов превысило CO_2, но до сих пор Сакса, похоже, удовлетворял ход процесса. В ветреный день на Уступе, конечно, становилось очевидно, что атмосфера утолщалась: в ней появлялась реальная тяжесть, песок взметался вверх, а днем теперь становилось темнее, когда небо принимало цвет корки на ране. Фрэнк однажды зафиксировал скорость катабатического ветра — 600 километров в час; хорошо, что, когда он дул, все сидели в марсоходах.

Караван представлял собой мобильную горнодобывающую бригаду. По всему Марсу обнаруживались залежи металлов и рудосодержащих минералов, но арабские изыскатели занимались поиском сульфидов, которых было совсем чуть-чуть на Большом Уступе и прямо под ним. Большинство этих отложений были сосредоточены вместе, и общее их количество не оправдывало применения традиционных методов добычи, поэтому арабы выполняли извлечение и обработку ископаемых новаторскими методами, изменив для этой цели строительные машины и исследовательские марсоходы. Получившиеся в итоге машины были крупными, сегментированными и сильно похожими на насекомых, словно вышедшими из кошмара механика. Эти создания

бороздили Большой Уступ широкими караванами, ищущими участки поверхности со слоистыми медными отложениями, предпочитая те, где наблюдалось высокое содержание тетраэдрита или халькозита, что позволяло им получить из такой руды не только медь, но и серебро. Обнаружив подобное месторождение, они останавливались и начинали так называемый сбор.

При этом исследовательские марсоходы ездили далеко вперед по Уступу, где проводили в экспедициях от недели до десяти дней, следуя старым течениям и ущельям. Когда Фрэнк прибыл к ним, Зейк поприветствовал его и предложил выбирать любую работу, какая понравится, и Чалмерс, взяв один из исследовательских марсоходов, выехал в одиночную экспедицию. Ему предстояло провести там неделю, медленно плетясь с включенным автоматическим поиском, поглядывая на сейсмограф, пробоотборники и метеорологические приборы, которые, как им и полагалось, наблюдали за небом.

Колонии бедуинов на обеих планетах походили на тусклые поселения, будто взявшиеся откуда-то из другого мира. Когда они основывали долговременные поселки, их районы принимали вид толстостенных сооружений, лишенных окон,

которые казались пригибающимися к земле в своем стремлении защититься от палящего зноя. И лишь зайдя внутрь их домов, можно было увидеть, что они здесь защищали, — дворики, сады, фонтаны, птицы, лестницы, зеркала, арабески.

Большой Уступ был странным местом: изрезанный системой каньонов, тянущихся с севера на юг, попорченный древними кратерами, затопленный излияниями лавы, разорванный на карстовые образования, останцы и хребты — и все это имело крутые склоны, благодаря чему с любой вершины скалы или выступа открывался панорамный вид на север. Во время своего одинокого путешествия Фрэнк предоставил право принимать большинство решений изыскательской программе, а сам сидел и смотрел, как мимо проносятся земли — безмолвные, пустынные, просторные и рваные, как их мертвое прошлое. Шли дни, и тени меняли свое положение. Ветры поднимались вверх по склонам по утрам, а ближе к вечеру — опускались вниз. Небо загромождали облака — от низких туманных шариков, прыгающих по скалам, до перистой стружки, а изредка через все расстояние, что открывалось для обзора, тянулся грозовой вал и твердые массы облаков достигали двадцати тысяч метров в высоту.

Подчас он включал телевизор и смотрел арабский новостной канал. И иногда, окруженный утренней тишиной, разговаривал с телевизором. Часть его ненавидела глупость всех этих медиа, а заодно и событий, которые они освещали. Да и всей человеческой расы, играющей в своем глупом спектакле. За исключением того множества людей, которые никогда, ни разу в жизни не появлялись на телевидении, даже в массовке, когда камера охватывала толпу. На этих огромных просторах все еще жило земное прошлое, где деревенская жизнь, как всегда, тянулась своим чередом. Может, это была мудрость, которую передавали из поколения в поколение старухи и шаманы. Может, и так. Но поверить в это было трудно — стоило лишь взглянуть на то, что случилось, когда они стали строить города. Идиоты на экране, история вершится. «Кто-то скажет, что продление людской жизни должно по определению стать великим благом». Эти слова его рассмешили. «Ты что, не слышал о побочных эффектах, придурок?»

Однажды вечером он смотрел репортаж об удобрении Южного океана железными опилками, которые должны были подействовать как биоактивные добавки для фитопланктона, популяции

которого без очевидных причин сокращались с поразительной скоростью. Опилки сбрасывали с самолетов — можно было подумать, что они пытались таким образом потушить пожар на какой-нибудь подводной лодке. Проект стоил десять миллиардов долларов в год и должен был длиться бесконечно…

«Энн это понравится, — пробормотал Фрэнк — Теперь они хотят терраформировать Землю».

Каждый раз, когда он что-то говорил, в его груди будто развязывался узел. Он осознал, что никто на него не смотрел, никто его не слушал. Никакой воображаемой публики перед ним не существовало; никто не следил за его жизнью, будто она была кинофильмом. Ни друзья, ни враги не знали и не узнают, чем он здесь занимался. Он мог делать, что хотел, — нормальность сейчас была ни к чему. Похоже, именно этого ему хотелось, именно к этому он инстинктивно стремился. Он мог выйти наружу и хоть весь вечер пинать камни со склона, плакать, писать какие-нибудь выражения на песке, во весь голос ругаться на луны, парящие в южном небе. Разговаривать сам с собой с набитым ртом, разговаривать с телевизором, родителями или потерянными друзьями, с президентом, Джоном, Майей. На-

диктовывать длинные бессвязные записи в свой компьютер — что-нибудь из социобиологической истории мира, личный дневник, философский трактат, порнографический роман (при этом мог мастурбировать), анализ арабской культуры и ее истории. Всем этим он и занимался, а когда вместе со своим изыскательским прибором вернулся в караван, то чувствовал себя лучше — уже не столь обремененным, но спокойным. Более полым. «Живи так, будто ты уже мертв», — советовали японцы.

Но японцы были чужими. А живя с арабами, он стал острее чувствовать, какими чужими были и они. Да, они часть общества двадцать первого века, спору нет, они прекрасные ученые, технические специалисты, которые, как и все остальные, укутаны оболочкой технологий каждое мгновение своей жизни и заняты созданием и просмотром фильмов, составляющих их жизни. Но при этом они молились от трех до шести раз в день в сторону Земли, имевшей вид утренней либо вечерней звезды. И причиной того явного, огромного удовольствия, что им приносили их технологичные караваны, служило то, что караваны являлись внешним проявлением слабости современного мира перед стародавними целями.

— Задача человека состоит в том, чтобы выразить волю Бога в истории мира, — говорил Зейк. — Мы вольны менять мир так, чтобы он становился ближе к божьему замыслу. Мы всегда к этому стремились; ислам говорит, что пустыня не остается пустыней, гора не остается горой. Мир должен быть претворен в подобие божьего замысла — это и составляет всю историю ислама. Аль-Кахира бросает такой же вызов, что и всякий странный мир, только в более чистом виде.

Все это Зейк рассказывал, когда они сидели в маленьком внутреннем дворе его марсохода. Эти семейные марсоходы были преобразованы в личные убежища, в какие Фрэнка приглашали редко, а потом и вовсе перестали — все, кроме Зейка. С каждым его посещением Фрэнк удивлялся заново: изнутри марсоход представлял собой нечто неопределенное, имел много места, затемненные окна. Всего таких марсоходов стояло несколько штук в ряд, и между собой их соединяли пешеходные трубы. Войдя в дверь, он очутился в пространстве, наполненном солнечным светом, струящимся слоями, проникающими друг сквозь друга, освещающим кресла и ковры со сложными рисунками, плиточный пол, растения с зелеными листьями, чаши с фруктами, окно с

видом на Марс, подкрашенное и заключенное в раму, словно фотография, пуфы, серебряные кофейники, компьютерные консоли с вставками из тика и красного дерева, воду, текущую в бассейнах и фонтанах. Маленький мир влаги, зелени и белизны, уютный и ограниченный. Осмотревшись, Фрэнк ощутимо почувствовал, что комнаты, подобные этой, существовали на протяжении столетий, что именно в таких жили в Пятой четверти еще в десятом веке или где-нибудь в Средней Азии в двенадцатом.

Приглашения Зейка часто приходились на вторую половину дня, когда группа мужчин собиралась в марсоходах попить кофе и поговорить. Фрэнк сидел на своем месте рядом с Зейком и, сосредоточившись, насколько мог, вслушивался в арабскую речь. Это был красивый язык, музыкальный и чрезвычайно метафорический, отчего вся современная техническая терминология перекликалась с образами пустынь благодаря коренным значениям этих новых слов, которые, подобно большинству абстрактных понятий, имели конкретное физическое происхождение. Арабский, как и греческий, в древности был языком науки, и поэтому в нем обнаружилось неожиданно много слов общего происхождения

с английским, а также придало органичности и компактности его лексике.

Разговоры били ключом, но направляли их Зейк и другие старейшины, с которыми молодые считались совершенно невообразимым для Фрэнка образом. Не раз разговоры перетекали в уроки о жизни бедуинов, что позволяло ему кивать или задавать вопросы, изредка вставляя комментарии или критические замечания.

— Когда в вашем обществе есть сильная консервативная жилка, — сказал однажды Зейк, — которая четко отделена от жилки прогрессивной, тогда у вас происходят худшие из гражданских войн. Как, например, конфликт в Колумбии, который они прозвали «Ла Виоленсия»[76]. Гражданская война, которая привела к полному развалу государства, к хаосу, который никому не удалось ни понять, ни обуздать.

— Или как в Бейруте, — невинно вставил Фрэнк.

— Нет-нет, — улыбнулся Зейк. — В Бейруте все получилось гораздо сложнее. Там была не только гражданская, но и ряд внешних войн, повлиявших на нее. И здесь ни при чем социальные

[76] Примечания: 76

Вооруженный конфликт, происходивший в 1948–1958 гг., вызванный противостоянием Либеральной и Консервативной партий Колумбии.

или религиозные консерваторы, отвергающие нормальное развитие культуры, как в Колумбии или Испанской гражданской войне.

— Говоришь, как настоящий сторонник прогресса.

Все кахирские маджари прогрессивны по определению — иначе нас бы здесь не было. Ислам избежал гражданской войны, сохранив целостность, но наша культура достаточно сбалансирована, тогда как иные арабы по-прежнему следуют религии чересчур непреклонно. Это заметно хотя бы по большинству консервативных элементов, которые можно встретить на Земле. У нас никогда не случится гражданской войны, потому что нас объединяет наша вера.

Фрэнк лишь одним выражением лица напомнил о существовании шиитов — одних из многих зачинщиков «гражданских войн» в исламе. Зейк прочитал его выражение, но не обращая внимания, продолжил:

— Мы все движемся по пути истории — одним широким караваном. Тебе может показаться, что мы, на Аль-Кахире, похожи на обычных изыскателей, путешествующих на марсоходах. И знаешь, для нас это большая честь быть одними из них.

— И… — Фрэнк хорошенько задумался, пытаясь

сформулировать вопрос, но от неопытности в арабском он лишь сбил темп разговора. — В этом и есть суть социального прогресса в исламе?

— Ну конечно! — утвердительно воскликнули, закивав, сразу несколько собеседников.

— А тебе так не кажется? — спросил Зейк.

— Ну… — Фрэнк ушел от ответа. Арабы до сих пор не установили демократию. У них была иерархическая культура, в которой наградой служили слава и свобода, а для многих из тех, кто по этой иерархии находился внизу, достичь славы и свободы можно было лишь поклонением. Что укрепляло систему и не тормозило развитие. Но что ему сейчас ответить?

— Разгром Бейрута стал несчастьем для прогрессивной арабской культуры, — произнес другой бедуин. — Это был город, куда съезжались интеллигенты, творческие люди и радикалы, когда их притесняли правительства. Все национальные правительства ненавидели панарабские идеалы, но дело в том, что мы говорим на одном языке в нескольких странах, а язык — мощное средство единения культур. Вместе с исламом он делает нас одним целым вопреки всем государственным границам. Бейрут всегда был местом, подтверждавшим эту особенность, и, когда израильтяне

его разрушили, подтвердить это стало сложнее. Разрушение было рассчитано на то, чтобы расколоть нас, и им это удалось. Поэтому здесь мы начали все сначала.

Это и был их социальный прогресс.

Слоистое отложение меди, которое они сгребали, иссякало, и наступало время очередной *рала*, передвижения *хеджра* на следующее место. Проведя в пути два дня, они прибыли к другому отложению, которое обнаружил сам Фрэнк. И он выдвинулся в следующую изыскательскую экспедицию.

Несколько дней он сидел в водительском сиденье, ходил по кабине, смотрел, как в окне меняются пейзажи. Они находились в районе *туллея*, или мелких гребней, параллельных друг другу и тянущихся по наклонной вниз. Он больше не включал телевизор — ему и так хватало, о чем поразмыслить.

«Арабы не верят в первородный грех, — написал он у себя в компьютере. — Они верят, что человек невинен, а смерть — естественна. Что нам не нужен спаситель. Что нет ни рая, ни ада, а лишь награда или кара, которая принимает форму самой жизни и образа, которым она будет прожита. В этом смысле их убеждения можно

рассматривать как гуманистическую поправку к иудаизму и христианству. Хотя, с другой стороны, они всегда отказывались от ответственности за свою судьбу. Она всегда была в руках Аллаха.

Я не понимаю этого противоречия. Но теперь они здесь. И маджари всегда были особой частью арабской культуры, зачастую даже ее передовым звеном. В двадцатом веке арабская поэзия возродилась благодаря поэтам, жившим в Нью-Йорке и в Латинской Америке. Возможно, так случится и здесь. Удивительно, как много общего в их мировоззрении оказалось с тем, во что верил Бун, — это у меня вообще не укладывается в голове. Лишь немногие утруждают себя тем, чтобы узнать, как мыслят другие».

Он обнаружил вкрапленную медную руду, необычайно плотную и с высоким содержанием серебра. Это было совсем неплохо. На Земле запасы меди и серебра были весьма скудны, последнее обильно применялось во многих промышленных областях и быстро иссякало. А здесь его было много, оно лежало прямо на поверхности, сосредоточенное в больших количествах, — конечно, не так, как в Сильвер-Маунтин или в массиве Элизий, но арабов это не заботило. Они планировали его собрать, а потом двинуться дальше.

Он уехал в одиночку. Шли дни, и тени меняли свое положение. Ветры проносились по склону снизу вверх, сверху вниз, снизу вверх. Собирались облака, поднимались бури, иногда на небе сияли ореолы и паргелии, а пыль искрились вихрями, будто слюда в розовом свете. Иногда он видел, как шаттлы выполняют аэродинамическое торможение, словно горящие метеоры, проносящиеся поперек неба. Однажды ясным утром он увидел гору Элизий, вздымающуюся над горизонтом, как черный гималайский пик; возвышаясь на тысячу километров, она была искажена инверсионным слоем атмосферы. Он больше не включал компьютер, равно как и телевизор. Теперь для него существовал лишь окружающий мир и он сам. Ветры подхватывали песок и со всех сторон швыряли в его марсоход. *Хала*, пустынная земля.

Но затем его стали мучить сны, — сны-воспоминания, яркие, живые и такие точные, будто он заново переживал свое прошлое, пока спал. Однажды ночью ему явились события того дня, когда он точно узнал, что возглавит американскую половину первой колонии на Марсе. Он ехал из Вашингтона в долину Шенандоа и испытывал странные чувства. Долго он бродил по огромному восточному твердолиственному лесу.

Вышел к известняковым пещерам Дурей, слывшим местной достопримечательностью, и по наитию взял экскурсию. Каждый сталактит и сталагмит подсвечивался жуткими разноцветными огоньками. К некоторым крепились деревянные колотушки, и органист мог играть на них, как на колокольчиках. Было видно, что пещера хорошо темперирована! Ему пришлось отойти, чтобы его со всех сторон обступила тьма, и прикусить рукав, чтобы остальные туристы не услышали его смеха.

Затем он припарковался так, чтобы ему открывался живописный вид, и ушел пешком в лес, где уселся между корнями большого дерева. Вокруг никого не было, стояла теплая осенняя ночь, земля казалось черной и шершавой. Цикады кружили, издавая свой внеземной гул, сверчки стрекотали свои последние скорбные песни, чувствуя приближение мороза, который их убьет. И все показалось ему таким *странным*… разве он в самом деле был готов насовсем покинуть этот мир? Сидя на этой земле, он желал сбросить скорлупу и возродиться кем-то другим, лучшим, более могущественным, благородным, долгоживущим — кем-то вроде дерева. Но, конечно, ничего этого не произошло; он лежал на земле, уже отрезан-

ный от нее. Уже ставший марсианином.

И он проснулся, а потом целый день его не покидала тревога.

А потом еще хуже — ему приснился Джон. Ему снилась ночь, когда он был в Вашингтоне и смотрел на Джона по телевизору, смотрел, как тот делает первые шаги по Марсу и за ним, отставая ненамного, следуют еще трое. Фрэнк проводил официальное торжественное мероприятия в НАСА и бродил по улицам, теплой вашингтонской ночью в лето 2020-го. Первая высадка Джона входила в план — он отдал ему это право, словно пожертвовав ферзя, потому что первый экипаж должен был получить такую дозу радиации, что после возвращения больше никуда не смог бы полететь. Но они проложили бы дорогу для нового перелета — на этот раз колонистов, которые останутся на Марсе насовсем. Это была настоящая игра, и ее Фрэнк и собирался вести.

И все же в ту историческую ночь он пребывал в подавленном настроении. Он вернулся в свою квартиру в районе Дюпон-сёркл, избавился от следящего за ним агента ФБР и проскользнул в темный бар, где стал смотреть телевизор из-за барной стойки, попивая бурбон, прямо как его отец, а из телевизора исходил марсианский свет,

раскрашивая темную комнату красным. И пока он пил и слушал бессвязную речь Джона, его настроение ухудшалось все сильнее и сильнее. Сосредоточиться на своем плане ему было тяжело. Он напивался. В баре было шумно, толпа ни на что не обращала внимание; пусть высадка Джона и не осталась совсем незамеченной. Но здесь передача с Марса — лишь одно из доступных развлечений наравне с игрой «Буллете», на которую то и дело переключал один из барменов. Затем щелчок — и снова возникла картинка с равнины Хриса. Мужчина, сидевший рядом, выругался.

— На Марсе играть в баскетбол будет чертовски интересно, — заметил Фрэнк с флоридским акцентом, от которого избавился много лет назад.

— Надо будет бросать мяч повыше, чтобы не поразбивать друг другу головы.

— Конечно, но ты подумай, как там можно прыгать. Хоть двадцатифутовые данки можно делать без проблем.

— И что, даже белые смогут прыгать так высоко? Скажешь тоже! Ты бы оставил баскетбол в покое, а то там появятся такие же проблемы, что и здесь.

Фрэнк рассмеялся. На улице было жарко, стояла душная вашингтонская ночь, и он плелся домой

в дурном настроении, которое с каждым шагом становилось все мрачнее. А проходя мимо одного из дюпонских нищих, достал десятидолларовую купюру и швырнул ее в мужчину, и, когда тот поймал ее, Фрэнк пихнул его и крикнул:

— Пошел! Найди работу!

Но затем показались люди, выходившие из метро, и он, взволнованный и разъяренный, поспешил прочь. Нищие просто валялись в проходах. Сегодня люди высадились на Марс, а на улицах столицы находились нищие, и все юристы каждый день проходили мимо, а все их разговоры о свободе и справедливости были не более чем прикрытием их алчности.

— На Марсе мы сделаем *по-другому*, — сердито проговорил Фрэнк и внезапно захотел оказаться там сейчас же, минуя годы тщательных подготовок, ожиданий, выступлений.

— Найди чертову работу! — крикнул он другому бездомному.

Затем подошел к своему дому, где в вестибюле скучали охранники — люди, тратившие свои жизни, не занимаясь ничем. Когда он поднялся наверх, его руки тряслись так крупно, что поначалу не удавалось открыть дверь, а оказавшись наконец внутри, он замер, придя в ужас при виде

своей уютной чиновничьей мебели и остальных декораций, призванных лишь производить впечатление на редких посетителей — по сути, только сотрудников НАСА и ФБР. Ничего для него самого. *Ничего*. Ничего, кроме того, что требовалось для плана.

И затем он проснулся, один, в марсоходе, бороздящем Большой Уступ.

Наконец он вернулся из своей кошмарной сновидческой экспедиции. Снова оказавшись в караване, он обнаружил, что ему было тяжело общаться. Зейк пригласил его на кофе, и, чтобы расслабиться в мужской компании, он проглотил таблетку успокоительного на основе опиума. Он уселся на свое место в марсоходе Зейка и подождал, пока хозяин раздаст чашечки кофе размером с головку чеснока. Справа от Джона сидел Унси аль-Хал и подробно рассказывал об исламском видении истории и о его формировании во время джахилии, или в доисламский период. Аль-Хал никогда не проявлял дружелюбия, и, когда Фрэнк попытался передать ему чашку кофе, как то предусматривала традиционная вежливость, аль-Хал резко настоял, что эта честь принадлежала Фрэнку, что аль-Хал не мог на нее претендовать. Это было типичное

оскорбление. Очередное проявление иерархии — нельзя было оказывать любезности тому, кто стоял выше в системе, любезности передавались лишь сверху вниз. Альфа-самцы, очередность приема пищи — с таким же успехом они могли оказаться в саванне (или в Вашингтоне), где снова, как приматы, стремились бы доминировать над другими.

Фрэнк заскрежетал зубами, и, когда аль-Хал продолжил разглагольствовать, сказал:

— А что там насчет ваших женщин?

Это всех ошарашило, а аль-Хал пожал плечами:

— В исламе мужчины и женщины исполняют разные роли. Так же, как и на Западе. Это обосновано биологически.

Фрэнк потряс головой и ощутил, как она загудела от таблеток, словно от черного груза прошлого. Давление на слой отвращения, находившийся в глубине его сознания, возросло, и что-то заставило этот слой подняться наружу — вдруг ему все стало все равно, он больше не мог притворяться, как прежде. Ему надоела вся эта фальшь, вязкое горючее, на котором работало это приличное общество, скрежеща своей мерзкой дорогой.

— Да, — согласился он, — но это же рабство,

разве нет?

Окружавшие его мужчины застыли на месте, пораженные услышанным словом.

Разве нет? — повторил он, беспомощно ощущая, как слова фонтаном вылетают из его рта. — Ваши жены и дочери бесправны, значит, это рабство. Вы можете хорошо с ними обходиться, но они могут оставаться рабами с особой, сокровенной властью над своими хозяевами, но отношения хозяина и раба здесь всегда запутываются. Значит, все эти отношения спутаны и натянуты так, что вот-вот порвутся.

Зейк поморщил нос.

— Уверяю тебя, в жизни у нас все не так. Послушай хотя бы нашу поэзию.

— А ваши женщины тоже уверят меня в этом?

— Да, — сказал Зейк с предельной убедительностью.

— Может, и так. Но все самые успешные ваши женщины во все времена были скромными и почтительными, неуклонно следовали системе. Они помогали своим мужьям и сыновьям жить в этой системе. То есть, чтобы добиться успеха, им приходилось укреплять систему, в которой они угнетались. То есть вредить сами себе. И этот круг повторяется, поколение за поколением.

Поддерживаемый и хозяевами, и рабами.

— Использование слово *рабы*... — медленно проговорил аль-Хал и сделал паузу, — оно оскорбительно, поскольку подразумевает оценочное суждение. Суждение культуры, которой ты толком не понимаешь.

— Действительно. Я лишь говорю, как это выглядит со стороны. Ведь это может представлять интерес для прогрессивных мусульман. Разве не божий замысел вы стремитесь воплотить в истории мира? Если почитать законы, посмотреть, как они действуют в жизни, мне все это кажется какой-то формой рабства. А мы, знаете ли, сражались в войнах, чтобы покончить с ним. И исключили ЮАР из международного сообщества за то, что они приняли законы, не дающие черным права жить так же хорошо, как белым. Но вы делаете это постоянно. Если бы где-нибудь в мире с мужчинами обходились так же, как вы с женщинами, ООН изолировала бы такую страну. Но, поскольку речь идет о женщинах, мужчины, имеющие власть, отводят от них взгляд. Они говорят, это вопрос культуры, религии, в него не нужно вмешиваться. И что его не нужно называть рабством, потому что это преувеличение.

— Или даже не преувеличение, а искажение, —

заметил Зейк.

— Нет, преувеличение. Западные женщины во многом сами выбирают, что им делать, как жить. У вас же иначе. Но ни один человек не может быть чьей-то собственностью, люди этого не выносят, стараются освободиться и отомстить. Такова людская природа. А в данном случае речь идет о ваших матерях, женах, сестрах, дочерях.

Теперь мужчины свирепо смотрели на него, по-прежнему больше потрясенные, чем оскорбленные, но Фрэнк глядел в свою чашку кофе и, не обращая ни на что внимания, продолжил:

— Вы должны освободить своих женщин.

— Как ты вообще можешь такое предлагать? — сказал Зейк, вопросительно глядя на него.

— Измените свои законы! Учите их в тех же школах, где учите сыновей. Дайте им такие же права, что имеет любой мусульманин в любой стране. Вспомните, в ваших законах есть много такого, чего нет в Коране, но что добавили уже после Мухаммеда.

— Это сделали святые, — сердито возразил аль-Хал.

— Конечно. Но мы сами выбираем, как наши религиозные убеждения влияют на нашу жизнь. Это истинно для всех культур. И мы можем выби-

рать новые пути. Вы должны освободить своих женщин.

— Я не люблю, когда мне читает проповеди кто-то, кроме муллы, — процедил аль-Хал, сжав рот в тонкую линию, еле заметную из-под усов. — Предоставим читать наставления праведникам.

Зейк радостно улыбнулся.

— Так говорил Селим аль-Хаиль, — заметил он.

Воцарилась глубокая, напряженная тишина.

Фрэнк сощурился. Многие мужчины улыбались, с признательностью глядя на Зейка. И тут до Фрэнка дошло, что они знали обо всем, что случилось в Никосии. Ну конечно! Селим умер в ту же ночь, через несколько часов после убийства, отравленный каким-то странным сочетанием микробов. Но они все равно все знали.

И тем не менее приняли его, пригласили в свои дома, туда, где проживали свои жизни в стороне от остальных. И пытались научить его тому, во что сами верили.

— Пожалуй, нам стоит сделать их такими же свободными, как русские женщины, — усмехнулся Зейк, выведя Фрэнка из размышлений. — Доведенные до сумасшествия от переутомления, так про них говорят? Говорят, что они равны, но на самом деле нет.

Юсуф Хави, пылкий молодой парень, покосился на Фрэнка и загоготал:

— Суки они, вот что я вам скажу! Но не больше и не меньше, чем любые другие женщины! Разве неправда, что дома власть имеет тот, кто сильнее? Вот в моем марсоходе раб — это я! Я каждый день преклоняюсь перед своей Азизой!

В ответ раздался взрыв хохота. Зейк собирал у них чашки и снова наполнял их кофе. Мужчины замяли разговор как могли, забыв о грубом оскорблении, нанесенном им Фрэнком, либо потому, что оно было так далеко за пределами дозволенного, что могло следовать лишь из неведения, либо же потому, что они признавали опеку Зейка над ним. Но лишь половина присутствующих могла теперь смотреть Фрэнку в лицо.

Он успокоился и теперь только слушал их, до глубины души обозлившись на самого себя. Говорить то, что думаешь, нельзя было никогда, если это хоть сколько-нибудь противоречило политической цели говорящего, а такие противоречия обычно имелись во все времена. Лучше скрывать истинное содержание своих заявлений — на этом основана дипломатия. Но он сейчас забыл об этом.

Расстроенный, он вновь отправился в экс-

педицию. Сны являлись ему уже не так часто. А вернувшись, перестал принимать успокоительное. Он тихо сидел в кофейных кругах или рассказывал о минералах, подземных водах и удобстве новых, усовершенствованных изыскательских марсоходов. Мужчины держались с ним осторожно и позволяли участвовать в своих разговорах лишь из уважения к Зейку, который не подавал никаких знаков — кроме того случая, когда недвусмысленно напомнил Фрэнку об одной из сторон его нынешнего положения.

Однажды ночью Зейк пригласил его на закрытый ужин с ним и его женой Назик. Та была облачена в длинное белое платье в традиционном бедуинском стиле с голубым поясом и непокрытой головой. Ее густые темные волосы были убраны назад плоским гребнем и свободно свисали к плечам. Фрэнк достаточно много читал об их традициях, чтобы знать, что все это было неправильно: женщины бедуинов Авлад Али носили черные платья и красные пояса, подчеркивавшие их непристойность, сексуальность и нравственную ущербность, покрывали головы и скрывали лица вуалью, придерживаясь некоего иерархического кодекса скромности. И все это должно было обозначать власть мужчин, так

что одежда Назик вызвала бы шок у ее матери и бабушек, пусть даже она, как сейчас, ходила в них перед чужаком, которому не было до этого дела. Но если он знал достаточно, чтобы это понять, значит, это был знак.

В какой-то момент они все смеялись, и Назик встала, когда Зейк попросил принести десерт, и, не переставая смеяться, ответила ему:

— Да, хозяин.

Зейк, бросив на нее сердитый взгляд, сказал: «Иди, рабыня» — и ударил ее сплеча, а она укусила его за руку. Увидев, что Фрэнк залился краской, они рассмеялись, и он понял, что они разыграли его. Затем они нарушили еще одно бедуинское табу, касающееся демонстрации супружеской ласки посторонним. Назик подошла к Фрэнку и коснулась кончиками пальцев его плеча.

— Мы просто шутим над тобой, — сказала она. — Мы, женщины, слышали о том, что ты сказал мужчинам, и любим тебя за это. У тебя могло бы быть столько же жен, сколько у турецкого султана. Потому что в том, что ты сказал, есть правда, много правды. — Она с серьезным видом кивнула и указала пальцем на Зейка, который так же, сбросив ухмылку, серьезно смотрел на него. Назик продолжила: — Но многое зависит

от самих людей, согласен? Мужчины нашего каравана — хорошие мужчины, разумные. А женщины даже разумнее, и мы отняли у них всю власть. — Зейк резко поднял брови, а Назик рассмеялась. — Ну ладно, на самом деле только свою половину. Серьезно.

— Но где вы все в таком случае? — спросил Фрэнк. — Я имею в виду, где женщины каравана проводят целые дни? Чем вы занимаетесь?

— Мы работаем, — просто ответила Назик. — Осмотрись и увидишь нас.

— Вы прямо все-все делаете?

— О да. Хотя, может, ты и не сможешь увидеть многое. Есть, например, обычаи, традиции. Мы, как отшельницы, живем в уединении, у нас есть свой собственный мир — может, это и не очень хорошо. Мы, бедуины, склонны собираться общими группами мужчин и женщин. У нас есть свои традиции, видишь ли, и они продолжают соблюдаться. Но многое и меняется, причем быстро. Это новый этап мусульманского уклада. Мы творим… — Она задумалась, пытаясь подобрать слово.

— Утопию, — подсказал Зейк. — Мусульманскую утопию.

Она сомнительно покачала пальцем.

— Историю, — сказала она. — Хадж к утопии.

Зейк с довольным видом рассмеялся.

— Но хадж — это предназначение, — возразил он. — Этому учат все муллы. Так что, мы уже его достигли?

Они с женой улыбнулись друг другу, многозначительно, обмениваясь информацией, — улыбкой, которую на один миг разделили и с Фрэнком. А затем их беседа продолжилась в другом направлении.

В практическом смысле Аль-Кахира был ожившей панарабской мечтой, так как все арабские страны выделили для маджари и деньги, и людей. Арабские народы на Марсе полностью смешивались, но в караванах все же существовало некоторое разделение. И тем не менее они смешивались — независимо от того, из какой страны происходили: богатой нефтью или бедной. Здесь, среди чужеземцев, все они были родственниками. Сирийцы и иракцы, египтяне и саудиты, жители стран Арабского залива и палестинцы, ливийцы и бедуины. Здесь все были родственниками.

Фрэнк уже чувствовал себя лучше. Он снова стал хорошо спать, каждый день освежаясь за

период временного сброса, маленького зазора в циркодианном ритме, дававшего отдых всему телу. Жизнь в караване протекала в каком-то своем темпе, будто каждый миг растягивался, и ему постоянно казалось, что у него оставалось лишнее время и что спешить не было причин.

А времена года тем временем шли одно за другим. Солнце каждую ночь садилось почти в одном и том же месте, смещаясь крайне медленно. Теперь они полностью перешли на марсианский календарь и отмечали Новый год только при L_S = 0°, когда начиналась северная весна. Сейчас наступал 16-й марсианский год.

Одно время года сменялось другим, каждое длилось по шесть месяцев, только теперь они проходили без старого ощущения своей смертности — они словно жили вечно, в бесконечном круговороте работы и отдыха, в непрерывном цикле молитв на далекую Мекку, в непрекращающихся странствиях. В вечном холоде. Проснувшись однажды утром, они увидели, что ночью выпал снег и все вокруг стало ярко-белым. Снег состоял в основном из водного льда. В тот день весь караван сходил с ума: все до единого, и мужчины, и женщины высыпали в прогулочниках наружу, обезумевшие от представшего зрелища, топ-

тались, лепили снежки, которые оказывались рыхлыми и распадались, и даже пытались лепить снеговиков, которые также не держали форму. Снег был слишком холодным.

Зейк не мог унять смех, глядя на эти попытки.

— Вот это альбедо! — восклицал он. — Удивительно, как все, что бы Сакс ни сделал, играет против него. Реакции стремятся к гомеостазу, не заметил? Интересно, может, Саксу стоило сначала сделать какие-нибудь холодные штуки, чтобы вся атмосфера примерзла к поверхности? Какой толщины она стала бы — сантиметр? А потом бы выставить уборочные машины от полюса до полюса и пустить их по всем широтам, чтобы перерабатывали диоксид углерода в подходящий воздух и удобрения. А, как тебе такое?

Фрэнк покачал головой.

— Наверняка Сакс думал об этом, но предпочел так не делать по какой-то неизвестной нам причине.

— Несомненно.

Снег испарился, опять осталась лишь красная земля, они двинулись дальше. Изредка проезжали ядерные реакторы, будто замки, возвышавшиеся на вершине уступа, — не только «Риковеры», но и гигантские бридеры «Вестингхаус», с мороз-

ным пушком, напоминавшим грозовые тучи. По «Мангалавиду» показывали передачи о возможной растопке Великой Северной равнины.

Миновали каньон за каньоном. Они знали местность так, как не знала даже Энн: ее каждая часть Марса интересовала в равной степени, у нее не могло быть специальных знаний, относящихся лишь к одному региону, — а они читали свой путь, будто рассказ, следуя по подсказкам среди красных скал, чтобы находить участки черноватых сульфидов или хрупкие залежи ртути. Они не столько изучали эту землю, сколько любили ее — и желали кое-что от нее получить. Энн, напротив, не хотела от нее ничего, кроме ответов на вопросы. Желания бывали такими разными.

Проходили дни, а с ними и времена года. Когда они встречали другие арабские караваны, то отмечали это целыми ночами, с музыкой и танцами, кофе, кальянами и беседами, накрывая шатрами восьмиугольники подключенных марсоходов. Музыку они никогда не записывали, но исполняли с большим мастерством на флейтах и электрогитарах и пели четвертьтонами и завываниями, казавшимися Фрэнку странными, — долгое время он даже не мог понять, умели ли они петь или нет. Трапезничали по несколько

часов, а потом болтали до рассвета и, наконец, выходили смотреть, как разгорается заря.

Но когда они встречались с группами других национальностей, то, естественно, держали себя более замкнуто. Однажды они проезжали новую горнодобывающую станцию «Амекс», населенную преимущественно американцами. Она находилась в борозде Тантал близ патеры Альба, где возвышалась на одном из редких пластов мафической породы, богатой платиноидами. Сам по себе рудник располагался на продолговатом плоском дне узкой расщелины, но в ней работали в основном машины, а группа жила в роскошном шатре на краю, откуда открывался вид на расщелину. Арабы встали в круг возле их шатра, нанесли им короткий осторожный визит и ушли ночевать обратно в свои насекомоподобные марсоходы. Американцы даже не могли о них ничего узнать.

Но Фрэнк той ночью вернулся в американский шатер в одиночку. Там жили ребята из Флориды, и их голоса пробудили в нем воспоминания; Фрэнк не обращал внимания на мелкие душевные взрывы и сыпал вопросами, вглядываясь в лица негров, латиноамериканцев, южан, которые отвечали ему. Он понял, что группа старалась

воссоздать общество ранней формы, прямо как арабы, — они работали на пробуренной наугад скважине, перенося тяжелые условия и подолгу ожидая крупных получек, приберегая все, чтобы потом вернуться в цивилизацию. Это стоило того, даже если Марс был невыносим, — а он таким и был. «Я имею в виду, даже на льду можно выйти и прогуляться, но здесь — хрен вам».

Им было безразлично, кем был Фрэнк Он сидел в их кругу, когда они рассказывали друг другу истории, которые поражали его, несмотря на то что казались очень знакомыми.

— Нас было двадцать два человека, мы проводили изыскания с маленьким мобильным жилищем, где не было делений на комнаты, и однажды ночью мы устроили вечеринку, разделись догола, и все бабы образовали круг, головами посередине, а парни обхаживали их по кругу. Парней было двенадцать, а девчонок — десять, поэтому два парня не участвовали и подгоняли всех, чтобы круг двигался поскорее, и мы прошли весь круг за временной сброс. Мы хотели кончить одновременно, вместе с концом сброса, и получилось довольно точно. Когда сразу несколько пар приступали к делу, это становилось похожим на водоворот, который сразу затягивал всех осталь-

ных. Было так классно!

А потом, когда иссяк смех и стихли крики неверия:

— Мы убивали и замораживали свиней в Ацидалии, и это было как пустить стрелу им в головы, поэтому мы подумали, почему бы не убить и заморозить их всех одновременно и посмотреть, что будет. И вот мы их собрали и начали делать ставки, какая свинка продержится дольше. Затем открыли внешний шлюз, а те свиньи выскочили наружу и бац! — все попадали не дальше чем в полсотне ярдов от двери, только одна мелкая свинюка прошла почти двести и замерзла, стоя на ногах! Благодаря ей я выиграл тысячу долларов.

Фрэнк смеялся над их байками. Он снова оказался в Америке. Он спрашивал их, чем еще они занимались на Марсе. Одни строили ядерные реакторы на вершине горы Павлина, куда должен был примыкать космический лифт. Другие работали на водопроводе, что тянулся по восточному краю купола Фарсида из Лабиринта Ночи к горе Павлина. «Праксис», основной транснациональный синдикат, занимавшийся строительством лифта, имел множество интересов в районе его нижнего конца, как они его называли.

Я работал на «Вестингхаусе» на вершине водо-

носного слоя Комптон под Лабиринтом, где воды предположительно было, как в Средиземном море, и реактор работал на то, чтобы давать энергию для кучки увлажнителей. Двести чертовых мегаватт — и это были такие же увлажнители, как те, что стояли у меня в комнате, когда я был маленьким, только этим требовалось по пятьдесят киловатт каждому! Гигантские рокуэллские чудовища с одномолекулярными испарителями и турбореактивными двигателями, выпускающие туман тысячеметровыми кусками. Невероятно, мать их! Каждый день они добавляли в воздух миллион литров «аш» и «о»!

Третьи строили новый шатровый городок в канале Эхо, прямо под Оверлуком.

— Они пробили там водоносный слой и устроили по всему городу фонтаны, фонтанирующие статуи, водопады, каналы, ставки, бассейны — все что хочешь, такая себе маленькая Венеция. И все это хорошо сохраняло тепло.

Разговор переместился в тренажерный зал, прекрасно оборудованный устройствами, предназначенными для того, чтобы их пользователи держались в форме, которая позволила бы им вернуться на Землю.

Почти все здесь придерживались жесткого

графика занятий, каждый день тратя на них не менее трех часов.

— Если их бросить, можно совсем здесь застрять, правильно? И какой тогда будет толк от всей этой экономии?

— Так или иначе, это всегда будет представлять какую-то ценность, — сказал один из них. — Куда бы люди ни отправились, американский доллар останется с ними, верно?

Ты все напутал, засранец.

— Мы сами — живое тому доказательство.

Фрэнк сказал:

— А разве договор не воспрещает использование земных денег на Марсе?

— Да договор вообще курам на смех, — сказал другой, делавший верхнюю тягу.

— Мертв, как та свинка Бесси.

Они уставились на Фрэнка, им было по двадцать-тридцать лет — с представителями этого поколения он общался мало и не знал, как они росли, во что верили, из чего были «слеплены». Их узнаваемые акценты и черты лиц создавали впечатление, что эти люди близки Фрэнку, но это было обманчивое впечатление.

— Вы так думаете? — спросил он.

Некоторые из них знали о договоре больше дру-

гих, хотя и им он казался каким-то историческим явлением. Но тот, который делал верхнюю тягу, словно ничего не замечал:

Мы находимся здесь на основании сделки, согласно которой договор недействителен. И это происходит повсюду. Бразилия, Грузия, страны Арабского залива, все, кто проголосовал против договора, пускают сюда транснационалов. Среди стран с «удобными Флагами» вообще идет конкурс на лучшее удобство! А УДМ вообще лежит на спине, раскинув ноги, и говорит: «Еще, еще!» Сюда прибывают тысячи людей, и большинство из них нанято транснационалами, у них правительственные визы и пятилетние контракты, включающие время на восстановление после прибытия на Землю и все такое.

— Тысячи, говоришь? — спросил Фрэнк.

— О да! Десятки тысяч.

Он не смотрел телевизор, как сейчас понял, уже… уже долгое время.

Мужчина, поднимавший штангу стоя, говорил между повторениями:

— Очень скоро пузырь лопнет… многим это не по нраву… не только старожилам вроде вас… всей этой куче новичков тоже… они исчезают толпами… целыми подразделениями… и даже

целыми городами… Наткнулись мы на рудник в Сиртисе… совсем пустой… все полезное вывезли… все ободрали… даже двери шлюзов… кислородные резервуары… туалеты… то, что пришлось… тащить оттуда часами.

— Зачем они это сделали?

— Пускали корни! — воскликнул жимовик. — Примкнули к вашему товарищу Аркадию Богданову!

Лежа ровно на спине, он встретился взглядом с Фрэнком — высокий, широкоплечий негр с орлиным носом.

— Они прилетели сюда, компания старалась создать выгодное впечатление, — сказал он. — Тренажерки, хорошее питание, восстановительный период и все остальное, но на деле они просто говорят тебе, что ты можешь делать и что не можешь. Здесь все по расписанию — когда просыпаешься, когда ешь, когда срешь, — как будто Морфлот объединился с медкорпусом, понимаете? А потом приходит ваш дружбан Аркадий и говорит нам: «Эй, американцы, ребята, вы должны быть свободными, Марс — это новый рубеж, и вы, наверное, знаете, что кое-кто из нас рассматривает его как раз в этом ключе, у нас нет этого оборудования, но мы свободные люди и

сами пишем себе правила жизни в своем новом мире!» Вот так вот!

Комната взорвалась смехом, а потом все умолкли, чтобы услышать продолжение:

И это срабатывает! Народ прибывает сюда и видит, что им, как машинам, приходится вкалывать по расписанию, видит, что не может находиться в нормальной форме, если не всасывать все время воздух из трубки, да и то, подозреваю, это невозможно, так что они нам наврали. А значит, вся эта оплата ничего не стоит, мы для них — просто машины и, возможно, застряли здесь навсегда. Мы рабы! Чертовы рабы! И поверьте мне, это многих здесь бесит. Они готовы дать отпор, скажу я вам. И эти ребята как раз исчезают. Прежде чем что-то случится, их должно стать больше, гораздо больше.

Фрэнк пристально смотрел на говорящего.

— А ты почему не исчез?

Тот отрывисто рассмеялся и снова продолжил тягать гири.

— Охрана, — сказал кто-то из тренажера «Наутилус».

Жим-стоя согласился.

— Охрана — это досадно, но нужно еще, чтобы было куда идти. Как только Аркадий укажет путь

— уйдем!

— Однажды, — сказал жимовик, — я видел по телику, как он говорил, что цветные парни лучше приспособлены к марсианским условиям, чем белые. Мы лучше переносим ультрафиолетовое излучение.

— Да! Да! — все рассмеялись, и скептически, и радостно одновременно.

— Да, это чушь собачья, но какого черта? — продолжил жимовик. — Почему бы нет? Почему? Пусть это будет наш мир. Пусть это будет Новая Африка. Пусть ни один босс не сможет отнять его у нас.

Он рассмеялся снова, будто все, что он говорил, было таким смешным. Или просто уморительной правдой, такой приятной, что даже произносить ее вслух нельзя было, не заливаясь смехом.

Поздно той же ночью Фрэнк вернулся к арабским марсоходам и продолжил путь с ними, но ощущения его уже были другими. Его затягивало в прошлое, и длинные дни, проведенные в разведке, лишь вызывали у него зуд. Он смотрел телевизор, кому-то звонил. Пост секретаря он так и не оставлял — в его отсутствие делами ведомства руководил его заместитель Слусинский, а ему было достаточно поддерживать их по

телефону, чтобы те его прикрывали, сообщая в Вашингтон, что он на работе, затем — что он занят серьезным исследованием, затем — что ушел в рабочий отпуск, ведь ему как члену первой сотни необходимо было где-то странствовать. Долго это продолжаться не могло, но, когда Фрэнк позвонил напрямую в Вашингтон, президент был этим доволен, а изможденный Слусинский в Берроузе выглядел по-настоящему счастливым. И вообще все министерство обрадовалось, узнав, что он собирался вернуться, — Фрэнк даже слегка этому удивился. Когда он покидал Берроуз, в презрении к договору и подавленный из-за Майи, он, как ему казалось, был отвратительным начальником. Но теперь, после того как они прикрывали его почти два года, они были рады его возвращению. Люди такие странные. Несомненно, дело в ауре первой сотни. Если, конечно, это имело значение.

Итак, Фрэнк, вернувшись из последней изыскательской экспедиции, вечером сидел в марсоходе Зейка, потягивая свой кофе, наблюдая, как беседовали Зейк, аль-Хал, Юсуф и остальные, а также Назик и Азиза, которые то входили, то выходили из помещения. Это были люди, которые восприняли его, люди, которые в некотором смысле его понимали. Согласно их законам, он сделал

то, что было необходимо. Расслабился в потоке арабской речи, преисполненной многозначительности. «Лилии», «река», «лес», «веселье», «жасмин» — слова, которые могли означать механическую руку, трубу, осыпь, части роботов; а может, это просто лилии, река, лес, веселье, жасмин. Красивый, изумительный язык. Речь людей, принявших его в свой круг, давших ему отдых. Но людей, которых он должен покинуть.

≈ * ≈

Теперь тем, кто провел в Андерхилле более полугода (марсианских), выделяли личную комнату на постоянной основе. По всей планете в городах вводили подобную систему из-за того, что люди разъезжали так часто, что никто и нигде не чувствовал себя дома, а эта мера должна была улучшить ситуацию. И разумеется, первая сотня, представители которой были в числе самых подвижных марсиан, стала проводить в Андерхилле больше времени, чем раньше, и это доставляло им прежде всего удовольствие — по крайней мере, большинству. Теперь там постоянно находилось двадцать-тридцать из них, тогда как другие прибывали, проводили там какое-то время между разными занятиями и непрерывно въезжали и выезжали. Благодаря этому первые могли более-менее оставаться в курсе положения дел — новоприбывшие докладывали о том, что видели сами, а они спорили о том, что это значило.

Фрэнк, однако, не проводил в Андерхилле требуемых двенадцати (земных) месяцев в году, поэтому личной комнаты ему не полагалось. Он

переехал в главное здание своего министерства в Берроузе в 2050-м и до того, как присоединился к арабам в 2057-м, занимал комнату в этом здании.

Сейчас шел 2059-й, и он, вернувшись, оказался в комнате этажом ниже, чем раньше. Бросив сумку и осмотревшись, он громко выругался. Вынужден находиться в Берроузе лично — будто физическое присутствие в эту пору имело какое-то значение! Не иначе как нелепый анахронизм, но так уж устроены люди. Очередное остаточное явление из саванн. Они по-прежнему жили, как обезьяны, окруженные силами своих новых богов.

Вошел Слусинский. Несмотря на то, что его акцент был чисто нью-йоркским, Фрэнк всегда называл его Дживсом, потому что он был похож на актера из сериала канала BBC[77].

— Мы как карлики на погрузчике, — сердито сказал ему Фрэнк. — В такой огромной машине. Сидим внутри и якобы должны сворачивать горы, но, вместо того чтобы использовать его возможности, высовываемся в окошко и копаем чайной ложечкой. И хвалим друг друга за то, что пользуемся преимуществом в росте.

— Понимаю, — осторожно ответил Дживс.

---

[77] Примечания: 77

Речь идет о британском сериале «Дживс и Вустер» (1990–1993), где роль Дживса исполнил Стивен Фрай.

Но ничего с этим поделать было нельзя. Он снова оказался в Берроузе, снова в высоком ритме проводил по четыре встречи в час, участвовал в совещаниях, где говорили о том, что он и так знал, — что УДМ ООН теперь использовало договор как туалетную бумагу. Они принимали системы учета, которые гарантировали, что горные работы не принесут никакой прибыли членам Генеральной Ассамблеи даже после того, как будет запущен космический лифт. Они отдавали статус «необходимых лиц» тысячам эмигрантов. Не внимали ни многочисленным объединениям местных жителей, ни «Первым на Марсе». Многое из этого было сделано ради самого лифта, который обеспечивал бесконечную вереницу извинений — 35 ООО километров извинений, 120 миллиардов долларов извинений. Что было не так уж дорого, если сравнивать с военным бюджетом прошлого века. Причем бóльшая часть средств, необходимых для запуска лифта, требовалась в первые годы — чтобы найти астероид, вывести его на подходящую орбиту и наладить фабрику по производству проводов. А потом фабрика съедала астероид и выплевывала провод — и на этом все. Далее оставалось лишь дождаться, пока он нарастит достаточную длину,

и подтолкнуть в нужную позицию. Выгодная сделка, в самом-то деле!

А также прекрасное оправдание нарушения договора, везде кажущееся уместным.

— Черт побери! — воскликнул Фрэнк в конце длинного дня первой недели после возвращения. — Почему УДМ так прогнулось?

Дживс и остальной штат восприняли это как риторический вопрос и не выдвинули никаких предположений. Он явно отсутствовал слишком долго, теперь его боялись. Ему пришлось самому ответить на свой вопрос:

— Полагаю, что из жадности, ведь им всем втихую за это платят, так или иначе.

Вечером за ужином в небольшом кафе он случайно встретился с Урсулой Кол, Джанет Блайлевен и Владом Танеевым. Они ели и смотрели земные новости по здешнему телевизору. Да, теперь есть на что посмотреть! Канада и Норвегия присоединились к плану по замедлению роста численности населения. Конечно, никто не говорил о контроле численности — данное выражение было запрещенным в политике, но подразумевалось именно это, и это снова превращалось в «трагедию общин»: если одна страна игнорировала резолюции СЮН, то ее соседи выли

от страха, что их задавят числом. Это еще один вид обезьяньего страха, но ничего нельзя было с ним поделать. Тем временем Австралия, Новая Зеландия, Скандинавия, Азания, США, Канада и Швейцария объявили о запрете иммиграции, тогда как в Индии численность населения прибавляла по восемь процентов в год. Проблему мог решить голод — так и происходило во многих странах. Но пока… Телепередача сменилась рекламой популярного диетического жира, который не переваривался и проходил сквозь кишечник, не претерпевая изменений. «Ешь, сколько хочешь!»

Джанет выключила телевизор.

— Давайте сменим тему.

Они сидели вокруг стола и смотрели в свои тарелки. Как выяснилось, Влад и Урсула приехали из Ахерона из-за эпидемии устойчивого туберкулеза в Элизии.

— Санитарный кордон не выдержал, — сказала Урсула. — Некоторые вирусы, принесенные эмигрантами, могут мутировать или даже вступать в соединение с какой-нибудь из наших систем.

И снова Земля. Этой темы невозможно избежать.

— Там уже ничего не выдерживает, — восклик-

нула Урсула.

— Все к этому шло не один год, — резко заметил Фрэнк, его язык развязался при виде старых друзей. — Даже до появления терапии средняя продолжительность жизни в богатых странах была примерно вдвое выше, чем в бедных. Не забывайте об этом! Но раньше бедные были настолько бедными, что едва ли знали, что такое средняя продолжительность жизни, их заботило только то, как протянуть до завтра. А сейчас в каждой лавке на углу стоит телевизор и они могут наблюдать за происходящим — и видят, что они получают какие-то вспомогательные средства, тогда как богатым проводят терапию. И здесь уже не простая разница в социальном положении — ведь теперь они умирают молодыми, а богатые живут вечно! Так с чего вдруг они должны это терпеть? Терять-то им нечего.

— А получить можно все, — добавил Влад. — Они могли бы жить, как мы.

Они склонились над своими чашками кофе. В комнате было тусклое освещение. Сосновую мебель покрывала темная патина; пятна, зарубки, мелкие частицы, втертые в поверхность… Все напоминало одну из тех давних ночей, когда они были единственными в этом мире, когда

несколько человек засиживались допоздна, дольше других, и разговаривали. Только сейчас Фрэнк, щурясь и оглядываясь вокруг, видел усталость на лицах друзей, седые волосы, морщинистые старые лица. С тех пор прошло время, их раскидало по планете, они перемещались, как он, или скрывались, как Хироко, или были мертвы, как Джон. Отсутствие Джона вдруг показалось таким ощутимым и тягостным, будто кратер, на краю которого они угрюмо ютились, пытаясь согреть руки. Фрэнк содрогнулся.

Позже Влад и Урсула ушли спать. Фрэнк посмотрел на Джанет, почувствовав себя обездвиженным, как иногда у него случалось на исходе дня, неспособным пошевелиться когда-либо вообще.

— Где сейчас Майя? — спросил он, чтобы Джанет задержалась еще немного. Она дружила с Майей, когда они жили в Элладе.

— Да она здесь, в Берроузе, — ответила она. — Разве ты не знал?

— Нет.

— Она живет в старых комнатах Саманты. Может, избегает тебя.

— Что?

— Она сильно злится на тебя.

— Злится на меня?

— Конечно. — Она глянула на него через тусклую, наполненную тихим гулом комнату. — Тебе стоило бы это знать.

Все еще раздумывая, насколько открытым нужно быть с ней, он произнес:

— Нет! С чего бы это ей злиться?

— О, Фрэнк, — ответила она и подалась вперед на своем кресле. — Хватит вести себя так, словно у тебя что-то застряло в заднице! Мы знаем тебя, мы тоже были там и сами все видели! — Когда он откинулся назад, она придвинулась еще ближе и тихо сказала: — Тебе стоит знать, что Майя тебя любит. И всегда любила.

— Меня? — слабо спросил он. — Она же Джона любила.

— Да, конечно. Но с Джоном было слишком легко. Он любил ее в ответ, и это было очаровательно. Но для Майи это не годилось, ей нужно было что-то посложнее. И как раз так было с тобой.

Он покачал головой.

— Что-то не верится.

Джанет усмехнулась ему.

— Я знаю, что права, она сама мне это сказала! С самой конференции, когда подписали договор, она на тебя сердилась, а когда ее что-то злит, она

всегда об этом рассказывает.

— Но почему она сердится?

Да потому что ты отверг ее! Отверг после того, как годами преследовал, а она к этому привыкла, ей это нравилось. Это было романтично — то твое упорство. Она принимала это как данность, но любила тебя за это. А теперь Джона нет, и у нее наконец появилась возможность сказать тебе «да», а ты выгнал ее прочь. Она была в ярости! И уже долго не может утихомирить свой гнев.

— Это… — Фрэнк пытался овладеть собой. — Это не так, все произошло не так.

Джанет встала, чтобы уйти, и, когда проходила мимо, погладила его по голове.

— Тогда тебе, может быть, стоит поговорить об этом с ней. — И она вышла.

Он еще долго просидел на месте, ошарашенный, изучая блестящую поверхность ручки своего кресла. Собраться с мыслями ему было трудно. В конце концов он, оставив попытки, ушел спать.

Спал он плохо, а под конец долгой ночи ему в очередной раз приснился Джон. Они вращались под действием марсианской гравитации в длинных и просторных отсеках космической станции. Шел 2010 год, и они были в своей шестинедельной экспедиции, молодые и сильные.

Джон восклицал:

— Я прямо как Супермен! Вот это гравитация! Прямо как Супермен! — Он наворачивал круги по коридорам станции. — На Марсе все будет по-другому, Фрэнк. Все!

— Нет. Каждый шаг был как последний элемент в тройном прыжке. Прыг, прыг, прыг, прыг.

— Да! Все, что нужно, — это научиться бежать достаточно быстро.

Идеальная интерференционная картина из точек-облаков венчала западное побережье Мадагаскара. А солнце заливало бронзой океан.

Отсюда все смотрелось так превосходно.

— Подойди чуть ближе — и увидишь слишком много, — пробормотал Фрэнк.

— Или мало.

Было холодно, и они спорили из-за температуры. Джон вырос в Миннесоте и в детстве спал с открытым окном. А Фрэнка пробирала дрожь, он натягивал одеяло на плечи, но ноги превращались в лед. Они сыграли в шахматы, и Фрэнк победил.

— Глупость какая, — сказал Джон.

— Что ты имеешь в виду?

— Игры ничего не значат.

— Уверен? Иногда сама жизнь кажется мне

какой-то игрой.

Джон отрицательно покачал головой.

— В играх уже есть правила, а в жизни они постоянно меняются. Ты можешь пойти слоном сюда и поставить мат королю противника, а он может увернуться и шепнуть твоему слону что-то на ухо, и тот перейдет на его сторону и будет ходить, как ладья. И тогда тебе трындец.

Фрэнк кивнул. Он сам научил этому Джона.

Все смешалось в кучу — обеды, шахматы, разговоры, виды крутящейся Земли. Казалось, это была единственная жизнь, что он только ею и жил. Голоса из Хьюстона походили на механические, все их проблемы представлялись нелепыми. Сама планета была невероятно прекрасной, покрытая сложными узорами из очертаний облаков и земли.

— Я не хочу опускаться туда обратно. Ну это же чуть ли не лучше, чем будет на Марсе, тебе так не кажется?

— Нет.

Свернувшись калачиком и дрожа, он слушал, как Джон лопотал о своем отрочестве. Девочки, спорт, мечты о космосе. Фрэнк отвечал рассказами о Вашингтоне, учении Макиавелли, пока не понял, что Джон и так уже много почерпнул.

Как-никак, дружба есть дипломатия иными средствами. Но затем всплыли смутные воспоминания… беседы, нерешительность, дрожь, рассказ об отце, о возвращениях домой из бара в Джексонвилле, о Присцилле и ее светлых волосах, ее модельной внешности. О том, как это было ему безразлично, о браке ради резюме, ради того, чтобы выглядеть нормальным перед мозгоправами. И в этом не было его вины. Ведь он был брошен. Предан.

— Звучит хреново. Неудивительно, что ты считаешь людей такими говнюками.

Фрэнк махнул рукой на их большой голубой шар, дававший им свет.

— Но они такие и есть, — он указал на Африканский Рог[78]. — Вспомни, что случилось там.

— Это уже история, Фрэнк. Мы можем быть лучше этого.

— Разве? Думаешь?

— Подожди, и сам увидишь.

Он проснулся — желудок завязан узлом, по всему телу выступил пот. Он встал, принял душ и помнил теперь лишь единственный кусочек сна — как Джон говорил: «Подожди, и сам увидишь».

---

[78] Примечания: 78
Полуостров на востоке Африки. Другое название — Сомали.

Но его желудок как будто стал деревянным.

После завтрака он положил вилку на стол и погрузился в раздумья. Весь тот день он чувствовал себя отрешенным, не понимал, где находится — во сне или наяву, каждый раз задумываясь, как другим удается это различать. Разве жизнь не была во всех отношениях похожа на сон? Жизнь, где все было таким причудливым и олицетворяло собой нечто другое? Тем вечером он отправился искать Майю, чувствуя себя беспомощным, не в силах противостоять своему влечению. Он все решил еще прошлой ночью, когда Джанет сказала: «Тебе стоит знать, что Майя тебя любит». Он свернул за угол к общим столовым — и она была там, запрокинула голову, звонко смеясь. Исполненная жизни Майя, ее волосы, некогда совершенно черные, теперь были совсем белыми. Она не сводила глаз со своего спутника — темноволосого привлекательного мужчины лет пятидесяти на вид, улыбающегося ей. Майя положила руку ему на верхнюю часть предплечья из это был характерный жест, один из тех, которые она соотносила с близостью, он ничего не означал, но, по сути, служил знаком того, что этот мужчина не был ее любовником, а скорее тем, кого она как раз старалась обаять в данный момент. Возможно, они

встретились всего несколько минут назад, хотя его взгляд показывал, что он знал ее несколько дольше.

Она повернулась и, увидев Фрэнка, удивленно сморгнула. Потом снова посмотрела на мужчину и продолжила говорить, по-русски, не убирая руки.

Фрэнк засомневался и был уже готов развернуться и уйти. Он мысленно проклинал себя — неужели он стал как мальчишка? Он подошел к ним и поздоровался, но не услышал, ответили ли они. До конца ужина она была словно прикована к этому мужчине, не смотрела в сторону Фрэнка, не подходила. Мужчина, довольно симпатичный, был удивлен таким вниманием — и удивлен приятно. Они явно собирались уйти и провести ночь вместе, такое предчувствие всегда казалось приятным. Она использовала людей таким образом, ничуть не колеблясь, вот сука. Любовь… Чем больше он об этом думал, тем сильнее это выводило его из себя. Она никогда не любила никого, кроме самой себя. Но все же… тот взгляд, когда она впервые увидела его… неужели ей не стало приятно на какое-то мгновение? А потом она захотела, чтобы он на нее позлился? И разве это не было признаком задетых чувств, желания

причинить боль в ответ? Желания, подразумевающего явную (и невероятно ребяческую) страсть к нему?

Ладно, черт с ней. Он вернулся в свою комнату и собрал сумку, затем сел в метро, доехал до железнодорожной станции и отправился ночным поездом на запад, по Фарсиде, к горе Павлина.

Несколько месяцев спустя, когда лифт был выведен на свою орбиту, гора Павлина стала превращаться в координационный центр Марса, превосходя Берроуз так же, как тот когда-то превзошел Андерхилл. А когда до примарсения лифта оставалось уже немного времени, признаки предстоящего доминирования этого региона стали заметны повсюду. Параллельно железной дороге, поднимавшейся по крутому восточному склону вулкана, шли две новые трассы и четыре мощных трубопровода, а также тянулись множество проводов, линия микроволновых мачт и сплошная череда станций, погрузочных путей, складов и свалок. А на последнем и самом крутом изгибе конуса вулкана оказалось громадное скопление шатров и промышленных зданий, располагавшихся все теснее и теснее, до самого широкого края, где они стояли повсюду, а между ними возвышались огромные поля листов

для сбора солнечной радиации и накопители энергии, полученной с вращающихся солнечных панелей. Каждый шатер был небольшим городком, напичканным небольшими многоквартирными домами, а каждый из домов был полон народу, чье белье висело в каждом окне. Ближайшие к железной дороге шатры отделялись от нее лишь несколькими деревьями и, похоже, представляли собой что-то вроде торгового квартала; Фрэнк мельком увидел палатки с едой, видеопрокат, спортивные площадки, магазины одежды, прачечные. Мусор, собранный в кучи прямо на улицах.

Затем он прибыл на железнодорожную станцию на краю вулкана и вышел из поезда под сень просторного шатра. С южного края открывался поразительный вид на огромную, необъятную кальдеру, почти круглую дыру, совершенную, не считая гигантской выемки на северо-востоке. Эта выемка образовывала большой разрыв, ведущий от станции и пересекающий саму кальдеру, а также служивший свидетельством поистине масштабного бокового взрыва. Но это был единственный недостаток, во всем остальном обрыв был правильным, а дно кальдеры — почти идеально круглым, почти идеально плоским. И

тянулось на шестьдесят километров поперек и на целые пять в глубину. Как гигантский вход в мохол. Кое-какие признаки присутствия людей на дне кальдеры, как казалось с края, имели муравьиные масштабы и были еле видны.

Экватор проходил прямо по южному краю, и как раз там планировалось разместить нижний конец лифта. Место крепления было очевидным: это огромное бежево-белое бетонное укрытие, расположенное в нескольких километрах к западу от крупного шатрового городка, окружавшего станцию. К востоку от края вулкана помимо укрытия находилась череда заводов, землеройной техники и кучи сырьевых материалов — и все сверкало, как на фотографиях, в прозрачном, лишенном пыли разреженном горном воздухе под сливово-черным небом. В районе зенита виднелось множество звезд, не скрывавшихся даже днем.

На следующий день после прибытия Чалмерса персонал местного управления министерства повел его к опоре лифта. Техники в тот день собирались поймать направляющую провода. Как оказалось, никто не ожидал, что это станет впечатляющим зрелищем, но тем не менее событие было достаточно необычным. Конец направляю-

щей был обозначен небольшой ведущей ракетой, и газовые струи ее двигателя, выходящие на восток, горели непрерывно, тогда как на севере и юге вспыхивали лишь время от времени. Таким образом ракета медленно опускалась к крану, как любой другой спускаемый аппарат, — только от нее тянулась вверх серебристая линия, тонкая и прямая, видимая лишь в паре километров над ракетой. Глядя на это, Фрэнк представлял себе, будто он стоит на морском дне и рассматривает леску, спускающуюся с водной поверхности, — леску, привязанную к яркой приманке, которая вот-вот зацепится за лежащий на дне мусор. У него защипало в горле, пришлось опустить глаза и сделать глубокий вдох. Странное ощущение.

Ему устроили экскурсию по опорному комплексу. Портал крана, захватившего направляющую, располагался внутри большого отверстия в бетонном блоке, представлявшем собой кратер с широким краем. Стены этого бетонного кратера были усеяны изогнутыми серебристыми колоннами, на которых держались магнитные катушки, фиксирующие конец провода в амортизирующем кольце. Провод должен был с запасом висеть над бетонным дном благодаря тяге другого своего конца. И при этом тянуться по изящно

сбалансированной орбите от искусственного спутника к этому помещению — всего 37 000 километров, а в диаметре — лишь десять метров.

Когда направляющая была закреплена, провод стал довольно легко управляем. Пусть это и не было быстро, потому что спускать на конечную орбиту его следовало крайне бережно, посредством асимптотического приближения.

— Это будет похоже на парадокс Зенона, — заметил Слусинский.

Оставалось еще много дней до того момента, как конец провода наконец появится в небе и повиснет над городом. В следующие несколько недель он опускался даже медленнее, чем когда-либо, и постоянно был на виду. Поистине странное зрелище; у Чалмерса даже слегка закружилась голова, и каждый раз, как он смотрел на провод в его сознании вновь всплывало ощущение, будто он, Фрэнк, стоит на дне океана. И все смотрели на леску — черную нить, свисающую с поверхности воды.

Фрэнк налаживал работу головного здания министерства Марса в городе, который уже окрестили Шеффилдом. Сотрудники из Берроуза выступали против переезда, но он к ним не прислушался. Он встречался с американскими

управленцами и руководителями проекта по различным вопросам, связанным с лифтом, в Шеффилде или соседних городках на горе Павлина. Американцы представляли лишь малую часть имеющейся здесь рабочей силы, но Чалмерс все равно был постоянно занят, потому что в целом проект достигал невероятных масштабов. При этом американцы преобладали в работе со сверхпроводниковыми материалами, а также программным обеспечением лифтовых вагонов — удачной находкой ценой в миллиарды, которую многие приписывали Фрэнку, хотя на самом деле это была заслуга его искина и Слусинского, а также Филлис.

Многие из американцев жили в шатровом городке к востоку от Шеффилда, который прозвали Техасом, деля его с международниками, которым было приятно думать, что они живут в Техасе. Фрэнк старался повстречаться с как можно большим числом людей, чтобы ко времени, когда провод коснется поверхности, они уже были организованы и вели последовательную политику — или находились под его влиянием, как могли бы сказать некоторые. Местные жители понимали, что были менее влиятельными, чем Восточно-Азиатское содружество, которое

собирало корпуса лифтовых вагонов, или чем Европейское содружество, которое прокладывало сам провод. И менее влиятельными, чем «Праксис», «Амекс», «Армскор» и «Субараси».

Наконец настал день, когда провод должен был соприкоснуться с землей. В Шеффилде собралась огромная толпа, чтобы увидеть это. Вестибюль железнодорожной станции был забит под завязку, потому что оттуда открывался прекрасный вид на опорный комплекс, который теперь часто называли «гнездом».

Шли часы, и черная колонна опускалась, двигаясь все медленнее по мере приближения к цели. Она висела, не намного крупнее направляющей, помогавшей ей тянуться вниз, и даже меньше рабочей части ракеты «Энергия». Провод висел в небе идеально ровно, но был настолько тонким, что при таком перспективном ракурсе казался не выше небоскреба. Очень узкого и высокого небоскреба, пронзающего атмосферу.

— Вот бы встать прямо под ним, на дне «гнезда», — сказал один из его сотрудников. — Там же достаточно места для человека, да?

— Только магнитное поле может тебя сбросить оттуда, — ответил Слусинский, не сводивший глаз с неба.

Когда провод приблизился, они увидели, что он имел множество выступов и был исчерчен серебряными линиями. Затем его конец исчез в опорном комплексе, и гул толпы в вестибюле, похожий на шум из морской ракушки, стал громче. Люди не отрывались от экранов: камеры, расположенные внутри гнезда, показывали, как провод, не доставая десяти метров до бетонного пола, медленно останавливается. Затем краны, словно пинцетом, сдали амортизирующее кольцо вокруг провода в нескольких метрах от его конца. Все происходило будто в замедленном действии, и, когда все закончилось, казалось, что круглое помещение «гнезда» вдруг накрылось несообразной черной крышей.

Из громкоговорителя донесся женский голос: «Лифт закреплен». Раздались радостные возгласы. Народ оторвался от телевизоров и снова посмотрел через стены шатров. Теперь сооружение выглядело куда менее странным, чем когда провод просто висел в небе. Теперь это не более чем *reductio ad absurdum*[79] марсианской архитектуры, очень тонкая и очень длинная черная стрела. Толпа тут же пустилась в обсуждения и

---

[79] Примечания: 79
Доведение до абсурда *(лат.).*

понемногу рассеялась.

Вскоре после этого лифт заработал. За годы, что провод тянули от астероида Кларка, роботы сновали по нему, сооружая линии электропередач, предохранительные тросы, генераторы, сверхпроводящие трассы, станции технического обслуживания, станции безопасности, ракеты для регулировки положения, топливные резервуары, аварийные убежища через каждые несколько километров провода. Эта работа выполнялась параллельно прокладке самого провода, так что уже вскоре после соприкосновения вагоны смогли ездить вверх-вниз, сразу по четыреста штук в каждом направлении, словно паразиты по пряди волос. А еще через несколько месяцев можно будет на лифте выехать на орбиту. А потом, на другом лифте, спуститься обратно на поверхность.

И вот они спустились, привезенные с Земли на многоразовых шаттлах, этих огромных космических суднах, бороздящих систему Земля — Венера — Марс, используя три планеты и Луну как гравитационные рычаги, бешеными темпами переправляя пассажиров с Земли на Марс. Каждый из тринадцати кораблей перевозил тысячу человек, и каждый рейс в марсианском направ-

лении все шаттлы были заполнены до отказа. То есть шел непрерывный поток людей, прибывающих на астероид Кларка, затем спускающихся на лифтовых вагонах и высаживающихся в гнезде. А потом растекающихся по вестибюлю Шеффилда, исступленных, шатающихся, выпучивших глаза, с трудом пробирающихся к станции. Там они садились на поезда и отбывали прочь. Большинство поездов высаживали своих пассажиров в шатровых городах на горе Павлина, где автоматизированные бригады строили новые шатры достаточно быстро, чтобы справляться с наплывом, а с завершением работы над двумя новыми трубопроводами наладили снабжение водой, которую качали из водоносного слоя Комптон под Лабиринтом Ночи. Вот таким образом и происходило расселение эмигрантов.

А в «гнезде», на другом конце провода, направляющиеся вверх вагоны грузились очищенными металлами, платиной, золотом, ураном и серебром. Затем вагоны запирались, крепились к трассе и начинали подъем, медленно ускоряясь, пока не набирали полную скорость в 300 километров в час. Пять дней спустя они прибывали к вершине провода и тормозили перед шлюзами внутри противовесного астероида Кларка, теперь

представлявшего собой испещренную туннелями углеродсодержащую хондритовую глыбу с таким количеством внешних зданий и внутренних отсеков, что он походил скорее на космический корабль, чем на третью луну Марса. Здесь было суетно; тянулась нескончаемая вереница прибывающих и отбывающих кораблей и постоянно находящихся в движении экипажей и многочисленных диспетчеров, использовавших самые мощные компьютеры из всех существующих. Несмотря на то что большинство связанных с проводом операций управлялось компьютерами и выполнялось роботами, возникли целые новые профессии для руководства и надзора за ними.

И, конечно, все это освещалось в медиа, мгновенно передававших подробные видео о происходящем здесь. В общем и целом, несмотря на десять лет ожидания, казалось, что лифт возник самым чудесным образом.

Но имелись и проблемы. Фрэнк обнаружил, что его подчиненные проводят все больше и больше времени с людьми из шатров, приезжавшими в Шеффилд и заходящими в их офис. Это были новоприбывшие, которые беспокоились, кричали и сердились, жалуясь на жилищные условия, недостаток полиции или плохое питание. Один

тучный краснолицый мужчина в бейсбольной кепке тряс перед ними пальцем и восклицал:

— Частные охранные компании приходят к нам из других шатров и предлагают защиту, хотя это просто банды и они занимаются вымогательством! Я не могу даже назвать вам своего имени, иначе эта наша охрана прознает о том, что я был здесь! То есть я верю в черную экономику, как и все, но это же никуда не годится! Мы здесь не за этим! Фрэнк в негодовании мерил шагами офис. Все эти заявления были правдой, но сложно принять меры, не имея собственной службы безопасности, которая, по сути, стала бы серьезной полицией. Когда мужчина ушел, Чалмерс принялся пылко требовать разъяснения причин такой ситуации у своих сотрудников, но они не могли сообщить ему ничего нового, что лишь злило его еще сильнее.

— Вам платят за то, чтобы вы узнавали такие вещи для меня, это ваша работа! А вы сидите тут целыми днями и смотрите земные новости!

Он отменил все встречи, запланированные на тот день, — все тридцать семь.

— Ленивые, ни на что не годные ублюдки, — прогремел он и покинул офис, хлопнув дверью.

Выйдя на железнодорожную станцию, сел на

поезд, идущий вниз по склону, чтобы увидеть происходящее своими глазами.

Поезд останавливался на каждом километре спуска, где небольшие шлюзы из нержавеющей стали служили станциями шатровых городков. В одном из них он и сошел — указатель говорил, что это был Эль-Пасо. И он ступил в открытые двери переходного шлюза.

Из шатров, по крайней мере, открывался превосходный вид — с этим не поспорить. На востоке по долгому склону вулкана вниз тянулась железная дорога и трубопроводы, а на другой стороне, будто волдыри, теснились шатры за шатрами. Прозрачная ткань старых шатров уже приобрела легкий пурпурный оттенок. В расположенном рядом корпусе жизнеобеспечения громко шумели вентиляторы, и в этот шум вплетался высокий гул гидразинового генератора. Люди здесь общались на испанском и английском. Фрэнк позвонил в офис и распорядился позвонить в квартиру мужчины, обратившегося с жалобой. Тот ответил, и Фрэнк договорился встретиться с ним в кафе возле станции, где сел за столик снаружи. Мужчины и женщины за соседними столиками непринужденно и весело болтали. На узких улочках шумели маленькие электромобили, в

основном загруженные какими-то ящиками. Соседние со станцией здания были трехэтажными и состояли из сборных железобетонных конструкций, окрашенных в яркие голубые и белые оттенки. В трубах, соединяющих станцию с главной улицей, был высажен ряд молодых деревьев. На искусственном газоне люди сидели немногочисленными группами, другие же бесцельно бродили из лавки к лавке или спешили к станции, нагруженные сумками и рюкзаками. Все они выглядели несколько сбитыми с толку и неуверенными, будто не знали, что делать, или не научились как следует ходить.

Наконец мужчина показался вместе с целой толпой соседей, всем по двадцать с лишним лет, слишком молодых, чтобы оказаться на Марсе, как когда-то говаривали. Наверное, терапия возместит вред от радиации, даст людям, прибывшим сюда молодыми, возможность произвести здоровое потомство — кто скажет наверняка, пока это не произойдет? Лабораторные животные — вот кем они были. Как и всегда.

Странно было стоять среди них, Фрэнк чувствовал себя старейшиной, к которому все относились с трепетом и снисхождением, как к дедушке. Раздраженный, он велел им прогуляться с ним

и все показать. И они повели его по узким улицам от станции к более высоким зданиям между низкими рядами строений, оказавшихся бараками, предназначенными служить в качестве временных укрытий в дикой местности — исследовательскими пунктами, водосборными станциями, убежищами. Теперь их скопились целые десятки. Склон вулкана был разделен на несколько уровней, и многие бараки имели по две или три степени наклона, из-за чего приходилось быть осторожным на кухнях и как следует выравнивать кровати.

Фрэнк спросил их, чем они занимались. Большинство ответили, что работают с погрузками в Шеффилде, — разгружают вагоны лифта и загружают поезда. Вообще это должны были делать роботы, но было удивительно, как много работы там оставалось для человеческой рабочей силы. Операторы тяжелого оборудования, программисты, техники-ремонтники, водители погрузчиков, строители. Многие из них редко выбирались на поверхность, а некоторые и вовсе проводили все время под землей. Дома, на Земле, они занимались похожей работой или же были безработными. Полет стал для них шансом. Большинство хотели когда-нибудь вернуться на

Землю, но тренажерные залы были переполнены людьми, оказались слишком дорогими, да и требовали много времени, поэтому они все теряли форму. Говорили здесь с южным акцентом, какого Фрэнк не слышал с детства; теперь их речь казалась ему голосом из прошлого столетия, будто он слушал людей Елизаветинской эпохи. Неужели люди до сих пор так разговаривали? По телевизору таких никогда не показывали.

— Вы пробыли здесь так долго, что привыкли все время находиться в помещении, но я такого не переношу.

«Я такого не переношу-у-у».

Фрэнк бросил взгляд на кухню.

— А что едите? — спросил он.

Рыбу, овощи, рис, тофу. Все это поставлялось в базовых упаковках. Но они не жаловались, считали это сносным. Американцы… люди с самыми испорченными вкусами в истории. Кто-нибудь, дайте мне чизбургер! Нет, они были недовольны лишь своим заточением, незащищенностью частной жизни, дистанционным управлением, ощущением тесноты. И вытекающими из этого проблемами:

— На второй день, как я здесь оказался, у меня украли все вещи.

— И у меня!

— И у меня!

Кражи, угрозы, вымогательство. Они говорили, все бандиты были из других шатровых городков. Говорили, это русские. Белые со странным акцентом. Были и черные, но меньше, чем дома. На прошлой неделе изнасиловали женщину.

— Быть не может! — воскликнул Фрэнк.

— Что значит «не может»? — возмутилась женщина, бросив на него презрительный взгляд.

Наконец они вывели его обратно на станцию. Остановившись у двери, Фрэнк не знал, что им сказать. Собралась уже немалая толпа — люди узнавали его и присоединялись к общей группе.

— Я посмотрю, что можно сделать, — пробормотал он и нырнул в переходной шлюз.

Поезд поднимался по склону, а он бездумно разглядывал шатры. Один из них был занят капсульными отелями в токийском стиле. Очевидно, в них проживало гораздо больше людей, чем в Эль-Пасо, но заботило ли это их постояльцев? Некоторые люди привыкли жить, как шариковые подшипники. И таких людей множество. Но на Марсе все должно было быть иначе!

Снова оказавшись в Шеффилде, он вышагивал по залу, не сводя глаз с тонкой вертикальной

линии лифта, не обращая внимания на других и заставляя некоторых отскакивать, уступая ему дорогу. Один раз он даже остановился и оглядел толпу: в поле зрения попадало полтысячи людей, каждый из которых жил своей жизнью. Когда все стало таким? Ведь это был форпост науки, где горстка исследователей рассеивалась по всей планете, где было столько же территории, сколько на Земле, — целые Евразия, Африка, Америка, Австралия, Антарктика, все они. И вся эта земля по-прежнему была на своем месте, но какой процент теперь занимали шатры, какая ее часть стала обитаемой? Намного меньше одного процента. И тем не менее в УДМ говорили что? Здесь уже миллион человек, и еще больше сейчас в пути. И нет никакой полиции, но есть преступления. Миллион человек и никакого закона — никакого, кроме корпоративного права. Вот в чем суть. Минимизировать расходы, максимизировать доходы. И плавно работать на шарикоподшипниках.

На следующей неделе несколько шатров южного склона объявили забастовку. Чалмерс услышал об этом по дороге в офис, когда Слусинский буквально прервал его путь своим звонком. Бастовали в основном американцы, отчего его

подчиненные пришли в панику.

— Они заблокировали станции и не выпускают людей из поездов, поэтому их можно взять под контроль, только если штурмовать аварийные шлюзы…

— Заткнись!

Фрэнк, не обращая внимания на возражения Слусинского, пошел вниз по южной железной дороге к бастующим шатрам. Более того, приказал нескольким своим подчиненным присоединиться к нему.

На станции находилась служба безопасности из Шеффилда, но он, посовещавшись с шеффилдским руководством, приказал им садиться на поезд и уезжать, и они так и сделали. Перед переходным шлюзом он назвал свое имя и попросил разрешения войти. Его впустили.

Когда он вышел на главную площадку другого шатра, его окружило множество злобных лиц.

— Выключите телевизоры, — предложил он. — Давайте поговорим конфиденциально.

Они выключили. Здесь все было так же, как в Эль-Пасо, — акценты разные, но жалобы общие. Его предыдущий визит позволил ему предвидеть то, что они будут говорить, и говорить это раньше них самих. Он хмуро наблюдал, как на их лицах

отражалось удивление от этой его способности. Они были молоды.

Слушайте, положение сложилось неприятное, — сказал он после того, как они проговорили целый час. — Но если вы надолго продлите забастовку, то сделаете только хуже. Они пришлют охрану, и жизнь здесь будет похожа не на жизнь с бандами и полицией, а на жизнь в тюрьме. Вы уже обозначили свою позицию, так что теперь должны понять, когда прекратить забастовку и начать переговоры. Создайте комитет, который будет представлять ваши интересы, составьте список жалоб и требований. Задокументируйте все правонарушения, просто запишите их и добейтесь, чтобы жертвы подписали показания. Все это я использую как надо. Это прибавит работы УДМ и здесь, и на Земле, потому что они нарушают договор. — Он выдержал паузу, чтобы снова взять себя в руки, расслабить челюсти. — А тем временем возвращайтесь к работе! Так вам легче будет коротать время, чем если будете сидеть, запершись здесь, и так вы окажетесь в лучшем положении при переговорах. А если откажетесь, они могут просто заморить вас голодом и заставить выйти. Так что сделайте это по своей воле и покажите себя разумными переговорщиками.

И забастовка кончилась. А когда Фрэнк вышел со станции, его даже удостоили жидкими аплодисментами.

В слепой ярости он сел на поезд, не обращая внимания ни на вопросы своих сотрудников, ни на их глупые взгляды, и набросился на начальника службы безопасности, который оказался надменным идиотом.

— Если бы твои продажные ублюдки были понадежнее, этого бы не произошло! А так ты только покрываешь рэкет! Почему на людей нападают в их шатрах? Почему они платят за свою охрану, что делаешь ты, когда все это происходит?

— Это не в нашей юрисдикции, — ответил мужчина с побледневшими губами.

— Да ладно тебе, а что в вашей юрисдикции? Твой карман — единственная твоя юрисдикция!..

Он не умолкал до тех пор, пока они не встали и не вышли из машины. Они злились на него так же, как он на них, но были слишком дисциплинированы или напуганы, чтобы отвечать на его выпады.

В шеффилдском офисе он шагал из комнаты в комнату, кричал на подчиненных и делал звонки. Саксу, Владу, Джанет. Он рассказывал им, что происходит, и все они предлагали одно и то же

решение, которое, он был вынужден признать, имело смысл. Ему нужно было подняться на лифте и поговорить с Филлис.

— Посмотрим, сумеете ли вы заказать места, — сказал он своим сотрудникам.

≈ * ≈

Вагон лифта походил на старый амстердамский домик, узкий и высокий, с освещенным помещением наверху — в данном случае это был зал с прозрачными стенами и увенчанный куполом, напомнившим Фрэнку пузырь на «Аресе». На второй день путешествия он присоединился к остальным пассажирам (их было всего двадцать, что считалось небольшим количеством в этом направлении пути), и они поднялись по маленькому внутреннему лифту вагона на тридцать этажей в прозрачный пентхаус, чтобы увидеть, как они пролетают мимо Фобоса. Помещение это со всех сторон выступало за пределы самого лифта, благодаря чему оттуда открывался вид на то, что находилось внизу. Фрэнк внимательно разглядывал изогнутую линию марсианского горизонта, которая теперь была намного белее и толще, чем когда он видел ее в последний раз. Атмосферное давление уже выросло до 150 миллибар, что было довольно впечатляющим показателем даже при том, что сама атмосфера состояла из ядовитого газа.

Пока они стояли и ждали появления луны,

Фрэнк разглядывал находящуюся внизу планету. Тонкая стрелка провода указывала прямо на нее, и казалось, будто они поднимались на высокой и узкой ракете, странной и протянувшейся на несколько километров. Так им казалось на протяжении всего путешествия на проводе. А под ними простиралась круглая оранжевая поверхность Марса, будто такая же пустая, как когда они приближались к ней впервые, уже давным-давно, будто она ничуть не изменилась, несмотря на все их вмешательство. Нужно было лишь взглянуть на него с достаточного расстояния.

Затем один из пилотов указал на Фобос, тусклый белый объект на западе. Через десять минут он был уже совсем рядом, пролетая мимо на поразительной скорости, — огромная серая картофелина, проносящаяся так быстро, что за ней невозможно проследить взглядом. Вжух! И нет его. Наблюдающие в пентхаусе ухнули, вскрикнули и тут же приступили к обсуждениям. Фрэнк лишь мельком уловил Стикни, сверкнувший, будто алмаз в скале. А посередине, как обручальное кольцо, тянулась дорога, и было видно несколько серебристых выступов — это было все, что он мог припомнить в этом размытом образе. По словам пилота, он пролетел от них в пятидесяти

километрах. На скорости семь тысяч километров в час. Это не так уж много — бывали метеоры, врезающиеся в планету на пятидесяти тысячах.

Фрэнк вернулся на этаж столовой, стараясь сохранить в памяти мимолетный образ. Фобос… Люди, сидевшие рядом с ним за столом, говорили о том, как бы сместить его на общую орбиту с Деймосом. Сейчас он оказался не к месту, как новые Азорские острова[80], просто неудобством для провода. А Филлис, рассуждая в масштабе всей Солнечной системы, все твердила, что такая же участь постигнет и Марс, если не построить лифт, по которому можно будет подняться по его гравитационному колодцу. Тогда их будут обходить стороной горняки, отправляющиеся на богатые металлами астероиды, не имеющие гравитационных колодцев, которые стоит учитывать. А еще были луны Юпитера, Сатурна, других планет…

Но пока такая опасность им не грозила.

На пятый день они подошли к астероиду Кларка, называемому теперь попросту Кларком, и сбавили скорость. Каждый сантиметр астероида (углеродосодержащей глыбы в два километра поперек, которой теперь придали кубическую

[80] Примечания: 80
Архипелаг в Атлантическом океане.

форму) со стороны, обращенной к Марсу, был разделен на ступени и покрыт бетоном, сталью или стеклом. Провод тянулся прямо к его середине, и на обеих сторонах в местах соединений имелись отверстия, в которых провод входил в луну. Они были крупными ровно настолько, чтобы туда могли проходить лифтовые вагоны.

Они проскользнули в одно из этих отверстий и мягко остановились. Внутри они перемещались так, будто это вертикальная станция подземки. Затем пассажиры вышли и рассредоточились по туннелям Кларка. Один из помощников Филлис встретил Фрэнка и отвел вдоль каменных стен туннеля к маленькой машинке. Они добрались до офиса Филлис, занимавшего несколько помещений со стороны, обращенной к Марсу, где стены были отделаны зеркалами и зеленым бамбуком. Здесь на них действовала микрогравитация, и их очень медленно тянуло в противоположном Марсу направлении, но не отрываться от пола помогала обувь на липучках. Весьма консервативно, но этого и стоило ожидать от места, настолько привязанного к Земле. У двери Фрэнк последовал местному обыкновению, сменив свои ботинки на туфли с липучками.

Филлис как раз заканчивала беседу с двумя

мужчинами:

— Это не просто дешевый и надежный лифт через гравитационный колодец, но и движительная система транспортировки грузов по всей Солнечной системе! Это чрезвычайно изящное инженерное творение, вы не находите?

— Да! — хором ответили мужчины.

Она выглядела лет на пятьдесят. После лицемерного знакомства с Фрэнком мужчины, представители «Амекса», вышли. Когда Филлис и Фрэнк остались одни в комнате, он сказал ей:

— Слушай, хватит использовать это чрезвычайно изящное инженерное творение, чтобы наводнять Марс эмигрантами, не то он так раздуется, что ты потеряешь свою точку опоры.

— О Фрэнк, — рассмеялась она. Она старела действительно красиво: серебристые волосы, мило очерченное лицо и подтянутое, изящное тело. Стройная, как иголочка, в ржавого цвета комбинезоне, со множеством золотых украшений, которые в сочетании с серебряными волосами придавали всему ее образу металлический блеск. Она даже смотрела на Фрэнка сквозь очки в золотой оправе, и ее деланые манеры словно отдаляли ее от комнаты, где они находились, как если бы она в это время смотрела какое-нибудь видео по

внутренней стороне стекол.

— Нельзя отправлять такое большое количество людей такими быстрыми темпами, — наставительно произнес он. — Для них нет никакой инфраструктуры, ни физической, ни культурной. Их расселяют в самых дрянных условиях, как в лагерях для беженцев или штрафных колониях, и об этом будет доложено на Землю, а ты знаешь, как там любят использовать аналогии с земными примерами. И тогда тебе мало не покажется.

Она уставилась в точку футах в трех перед ним.

— Большинство людей смотрит на это иначе, — возвестила она, будто в комнате было полно слушателей. — Это лишь шаг на пути к полному овладению Марса людьми. Он предоставлен нам, и мы всецело используем его. Земля безнадежно перенаселена, а уровень смертности по-прежнему падает. Наука и религия, как всегда, продолжают создавать новые возможности для людей. Первопроходцы могут пострадать от некоторых лишений, но это не продлится долго. Мы жили и хуже, чем живем сейчас. Вспомни время, когда мы только прилетели.

Пораженный такой ложью, Фрэнк бросил на нее свирепый взгляд. Но она не отступилась. Он

презрительно произнес:

— Ты просто не хочешь замечать!

Но он испугался собственной мысли и умолк. Вновь овладев собой, он посмотрел сквозь прозрачный потолок на планету. Вращаясь вместе с ней, они видели Фарсиду, разумеется, и с такого расстояния та выглядела точно как на старых фотографиях — оранжевый шар со знакомыми чертами этой области — вулканами, Лабиринтом, каньонами, хаосами, сплошными и лишенными пятен.

— Когда ты в последний раз спускалась? — спросил он ее.

— В эл-эс шестьдесят. Я спускаюсь регулярно, — улыбнулась она.

— А где живешь, когда спускаешься?

— В общежитии УДМ.

Там она усиленно работала над тем, чтобы разорвать договор.

Но такова была ее работа, порученная ей управлением. Она директор лифта, а также главный координатор горных работ. Когда она ушла из ООН, то могла получить там любую должность, с которой сумела бы справиться. Королева лифта. Лифта, который теперь стал мостом для крупнейшей части экономики Марса. Она могла бы сама

распоряжаться капиталом любого транснационального консорциума, с которым захотела бы сотрудничать.

Разумеется, все это было по ней видно — по тому, как она расхаживала по блестящей стеклянной комнате, по тому, как усмехалась всем его уничижительным замечаниям. Ну, она всегда была немного дурой. Фрэнк скрежетал зубами. Судя по всему, пора было использовать старые добрые США как карающий молот и затем посмотреть, что от нее останется.

— У большинства транснационалов имеются гигантские холдинги в Штатах, — сказал он. — Если американское правительство решит заморозить их активы из-за того, что они нарушают договор, это сильно их сдержит, а некоторые могут и вовсе этого не вынести.

— Тебе это никогда не удастся, — сказала Филлис. — Это обанкротит правительство.

— Не грози мертвецу виселицей. Пара лишних нулей в общем количестве — это просто следующий уровень нереальности, никто уже не может представить такого наяву. Единственные, кому кажется, что они могут, — это руководители транснационалов. Они берут на себя долги, но никого больше не заботят их деньги. Я могу убедить

в этом Вашингтон через минуту, и посмотришь, как тебе это аукнется. Что бы ни случилось дальше, ты везде проиграешь. — Он разъяренно взмахнул рукой. — В итоге этот офис достанется кому-то другому, а ты… — И вдруг ему помогла интуиция: — Снова окажешься в Андерхилле.

Уж на это она обратила внимание, он это видел. Ее легкое презрение вдруг перелилось через край.

— Ни один человек в мире не может убедить Вашингтон ни в чем. Он сплошь погряз в зыбучих песках. Ты выскажешь свое мнение, я — свое, и тогда увидим, у кого больше влияния.

И с важным видом пересекла комнату, открыла дверь и громко пригласила представителей ООН.

Что ж. Потеря времени. Он не был удивлен: в отличие от тех, кто посоветовал ему туда приехать, он не верил в рациональность Филлис. Как и у множества религиозных фундаменталистов, для нее бизнес являлся частью религии; две догмы как части одной системы укрепляли друг друга. Разумными доводами с этим ничего нельзя было поделать. И если у нее еще могла остаться вера в силу Америки, то она явно не верила в то, что ею способен распоряжаться Фрэнк Справедливо. Но он собирался доказать ей, что она не права.

На обратном пути вниз по проводу он составил себе расписание получасовых видеопереговоров, распланировав по пятнадцать часов в день. За его сообщениями в Вашингтон быстро последовали сложные, с задержкой во времени, беседы с людьми из Государственного департамента и министерства торговли и многими другими чиновниками, которые также имели отношение к делу. Вскоре с ним должен был провести встречу и новый президент. А пока Фрэнк отправлял сообщения за сообщениями, туда и обратно, опережал всевозможные аргументы, заранее посылая ответы независимо от того, что ответят ему. Тяжелая и утомительная работа.

Ближе к концу пути, когда уже был виден весь остаток провода до самого «гнезда» Шеффилда, он внезапно почувствовал себя очень странно — по нему словно прокатилась психическая волна. Но ощущение прошло, и, немного поразмыслив, он решил, что это случилось из-за того, что вагон, замедлившись, мгновенно перешел отметку в одно *g*. Он представил себе, будто бежит по длинному пирсу, чьи кривые влажные доски блестят от рыбьих чешуек; он даже почувствовал соленый запах рыбы. Одно *g*. Забавно, как организм сумел это запомнить.

Вновь оказавшись в Шеффилде, он вернулся к нескончаемым записям сообщений и анализом поступающих ответов, имея дело со старыми дружками и теми, кто только набирает силу. Все разговоры сплелись в одно умопомрачительное одеяло из лоскутов-споров, протекающих на разных скоростях. В какой-то момент, поздней северной осенью, он вел около пятидесяти конференций одновременно — как будто проводил шахматный сеанс игры вслепую. Так длилось три недели и наконец изменилось к лучшему, прежде всего потому, что сам президент Инкавилья чрезвычайно заинтересовался тем, чтобы получить хоть какой-нибудь рычаг, действующий на «Амекс», «Мицубиси» и «Армскор». Он также хотел, чтобы в медиа просочилась информация о его намерении проверить факты нарушений договора.

Когда об этом стало известно, тут же случился резкий обвал фондовых рынков. А через два дня лифтовой консорциум объявил, что ажиотаж вокруг возможностей, открывающихся на Марсе, вырос до таких масштабов, что потребность на данный момент превысила предложение. Разумеется, они повысили цены, следуя своему принципу, но и временно замедлили поток

эмигрантов до тех пор, пока не будет построено больше городов и роботов-градостроителей.

Фрэнк впервые услышал об этом из телерепортажа, сидя как-то вечером в кафе за одиноким ужином. Пережевывая пищу, он жадно усмехнулся:

— Вот и смотри, кто лучше дерется на зыбучем песке, сучка.

Закончив ужин, он вышел прогуляться по залу, тянущемуся вдоль края вулкана. Он знал, что состоялась лишь одна битва. И впереди — долгая, тяжелая война. Но тем не менее все складывалось хорошо.

Позже, в середине северной зимы, обитатели самого старого из американских шатров на восточном склоне взбунтовались и, выгнав прочь всех полицейских УДМ ООН, заперлись внутри. В российском шатре по соседству поступили так же.

Слусинский быстро изложил Фрэнку подробности происшествия. Судя по всему, обе группы состояли из работников подразделения «Армскора», строившего дороги, и на оба шатра напали посреди ночи азиатские бандиты, которые прорезали ткань шатров, убили по три человека в каждом из них и еще нескольких поранили но-

жами. И американцы, и русские утверждали, что нападавшие были якудза и вымещали расовую неприязнь, но Фрэнк думал, что это силовое подразделение «Субараси», малочисленная армия, состоящая преимущественно из корейцев. Как бы то ни было, когда полиция УДМ ООН прибыла на место, то обнаружила, что нападавшие сбежали, а в шатрах все стояло вверх дном. Они изолировали шатры и запретили тем, кто находился внутри, покидать их. Жильцы назвали это заточением и, возмущенные такой несправедливостью, вырвались через шлюзы. Затем с помощью сварочных машин уничтожили часть железной дороги, проходившей через их станцию. При этом погибло по несколько человек с обеих сторон.

Полиция УДМ ООН прислала крупные подразделения, и рабочие оказались в ловушке.

Фрэнк в порыве негодования снова спустился, чтобы лично разобраться в ситуации. Для этого ему пришлось проигнорировать не только привычные возражения своих подчиненных, но и запрет нового представителя УДМ (Гельмута отозвали на Землю). Едва оказавшись на станции, он осадил начальника полиции — а это было непросто. Никогда прежде ему не приходилось так сильно полагаться на обаяние первой сотни,

как сейчас, и это вывело его из себя. В итоге он просто прошел мимо полицейских, словно чокнутый старый дед, не обращающий внимания ни на какие преграды. Никто и не попытался его остановить.

Люди в шатре выглядели поистине опасными на мониторах, но он все же постучал в дверь их проходного шлюза, после чего наконец оказался внутри, в толпе разгневанных молодых мужчин и женщин. Он прошел через внутренний шлюз и вдохнул горячий затхлый воздух. Здесь кричало так много людей, что он ничего не мог разобрать, но затем стоявшие впереди узнали его и явно удивились его появлению. Пара человек даже издала радостные возгласы.

— Ну хорошо! Я здесь! — крикнул он. — Кто будет говорить от лица всех?

Такого представителя у них не было. Раздраженный, он выругался.

— Ну что вы за дураки? Вам лучше бы научиться вести дела, не то окажетесь в мешках, как эти.

Несколько человек закричали на него, но большинство хотело услышать, что он скажет. Никаких представителей так и не выявилось, поэтому Чалмерс громко продолжил:

— Ладно, я буду говорить со всеми вами! Сядьте

все, и я посмотрю, кто тут сможет что-нибудь сказать!

Они не захотели садиться и остались стоять как стояли, сгрудившись вокруг него на затоптанном газоне главной площади шатра. Чалмерс удерживал равновесие на перевернутом ящике посреди них. День близился к вечеру, и они отбрасывали тени далеко на восток, на стоящие ниже шатры. Он спросил, что случилось, и они многоголосо описали полуночное нападение и стычку на станции.

Вас спровоцировали, — сказал он, когда они закончили. — Они хотели, чтобы вы совершили какую-нибудь глупость, и вы так и поступили. Это один из самых старых приемов из учебника. Они вынудили вас убить представителей третьей стороны, не имеющей никакого отношения к нападению, так что теперь вы — убийцы, пойманные полицией! Каких же глупостей вы натворили! В толпе зашелестели и гневно ответили ему, но некоторые выглядели озадаченными.

— Эта так называемая полиция с ними заодно! — воскликнул один из присутствующих.

— Может, и правда, — ответил Чалмерс, — но на вас напали корпоративные отряды, а не просто какие-нибудь бесноватые японцы. Вам следовало

заметить разницу, постараться это выяснить! А так вы сыграли им на руку, а полиция УДМ с радостью подыграла, и теперь она на другой стороне, по крайней мере, какая-то ее часть. Но национальные армии переходят на вашу сторону! Поэтому вам нужно научиться сотрудничать с ними, выяснить своих союзников и действовать соответственно. Не знаю, почему на этой планете так мало людей, способных это делать. Как будто при перелете с Земли повреждается мозг или что-то в этом роде.

Некоторые нервно рассмеялись. Фрэнк спросил их о том, как им жилось в шатре. У них оказались те же жалобы, что и у остальных, и он снова все предвидел и отвечал им на незаданные вопросы. Затем рассказал об итоге своей поездки на Кларк.

— Я добился моратория на эмиграцию, а это не просто лишнее время на строительство новых городов. Это означает начало новой фазы отношений США и ООН. В Вашингтоне наконец-то поняли, что ООН работает на транснационалов, поэтому им нужно самим отстаивать договор. Это как раз лежит в интересах Вашингтона и больше никто этим заниматься не будет. За договор теперь идет борьба между народом и транснаци-

оналами. Вы находитесь в центре этой борьбы и на вас напали, так что вам нужно выяснить, кто это сделал, чтобы ответить им, а еще нужно объединиться с союзниками!

Они напряженно смотрели на него, что было явным признаком осознания, и Фрэнк продолжил:

— В конце концов мы победим, так и знайте. Нас больше, чем их.

Как всегда, немного пряников. А что касается кнута, то с такими беспомощными людьми, как эти, тут никогда не возникало трудностей.

— Только если правительства стран не сумеют быстро уладить ситуацию, если начнет возникать больше беспорядков и все начнет рассыпаться, они пошлют все к черту, мол, пусть транснационалы сами решают проблемы со своими рабочими, они в этом половчее будут. Тогда уж сами понимаете, что с вами будет.

— Нас это уже достало! — выкрикнул один мужчина.

— Конечно, достало, — ответил Фрэнк и навел на него палец: — Так у вас есть план, как положить этому конец?

Понадобилось время, чтобы привести их к соглашению. Разоружиться, начать сотрудничать, собраться, обратиться к американскому

правительству с требованием справедливости. Собственно, взять себя в руки. Разумеется, для этого понадобилось время. И для этого ему пришлось пообещать рассмотреть каждую жалобу, устранить каждую несправедливость, исправить все неправильное. Это было глупо и мерзко, но он сжал губы и сделал это. Он дал им советы, как разговаривать с медиа и как вести переговоры, сказал им, как организовывать комитеты и избирать лидеров. Они ничего не знали! Этих молодых парней и девушек бережно воспитали, внушив, что необходимо держаться вне политики, работать техниками, мышление которых в корне отличалось от политического, быть податливыми в руках тех, кто ими управлял, — все, как всегда. Он буквально приходил в ужас от их тупости и не мог сдерживаться, чтобы не побранить их.

А потом ушел навстречу овациям.

Снаружи на станции была Майя. Изнуренный, он уставился на нее, не веря своим глазам. Она сказала, что увидела его на экране. Фрэнк досадливо затряс головой: эти дураки, сидящие внутри, даже не догадались отключить камеры, а может, и не знали о их существовании. Выходит, это видел весь мир. И Майя смотрела

на него с нескрываемым восхищением, словно усмирение эксплуатируемых рабочих ложью и замудрствованиями было высшим проявлением героизма. Для нее, несомненно, так и было. Более того, она собиралась применить эти же приемы в российском шатре, так как там не было никаких подвижек, а люди требовали встречи с ней. Президента «Первых на Марсе»! Похоже, русские были даже глупее американцев.

Она попросила его сопроводить ее, но он слишком устал, чтобы оценить затраты и выгоды этого предложения. Исказив лицо гримасой, он согласился. Сейчас ему было проще поплыть по течению.

Они сели на поезд до следующей станции, пробрались сквозь полицейское оцепление и вошли внутрь. Российский шатер из-за тесноты походил на микросхему.

— Тебе будет сложнее, чем мне, — сказал Фрэнк, осмотревшись.

— Русские к такому привыкли, — откликнулась она. — Эти шатры ничем не отличаются от московских квартир.

— Да-да.

Россия стала чем-то вроде гигантской Кореи, где был установлен тот же жестокий и четкий

капитализм, где за видимостью демократии и обилием потребительских товаров скрывалась правящая хунта.

— Удивительно, как мало нужно для того, чтобы дурачить голодающих людей.

— Фрэнк, прошу тебя.

— Просто помни об этом и все будет хорошо.

— Ты собираешься мне помогать или нет? — выпалила она.

— Да-да.

На центральной площади стоял запах соевого творога, борща и электрической печи, а люди здесь были гораздо менее управляемыми и более громкими, чем в американском шатре, и каждый из них являлся дерзким лидером, готовым вести напыщенные речи. И здесь куда больше женщин, чем среди американцев.

Они сняли поезд с рельсов, и это привело их в возбуждение, теперь они жаждали новых подвигов. Майе пришлось использовать ручной мегафон, она стояла на стуле и говорила, но толпа не унималась, а участники нескольких громких перепалок вовсе не обращали на нее внимания, будто она была пианисткой в коктейльном зале.

Фрэнк почти забыл русский и не понимал бóльшую часть того, что толпа отвечала Майе, но ее

ответы вполне различал. Она рассказывала им о моратории на эмиграцию, «бутылочном горлышке» роботизированного строительства городов и водоснабжения, необходимости соблюдать дисциплину, обещала изменения к лучшему, если все будут действовать согласно установленному порядку. Он предположил, что последнее обещание относилось к типичным бабушкиным сказкам, но оно несколько их утихомирило — русские помнили, что такое народные волнения, и небезосновательно их боялись. Она дала много обещаний, и все они казались правдоподобными: большой мир, мало людей, много материальных ресурсов, хорошие роботы, компьютерные программы, образцы генов…

В один из наиболее громких моментов обсуждения он подсказал ей по-английски:

— Не забудь про кнут.

— Что? — крикнула она в ответ.

— Кнут. Припугни их. Кнут и пряник.

Она кивнула. А затем продолжила говорить в мегафон: ядовитый воздух и убийственный холод, которые никогда нельзя воспринимать как что-то само собой разумеющееся. Они были живы лишь благодаря шатрам и снабжению электричеством и водой. Подверженные опасно-

сти, которую ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов, опасности, которой не существовало дома.

Она говорила быстро, как и всегда. Затем вернулась к обещаниям. А потом обратно. Кнут и пряник — то дергала за поводок, то отпускала. Наконец русские присмирели.

Позже, когда они поднимались по склону на поезде в сторону Шеффилда, Майя что-то быстро тараторила, раскрасневшаяся, с блестящими глазами, взяв его под руку и смеясь, резко запрокидывая голову. Эта нервная разрядка, это сковывающее физическое присутствие… Он, должно быть, так истощил силы или был более потрясен, чем ему казалось в шатре, а может, дело было в стычке с Филлис; но он чувствовал влечение к ней, словно входил в сауну после дня, проведенного на морозе, с тем же ощущением ослабления бдительности и пронизывающего расслабления.

— Не знаю, что бы я делала без тебя, — быстро проговорила она, — ты правда так хорошо справляешься в таких ситуациях, так точно, четко, решительно. Они верят тебе, потому что ты не пытаешься к ним подлизываться и не приукрашиваешь правду.

— Это лучший способ, — сказал он, выглянув из окна на проносящиеся мимо шатры. — Особенно если подлизываться и врать.

— О, Фрэнк.

— Но так и есть. И ты тоже в этом хороша.

В этой фразе был троп, но Майя его не заметила. Для этого существовал какой-то риторический термин, только он его забыл. Метонимия? Синекдоха? Но она лишь рассмеялась и, сжав его плечо, приникла к нему. Будто ссоры в Берроузе и не было вовсе — не говоря уже об их встрече после этого. В Шеффилде она пропустила свою остановку и вышла из поезда вместе с ним, пройдя с ним под руку по просторной станции, а потом в его комнаты, где разделась, приняла душ и, надев его рубашку, без умолку болтала о событиях этого дня и об обстановке в целом, будто они делали это все время: ходили ужинать, ели суп, рыбу, салат, пили вино каждый вечер. Откидывались на стульях, пили кофе с бренди. Политики после рабочего дня. Руководители.

Наконец она угомонилась, расслабилась на стуле и стала просто смотреть на Фрэнка. Но это, на удивление, не раздражало его, ему казалось, будто его защищает от раздражения некое силовое поле. Возможно, это из-за ее глаз. Иногда можно

точно определить, что кому-то нравишься.

Она провела с ним ночь. А потом разрывалась между своей квартирой в здании «Первых на Марсе» и его комнатами, совсем не обсуждая, ни почему это делает, ни что это значит. А когда наступало время ложиться в постель, она снимала всю свою одежду и перекатывалась к нему, а потом на него, теплая и спокойная. Касалась его всем своим телом, всего и сразу… И если он когда и начинал приступать к делу, то она всегда очень быстро отвечала; ему было достаточно лишь коснуться ее руки. Он словно заходил в сауну. Она стала такой покладистой, такой спокойной. Будто другим человеком; это было поразительно. Будто это была вовсе не Майя; но это была она, и она шептала: «Фрэнк, Фрэнк…»

Но они никогда не обсуждали ничего из этого. Они говорили только о текущей ситуации, о новостях дня, и им действительно было о чем поговорить. Беспорядки на горе Павлина пока прекратились, но волнения проходили по всей планете, и обстановка лишь ухудшалась: саботажи, забастовки, мятежи, стычки, столкновения, убийства. А новости с Земли напоминали образцы самого черного юмора, превратившись в сплошную полосу ужасов. На Марсе в сравнении

с ней царил порядок… На Земле же повсюду, как спичечные головки, вспыхивали локальные войны. Индия и Пакистан применили ядерное оружие в Кашмире. Африка погибала, а страны Севера не могли определиться, кому первому оказывать помощь.

В один из дней они получили известие, что Гефест, городок возле мохола на западе Элизия, теперь полностью брошен. Оттуда перестали отвечать по радио, и, когда к ним спустились узнать, в чем дело, оказалось, что городок пуст. Весь Элизий охватили беспорядки, и Фрэнк с Майей решили посмотреть, что они могут сделать там лично.

Вместе они сели на поезд, спускающийся по Фарсиде назад в тяжелеющий воздух и поперек каменистых равнин, теперь ставших пегими из-за заносов грязно-розового снега, которые больше никогда не таяли и плотно лежали на северных склонах каждой дюны или скалы, точно цветные тени. А потом выбрались на сверкающую черную, испещренную трещинами равнину Исиды, где вечномерзлые породы таяли теплыми летними днями и снова твердели, покрываясь блестящей черной корочкой. Здесь формировалась тундра, может, даже с болотами. За окнами поезда

мелькали пучки черной травы и, возможно, даже арктические цветы. А может, это просто мусор.

В Берроузе было тихо, но витало чувство тревоги, широкие травянистые бульвары опустели, и их зелень поражала, будто галлюцинация или образ, сохранившийся после взгляда на солнце. Ожидая поезда в Элизий, Фрэнк пошел в камеру хранения и попросил выдать вещи из его комнаты в Берроузе, которые он здесь оставил. Служащий вернулся с большой коробкой, в которой лежали холостяцкая кухонная утварь, лампа, несколько рубашек и портативный компьютер. Все эти вещи он давно забыл. Положив компьютер себе в карман, он сгреб остальное и выбросил в мусорный ящик. Потерянные годы — он не помнил ни дня из того времени. Сейчас стало видно, что обсуждение условий договора оказалось чисто театральной постановкой, как если бы кто-то выбил какую-нибудь стойку за сценой, обрушив все декорации и показав настоящую историю за кулисами, где двое мужчин пожимали руки и кивали друг другу.

Российское представительство в Берроузе попросило Майю остаться и сделать кое-какие дела, и Фрэнк сел в поезд до Элизия без нее, а потом присоединился к каравану, державшему путь в

Гефест. Ехавшие в нем люди вели себя в его присутствии смирно, и он в раздражении не обращал на них внимания, просматривая данные в своем старом компьютере. Это была по большей части стандартная подборка, крупные серии книг, слегка дополненные архивами из политической философии, — всего сотни тысяч томов. Пусть современные компьютеры вмещают еще в сотни раз больше, но это улучшение совершенно бесполезно, потому что у него сейчас не было времени, чтобы прочитать хоть одну книгу. А в те дни он, похоже, любил Ницше. Около половины заметок были взяты из его трудов, и, просматривая их, Фрэнк не мог понять, зачем он их отмечал, — все они были бессмысленной чепухой. А одна заставила его содрогнуться: «Индивид есть частица фатума во всех отношениях, лишний закон, лишняя необходимость для всего, что близится и что будет. Говорить ему: „Изменись“ — значит требовать, чтобы все изменилось…»[81]

В Гефесте для работы в мохоле уже расселялась новая команда, в основном состоящая из старожилов, тоже техников и инженеров, но куда более

[81] Примечания: 81

Из книги Фридриха Ницше «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом». Перевод Николая Полилова.

опытных, чем новички на горе Павлина. Фрэнк переговорил с некоторыми из них, расспросив о пропавших, и однажды за завтраком, когда он сидел у окна, выходившего на белый тепловой купол мохола, американка, чем-то напомнившая ему Урсулу, сказала:

— Эти люди смотрели видео всю свою жизнь. Они изучали Марс, верили в него, как в священный Грааль, строили свою жизнь с тем, чтобы попасть сюда. Годами работали, копили, а потом все продали, чтобы совершить этот переход, потому что представляли себе, каково это будет. А потом попали сюда и оказались будто в тюрьме или, в лучшем случае, погрязли в старой рутине, делая работу в помещениях, откуда все выглядело так же, как если бы они смотрели по-прежнему телевизор. Поэтому они и исчезли. Они ушли искать что-то более похожее на то, за чем они сюда явились.

— Но они не знают, как живут те, кто ушел! — возразил Чалмерс. — Точнее, те из них, кому удалось выжить!

Женщина покачала головой.

— Слухом земля полнится. Некоторые возвращаются. И время от времени появляются разные видео. — Сидящие вокруг нее кивнули. — А мы

видим, что идет на нас с Земли. Так что лучше поселиться в такой глуши, пока есть возможность.

Теперь затряс головой Фрэнк, он был изумлен. То же ему говорил жимовик на руднике, но, когда это прозвучало из уст зрелой женщины, ему почему-то стало тревожнее.

Той ночью он, не в силах уснуть, оставил заявку на звонок Аркадию, и через полчаса тот с ним связался. Аркадий, кто бы мог подумать, оказался в обсерватории на горе Олимп.

— Чего ты *хочешь*? — спросил его Фрэнк. — Что, по твоему представлению, будет, если все уйдут прятаться в горы?

Аркадий ухмыльнулся.

— Зачем нам строить человеческую жизнь, Фрэнк? Мы будем лишь удовлетворять свои потребности, заниматься наукой и, может быть, еще немного терраформированием. Мы будем петь, танцевать и гулять на солнце, маниакально работать лишь ради еды и удовлетворения любопытства.

— Это *невозможно*, — воскликнул Фрэнк. — Мы — часть мира, мы не можем из него сбежать.

— Уверен, что не можем? Говоря твоим языком, Земля — просто голубая вечерняя звезда. А этот красный мир — теперь единственный для нас.

Фрэнк, рассерженный, махнул на него рукой. Он никогда не мог разговаривать с Аркадием — никогда. С Джоном у него случались трудности, но с Джоном они были друзьями.

Он поехал обратно. Массив Элизий возвышался над горизонтом, как гигантское седло, наброшенное на пустыню: крутые склоны двух вулканов теперь были розово-белыми, покрытые крупным слоем зернистого снега, которому вскоре предстояло образовать собой ледник. Ему всегда казалось, что элизийские города уравновешивают Фарсиду, ведь они старше, меньше, более управляемы и вменяемы. Но сейчас люди стали пропадать целыми сотнями, и Элизий стал отправной точкой для формирования нового народа, скрывающегося в покрытой кратерами пустыне.

В Элизии его попросили прочитать речь для группы американских новичков, проводившей здесь свой первый вечер. Речь была формальной, но перед ней проходило неформальное собрание, и Фрэнк, придя туда, задавал свои обычные вопросы.

— Конечно, мы вылезем отсюда, если сможем, — прямо заявил ему один мужчина.

Другие тут же подхватили:

— Они сказали нам не лететь сюда, если мы

хотим много гулять по поверхности. И что на Марсе на самом деле все не так.

— И кого они думают обмануть?

— Вообще-то мы тоже смотрим видео, которые они отправляют на Землю.

— Черт, да в каждой второй статье пишут о марсианском подполье, о том, какие они коммунисты, нудисты или розенкрейцеры…

— Утопии, караваны, пещерные люди…

— Амазонки, ламы, ковбои…

— А на самом деле все проецируют свои фантазии сюда, потому что там дела слишком плохи, понимаете?

— Может быть, там существует единый, согласованный мир…

— Это очередная выдумка, совершенная фантазия…

— А что, истинные хозяева планеты, почему нет? Скрытые ото всех, может быть, под предводительством вашей знакомой Хироко, поддерживающие связь с вашим знакомым Аркадием, а может, и нет. Кто знает? Никто не знает наверняка, ни здесь, ни на Земле.

— Это все байки. Но лучшая из историй разворачивается прямо сейчас, и ей увлечены миллионы людей на Земле, они очень к ней привязаны.

Многие из них хотят оказаться здесь, но это удается далеко не всем. А приличный процент тех, кого отбирали для перелета, лгали как могли, лишь бы сюда попасть.

— Да-да, — угрюмо вставил Фрэнк. — Мы все лгали. — Он вспомнил старую шутку Мишеля: раз уж они все равно сойдут с ума…

— Вот видите! Так чего вы еще ожидали?

— Не знаю. — Он печально покачал головой. — Но это выдумки, понимаете? Когда какой-то общине необходимо оставаться скрытой от других, это очень сильно ей мешает. Когда доходит до дела, то выясняется, что это просто байки.

— А куда в таком случае деваются все пропавшие?

Фрэнк неловко пожал плечами, и они усмехнулись.

Час спустя он все еще размышлял над их вопросом. Все собрались в амфитеатре под открытым небом, построенном из соляных блоков в классическом греческом стиле. Многоступенчатый полукруг из белых скамеек был заполнен телами, увенчанными внимательными лицами, ожидающими его речи, жаждущими услышать, что им расскажет человек из первой сотни. Для них он был реликтом, историческим персонажем,

который оказался на Марсе за десять лет до того, как некоторые из них родились, а Землю он помнил такой, какой она была во времена их дедов. Между ними был огромный затененный каньон времени.

Древние греки рассчитали верные размеры и пропорции для оратора: ему достаточно было лишь слегка повысить голос, чтобы все могли его слышать. Он сказал несколько стандартных фраз, обрезанных и цензурированных, будто разорванных в клочья последними событиями. В таком виде они не казались связными даже ему самому.

— Вот смотрите, — сказал он, отчаянно пытаясь поменять все на ходу, выискивая лица в толпе, — когда мы прилетели сюда, мы оказались в месте, которое было совсем другим, в новом мире, и это неизбежно делает нас самих другими, не такими, какими мы были прежде. Никакие старые наказы с Земли теперь не действуют. Мы непременно создадим новое марсианское общество, это будет просто естественным развитием. К этому приведут решения, которые мы примем вместе, общими силами. И это будут решения, которые мы примем в наше время, в эти годы, прямо сейчас и в это мгновение. Но если вы захотите от

этого отстраниться и убежите в тайные колонии, вы этим изолируете сами себя! Останетесь теми же, кем были до прибытия сюда, и никогда не превратитесь в людей с Марса. А также лишите всех нас, остальных, своих профессиональных знаний и своего вклада в общее дело. Уж поверьте, я об этом знаю не понаслышке. — По его телу пробежала боль, он удивился, почувствовав ее. — Как вам известно, первыми исчезли некоторые товарищи из первой сотни, предположительно их возглавила Хироко Ай. Я до сих пор не понимаю, почему они так поступили, правда. Но мы лишились ее выдающегося таланта в проектировании систем на долгие годы, не могу даже описать, как нам ее не хватало! И теперь вы можете с уверенностью заявить, что часть наших проблем возникла именно из-за ее отсутствия в эти годы. — Он тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. — Когда я впервые увидел этот каньон, в котором мы сейчас находимся, я был вместе с ней. Это было одно из первых исследований этого региона, и Хироко Ай была рядом, и когда мы заглянули в этот каньон, увидели его пустое и ровное дно, она сказала мне: Юно похоже на комнатный пол. — Он уставился на свою аудиторию и попытался вспомнить лицо Хироко. Да…

нет. Странно, почему лица помнятся только до того момента, как ты пытаешься представить их, — они будто отворачиваются от тебя. — Мне очень ее не хватало. Теперь я приехал сюда, и мне не верится, что это то же самое место и что… теперь даже в то, что я вообще знал ее, верится с трудом. — Он сделал паузу, попытался сосредоточиться на лицах слушателей. — Вы понимаете?

— Нет! — крикнул кто-то.

Поверх замешательства в нем вспыхнула искра старого гнева.

— Я говорю, что нам необходимо построить здесь новый Марс! Я говорю, что мы совершенно новые создания, что здесь все по-другому! Все по-другому!

Ему пришлось сдаться, и он, уйдя с трибуны, сел. Слово взяли другие выступающие, и их монотонные голоса полились над ним, пока он сидел, будто впав в ступор, выглядывая через открытую сторону амфитеатра на парк широко посаженных кленов. За ними высились стройные белые здания, и на их крышах и балконах тоже росли деревья. Белое и зеленое.

Он не мог им этого объяснить. И никто не мог. Только время и сам Марс. А они тем временем станут действовать в полном противоречии сво-

им интересам. Так было всегда, но как же так? Почему люди такие глупцы?

Он вышел из амфитеатра и побрел по парку, потом по городу.

— Почему люди действуют против своих самых очевидных материальных интересов? — спрашивал он у Слусинского через свою наручную панель. — Это какой-то бред! Марксисты были материалистами, как они это объясняли?

— Идеологией, сэр.

— Но если материальный мир и наш способ управления им определяют все остальное, откуда взяться этой идеологии? Как они говорят, она возникла?

— Некоторые из них определяли идеологию как воображаемое отношение к реальной ситуации. Они признавали, что воображение имеет существенное влияние на жизнь человека.

— Значит, они не были никакими материалистами! — Он пылал презрением. — Не удивительно, что марксизм мертв.

— Но, сэр, вообще-то многие на Марсе считают себя марксистами.

— Черт! Да хоть зороастрийцами, янсенистами или гегельянцами!

— Марксисты и есть гегельянцы, сэр.

— Заткнись, — бросил Фрэнк и оборвал связь.

Воображаемые создания в реальной местности. Не удивительно, что он забыл о кнуте и пряни-ке и пустился в область «новых нас», глубоких различий и прочего дерьма. Попытался быть Джоном Буном. Да, это было правдой! Он попы-тался делать то, что делал Джон. Только у Джона это хорошо получалось; Фрэнку же в те годы это не раз казалось волшебством, когда тот словно менял все одной манерой говорить. Тогда как для Фрэнка слова — будто камни во рту. Даже сейчас, когда слова всем нужны, когда они — единствен-ное, что могло их спасти.

Майя встретила его на станции в Берроузе и крепко обняла. Он выдержал это с трудом — в руках у него были сумки. За пределами шатра в лиловом небе вздымался низкий, шоколадно-го цвета грозовой вал. Он не мог смотреть ей в глаза.

— Ты был великолепен, — сказала она. — Все только о тебе и говорят.

— Это ненадолго. Потом эмигранты все равно исчезнут, как случалось и раньше. Это мир дей-ствий, где слова влияли на действия не больше, чем шум водопада.

Он поспешил в офис, расположенный внутри

одного из останцев. Майя шла рядом и болтала без умолку, когда он регистрировался в одной из комнат с желтыми стенами на четвертом этаже. Бамбуковая мебель, цветастые простыни, диванные подушки. Майя была преисполнена идеями, оживленная, и она радовалась ему. Радовалась ему! Он сжал зубы так, что ему стало больно. От скрежетания зубами у него болела голова и разные мышцы лица, стирались коронки и хрящи челюстных суставов.

Наконец, он встал и прошел к двери.

— Мне нужно прогуляться, — сказал он. Выходя, он боковым зрением заметил, как на ее лице отразилось горькое удивление. Как обычно.

Он быстро шел к газону, минуя длинные ряды колонн Барейса, чья разрозненность напоминала разлетающиеся кегли в боулинге. Он сел на другой стороне канала за круглый белый столик с краю уличного кафе и стал медленными глотками потягивать кофе.

Вдруг перед ним возникла Майя.

— Что все это, по-твоему, значит? — спросила она. Она указала на столик, на его лицо, все еще хранящее выражение недовольства. — Теперь-то что не так?

Он уставился на свою чашку, посмотрел на

нее, потом снова на чашку. Этого не могло быть. Фраза звучала в его мозгу, каждое слово было тщательно взвешено. «Я убил Джона».

— Все нормально, — сказал он. — Ты о чем?

Уголки ее рта вытянулись, отчего в ее взгляде появилось пренебрежение, а лицо показалось старым. Ей уже около восьмидесяти. Они слишком стары. После долгого молчания она решила сесть напротив.

— Слушай, — медленно произнесла она, — мне все равно, что было в прошлом. — Она замолчала, и он рискнул взглянуть на нее исподлобья. — Я имею в виду, что было на «Аресе» или в Андерхилле. Или где бы то ни было еще.

Его сердце забилось так, будто в нем сидел ребенок, который пытался сбежать. Его легкие охладели. Она продолжала говорить, но он уже не слушал. Она знала? Она знала, что он сделал в Никосии? Этого не могло быть, иначе ее просто не было бы здесь (или она все равно была бы здесь?), но она должна была знать.

— Ты понимаешь? — спросила она.

Он не слышал, о чем она спрашивала. Он продолжил пялиться на свою чашку, и она вдруг смахнула ее рукой, и та упала возле соседнего столика и разбилась. Белая керамическая ложеч-

ка тоже оказалась на полу.

— Я спросила, *ты понимаешь*?

Обездвиженный, он лишь смотрел на пустой стол. На пересекающиеся круги коричневых кофейных пятен. Майя наклонилась вперед и закрыла лицо руками. Она вся съежилась и перестала дышать.

Затем наконец вдохнула и подняла голову.

— Нет, — сказала она так тихо, что он сперва подумал, что она разговаривает сама с собой. — Не говори. Ты думаешь, мне не все равно, и поэтому так себя ведешь. Будто мне важнее то, что было тогда, чем то, что теперь. — Она посмотрела на него, и они встретились взглядами. — Это было тридцать лет назад, — сказала она. — Тридцать пять лет, как мы познакомились, и тридцать, как это произошло. Я уже не та Майя Катарина Тойтовна. Я не знаю ее, не знаю, ни что она думала и чувствовала, ни почему. Это был другой мир, другая жизнь. Сейчас это не имеет для меня значения. Я ничего не чувствую на этот счет. Сейчас я здесь, и это я. — Она ткнула себя большим пальцем меж грудей. — И видишь ли, я люблю тебя.

Она позволила тишине затянуться, и ее последние слова разошлись во все стороны, словно рябь на воде. Он не мог отвести от нее взгляд, но

затем все же заставил себя это сделать и посмотрел на слабые сумеречные звезды над головой, позволил их местоположению просочиться в его память. Когда она сказала: «Я люблю тебя», Орион находился высоко в южном небе. Металлическое кресло было жестким. Ноги замерзли.

— Я не хочу думать ни о чем другом, — сказала она.

Она не знала, а он знал. Но все должны были так или иначе принимать свое прошлое как данность. Им было около восьмидесяти, и они были полны здоровья. А некоторым было по сто десять, и они тоже были здоровыми, бодрыми, сильными. Но кто знал, сколько еще это продлится? Им предстояло принимать как данность огромный груз прошлого. И пока годы шли и их молодость становилась все более далекой, эти жгучие страсти, что так глубоко врезались в их сердца… могли ли они стать просто шрамами? Не были ли они калечащими ранениями, тысячами ампутаций?

Но это не были физические раны. Ампутации, кастрации, выемка внутренностей — все это существовало лишь в воображении. Воображаемое отношение к реальной ситуации…

— Мозг — забавная штука, — пробормотал он.

Она подняла голову и с любопытством посмотрела на него. Он вдруг почуял страх: они были своим прошлым, они должны им быть, или же не были никем, и все, что они ощущали, думали или говорили в настоящем, — не более чем отголосок прошлого; а значит, если они будут рассказывать, что сделали, то откуда узнают, что ощущают, думают, говорят их глубинные чувства? Они этого не знали, по крайней мере наверняка. Их отношения предельно загадочны, поскольку связывают два подсознания, и что бы ни думал о происходящем разум, лежащий на поверхности, это нельзя бездумно принимать на веру. Знала ли Майя или нет, помнила ли или забыла, поклялась ли отомстить или простила? Этого никак нельзя было сказать, он никогда не мог быть в чем-то уверен.

И все же она была здесь, сидела с грустным видом, выглядела так, словно он мог разбить ее, как чашку кофе, — одним легким движением. Что, если он хотя бы не притворится, что верит ей? Что тогда? Разве он может ее так разбить? Она возненавидит его за это — за то, что он заставит ее вспомнить прошлое, заставит снова тревожиться из-за этого. А значит… кто-то должен был что-то сделать, кто-то должен был действовать.

Он поднял руку, испуганный настолько, что у него возникло ощущение, будто им управляет кто-то другой. Он был словно карлик в кабине погрузчика, и карлик этот был холодный, раздражительный, незнакомый: поднять, выровнять! Налево, стоять, назад, стоять, держать. Медленно вниз. Мягко, мягко, ладонью вверх. Сжать, очень мягко. Ее рука была совсем холодной, как и его.

Она робко взглянула на него.

— Пой… — Он прочистил горло. — Пойдем в квартиру.

В следующие несколько недель он чувствовал себя неповоротливым, будто переместился в какое-то другое пространство и управлял своим телом на расстоянии. Дистанционно. Благодаря этому он ощущал каждую свою мышцу. Иногда знал их так хорошо, что мог извиваться, как змея, но бóльшую часть времени волочил свое тело, в точности как чудовище Франкенштейна.

Берроуз охвачен дурными новостями; жизнь в городе казалась вполне нормальной, но видеоэкраны показывали сцены из такого мира, в какой Фрэнку верилось с трудом. Мятежи в Элладе, провозглашение независимой республики в крытом кратере Нью-Хьюстон. На той же неделе Слусинский прислал видеолисток из Америки,

на котором все пять поселков проголосовали за то, чтобы покинуть Элладу без получения соответствующих виз. Чалмерс связался с новым представителем УДМ ООН и договорился, чтобы туда отправился наряд полиции ООН; десять человек арестовали пятьсот с помощью простой уловки — приняв ручное управление контролем над системой жизнеобеспечения шатра и приказав беспомощным жильцам рассесться по вагонам поезда, прежде чем выпустили из шатра воздух. Людей отправили в Королёв, который, по сути, теперь стал тюремным городом. Об этом его превращении в тюрьму вскоре стало широко известно, и трудно было вспомнить, когда это случилось, и, так как создавалось впечатление, будто он был таким всегда, — возможно, потому что некоторые элементы тюремной системы существовали уже несколько лет по всей планете.

Чалмерс побеседовал с некоторыми заключенными по видеосвязи, установленной в их камерах, с двумя-тремя зараз.

— Видите, как просто оказалось вас арестовать, — сказал он им. — И так будет везде. Системы жизнеобеспечения настолько хрупки, что их невозможно защитить. Даже на Земле государственная полиция благодаря продвинутым

военным технологиям стала гораздо могущественнее, чем когда-либо прежде, а здесь же все до нелепости просто.

— Ну хорошо, вы поймали нас, когда это было просто, — ответил мужчина лет шестидесяти с лишним. — И это было хитро. Но когда нас освободят, хотел бы я увидеть, как вы будете ловить нас снова. На данный момент ваши системы жизнеобеспечения такие же уязвимые, что и наши, только ваши более заметны.

— Что-то вы плохо осведомлены! Все эти системы не могут поддерживаться с Земли. Но там в распоряжении имеются огромные военные силы, которых у нас нет. Вы со своими друзьями пытаетесь воплотить свои фантазии о восстании в духе фантастического 1776 года, где колонисты освобождаются из-под гнета тирании, но здесь все не так! Все аналогии ошибочны, да еще и обманчивы, потому что они искажают реальность, истинную природу нашей независимости и земной мощи. Они не дают вам увидеть, что это лишь фантазии.

Я уверен, в колониях тоже было много добрых соседей-тори, которые убеждали в чем-то подобном, — ответил мужчина с ухмылкой. — На самом деле аналогия во многих отношениях

хороша. Мы не просто шестеренки в механизме, мы люди, большинство из нас самые обычные, но есть и выдающиеся личности — мы скоро увидим своих Вашингтонов, Джефферсонов и Пейнов, уверяю вас. А также Эндрю Джексонов и Форрестов Мосби, жестких людей, которые умеют добиваться, чего хотят.

— Это глупости! — крикнул Фрэнк. — Аналогия ложная!

— Ну, это скорее метафора, чем ложная аналогия. Различия есть, но мы подходим к ним разумно. Не будем же мы стрелять в вас из мушкетов из-за каменных стен.

— Будете стрелять промышленными лазерами из-за стенок кратеров? Вы видите здесь разницу?

Мужчина хлопнул по видеокамере, будто та была комаром.

— Полагаю, настоящий вопрос в том, есть ли среди нас Линкольн.

— Линкольн умер, — резко ответил Фрэнк. — А подходящая историческая аналогия — это последний оплот народа, который не может принять текущую ситуацию. — И он оборвал связь.

Доводы были бесполезны. Равно как и гнев, и сарказм, не говоря уже об иронии. Можно лишь попытаться найти с ними общие фантазии. И он

проводил встречи, старался изо всех сил, разглагольствуя о том, каким Марс был, каким будет, какое прекрасное будущее он может иметь, если здесь построить общество, которое станет специфически и органически марсианским по самой своей природе, «если сгорит без остатка вся та земная ненависть, все старые привычки, что не дают нам жить по-настоящему, создавать то единственное, что прекрасно в этом мире, черт побери!».

Бесполезно. Он пытался договориться о встречах с некоторыми из пропавших и однажды даже поговорил с некой группой по телефону, попросив их, если это возможно, передать Хироко, что ему срочно необходимо с ней пообщаться. Но было похоже, что никто не знал, где она находится.

А потом, в один день он получил от нее сообщение, присланное по факсу с Фобоса. В нем говорилось, что ему лучше поговорить с Аркадием. Но тот исчез где-то в Элладе и не отвечал на звонки.

— Напоминает чертову игру в прятки! — горько воскликнул он как-то раз, обращаясь к Майе. — Вы в России играли в нее? Я помню, как играл в прятки со старшими ребятами, дело шло к закату, а из-за бури на море было по-настоящему темно,

и вот я бродил по пустым улицам и понимал, что никогда никого не найду.

— Забудь о тех, кто пропал, — посоветовала она. — Сосредоточься на тех, кого видишь. Пропавшие все равно будут следить за тобой. Неважно, видишь ли ты их или нет, отвечают они или молчат.

Он покачал головой.

Затем началась новая волна эмиграции. Он кричал на Слусинского, требуя от него срочно получить объяснения Вашингтона.

— Судя по всему, сэр, лифтовой консорциум поглотила «Субараси», ее активы размещены в Тринидаде и Тобаго, поэтому ей не нужно соблюдать интересы американского правительства. Представители компании говорят, что возможности строительства инфраструктуры теперь отвечают средней скорости эмиграции.

— Черт их возьми! — воскликнул Фрэнк. — Они не знают, что делают!

Он ходил по кругу, скрежеща зубами. Слова тихо вырывались из его уст, собираясь в произвольный монолог:

— Вы видите, но не понимаете! Это как то, о чем говорил Джон: некоторые части марсианской реальности не проходят сквозь космическое про-

странство — это не только ощущение здешней гравитации, но и ощущение, когда ты просыпаешься в своей комнате, идешь в ванную, а потом по дорожке в столовую. Так и вы понимаете все неправильно — вы надменные, невежественные, бестолковые сучьи дети…

Они с Майей сели на поезд из Берроуза до горы Павлина. На протяжении всей поездки он сидел у окна и смотрел на красный пейзаж, наблюдал, как все вздымалось, а затем понижалось там, где равнины. Окружающий мир то сжимался до пяти километров, то, когда они поднимались, растягивался до сорока, а то и до ста. Фарсида… Ее купол огромен. Словно что-то изнутри него рвалось наружу. Прямо как от нынешней политической обстановки. Да, они сидели на краю купола марсианской истории, и крупные вулканы готовы были вот-вот выстрелить.

И вот показалась она — гора Павлина, гигантская и сказочная, словно сошедшая с картины Хокусая[82]. Фрэнку стало трудно говорить. Он старался не смотреть на экран телевизора в передней части вагона — но новости все равно почти беспрерывно мелькали по всему поезду то

---

[82] Примечания: 82
Кацусика Хокусай (1760–1849) — японский художник укиё-э.

в случайно услышанных обрывках разговоров, то в выражении лиц. Чтобы узнавать новости, смотреть телевизор вовсе не обязательно. Поезд двигался сквозь лес ахеронских сосен — крошечные деревца с корой, напоминающей черную жесть, и цилиндрическими пучками иголок, правда, желтых и осыпающихся. Он слышал, что здесь были некоторые проблемы с почвой — то ли слишком много соли, то ли слишком мало азота, точно они не знали. Фигуры в скафандрах взобрались на лестницу возле одной из сосен и собирали образцы больных иголок.

— Это я, — сказал он Майе еле слышно, когда она спала, — играю с иголками, когда поражены корни.

В шеффилдском офисе он встречался с новым руководством лифта, в то же время начиная новую серию параллельных бесед с Вашингтоном. Как оказалось, Филлис по-прежнему управляла лифтом, оказав «Субараси» помощь при поглощении.

Потом стало известно, что Аркадий находился в Никосии, недалеко по склону горы, и что вместе со своими последователями он объявил Никосию свободным городом, как Нью-Хьюстон. Никосия стала важной отправной точкой для исчезнув-

ших. Можно было проскользнуть в Никосию и никогда больше не всплывать где-либо, так случалось уже сотни раз — так что, очевидно, там существовала некая система связи и передачи, подземная железная дорога, куда ни один внедренный агент не мог проникнуть.

— Давай съездим туда и поговорим с ним, — сказал Фрэнк Майе, когда узнал об этом. — Мне очень нужно встретиться с ним лично.

— Из этого не выйдет ничего путного, — мрачно проговорила Майя. Но, поскольку предполагалось, что там была и Надя, она поехала с ним.

Они спускались по склону Фарсиды молча, лишь наблюдая, как пролетают мимо обмерзшие камни. В Никосии станция открылась для их поезда, словно никто и не думал отказывать им. Но в небольшой группе, встретившей их, не оказалось ни Аркадия, ни Нади; зато здесь были Александр Жалин и Рауль. Уже в здании городского управления они позвонили Аркадию по видеоканалу, и, судя по закату за его спиной, он уже был во многих километрах к востоку. А Надя, как им сказали, вообще никогда не приезжала в Никосию.

Аркадий был таким же, как и всегда, — открытым и расслабленным.

— Это безумие, — сказал ему Фрэнк, обозленный из-за того, что не встретился с ним лично. — Вы не можете даже надеяться на успех.

— Можем, — ответил Аркадий. — Мы надеемся. — Его роскошная красная с проседью борода стала таким же символом революции, как если бы он был молодым Фиделем Кастро, готовым вот-вот ворваться в Гавану. — Конечно, это было бы проще с твоей помощью, Фрэнк Подумай об этом!

И прежде чем Фрэнк успел ответить, кто-то из находившихся за кадром отвлек Аркадия. Они вполголоса перекинулись парой слов по-русски, и затем Аркадий снова обратился к нему.

— Прости, Фрэнк, — сказал он. — Мне нужно кое-что сделать. Я свяжусь с тобой еще, как только смогу.

— Не смей уходить! — закричал Фрэнк, но связь уже прекратилась. — Черт тебя дери!

На линии появилась Надя. Она была в Берроузе, и ее подключили взамен Аркадия. В отличие от Аркадия, она была напряженной, резкой и недовольной.

— Ты не можешь его поддерживать! — воскликнул Фрэнк.

— Нет, — сухо ответила Надя. — Мы не общаем-

ся. Мы по-прежнему держим связь по телефону, как и ты, насколько я знаю, но больше не используем ее напрямую. Незачем.

— Ты не можешь на него повлиять? — спросила Майя.

— Нет.

Фрэнк видел, что Майе трудно в это поверить: Надя не может повлиять на мужчину, не может им манипулировать? Да что с этой Надей не так? Он чуть не рассмеялся.

Ночевать они остались в общежитии возле станции. После ужина Майя вернулась в городское управление, чтобы поговорить с Александром, Дмитрием, Еленой и Раулем; Фрэнку это было неинтересно, он считал такие разговоры пустой тратой времени. Он беспокойно бродил по окраине старого города, по дорожкам вдоль стены шатра, вспоминая ту давнюю ночь. На самом деле прошло всего девять лет, но ему казалось, будто минули все сто. Теперь Никосия казалась маленькой. Парк все еще красиво смотрелся с западной вершины, но его очертания были погружены в темноту, и он едва мог их различить.

В кленовой роще, уже зрелой, он прошел мимо невысокого мужчины, спешившего в другую сторону. Мужчина остановился, уставился на

Фрэнка, освещенного уличным фонарем, и воскликнул:

— Чалмерс!

Фрэнк повернулся. У мужчины было узкое лицо, длинные спутанные дреды, темная кожа. Незнакомый. Но при виде его по телу Фрэнка пробежал холодок.

— Да? — небрежно бросил он.

Мужчина смерил его взглядом.

— Вы меня не знаете, да?

— Нет, не знаю. Вы кто?

Мужчина несимметрично улыбнулся, словно его челюсть была перекошена. В свете фонаря это выглядело неестественно, полубезумно.

— Кто вы? — повторил Фрэнк.

Мужчина поднял палец.

— Когда мы встречались в последний раз, вы рушили город. Сегодня моя очередь. Ха! — Смеясь, он пошел прочь, и каждое его «ха!» звучало выше предыдущего.

Когда Фрэнк вернулся в городское управление, Майя обхватила его руками.

— Я беспокоилась из-за того, что ты пошел гулять один в этом городе!

— Замолчи.

Он подошел к телефону и позвонил в корпус

жизнеобеспечения. Там все было нормально. Он позвонил в полицию УДМ ООН и приказал им выставить вооруженные отряды у корпуса и железнодорожной станции. Когда он повторял приказ вышестоящему в структуре командования и дело шло к тому, что придется дойти до самого нового представителя, чтобы получить окончательное подтверждение, экран внезапно погас. Пол задрожал, и все тревожные сигналы в городе раздались в один миг. Дружное, стрессовое «*дзи-и-инь*»!

А затем — резкий толчок. Все двери с шипением закрылись; здание герметизировалось, а значит, давление снаружи резко упало. Они с Майей подбежали к окнам и выглянули наружу. Шатер, покрывавший Никосию, упал и в некоторых местах натянулся над самыми высокими верхушками крыш, точно пищевая пленка, а в других его просто обдувало ветром. Люди на улицах колотили в двери, бегали, падали, съеживались на земле, как жители Помпеи. Фрэнк отодвинулся от окна, его зубы горели острой болью.

Похоже, здание надежно запечатано. Во всеобщем шуме Фрэнк сумел различить гудение генератора. Видеоэкраны не работали, и от этого, казалось, было трудно поверить в то, что проис-

ходило за окном. Лицо Майи порозовело, но она вела себя спокойно.

— Шатер рухнул!

— Знаю.

Он не ответил.

Она все еще пыталась наладить экраны.

— Ты пробовал включать радио?

— Нет.

— И что?! — вскричала она, раздраженная его спокойствием. — Ты знаешь, что здесь происходит?

— Революция, — ответил он.

Часть седьмая
Сензени-На

≈ * ≈

На четырнадцатый день революции Аркадию Богданову приснилось, как он сидит на деревянном ящике вместе с отцом, перед ними — небольшой костер на краю поляны, совсем как настоящий, только длинные, с жестяными крышами здания Углей находились всего в сотне метров за их спинами. Они протянули руки к теплу, и его отец в очередной раз рассказывал, как ему повстречался снежный барс. Было ветрено, и пламя танцевало. Затем раздался сигнал пожарной тревоги.

Это был будильник Аркадия, установленный на четыре утра. Он встал и обтерся горячей губкой в ванной. Ему вспомнились образы из сна. После того как началась революция, он плохо спал — лишь урывками по несколько секунд, то тут, то там. Будильник резко выводил его из глубинных снов, из тех, что обычно не запоминаются. Почти все они были неискаженными воспоминаниями его

детства — воспоминаниями, которые никогда прежде не приходили ему в голову. Это заставило его задуматься, сколько всего он хранил воспоминаний и могло ли оказаться так, что размер их хранилища на самом деле невелик Можно ли было помнить каждую секунду своей жизни, но каждый раз забывать все, просыпаясь? Возможно, это в некотором роде необходимо? А если так, то что случится, если люди начнут жить по двести, по триста лет?

Подошла Джанет Блайлевен, встревоженная.

— Они уничтожили Немезиду. Роальд проанализировал видео и считает, что они ударили по нему серией водородных бомб.

Они вошли в крупное здание городского управления Карра, где в последние две недели Аркадий проводил бóльшую часть своего времени Алекс и Роальд находились внутри и смотрели телевизоры. Роальд приказал:

— Экран, покажи повтор для Аркадия.

Изображение мелькнуло и замерло:

черный космос, плотная сеть звезд, а посередине экрана — темный необычный астероид, видимый по большей части благодаря тому, что закрывал собой звезды. На несколько мгновений все замерло, но потом со стороны астероида возник белый свет. В одно мгновение астероид раздался во все стороны и рассеялся.

— Быстрая работа, — отметил Аркадий.

— Есть еще запись с камеры под другим углом.

На видео снова показался астероид, но теперь так, что выглядел продолговатым, и можно было различить серебристые блистеры его разгонных двигателей. Затем возникла белая вспышка, и, когда черное небо вернулось, астероида уже не было; мерцание звезд в правой части экрана выдавало, что мимо них пролетели фрагменты астероида, но затем оно прекратилось, и на этом все закончилось. Ни белых горящих облаков, ни звуков грома — лишь металлический голос репортера, разглагольствующий об исчезновении угрозы судного дня, исходившей от марсианских бунтарей, и

подтверждении мощи стратегической обороны. Хотя ракеты, судя по всему, были запущены с помощью рельсовой пушки с лунной базы «Амекса».

— Мне эта идея никогда не нравилась, — признался Аркадий. — Это, опять же, взаимное гарантированное уничтожение.

— Но если бы произошло взаимное гарантированное уничтожение, — сказал Роальд, — и одна сторона лишилась потенциала…

— Мы здесь не лишались потенциала. И они оценивают то, что здесь, так же, как и мы. Значит, теперь уходим обратно в швейцарскую защиту.

Уничтожить, что они хотели, и укрыться в горах, для вечного сопротивления. Это было ему больше по душе.

— Это слабее, — наотрез заявил Роальд. Он голосовал, как и большинство, за то, чтобы отправить Немезиду по курсу к Земле.

Аркадий кивнул. Нельзя было отрицать, что один член уравнения вычеркнут. Но неясно, изменился баланс сил

или нет. Немезида была не его идеей — ее предложил Михаил Янгель, а команда с астероидов самостоятельно воплотила ее. Теперь многие из них были мертвы — убиты большим взрывом или теми поменьше, что происходили за пределами пояса, тогда как сама Немезида создавала впечатление, будто повстанцы одобряли массовое поражение Земли Плохая идея, как заметил Аркадий.

Но такова жизнь в революции Никто не поддавался управлению, независимо от того, кто бы что ни говорил. И многим нравилось такое положение дел, особенно здесь, на Марсе. В первую неделю борьба шла ожесточенная, ведь УДМ ООН и транснационалы наращивали свои силы безопасности весь предыдущий год. Многие крупные города были мгновенно захвачены ими, и это могло случиться везде, кроме тех мест, где повстанцев оказывалось больше, чем можно предположить. Свыше шестидесяти городов и станций объединились в сеть и провозгласили независимость — там повстанцы вышли из лабораторий или спустились

с гор и просто взяли власть в свои руки. А теперь, когда Земля находилась на дальней стороне Солнца, а ближайший многоразовый шаттл был уничтожен, под осадой оказались уже силы безопасности и неважно, в крупных городах или нет.

Позвонили из корпуса жизнеобеспечения. Там возникли проблемы с компьютерами, и Аркадия просили пойти разобраться.

Он вышел из городского управления и пересек Менло-парк, чтобы попасть к корпусу. Только что рассвело, и бóльшая часть кратера Карр все еще находилась в тени — лишь западная стенка и высокие бетонные здания корпуса жизнеобеспечения были освещены в этот час, они покрылись желтизной в резком утреннем свете, а железные дороги, тянущиеся по стене кратера, превратились в золотые ленты. Город только-только просыпался на своих тенистых улицах. Многие повстанцы прибыли из других городов или с испещренных кратерами гор и спали в парке прямо на траве. Люди сидели, все еще не вынимая ног из спальных мешков,

с отекшими веками, взъерошенными волосами Ночью здесь поддерживали температуру, но все равно чувствовалась прохлада, и те, кто уже выбрался из спальников, сутулились над горелками, дышали себе на ладони, копошились с кофе и самоварами и время от времени проверяли, как к ним подбирается линия света. Видя Аркадия, они махали ему и не раз останавливали, чтобы узнать его мнение о последних событиях или дать ему советы. Аркадий всем охотно отвечал. И снова чувствовал, как что-то в воздухе переменилось, словно они очутились в каком-то новом пространстве, где все (его взгляд упал на нагревательный элемент, светящийся под кофейникам) лучились электричеством свободы.

Он шел, чувствуя себя все радостнее, надиктовывая ежедневную запись в свой дневник, который вел с помощью наручной панели.

— Парк напоминает мне то, что Оруэлл говорил о Барселоне в руках анархистов: это эйфория от нового социального контракта, от возвращения к той сказочной

справедливости, которую мы знали с детства…

На его запястье раздался звонок, и на крошечном экране появилось лицо Филлис — и оно его раздражало.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Немезиды больше нет. Мы хотим, чтобы вы сдались, — прежде чем будет причинен еще какой-либо вред. Теперь все просто, Аркадий. Сдавайтесь или умрите.

Он едва не рассмеялся. Она напоминала злую ведьму из фильма про волшебника из страны Оз, неожиданно возникшую в хрустальном шаре.

— Здесь нет ничего смешного! — воскликнула она. Он вдруг увидел, что она напугана.

— Ты знаешь, мы никак не связаны с Немезидой, — сказал он. — Она не имеет для нас никакого значения.

— Как ты можешь быть таким глупцом! — вскричала она.

— Это вовсе не глупость. Слушай, передай своим хозяевам вот что: если они попытаются подчинить себе свободные

города, мы уничтожим все, что есть на Марсе. — Это уже была швейцарская защита.

— Ты думаешь, это для кого-то важно? — Ее губы побелели, а все ее мелкое изображение казалось примитивной маской ярости.

— Важно. Слушай, Филлис, я — лишь верхушка айсберга всего этого, есть еще крупная подземная система, которую вы не можете видеть Она поистине огромна, и у моих людей есть средства, чтобы нанести вам удар, если они того захотят.

Она, должно быть, резко опустила руку, потому что изображение на экранчике круто повернулось и в кадр попал пол.

— Ты всегда был дураком, — произнес ее голос откуда-то извне. — Даже тогда, на «Аресе».

Связь оборвалась.

Аркадий двинулся дальше, в городе уже не чувствовалось такой суеты, как прежде. Если Филлис была напугана, то…

В корпусе жизнеобеспечения искали неисправность. За пару часов до этого уровень кислорода в городе начал повы-

шаться, но световая сигнализация при этом не включилась Техники заметили это случайно.

Через полчаса им все-таки удалось выяснить, в чем проблема Программу заменили. Однако Тати Анохин все равно не был доволен.

— Слушайте, похоже, совершен саботаж, но уровень кислорода все равно выше, чем должен быть даже с учетом этого. Он уже достиг около сорока процентов.

— Не удивительно, что сегодня у всех такое хорошее настроение.

У меня нет. К тому же все эти рассказы о настроении — чушь.

— Уверен? Проверь еще раз программу, просмотри пароли доступа и убедись, не проводилось ли других скрытых замен.

Он направился обратно в городское управление. Когда он был на полпути, где-то вверху раздался громкий хлопок. Он поднял голову и увидел небольшую дыру в куполе. Воздух вдруг начал мерцать и переливаться, словно они очутились внутри огромного мыльного пузыря.

После яркой вспышки и громкого шума он перешел на бег. Борясь с собственной инерцией, он увидел, как все одновременно зажглось; люди горели как факелы, а его руку огонь охватил прямо у него перед глазами.

≈ * ≈

Разрушать марсианские города нетрудно. Не труднее, чем бить стекла или протыкать воздушные шарики.

Надя Чернышевская поняла это, когда пряталась в городском управлении Лассвица, шатрового городка, получившего пробоину в одну из ночей сразу после захода солнца. Все выжившие теперь ютились в управлении или в корпусе жизнеобеспечения. Последние три дня они выбирались наружу, пытаясь залатать шатер, и смотрели телевизор, пытаясь понять, что происходит. Но земные выпуски новостей были посвящены войнам, которые происходили там и теперь, похоже, сливались в одну. Лишь в редких случаях передавали краткие сообщения о разрушении марсианских городов. В одном из репортажей сказали, что по многим крытым кратерам были нанесены ракетные удары из-за горизонта, как правило, последовательно: вводили кислород или насыщенное им горючее и сразу же — воспламенитель, что приводило к взрывам разной мощности: от уничтожающих живую силу до сносящих прочь купола и по-настоящему

крупных взрывов, зарывающих землей целые кратеры. Наибольшее распространение имел огонь на подавление живой силы — в случае его применения инфраструктура оставалась по бóльшей части нетронутой.

С шатровыми городами было еще легче. Большинство из них было пробито с помощью лазеров, размещенных на Фобосе, иногда выпускали управляемые крылатые ракеты по корпусам жизнеобеспечения; кое-где вторгались войска того или другого типа — захватывали космопорты, разрушали городские стены бронированными марсоходами, а в редких случаях десант спускался сверху.

Надя смотрела дрожащие видео, в которых ощущался весь страх операторов, и ее желудок сжался в комок размером с грецкий орех. — Что они делают, проверяют разные способы? — вскричала она. — Сомневаюсь, — ответил Илья Зудов. — Думаю, разные группы способны применять разные методы. Одни будто хотят нанести минимальный урон, другие же — убить как можно больше наших. Освободить место для эмигрантов.

Надя отвернулась, чувствуя подступающую тошноту. Встав, она вышла на кухню, слегка пригибаясь из-за неприятного ощущения в жи-

воте, в отчаянии желая что-то предпринять. На кухне включили генератор, и теперь несколько человек разогревали замороженную еду в микроволновке. Она помогла им, раздав порции людям, которые сидели в зале. Немытые лица, покрытые черными волдырями; одни увлеченно беседовали, другие сидели как статуи, третьи спали, прижавшись друг к другу. Большинство из них были жителями Лассвица, но было и немало тех, кто приехал из шатров или укрытий, разрушенных ударами из космоса или атакованных наземными силами.

— Как глупо, — говорила арабская женщина угловатому коротышке. — Мои родители служили в Красном Кресте в Багдаде, когда американцы его бомбили. Если они владеют небом, нам больше нечего делать, нечего! Мы должны сдаться. И чем скорее, тем лучше.

— Но кому? — осторожно спросил коротышка. — И как?

— Кому угодно, по радио, конечно же! — Женщина пристально посмотрела на Надю, и та пожала плечами.

Затем ее наручная панель издала сигнал, и Саша Ефремова забурчала механическим телефонным голосом, сообщая: водопроводная станция к

северу от города взорвалась, и скважина, которую она заглушала, теперь бьет фонтаном — получилось напорное извержение воды и льда.

— Сейчас буду, — ответила потрясенная Надя.

Водопроводная станция городка затыкала нижний конец водоносного слоя Лассвица, а он был немаленьким. Если достаточное количество воды оттуда поднимется, то и станция, и город, и весь каньон окажутся в сильнейшем наводнении — а что еще хуже, Берроуз находился всего в двухстах километрах вниз по склону Сирта и Исиды, и наводнение вполне могло распространиться и туда. Берроуз! Его население слишком велико, поэтому нет возможности эвакуировать людей, особенно теперь, когда город превратился в убежище для тех, кто хотел сбежать от войны. Сейчас бежать было просто некуда.

— Сдавайтесь! — не унималась арабка. — Все сдавайтесь!

— Не думаю, что теперь это поможет, — ответила Надя и побежала к шлюзу.

Она испытала значительное облегчение от возможности чем-то заняться, что-то *делать* и прекратить ютиться в здании и смотреть на катастрофы по телевизору. А поскольку Надя составляла план города и вела надзор за строи-

тельством Лассвица всего шесть лет назад, она знала, что нужно делать. Город представлял собой шатер никосийского типа с отдельно стоящими фермой и корпусом жизнеобеспечения, а также водопроводной станцией на приличном отдалении к северу. Все сооружения располагались на дне крупного ущелья под названием каньон Арена, протянувшегося с запада на восток, стены которого были почти вертикальными и достигали полкилометра в высоту. Водопроводная станция находилась всего в паре сотен метров от северной стены каньона, которая в том районе далеко выдавалась над дном. Пока Надя ехала туда вместе с Сашей и Ильей, в голове у нее быстро вырисовался план:

— Думаю, мы сможем обрушить утес на станцию, и если сможем, то обвал должен заткнуть прорыв.

— А наводнение не смоет обрушенные камни? — спросила Саша.

— Да, если, конечно, произойдет полный разрыв слоя. Но если мы накроем его, пока это просто открытая скважина, то выходящая вода замерзнет под обвалом и, надеюсь, образует запруду, которой хватит, чтобы сдержать ее, гидростатическое давление в этом слое лишь немного

превышает литостатическое давление породы, которая там нависает, поэтому напор подземных вод должен быть не таким уж высоким. Иначе мы были бы уже мертвы.

Она притормозила. За лобовым стеклом виднелось то, что осталось от водопроводной станции, и вверх от нее поднималось облако густого морозного пара. Навстречу им на полной скорости трясся марсоход, и Надя включила передние фары и переключила радио на общую частоту. Это прибыла команда со станции — Анжела и Сэм, обезумевшие от приключений, свалившихся на них за последний час. Когда они подъехали к ним борт к борту и закончили свою историю, Надя рассказала им о своем плане.

— Это может сработать, — сказала Анжела. — И уж точно ничто больше его не остановит, он буквально хлещет наружу.

— И нам придется поторопиться, — добавил Сэм. — Он разрушает скалу с невероятной скоростью.

— Если мы не заткнем его, — произнесла Анжела с каким-то нездоровым воодушевлением, — будет то же, что случилось, когда Атлантический океан прорвался через Гибралтарский пролив и заполнил Средиземноморский бассейн. Там был

водопад, который продолжался десять тысяч лет.

— Никогда об этом не слышала, — призналась Надя. — Поехали с нами на утес, поможете запустить роботов.

Пока они подъезжали, она направила всех строительных роботов, имевшихся в городе, из их ангаров к подножию северной стены возле водопроводной станции; ко времени, когда там оказались два марсохода, они обнаружили, что несколько более быстрых роботов уже были там, а остальные гремели по каньону позади них. Там, у подножия, был небольшой склон осыпания, который возвышался над ними, как огромная застывшая волна, сияющая в полуденном свете. Надя подключилась к грейдерам и бульдозерам и дала им команду расчистить путь к этому склону; когда они закончили, горные комбайны забурились прямо в утес.

— Видите, — сказала Надя, указывая на ареологическую карту каньона, которую вывела на экран марсохода, — за всем этим нависающим куском есть крупный разрыв породы. И выступ из-за этого немного сползает — посмотрите на то плато вверху, оно чуть ниже остальных. Если мы установим всю взрывчатку, что у нас есть, у основания разрыва, то он обязательно обрушит

весь нависающий выступ, как думаете?

— Не знаю, — замялся Илья. — Но попробовать стоит.

Прибыли и медленные роботы с множеством взрывчаток, оставшихся после выемки грунта для закладки фундамента под город. Надя принялась программировать машины для врезки в основание утеса и на час с лишним словно пропала для остального мира. Закончив, сказала:

— Поехали обратно в город, нужно эвакуировать людей. Я не знаю наверняка, насколько большой кусок скалы упадет, а мы не хотим тут всех похоронить. У нас есть четыре часа.

— Господи, Надя!

— Четыре часа. — Она набрала последнюю команду и завела марсоход. Анжела и Сэм бодро последовали за ней.

— Что-то не заметно, что вам жаль уезжать отсюда, — заметил им Илья.

— Черт, да здесь была такая тоска! — ответила Анжела.

— Думаю, сейчас здесь станет веселее.

Эвакуация проходила с трудом. Многие жители города не хотели уезжать, и едва ли для них хватило бы места в имеющихся в распоряжении марсоходах. Наконец, все набились в транспорт

и выдвинулись по ретрансляторной дороге в Берроуз. Лассвиц опустел. Надя целый час пыталась связаться с Филлис по спутниковому телефону, но каналы связи были разорваны — звук был такой, будто что-то глушило сигнал. Надя оставила сообщение на самом спутнике: «Мы мирное население Сирта, стараемся не допустить наводнения Берроуза из-за прорыва водоносного слоя Лассвица». Это была своего рода капитуляция.

К Наде, Саше и Илье, ехавшим в своем марсоходе, присоединились Анжела и Сэм, и они стали подниматься по скальной дороге с крутыми перепадами к южной границе каньона Арена. По другую сторону от них располагалась внушительная северная стена, слева внизу лежал город, казавшийся почти совсем обычным, но, если посмотреть направо, становилось очевидно — что-то не так. Водопроводную станцию в середине прорывал плотный белый гейзер, который расходился брызгами, как сломанный пожарный гидрант, и те превращались во множество грязных красно-белых кусков льда. Эта странная масса менялась у них на глазах, обнажая черные потоки воды, испаряющиеся с бешеной скоростью, когда из черных трещин поднималась дымка и разносилась по каньону под воздействи-

ем ветра. Камни и частицы с поверхности Марса были так обезвожены, что когда на них попадали брызги, они будто взрывались в бурных химических реакциях. А когда вода текла по сухой земле, в небо выстреливали огромные облака пыли, которые соединялись с вихрящимся морозным паром.

— Сакс будет доволен, — мрачно заметила Надя.

В назначенный час из основания северной стены поднялось четыре столба дыма. Затем несколько секунд ничего не происходило, и наблюдатели тяжело вздохнули. Затем скала подалась, и нависающая ее часть медленно и величаво сползла вниз. Из ее основания вырвались густые облака дыма, а затем, словно вода при обломе айсберга, хлынули обломки пород. Их марсоход затрясся от низкого гула, и Надя предусмотрительно откатила его подальше от южного края каньона. Как только она это сделала, вид им закрыло крупное облако пыли, и они увидели, как на станцию стремительно опрокинулся кусок скалы.

Анжела и Сэм ликовали.

— Как мы поймем, что это сработало? — спросила Саша.

— Подождем, пока не увидим все опять, — ответила Надя. — Надеюсь, поток прекратился. Не должно быть больше ни открытой воды, ни какого-либо ее движения.

Саша кивнула. Они сидели и выжидающе смотрели на древний каньон. Надя почти ни о чем не думала — а те мысли, что возникали, были мрачными. Ей нужно было больше дел, как в последние несколько часов, следовало заняться какой-нибудь напряженной работой, которая не давала бы времени на размышления; даже в короткие перерывы на нее обрушивалось все отчаяние их положения — разрушенные города, мертвецы повсюду, исчезновение Аркадия. Теперь, похоже, ничего не оставалось под контролем. Ни у кого не было никаких планов. Полицейские силы громили города, чтобы подавить восстания, а повстанцы громили все подряд, чтобы эти восстания поддерживать. Так в итоге можно было разгромить всю планету — вся ее работа рушилась у нее на глазах, и все без каких-либо причин! Вообще без причин!

Она не могла позволить себе думать. Обвал накрыл водопроводную станцию, и вода, бившая ключом, теперь была заблокирована и заморожена. Получилась своего рода дамба. Что будет

потом — трудно сказать. Если гидростатическое давление водоносного слоя станет достаточно сильным, случится новый прорыв. Но если дамба была достаточно плотной… Что ж, с этим уже ничего нельзя поделать. Хотя можно создать что-то вроде выпускного клапана, чтобы снизить давление на дамбу…

Ветер понемногу развеял пыль. Ее спутники были довольны: водопроводная станция исчезла, скрывшись под свежим черным завалом северной стены, которая теперь приняла вид крупной дуги. Но они были на грани — завал получился далеко не таким большим, как надеялась Надя. Сам Лассвиц устоял, а слой камней над станцией, похоже, был не столь уж плотным. Да, поток, судя по всему, прекратился, он превратился в неподвижную грязно-белую полосу — будто ледник, сходящий в середине каньона. И от него поднимался слабый морозный дымок. И все же…

— Давайте съездим в Лассвиц и посмотрим на показатели водоносного слоя, — предложила Надя.

Они спустились по стене каньона и заехали в гараж Лассвица. Прошли по пустым улицам в прогулочниках и скафандрах. Центр изучения водоносного слоя находился рядом с городским

управлением. Странно было видеть их убежище последних нескольких дней опустевшим.

В центре изучали показания различных подземных сенсоров. Многие из них уже не работали, но те, что остались, показывали, что гидростатическое давление было выше, чем когда-либо прежде, и продолжало расти. Словно в подтверждение этого, землю сотряс слабый толчок, заставив вибрировать подошвы их ботинок. Никому из них еще не доводилось испытывать подобное на Марсе.

— Черт! — воскликнул Илья. — Он точно рванет еще раз!

— Нужно пробурить еще один выход, — сказала Надя. — Типа выпускного клапана.

— А что, если его прорвет, как первый? — спросила Саша.

— Если мы сделаем его в верхней части слоя или посередине, чтобы перехватить часть потока, то все будет нормально. Так же, как старая станция, которую, видимо, кто-то взорвал, иначе она бы и сейчас работала, как раньше. — Она с горечью покачала головой. — Нам придется рискнуть. Сработает — сработает. Нет — мы, возможно, создадим прорыв. Но если мы ничего не сделаем, то, похоже, прорыв случится наверняка.

Она повела их маленькую группу по главной улице к складу роботов в гараже и засела в командном центре, чтобы снова заняться программированием. Обычное бурение, но с максимальным выбросом из скважины. Вода должна выйти на поверхность под артезианским давлением, после чего они направят ее по трубопроводу, который роботы, согласно их инструкциям, проложат в таком направлении, чтобы отвести воду из региона Арены. Вместе с остальными она изучала топографические карты и прогоняла симуляции наводнений каньонов, которые шли параллельно Арене, севернее и южнее. Они выяснили, что площадь водосбора была огромна, все на Сирте стекало вниз к Берроузу, и в целом местность представляла что-то вроде большой чаши. Воду нужно было отводить примерно на триста километров на север, до следующего водосборного бассейна.

— Смотрите, — сказал Илья, — если выпустить ее в борозду Нили, она потечет прямо на север, к равнине Утопия, и замерзнет на северных дюнах.

— Сакс, должно быть, *в восторге* от революции, — повторила Надя сказанное ею уже не раз. — Мы делаем то, на что он никогда не полу-

чил бы одобрения.

— Но многие из его проектов тоже оказались не у дел, — заметил Илья.

— Думаю, он все равно оказался в плюсе, если говорить его языком. Вся эта вода на поверхности…

— Надо будет его спросить.

— Если мы еще когда-нибудь его увидим.

Илья умолк.

— Там действительно так много воды? — спросил он после паузы.

— Это не только Лассвиц, — ответил Сэм. — Недавно я видел новости: пробили водоносный слой Лоуэлл, там большой прорыв, вроде тех, после которых образовываются каналы. Он прорежет миллионы тонн реголита в глубине, а я не знаю, сколько там воды. Но в это трудно поверить.

— Но *зачем*? — спросила Надя.

— Думаю, это лучшее оружие, что у них есть.

— Это вовсе не оружие! Они не могут ни направить, ни остановить его!

— Не могут. И никто не может. Но подумайте обо всех городах которые лежат вниз по склону от Лоуэлла. Франклин, Дреклер, Осака, Галилео, думаю, даже Силвертон. И это все города транснационалов. Считайте, многие шахтерские городки

в канале становятся уязвимыми.

— Выходит, обе стороны разрушают инфраструктуру, — отрешенно произнесла Надя.

— Верно.

Ей необходимо было работать — иного выбора не имелось. Она снова заставила всех программировать роботов, и остаток дня и весь следующий они провели, выводя роботов на место бурения и проверяя, чтобы все было готово к работам. Бурение велось в открытую — нужно было лишь убедиться, что давление водоносного слоя не приведет к прорыву. А отправить воду на север трубопроводом было даже проще — эта операция уже многие годы выполнялась автоматически. Вверх по постели северного каньона, а оттуда — еще на север. И не нужно было включать насосы — артезианское давление довольно успешно должно регулировать поток, потому что, когда оно опускалось достаточно, чтобы не вытеснять воду из каньона, опасность прорыва в нижней части слоя предположительно исчезала. Когда передвижные магниевые мельницы принялись молоть, собирать частицы и создавать трубопроводы, когда вилочные и фронтальные погрузчики стали собирать сегменты вместе, когда это огромное сооружение, медленно перекатываясь по

дороге, принимало сегменты и извергало трубопровод, когда другой передвигающийся исполин изолировал готовый трубопровод аэросеткой, изготовленной из отходов нефтепереработки, и когда первый сегмент трубопровода нагрелся и заработал, тогда они признали систему готовой к использованию. И у них появилась надежда, что им удастся протянуть его еще на триста километров. Нужно было прокладывать по километру трубопровода в час, по двадцать четыре с половиной часа в сутки, и — если все прошло бы хорошо — примерно через двенадцать дней он дотянулся бы до борозды Нили. С такой скоростью трубопровод должен быть завершен почти сразу после того, как был просверлен и приведен в готовность выход для воды. И если обвальная дамба продержится все это время, то у них получится устроить этот выпускной клапан.

Итак, Берроуз был в безопасности — по крайней мере, настолько, насколько они могли обеспечить ему эту безопасность своими усилиями. Теперь им можно было уезжать. Но каково было их предназначение — вот в чем вопрос. Надя ссутулилась перед разогретым в микроволновке ужином, поглядывая земные новости и слушая, как ее товарищи обсуждали их проблему. На

Земле революцию подавали в отвратительном свете — экстремисты, вандалы, саботажники, радикалы, террористы. И ни разу не прозвучало «повстанцы», «революционеры» — хотя эти слова наверняка одобрила бы как минимум половина населения Земли. Нет, повстанцы считались разрозненными группами сумасшедших, террористов, несущих разрушения. И ей не стало легче от того, что она видела в таком освещении событий долю правды, — она лишь сильнее сердилась.

— Мы должны присоединиться хоть к кому-нибудь и сражаться вместе! — сказала Анжела.

— Я не буду ни с кем сражаться, — упрямо заявила Надя. — Это глупо. Не буду. Я буду ремонтировать то, что смогу, но сражаться не буду.

По радио прозвучало сообщение. Кратер Фурнье, примерно в 860 километрах от них, получил трещину в куполе. Население оказалось в ловушке в герметизированных зданиях, там заканчивается воздух.

— Я хочу поехать туда, — сказала Надя. — Там есть большой склад строительных роботов. Они могут заделать купол, а потом заняться другими делами дальше по равнине Исиды.

— И как ты туда доберешься? — спросил Сэм.

Надя задумалась, а потом сделала глубокий вдох.

— Ультралитом, пожалуй. На летной полосе южного края есть новенькие 17Д. Это точно будет самый быстрый способ, а может, и самый безопасный. — Она посмотрела на Илью и Сашу. — Полетите со мной?

— Да, — ответил Илья.

Саша кивнула.

— Мы хотим с вами, — сказала Анжела. — Все равно на двух самолетах будет безопаснее.

≈ * ≈

Они взяли два самолета, построенные авиазаводом Спенсера в Элизии, новейшие модели, которые называли просто 16Д. Они представляли собой ультралитовые, с треугольными крыльями, четырехместные реактивные суда, изготовленные преимущественно из ареогеля и пластика, настолько легкие, что этим они даже были опасны. Но Илья — превосходный летчик, и Анжела, по ее собственным словам, тоже, и на следующее утро, после ночи в пустом небольшом аэропорту, они забрались внутрь, вырулили на уплотненную грязную дорожку и поднялись навстречу солнцу. Прошло много времени, прежде чем они набрали высоту в тысячу метров.

Планета, видневшаяся внизу, казалась обманчиво нормальной, ее строгие формы были чуть белее с северной стороны, будто состарились от заражения паразитами. Но когда они очутились над каньоном Арена, то увидели, что по нему двигался грязный ледник, словно река отколовшихся ледяных блоков. Во многих местах, где наводнение на какое-то время образовывало водоемы, ледник расширялся. Ледяные блоки кое-где были

чисто белыми, но чаще имели какой-нибудь марсианский оттенок, раскалывались и смешивались друг с другом, превращая ледник в ломаную мозаику замерзших кирпичей, серы, корицы, угля, сливок, крови… и все они лились по дну каньона к самому горизонту, который лежал в семидесяти пяти километрах от них.

Надя попросила Илью повернуть на север, чтобы осмотреть землю, по которой роботам предстояло прокладывать трубопровод. Вскоре после поворота они получили слабое радиосообщение от парочки из первой сотни — Энн Клейборн и Саймона Фрейзера. Они находились в ловушке в кратере Перидье, который лишился своего купола. Это тоже было на севере, так что они уже летели правильным курсом.

Земля, над которой они летели, в то утро выглядела вполне проходимой для бригады роботов — плоская, пусть и слегка загроможденная изверженными породами, зато никаких уступов, которые могли застопорить работу, не было. Дальше начиналась борозда Нили, сначала очень плавно, лишь с четырьмя неглубокими углублениями, извивающимися на северо-восток, словно отпечатки пальцев на слабом следе ладони. Однако через сто километров на север они

превращались в параллельные каньоны, каждый по пятьсот метров глубиной, разделенные темной землей, обильно усеянной кратерами, и эти свойственные Луне формы Наде напоминали захламленную строительную площадку. К северу же их поджидал сюрприз: в месте, где самый восточный каньон выходил в Утопию, произошел еще один прорыв водоносного слоя. В верхней его части произошло обычное сползание грунта, образовав огромную земляную чашу, разбитую, будто стеклянная тарелка. Ниже прямо из этой разломанной земли хлестала черно-белая вода, отламывая новые блоки и унося их у них на глазах в испускающем пар потоке, отчего земля имела такой вид, будто выдержала взрыв. Сам этот страшный прорыв имел не менее тридцати километров в ширину и тянулся к горизонту на север, не подавая никаких намеков, что собирается сужаться.

Надя присмотрелась и попросила Илью подлететь поближе.

— Не хочу наткнуться на пар, — ответил тот, и сам поглощенный открывшимся видом.

Бóльшую часть белого морозного облака сдувало на восток, и оно опадало на поверхность, но ветер был порывистый, и временами тонкое

белое покрывало взметалось прямо вверх и заслоняло собой полосу черной воды и белого льда. Выход воды был таким же большим, как у крупного ледника в Антарктике, а то еще больше. Он буквально делил красный рельеф пополам.

— Здесь чертовски много воды, — проговорила Анжела.

Надя переключилась на частоту первой сотни и вызвала Энн из Перидье.

— Энн, ты знаешь что-нибудь об этом? — Она описала то, над чем они пролетали. — Энн, она все еще течет, лед движется, мы видим участки открытой воды, они тут то черные, то красные…

— Что ты слышишь?

— Только что-то похожее на гул вентилятора и еще какой-то трескающийся лед, да. Но мы и сами издаем много шума. Чертовски много воды!

— Ну, — сказала Энн, — этот водоносный слой не такой уж большой по сравнению с другими.

— Как они их вскрывают? Люди правда могут их проламывать?

Некоторые слои — да, — ответила Энн. — Если у них гидростатическое давление выше литографического, то они, по сути, подбрасывают породу вверх, а вечномерзлый грунт формирует собой что-то вроде ледяной дамбы. Если пробурить

скважину и взорвать ее или дать ей растаять…

— Но как?

— Расплавить в реакторе.

Анжела присвистнула.

— Но ведь радиация! — вскричала Надя.

— Конечно. Но давно ли ты проверяла свой счетчик? Наверное, она уже на три четверти спала.

— Ого! — воскликнула Анжела.

— И это еще не конец. — Голос Энн звучал отстраненно и глухо, как всегда, когда она была раздражена. Она отвечала на их вопросы о наводнении очень коротко. Наводнение такого масштаба вызывало предельные колебания давления, разрушая коренные породы, затем оттесняя их, и все скатывалось вниз по течению, стремительно истираясь, как рвущаяся, податливая каменистая масса.

— Вы собираетесь в Перидье? — спросила она, когда у них закончились вопросы.

— Сейчас мы повернем на восток, — ответил Илья. — Я хочу сначала визуально определить расположение кратера Fv.

— Дельная мысль.

И они полетели дальше. Поразительная муть наводнения так и тянулась вдаль, и они вновь

пролетали над старыми знакомыми камнями и песками. Вскоре на горизонте возник Перидье — низкая, сильно выветренная стена кратера. Купола над ним не было, куски изорванных тканей были отброшены в сторону и все еще перекатывались над валом, отчего кратер казался взорвавшимся стручком с семенами. К югу бежала железная дорога, серебряной нитью отражая солнечный свет. Они летели над дугой стены кратера, и Надя разглядывала в бинокль темные здания, тихо, нараспев выговаривая славянские ругательства. Как? Кто? Зачем? Ответов не было. Они держали курс к посадочной полосе на дальней стороне вала кратера. Ни один из ангаров не работал, и им пришлось надеть костюмы и выдвинуться в город на небольших машинках.

Все выжившие обитатели Перидье забились в корпус жизнеобеспечения. Надя и Илья вошли через шлюз и обнялись с Энн и Саймоном, после чего их представили остальным. Их было около сорока, они пытались поддерживать газообмен в герметичных зданиях, и у них заканчивались аварийные припасы.

— Что произошло? — спросила Анжела, и они принялись рассказывать, будто греческий хор, часто перебивая друг друга: от одного единствен-

ного взрыва купол лопнул как воздушный шар, это мгновенно привело к декомпрессии, и в итоге взорвались многие городские здания. Корпус жизнеобеспечения, к счастью, был армирован и сохранил внутреннее давление в своих запасах воздуха, так что те, кто был внутри, остались живы. Но те, кто был на улицах или в других зданиях, погибли.

— Где Питер? — спросил Илья, боясь ответа.

— На Кларке, — быстро сказал Саймон. — Он позвонил нам сразу же, как только это началось. Он пытается получить место на одном из лифтов, идущих вниз, но сейчас пускают только полицию. Похоже, полицейских много на орбите. Он приедет, как только сможет. Там, вверху, все равно безопаснее, так что я не так уж и жажду его увидеть.

Надя снова вспомнила об Аркадии. Но она ничем не могла ему помочь, так что быстро принялась за восстановление Перидье. Сперва опросила выживших об их планах, но, когда те лишь пожали плечами, предложила начать с того, чтобы установить шатер, намного меньший, чем прежний купол, используя материал, сохранившийся на строительных складах у аэропорта. Там же было законсервировано много старых ро-

ботов, так что реконструкцию можно начинать без затяжной подготовки. Местные приняли ее план с воодушевлением — о том, что находилось в складах, они даже не знали.

— Это все есть в записях, — позже рассказывала она Илье. — Им нужно было лишь сделать запрос. Они не сообразили. Только смотрели телевизор — смотрели и ждали.

— Ну, когда купол вот так рушится, это потрясение, Надя. Им нужно было в первую очередь убедиться, что их здание безопасно.

— Да, пожалуй.

Но среди здешних оказалось очень мало специалистов в области строительства. В основном ареологи и горняки. А строительные работы были уделом роботов, по крайней мере, так здесь считали. Трудно сказать, сколько времени им потребовалось бы, чтобы приступить к реконструкции самостоятельно, но, когда Надя дала понять, что это необходимо сделать, и выразила крайнее презрение их бездеятельности, они собрались довольно скоро.

Надя несколько дней проработала по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Выложила ленточный фундамент, с помощью кранов устроила крышу, а потом просто следила за работой.

С беспокойством спросила своих спутников из Лассвица, полетят ли они с ней дальше, и те согласились. Примерно через неделю после прибытия они снова двинулись в путь, теперь с ними были Энн и Саймон.

Пока они летели на юг, спускаясь по склону Исиды навстречу Берроузу, по радио к ним внезапно пришло закодированное сообщение. Надя порылась в своем багаже и нашла там кучу вещей, которые ей дал Аркадий, и среди них была связка карт. Отыскав нужную, она вставила ее в бортовой компьютер, и они запустили программу дешифровки. Через несколько секунд компьютер своим ровным голосом зачитал сообщение. «УДМ ООН контролирует Берроуз и задерживает всех прибывающих в город».

В обоих самолетах, направлявшихся по пустому розовому небу на юг, воцарилось молчание. Равнина Исиды под ними стала понижаться с левой стороны.

— Все равно летим туда, — сказала Энн. — Мы сможем поговорить с ними лично, попробуем убедить прекратить погромы.

— Нет, — ответила Надя. — Я хочу иметь возможность работать. А если нас посадят за решетку… И вообще, почему ты думаешь, что они

станут нас слушать?

Энн не ответила.

— Мы сможем долететь до Элизия? — спросила Надя у Ильи.

— Да.

И они повернули на восток, проигнорировав запрос авиадиспетчера из Берроуза.

— Они не станут нас преследовать, — заверил их Илья. — Видите, спутниковый радар показывает, что тут вокруг много самолетов, слишком много, чтобы за каждым гоняться. И все равно это будет бесполезной тратой времени, потому что, подозреваю, многие из них — ложные объекты. Кто-то выпустил целую тучу беспилотников, чтобы их запутать.

— Кто-то здесь хорошо постарался, — пробормотала Надя, глядя на радар. В южном квадранте сияло пять или шесть точек. — Это был ты, Аркадий? Это ты так стараешься от меня спрятаться?

Она подумала о его радиопередатчике, который она только что видела в своем багаже.

— А может, ты и не скрываешься. Может, просто я не хотела тебя увидеть.

Они прилетели в Элизий и опустились на землю возле Южной борозды, крупнейшего из всех крытых каньонов. Крыша оказалась на месте,

но, как они увидели, лишь потому, что город был разгерметизирован перед тем, как получил пробой. Жители оказались в ловушках множества зданий, оставшихся невредимыми, и пытались сохранить ферму. В корпусе жизнеобеспечения произошел взрыв, и в нескольких других зданиях тоже. Так что здесь было много работы, а также хорошая база для быстрого восстановления и более предприимчивое население, чем в Перидье.

Надя взялась за дело, решив заполнить работой каждое мгновение, которое не посвящала сну. Она не выносила безделья и чем-то занималась каждую секунду, пропуская через мозг старые джазовые композиции — ничего особенно подходящего для работы, так как не существовало ни уместного в данном случае джаза, ни блюза. Вся эта музыка совершенно несообразна ситуации: «На солнечной стороне улицы», «Пенни из рая», «Поцелуй, на котором строится мечта».

И в эти безумные дни на Элизии она начала осознавать, сколько силы было в роботах. За все годы, что она провела в строительстве, она никогда не пыталась выжать их них все, что можно, — в этом попросту не было необходимости. Но сейчас нужно было переделать сотни дел — больше, чем можно сделать, даже приложив

максимальные усилия, — поэтому она подвела технику к «краю обрыва», чтобы оценить, на что та способна, а сама старалась придумать, как сделать еще больше. Например, она всегда считала дистанционное управление машинами чисто местным процессом, то есть управляла ими дистанционно, находясь неподалеку. Используя же спутниковые ретрансляторы, она могла управлять бульдозером в другом полушарии, и теперь она делала это везде, где ей удавалось наладить сносную связь. Она не прекращала работу ни на секунду — работала, когда ела, читала доклады и программы в ванной, — и спала только тогда, когда отключалась от изнурения. И, находясь в этом непреходящем состоянии, она говорила всем, с кем работала, что им делать, не спрашивая их мнения, не заботясь об их отдыхе. А люди, видя ее маниакальную сосредоточенность и власть над ситуацией, беспрекословно подчинялись.

Но вопреки всем стараниям у них получалось не так хорошо, как им хотелось. Потом за дело бралась Надя и в одиночку, бессонными часами напрягала технику, не давая ей отойти от края обрыва. В Элизии был готов целый парк строительных роботов, поэтому она могла набрасываться на несколько проблем одновременно. Боль-

шинство из них требовало решения в каньонах западного склона Элизия. Все крытые каньоны оказались в той или иной степени разрушены, но большинство их корпусов жизнеобеспечения оставались нетронутыми, и, так же, как в Южной борозде, в отдельных зданиях, поддерживаемых аварийными генераторами, находились выжившие. Когда Южную борозду снова накрыли, обеспечили теплом и достаточным давлением, она отправила отряды, чтобы найти всех выживших на западном склоне. И людей забирали из других каньонов и доставляли в Южную борозду, а позже отправляли обратно с поставленными задачами. Крышные бригады разъезжали из каньона в каньон, а бывшие жители этих каньонов спускались для работы внизу, подготавливая их для герметизации. Тогда-то Надя и уделила внимание другим занятиям — программированию слесарных машин, запуску линейных монтеров вдоль разрушенных трубопроводов, ведущих из Великой Северной равнины.

— Кто все это сделал? — спросила она с отвращением, глядя на взорванные трубы, которые показывали по телевизору.

Вопрос вырвался у нее сам собой — на самом деле она не хотела этого знать. Ей не хотелось

думать о чем-то, кроме сломанного трубопровода в этих дюнах. Но Илья принял ее слова всерьез, ответив:

— Трудно сказать. Земные новости сейчас рассказывают только про Землю, отсюда показывают только изредка и мельком. Судя по всему, следующие несколько шаттлов привезут войска ООН, которым прикажут навести здесь порядок. Но в остальном все про Землю — война на Среднем Востоке, в Черном море, Африке, везде где угодно. Страны Южного клуба бомбят «удобные флаги», а Большая семерка заявила, что будет их защищать. Еще и какое-то биологическое средство распространяется в Канаде и Скандинавии…

— А может, и здесь тоже, — перебила его Саша. — Видел тот репортаж об Ахероне? Там что-то случилось, в жилищах повыбивало окна, а земля под гребнем заросла бог знает чем, и никто не хочет приближаться, чтобы узнать, что это.

Надя перестала слушать их разговор и сосредоточилась на проблеме трубопровода. А когда вернулась к реальности, то обнаружила, что роботы все до единого уже занимались восстановлением городов, а заводы усердно выпускали новые бульдозеры, грейдеры, самосвалы, экскаваторы, погрузчики, катки, станки, сварочные

и землеройные машины, бетономешалки и все остальное. Система работала на полную мощность, но Наде и этого было мало. И она сказала остальным, что хочет снова уехать, и Энн, Саймон, Илья и Саша решили составить ей компанию. Анжела и Сэм в Южной борозде встретили друзей и пожелали остаться.

Впятером они забрались в два самолета и опять выдвинулись в путь. «Так должно было происходить везде», — подумал Илья. Где бы ни пересеклись члены первой сотни, они уже не расстанутся друг с другом.

Они направлялись на юг, в сторону Эллады. Пролетая над Тирренским мохолом, что недалеко от Адриатической патеры, они на некоторое время посадили свои самолеты: в городе рядом с мохолом случился пробой, и нужно было помочь наладить ремонтные работы. Роботов под рукой не было, но Надя обнаружила, что могла приступить лишь с своими компьютерными программами и местным воздухосборником. Эта возможность спонтанного применения техники служила очередным подтверждением их мощи. Конечно, так дело шло медленнее. И тем не менее они сумели создать своих чудищ из песка с помощью трех составляющих — сначала фаб-

рик, затем сборочных цехов и, наконец, самих строительных роботов, больших и многосоставных, как целые городские кварталы, — роботов, выполнявших работу без какой-либо помощи людей. Эта их новая сила была так велика, что даже немного смущала.

И все же она меркла перед лицом человеческой склонности к разрушению. Пятеро путешественников летали от одних руин к другим, цепенея при виде поврежденных городов и погибших людей. Да и опасность, подстерегающую их самих, они ясно чувствовали и, увидев множество разбитых самолетов между Элладой и Элизием, решили ограничиться полетами лишь в ночное время. Летать ночью во многих отношениях опаснее, чем днем, но Илье было спокойнее, когда они двигались скрытно.

Они были почти не заметны для радаров и оставляли лишь слабые следы для мощнейших инфракрасных детекторов, но такой риск казался незначительным. Надю это вообще не волновало, она бы с удовольствием полетала и днем. Она, насколько могла, жила настоящим мгновением, ее мысли расходились кругами, когда она пыталась представить себе ситуацию в целом. Ошеломленная потерями, уничтожением того,

что создавалось десятилетиями, она лишилась эмоций. И желала лишь работать.

У Энн, как мельком заметила Надя, дела были хуже. Конечно, она, очевидно, сильно тревожилась за Питера. Ну и сами разрушения сильно взволновали Энн — для нее это был не столько урон строениям, сколько самой земле — из-за наводнений, оползней, снега, радиации. И ей нечего было делать, чтобы отвлечься. Ее делом было изучение этого урона. И она ничем не занималась либо пыталась помогать Наде, когда могла, при этом двигаясь точно робот…

День за днем они работали, запуская восстановление то одной разрушенной постройки, то другой, то моста, трубопровода, колодца, электростанции, железной дороги, городка. Они жили в Мире машин, как выразился Илья, — отдавали приказы роботам, точно рабовладельцы, волшебники или боги. И машины работали, пытаясь «отмотать пленку назад» и сделать так, чтобы все, что сломано, снова стало целым. Обладая роскошью спешки, они могли позволить себе некоторую неряшливость, и быстрота, с какой они могли запустить строительство и двинуться дальше, была поразительной.

— В начале было слово, — устало сказал Саймон

однажды вечером, нажимая на свою наручную панель.

Мостовой кран перекинулся через заходящее солнце. И они снова отбыли дальше.

Они начали программу установки колпака и захоронения отходов трех взорвавшихся реакторов, сами оставаясь в безопасности за горизонтом и действуя с помощью дистанционного управления. Наблюдая за операцией, Илья время от времени переключал каналы и поглядывал на новости. Однажды там показали запись с орбиты: камера днем проехала вдоль всего полушария Фарсиды, кроме западного края. Признаков наводнений с такой высоты видно не было. Однако голос за кадром утверждал, что это происходит во всех каналах, что тянутся на север от долин Маринер к равнине Хриса, и картинка сменилась: теперь показывали видео более крупного масштаба, снятое с помощью телескопа, и были видны бело-розовые нити в указанном районе. Наконец-то — настоящие марсианские каналы. Самые что ни на есть.

Надя отвернулась от телевизора и вновь приступила к работе. Столько разрушенных строений, столько погибших людей — людей, которые могли бы жить тысячи лет, — и конечно, ни весточки

от Аркадия. Уже двадцать дней. Поговаривали, что ему, возможно, пришлось спрятаться подальше, чтобы его не убили ударом с орбиты. Но Надя в это больше не верила… Верила лишь в те минуты, когда на нее особенно сильно накатывали желание и боль — два чувства, прорывавшиеся сквозь ее одержимость работой, как совершенно новое сочетание, как новое ощущение, которое она ненавидела и которого боялась, — пробуждающая желание боль и боль, пробуждающая желание — горячее и неумолимое желание того, чтобы все стало по-другому, не так, как есть. Какую же боль ей доставляло это желание! Но если она работала достаточно упорно, на осознание боли не оставалось времени. Не оставалось времени ни думать, ни чувствовать.

Они летели над мостом, связывающим долину Хармахис, что находилась на восточной оконечности Эллады. Он был обрушен. Роботы-ремонтники хранились в технических помещениях всех крупных мостов, и тех, что были здесь, можно было настроить на полное восстановление опор, хотя они, конечно, делали бы это очень медленно. Путники запустили их в тот же вечер, и, покончив с программированием, сидели в кабине самолета за разогретыми в микроволнов-

ке спагетти, когда Илья снова включил земное телевидение. Но они увидели лишь помехи и дрожащее, искаженное изображение. Он пытался переключать каналы, но везде было одно и то же. Плотные, жужжащие помехи.

— Они что, и Землю взорвали? — спросила Энн.

— Нет-нет, — сказал Илья. — Кто-то не пропускает сигнал. Сейчас между нами и Землей стоит Солнце, и, чтобы оборвать контакт, достаточно лишь создать помехи для нескольких ретрансляторов.

Они печально взглянули на мельтешащее изображение на экране. В последние дни местные ареосинхронизированные спутники отклонялись то вправо, то влево, отключались и подвергались нападкам саботажников — невозможно было сказать, что случилось теперь. Но без земных новостей они словно очутились в кромешной тьме. Наземная радиосвязь была, что называется, ограниченной из-за тесных горизонтов и недостатка ионосферы — по сути, она работала лишь в том же диапазоне, что и внутренняя связь, встроенная в скафандры. Илья попробовал ряд случайных настроек, пытаясь обойти блокировку. Но сигнал никак не хотел

пробиваться. Крякнув, он бросил попытки и выключил поисковую программу. Радиосигнал колебался то вверх, то вниз диапазона, выдавая шум помех, изредка прерывавшихся на закодированные щелчки и невосполнимые обрывки музыки. Призрачные голоса неясно трещали на неузнаваемых языках, будто Илье удалось поймать сигнал, который упустила программа поиска внеземного разума, будто теперь, когда это стало бессмысленным, он получил сообщение с далеких звезд. Скорее всего, сигнал подавали всего лишь горняки с астероидов. В любом случае он был невнятным и бесполезным. Они остались наедине с Марсом — пятеро человек на двух маленьких самолетах.

Это было новое и крайне непривычное чувство, которое лишь усилилось в следующие несколько дней, когда связь так и не наладилась и они поняли, что им так и придется жить с телевизорами и радио, не выдающими ничего, кроме белого шума. Такое случилось с ними впервые не только на Марсе, но и вообще в жизни. И они быстро обнаружили, что выпасть из информационного пространства сродни потере одного из чувств.

Надя то и дело поглядывала на свою наручную панель, на которой, до этого сбоя, в любую се-

кунду мог появиться Аркадий или любой другой из первой сотни, кто сказал бы, что Аркадий в безопасности; потом она отводила взгляд от маленького пустого квадратика и смотрела на окружающую их землю, внезапно ставшую гораздо более просторной, дикой и пустой, чем когда-либо прежде. Это пугало ее не на шутку. Она не видела ничего, кроме иззубренных ржавых холмов, даже когда они летели на закате, и она смотрела на взлетно-посадочную полосу, обозначенную на карте и выглядевшую маленькой коричневатой линией. Какой огромный мир! И они в нем совсем одни. Даже на систему навигации теперь нельзя было полностью положиться, не стоило всецело доверять компьютерам, приходилось пользоваться дорожными ретрансляторами, прибегать к счислению пути, определять местоположение визуально, напряженно приглядываясь в вечерних сумерках, чтобы увидеть на дикой местности следующую полосу. Однажды они происками ее почти до утра, пока не заметили ее возле долины Дао. После этого Илья стал двигаться строго над железнодорожными путями, низко летая в ночи и следя за лентой, серебрящейся в свете звезд, сверяясь с ретрансляторами по картам.

Итак, следуя дороге к Лоу-Пойнту в Лейкфронте,

им удалось спуститься к широкой низине бассейна Эллада. Затем в горизонтальном красном свете, посреди длинных закатных теней, им открылся вид на море колотого льда. Оно занимало всю западную часть Эллады. Настоящее море!

Железная дорога, которой они держались, уходила прямо в лед. На замороженной линии берега были нагромождены рваные куски льда — черные, красные, белые и даже голубые и нефритовые. Все они были сбиты в кучи так, будто огромная волна смела коллекцию бабочек Большого человека и разбросала ее по заброшенному пляжу. За линией начиналось ледяное море, которое простиралось за горизонт.

Выдержав долгое молчание, Энн произнесла:

— Должно быть, они пробили Геллеспонтский водоносный слой. Он был очень крупный и как раз должен был стекать к Лоу-Пойнту.

— Значит, и мохол в Элладе тоже залило! — сказал Илья.

— Верно. И вода, которая достигнет его дна, будет нагреваться. И наверное, нагреется достаточно, чтобы не дать поверхности озера застыть. Трудно сказать. Воздух холодный, но из-за вихревых потоков могут образоваться отдельные теплые точки. Если же нет, то прямо под по-

верхностью, несомненно, вода будет жидкой. И вообще, могут возникнуть сильные подкоровые течения. Но поверхность…

— Скоро мы все увидим, сейчас будем там пролетать, — сказал Илья.

— Нам нужно сесть, — решила Надя.

— Да, сядем, где сможем. К тому же вроде бы становится спокойнее.

— Это потому, что мы оторваны от новостей.

— Хм-м.

Как оказалось, им пришлось пересечь все озеро и сесть лишь на другой его стороне. Было хмурое утро, и они летели над колотой поверхностью, напоминающей Северный Ледовитый океан, — только здесь поток льда был окрашен во все возможные цвета, в основном, конечно, в красный, но от этого редкие голубые, зеленые и желтые оттенки лишь ярче выделялись, придавая картине вид огромной, беспорядочной мозаики.

А в ее центре — там, где даже при той высоте, на какой они летели, море тянулось к горизонту во все стороны, — в воздух на тысячи метров поднималось громадное облако пара. Осторожно огибая его, они увидели, что внизу лед расколот на айсберги и плавучие льдины, дрейфующие в черной,

мутной воде. Грязные айсберги поворачивались в ней, сталкивались, опрокидывались, вызывая своими падениями всплески красно-черной воды, и волны расходились расширяющимися кругами, раскачивая айсберги, что оказывались поблизости.

В обоих самолетах стояло молчание: все таращились на представшее им не марсианское зрелище. Наконец, после двух немых облетов колонны пара, они взяли на запад.

— Саксу эта революция очень бы понравилась, — сказала Надя, как говорила уже не раз, нарушив тем самым молчание. — Как думаешь, он в ней тоже участвует?

— Сомневаюсь, — ответила Энн. — Вряд ли бы он стал рисковать земными инвестициями. К тому же так его проект продвигается слишком беспорядочно, и он не может им управлять. Но я уверена, он оценивает революцию исходя из того, как она влияет на терраформирование. А не из того, кто умирает, что разрушается или кто захватывает власть. Его волнует лишь то, как она влияет на проект.

— Будто интересный эксперимент, — сказала Надя.

— Который трудно смоделировать, — добавила

Энн, и они обе рассмеялись.

И вот он — легок на помине. Он посадили самолеты к западу от нового моря (Лейкфронт был затоплен) и дали себе день отдыха, а на следующую ночь отправились дальше, придерживаясь железной дороги, на северо-запад к долинам Маринер и наткнулись на ретранслятор, подававший сигнал SOS, зашифрованный азбукой Морзе. Они покружили над ним до рассвета, а потом сели прямо на железную дорогу, как раз перед обездвиженным марсоходом.

А рядом с ним оказался Сакс, в прогулочнике, — он возился с ретранслятором, вручную посылая свой сигнал.

Сакс забрался в их самолет и медленно снял гермошлем, поморгал и со своим обычным вежливым видом сжал губы. Усталый, но похожий на крысу, съевшую канарейку, как позже Энн заметила Наде. Говорил он немного. Он застрял на этой дороге в своем марсоходе три дня назад и не мог ехать дальше, дорога была отключена, а у него не было аварийного топлива. Лейкфронт в самом деле затопило.

— Я собирался в Каир, — сказал он, — чтобы встретиться там с Фрэнком и Майей, потому что они считают: нужно объединить всю первую

сотню и создать некое представительство для переговоров с полицией УДМ, чтобы все это прекратилось.

Когда он доехал до подножия Геллеспонта, тепловое облако мохола в Лоу-Пойнте вдруг пожелтело и образовало в небе столб высотой в двадцать тысяч метров.

— Оно превратилось в гриб, похожий на ядерный взрыв на Земле, только не с такой крупной шапкой, — рассказывал он. — В нашей атмосфере перепады температуры не такие резкие.

После этого он повернул назад и поехал на край бассейна, чтобы увидеть наводнение. Вода, заполнявшая его с севера, была черной, но белела и почти мгновенно застывала крупными кусками везде, кроме Лейкфронта, где пузырилась…

— …Как будто грелась на плите. Термодинамика там сначала была довольно сложной, но уже скоро вода охладила мохол и…

— Заткнись, Сакс, — сказала Энн.

Сакс поднял брови и принялся чинить бортовой радиоприемник.

И они полетели дальше уже вшестером: Саша, Илья, Энн, Саймон, Надя и Сакс. Шестеро из первой сотни, собравшиеся вместе, словно притянутые магнитом. Им было о чем погово-

рить той ночью, и они обменивались историями, информацией, слухами, предположениями. Но Сакс мало что смог добавить к общей картине. Он оказался отрезан от новостей тогда же, когда и они. И Надя вновь содрогнулась, осознав, что эта проблема никуда не собиралась деваться.

На рассвете следующего дня они посадили самолеты на полосу в Бакхёйзене, где их встретила дюжина людей с полицейскими травматами. Встретившие держали свое оружие дулом вниз, но сопроводили шестерку в ангар в стене кратера без особых церемоний.

В ангаре оказалось больше людей, и они все время прибывали. Наконец их стало около пятидесяти, и среди них было порядка тридцати женщин. Все находящиеся здесь держались чрезвычайно вежливо, а когда узнали, кем были путники, даже проявили дружелюбие.

— Мы хотим точно знать, с кем имеем дело, — сообщила крупная женщина с заметным йоркширским акцентом.

— А кто вы? — прямо спросила Надя.

— Мы из Королёва-1, — ответила она. — Мы оттуда сбежали.

Они отвели прибывших в столовую и подали им щедрый завтрак. Когда все уселись, присут-

ствующие подняли магниевые кружки и каждый потянулся за яблочным соком, чтобы поухаживать за своим соседом, потом соседи ответили тем же, и у каждого стало по полной кружке. Затем обе группы стали, поедая блины, обмениваться историями. Пятьдесят человек сбежали из Королёва-1 еще в первый день мятежей и с тех пор двигались на юг, желая добраться до самого южного полярного региона.

— Там находится крупная база повстанцев, — сказала им йоркширская женщина, на самом деле оказавшаяся финкой. — И есть эти изумительные ступенчатые террасы с выдающимися выступами, поэтому они похожи на длинные открытые пещеры, в основном в пару километров длиной и очень широкие. Идеальное место, чтобы оставаться незаметными для спутников и при этом иметь доступ к воздуху. Там можно жить, как пещерные люди, кроманьонцы. Это правда очень мило.

Так вышло, что многие заключенные в Королёве знали об этом месте и условились встретиться там, если удастся бежать.

— Так вы заодно с Аркадием? — спросила Надя.

— С кем?

Оказалось, что они были последователями

биолога по фамилии Шнеллинг, который, судя по рассказам, был кем-то вроде радикала-мистика, который тоже содержался в Королёве и умер несколько лет назад. Он читал виртуальные лекции, которые пользовались большой популярностью на Фарсиде, и после его ареста многие заключенные стали его учениками. Так, он учил их своего рода марсианскому коммунализму, основанному на принципах местной биохимии. В этой бакхёйзенской группе не вполне понимали его учение, но они были на свободе и надеялись объединиться с другими повстанцами. Им удалось наладить связь со скрытым спутником, запрограммированным на работу при управляемых микропорывах воздуха, а также отслеживать передачи по каналу, используемому силами безопасности на Фобосе. Так что новостей и у них было немного. Фобос, по их словам, стал разведочной и атакующей станцией сил транснационалов и полиции УДМ ООН, недавно прибывших на новейших шаттлах многократного использования. Эти же силы имели контроль над лифтом, горюй Павлина и большей частью всей Фарсиды. А после того как поднялся мятеж в обсерватории на Олимпе, в нее открыли огонь с орбиты. Кроме того, транснациональные силы

заняли почти весь Большой Уступ, по сути, разделив планету надвое. На Земле же, судя по всему, война продолжалась, и самые горячие события происходили в Африке, Испании и на границе между США и Мексикой.

Они считали, что подниматься на гору Павлина не имело смысла. «Вас или посадят, или убьют», — как сказала Соня. Но когда шестеро путников решили, что все равно попытаются это сделать, им дали четкое указание, как найти убежище в ночи лета на запад. Это была метеостанция на юге Жемчужной земли, сказали им бакхёйзенцы. Там обосновались последователи Богданова.

Сердце Нади упало, когда она услышала это слово. Она ничего не могла с собой поделать. Несмотря на то что у Аркадия было множество друзей и последователей, никто из них, очевидно, не знал, где он находится. И тем не менее она не смогла уснуть в ту ночь, ее желудок стягивался тугим узлом. На рассвете она была счастлива вернуться к самолетам и двинуться в путь. Повстанцы из Бакхёйзена снабдили их таким количеством гидразина, кислорода и замороженного провианта, что они с трудом оторвались от земли.

Их ночные полеты стали казаться какими-то

странными ритуалами, словно они изобрели какой-то новый вид паломничества. Самолеты были такими легкими, что их сильно трясло от порывов западного преобладающего ветра. А иногда их сносило то вверх, то вниз на десять метров, отчего нельзя было долго спать даже тем, кто не управлял самолетом, — резкое падение или подъем, и приходилось снова просыпаться в темной тесной кабине и видеть из окна черное небо или беззвездную черную землю. Они почти совсем не разговаривали.

Пилоты сидели ссутулившись, расходуя свою энергию на то, чтобы следить за местоположением другого самолета. Двигатели жужжали, ветра свистели над длинными гибкими крыльями. За бортом было шестьдесят градусов ниже нуля, давление — всего 150 миллибар, воздух — ядовитый, а на черной земле — ни единого убежища в радиусе многих километров. Надя некоторое время сидела за штурвалом, затем отходила в заднюю часть кабины, отворачивалась и пыталась поспать. Щелчки ретрансляторов по радиосвязи, вкупе с общими чертами положения, в котором они оказались, не раз напоминали ей о времени, когда они с Аркадием сражались с бурей на «Стреле». Она видела его, расхаживающего по

дирижаблю голышом, с рыжей бородой, смеющегося, окруженного облаком частиц, летающих по гондоле. Затем 16Д вдруг дергался, вырывая ее из сна, и она снова ворочалась с неуютным чувством страха. Она могла бы сесть за штурвал, но Илье хотелось управлять самолетом не меньше нее, по крайней мере, в первые пару часов своей смены. И ей не оставалось ничего, кроме как помогать ему следить за вторым самолетом, который должен был все время находиться в километре по правому борту. Им редко удавалось связаться с другим 16Д по радио, но они контактировали при микропорывах и сводили переговоры к минимуму — к ежечасным выходам на связь или запросы в случаях, если один из самолетов отставал. Иногда глубокой ночью казалось, что они жили так всегда, и трудно было вспомнить, каково было жить до мятежей. И сколько так прошло — двадцать четыре дня? Всего три недели, но ощущение было такое, будто прошло пять лет.

А потом небо позади них стало наливаться кровью, высокие перистые облака становились фиолетовыми, ржавыми, красными, лиловыми, а потом быстро обретали вид металлической стружки в розовом небе; и невероятно разливающееся солнце начинало лучиться над

каменистыми уступами, а они беспокойно принимались всматриваться в щербатые, тенистые ландшафты, ища признаки посадочных полос или железных дорог. После той бесконечной ночи им казалось, что они ничего не найдут, но внизу засияла дорога, на которую они могли сесть в случае необходимости. Ретрансляторы тоже можно было определить по карте, так что теперь их курс стал более определенным, чем казалось прежде. И теперь каждый раз на рассвете они замечали среди теней, лежащих впереди, посадочную полосу, идеально ровную и приветливо выделявшуюся своими светлыми оттенками. И они скользили вниз, ударялись оземь, замедляли ход, подъезжали к месту, которое представлялось им наиболее удобным, глушили двигатели и откидывались на сиденьях. И ощущали непривычное отсутствие вибраций, забытую безмятежность.

Тем утром они сели на полосу возле Жемчужной станции, где их встретила дюжина мужчин и женщин, крайне воодушевленных их прибытием, — они обнимали и целовали шестерых путников бесчисленное число раз, при этом смеясь от счастья. Прибывшие сбились в кучу, более настороженные таким приемом, чем в предыдущий раз, когда их с недоверием встреча-

ли в Бакхёйзене. Подчеркнутое гостеприимство не отменило, однако, лазерного сканирования запястий для определения их личности; но когда искин подтвердил, что эти шестеро были из первой сотни, раздались радостные возгласы. А когда шестерых гостей провели через шлюз в общий блок, некоторые из местных сразу же подошли к небольшим резервуарам и вдохнули веселящего газа с пандорфином, а потом с глупым видом посмеялись над собой.

Один из них, худощавый, молодо выглядящий американец представился им:

— Я Стив, обучался у Аркадия на Фобосе, когда мне было двенадцать, и работал с ним на Кларке. Большинство наших работало там с ним. А когда началась революция, мы были в Скиапарелли.

— Вы знаете, где Аркадий сейчас? — спросила Надя.

— В последний раз мы слышали, что он был в Карре, но сейчас его нет в сети, и так и должно быть.

Высокий худой американец прошаркал к Наде, положил руку ей на плечо и сказал:

— Мы не всегда такие! — и залился смехом.

— Не всегда! — согласился Стив. — Но сегодня праздник! Разве вы не слышали?

Хихикающая женщина оторвала лицо от стола и крикнула:

— День независимости! Четвертое четвертого!

— Смотрите, смотрите! — Стив указал на телевизор.

На экране возникло изображение космоса, и вся группа вдруг радостно заголосила. Как объяснил Стив, они подключены к зашифрованному каналу с Кларка и, хотя не могли расшифровать сообщения, использовали его как маяк, чтобы направлять оптический телескоп своей станции. Изображение с телескопа выводилось на телевизор в общем блоке, и они видели черное небо и звезды, заслоненные посередине телом, которое было всем знакомо — обтесанный в квадратную форму металлический астероид с тянущимся из него проводом.

— Смотрите! — крикнули они озадаченным гостям. — Смотрите!

Они снова завопили, и некоторые начали неслаженный обратный отсчет от ста. Некоторые вдыхали как веселящий газ, так и гелий и пели перед большим экраном:

— Мы в город Изумрудный
идем дорогой трудной,

идем дорогой трудной,
дорогой непрямой...[83]

Надя заметила, что ее бросает в дрожь. Они считали все громче и громче, пока, наконец, не прокричали:

— Ноль!

Между астероидом и проводом возник разрыв. Кларк мгновенно исчез из виду. Провод, точно осенняя паутина в космическом пространстве, почти так же быстро упал вниз, покинув кадр.

Помещение наполнили бурные крики, по меньшей мере, на мгновение. Но затем некоторые заметили, как Энн припала к коленям, поднеся кулак к губам.

— Он уже должен был спуститься! — кричал ей Саймон поверх их гомона. — Он уже должен был спуститься! Уже прошло несколько недель, как он звонил!

Мало-помалу шум улегся. Надя была уже рядом с Энн, как и Саймон и Саша. Она не знала, что ей сказать. Энн была неподвижна, ее глаза были широко раскрыты.

— Как вы оборвали провод? — спросил Сакс.

— Ну, он вообще-то довольно необрываем, —

---

[83] Примечания: 83
Стихи Ирины Токмаковой.

ответил Стив.

— Так вы оборвали его? — Илья поднял голос.

— Нет, в общем-то, мы отделили его от Кларка, вот что мы сделали. Но суть та же. Провода там уже нет.

Группа снова разразилась ликованием, но уже не так воодушевленно. Стив объяснил путникам поверх общего шума:

— Вообще проводу ничего не страшно: в его графитовом волокне двойной спиралью введен алмазный гель, и через каждые сто километров там были защитные станции, а еще по нему разъезжали патрули безопасности. Поэтому Аркадий велел нам поработать над самим Кларком. Видите ли, провод входит прямо в породу, тянется к заводам внутри нее, а его конец притянут к астероиду магнитом. Но мы высадились с кучей наших роботов под видом груза, пробурились внутрь и поместили тепловые бомбы возле крепления провода и вокруг магнитного генератора. А сегодня установили их все одновременно, и порода приняла жидкое состояние в тот момент, когда прекратили работать магниты, и, как вы знаете, Кларк летит как пуля, так что он избавился от конца провода только так! Мы выбрали этот момент потому, что теперь он удаляется от

Солнца и на двадцать четыре градуса отклонился от плоскости эклиптики! Так что отследить его будет крайне сложно! Во всяком случае, мы на это надеемся!

— А что с самим проводом? — спросила Саша.

Снова раздались радостные возгласы, и в последовавшем за ними затишье ему ответил Сакс:

— Он падает, — сказал он.

Он уже увлеченно, быстро как мог печатал на компьютерной консоли, но к нему обратился Стив:

— Мы рассчитали падение, если вам интересно. Это довольно сложно, там много дифференциальных уравнений с частными производными.

— Я знаю, — ответил Сакс.

— Не могу поверить, — сказал Саймон. Он все еще держал Энн за руку и хмуро смотрел на веселящихся. — От этого удара, должно быть, погибло множество людей!

— Маловероятно, — ответил один из них. — А если кто и погиб, то в основном полицейские из ООН, которые хотели спуститься с помощью лифта, чтобы убить тех, кто живет здесь.

— Он уже, наверное, спустился неделю или две назад. Саймон снова повторил это Энн, и та побледнела.

— Возможно, — ответила она.

Некоторые услышали это и умолкли. Другие не хотели слушать и продолжали праздновать.

— Мы не знали, — сказал Стив Энн и Саймону. Победоносное выражение сошло с его лица, он озабоченно нахмурил брови. — Если бы знали, думаю, мы постарались бы с ним связаться. Но мы не знали. Мне жаль. Надеюсь… — Он сглотнул. — Надеюсь, его там не было.

Энн отошла к столу и села. Саймон беспокойно склонился над ней. Казалось, никто из них не услышал, что сказал Стив.

Когда до тех, кто управлял оставшимися спутниками, дошли новости о проводе, радиообмен несколько возрос. Некоторые из празднующих принялись следить и записывать сообщения, другие же продолжили вечеринку.

Сакс все еще был поглощен уравнениями, выведенными на экран.

— Движется на восток, — заключил он.

— Верно, — сказал Стив. — Сначала он образует большую дугу посередине, когда опустится нижняя часть.

— Как быстро?

— Трудно сказать, но мы считаем, что первый оборот займет четыре часа, а второй — еще час.

— Второй оборот! — удивился Сакс.

— Ну, ведь длина провода тридцать семь тысяч километров, а экватора — двадцать одна тысяча. То есть он обернет его два раза.

— Тем, кто находится на экваторе, лучше поторопиться, — сказал Сакс.

— Не совсем на экваторе, — сказал Стив. — Из-за влияния Фобоса он отклонится от него на некоторое расстояние. Это как раз труднее всего рассчитать, потому что это зависит от того, в каком положении находился провод, когда начал падать.

— На север или на юг?

— Это мы узнаем в следующие часа два.

Шестеро путников беспомощно глядели на экран. Впервые с момента их прибытия здесь все затихло. На экране теперь были лишь звезды. Смотреть на падающий лифт теперь неоткуда — провод, от которого и прежде можно было видеть лишь малую часть, и вовсе стал невидим. Или виден только как падающая огненная нить.

— Насмотрелись на мост Филлис, довольно, — проговорила Надя.

— Довольно и с Филлис, — добавил Сакс.

Группа с Жемчужной станции возобновила связь со своими спутниками, а заодно обнару-

жила, что могла перехватить довольно много спутников, принадлежащих силам безопасности. Благодаря всем этим каналам местные могли собрать по кусочкам данные о падении провода. Команда УДМ ООН из Никосии доложила, что он рухнул к северу от них и продолжал с большой скоростью падать на землю, будто пытаясь прорезать вращающую планету насквозь. Для них это был север, но на самом деле имелось в виду, что это происходило к югу от экватора. Сдавленный, тревожный голос из Шеффилда запросил у них подтверждение; провод уже обрушился на половину города и ряд шатров к востоку от него — растянулся по всему склону горы Павлина и поперек восточной части Фарейды, при этом со звуковым хлопком расплющив зону шириной в десять километров. Могло быть и хуже, но воздух был таким разреженным, что на этой высоте удар не мог стать особенно сильным. Те, кто выжил в Шеффилде, теперь хотели знать, бежать ли им на юг, чтобы не попасть под второй оборот, или пытаться обогнуть кальдеру с севера.

Ответа они не получили. Но по одному из каналов повстанцев сообщили, что из Королёва, что на южном краю каньона Мелас в долинах Маринер, сбежало еще больше заключенных, а

провод теперь падал с такой силой, что сотрясал землю. Полчаса спустя на связь вышли бурильщики из хаоса Золотой Рог — они поднялись на поверхность после звуковых хлопков и обнаружили кучу раздавленных обломков, тянущихся от горизонта к горизонту.

В следующий час не поступало никакой объективной информации — лишь вопросы, рассуждения и слухи. Затем один из слушателей в наушниках откинулся назад на стуле, показал остальным поднятые вверх большие пальцы и, перейдя на внутреннюю связь, возбужденно заголосил сквозь помехи:

— Он взрывается! Он упал примерно за четыре секунды и горел весь, сверху донизу, когда ударился о землю и все подпрыгнуло прямо у нас под ногами! У нас есть тут некоторые проблемы с утечкой. Мы в восемнадцати километрах к югу от места падения и в двадцати пяти к югу от экватора, так что надеюсь, вы можете подсчитать, где он еще упадет. Он горел сверху донизу! Такая белая линия, разрезающая небо надвое! Я никогда ничего подобного не видел. Он все еще стоит у меня перед глазами, такой ярко-зеленый. Как будто падающая звезда вытянулась в длину… Подождите, Хорхе на связи, он там, и он

говорит, провод в том месте всего трех метров в высоту. Там мягкий реголит, и провод продавил в нем траншею. Он говорит, она местами такая глубокая, что, если его закопать, получится совершенно ровная поверхность. А в других, говорит, выступает на пять-шесть метров. Думаю, он так и тянется на сотни километров! Это будет что-то типа Великой Китайской стены!

Затем поступил звонок из кратера Эскалант-те, что располагался прямо на экваторе. Люди эвакуировались, как только узнали о том, что случилось с Кларком, но уехали на юг, и провод едва их не задел. Сообщалось, что он при падении взрывался, и в небо взлетали пласты плавленых пород, фейерверки из лавы, искрясь в рассветных сумерках, а опадая на поверхность, становились тусклыми и темными.

Все это время Сакс не отрывался от своего экрана — теперь он бормотал сквозь сомкнутые губы, при этом печатая и читая. Во время второго оборота падение должно было ускоряться на 21 000 километров в час, сказал он, то есть почти на шесть километров в секунду. Поэтому каждый, кто хотя бы видел его, находился в опасности. Смертельной опасности, если не стоять на возвышенности и на расстоянии многих километров

— тогда все будет выглядеть, как падение метеорита, менее чем за секунду пересекающего все расстояние от горизонта до горизонта.

— Пойдемте посмотрим, — предложил Стив, виновато взглянув на Энн и Саймона.

Многие оделись и вышли наружу. Путники довольствовались видеоизображением, которое транслировалось с наружной камеры и перемежалось с фрагментами со спутников. Фрагменты, снятые с неосвещенной стороны планеты, впечатляли: светящаяся кривая рассекала планету пополам, словно белая коса.

И все же им было трудно сосредоточиться, заострить внимание на том, что они видели, и понять это, не говоря уже о том, чтобы прочувствовать. Они были истощены, еще когда только вышли из самолета, теперь устали сильнее, и все равно не могли спать. Прокручивалось все больше и больше видеофрагментов, на некоторых — снятых беспилотниками на освещенной стороне — была видна потемневшая, дымящаяся полоса, где все было истреблено. Виден реголит, разбросанный в обе стороны длинными параллельными насыпями, ограничивающими черный канал, весь усеянный смешанными кучами пород, что становились тем более при-

чудливыми, чем сильнее ударял провод в том месте. Наконец камера беспилотника показала ров от горизонта до горизонта, наполненный тем, что Сакс назвал грубыми черными алмазами.

Падение в последние полчаса набрало такую силу, что выравнивало все, от севера до юга; говорили, что никто из тех, кто оказался достаточно близко, чтобы увидеть провод своими глазами, не выжил, было раздавлено и большинство беспилотников. Дальнейшее падение происходило без свидетелей.

Один из последних фрагментов поступил с западного склона Фарсиды — он запечатлел второй проход провода по этой местности. Запись была короткой, но впечатляющей: белая вспышка в небе, взрыв в западной части вулкана. Еще одна запись, сделанная роботом в западном Шеффилде, показала, как провод взрывается почти на самом юге, затем начинается землетрясение, раздается звуковой хлопок, и весь район Шеффилда, что расположен на краю кратера, обрушивается, медленно смещаясь на дно кальдеры пятью километрами ниже.

После этого несколько раз повторялся показ глобальных разрушений. А затем спутники снова начали отключаться.

Прошло пять часов с начала падения. Шестеро путников сутулились на своих стульях, то смотря телевизор, то отводя от него взгляд, слишком уставшие, чтобы что-либо чувствовать или чтобы думать.

— Что ж, — сказал наконец Сакс, — теперь у нас экватор выглядит так же, как я думал, он выглядит на Земле, когда мне было четыре года. Большая черная линия, опоясывающая планету вокруг.

Энн бросила на него горький взгляд, и Надя испугалась, что она сейчас подойдет и стукнет его. Но никто из них больше не пошевелился. Экран телевизора продолжал мерцать, а динамики шипели и потрескивали.

На вторую ночь после этого, когда летели в сторону долины Шалбатана, они увидели южную линию нового экватора воочию.

В темноте она выглядела широкой прямой черной полосой, ведущей их на запад. Пролетая над ней, Надя смотрела вниз с глубокой печалью. Это не ее проект, но это чей-то труд, и он уничтожен. Рухнувший мост.

А эта черная линия была к тому же могилой. На поверхности погибло не так много людей — разве что на восточной стороне горы Павлина, — но

большинство, если не все погибшие, находились в самом лифте, а это было, должно быть, несколько тысяч человек. И вероятно, они были живы до тех пор, пока их часть провода не вошла в атмосферу и они не сгорели в ней.

Пролетая над руинами, Сакс перехватил новую запись падения. Кто-то уже смонтировал в хронологическом порядке все фрагменты, показанные в сети в прямом эфире или в следующие часы.

В этом смонтированном фильме последние фрагменты показывали конечный участок провода, взрывающегося на поверхности. Зона столкновения представляла собой не что иное, как смещающуюся белую массу, будто дефект на видео, — ни одна камера не сумела передать, каким был свет в реальности. Но далее съемка замедлялась и обрабатывалась всеми возможными способами, и один из таких обработанных фрагментов был последним — сверхзамедленное действие, в котором можно подробно рассмотреть то, что неуловимо при обычном просмотре. И они увидели, что, когда линия рассекла небо, первым из нее выступил горящий графит — он оставил раскаленный след из алмазной двойной спирали, величаво вытекшей из закатного неба.

Этот след — словно огромный могильный ка-

мень. Люди давно сгорели и были мертвы, но думать о них было тяжело, когда перед глазами стоял такой странный и красивый образ, напоминающий какую-то сказочную ДНК, — ДНК из макромира, состоящую из чистого света, рассекающего вселенную, чтобы зародить жизнь на пустынной планете…

Надя бросила смотреть телевизор и переместилась в кресло второго пилота, чтобы оттуда наблюдать за вторым самолетом. И на протяжении всей этой долгой ночи она выглядывала из окна, не в силах уснуть, не в силах выбросить из головы этот алмазный образ. Для нее это была самая длинная ночь за всю их поездку. Она казалась ей бесконечной, рассвет никак не наступал.

Но время шло, проходила очередная ночь, и наконец начало светать. Вскоре после восхода они сели на полосу, предназначенную для обслуживания трубопровода близ долины Шалбатана, и попали к группе, которая работала на трубе, а теперь отсиживалась здесь. У местных не было общей политической позиции — они хотели лишь выжить и дождаться стабилизации положения. Наде их отношение показалось лишь отчасти успокаивающим, и она попыталась заставить их выйти и починить трубопровод, но,

похоже, ей не удалось их убедить.

Вечером они снова двинулись в путь, нагруженные припасами, что им дали местные. А на следующий день на рассвете они сели на брошенную полосу кратера Карр. Еще до восьми утра Надя, Сакс, Энн, Саймон, Саша и Илья, все в прогулочниках, поднимались к краю кратера.

Купола больше не было. Внутри произошел пожар. Все здания были целы, лишь обгорели, и большинство окон разбиты либо расплавлены. Пластиковые стены погнулись и покоробились, бетон почернел. Повсюду следы сажи, а на земле валялись целые ее груды, небольшими черными кучками. Некоторые из них походили на тени Хиросимы. Да, это были тела. Очертания человеческих тел, пытавшихся ухватиться ногтями за тротуары.

— Воздух в городе был перенасыщен кислородом, — отважился предположить Сакс.

В такой атмосфере человеческая кожа, плоть становилась легковоспламеняющейся. Так же когда-то случилось с астронавтами «Аполлона», застрявшими в пробной капсуле, атмосфера которой состояла из чистого кислорода; когда начался пожар, они сгорели, как парафин.

Так и здесь. Все, кто оказался на улицах, вспых-

нули, точно факелы, и теперь это было видно по положению груд сажи.

Шестеро старых друзей ступили в тень восточного края кратера. Под куполом темно-розового неба они сначала остановились у первой группы почерневших тел, а затем быстро двинулись дальше. Они открывали двери в здания, где это было возможно, и стучали во все те, что были заперты, и с помощью стетоскопического устройства Сакса прослушивали стены. Но не слышали ничего, кроме биения собственных сердец, громких и быстрых, доносящихся из глубины их медных тел.

Надя шла, спотыкаясь, и дышала неровно, прерывисто. Она заставляла себя смотреть на тела, мимо которых проходила, пытаясь оценить рост погибших по куче угольков. Как в Хиросиме или Помпеях. Только теперь люди были выше. Но все равно их плоть сгорела до костей, и даже от тех остались лишь тонкие черные палочки.

Подойдя к останкам, размер которых как раз походил на человеческий, она замерла и уставилась на них. Спустя некоторое время она все же приблизилась и нашла правую руку, смахнула с нее золу в области запястья, нашла бирку с цифровым кодом. Достала ее, почистила. Прос-

канировала лазером, точно кассир в магазине, оценивающий товар. «Эмили Харгроув».

Двинулась дальше, проделала то же самое с еще одной похожей на человека кучей. «Табо Моети». Это было лучше, чем проверять зубы по записям зубной формулы. Этого она бы уже не вынесла.

К очередным останкам возле городского управления она подходила уже беспечно и ничего не чувствуя, совсем одна, выставив вперед правую руку так, чтобы быстрее просканировать. Она очистила бирку и поднесла лазер. «Аркадий Николаевич Богданов».

≈ * ≈

Следующие одиннадцать дней они летели на запад, в дневные часы скрываясь под специальными щитами или отдыхая в убежищах с людьми, которые встречались им по пути. Ночами они следовали по ретрансляторам или по указаниям групп, у которых гостили. И хотя эти группы часто знали о существовании или местоположении других, они явно не были частью единых сил сопротивления и никак не были скоординированы. Одни надеялись добраться до южной полярной шапки, как заключенные из Королёва, другие и не слышали об этом убежище; одни были последователями Богданова, другие — революционерами, следовавшими за разными лидерами; одни составляли религиозные коммуны, утопические экспериментальные общества или националистические группировки, пытающиеся связаться со своими правительствами на Земле, другие — просто сборищем выживших, не имеющих никакой программы, осиротевших из-за всего этого насилия. Шестеро путников даже останавливались в самом Королёве, только не пытались проникнуть внутрь, когда увидели

голые замороженные тела охранников возле шлюзов, некоторые были поставлены на ноги, будто статуи.

После Королёва им ничего не попадалось на пути. Радио и телевидение не работали вместе со спутниками, по железным дорогам никто не ездил, Земля находилась по другую сторону от Солнца. Местность выглядела такой же пустынной, как перед их прибытием, не считая продолжающих расширяться участков льда. И они летели вперед, будто были единственными людьми на планете, последними выжившими.

В ухе у Нади раздался странный шум — несомненно, это связано с вентиляторами самолета. Она проверила их, но не обнаружила ничего необычного. Друзья оставили ей всю рутинную работу, позволили ей гулять одной перед взлетами и после посадок. Они тоже были потрясены тем, что увидели в Карре и в Королёве, и не могли найти в себе достаточно сил, чтобы пытаться подбадривать ее, и она принимала это с облегчением. Энн и Саймон все еще беспокоились из-за Питера. Илья и Сакс беспокоились из-за запасов еды, которые таяли на глазах, — хранилища их самолетов уже почти опустели.

Но Аркадий был мертв, и ничто иное не имело

значения. Революция казалась Наде тщетной, глупой, рассеянным приступом ярости, словно кто-то решительно отрезал кому-то нос, чтобы выместить свою злость. Весь мир был разрушен! Она попросила друзей отправить сообщение о смерти Аркадия по одному из главных каналов. Саша согласилась и помогла ей убедить других.

— Это поможет быстро со всем покончить, — сказала Саша.

Сакс потряс головой.

— У мятежей нет лидеров, — возразил он. — К тому же едва ли хоть кто-то услышит наше сообщение.

Но пару дней спустя стало ясно, что кое-кто его все же услышал. Они получили ответ от Алекса Жалина.

— Слушай, Сакс, это не американская революция и не французская, не русская, не английская. Это революция всех и вся! Она охватила весь мир, территорию, равную территории всей Земли, и лишь пара тысяч человек пытаются ее остановить, причем большинство из них все еще в космосе, откуда у них открывается хороший вид, но они в то же время очень уязвимы. Так что даже если им удастся подавить силы в Сиртисе, то есть другие — в Геллеспонте. Представьте, как

если бы воздушно-космические силы пытались остановить революцию в Камбодже, но она все равно поднималась бы на Аляске, в Японии, Испании, на Мадагаскаре. Как с этим справиться? Никак. Жаль только, Аркадий Николаевич этого не увидит, он бы…

Связь внезапно оборвалась. Возможно, это был плохой знак, а возможно, и нет. Но даже Алекс не мог скрыть уныния в голосе, когда говорил об Аркадии. Это было невозможно: Аркадий был гораздо бóльшим, чем просто политический лидер, — для каждого он был братом, природной силой, голосом сознания. Внутренним чувством долга и справедливости. Лучшим другом.

Надя, подавив свою скорбь, помогала прокладывать курс по ночам, а днем спала столько, сколько могла. Она потеряла вес. Волосы стали белоснежными, седеющие и черные волоски остались только на расческе. Ей было трудно говорить. Словно ее горло и все внутренности стали каменными. Она и сама была камнем и не могла даже плакать. Вместо этого занималась своими обычными делами. Ни у кого из тех, кто им встречался, не оставалось лишней еды, и их запасы тоже иссякали. Они установили строгие ограничения в еде, уменьшив порции вдвое.

И на тридцать второй день путешествия из Лассвица, пролетев десять тысяч километров, они прибыли в Каир, что на южной окраине Лабиринта Ночи, и оказались с южной стороны южной части упавшего провода.

Каир был де-факто под контролем УДМ ООН, так как никто не объявлял здесь о захвате власти, и, подобно другим крупным шатровым городам, оказался беспомощен перед орбитальными лазерами полицейских кораблей, переместившихся на орбиту в прошлом месяце. В начале войны большинство жителей города были арабами и швейцарцами, и теперь казалось, только эти два народа до сих пор старались не прибегать к насилию.

Сейчас, однако, шестеро путников оказались не единственными беженцами, прибывшими сюда. Многие приехали с Фарейды, из опустошенного Шеффилда и остальных городов на горе Павлина, другие добрались из долин Маринер через Лабиринт Ночи. Население города выросло вчетверо, и люди теперь спали на улицах и в парках, а корпус жизнеобеспечения был предельно нагружен, запасы еды и воздуха иссякали.

Все это их шестерке рассказала работница взлетной полосы, непреклонно выполнявшая

свою работу, несмотря на то что здесь больше никто не летал. Проведя их на парковочные места среди множества других самолетов на другом конце полосы, она посоветовала им одеться и идти к городской стене пешком, это был километр пути. Надя ощутила беспричинную тревогу, когда им пришлось покинуть оба своих 16Д и идти в город; не успокоилась она и когда увидела, что большинство жителей ходили в прогулочниках и носили с собой гермошлемы на случай разгерметизации.

Они пришли в городское управление, где встретили Фрэнка и Майю, а с ними Мэри Данкел и Спенсера Джексона. Все поприветствовали друг друга, испытав облегчение. Фрэнк был занят перед экраном, ведя переговоры с кем-то на орбите, и уклонился от их объятий, продолжая разговаривать, а потом помахал им рукой, дав понять, что заметил их присутствие. Похоже, он был подключен к некой функционирующей системе связи, а может, и не к одной, потому что стоял перед экраном, говоря то с одним, то с другим лицом, на протяжении следующих шести часов, прерываясь, лишь чтобы глотнуть воды или вызвать другого собеседника, и даже не глядя на старых товарищей. Казалось, он все время

злился, его челюстные мышцы ритмично сжимались и разжимались, в остальном же он был в своей стихии — объяснял и поучал, обхаживал и грозил, задавал вопросы и тут же комментировал ответы, которые получал. Обхаживания и угрозы были в его старом стиле, только в других словах и с примесью гнева, горечи и даже некоторого испуга, будто он соскочил со скалы и пытался переспорить землю, чтобы та вернула его на место.

Наконец он отключился, откинулся на кресле и наигранно вздохнул, после чего резко поднялся и подошел к ним, чтобы поприветствовать, быстро коснувшись рукой Надиного плеча.

В остальном же он держался со всеми ними грубо и даже не поинтересовался, как им удалось добраться до Каира. Он хотел лишь знать, кто встречался им на пути, в каком положении находились эти разбросанные группы и какие у этих групп имелись намерения. Один или два раза он возвращался к своему экрану и связывался с теми группами, о местонахождении которых они ему только что рассказывали. И эта способность поразила путников, считавших, что все вокруг были отрезаны от мира так же, как они.

— Связи из УДМ, — объяснил Фрэнк, проводя рукой по смуглому подбородку. — Они держат

для меня открытыми некоторые каналы.

— Зачем? — спросил Сакс.

— Потому что я пытаюсь остановить то, что происходит. Пытаюсь прекратить огонь, потом добиться для всех амнистии и начать отстраивать все заново.

— Но под чьим руководством?

— Конечно, УДМ. И национальных управлений.

— А разве УДМ согласно на то, чтобы просто «прекратить огонь»? — прямо спросил Сакс. — При том, что повстанцы согласны только на общую амнистию?

Фрэнк коротко кивнул.

— Да, только не хотят ничего отстраивать. Но текущее их положение настолько плачевно, что они могут пойти и на это. После того, как упал провод, взорвалось еще четыре водоносных слоя. Все они экваториальные, и некоторые говорят, что это просто причина и следствие.

Энн отрицательно покачала головой, доставив тем самым удовольствие Фрэнку.

— Они были разрушены специально, я в этом совершенно уверен. И один, что в устье каньона Северного, теперь заливает дюны на Великой Северной равнине.

— А из-за массы полярной шапки там, наверное, образуется высокое давление, — сказала Энн.

— Ты знаешь, что случилось с ахеронской группой? — спросил Сакс у Фрэнка.

— Нет. Они исчезли. И могли быть вместе с Аркадием. К сожалению. — Он взглянул на Надю и печально сомкнул губы. — Так, мне пора возвращаться к работе.

— Но что происходит на Земле? — не унималась Энн. — Что обо всем этом говорит ООН?

— Что Марс — не государство, а планета ресурсов, — серьезно ответил Фрэнк. — Говорят, что нельзя отдавать контроль над ресурсами мелкой группе людей, которые тут живут, да еще и в то время, когда на Земле такие большие проблемы с сырьевыми материалами.

— Это похоже на правду, — услышала Надя свой голос. Он звучал резко, будто карканье. Казалось, она не говорила несколько дней.

Фрэнк пожал плечами.

— Полагаю, именно поэтому они дали транснационалам такую свободу действий, — сказал Сакс. — Мне теперь кажется, что на планете больше людей из их служб безопасности, чем из полиции УДМ.

— Так и есть, — сказал Фрэнк. — ООН пона-

добилось время, чтобы прибегнуть к помощи миротворцев.

— Они не будут против, если грязной работой займутся другие.

— Конечно, нет.

— А как же сама Земля? — снова спросила Энн.

Фрэнк пожал плечами.

— Большая семерка вроде бы держит все под контролем, — он покачал головой. — Хотя отсюда трудно сказать, что там на самом деле.

Он подошел к своему экрану, чтобы сделать еще несколько звонков. Остальные ушли, чтобы поесть, помыться, увидеться с друзьями и знакомыми и узнать новости Земли. «Удобные флаги» были уничтожены бедняками Юга, но транснационалы, вероятно, бежали в страны Большой семерки и спрятались под защитой их огромных армий. Насчитывалась двенадцатая попытка прекратить огонь.

Так что у них было немного времени на то, чтобы восстановить пропущенные события. Но когда они проходили мимо зала переговоров, Фрэнк был все еще там, еще более явственно впадая в дикую ярость, пробивая себе путь сквозь то, что казалось бесконечным кошмаром экранной дипломатии, не унимая своего настойчивого,

презрительного, резкого тона. Он уже никого не пытался умасливать — только проявлял волю. Пытался сдвинуть Землю, не имея точки опоры или имея самую слабую из опор, тогда как рычагом ему служили в основном его старые связи в Америке и его личное знакомство с лидерами повстанцев — и там, и здесь его собеседники были обозлены текущими событиями и сбоями телевидения. И там, и здесь они с каждым днем теряли свое влияние над самим Марсом, поскольку в это время войска УДМ ООН и транснационалов захватывали города за городами. Наде казалось, что Фрэнк сейчас пытается грубо сдвинуть процесс с места лишь силой своего гнева при отсутствии какого-либо влияния. Она поняла, что не может находиться рядом с ним, В обстановка была достаточно скверной и без его желчи.

Но с помощью Сакса ему удалось наладить независимый контакт с Землей — он связался с Вегой и передал несколько сообщений через тамошних техников. При этом их передачу и получение разделяло несколько часов, но спустя долгую пару дней после этого он обменялся пятью закодированными сообщениями с госсекретарем Ву, а пока ждал ночами ответных сообщений, ребята с Веги заполняли для него паузы записями

земных новостных передач, которые до этого здесь не видели. Все эти сообщения, если они и затрагивали тему Марса, изображали восстание как мелкий разлад, вызванный криминальными элементами, прежде всего беглыми заключенными из Королёва, впавшими в неистовство и безрассудно уничтожающими собственность, при этом убивая множество невинных гражданских. Акцент в этих репортажах ставился на кадрах, запечатлевших застывших обнаженных охранников у входа в Королёв, а также спутниковых телефотографиях прорванных водоносных слоев. В наиболее скептически настроенных передачах упоминалось, что эти и другие записи были предоставлены УДМ ООН, а некоторые китайские и нидерландские каналы даже ставили под сомнение их правдивость. Но они не предлагали альтернативного объяснения показанных событий, и по большей части земные медиа распространяли версию транснационалов. Когда Надя указала на это наблюдение, Фрэнк фыркнул.

— Конечно, — сказал он с презрением. — Земные новости принадлежат транснационалам, — и выключил звук.

Надя и Илья инстинктивно наклонились впе-

ред на бамбуковом диване, будто это позволило бы им лучше расслышать беззвучный репортаж. Две недели без новостей показались им целым годом, и теперь они сокрушенно смотрели на экран, впитывая любую доступную информацию. Илья даже встал, чтобы вернуть звук, но заметил, что Фрэнк уже спал в своем кресле, уткнувшись подбородком в грудь. Когда дошло сообщение от госсекретаря, он резко проснулся, включил звук, уставился на крошечные изображения на экране и хрипло пробурчал ответ. Затем закрыл глаза и снова уснул.

В конце второй ночи после того, как наладилась связь через Вегу, он сумел заручиться обещанием секретаря Ву надавить на ООН в Нью-Йорке, чтобы те восстановили связь и приостановили любые действия полиции до тех пор, пока положение не будет должным образом оценено. Ву также намеревался заставить транснациональные силы отозвать свои войска обратно на Землю, но Фрэнк заметил, что это было бы невозможно.

Солнце висело в небе уже пару часов, когда Фрэнк отправил на Вегу последнюю благодарность и отключился. Илья спал на полу. Надя с натянутым видом встала и вышла прогуляться по парку, воспользовавшись преимуществом

света, что позволял ей хорошенько осмотреться. Ей приходилось переступать через тела, спящие на траве группами по три-четыре человека, люди прижимались друг к другу, чтобы сохранить тепло. Швейцарцы установили большие кухни и ряды флигелей вдоль городской стены, благодаря чему это место напоминало стройку. Внезапно она почувствовала, как по лицу стекают слезы. Но она шла дальше. Приятно было вот так просто ходить по улице при свете дня.

Но в конце концов она вернулась в городское управление. Фрэнк стоял возле Майи, спящей на диване. Он смотрел на нее безо всякого выражения, а затем с сонным видом обратился к Наде:

— Она совсем отключилась.

— Мы все устали.

— Да… А как сейчас выглядит Эллада?

— Все ушло под воду.

Он покачал головой.

— Саксу это, должно быть, нравится.

— Я то же самое говорю. Но думаю, даже для него все это слишком, потому что неуправляемо.

— Ах да. — Он закрыл глаза и словно уснул на секунду-две. — Очень жаль Аркадия.

— Да.

Они снова помолчали.

— Она похожа на маленькую девочку.

— Немного.

На самом деле Надя не помнила, чтобы Майя когда-либо выглядела старше. Они приближались к восьмидесяти и не могли оставаться прежними независимо от того, прошли они терапию или нет. В душе они уже были старыми.

— Ребята с Веги сказали мне, что Филлис и остальные с Кларка хотят попытаться достать их с помощью аварийной ракеты.

— Разве они не ушли из плоскости эклиптики?

— Сейчас да, но они собираются добраться до Юпитера, а потом использовать его, чтобы вернуться в их систему.

— Но на это уйдет год-два, разве нет?

— Около года. Надеюсь, они либо совсем промахнутся, либо врежутся в Юпитер. Или у них к тому времени закончатся припасы.

— Вижу, ты не в восторге от Филлис.

— Она сука. Большая часть ответственности за это лежит на ней. Она переправляла сюда всех транснационалов, которые обещали добыть хоть какой-то металл, который можно использовать. Думала, что станет королевой Марса, а все остальные будут ее подданными. Вы бы видели ее там, на Кларке, когда она смотрела на планету, будто

была ее богиней. Так и удавил бы! Как бы я хотел видеть ее лицо в момент, когда Кларк упал! — Он резко рассмеялся.

Майя, пошевелившись при звуке его смеха, проснулась. Они помогли ей подняться и вышли в парк, чтобы поесть. Присоединились к очереди, где были люди, которые поеживались, стоя в прогулочниках, кашляли, растирали руки и выпускали изо рта пар, похожий на белые хлопья. Почти все стояли молча. Фрэнк презрительно их осмотрел, и когда они получили свои порции рёшти и табуле, он быстро с ними справился и начал говорить по-арабски со своей наручной панелью.

— Говорят, Алекс, Евгения и Саманта сейчас едут из Лабиринта с моими друзьями-бедуинами, — сказал он им после того, как отключил связь.

Это были хорошие новости. Об Алексе и Евгении в последний раз слышали, что они были в Ауреум-Оверлуке, оплоте повстанцев, уничтоженном армадой кораблей ООН, а потом сожженной ракетным огнем с Фобоса. А от Саманты вообще не было новостей за целый месяц войны.

Все члены первой сотни, бывшие в городе, собрались у северных ворот Каира, чтобы их

встретить. Ворота эти выходили к длинному естественному уклону, что спускался к одному из южных каньонов Лабиринта Ночи. Из каньона по этому склону тянулась дорога, и вся она просматривалась до самого дна. И оттуда вскоре после полудня, взметая облака пыли и медленно двигаясь навстречу, появился караван марсоходов.

Примерно час машины поднимались по последней части уклона. Не более чем в трех километрах от ворот среди них вспыхнуло огромное пламя, отчего некоторые марсоходы врезались в скалу, другие взлетели в воздух. Остальные резко остановились и загорелись.

Затем от взрыва сотряслись и ворота, и друзья нырнули под стену. На общей частоте раздались крики и возгласы. И больше ничего — они стояли не двигаясь. Ткань шатра еще держалась, но шлюз на воротах, по-видимому, заклинило.

Внизу над дорогой в воздух поднимались тонкие клубы бежевого дыма, и их сносило пыльным ветром на восток, в Лабиринт, где разрывало в клочья. Надя отправила несколько беспилотных марсоходов, чтобы проверить, нет ли выживших. Наручные панели передавали лишь помехи и ничего, кроме помех. Что еще они надеялись услышать? Крики? Фрэнк ругался в свою панель,

перескакивая с арабского на английский и обратно. Тщетно пытался понять, что случилось. Но Александр, Евгения, Саманта… Надя испуганно смотрела на маленькие изображения у себя на запястье и управляла камерами роботов. Разбитые марсоходы. Несколько тел. Ничего не шевелилось. Из одного марсохода все еще валил дым.

— Где Саша? — кричал Илья. — Где Саша?

— Она была в шлюзе, — ответил кто-то. — Она собиралась выйти им навстречу.

Они принялись открывать внутреннюю дверь шлюза. Надя повозилась с кодами, затем взялась за инструменты и, наконец, установила кумулятивный заряд, который кто-то сунул ей в руку. Они отошли подальше, и шлюз вылетел, как стрела из арбалета, позволив тяжелой двери медленно отвориться. Надя выбежала вперед и упала на колени перед Сашей, которая в своей куртке, закрывающей голову, держала оборонительную позу, но была мертва — плоть на ее лице была по-марсиански красной, а взгляд стеклянным.

Чувствуя, что ей пора пошевеливаться, чтобы не превратиться в камень прямо на месте, Надя вскочила и бросилась к городским машинам. Запрыгнула в одну из них и поехала прочь: у нее не было плана, и машина, казалось, сама

выбирала направление. Сквозь помехи на ее панели прорывались голоса друзей, звучавшие, как сверчки, запертые в клетке. Майя, плача, безудержно кричала что-то по-русски — лишь Майя была достаточно сильна, чтобы не сдерживать свои чувства.

— Это опять был Фобос! — кричала она. — Они там полные психи!

Остальные были настолько потрясены, что их голоса звучали, словно компьютерные.

— Они не психи, — сказал Фрэнк. — Они идеально расчетливы. Видят, что скоро наступит политическое урегулирование, и стреляют столько, сколько могут.

— Убийцы! Ублюдки! — ругалась Майя. — Гэбэшные фашисты!.

Городская машина остановилась у городского управления. Надя вбежала внутрь, в комнату, куда сложила свои вещи, которые сейчас составляли лишь ее старый синий рюкзак. Она порылась в нем, все еще не зная точно, что именно ищет, пока ее четырехпалая рука, все такая же сильная, как прежде, не вытащила наружу некий предмет. Передатчик Аркадия. Ну конечно. Она бегом вернулась к машине и снова поехала к южным воротам. Сакс и Фрэнк все еще разго-

варивали там, и Сакс своим привычным тоном рассказывал:

— Каждый из нас, чье местоположение известно, либо находится здесь, либо уже убит. Мне кажется, они охотятся специально за первой сотней.

— То есть выбирают конкретно нас? — спросил Фрэнк.

— Я видел какой-то земной репортаж, где нас назвали главарями. И с начала революции погиб двадцать один человек из наших. Еще сорок пропали без вести.

К южным воротам подъехала машина. Надя выключила внутреннюю связь, выбралась из машины, зашла в шлюз, надела ботинки, гермошлем, перчатки. Отрегулировала давление, проверила его и, надавив на кнопку открытия, подождала, пока шлюз выпустит ее. То же самое недавно сделала Саша. Они прожили вместе целую жизнь за один только последний месяц.

Затем она выбралась на поверхность, в гущу ветреного туманного дня, чувствуя первые алмазные уколы мороза. Пнула ногой по наносам частиц, и перед ней разметались красные клубы пыли. Полая женщина, пинающая кровь. Снаружи других ворот находились тела ее друзей и еще

кого-то, чьи мертвые лица стали пурпурными и раздувались, как после несчастных случаев на стройке. Надя видела такое уже не раз, как не раз видела и смерть, и всякий раз это было ужасно!.. Это была война, и люди погибали. Люди, которые могли бы жить еще тысячу лет. Она подумала об Аркадии, о тысяче лет и прогнала эту мысль. Они много ссорились в последние годы — в основном из-за политики. «Твоя программа — это анахронизм, — сказала она ему. — Ты не понимаешь этого мира». — «Ха! — усмехнулся он, оскорбленный. — Этот-то мир я понимаю». Выражение его лица стало таким мрачным, каким она его еще не видела. И она помнила, как он вручил ей передатчик, как кричал на Джона, как сходил с ума от ярости и скорби. «На всякий случай, — умоляюще произнес он, когда она попыталась отказаться. — На всякий случай».

И вот этот случай настал. Ей самой в это не верилось. Она достала коробку из набедренного кармана своего прогулочника, повертела в руке. Фобос вскочил над западным горизонтом, словно серая картофелина. Солнце только-только село, и его розовый отблеск на вершинах гор выглядел таким ярким, что ей почудилось, будто она стояла в собственной крови, будто была таким крошеч-

ным созданием, как клетка в разъеденной стенке ее сердца, тогда как вокруг нее кружили ветры ее пылевой плазмы. В космопорту на севере города садились ракеты. Их сумрачные зеркала сияли в западном небе, точно кучка вечерних звезд. Небо было занято. Корабли ООН готовились совершить посадку.

Фобос пересек небо за четыре с четвертью часа, так что ей не пришлось долго ждать. Он поднялся в виде полумесяца, но теперь был освещен больше чем наполовину, даже был почти полным на полпути к зениту, и двигался своим ровным темпом по темнеющему небу. Она видела слабо различимые точки на сером диске — два маленьких крытых кратера, Семёнов и Левейкин. Подняв радиопередатчик, она набрала код запуска: МАНГАЛА. Будто пощелкала по пульту от телевизора.

И на ведущей кромке серого диска возникла светлая вспышка. Оба слабых огонька погасли. Яркий свет стал еще более ярким. Могла ли она видеть, как он замедлял вращение? Вряд ли, но он точно замедлялся.

Фобос падал.

Вернувшись в Каир, она узнала, что новость уже повсюду распространилась. Вспышка была

такой яркой, что ее заметили, и люди, приникнув по привычке к пустым телеэкранам, принялись обмениваться слухами и домыслами, и каким-то образом узнали суть дела, а может, они догадались сами. Надя миновала группу за группой, слыша крики: «В Фобос стреляли! В Фобос стреляли!» Кто-то рассмеялся:

— И повысили до него предел Роша![84]

Ей казалось, что она заблудилась в медине, но вышла почти прямо к городскому управлению. Майя стояла снаружи:

— Эй, Надя! — крикнула она. — Ты видела Фобос?

— Да.

— Роджер говорит, что когда они были там в первый год, то встроили там систему взрывчаток с ракетами! Аркадий тебе когда-нибудь говорил?

— Да.

Когда они вошли в здание, Майя продолжила рассуждать вслух:

— Если им удастся достаточно его замедлить, он упадет. Думаю, это можно рассчитать. А сейчас мы чертовски близки к точке невозврата.

— И он точно разрушится, и его куски рассы-

[84] Примечания: 84

Расстояние от планеты или звезды до ее спутника, ближе которого спутник разрушается приливными силами.

пятся по планете.

— Точно. Интересно, что думает Сакс.

Они нашли Сакса и Фрэнка — те склонились над одним экраном, а Илья, Энн и Саймон — над другим. Спутник УДМ ООН следил за Фобосом с помощью телескопа, и Сакс измерял скорость движения луны относительно поверхности Марса, чтобы вычислить скорость оборота. На экране изображение купола Стикни сияло, как яйцо Фаберже, но большее внимание привлекала ведущая кромка луны, размытая и испещренная белыми пятнами изверженных пород и газов.

— Смотрите, как сбалансировано давление, — проговорил Сакс, ни к кому конкретно не обращаясь. — Если бы оно вскочило слишком резко, все тело разорвалось бы на куски. А если бы было не сбалансировано, то стало бы вращаться и его сдавило бы со всех сторон.

— Я обнаружил признаки стабилизации бокового давления, — сообщил его искин.

— Двигатели системы ориентации, — сказал Сакс. — Они превратили Фобос в большую ракету.

— Они сделали это еще в первый год, — сказала Надя. Она не знала, зачем это говорила, но все еще ощущала, будто не контролирует себя, а

свои действия воспринимает лишь спустя пару секунд. — Многие члены команды Фобоса были ракетчиками или наводчиками. Они переработали ледяные жилы в жидкий кислород и дейтерий, а потом вставили его в специальные столбики, расположенные в хондрите. А по центру разместили двигатель и комплекс управления.

— Значит, это и есть большая ракета. — Сакс кивнул, нажимая на клавиши. — Период Фобоса — 27,547 секунд. Значит, получается… приблизительно 2,146 километра в секунду, и, чтобы он упал, ему нужно замедлиться до… 1,561 километров в секунду. То есть на 0,585 километра в секунду. А для такой массы, как у Фобоса… ого. Нужно много топлива.

— А сейчас насколько он замедлился? — спросил Фрэнк. Он был мрачен, мышцы челюстей пульсировали под кожей, точно бицепсы. Надя видела, что он был в ярости от своей неспособности предсказать, что случится дальше.

— Примерно на 1,7. И эти большие рулевые двигатели все еще работают. Он упадет. Но не одним куском. При спуске он развалится. Я в этом уверен.

— А предел Роша?

— Нет, будет только напряжение от аэродина-

мического торможения, а при всех этих пустых топливных резервуарах…

— Что случилось с людьми, которые остались там? — услышала Надя свой вопрос.

— Кто-то уже сказал, что, судя по звуку, все население оттуда удрало. Никто не захотел оставаться и тушить пожар.

— Хорошо, — сказала Надя и тяжело села на диван.

— Так когда он упадет? — не унимался Фрэнк.

Сакс сощурился.

— Это невозможно сказать. Зависит от того, когда он станет разваливаться. Но думаю, довольно скоро. В течение дня. А потом он растянется где-то вдоль экватора, может быть, сильно растянется, и будут большие неприятности. Получится весьма внушительный метеоритный дождь.

— И мы избавимся от остатков лифтового провода, — слабо проговорил Саймон. Он сидел подле Энн и озабоченно смотрел на нее. Она уныло глядела на его экран и не подавала никаких знаков того, что слышит, о чем идет речь. Они так и не получили вестей о своем сыне Питере. Было ли это лучше или хуже, чем груда сажи с цифровым кодом, который выдает имя у тебя на запястье? Лучше, решила Надя. Но все равно очень тяжело.

— Смотрите, — сказал Сакс. — Уже распадается.

Телескопическая камера со спутника открыла для них превосходный вид. Купол над Стикни разлетелся на огромные осколки, и очертания кратера, которые всегда были своеобразной меткой Фобоса, теперь вдруг стерлись в пыль, лишившись своей формы. Затем этот картофельной формы мир словно расцвел и распался на множество неправильных глыб. Полдюжины крупных кусков стали медленно рассеиваться, но самый большой продолжал задавать путь. Один кусок отошел в сторону, по-видимому, движимый одной из ракет, что были помещены вглубь лунной породы. Остальные глыбы начали выстраиваться в неровную линию, двигаясь каждый с разной скоростью.

— Похоже, у нас получается что-то вроде линии огня, — заметил Сакс, поднимая взгляд на остальных. — Самые большие куски скоро войдут в верхнюю атмосферу, а потом все произойдет очень быстро.

— Ты можешь определить, где?

— Нет, слишком много неизвестных. Могу только сказать, что где-то на экваторе. Мы, пожалуй, находимся слишком далеко к югу и почти все

пропустим, но может возникнуть эффект рассеивания.

— Людям на экваторе нужно уезжать на север или на юг, сказала Майя.

— Они, вероятно, уже это знают. К тому же падение провода уже здорово расчистило эту область.

Теперь не оставалось почти ничего, кроме как ждать. Никто из них не хотел уезжать из города и ехать на юг — казалось, им уже не нужно было прилагать никакие усилия, они были либо слишком закалены, либо слишком устали, чтобы тревожиться из-за незначительных рисков. Фрэнк ходил по комнате, его смуглое лицо пылало гневом; наконец, он не выдержал и вернулся к своему экрану, чтобы отправить серию коротких язвительных сообщений. На одно из них пришел ответ, и он фыркнул.

— У нас сейчас льготный период, потому что полиция ООН боится сюда спускаться, пока не упадет это дерьмо. А потом они набросятся на нас, как ястребы. Они заявляют, что команда, инициировавшая взрыв Фобоса, поступила отсюда, и устали от того, что этот нейтральный город используется как командный центр сил сопротивления.

— Значит, у нас осталось время до того, как он упадет, — заключил Сакс.

Он подключился к сети УДМ ООН и вывел на экран радар, где двигались фрагменты луны. После этого делать им было нечего. Они сидели, вставали, ходили, смотрели на экраны, ели холодную пиццу, дремали. Но Надя сумела лишь сесть и склониться над своим животом, который казался ей железным орехом. Она ждала.

В районе полуночи и временного сброса что-то возникшее на экране привлекло внимание Сакса, и после нескольких яростных ударов по клавишам на канале Фрэнка он получил изображение из обсерватории на горе Олимп. Там уже близился рассвет, но было еще темно, и одна из камер показала им вид на южный горизонт, где черная кривизна планеты закрывала собой звезды. В западном небе вспыхивали падающие звезды, стремительные и яркие, точно молнии или гигантские трассирующие пули, градом летящие на восток, и в последний момент перед падением распадались на части, взметаясь каплями фосфора в каждой точке столкновения с землей, будто эти были первые мгновения перед вереницей ядерных взрывов. Менее чем через десять секунд удары прекратились, оставив за собой черное

поле, усеянное сияющими, затянутыми желтым дымом клочками земли.

Надя закрыла глаза и увидела остаточное изображение удара. Затем открыла и посмотрела на экран. По предрассветному небу над западной частью Фарсиды плыли облака дыма, возносясь так высоко, что вышли из тени планеты и озарились восходящим солнцем, превратились в грибовидные облака с бледно-розовыми шапками и темно-серыми ножками, освещенные падающими сверху отблесками. Солнечный свет медленно перемещался вниз по бушующим стеблям, пока они не заблестели свежим утренним солнцем по всей длине. Затем верхний желто-розовый край грибовидных облаков поплыл по нему, принявшему мягкий оттенок синего; это был кошмар Максфилда Пэрриша[85], слишком странное и красивое зрелище, чтобы можно было поверить своим глазам. Наде вспомнилось последнее мгновение, когда падал провод, — и образ раскаленной двойной алмазной спирали. Как такое страшное разрушение могло быть таким прекрасным? Можно ли это с чем-либо сравнить? Хотели ли люди в глубине души видеть это? Или

[85] Примечания: 85

Максфилд Пэрриш (1870–1966) — американский художник и иллюстратор.

это было просто случайное сочетание элементов, конечное доказательство того, что у красоты нет нравственной стороны? Она продолжала смотреть на представший ей образ, сосредоточив на нем всю свою волю, но не могла разглядеть в этом смысла.

— Это могут быть достаточно твердые частицы, чтобы вызвать новую глобальную пылевую бурю, — отметил Сакс. — С другой стороны, в систему непременно добавится большое количество полезного тепла.

— Заткнись, Сакс, — оборвала его Майя.

— Сейчас настала наша очередь получить удар, да? — спросил Фрэнк.

Сакс кивнул.

Они покинули городское управление и вышли в парк Все стояли, обратившись лицом на северо-запад. Было так тихо, словно они исполняли какой-то религиозный ритуал. Ощущение было далеким от того, как если бы они ожидали, что их вот-вот начнут бомбить полицейские войска. Было уже около девяти утра, и небо окрасилось в тусклый от пыли розовый оттенок.

Затем горизонт пронзила до боли яркая комета, и все разом тяжело выдохнули, раздалось несколько разрозненных криков. Белая сверкаю-

щая линия изогнулась вниз, прямо в их сторону, а потом в один миг выстрелила над их головами, исчезнув над восточным горизонтом. Она пронеслась так быстро, что никто даже не успел затаить дыхание. Мгновение спустя у них под ногами сотряслась земля, и вырвавшиеся наружу возгласы нарушили тишину. На востоке поднялось облако, изменившее высоту розового небесного купола — теперь он, должно быть, поднялся до двадцати тысяч метров.

Затем небо пересекла еще одна яркая белая вспышка, за которой, как за кометой, тянулся огненный хвост. Затем еще одна и еще — и целый рой таких вспышек, рассекающих небо и падающих за восточным горизонтом, куда-то в долины Маринер. Наконец, град прекратился, оставив очевидцев в Каире наполовину ослепшими, потрясенными, с остаточными изображениями, стоящими перед глазами. Смерть их миновала.

— Теперь сюда придет ООН, — сказал Фрэнк. — В лучшем случае.

— Думаешь, мы должны… — начала Майя. — Думаешь, мы будем…

— В безопасности с ними? — съязвил Фрэнк.

— Может быть, нам стоит вернуться в самолеты.

— Среди бела дня?

— Ну, может, это лучше, чем оставаться здесь! — Майя ответила ему тем же. — Не знаю, как ты, но я не хочу, чтобы меня поставили к стенке и пристрелили!

— Если это УДМ ООН, они этого не сделают, — сказал Сакс.

— Откуда ты знаешь? — возразила Майя. — На Земле все думают, что мы главари сопротивления.

— Нет тут никаких главарей! — воскликнул Фрэнк.

Это заставило их замолчать.

Потом Сакс кротко заметил:

— Возможно, кто-то решил, что ситуацию проще взять под контроль, если сначала убрать нас.

Затем пришли новости о еще большем количестве падений метеоритов в другом полушарии, и Сакс устроился перед экранами, чтобы за всем этим проследить. Энн беспомощно стояла у его правого плеча, чтобы тоже все видеть. Такие удары происходили постоянно в нойскую эру, и возможность увидеть их вживую была для нее слишком соблазнительной, чтобы пройти мимо, пусть даже это было результатом вмешательства человека.

Пока они смотрели на экраны, Майя призывала их что-то сделать — уйти, скрыться, что угодно, просто *что-то сделать*. Она бранила и Сакса, и Энн за то, что те ей не отвечали. Фрэнк ушел, чтобы проследить за тем, что происходило в космопорту. Надя проводила его до двери городского управления, боясь, что Майя права, но не желая больше ничего слышать. Попрощавшись с Фрэнком, она встала перед зданием и посмотрела в небо. Уже миновал полдень, и господствующие западные ветры устремлялись вниз по склонам Фарсиды, принося с собой пыль, поднявшуюся после падений. Было похоже, будто в небо струился дым, как если бы на другой стороне Фарсиды шел лесной пожар. Освещение в Каире потускнело — пылевые облака заслоняли солнце, и поляризация шатра создавала короткие радуги с солнечными зайчиками, словно сама ткань, из которой соткан мир, расплеталась на непрерывно меняющиеся, как в калейдоскопе, элементы. Сбившиеся в кучу, под пылающим небом. Надя содрогнулась. Плотное облако застлало солнце, будто устроив затмение. Она вошла внутрь, отступив из его тени, и снова оказалась в управлении.

— Очень похоже на начало новой глобальной бури, — заметил Сакс.

— Надеюсь, что так, — ответила Майя. Она ходила взад-вперед по комнате, как огромная кошка внутри клетки. — Так будет легче сбежать.

— Сбежать куда? — спросил Сакс.

Майя втянула воздух сквозь зубы.

— Самолеты на месте. Мы могли бы вернуться на Геллеспонт, к тем, кто там остался.

— Они нас увидят.

На экране Сакса возник Фрэнк. Он пристально смотрел на свою наручную панель, изображение дрожало.

— Я у западных ворот, со мной мэр. Снаружи стоит группа марсоходов. Мы заперли все замки, потому что они не говорят, кто они такие. Судя по всему, они окружили город и пытаются вскрыть корпус жизнеобеспечения снаружи. Так что всем нужно надеть прогулочники и быть готовыми к выходу.

— Я же говорила, что нужно уходить! — вскричала Майя.

— Мы не могли уйти, — ответил Сакс. — Все равно шансы у нас имелись бы, только если выйти в разных направлениях. Если бы мы прорвались все сразу, нас просто задавили бы числом. Так что давайте, если что, встретимся все у восточных ворот, хорошо? Фрэнк, — он обратился к экра-

ну, — ты тоже приходи туда, когда сможешь. Я хочу попробовать сделать кое-что с роботами корпуса жизнеобеспечения, это может сдержать тех людей как минимум до темноты.

Было три часа вечера, хотя казалось, что наступили сумерки — небо плотно затянули пылевые облака, высокие и быстро перемещающиеся. Силы за городом назвали себя полицией УДМ СЮН и потребовали, чтобы их впустили. Фрэнк и мэр Каира запросили у них разрешение штаб-квартиры СЮН в Женеве и заявили, что в городе любые военные силы запрещены. Ответа снаружи не последовало.

В 4:30 по всему городу раздались сигналы тревоги. В шатре появилась брешь, по-видимому, непоправимая, потому что на улицах внезапно взметнулся восточный ветер и сирены, реагирующие на давление, включились в каждом здании. Вырубилось электричество, и улицы сразу же заполнились фигурами в прогулочниках и гермошлемах, которые неслись к воротам, пока их сметали порывы ветра или другие люди. Окна всюду повыбивало, в воздухе оказалось множество прозрачных осколков. Надя, Майя, Энн, Саймон и Илья вышли из городского управления и стали пробираться сквозь толпу к восточным

воротам. Там происходила настоящая давка, так как шлюз оказался открыт и некоторые пытались протиснуться наружу; если бы здесь кто-то упал, его бы тут же затоптали, а если бы шлюз каким-либо образом закрылся, тогда, может быть, погибли бы все. И тем не менее все это происходило в тишине, не считая переговоров по радио внутри шлемов и отдаленных глухих ударов. Первая сотня была настроена на свою старую частоту, где сквозь помехи и посторонние шумы прорвался голос Фрэнка:

— Я у восточных ворот. Выбирайтесь из давки, чтобы я вас заметил. — Он говорил низко и деловито. — И поторапливайтесь, снаружи шлюза что-то происходит.

Они стали выбираться из толпы и увидели, что Фрэнк находился внутри стены и махал им рукой.

— Давайте сюда, — позвал их его голос, раздавшись у них в ушах. — Не будьте стадом баранов — нет нужды быть похороненными вместе со всеми, когда шатер потеряет целостность. Мы можем срезать где угодно. Пойдем прямо к самолетам.

— Я же говорила, — начала Майя, но Фрэнк оборвал ее.

— Заткнись, Майя, мы не могли отсюда убрать-

ся, пока не произошло бы что-то вроде этого, *помнишь*?

Близился закат, и солнце струилось в проеме между горой Павлина и пылевым облаком, окрашивая последнее снизу в яркие марсианские тона, привнося порцию адского света в эту рваную картину. Сквозь прорывы в шатре теперь проникали фигуры в камуфляжной форме. Снаружи были припаркованы крупные транспортные шаттлы, и из них появлялось все больше и больше военных.

Из переулка появился Сакс.

— Не думаю, что мы сумеем добраться до самолетов, — сказал он.

Затем из мрака возникла фигура в прогулочнике и гермошлеме.

— Пойдемте, — сказал незнакомец на их частоте. — За мной.

Они уставились на него.

— Ты кто? — спросил Фрэнк.

— За мной!

Незнакомец был невысок, и за его забралом была видна звериная ухмылка. Узкое темнокожее лицо. Он двинулся по дорожке, ведущей к медине, и Майя первой пошла за ним. Повсюду метались люди в шлемах; те, кто был без шлемов,

распластались на земле, где уже умерли или еще умирали. Сквозь шлемы были слышны сирены, слабые и истощенные, а под ногами чувствовались вибрации, своего рода сейсмические удары, но все остальное происходило в тишине, нарушаемой лишь звуками их собственного дыхания и голосов, звучащих у них в ушах. «Куда мы?» — «Сакс, ты здесь?» — «Он ушел туда» и так далее. Это был странный сокровенный разговор, если учесть, в каком беспросветном хаосе они бежали. Оглядываясь на ходу, Надя чуть не наступила на мертвую кошку, которая валялась в траве, будто спала.

Мужчина, за которым они следовали, похоже, напевал мелодию на их частоте, что-то вроде *бум, бум, ба-дум-дум дум* — это вроде бы была тема Пети из «Пети и волка». Он хорошо знал каирские улицы, сворачивая в тесном лабиринте медины, не останавливаясь ни на мгновение, чтобы подумать. Он привел их к городской стене менее чем за десять минут.

Подойдя к стене, они вгляделись сквозь деформированную ткань шатров во мрак, что царил снаружи, в безликие фигуры в форме, разбегающиеся по южной окраине Лабиринта поодиночке или группами по двое-трое, точно в броуновском

движении.

— Где Илья? — спросила вдруг Майя.

Никто не знал.

Затем Фрэнк указал:

— Смотрите!

Внизу на дороге, с востока, появились марсоходы, выбравшиеся из Лабиринта Ночи. Это были быстрые машины незнакомой формы, и они выступали из сумрака с выключенными фарами.

— Это еще кто? — проговорил Сакс.

Он повернулся за ответом к их проводнику, но того уже не было — он снова исчез в переулках.

— Это все еще частота первой сотни? — спросил новый голос.

— Да! — ответил Фрэнк. — Кто это?

— Это Мишель?! — вскрикнула Майя.

— Хороший слух, Майя. Да, это Мишель. Слушайте, мы здесь, чтобы забрать вас отсюда, если вы этого хотите. Они, судя по всему, уничтожают всех из первой сотни, до кого могут дотянуться. Так что мы подумали, что вы захотите к нам присоединиться.

— Полагаю, мы готовы к вам присоединиться, — сказал Фрэнк. — Но как?

— Вот это как раз загвоздка. Проводник привел вас к стене?

— Да!

— Хорошо. Это был Койот, он в этом мастер. В общем, ждите там. Мы отвлечем их внимание где-нибудь в другом месте, а потом подберемся прямо к вашему участку стены.

Спустя всего несколько минут, которые, однако, по их ощущениям, тянулись, как целый час, взрывы сотрясли город. Они увидели вспышки света на севере, со стороны космопорта. Мишель вернулся на связь:

— Зажгите на секунду свет на шлеме.

Сакс приник головой к стене шатра и включил свет, быстро осветив конус задымленного воздуха. Видимость упала метров до ста, а то и меньше, и вроде бы продолжала уменьшаться. Но голос Мишеля ответил:

— Есть контакт. Теперь прорезайте стену и выходите наружу. Мы почти на месте. Как только вы окажетесь в шлюзах наших марсоходов, мы поедем дальше, так что будьте готовы. Сколько вас?

— Шестеро, — ответил Фрэнк после секундной паузы.

— Прекрасно. У нас две машины, так что все нормально. По три в каждую, хорошо? Давайте готовьтесь, сделаем все быстро.

Сакс и Энн прорезали ткань шатра ножичками из набора, что носили на запястье; они походили на котят, обдирающих портьеры, но сумели быстро проделать дыры достаточно крупные, чтобы пролезть, и все вскарабкались на парапет высотой по пояс, после чего оказались на гладком реголите у подножия стены. За их спинами после серии взрывов взлетел на небо корпус жизнеобеспечения, осветив разрушенный город вспышками, прорезавшими мглу, словно вспышки фотоаппарата, запечатлевшего отдельные моменты, прежде чем все сгинуло во мраке.

Внезапно те же странные марсоходы, что они уже видели, появились из пыли и затормозили перед ними. Они распахнули двери внешних шлюзов и ввалились внутрь: Сакс, Энн и Саймон в один, а Надя, Майя и Фрэнк во второй. Когда марсоходы рванули с места и тут же стали набирать скорость, они не удержались на ногах.

— Ой! — воскликнула Майя.

— Все залезли? — спросил Мишель.

Они назвались по именам.

— Хорошо. Рад, что вы здесь! — произнес Мишель. — Положение становится все тяжелее. Я только что узнал, что Дмитрий и Елена мертвы. Их убили в Эхо-Оверлуке.

В воцарившемся молчании они слышали, как шины терлись о гравий дороги.

— Какие быстрые марсоходы, — заметил Сакс.

— Да. И они здорово поглощают удары. Но, боюсь, их сделали как раз для таких случаев. Когда доберемся до Лабиринта, придется их оставить — они слишком заметны.

— А у вас есть невидимые машины? — спросил Фрэнк.

— Можно и так сказать.

После того как они полчаса протряслись в шлюзах, марсоходы ненадолго остановились, и они перешли в главные помещения. И в одном из них оказался Мишель Дюваль, седой и морщинистый старик, глядящий на Майю, Надю и Фрэнка сквозь слезы. Он обнял каждого по очереди, смеясь странным, сдавленным смехом.

— Вы отвезете нас к Хироко? — спросила Майя.

— Да, попытаемся. Но ехать надо далеко, а условия не очень хороши. И все же я думаю, мы справимся. О, как же я рад, что мы вас нашли! Вы не представляете, насколько это ужасно — искать, искать и находить лишь мертвые тела.

— Представляем, — ответила Майя. — Так мы нашли Аркадия, а Саша погибла сегодня, и Алекс, Эдвард и Саманта. И Илья, наверное, тоже…

— Да. Что ж, постараемся, чтобы больше этого не случалось.

На экране появилось внутреннее помещение второго марсохода, где Энн, Саймона и Сакса сухо приветствовал молодой незнакомец. Мишель, обернувшись, посмотрел через лобовое стекло и шикнул. Они были в начале одной из многочисленных ящикообразных долин, ведущих к Лабиринту, и круглый ее край резко спускался вниз. Дорога, что уходила к нему, раньше тянулась по искусственному наклонному съезду, который был устроен для ее поддержки, но теперь его там не оказалось — он был взорван и дорога вместе с ним.

— Сейчас пойдем пешком, — сказал Мишель немного погодя. — На дне нам все равно пришлось бы бросить машины. Идти придется всего километров пять. У вас в костюмах достаточно запасов?

Они пополнили свои воздушные резервуары и снова надели гермошлемы. Затем вышли через шлюзы.

Выбравшись наружу, они встали и осмотрели друг друга — шестеро беженцев, Мишель и молодой водитель. И ввосьмером двинулись в путь пешком, в темноте, освещаемые лишь фонаря-

ми на шлемах, пока спускались по коварному участку разрушенного съезда. Затем, когда дорога появилась снова, они выключили фонари и продолжили путь по круто спускающейся гравийной дорожке поистине длинными скачками, что было наиболее удобным способом передвижения под таким углом. Ночь была беззвездной, и ветер свистел по каньону, окружая их со всех сторон, иногда взлетая такими сильными порывами, что они чувствовали, как их отбрасывает назад. По ощущениям это действительно было началом новой пылевой бури; Сакс бормотал что-то об экваториальной буре вместо глобальной, но что им предстояло — сказать было невозможно.

— Будем надеяться, что будет глобальная, — сказал Мишель. — Тогда мы сможем скрыться.

— Сомневаюсь, что так будет, — ответил Сакс.

— А куда мы направляемся? — спросила Надя.

— Ну, у нас есть аварийная станция в хаосе Золотой Рог.

Это означало, что им предстояло пересечь всю длину долин Маринер — а это пять тысяч километров!

— Как мы туда доберемся? — воскликнула Майя.

— У нас в каньонах есть машины, — отрывисто

ответил Мишель. — Сами увидите.

Дорога была крутой, а они шли быстро, испытывая на прочность стыки своих костюмов. У Нади начало дрожать правое колено, а фантомный палец зачесался впервые за много лет. Захотелось пить, стало холодно, и она ощутила старый ромбовидный узор своего прогулочника. Стало так пыльно и темно, что они вновь включали фонари на шлемах. Скачущие конусы желтого света едва доставали до поверхности дороги, и, когда Надя оглядывалась, ей казалось, что они сейчас выглядят, как глубоководные рыбы с фонариками, освещающими огромное океанское дно. Или как шахтеры в каком-нибудь вязком, задымленном туннеле. Где-то в душе она испытывала удовольствие от их положения — она чувствовала какое-то волнение, скорее физически, но все же это было ее первым положительным ощущением с тех пор, как она нашла Аркадия. Такое же удовольствие, как зуд в фантомном пальце, — слабое и слегка раздражающее.

Когда они добрались до дна каньона, была еще ночь. Дно имело форму широкой буквы U, что было весьма характерно для каньонов Лабиринта Ночи. Мишель подошел к валуну, надавил на него пальцем и поднял крышку люка, которая

находилась в нем сбоку.

— Заходите, — пригласил он.

Там оказалась пара таких валунов-машин. Это были крупные марсоходы, покрытые тонким слоем настоящего базальта.

— А как быть с их термическими сигналами? — спросил Сакс, когда залез в один из них.

— Мы направляем все тепло в катушки, а потом закапываем их.

Так что никакого сигнала, можно сказать, нет.

— Умно.

Молодой водитель помог им забраться в новые машины.

— Поехали отсюда, — грубо бросил он, практически оттолкнув их от дверей наружного шлюза. Тогда свет озарил его лицо, скрытое гермошлемом, и они увидели, что это был азиат лет двадцати пяти. Помогая им сбежать, он не встречался с ними взглядом и излучал недовольство, отвращение, и, похоже, был напуган. Он с презрением им заявил:

— В следующий раз, когда устроите революцию, постарайтесь сделать это как-нибудь по-другому.

Часть восьмая
Шиката Га Най

≈ * ≈

Когда находившиеся на борту лифтового вагона «Бангкок Френд» узнали, что Кларка больше нет, а провод падает, они бросились через вестибюль в раздевалку и максимально быстро надели аварийные костюмы для выхода в космос. Как ни странно, общей паники не возникло, тревога была лишь у них в душе, но с виду они вели себя деловито и уделяли все внимание небольшой группе у шлюза, которая пыталась определить, где именно они находятся и когда смогут покинуть вагон. Это спокойствие поразило Питера Клейборна, у которого стук сердца отдавался по всему телу и кровь наполнялась адреналином; он не был даже уверен, сумеет ли произнести хоть слово, если возникнет такая необходимость. Мужчина из группы, что находилась впереди, ровным тоном сообщил, что они приближались к ареосинхронной точке и что они набились в шлюз до того, что их там зажало, как одежду в шкафчике, и тогда

они закрыли шлюз и высосали воздух. Затем внешняя дверь открылась и перед ними оказался он, огромный прямоугольник черного, усеянного звездами космоса. Оказаться там в непривязанном костюме было по-настоящему страшно, ему это казалось не иначе как самоубийством, но те, кто был впереди, прыгнули, остальные последовали за ними, будто семена из одной семянки.

Вагон улетел в сторону востока и быстро исчез из виду. Облако космических костюмов начало рассеиваться. Многие выровнялись направив ноги в сторону Марса, который теперь парил под ними, словно грязный баскетбольный мяч Находя равновесие, они включали свои двигатели и стали подниматься выше. Группа, производившая расчеты, все еще переговаривалась на общей частоте с таким видом, будто решала шахматную задачу. Они находились в районе ареосинхронной орбиты, но падали вниз со скоростью в сотни километров в час; ее можно было нейтрализовать спалив половину основных запасов топлива, но за-

тем они оказались бы на орбите, гораздо более стабильной, чем было необходимо при их запасах воздуха. Иными словами, они умерли бы позже, задохнувшись, а не раньше, сгорев в плотных слоях атмосферы. Но на тот момент именно это было их главной целью. Кто знал, может быть, спасатели появятся, когда еще не будет слишком поздно. Большинство из них явно хотели хотя бы попытаться выжить.

Питер вытянул продолговатый пульт управления двигателем из своей наручной панели и нажал пальцами на кнопки, после чего Марс вмиг оказался между его ботинками. Некоторые пытались держаться вместе, но он рассудил, что это недопустимая и бесполезная трата топлива, и позволил им дрейфовать над ним до тех пор, пока они не превратились для него в не более чем обычные звезды. Теперь ему не было так страшно, как тогда, в шлюзе, но он почувствовал гнев и обиду: он не хотел умирать. Он содрогнулся в приступе горя по своему потерянному будущему и закричал в голос, а потом заплакал. Спустя некоторое

время проявления чувств исчезли, хотя безысходность переполняла его, как и прежде. Он невидящим взглядом уставился на звезды. Время от времени его продолжали сотрясать порывы страха и отчаяния, но они случались все же реже и реже по мере того, как проходили минуты, а затем и часы. Он пытался замедлить метаболизм, но все его попытки имели лишь обратный эффект, и он решил их бросить, даже несмотря на то, что, когда он измерил пульс в первый раз, на наручной панели у него высветилось 108 ударов в минуту. Благо он не проверял его, когда они надевали костюмы и выпрыгивали из шлюза. Он скорчил гримасу и попытался различать созвездия. Время тянулось медленно.

Он проснулся и, поняв, что спал, одновременно испугался и изумился, а затем тут же снова погрузился в сон. Затем спустя какое-то время очнулся снова, на этот раз насовсем. Никого из тех, кто выпрыгнул вместе с ним из вагона, он уже не видел, хотя некоторые из звезд вроде бы двигались вдалеке и могли оказаться

людьми. И никаких признаков самого лифта — ни в космосе, ни на фоне поверхности планеты.

Его ожидание походило на ночь перед свиданием с расстрельной командой, но проведенную в космических грезах. Смерть, наверное, и была похожа на космос, только без звезд и размышлений. Ожидание его томило: он становился нетерпеливым и подумывал о том, чтобы отключить обогрев и покончить со всем этим. Знание, что у него есть такая возможность, немного успокаивало, и он прикинул, что это можно сделать и тогда, когда у него будет заканчиваться воздух. При этой мысли пульс у него подскочил до 130, и он попытался сосредоточиться на планете, что висела под ним. Дом, милый дом. Он по-прежнему находился почти на ареосинхронной орбите уже несколько часов и Фарсида по-прежнему была под ним, хоть и сместилась немного на запад. Сейчас он парил над долинами Маринер.

Часы шли сами собой, и он снова уснул. А когда проснулся, увидел, что перед

ним завис небольшой серебристый космический корабль, похожий на НЛО, и от удивления он закричал и начал беспомощно кувыркаться в пространстве. Он лихорадочно попытался вернуть себе управление с помощью двигателя, и, когда ему это удалось, корабль был все еще на месте. В боковом окне возникло лицо женщины — она говорила с ним и указывала себе на ухо. Он включил общую частоту, но ее там не оказалось; он не мог ее найти. Он полетел навстречу кораблю и испугал женщину тем, что чуть не врезался в него. Но ему удалось остановиться и отодвинуться немного назад. Женщина показала жестом: не хочет ли он забраться внутрь? Он неуклюже изобразил круг указательным и большим пальцами, кивнув так горячо, что снова начал кувыркаться. Пока вращался, заметил, как открылись створки отсека за окном в верхней части корабля. Он нашел равновесие и рванулся в сторону отсека, размышляя над тем, действительно ли тот окажется настоящим, когда он туда доберется. Когда он коснулся корабля, из

глаз у него выступили слезы; он сощурился, и шарики слезных капель врезались в его забрало, когда он прислонился к нижней створке отсека. Воздуха оставалось всего на час.

Когда отсек был закрыт, а давление в нем отрегулировано, он отстегнул скафандр и снял его. Воздух здесь оказался разреженным, богатым кислородом и прохладным. Дверь шлюза открылась, и он прошел вперед.

Женщины смеялись. На борту их было две, и они были явно довольны.

— Что вы собирались сделать, высадиться на Марс прямо вот так? — спросила одна из них.

— Я был на лифте, — ответил он надтреснутым голосом. — Нам пришлось выпрыгнуть. Вы подобрали еще кого-нибудь?

— Мы больше никого не видели. Хотите спуститься?

Он сумел лишь сглотнуть. Они рассмеялись над ним.

— Как же мы удивились, что наткнулись здесь на человека! Сколько g вам

нужно, чтобы было комфортно?

— Не знаю… три?

Они снова рассмеялись.

— А что, сколько вы можете поставить?

— Гораздо больше трех, — ответила женщина, которая звала его из окна.

— Гораздо больше, — усмехнулся он. — А сколько может выдержать человек?

— Давайте узнаем, — сказала вторая и рассмеялась.

Их небольшой корабль начал ускоряться в направлении Марса. Юноша, обессиленный, устроился в гравитационном кресле перед двумя женщинами, задавал вопросы и высасывал воду и сыр чеддер из тюбиков. Они находились на одном из зеркальных комплексов и, когда зеркало разлетелось на множество молекул, сели на этот аварийный корабль. Кроме того, их спуск был осложнен тем, что они находились на полярной орбите и теперь должны были приземлиться в районе южной полярной шапки.

Питер молча впитывал информацию. Потом их сильно затрясло, и в окнах

замелькали белые, затем желтые и, наконец, ярко-оранжевые оттенки. Под действием гравитации он вжался в кресло, у него помутнело в глазах и заболела шея.

— Какой же слабенький, — заметила одна из женщин, и он не понял, относилось ли это к нему или к их кораблю.

Затем перегрузка прекратилась, и в окнах прояснилось. Выглянув, он увидел, что они падали прямо на планету в крутом пике и до поверхности оставалось всего несколько тысяч метров. Он не верил своим глазам. Женщины сохраняли корабль в таком положении, пока не показалось, что они вот-вот врежутся в пустыню, но в последний момент выровняли его, и Питера снова прижало к креслу.

— Мило, — заметила одна из женщин, а затем бах! — и корабль уже двигался по напластованной земле.

Снова гравитация. Питер выбрался из корабля вслед за обеими женщинами, спустился по трубе и залез в крупный марсоход, ошеломленный и готовый

расплакаться. Внутри оказалось двое мужчин, которые громко приветствовали и обнимали женщин.

— А это кто?! — закричали мужчины.

— О, мы подобрали его там, он спрыгнул с лифта. Он еще немного в ступоре. Эй, — позвала его одна из спасительниц, улыбнувшись. — Мы сели, все хорошо.

≈ * ≈

Некоторые ошибки не исправляются никогда.

Энн Клейборн сидела в задней части марсохода Мишеля, расположившись на трех сиденьях, чувствуя, как колеса скачут вверх-вниз по камням. Ее первой ошибкой было то, что она прилетела на Марс, а второй — что влюбилась в него. Влюбилась в место, которое все жаждали уничтожить.

Снаружи марсохода планета менялась навсегда. Внутри же главное помещение освещалось окнами на высоте уровня пола, из которых была видна полоса местности, затененная их каменной крышей. Неровная гравийная дорога, тут и там заваленная обрушенными породами. Они находились на трассе Лабиринта, но ее во многих местах усеивали всякого рода валуны. Мишель не объезжал мелкие камни — марсоход двигался со скоростью примерно шестьдесят километров в час, и, когда наехали на слишком крупную глыбу, все подпрыгнули на своих сиденьях.

— Прошу прощения, — извинился Мишель. — Нам нужно выехать из Шанделье как можно скорее.

— Из Шанделье?

— Из Лабиринта Ночи.

Энн знала, что это место было названо так геологами с Земли, знавшими его по фотографиям долин Маринер. Но ничего не сказала. Желание говорить в ней погасло.

Мишель продолжал разговаривать негромким болтливым тоном, словно успокаивая их.

— Здесь есть несколько мест, в которых, если дорога разрушена, мы не сможем проехать на этих машинах. Поперечные уступы от стенки до стенки, огромные скопления валунов, все такое. Как только доберемся до Маринер, все будет нормально, там уже есть всевозможные маршруты по бездорожью.

— В этих машинах достаточно запасов, чтобы проехать по всему каньону? — спросил Сакс.

— Нет. Но у нас есть склады по всей его территории.

По-видимому, великие каньоны были чем-то вроде основных транспортных коридоров для тайной колонии. Когда построили официальную Каньонную трассу, это доставило им неудобств, обрезав многие из их маршрутов.

Энн слушала Мишеля из своего угла так же внимательно, как и остальные, — жизнь тайной колонии будила в ней любопытство, с которым

невозможно было совладать. Они использовали каньоны весьма искусно. Марсоходы, созданные для того, чтобы всегда оставаться здесь, маскировались так, чтобы походить на миллионы тех валунов, что лежали в больших скоплениях обломков, отколовшихся от склонов. Крыши машин и в самом деле представляли собой валуны, полые снизу. Высокая теплоизоляция не позволяла крышам нагреваться, и они не подавали инфракрасного сигнала, «тем более что повсюду разбросаны мельницы Сакса, которые путают общую картину». Также у марсоходов имелась изоляция снизу, благодаря чему они нагревали землю и не оставляли, как улитки, следов, по которым было бы видно, где они проезжали. Тепло, выделяемое гидразиновым мотором, шло на отопление жилых помещений, а весь его избыток передавался катушкам для дальнейшего использования; если же они вырабатывали его слишком много за время в пути, то катушки сбрасывались в ямы, которые выкапывали под машиной и засыпали реголитом. Ко времени, когда земля над катушками нагревалась, марсоход был уже далеко от того места. Так что они не подавали никаких тепловых сигналов, никогда не пользовались радио и передвигались только по ночам.

А днем отсиживались где-нибудь среди камней, «и даже если бы они стали сравнивать фотографии и заметили, что раньше нас не было на том или ином участке, мы все равно могли оказаться лишь одним из тысяч других камней, которые откололись от скал в ту ночь. Гравитационное перемещение пород сильно ускорилось с тех пор, как вы запустили терраформирование, потому что они замерзают и оттаивают каждый день. По утрам и вечерам что-то случается здесь каждые несколько минут».

— То есть нас не смогут заметить, — подытожил Сакс, и в его голосе слышалось удивление.

— Точно так. Ни визуального сигнала, ни электронного, ни теплового.

— Марсоход-невидимка, — добавил Фрэнк по внутренней связи из второй машины и хрипло рассмеялся.

Точно так. Настоящая опасность в этих местах — это обвалы, которые могут нас подстерегать. — Красный огонек, горевший на приборной панели, погас, и Мишель усмехнулся: — Мы продвигаемся так хорошо, что нам придется остановиться и закопать катушку.

— Разве здесь можно выкопать яму так быстро? — спросил Сакс.

— Здесь уже есть одна неподалеку, может, нам удастся до нее добраться. Она в четырех километрах. И я думаю, что нам это удастся.

— Да у вас тут целая система.

— Ну, мы все-таки прожили под землей четырнадцать лет — я имею в виду четырнадцать марсианских лет. Техника удаления тепла для нас имеет большое значение.

— Но как вам удается его удалять в постоянных жилищах, если, конечно, они у вас есть?

— Мы уводим его по трубам глубоко в реголит и топим лед, чтобы добывать воду. Или же выводим скрытыми каналами, замаскированными под твои мельницы. И это далеко не все способы.

— Мельницы были не лучшей идеей, — признал Сакс. Фрэнк, ехавший в другой машине, усмехнулся. Всего тридцать лет понадобилось Саксу, чтобы это понять, как сказала бы Энн, если бы захотела взять слово.

— Нет-нет, это превосходная идея! — сказал Мишель. — Они за это время выделили в атмосферу миллионы килокалорий.

— Любой мохол делает то же самое за час, — натянуто ответил Сакс.

Они завели спор о разных проектах терраформирования. Энн заставила их голоса звучать у

себя в голове так, будто они говорили на незнакомых языках, — это удалось ей на удивление легко, в последнее время суть всех разговоров была для нее едва различима, ей приходилось прилагать больше усилий, чтобы вникнуть в них, а не чтобы отстраниться. Не обращая на них внимания, она лишь ощущала, как Марс подскакивает и трясется под ней. Они ненадолго остановились, чтобы закопать нагретую катушку. Когда двинулись дальше, дорога стала более гладкой. Теперь они забрались вглубь Лабиринта, и в обычном марсоходе она сейчас смотрела бы сквозь световой люк на тесные и крутые стены каньона. Они двигались по рифтовым долинам, расширившимся благодаря обвалам, — когда-то в них был лед, теперь сместившийся в водоносный слой Комптон, что предположительно находился под Лабиринтом.

Энн подумала о Питере и бессильно содрогнулась. Никто этого не замечал, но страх не давал ей покоя. Саймон тайком приглядывал за ней, на его лице отражалось беспокойство, и она вдруг возненавидела его собачью преданность, собачью любовь. Ей не хотелось, чтобы о ней заботились таким образом, это было тяжкое, нестерпимое бремя.

На рассвете они остановились. Два каменных марсохода припарковались на краю участка, где сгрудились похожие на них, валуны. Целый день прибывшие сидели в машинах, поедая разведенную водой или нагретую в микроволновках пищу, пытаясь поймать телевизионные или радиопередачи. Но ничего путного из этого не вышло — лишь редкие порывы речей на разных языках и кодировках. Эфирный мусор, разбавленный несвязной мешаниной. Казалось, будто резкие вспышки помех служили отражением электромагнитных импульсов. Но, по словам Мишеля, электроника марсохода была приспособлена к суровым условиям. Сейчас он сидел в своем кресле с таким видом, будто медитировал. Новое упокоение для Мишеля Дюваля, подумала Энн. Он словно привык ждать и прятаться целыми днями. Его напарника, молодого водителя второй машины, звали Касэй. Нотки угрюмого неодобрения так и не пропадали из его голоса. Что ж, они этого заслуживали. После полудня Мишель показал Саксу и Фрэнку место, где они находились, на топографической карте, которую вывел на экраны обеих машин. Их путь по Лабиринту лежал с юго-запада на северо-восток, по одному из крупнейших его каньонов. Начинаясь

с зигзагов на востоке, путь этот тянулся по крутому спуску, пока они не оказались в обширной области между Лабиринтом и изголовьем каньонов Ио и Титония. Мишель называл это место проломом Комптон. Это была хаотическая земля, и пока они не пересекли ее, чтобы попасть в Ио, Мишель не мог найти покой.

— Просто без этой неровной дороги местность была фактически непроходимой, — сказал он. — И если они догадаются, что мы покинули Каир в этом направлении, то могут просто ее разбомбить.

Они проехали около пятисот километров за предыдущую ночь — пересекли почти весь Лабиринт; еще одна такая ночь, и они доберутся до Ио, оставив позади свою полную зависимость от единственного маршрута.

День выдался темный, воздух полнился коричневыми частицами, дули сильные ветры. Новая пыльная буря — в этом не возникало сомнений. Температура быстро падала. Сакс фыркнул, когда услышал голос по радио, сообщивший, что буря становится глобальной. Мишель, однако, был доволен. Это означало, что теперь они смогут передвигаться и днем, вдвое быстрее прежнего.

— Нам нужно проехать пять тысяч километров,

и бóльшая часть пути пролегает по бездорожью. Если мы сможем ехать еще и днем, это будет чудесно, я так не ездил со времен Великой бури.

На следующий день они уже спустились в пролом Комптон и в тесный каньон Ио, после чего Мишель наконец расслабился.

Ио был самым узким из всех каньонов в системе Маринер — в месте, где он отходил от пролома Комптон, отделяя равнину Синай от цепочки Титания, ширина его составляла всего двадцать пять километров. Каньон представлял собой глубокий разрез между этими двумя плато, длинную и узкую расщелину. Но они видели стены лишь мельком, сквозь пузырьки воздуха среди пыли. И они ехали дальше по ровному, но усыпанному камнями пути на протяжении всего долгого, тусклого дня. В машине было тихо, радио они приглушили, чтобы не так раздражал шум помех. По камерам, что располагались выше окон, хлестала пыль, и казалось, что они вообще еле двигались. А нередко создавалось даже ощущение, будто они просто крутятся по оси.

Вести машины было тяжело, и Саймон с Саксом сменяли Мишеля и Касэя, следуя их указаниям. Энн по-прежнему молчала, и они не просили ее садиться за руль. Сакс вел, то и дело поглядывая

на экран, куда выводились атмосферные показания. А ей и из своего конца машины было видно: его искин показывает, что из-за падения Фобоса атмосфера стала заметно утолщаться, а давление выросло на пятьдесят миллибар, что было теперь огромным количеством. И из новообразованных кратеров все еще исходили газы. Сакс заметил это изменение с совиным удовлетворением, словно позабыв о смертях и разрушении. Уловив ее взгляд, он отозвался:

— В нойскую эру, наверное, так же было. — Он хотел сказать что-то еще, но Саймон взглядом заставил его умолкнуть, и он сменил тему.

В другой машине Майя и Фрэнк проводили часы, наперебой засыпая Мишеля вопросами о тайной колонии, обсуждая с Саксом текущие физические изменения или рассуждая о войне. Бесконечно все это перемалывали, пытались прочувствовать, понять, что случилось. Говорили, говорили, говорили. Когда наступит Судный день, думала Энн, когда мертвые восстанут из земли, Майя и Фрэнк будут по-прежнему говорить, пытаясь понять, что случилось. Почему все вдруг нарушилось.

На третью ночь машины достигли нижнего конца Ио и подобрались к протяженному лем-

нискатному ребру, разделяющему каньон. Они проехали по официальной Маринерской трассе до южной развилки. В последний час перед рассветом они увидели в небе облака, а потом сам восход выдался светлее, чем в предыдущие дни. Поэтому им пришлось снова скрыться, и они остановились среди нагромождения опавших камней у подножия южной стены каньона, где стали пережидать день, собравшись в головной машине.

Оттуда им открывался вид на широкий простор Меласа, крупнейшего каньона. В Ио породы были грубыми и темными в сравнении с гладким красным дном Меласа; Энн считала возможным, что эти два каньона образовались из пород древних тектонических плит, которые при смещении наложились навсегда друг на друга.

Там они и сидели весь день, болтая, все время начеку, изнуренные, с грязными растрепанными волосами, чумазыми от вездесущих красных частиц лицами. Вокруг то появлялись облачка, то расстилалась мгла, то вдруг открывались прозрачные зоны.

Ближе к вечеру марсоход без всякого предупреждения покачнулся на рессорах. Встрепенувшись, они подскочили, чтобы взглянуть на

экраны. Камера заднего вида была направлена на Ио, и Сакс ткнул в экран пальцем, показывая, что увидел.

— Мороз, — произнес он. — Интересно…

На камере было видно, как морозный пар подбирался к ним, сгущаясь и опускаясь ниже по каньону. Трасса проходила по уступу над основным дном южной развилки Ио; и это стало для них удачей, потому что с ревом, сотрясшим их марсоход, основное дно исчезло за низкой стеной черной воды и грязной белой кашицей. С сокрушительной силой куски льда, кувыркающиеся камни, пена, грязь и вода, смешавшись, устремились вниз по центру каньона. Грохот при этом походил на раскаты грома. Даже внутри машины невозможно было услышать друг друга, и сама машина дрожала под ними.

Дно каньона в районе их уступа тянулось поперек километров на пятнадцать. И всю его площадь затопило в считанные минуты, после чего наводнение начало подниматься в нижней его части над длинными склонами осыпания. Ее поверхность замерла, сосредоточившись вокруг этой естественной плотины, и затвердела прямо у них на глазах, превратившись в комковатое обесцвеченное нагромождение льда,

как-то странно застывшее. Теперь они уже могли слышать собственные крики сквозь треск, рокот и вездесущий рев, но говорить тут было не о чем. Они лишь уставились на низкие окна и экраны, совершенно ошеломленные. С поверхности жижи поднимался морозный пар, который теперь развеялся до легкого тумана. Но не более чем через пятнадцать минут ледяное озеро прорвалось с нижнего края, и черная кипящая вода хлынула потоком, словно лавиной снеся прочь насыпную плотину. Нижняя часть каньона снова наполнилась жижей, и ее передняя кромка, теперь вне их поля зрения, неслась по громадному склону из Ио в Мелас.

Теперь по долинам Маринер бежала река — широкая, испускающая пар, насыщенная льдом. Энн видела видеозаписи прорывов на севере, но никогда не присутствовала при этом лично. А здесь, увидев все как есть, сочла это зрелище практически непостижимым. Казалось, будто весь окружающий ландшафт заговорил на незнакомых языках. В воздухе прогремел неясный грохот, и они нутром ощутили дрожь, будто некий низкий звук прошел по ткани, из которой соткан сам мир. Соотносящийся с ним хаос предстал и перед глазами — бессмысленная каша, на

которой ей не удавалось ни как следует сосредоточиться, ни различить ближнее от дальнего, движущееся от статичного, вертикальное от горизонтального, светлое от темного. Она теряла способность воспринимать то, что говорят ей ее чувства. Лишь с огромным трудом ока могла различить своих спутников в машине. Она не знала точно, слышала она что-то или нет. Она не могла смотреть на Сакса, но его она хотя бы как-то воспринимала. Он хоть и пытался скрыть это от нее, но было заметно, что он пришел в восторг от всего происходящего. За его безмятежной, сухой наружностью всегда скрывалась страстная натура, и она знала об этом. Сейчас он разрумянился, словно был в жару, и не смотрел на нее — он знал, что ей ясны его чувства. Она презирала его неспособность встретить ее взгляд, даже несмотря на то, что причиной тому было своего рода уважение к ней. А еще ей не нравилось то, как он не отрывался от своего экрана — и ни разу не взглянул даже в низкие окна марсохода, чтобы своими глазами увидеть наводнение. «С камер лучше видно», — ответил он Мишелю, когда тот предложил ему посмотреть. И лишь спустя полчаса наблюдений за первым наводнением по телевизору он переключился на экран своего

искина, чтобы вычислить, как это подействует на его проект.

Вода неслась по Ио, замерзала, прорывалась и неслась снова, прямо в Мелас. Доберется ли она до Копрата, затем до Капри и Эос и, наконец, до хаоса Золотой Рог?.. На первый взгляд так не казалось, но водоносный слой Комптон был не просто крупным — одним из крупнейших из всех обнаруженных. Долины Маринер, весьма вероятно, во многом обязаны своим существованием более ранним воплощениям этого слоя, а купол Фарсида никогда не прекращал выпускать газ…

Она обнаружила себя лежащей на полу марсохода; она незаметно для себя переместилась туда, наблюдая за наводнением, пытаясь постичь его. Она пыталась высчитать в уме его течение, просто чтобы лучше сосредоточиться на том, что видела, чтобы вырваться из бесчувственности, что грозила поглотить ее целиком. Сама того не желая, она была заворожена своими расчетами, восхищалась открывшимся видом и даже самим потопом — ведь это уже случалось на Марсе миллиарды лет тому назад и, вероятно, выглядело так же, как сейчас. Повсюду были признаки катастрофических наводнений, береговых террас, лемнискатных островков, русел каналов, размы-

тых участков… И старые прорванные водоносные слои заполнились снова — поднявшимися глубинными водами Фарсиды, а также теплом и испарениями, что они выделяли. Это был медленный процесс, но если дать ему миллиард лет…

Она заставила себя сосредоточиться и увидеть это. Ближайший край наводнения находился на расстоянии километра от них и в двухстах метрах ниже. До подножия северной стены Ио было километров пятнадцать, и потоп простирался вправо от нее. Глубина полужидкой массы достигла метров десяти, судя по гигантским валунам, что неслись вниз по течению, словно шары для боулинга Большого человека, разбивая лед в осколки и устремляясь вслед за ними черными громадами. Вода на открытых участках бежала со скоростью порядка тридцати километров в час. Получается — она понажимала на клавиши своей наручной панели, — где-то в районе четырех с половиной миллиардов кубометров в час. Это сопоставимо с сотней Амазонок, только протекающих с перерывами — замерзая и образовывая бесконечные ряды плотин, что создавали преграды и прорывались, целые озера, что испускали пар, стекая вниз по каналам и склонам, которые им только попадались, оголяя землю до самых

коренных пород, а затем разрывая и эти породы… Лежа на полу марсохода, Энн могла ощущать этот штурм скулами — благодаря безумно трясущейся земле. Таких толчков на Марсе не было уже миллионы лет, чем объяснялось нечто иное, что она видела, но не способна была постичь — северная стена Ио перемещалась. Целая скала со всеми своими утесами расслаивалась и обрушивалась в каньон, сотрясая землю, вызывая тем самым еще больше обвалов, а исполинские волны смывали все в пучину, но вода снова наваливалась на лед, рассекая скалу на части, заполняя собой ее поры, и оттуда восходил такой плотный морозный пар, что в пыльном воздухе северная стена была видна лишь урывками.

Южная стена, без сомнения, терпела такие же разрушения, однако их вид на нее, нависавшую над их дорогой по правую сторону, был значительно обрезан. Но она точно упадет. И если она станет расслаиваться над ними — они погибнут. Судя по тому, что ей удавалось увидеть, шансы на это могли достигать пятидесяти процентов. Впрочем, у северной стены, похоже, было хуже: там потоп подобрался к самому подножию, тогда как южная была удалена от него уступом, по которому они как раз ехали. Так что южные утесы

устойчивее…

Но затем что-то привлекло ее внимание, что-то, что она заметила ниже по течению. Там южная стена рушилась целыми кусками пород. Основание утеса взорвалось, подняв облако пыли, застлавшее весь склон, а верхняя часть соскользнула в это новое облако и также исчезла. Секунду спустя вся эта масса показалась снова, горизонтально вылетая из облака, — удивительное зрелище. Шум был неприятно громким, даже в машине; затем все медленно рухнуло в воду — камни раздавили лед и преградили течение, мгновенно создав плотину, застопорившую бóльшую часть воды, что неслась вниз по каньону, отчего уровень наводнения тут же начал подниматься. Энн смотрела на ледяную поверхность берега, что лежала ниже разрыва, и там были лишь куски льда, сносящиеся в черную пенящуюся, испускающую пар воду, стремительно поднимающуюся к их марсоходу. Если обвалы будут продолжаться, потоп поглотит машины. Энн всмотрелась в длинный черный кусок скалы впереди — над жижей осталась лишь узкая ее полоса. Но жижа продолжала подниматься. Это была своего рода гонка. Ванна Большого человека, которая осушалась, тогда как он выливал в нее

новые ведра воды. Глядя на то, как быстро поднимался уровень озера, Энн решила пересмотреть свою оценку скорости течения. Она ощутила себя парализованной, отрешенной, в странном спокойствии — ей стало безразлично, прорвется ли плотина до того, как жижа доберется до них, или нет. И в оглушительном реве она почувствовала, что ничуть не хотела говорить об этом с другими, — это представлялось ей попросту невозможным. Она обнаружила, что некоторым образом была даже рада этому наводнению. Оно было способно все исправить.

Но затем образованная обвалом плотина исчезла под бесцветной кашей, и все устремилось вниз громадной массой. Только появившиеся озерца проваливались у них на глазах, куски льда на их поверхности трещали, ударяясь и сталкиваясь, взлетая высоко в воздух, — и все это с фантастической громкостью, все различимые ноты звучали в одночасье. Должно быть, громкость поднималась далеко за сто децибел. Она заткнула уши пальцами. Машина подпрыгивала на месте. Дальше по течению виднелось еще больше обвалов, явно вызванных резкими колебаниями воды; толчки приводили к новым разрушениям, пока не показалось, что водой был

заполнен весь каньон. И среди шума и вибрации они уже думали, что шансов выжить в этих машинах у них не осталось. Путники вцепились в ручки своих кресел или приникли к полу, как Энн, окруженные ревом. По их венам неслась отвратительная смесь льда и адреналина; даже Энн, которой все было безразлично, заметила, что у нее участилось дыхание и напряглись мышцы.

Когда они снова могли слышать друг друга, то спросили Энн, что случилось. Она отрешенно смотрела в окно, не обращая на них внимания. Похоже, они все-таки остались в живых — по крайней мере, еще на какое-то время. Поверхность жижи теперь превратилась в самую хаотическую землю, какую ей когда-либо приходилось видеть, — лед рассыпался, образовав равнину острых осколков. В своей высшей точке озеро поднялось по их уступу, остановившись всего в сотне метров под ними; перемещенная влажная земля в том месте меньше чем за двадцать секунд вместо темно-ржавой стала грязно-белой. Столько составляло время замерзания на Марсе.

Сакс все это время оставался в кресле, поглощенный мерцанием своего экрана. «Много воды испарится или, вернее, замерзнет и возгонится», — пробормотал он, не обращаясь ни к кому

конкретно. Вода была очень чистой, почти как дистиллированная, но потом становилась насыщенным пылью снегом и падала где-то в другом месте. Содержание воды в атмосфере могло вырасти настолько, что снег выпадет несколько раз, а то и будет идти постоянно — совершая циклы выпадения и возгонки. Таким образом, паводковые воды будут распределены более-менее равномерно, кроме разве что наиболее высоких точек Резко возрастет альбедо. Им даже придется понизить его, предположительно с помощью снежных водорослей, созданных ахеронской группой. («Только самого Ахерона больше нет», — подумала Энн.) Черный лед мог таять днем и замерзать ночью. Возгоняться и выпадать осадками. И тогда у них появится целый водный пейзаж: потоки будут собираться, объединяться, стекать по склонам, замерзать и заполнять трещины в породах, возгоняться и выпадать в виде снега, оттаивать и начинать все заново. Мир, покрытый либо ледником, либо грязью, бóльшую часть времени. Но все равно это будет водный пейзаж.

И все, что было в марсианском рельефе прежде, теперь исчезнет. Красного Марса больше не будет.

Энн лежала на полу у окна. Слезы текли из ее

глаз, стремясь присоединиться к наводнению; минуя плотину в виде носа, спускаясь по правой щеке к уху, так, что половина ее лица стала влажной.

— Это усложнит нам спуск по каньону, — сообщил Мишель со слабой галльской улыбкой, и Фрэнк в другой машине рассмеялся.

На самом деле все выглядело так, что им не удастся проехать и пяти километров. Каньонная трасса прямо перед ними была полностью погребена под завалами. Новый кусок скалы был раздроблен и ослаблен, снизу подорван наводнением, сверху ему грозил очередной обвал.

Они долго спорили, стоит ли хотя бы пытаться проехать дальше. Им приходилось громко разговаривать, чтобы услышать друг друга сквозь громкий, как шум реактивного двигателя, гул потопа, который все бурлил, не подавая признаков ослабления. Надя считала попытку спуска самоубийственной, но Мишель и Касэй были вполне уверены, что они сумеют выбраться, и после пешей разведки, на которую потратили целый день, смогли убедить Надю. Она согласилась попробовать, а остальные были солидарны с ней. И на следующий день, защищенные от возможной слежки пылевой бурей и паром, поднимающим-

ся над паводковой водой, они разделились по машинам и медленно приступили к спуску.

Это была грубая масса гравия и песка, щедро разбавленная крупными булыжниками. Возле уступа тем не менее находился относительно ровный участок. Проехать можно было только по нему — достаточно было лишь найти свободный путь по поверхности, напоминающий плохо перемешанный бетон, среди валунов и редких зияющих дыр. Мишель смело вел машину, с упрямством, граничащим с безрассудством.

— Вынужденные меры, — бодро объяснил он. — Могли бы вы представить, что мы заехали бы на такую землю при нормальном ходе дел? Это было бы безумием!

— Это и так безумие, — недовольно заметила Надя.

— Ну а что нам остается? Мы не можем вернуться, не можем сдаться. Настало время испытать силу человеческой души![86]

— Да уж кому как.

— Это вообще-то цитата. Ты знаешь, что я имею в виду. У нас просто нет возможности вернуться назад. Изголовье Ио будет затоплено от стенки до

---

[86] Примечания: 86

Из статьи англо-американского политического теоретика Томаса Пейна, входящей в цикл «Американский кризис» 1776 года.

стенки. Это, наверное, меня даже радует. Когда для нас все было так же предопределено? Прошлое смыто прочь, и это все, что имеет значение. Есть только настоящее и будущее. И будущее проходит по этому полю камней, и вот мы здесь. И, как знаешь, собрать больше всего сил удается только тогда, когда нет обратного пути, когда двигаться можно только вперед.

И они двинулись вперед. Но уверенность Мишеля существенно поубавилась, когда вторая машина свалилась в дыру, скрытую под грудой валунов. Приложив некоторые усилия, они сумели открыть передний шлюз и вытащить Касэя, Майю, Фрэнка и Надю. Но достать машину было совершенно невозможно, не имея ни подъемника, ни рычага. Поэтому они взяли оттуда столько припасов, сколько сумели вместить в головную машину, и поехали дальше, ввосьмером в одном марсоходе.

Когда обвалы остались позади, ехать стало легче. Они спустились по каньонной трассе в Мелас, где увидели, что дорога была построена довольно близко к южной стене, и, поскольку это был весьма широкий каньон, потопу открывалось здесь много места и он несколько склонялся к северу. Звук до сих пор стоял такой же, как если

бы воздухосборники работали на полной мощности прямо у них за дверьми, но дорога проходила гораздо выше и южнее наводнения, над которым все так же поднималась завеса морозного пара, заполнявшая весь каньон, заслоняя им вид на север.

Пару ночей они продвигались без особых трудностей, пока не достигли отрога Женева, торчащего из гигантской южной стены почти у самого края наводнения. Здесь официальная трасса объединялась с тем, что теперь стало направлением потопа, и им необходимо было найти путь, пролегающий где-нибудь выше. Препятствия в виде валунов, которые встречались им на нижних склонах отрога, давались марсоходу с трудом. Однажды они чуть не въехали в нависающий круглый камень, и Майя закричала на Мишеля, обвиняя его в неосторожности. Она сама села за руль, тогда как Мишель, Касэй и Надя выбрались наружу в прогулочниках. Они, поддев камень, убрали его с пути, а потом пошли вперед, чтобы разведать путь.

Фрэнк и Саймон помогали Майе высматривать помехи, пока она вела машину. Сакс все так же не отрывался от своего экрана. Фрэнк время от времени включал телевизор и искал сигналы, пы-

таясь разобрать новости по редким однотонным голосам, которые улавливало радио. На самом гребне отрога Женева, следуя по невероятно тонкой асфальтированной нити Трансканьонного шоссе, они оказались достаточно далеко от южной стены и смогли получить сигнал, из чего было ясно, что никакой глобальной бури не было. И действительно — некоторые дни скорее можно было счесть неясными, чем застланными пылью. Сакс заверил, что это заслуга сравнительного успеха противопыльных мероприятий, которые проводились после Великой бури, но никто его не поддержал. Фрэнк заметил, что мгла, замутившая воздух, скорее помогала, проясняя слабые радиосигналы. Сакс объяснил это стохастическим резонансом. Такой феномен казался нелогичным, и Фрэнк расспросил Сакса о нем. Поняв суть, он невесело рассмеялся.

— Может, вся эмиграция тоже была стохастическим резонансом, который усилил слабый сигнал революции.

— Не думаю, что есть смысл строить аналогии между физическим и социальным миром, — серьезно возразил Сакс.

— Заткнись, Сакс. Возвращайся в свою виртуальную реальность.

Фрэнк все еще злился; горечь выходила из него, как морозный пар, поднимавшийся над жижей. Он заваливал Мишеля вопросами о тайной колонии, вспышки любопытства случались у него по два-три раза в день. Энн была счастлива, что не окажется на месте Хироко, когда та встретится с Фрэнком. Мишель отвечал на его изобличительные вопросы спокойно, не обращая внимания на саркастические нотки и яростный блеск в глазах Чалмерса. От попыток Майи охладить его Фрэнк лишь сильнее злился, но она не отступала. Энн была впечатлена ее настойчивостью, невосприимчивостью к грубым отмашкам Фрэнка. Этой стороны Майи Энн никогда не знала — та была самым непостоянным человеком из ее окружения. Но не сейчас, когда так накалялись страсти.

Наконец они обогнули отрог Женеву и вернулись на уступ, проходивший под южным откосом. Путь на запад часто преграждали обвалы, но у путешественников всегда оставалось место, чтобы обойти их по левую сторону. Продвигались они довольно быстро.

Затем достигли восточного края Меласа. Здесь величайший из каньонов сужался и спускался на несколько сотен метров к двум параллельным каньонам Копрат, разделенным узким плато.

Южный Копрат заканчивался тупиком, упираясь в поперечную скалу примерно в 250 километрах; Северный же соединялся с нижними каньонами на востоке, и по одному из них они собирались ехать дальше. Северный Копрат был самым длинным односегментным участком в системе Маринер; Мишель называл его Ла-Маншем, и, подобно этому каналу, он сужался ближе к востоку, пока не достигал шестидесятой долготы, где превращался в гигантское ущелье с крутыми утесами высотой в четыре километра, глядящими друг на друга через проход в каких-то двадцать пять километров. Мишель называл это ущелье Дуврским проливом[87] здесь даже стены утесов были белесыми.

Так они и ехали по Северному Копрату, и утесы все сильнее смыкались над ними с каждым днем. Наводнение затопило дно каньона почти по всей ширине, а течение его было таким стремительным, что лед на его поверхности разламывался на небольшие льдины, которые разлетались, сталкиваясь со стоячими волнами, и каскадами обрушивались обратно, — неистовый белый поток с силой сотни Амазонок и

[87] Примечания: 87

Дуврский пролив, или Па-де-Кале — самая узкая часть пролива Ла-Манш.

усеянный айсбергами. Все, что лежало на дне каньона, вырывалось, уносилось со своих мест и устремлялось порывами воды, красной, словно пульсирующая ржавая кровь, словно планета истекала ею до смерти. Шум стоял невероятный, такой непрерывный и всепоглощающий, что притуплял мысли и делал разговоры почти невозможными: им приходилось кричать во всю силу своих легких, и они быстро сократили свое общение до необходимого минимума.

Но затем возникла острая необходимость покричать, когда они, подобравшись к Дуврскому проливу, обнаружили, что дно каньона почти полностью занято наводнением. Их уступ под южной стеной ущелья достигал не более двух километров в ширину и сужался с каждой минутой. Казалось, весь уступ мог оторваться в мгновение ока. Майя кричала, что ехать дальше слишком опасно и нужно вернуться назад. Если они сделают круг и поднимутся к тупику Южного Копрата, кричала она, если им удастся выбраться на плато, что начиналось выше, то они смогут обойти низины Копрата и достичь Золотого Рога.

Мишель упрямо кричал, что нужно ехать дальше по уступу.

— Если поторопимся, то все получится! Мы

должны попробовать! — А когда Майя продолжила возражать, настойчиво добавил: — Конец Южного Сопрата слишком крутой! На машине там никак не подняться — там такой же утес, как вот эти. И у нас не так много припасов, чтобы прибавлять столько лишних дней пути! Мы не можем вернуться!

Ответом ему был лишь безумный рев наводнения.

Они сидели в машине, каждый думал о своем, отдаленные этим ревом друг от друга так, словно между ними были многие километры. Энн обнаружила в себе желание, чтобы уступ ушел из-под их колес или чтобы обрушился кусок южной стены, тем самым положив конец их нерешительности и этому отвратительному, сводящему с ума шуму.

Они продвигались дальше. Фрэнк, Майя, Саймон и Надя стояли за спинами Мишеля и Касэя, следя за дорогой. Сакс сидел перед своим экраном, растянувшись, как кот, близоруко уставившись на изображение потопа. Поверхность ненадолго замерла, застыла, а потом взрывоподобный шум затих до интенсивного низкого гула.

— Это похоже на Гранд-Каньон в увеличенном гималайском масштабе, — заметил Сакс, вроде

бы ни к кому не обращаясь, хотя слышать его могла лишь Энн. — Ущелье Кали Гандейки имеет в глубину всего три километра, да? А между Дхаулагири и Аннапурной[88] всего сорок-пятьдесят километров, кажется. Если заполнить место между ними таким наводнением, как… — Он не смог вспомнить наводнения, которое подошло бы для сравнения. — Вот интересно, что вся эта вода делала так высоко в куполе Фарсиды?

Треск, похожий на звуки выстрелов, известил о новом прорыве. Поверхность несущейся массы прорвалась и ринулась вниз по течению. Их внезапно окутал белый шум, поглотив все, что они говорили или думали, будто сама вселенная начала вибрировать, словно басовый камертон.

— Газы выходят, — сказала Энн. — Газы выходят. — Губы ее стали жесткими, оттого что она давно не разговаривала. — Фарсида лежит на поднявшейся магме. Сам по себе камень не способен поддержать вес, купол бы рухнул, если бы его не поддерживало направленное вверх течение в мантии.

— Я думал, там не было мантии… — Она еле слышала Сакса сквозь шум.

---

[88] Примечания: 88
Горы-восьмитысячники в Гималаях.

— Нет-нет. — Ей было все равно, слышит он ее или нет. — Она просто успокоилась. Но течения там остались. И со времен последних великих наводнений они заново заполнили высшие водоносные слои на Фарсиде. При этом слои вроде Комптона находились в достаточном тепле, чтобы оставаться в жидком состоянии. В конце концов гидростатические давления достигли предела. Но при меньшем вулканизме и не таких крупных ударах метеоритов ничего бы не сдвинулось с места. Они могли оставаться заполненными до краев миллиарды лет.

— Это Фобос их вскрыл?

— Может быть. Но скорее — расплавление в ядерном реакторе.

— Ты знала, что Комптон окажется таким крупным? — спросил Сакс.

— Да.

— Я никогда об этом не слышал.

— Нет.

Энн пристально смотрела на него. Разве он никогда не слышал, как она об этом говорила?

Слышал. Сокрытие данных! Он был поражен, она ясно это видела. Он не мог представить причин, которыми можно было оправдать сокрытие данных. Наверное, в этом прятался корень их

неспособности понимать друг друга. Их системы ценностей основывались на разных положениях. Это были науки совершенно разного толка.

Он прочистил горло.

— Ты знала, что он жидкий?

— Догадывалась. Но теперь мы точно знаем.

Сакса передернуло, и он вывел себе на экран изображение с левой боковой камеры. Черная пенящаяся вода, серые обломки, колотый лед, валуны, похожие на переворачивающиеся игральные кости, стоячие волны, застывающие на месте, обрушивающиеся и исчезающие в облаках морозного пара… Шум вновь возрос до громкости реактивного двигателя.

— Я бы так не поступил! — воскликнул Сакс.

Энн пристально смотрела на него. Он напряженно вглядывался в телевизор.

— Я знаю, — сказала она. И она снова устала от разговоров, устала от своего бессилия. Она никогда не ощущала этого так явно, как сейчас, когда шептала при оглушительном реве планеты, еле слышно и почти неразличимо.

Они ехали по Дуврскому проливу так быстро, как могли, все так же следуя по спуску Кале — Мишель прозвал так их уступ. Но скорость была раздражающе медленной, это была отчаянная

попытка продраться на марсоходе мимо обвалов, покрывающих всю узкую террасу; повсюду были разбросаны камни, и потоп поглотил землю, что лежала слева от них, и продолжал сужать уступ с заметной скоростью. Перед ними и позади них обваливались стены утеса, и не раз отдельные камни врезались в крышу машины, заставляя их подпрыгивать на месте. Существовала большая вероятность того, что в них попадет и более крупный камень, который раздавит их как букашек, без какого-либо предупреждения. От этой мысли всем было не по себе — только Энн она доставляла удовольствие. Теперь ее оставил даже Саймон, который присоединился к общим навигационным усилиям и стал выходить на разведку с Надей, Фрэнком или Касэем, довольный, как ей казалось, тем, что у него появилось оправдание не быть рядом с ней. А почему бы и нет?

Они тряслись со скоростью в пару километров в час. Ехали всю ночь и весь следующий день, даже несмотря на то что мгла рассеялась до такой степени, что их можно было заметить со спутников. Другого выбора у них не было.

Затем они, наконец, одолели Дуврский пролив, и Копрат снова раскрылся перед ними, предоставив некоторую свободу. Потоп теперь бурлил в

нескольких километрах к северу.

Когда наступили сумерки, они остановили машину после сорока с лишним часов непрерывного движения. Они встали и потянулись, пошевелили ногами, отошли в заднюю часть марсохода и вместе поужинали разогретой в микроволновке едой. Майя, Саймон, Мишель и Касэй находились в приподнятом настроении, довольные тем, что им удалось пройти пролив; Сакс был таким же, как всегда; Надя и Фрэнк — немного угрюмее обычного. Поверхность полужидкой массы на некоторое время замерзла, но ее все еще было слышно и никто не мог говорить без боли в горле. Поэтому они ели, сосредоточившись на своих малых порциях, общаясь лишь обрывками фраз.

В конце их молчаливого ужина Энн с любопытством оглядела своих товарищей, вдруг почувствовав восхищение людской способностью приспосабливаться к разным условиям. Вот они ели свой ужин, переговариваясь под низкий гул, доносящийся с севера, создавая идеальную иллюзию праздничного ужина в столовой; это могло быть где угодно и когда угодно, их лица сияли от общего успеха или просто от удовольствия совместного ужина — в то время как за

пределами их помещения ревел разрушенный мир, а обвал мог похоронить их в любое мгновение. И тут она поняла, что приятная и безопасная обстановка столовых всегда противопоставлялась подобному окружению, катастрофическому фону из вселенского хаоса; такие минуты спокойствия были столь же хрупки и мимолетны, как мыльные пузыри, обреченные лопаться почти так же быстро, как, надуваясь, являлись в этот мир. Компании друзей, комнаты, улицы, годы — всему этому когда-то наступал конец. Иллюзия устойчивости создавалась совместным усилием, направленным на то, чтобы игнорировать хаос, в который все было заключено. И они ели, говорили, наслаждались компанией друг друга; так же было в пещерах, в саваннах, в жилищах, котлованах и городах, разрушенных бомбами.

И вот в это мгновение бури Энн Клейборн воспрянула духом. Встала, подошла к столу. Взяла тарелку Сакса — того самого, кто первым вывел ее из оцепенения, — затем Нади и Саймона. Поднесла их к маленькой магниевой раковине. И пока мыла посуду, ощутила жесткое движение в горле; она с хрипом участвовала в беседе, стараясь внести свою долю в эту иллюзию человеческого мира.

— Бурная ночь! — сказал ей Мишель, стоя позади нее, пока она сушила тарелки.

— И в самом деле бурная!

На следующее утро она проснулась раньше остальных и взглянула на лица спящих друзей, которые, как стало заметно теперь, при свете дня, были крайне потрепаны — грязные, опухшие, потемневшие от обморожений, раскрывшие рты в полном изнеможении. Они выглядели мертвыми. А она ничуть им не помогала — даже наоборот! Он была бременем для группы; каждый раз, когда они отходили в заднюю часть машины, им приходилось переступать через сумасшедшую, лежащую на полу которая отказывалась говорить, часто плача и явно страдая тяжелой депрессией. Как раз то, что им нужно!

Пристыженная, она поднялась и тихонько закончила уборку основного помещения и водительской кабины. А позднее в тот день села за руль и, продержавшись шестичасовую смену, истратила все силы. Зато вывела их далеко на восток от Дуврского пролива.

На этом их проблемы, однако, не закончились. Копрат немного расширился, да, а южная стена по большей части оставалась цела. Но на этом участке была длинная гряда, теперь превратив-

шаяся в остров, тянущийся к середине каньона и делящий его на северный и южный каналы, — причем южный канал был ниже северного, так что вся бурлящая масса неслась прямо к нему, тесно прижав их к южной стене. К счастью, на уступе у них осталось пять километров между потопом и самой стеной; но жижа была так близко от них слева, а крутые утесы — справа, что их не покидало чувство опасности. И чтобы говорить, им приходилось через раз подымать голос; треск обвалов, казалось, поселился у них в ушах, отчего им было как никогда трудно сосредотачиваться, что-то замечать и даже просто думать.

В один день Майя ударила кулаком по столу и крикнула:

— Мы не можем просто подождать, пока островная гряда не разрушится?

После неловкой паузы Касэй ответил:

— Она тянется сотни километров.

— Вот дерьмо… А если подождать, когда наводнение закончится? Я хочу сказать, сколько еще так может продолжаться?

— Месяцы, — ответила Энн.

— Мы сможем столько ждать?

— У нас еда на исходе, — объяснил Мишель.

— Мы должны двигаться дальше, — гаркнул

Фрэнк на Майю. — Не дури.

Она бросила на него сердитый взгляд и отвернулась, явно пылая гневом. Марсоход вдруг показался слишком маленьким, словно кучку тигров и львов заперли в собачьей будке. Саймон и Касэй, стесненные возникшим раздражением, оделись и вышли посмотреть, что ждало их впереди.

За тем, что они называли островной грядой, Копрат расширялся, как труба с глубокими прогибами под расходящимися в стороны стенами каньона. Северный прогиб, он же каньон Эос, тянулся как продолжение Копрата. Из-за наводнения у них не было иного пути, кроме как через Эос, но, по словам Мишеля, этот вариант они выбрали бы в любом случае. Здесь южный утес становился немного ниже, его изрезали глубокие ниши и испещряла пара крупных метеоритных кратеров. Каньон Капри изгибался к северо-востоку; между двумя каньонами-прогибами был невысокий треугольный останец, ставший теперь полуостровом, делящим течение потока надвое. Но, к сожалению, вода заполнила то, что находилось ниже Эоса, так что, хоть они и не были в такой тесноте, как в Копрате, их все равно прижало к утесу. Они двигались медленно, по

совершенному бездорожью и с иссякающими запасами еды и воздуха. Хранилища уже почти опустели.

Они устали, очень устали. С тех пор, как они бежали из Каира, прошло двадцать три дня, они проехали по каньону 2 500 километров и все это время спали посменно, почти беспрерывно вели машину и жили при несмолкаемом реве мира, который разваливался на куски, обрушивая их буквально им на головы. Они были слишком стары для этого, как не раз замечала Майя, и их нервы были истерзаны, они делали все кое-как, совершали мелкие ошибки, впадали в краткие микропорывы сна.

Уступ, служивший им дорогой между утесом и полужидкой массой, перерос в просторное поле валунов, в основном изверженных пород из ближайших кратеров или обломков поистине масштабного гравитационного перемещения. Крупные, зубчатые и неровные ниши в утесах казались Энн разрывами, из которых вырастут побочные каньоны, образованные осадкой поверхности, но ей некогда было особо к ним присматриваться. Часто ей казалось, что валуны вот-вот полностью преградят им путь, что после всех этих дней и километров, после преодоления

большей части системы Маринер в самый разгар крупнейшего стихийного бедствия, их остановит ужасный прибой, который хлынет на дорогу.

Но они все же находили путь, а потом останавливались, находили и останавливались — и так проходили дни за днями. Они сократили порции еды вдвое. Энн сидела за рулем больше, чем кто-либо, потому что была свежее остальных на вид, да и вообще была лучшим водителем из всех, не считая Мишеля. К тому же она чувствовала, что находилась в долгу перед ними после своего постыдного упадка, длившегося бóльшую часть путешествия. Она хотела делать все, что могла, и когда она не вела машину, то выходила разведывать путь. Снаружи было все так же ошеломляюще громко, и земля дрожала под ногами. К этому невозможно было привыкнуть, хотя она старалась изо всех сил не обращать на шум внимания. Солнечный свет продирался сквозь мглу широкими бледными вспышками, и в закатный час в небе появлялись гало и вокруг тусклого солнца проявлялись кольца света; все небо не раз как будто полыхало огнем — точно апокалипсис с полотен Уильяма Тёрнера[89].

---

[89] Примечания: 89

Уильям Тёрнер (1775–1851) — британский художник, мастер романтического пейзажа.

Довольно скоро Энн выбилась из сил, и работа стала для нее изнуряющей. Теперь она поняла, почему ее товарищи были такими уставшими, почему уделяли так мало внимания ей и друг другу. Мишель не смог обнаружить последние три тайника, мимо которых они проезжали, — их либо засыпало, либо затопило, неважно. Половинные порции составляли 1 200 калорий в день, что было гораздо меньше, чем они расходовали. Недостаток еды, недостаток сна — и наконец, по крайней мере для Энн, — все та же старая депрессия, настырная, как смерть, поднимающаяся в ней, как наводнение, как черная жижа из грязи, пара, льда и дерьма. Она упрямо продолжала работать, но ее внимание то и дело выключалось, и ее снова окутывали бессмысленные звуки, и все смывалось белым шумом отчаяния.

Путь становился все труднее. Был день, когда они проехали всего один километр. На следующий почти совсем остановились — валуны выстраивались поперек уступа, точно противотанковые препятствия на линии Мажино[90] Большого человека. Как заметил Сакс, это была идеальная фрактальная равнина, имевшая

[90] Примечания: 90

400-километровая система укреплений, построенная Францией на границе с Германией в межвоенный период.

примерно 2,7 измерения. Никто не стал ему отвечать.

Касэй, который шел пешком, обнаружил проход у самого края наводнения. На какое-то время вся видимая часть потопа застыла, и это длилось уже последние два дня. Она простиралась до самого горизонта, точно беспорядочная поверхность Северного Ледовитого океана на Земле, только гораздо грязнее — огромная смесь черных, красных и белых комков. Лед неподалеку от берега был плоским и нередко — даже прозрачным. Они могли, глядя сквозь него, увидеть, что глубина там составляла всего пару метров и все затвердело до самого дна. И они поехали вдоль этого ледяного берега, а когда камни вынудили их, Энн заехала прямо на лед сначала левыми колесами, а затем и всем марсоходом — тот выдерживал их не хуже любой другой поверхности. Надя и Майя пренебрежительно хмыкнули в ответ на встревоженные взгляды всех остальных.

— В Сибири мы зимой всегда по рекам ездили, — сказала Надя. — Лучше их дорог у нас не было.

И Энн целый день вела машину то по рваной кромке наводнения, то по его поверхности, и они преодолели 160 километров — это был лучший

итог за последние две недели.

Ближе к закату пошел снег. Из Копрата вылетал западный ветер, и пылевидные комья снега проносились вместе с ним так, будто путешественники стояли на месте. Они въехали к свежим заносам на льду. По всему льду были разбросаны крупные валуны, отчего место походило на брошенный жилой квартал. Свет здесь был тускло-серым. Чтобы проехать сквозь эти дебри, им требовался пеший проводник, и после вялого совещания Фрэнк вызвался на эту роль и вышел наружу. На тот момент он оставался единственным, у кого имелись хоть какие-то силы, — даже больше, чем у молодого Касэя; Фрэнк все еще пылал яростью, и этот жар не собирался спадать никогда.

Он медленно шел впереди машины, проверял пути и возвращался, качал Энн головой или махал рукой. Вокруг него к падающему снегу поднимались редкие завесы морозного пара, и, смешиваясь, они возвращались с порывами стремительного вечернего ветра, дувшего в темноте. Наблюдая за шквалом, Энн не заметила места, где лед соприкасался с землей, и марсоход взобрался на круглый камень прямо на замерзшей береговой линии так, что левое заднее колесо осталось

свободно свисать. Энн изо всех сил напирала, чтобы передние колеса двинулись вперед и скатили их с камня, но они зарылись в смесь песка и снега. Оба задние колеса теперь едва касались земли, а передние уходили все глубже в ямы, которые сами себе устраивали. Путешественники застряли.

Это уже не раз случалось и прежде, но сейчас она была обозлена на саму себя за то, что отвлеклась на небо, которое даже не имело никакого отношения к делу.

— Что вы, черт возьми, творите? — крикнул Фрэнк по внутренней связи. Энн подскочила в кресле — ей никогда не удавалось привыкнуть к его резким вспышкам гнева. — Давайте проезжайте! — добавил он.

— Я наехала на камень, — ответила она.

— Да чтоб тебя! Неужели нельзя было смотреть, куда едешь? Так, погоди, останови колеса! Я сейчас положу подкладки под передние колеса и сдвину вас рычагом, а вы слезайте с камня и поднимайтесь по склону так быстро, как сможете, ясно? А то уже новая волна собирается!

— Фрэнк! — воскликнула Майя. — Забирайся внутрь!

— Как только разберусь с этими чертовыми подкладками! Будьте готовы ехать!

Подкладки представляли собой полосы шипастой металлической сетки, которые устанавливались под колеса, зарывшиеся в песок, а затем разматывались так, чтобы колесам было с чем сцепиться. Старинный способ, который применялся еще в пустынях, и Фрэнк повозился перед марсоходом, сыпля проклятия себе под нос и бросая указания Энн, которая следовала им, сцепив зубы и чувствуя тяжесть в желудке.

— Так, давай! — крикнул Фрэнк. — Поезжай!

— Сначала залезай внутрь! — воскликнула Энн.

— Нет времени, проезжай! Я ухвачусь за машину сбоку, проезжай, черт тебя дери!

И Энн мягко прибавила ускорения передним колесам, почувствовала, как они, сцепившись, кое-как сдвинули машину на камне, и задние колеса снова коснулись земли, после чего они спокойно съехали и были свободны. Но рев наводнения позади резко усилился, и вслед за машиной полетели ледяные глыбы, издававшие отвратительный треск, после чего лед накрыло темной волной испаряющейся пузырящейся жижи — волны, застлавшей окна машины. Энн вдавила педаль в пол и мертвой хваткой вцепилась в руль, который норовил выскочить у нее из

рук. Сквозь грохот удара волны она расслышала крик Фрэнка:

— Проезжай, дура, проезжай!

И их сильно стукнуло, после чего машину вывернуло влево и она потеряла управление. Энн навалилась на руль, но ее отбрасывало из стороны в сторону. Ее левое ухо пронзило болью — она обо что-то ударилась. Держась за руль, она продолжала вдавливать в пол педаль акселератора. Колеса с чем-то сцепились, и они покатились сквозь воду — она плескалась с обеих сторон и сбоку по машине что-то стучало.

— Проезжай!

Не отпуская педаль, она повернула в гору, трясясь в водительском сиденье. В окнах и на экранах телевизоров разливалось безумие. Затем вода вокруг машины спала, и в окнах снова прояснилось. Фары осветили каменистую землю, падающий снег и голую ровную поверхность впереди. Энн, не отпуская педаль, гнала изо всех сил, а жижа все еще грохотала позади них. Когда добрались до равнины, ей пришлось помогать себе руками, чтобы убрать ногу с педали. Машина остановилась. Они оказались выше уровня наводнения, на узкой террасе. Прилив, судя по всему, отступал. Фрэнка Чалмерса нигде не было.

Майя настаивала на том, чтобы вернуться и поискать его, и, поскольку все указывало на то, что первый прилив был самым сильным, они так и поступили, но это ничего не принесло. Их фары в сумерках прорезали снегопад на пятьдесят метров двумя пересекающимися конусами, а вокруг был только мрак, они видели лишь неровную поверхность бурлящей массы, разливающееся море всевозможных обломков, среди которых не было ни малейшего намека на привычную форму, — более того, казалось, что во всем этом мире таких форм не существует. Выжить в таком безумии было невозможно. Фрэнка не было — он либо сорвался с машины, когда ее трясло во все стороны, либо его смыло быстрой и, вероятно, смертельной волной.

Его последние выкрики как будто захлебывались в помехах внутренней связи, в реве стихии. Его последнее проклятие, словно в наказание, звенело у Энн в ушах: «Проезжай, дура, проезжай!» Это была ее вина, целиком ее вина…

Майя всхлипывала, захлебываясь в рыданиях, сгибаясь поперек, будто в судорогах.

— Нет! — плакала она. — Фрэнк, Фрэнк! Мы должны поискать его!

А потом рыдала так, что не могла говорить.

Сакс порылся в аптечке и склонился над ней.

— Вот, Майя, прими успокоительное. — Открутив крышку баночки, он высыпал себе в руку несколько таблеток.

— Нет! — завопила она. — Это *мои* чувства, это *мои* мужчины, думаешь, я такая трусиха, думаешь, хочу стать зомби, как *ты*?

Она обессиленно рухнула, не давая себе отчета в своих словах, сотрясаясь от всхлипов. Сакс стоял над ней и щурился, ошеломленный взгляд исказил его лицо; Энн почувствовала, что этот взгляд задел и ее.

— Пожалуйста, — сказала она. — Прошу, пожалуйста!

Она встала с водительского сиденья, подошла к ним и взяла Сакса за руку. Нагнулась, чтобы помочь Наде и Саймону поднять Майю с пола и перенести в кровать. Та уже немного успокоилась, от всего отрешившись, глаза раскраснелись, из носа текло, одна рука намертво вцепилась в запястье Нади, она была погружена в свою скорбь. Надя взглянула на нее беспристрастным врачебным взглядом, по-своему отстраненным, и пробормотала что-то по-русски.

— Майя, прости, — сказала Энн. Горло саднило, говорить было трудно. — Это моя вина. Прости.

Майя покачала головой:

— Это был несчастный случай.

Энн не смогла заставить себя признаться вслух, что отвлеклась от дороги. Слова застряли у нее в горле, но Майю охватил очередной приступ рыданий, и шанс что-то сказать пропал.

Мишель и Касэй заняли водительские сиденья и снова повели марсоход по уступу.

На востоке, недалеко от того места, стенка южного каньона наконец исчезала в окружающей его равнине, и они могли ехать вдали от стихии, которая, в свою очередь, устремлялась по Ио на север, чтобы соединиться там с той толщей, что двигалась по каньону Капри. Мишель набрел на тропу тайной колонии, но снова ее потерял, так как многие метки были засыпаны снегом. Весь день он искал тайник, который, как он считал, находился где-то поблизости, но ничего не вышло. И вместо того, чтобы терять время еще больше, дальше они решили ехать на полной скорости, взяв курс на северо-восток, где скрывалось убежище, до которого они так долго пытались добраться и которое, как сказал Мишель, находилось в неровной местности слегка к югу от хаоса Золотой Рог.

Это больше не главная наша колония, — объ-

яснил он всем. — туда мы ушли сначала, когда покинули Андерхилл. Но Хироко хотела перебраться южнее, и так мы и сделали через несколько лет. Она говорила, что ей не нравилось это убежище из-за того, что Золотой Рог был низиной и когда-нибудь мог превратиться в озеро. Мне это казалось безумием, но сейчас я вижу, что она была права. Может даже, в Золотом Роге образуется окончательный бассейн после этого наводнения, не знаю. Но убежище находится выше, чем мы сейчас, так что с ним все нормально. Возможно, там никого не окажется, зато в нем будут припасы. Да и выбирать не приходится, верно?

Ни у кого не осталось сил ответить ему.

На второй день тяжелого пути наводнение на северном горизонте исчезло. А вскоре пропал и грохот. Земля, занесенная метровым слоем грязного снега, уже не дрожала под ногами; мир словно умер, странно затих и смолк, окутанный белизной. Когда не шел снег, небо было подернуто дымкой, но, по их мнению, оставалось достаточно прозрачным, чтобы их можно было заметить сверху, поэтому днем они прекращали путь. И передвигались по ночам с выключенными фарами по снежным ландшафтам, бледно сиявшим

в свете звезд.

За рулем в эти ночи сидела Энн. Она никому не сказала о своей невнимательности, которую допустила в тот день. И ни разу уже не подходила так близко к тому, чтобы сказать, — лишь следила за дорогой с безрассудной сосредоточенностью, до крови искусав себе губы, позабыв обо всем, что находилось вне конусов света, простиравшихся перед ней. Чаще всего она рулила всю ночь, забывая разбудить следующего на очереди водителя либо не делая этого намеренно. Фрэнк Чалмерс был мертв, и вина в этом лежала на ней; она безумно желала бы отмотать время назад и все изменить, но это невозможно. Некоторые ошибки не исправляются никогда. Белизну пейзажа нарушали бесконечные россыпи камней, каждый из которых накрывала отдельная снежная шапка, и этот крапчатый ландшафт был таким пестрым, что его трудно было воспринимать на глаз — ей то казалось, что они вонзаются под землю, то будто парят в пяти метрах над ней. Белый мир. В одни ночи она думала, что ведет катафалк прямо по мертвому телу планеты. Сзади сидели вдовы Надя и Майя. И теперь она знала, что Питера тоже не было в живых.

Два раза ей чудилось, будто Фрэнк обращался к

ней по внутренней связи — в первый раз просил вернуться и помочь ему, в другой кричал: «Проезжай, дура, проезжай!»

Майя держалась хорошо. Она была сильна духом, несмотря на все свои причуды. Надя, которую Энн, напротив, привыкла считать сильной духом, почти все время молчала. Сакс работал, уставившись в экран. Мишель пытался разговорить своих старых друзей, но с грустью сдавался, когда становилось понятно, что никто из них не хочет ему отвечать. Саймон следил за Энн, как всегда, с тревогой, с нестерпимой заботой, но она не могла этого выносить и избегала его взглядов. Несчастный Касэй, должно быть, чувствовал себя так, будто попал в лечебницу для сбрендивших стариков, и эта мысль даже казалась Энн забавной — только теперь его дух как будто был сломлен; она не знала почему — может, от усталости, может, от того, что вероятность их гибели постоянно возрастала, может, просто от голода; этого нельзя было сказать наверняка. Молодежь была странной. Но он напоминал ей о Питере, и она не смотрела на него тоже.

От снега каждая ночь светилась и мерцала. В конце концов все должно было растаять, создав новые русла рек и унеся с собой ее Марс. Того

Марса больше не было. Мишель сидел рядом с ней во время второй ночной смены и всматривался в дорогу.

— Мы заблудились? — спросила Майя перед самым рассветом.

— Нет, вовсе нет. Просто… мы оставляем следы на снегу. Не знаю, сколько они продержатся и как хорошо их видно, но если… Ну, в общем, если они будут долго оставаться, я хочу бросить машину и остаток пути пройти пешком. Но прежде чем мы это сделаем, я хочу быть совершенно уверен, где мы находимся. У нас есть несколько продолговатых камней и дольменов, которые нам об этом скажут, но мне нужно найти хотя бы один. Они должны появиться на горизонте. Валуны, которые будут повыше остальных, или колонны.

— Разглядеть их будет проще днем, — заметил Саймон.

— Верно. Завтра мы осмотримся, и это должно помочь — мы как раз будем в области, где они стоят. Они как раз рассчитаны на то, чтобы помочь таким заблудившимся, как мы. Все будет хорошо.

Кроме того, что их друзья погибли. Что погиб ее единственный ребенок. И что мир был разрушен. Лежа днем у окна, Энн пыталась представить

жизнь в тайном убежище. Многие и многие годы под землей. Проезжай, дура, проезжай! Чтоб тебя!

На рассвете Касэй издал восторженный клич: на северном горизонте возвышалась троица продолговатых камней. Два столба с перемычкой, точно фрагмент Стоунхенджа.

— Дом в той стороне, — сообщил Касэй.

Однако следовало выждать день. Мишель теперь был предельно осторожен: чтобы их не заметили со спутников, он хотел продолжить путь только ночью. Они решили немного поспать.

Энн уснуть не могла — ее возбуждал новый замысел. Когда все отключились и Мишель счастливо похрапывал — все спали одновременно впервые за последние часов пятьдесят, — она натянула прогулочник и на цыпочках прошла к шлюзу. Оглянулась и посмотрела на них — голодная, потрепанная компания. Надя лежала, вытянув свою изувеченную руку. Выбираясь через шлюз, Энн не могла не поднять некоторого шума, но все давно привыкли спать при шуме, а жужжание и щелчки системы жизнеобеспечения частично заглушили звуки ее ухода. Она вышла, никого не разбудив.

Снаружи стоял дикий холод. Содрогнувшись,

она двинулась на запад, ступая по колее, оставленной марсоходом, так что за ней нельзя было проследить. Сквозь мглу прорезался солнечный свет. Опять шел снег, окрашиваясь розовым в лучах солнца. Она пробиралась вперед, пока не оказалась на невысоком гребне друмлина, чей крутой склон был свободен от снега. Здесь надо спуститься по голой скале, не оставив за собой следов. Это она и стала делать, пока не устала. Ей было по-настоящему холодно, снег падал под прямым углом мелкими хлопьями, по-видимому, слипшимися с частицами песка. У подножия друмлина лежал крупный невысокий валун. Она выключила нагревательный элемент своего прогулочника и залепила мерцающий световой сигнал у себя на запястье комком снега.

Становилось еще холоднее. Небо стало густо-серым со слабым оттенком розового. И из его розоватой гущи ей на забрало падал снег.

Едва Энн перестала дрожать и приспособилась к холоду, как по ее скафандру крепко ударили ботинком и подняли ее на колени. В голове у нее звенело. Некая фигура в костюме настойчиво постучала ей в забрало. Затем сильные, как тиски, руки сжали ее плечи и бросили на землю.

— Эй, — слабо проговорила она.

Ее снова взяли за плечи и подняли на ноги, после чего отвели назад левую руку и завернули высоко за спину. Ее обидчик повозился с ее наручной панелью, а потом больно толкнул вперед, по-прежнему не опуская ее руку. Она не могла даже упасть, не сломав ее. И чувствовала, как ромбовидный узор нагревательного элемента ее костюма начал раскаляться на коже, прожигая ее. Через каждые несколько шагов она получала крепкие удары по шлему.

Ее отвели обратно к их же марсоходу, несказанно ее этим удивив. Запихнув ее в шлюз, фигура последовала за ней, закрыла камеру и закачала воздух, сорвала гермошлем с нее, потом с себя, и, к своему крайнему изумлению, она увидела, что это был Саймон. Побагровев, он кричал на нее, продолжал бить, и его лицо было мокрым от слез, — это был ее Саймон, тихий и спокойный, но теперь он кричал на нее:

— Почему? Почему? Черт тебя подери, ты *всегда* такая, всегда только ты, ты, ты, сама в своем собственном мире, ты такая *эгоистичная*!

Под конец его голос перерос в неприятный вопль — ее Саймон, который никогда не повышал голос, никогда не произносил больше одного слова, никогда не бил ее и не кричал ей в лицо,

теперь буквально брызгал слюной и задыхался от гнева; и вдруг все это ее взбесило. Почему только сейчас? Почему не тогда, когда ей нужен был кто-то, в ком чувствовалось бы биение жизни? Почему нужно было дойти до самого страшного, чтобы расшевелить его? Она с силой ударила его в грудь, и он отшатнулся.

— Отстань от меня! — крикнула она. — Оставь меня в покое! — А потом по ее телу пробежала мучительная боль, леденящая дрожь марсианского холода. — *Почему ты не оставил меня в покое?*

Он восстановил равновесие, рванулся вперед и, ухватив ее за плечи, затряс. Она никогда и не замечала, какие у него сильные руки.

— *Потому что!* — закричал он, ее обычно сдержанный Саймон, и сделал паузу, чтобы облизать губы и перевести дух. — Потому что!

Его глаза вылезали из орбит, а лицо стало еще темнее, словно у него в горле разом застряли тысячи фраз, — и, передумав их произносить, он взревел и снова затряс ее, выкрикивая:

— *Потому что! Потому что! Потому что!*

Падал снег. Несмотря на раннее утро, было еще сумрачно. Ветер хлестал по всему хаосу, кружа снежную пыль над побитой землей. Валуны, огромные, как целые городские кварталы, валя-

лись, сваленные в кучу, тогда как ландшафт был расколот на миллионы мелких утесов, пещер, останцев, хребтов и пиков — а также множество причудливых выступов, башен и балансирующих глыб, которые удержались лишь по воле коми. Все крутые или вертикальные продолговатые камни на этой хаотической земле до сих пор оставались черными, тогда как более плоские участки уже побелели от снега, и пейзаж пестрел в белых и черных красках, и все кружилось в порывах ветра.

Затем снегопад прекратился. Смолк ветер. Черные вертикали и белые горизонтали придавали миру необычную для него резкость. Облака не отбрасывали теней, а ландшафт сверкал так что свет разливался сквозь снег на нижнюю часть темных облаков. Все выглядело резко очерченным и ясным, словно было выставлено в стекле.

Над горизонтом показались движущиеся фигуры. Они выходили одна за другой, выстроившись в неровную линию из семи человек. Они шли медленно, опустив плечи и склонив вперед гермошлемы. Шли они так словно им было все равно, куда идти. Двое, кто шел впереди, время от времени поднимали взгляд, но ни разу не остановились, ни разу не указали путь остальным.

Западные облака сверкали перламутром — как единственный знак того, что тусклое солнце уже опускалось к горизонту. Фигуры взошли на длинный гребень, выступавший над побитым ландшафтом. С верхних склонов гребня простирался вид во всех направлениях.

На то, чтобы взобраться сюда, им понадобилось немало времени. Наконец они приблизились к вершине, представлявшей собой каменный выступ в месте, где гребень начинал снова понижаться. Там выступ принимал причудливый вид: крупный валун, плоский снизу, возвышался высоко над землей, балансируя на шести тонких каменных колоннах.

Всемером они подошли к этому мегалиту. Встали рядом и некоторое время рассматривали его под темными, налившимися облаками. Затем шагнули вперед и оказались под валуном. Он висел довольно высоко над ними, точно массивная крыша. Под ногами у них был круглый плоский пол, сделанный из полированного камня.

Одна из фигур приблизилась к дальней колонне и дотронулась до нее пальцем. Остальные смотрели на неподвижный заснеженный хаос. В полу открылся люк. Фигуры подошли к нему и одна за другой спустились внутрь гребня.

Когда все вошли, шесть тонких колонн начали погружаться в землю, вместе с огромным дольменом, что держался над ними, пока колонны не исчезли и большой камень не оказался лежащим на поверхности гребня, снова приняв свой первозданный вид. Солнце за облаками село, и свет покинул пустую землю.

≈ * ≈

Майя была движущей силой их компании, это она убедила их пойти на юг. Убежище под дольменом оказалось ровно таким, как они ожидали: это была серия небольших пещер внутри гребня, где хранились аварийные запасы продовольствия и воздуха — и ничего больше. Спустя несколько дней, за которые они отдохнули, отоспались и отъелись, Майя начала выражать свое недовольство. Это была не жизнь, говорила она, это слишком походило на смерть; куда девались все остальные? Где Хироко? Мишель и Касэй в который раз объясняли, что она была на юге, что она переселилась туда давным-давно. «Хорошо, — отвечала Майя, — так давайте туда и пойдем». В гараже их убежища были еще марсоходы, замаскированные под валуны, и она говорила, что можно выйти караваном ночью, и, даже когда они выберутся из каньонов, они будут в безопасности. Все равно убежище уже не могло себя обес-

печить — его запасы были велики, но ограниченны, так что рано или поздно они должны были его покинуть. Лучше всего выйти пока пылевая буря еще служила им прикрытием.

Таким образам она побудила свою маленькую усталую группу к действию. Они загрузили две машины и снова двинулись в путь — на юг через великие бугристые равнины Жемчужного залива. Имея куда бóльшую свободу, чем в долинах Маринер, они преодолевали сотни километров за ночь и спали днем. За несколько дней молчаливого путешествия они проехали весь путь от Аргира до Эллады, по краю нескончаемых кратеров среди южных гор. Им начинало чудиться, что они занимались этим всегда — ехали вперед в своих маленьких машинках. Им стало казаться, что путешествие их будет длиться вечно.

Но затем в одну ночь они выехали на напластованную землю в полярном регионе, где к рассвету горизонт впереди сначала светился, потом превратился в тусклую белую полосу, которая стано-

вилась все толще и толще по мере того, как они двигались к ней, — и, наконец, превратилась в белый утес, возвышавшийся у них на пути. Очевидно, это была южная полярная шапка. Мишель и Касэй, сидящие в водительских креслах, тихо переговорили по внутренней связи. Затем поехали дальше, пока не достигли утеса, после чего продолжили движение прямо к нему, пока не оказались на льду, под которым был слой замерзшего, покрытого коркой песка. Утес представлял собой огромный нависающий выступ, напоминавший волну, которая остановилась за мгновение до того, как обрушиться на пляж. У его подножия во льду открылся проход, где возник человек в прогулочнике, — он принялся направлять их марсоходы прямо в этот проход.

Туннель вел их по прямой не меньше километра. Он был достаточно широк для двух или трех марсоходов и имел низкий потолок Все вокруг было чисто-белым, сухой лед лишь слегка расслаивался. Они миновали два шлюза, а перед третьим Мишель и Касэй остановили марсоходы,

открыли двери и выбрались из машин. Майя Надя Сакс, Саймон и Энн последовали за ними. Прошли через шлюз и продолжили путь по туннелю пешком, не говоря ни слова. Затем туннель развернулся перед ними, и они замерли, обездвиженные видом, который предстал их глазам.

Сверху возник громадный купол из сверкающего белого льда. Они стояли под ним, словно под гигантской перевернутой чашей. Диаметр купола составлял несколько километров, а высота — не меньше километра, а то и больше; по всему периметру он возвышался почти вертикально вверх, а в центре был мягко вогнут. Свет хоть и рассеивался, но был насыщенным, как облачным днем, и казалось, исходил от самого сверкающего белого купола.

Под куполом лежал красноватый песок в низинах прорастала трава, кое-где высился бамбук и искривленные сосны. Справа находилось несколько маленьких насыпей, среди них раскинулась небольшая деревня. Здесь одно- и двухэтажные

домики, выкрашенные в белый и голубой цвета, перемежались с крупными деревьями, за толстыми ветвями которых проглядывали бамбуковые домики и лестницы.

Мишель и Касэй двинулись в сторону деревни, а женщина, которая направляла их машины в туннель, бежала впереди и кричала:

— Они здесь! Они здесь!

Под другим концам купола находилось озеро, от его белой блестящей поверхности поднимался легкий пар, а о берег разбивались волны. На дальнем берегу возвышался корпус реактора, отражавшийся голубым пятном на белой воде. Порывы студеного влажного ветра свистели у них в ушах.

Мишель вернулся и приободрил своих старых друзей, застывших как статуи.

— Пойдемте, здесь снаружи холодно, — произнес он с улыбкой. — Купол покрыт слоем водного льда, поэтому воздух под ним должен быть все время морозным.

Деревню заполонили люди, они что-то выкрикивали. Вдоль озера к ним бежал

молодой человек, преодолевая дюны огромными прыжками. Даже спустя все эти годы такой парящий марсианский бег казался первой сотне сказочным, и поэтому Саймон не сразу схватил Энн за руку и закричал:

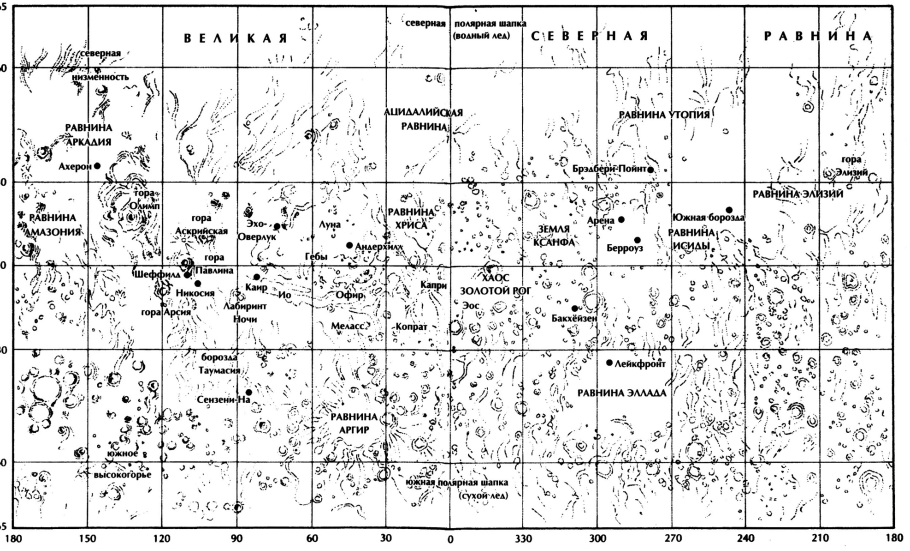
— Это Питер! Это Питер!

— Питер, — вымолвила она.

Вскоре их окружила толпа — молодежь, дети, незнакомцы, но тут и там на первый план пробирались знакомые лица: Хироко, Ивао, Рауль, Риа, Джин, Питер, обнимающий Энн и Саймона, а еще — Влад, Урсула, Марина и несколько человек из ахеронской группы; все сгрудились вокруг и пытались дотянуться до них.

— Что это за место? — кричала Майя.

— Это дом, — ответила Хироко. — Здесь все начинается заново.


ВЕЛИКАЯ
северная
низменность
РАВНИНА АРКАДИЯ
Ахерон
тора Олимп
РАВНИНА АМАЗОНИЯ
гора Аскрийская
гора Павлина
Шеффилд
Никосия
гора Арсия
Эхо-Овервлук
Ио
Кавр
Лабиринт Ночи
борозда Таумасия
Сензени-На
южное нагорье
Луна
Гебы
Андерхилл
северная полярная шапка (водный лед)
АЦИДАЛИЙСКАЯ РАВНИНА
РАВНИНА ХРИСА
Офир
Меласс
Капри
Копрат
СЕВЕРНАЯ
ХАОС ЗОЛОТОЙ РОГ
Эос
РАВНИНА АРГИР
южная полярная шапка (сухой лед)
ЗЕМЛЯ КСАНФА
Брэдбери-Пойнт
РАВНИНА УТОПИЯ
Арена
Берроуз
Баххейзен
Лейкфройт
РАВНИНА ЭЛЛАДА
РАВНИНА
гора Элизий
РАВНИНА ЭЛИЗИЙ
Южная борозда
РАВНИНА ИСИДЫ
65
60
30
0
-30
-60
-65
180
150
120
90
60
30
0
330
300
270
240
210
180

Благодарности

Выражаю благодарность Лу Аронике, Грегори Бенфорду, Адаму Бриджу, Майклу Карру, Роберту Крэддоку, Брюсу Фаусту, Биллу Фишеру, Гэлу Хэндли, Дженнифер Херши, Сесилии Холланд, Фредрику Джеймисону, Джейн Джонсон, Дэймону Найту, Стиву Макдоу, Бет Мичем, Тому Мейеру, Лизе Ноуэлл, Джеймсу Эдварду Обергу, Донне Ширли, Ральфу Вицинанце и Джону Б. Уэсту.

Особая благодарность Чарлзу Шеффилду.

Отзывы о книге

Трилогия Робинсона о Марсе — это современная классика, завоевавшая самые престижные премии: «Хьюго», «Небьюла», «Локус», а также Премию Британской ассоциации научной фантастики.

В 2017 году состоится премьера одноименного сериала от режиссера Грега Яйтанса («Герой», «Остаться в живых»).

«Красный марс» — это захватывающий роман, который предлагает вызывающий, убедительный взгляд на весьма вероятный сценарий колонизации Марса…

Джентри Ли, Руководитель планирования полета аппарата «Викинг» на Марс

Великолепные персонажи в блестяще воплощенном и предельно убедительном мире! Завораживающая мозаика из науки и политики, любви и предательства, выживания и открытий, убийств и революций.

Kirkus Reviews

Роскошная книга! Научные обоснования в высшей степени убедительны, а когда история подходит к своей кульминации, создается такое ощущение времени и разворачивающихся событий, какое редко можно встретить в мировой литературе.

Пол Андерсон